В.М. Лейбин

ПСИХОАНАЛИЗ

УЧЕБНИК

4-е издание, исправленное и улучшенное

М И А

Медицинское информационное агентство
Москва
2025

УДК 159.964.2
ББК 88.1стд1-736
Л42

Лейбин, В.М.
Л42 Психоанализ : учебник. — 4-е изд., испр. и улучш. — Москва : ООО «Издательство «Медицинское информационное агентство», 2025. — 570 с.

ISBN 978-5-9986-0549-9

В 4-м, исправленном и улучшенном, издании учебника известного российского психоаналитика, работы которого изданы на десяти языках, Валерия Моисеевича Лейбина проведен исторический экскурс к истокам развития психоанализа, рассмотрены представления и основные понятия в психоанализе. Автор подробно останавливается на психоаналитическом учении о бессознательном, знакомит читателя с толкованием сновидений, уделяет внимание вопросам сексуальной жизни человека, страхам, структуре психики. В книге раскрывается смысл и этиология неврозов, описаны техники лечения и цели терапии психических расстройств, детально анализируются такие психотерапевтические феномены как перенос, контрперенос, а также виды сопротивлений и способы их проработки.

Учебник сопровождается иллюстративным материалом и ценными примерами из клинической практики.

Для преподавателей, аспирантов и студентов факультетов психоанализа, психологии, философии, социологии, педагогики, психологов, психотерапевтов, а также для всех тех, кто интересуется проблемами человека и культуры.

УДК 159.964.2
ББК 88.1стд1-736

В оформлении обложки использован фрагмент картины Г. Климта «Портрет Адели Блох-Бауэр I».

ISBN 978-5-9986-0549-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 2
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

За последние годы произошли существенные изменения как в мире, так и в рамках психоанализа. Пандемия внесла поправки в жизнь людей, заставляя их изолироваться от толпы и работать дома. Международная обстановка сопровождается войнами, принося гибель многих тысяч людей. Научно-технический прогресс достиг того, что вычислительная техника все активнее влияет на жизнь людей, сказываясь не только в быту, в профессиональной деятельности, но и в сфере образования, когда можно слушать лекции и обучаться онлайн. Многие международные конференции, включая психоаналитические, проходят на платформе Zoom, когда психоаналитики из различных стран делятся своим опытом и знаниями.

В период пандемии часть людей страдали от одиночества, не зная, что делать. Мне же, напротив, свободное время, когда я переехал из Москвы на дачу, предоставило возможность заняться домашними архивами, собранными в 70–80-х годах прошлого века в различных библиотеках, и подготовить рукописи для публикации нескольких книг. Так, за эти годы вышли книги «Индивидуальная психология А. Адлера» (М., 2020, 150 с.), «Умные мысли и анекдоты, собранные Валерием Лейбиным» (М., 2021, 320 с.), «80 лет: жизнь продолжается» (М., 2021, 522 с.), «Забытые психоаналитические труды: Г. Малис, А. Гербстман, М.В. Вульф, Я.М. Коган, И.А. Перепель / сост., предисл., биогр. справки В. Лейбина (М., 2021, 258 с.), «Закономерзости бессознательного» (М., 2022, 268 с.).

Как говорилось в книге «Умные мысли и анекдоты»:

Шутки, смех для индивида —
Вот спасенье от ковида.

В 2023 году мною были опубликованы книги «Аналитическая психология К.Г. Юнга» (М., 164 с.) и «Русскость Фрейда» (М., 238 с.).

Что касается изменений в психоанализе, то они, действительно происходят в последнее время. Так, многие зарубежные психоаналитики говорят о «кризисе психо-

анализа». Правда, уже в конце 70-х годов прошлого столетия Э. Фромм указывал на то, что происходит своеобразный «кризис психоанализа», когда радикальная теория и практика классического психоанализа З. Фрейда превратились в конформистскую доктрину, служащую запросам потребительского общества. Но вот сегодня, по мнению некоторых зарубежных ученых, «кризис психоанализа» связан с тем, что Международная психоаналитическая ассоциация стала догматической, не отвечающей требованиям современности, обусловленным изменением программы обучения будущих психоаналитиков и практикой психоанализа через онлайн.

Надо сказать, что в последние годы в России интерес к психоанализу возрос среди медиков, психологов, философов. Часть специалистов в других областях знания и практики (юристы, экономисты, финансисты, педагоги) хотят изменить свою профессию и получить образование, связанное с психоанализом и психоаналитической терапией. Так, в Московском институте психоанализа, где я читаю годичный курс лекций «История и теория психоанализа. Классический психоанализ» по программе профессиональной переподготовки «Психоанализ, психоаналитическая психотерапия и психоаналитическое консультирование», обычно набираются до 30–35 взрослых студентов на очное отделение. Но в последние два года, когда стала возможной форма обучения очно-заочная с применением дистанционных образовательных технологий, число студентов достигло 130–140 человек. Причем на дистанционное обучение поступают люди не только из различных регионов России, но и из других стран мира, включая Белоруссию, Израиль, Финляндию, Италию.

И хотя в процесс обучения входят новые курсы, связанные с различными школами, будь то объектные отношения, микропсихоанализ, нейропсихоанализ, тем не менее классический психоанализ является основой для того, чтобы стать полноценным психоаналитиком и психоаналитическим терапевтом. Вот почему четвертое издание учебного пособия «Психоанализ» становится необходимым и важным для тех, кто так или иначе хочет менять свою профессию. Тем более что, по свидетельству одной студентки, выразившей мне благодарность за книги и лекции, по моим «книгам учатся студенты психологических направлений разных модальностей во многих учебных заведениях нашей страны» и что мои лекции «дают возможность мыслить шире и открывают новые горизонты выборов через получение новых знаний и возможностей их применения в разных сферах жизни».

Надеюсь, что четвертое издание учебного пособия «Психоанализ» окажется полезным для тех, кто хочет изменить сферу профессиональной деятельности или разобраться во внутренних конфликтах и в личной жизни, используя психоаналитические знания и навыки в области бессознательного.

Валерий Лейбин,
январь 2024 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Прошло десять лет после выхода в свет второго издания учебного пособия «Психоанализ». За это время выпустились студенты различных институтов, осуществляющих образовательные программы в области психоанализа и психоаналитической терапии. Слушатели этих программ обретали необходимые знания посредством лекций, вебинаров, учебников и учебных пособий, в которых рассматривались психоаналитические идеи. Многие из выпускников, в том числе Московского института психоанализа, где я преподаю курс «История и теория психоанализа», с благодарностью отзываются о данном учебном пособии, поскольку, по их словам, оно написано простым, ясным языком.

Курс «История и теория психоанализа» предполагает изучение классического психоанализа и тех школ и течений, которые возникли после жизни З. Фрейда. Для изучения постклассического психоанализа мною были опубликованы такие книги, как «Постклассический психоанализ. Энциклопедия» (М., 2006. Т. 1, 472 с.; Т. 2, 568 с.) и «Постклассический психоанализ: энциклопедия» (М., 2009, 1022 с.). Для изучения классического психоанализа как раз и предназначено учебное пособие «Психоанализ», в котором освещены все основные идеи, теории и разработки, принадлежащие З. Фрейду.

Дополнением к данным изданиям служат опубликованные книги автора «Словарь-справочник по психоанализу» (СПб., 2001), «Словарь-справочник по психоанализу» (М., 2009) и «Краткий психоаналитический словарь-справочник» (М., 2015).

В современных условиях, когда к психоаналитическим идеям приобщаются не только студенты-очники бакалаврского, магистровского, постдипломного уровня, но и дистантники с помощью вебинаров, необходимость в учебниках и учебных пособиях по психоанализу многократно возрастает. Это касается не только студентов, специализирующихся в области психоанализа и психоаналитической терапии, но

и всех, кто так или иначе интересуется психоаналитическим подходом к исследованию религии, культуры, нравственности, произведений художественной литературы и искусства. В предлагаемом учебном пособии эти темы также затронуты, что придает ему особую ценность.

Надеюсь, выход третьего издания данного труда окажется весьма полезным для тех, кто проявляет интерес как к клиническому психоанализу и психоаналитической терапии, так и к тому, что сегодня именуется прикладным психоанализом.

Валерий Лейбин,
Москва, 2018 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Возрождение психоанализа в России происходит столь стремительно, что, можно надеяться, в ближайшем будущем отечественные психоаналитики станут неотъемлемой частью международного психоаналитического движения.

Действительно, из года в год в России растет число членов Международной психоаналитической ассоциации. Создаются новые психоаналитические центры и институты, в которых студенты имеют возможность получать психоаналитическое образование. При лечении психических расстройств психоаналитическая терапия начинает занимать важное место наряду с иными видами психотерапии. Психоаналитические идеи и представления все чаще используются в различных сферах жизни российского общества, включая экономику, политику, культуру.

Словом, за последние несколько лет потребность в освоении психоаналитической теории и практики настолько возросла, что она вызывает необходимость в осуществлении новых усилий по удовлетворению запросов как молодежи, интересующейся психоаналитическим пониманием человека и культуры, так и специалистов различных уровней, стремящихся получить психоаналитическое образование. Если принять во внимание то обстоятельство, что во многих высших учебных заведениях читаются курсы лекций по введению в психоанализ, то становится очевидной необходимость в издании и переиздании учебной литературы, в доступной форме излагающей основы психоанализа.

Предлагаемое читателям учебное пособие по психоанализу представляет собой дополненный и переработанный вариант предшествующего издания, получившего благожелательные отзывы и разошедшегося тиражом пять тысяч экземпляров в течение полутора лет.

Тем, кто начнет знакомство с психоанализом по данному учебному пособию и проявит интерес к механизмам работы бессознательного, хотелось бы пожелать

дальнейшего углубленного изучения психоаналитической теории и практики, для чего потребуется обращение к оригинальной психоаналитической литературе, включая работы З. Фрейда, его последователей и современных психоаналитиков.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание читателей.

В период становления и первоначального развития психоанализа З. Фрейд мечтал о том, что со временем личный анализ станет насущной необходимостью не только для пациентов, страдающих психическими расстройствами, но и для любого образованного человека, желающего разобраться в своих бессознательных влечениях, внутренних конфликтах, личностных проблемах.

Полагаю, что такое время действительно настало. И если после ознакомления с данным учебным пособием у кого-то возникнет потребность не только в дальнейшем освоении психоаналитической литературы, но и в прохождении личного анализа с целью непосредственного знакомства со своим собственным бессознательным, то можно было бы рассматривать это издание не только как вполне оправданное, но и выполнившее свою сверхзадачу.

Валерий Лейбин,
февраль 2008 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Жанр учебника предполагает такое изложение материала, которое характеризуется отстраненностью его автора от чувственных переживаний и собственных ощущений, связанных с обсуждением включенных в текст тем, проблем, вопросов. Подобная авторская позиция отвечает специфике любого учебника, независимо от того, относится ли он к сфере естественно-научного или гуманитарного знания. Исключение составляет, пожалуй, лишь учебник по психоанализу. Ведь психоанализ как таковой — это не только сфера объективного знания о соответствующих идеях, концепциях, технических приемах, методах исследования и лечения, но и личный опыт самоанализа, связанный с погружением в бессознательное и выявлением того, что не может не вызывать переживания у человека, заглянувшего по ту сторону сознания. Разумеется, при подготовке учебника по психоанализу можно отказаться от субъективного изложения материала и тем самым исключить все личностное, почерпнутое из опыта общения со своим бессознательным. И тогда такой учебник может оказаться, возможно, не хуже и не лучше многих других, относящихся к различным сферам знания. Но отстраненность от самого себя при написании учебника по психоанализу является, на мой взгляд, не чем иным, как отстраненностью от психоанализа. Восприятие, понимание и изложение психоаналитических идей требуют личного соучастия в той внутренней работе души, которая представляет собой постоянный диалог и со своим собственным бессознательным, и с бессознательным другого человека, будь то пациент или потенциальный читатель учебника по психоанализу. Некоторое время тому назад я предпринял попытку доступного для восприятия изложения исследовательских и терапевтических аспектов психоанализа, что нашло свое отражение в книге «Классический психоанализ: история, теория, практика» (2001), рекомендованной Российской академией образования в качестве учебно-методического пособия. В этой работе изложение психоаналитического

материала, основанного на курсе лекций в Институте психоанализа (Москва), осуществлялось на фоне частичного воспроизведения нелегкого опыта самоанализа и не менее трудной работы с пациентами. Такое изложение психоаналитических идей представляется мне не только приемлемым для учебника по психоанализу, но и способствующим усвоению психоаналитических знаний со стороны тех, кто может к ним обратиться. Когда издательство «Питер» любезно предложило издать на основе предшествующей книги учебник по психоанализу, я — после некоторого колебания, связанного с пониманием возлагаемой на меня ответственности, — с благодарностью принял это предложение. В процессе подготовки данного издания сохранилась предшествующая ориентация на изложение психоаналитического материала с учетом опыта самоанализа и работы с пациентами, что, надеюсь, будет воспринято читателями учебника с должным пониманием.

Валерий Лейбин

Часть 1

ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОАНАЛИЗ

Глава 1

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПСИХОАНАЛИЗЕ

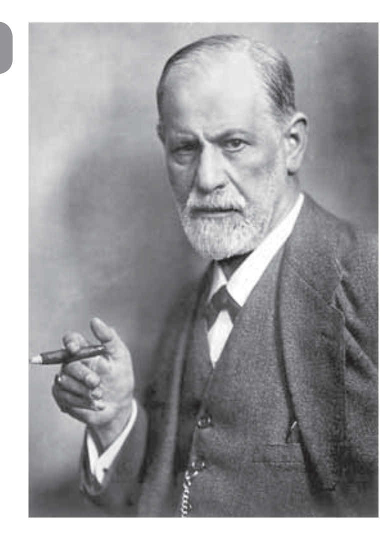
Исторический экскурс

Слово «психоанализ» происходит от греческих слов «душа» и «разложение, расчленение». В научную литературу данное понятие было введено З. Фрейдом в конце XIX века для обозначения нового метода изучения и лечения психических расстройств. Впервые понятие «психоанализ» он использовал в статье об этиологии неврозов, опубликованной вначале на французском, а затем на немецком языках соответственно 30 марта и 15 мая 1896 года.

Предыстория возникновения психоанализа начиналась с так называемого катарсического метода, использованного Й. Брейером при лечении молодой девушки в 1880–1882 годах. Связанная с катарсисом (очищением души) терапия основывалась на воспоминаниях о переживаниях, вызванных к жизни душевными травмами, их воспроизведении в состоянии гипноза и соответствующем «отреагировании» больного, которое ведет к исчезновению симптомов заболевания. История возникновения психоанализа началась с отказа Фрейда от гипноза и использования им техники свободных ассоциаций. На смену гипнозу приходит новая техника, основанная на том, что пациенту предлагается свободное высказывание всех мыслей, возникших у него в процессе обсуждения с врачом тех или иных вопросов, на рассмотрении сновидений, на построении гипотез, связанных с поиском истоков заболевания.

Переход от катарсического метода к психоанализу сопровождался разработкой техники свободных ассоциаций, обоснованием теории вытеснения и сопротивления, восстановлением в правах детской сексуальности и толкованием сновидений в процессе изучения бессознательного. По словам Фрейда, «главными составными частями учения о психоанализе» являются: учение о вытеснении и сопротивлении,

Имена

Зигмунд Фрейд (1856–1939) — австрийский врач, основатель психоанализа. В 1881 году окончил медицинский факультет Венского университета. В 1886 году начал частную практику, используя различные способы лечения нервнобольных и выдвинув свое понимание происхождения неврозов. В начале XX столетия развил провозглашенные им психоаналитические идеи. На протяжении последующих двух десятилетий внес существенный вклад в теорию и технику классического психоанализа, написал и опубликовал многочисленные работы, посвященные уточнению его первоначальных представлений о бессознательных влечениях человека и использовании психоаналитических идей в различных отраслях знания. Автор работ: «Толкование сновидений» (1900), «Психопатология обыденной жизни» (1901), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905), «Три очерка по теории сексуальности» (1905), «Бред и сны в “Градиве” В. Иенсена» (1907), «Воспоминание о Леонардо да Винчи» (1910), «Тотем и табу» (1913), «Лекции по введению в психоанализ» (1916–1917), «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), «Психология масс и анализ человеческого я» (1921), «Я и Оно» (1923), «Торможение, симптом и страх» (1926), «Будущее одной иллюзии» (1927), «Достоевский и отцеубийство» (1928), «Недовольство культурой» (1930), «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1938) и других. Получил международное признание, дружил и переписывался со многими выдающимися деятелями науки и культуры: А. Эйнштейном, Т. Манном, Р. Ролланом, А. Цвейгом, С. Цвейгом и другими. В 1922 году Лондонский университет и Еврейское историческое общество организовали чтение цикла лекций о пяти знаменитых еврейских философах, в числе которых наряду с Филоном, Маймонидом, Спинозой и Эйнштейном оказался и Фрейд. В день своего 70-летия получил поздравительные телеграммы и письма со всех концов мира. В 1930 году ему присудили литературную премию имени Гёте. К 80-летию Фрейда ему был вручен поздравительный адрес, в котором стояло около 200 подписей известных писателей и деятелей искусств, включая В. Вульф, Г. Гесса, С. Дали, Дж. Джойса, П. Пикассо, Р. Роллана, С. Цвейга, О. Хаксли, Г. Уэллса и других. По случаю юбилея Т. Манн выступил с докладом «Фрейд и будущее». Фрейд был избран почетным членом Американской психоаналитической ассоциации, Французского психоаналитического общества, Британской Королевской медико-психологической ассоциации.

о бессознательном, об этиологическом (связанном с происхождением) значении сексуальной жизни и важности детских переживаний.

Развитие психоанализа сопровождалось вторжением психоаналитических идей в разнообразные сферы знания, включая науку, религию, философию. По мере его выхода на международную арену само понятие «психоанализ» стало столь распространенным и широко используемым в медицинской, психологической и культурологической литературе XX столетия, что превратилось в многозначное и неопределенное.

Первоначально данное понятие означало определенный терапевтический прием. Затем оно стало названием науки о бессознательной душевной деятельности человека. И наконец, превратилось в расхожее понятие, применимое едва ли не ко всем сферам жизнедеятельности человека, общества и культуры.

Имена

Йозеф Брейер (1842–1925) — австрийский врач. Осуществлял частную практику в Вене, имел репутацию специалиста высокой квалификации и пользовался авторитетом среди ученых. Внес вклад в изучение физиологии дыхания, описал рефлекс регуляции с участием блуждающего нерва. В 1894 году был избран членом-корреспондентом Австрийской академии наук. На протяжении ряда лет оказывал материальную помощь З. Фрейду, находился с ним в дружеских отношениях, делился медицинским опытом и научными идеями. В 1895 году совместно с Фрейдом опубликовал работу «Исследование истерии». Вскоре после этого дружеские отношения между ними, продолжавшиеся 20 лет, прекратились по инициативе Фрейда. Причиной разрыва послужило несогласие Брейера с утверждением Фрейда о том, что в основе неврозов лежат сексуальные расстройства.

Возникнув в конце XIX века в Австрии, психоанализ получил распространение во многих странах мира. История его развития в XX веке сопровождалась различными перипетиями: от запрещения в России и Германии в 30-е годы до психоаналитического бума в США после Второй мировой войны; от снижения интереса к психоанализу в Западной Европе и США в 80-е годы до его возрождения в России в 90-е.

На всем протяжении истории становления и развития психоанализа к нему было двойственное отношение. Часть ученых, политических лидеров и деятелей культуры негативно относились к идеям и концепциям психоанализа. Другие не только усматривали заслугу Фрейда в изменении традиционных представлений о человеке, но и признавали за психоанализом эвристическую и терапевтическую ценность. Третьи, разделяя идеи классического психоанализа или внося определенные коррективы к ним, использовали психоаналитические знания в различных сферах деятельности.

Как бы там ни было, но, несмотря на все перипетии своего развития, психоанализ сегодня не только жив, но и привлекает к себе внимание многих людей в различных странах мира. Вступив в XXI столетие, Россия оказалась на пороге широкомасштабного приобщения к психоаналитическим идеям. Началось прерванное на несколько десятилетий возвращение России в мировое сообщество, а также вступление молодого поколения российских специалистов в лоно международного психоаналитического движения. Открылись институты психоанализа, осуществляющие соответствующую подготовку специалистов, способных работать в области психоаналитической терапии. Назрела потребность в публикации не только зарубежной, но и отечественной учебной литературы по психоанализу.

Изречения

З. Фрейд: «Психоанализ начался как терапия, но я хотел бы вам его рекомендовать не в качестве терапии, а из-за содержания в нем истины, из-за разъяснений, которые он дает нам о том, что касается человека ближе всего, его

собственной сущности, и из-за связей, которые он вскрывает в самых различных областях его деятельности».

З. Фрейд: «Психоанализ — особая отрасль знания, очень трудная для понимания и обсуждения».

З. Фрейд: «О психоанализе можно было бы сказать, кто дает ему палец, того он держит уже за всю руку».

Научный и прикладной психоанализ

Психоанализ — это система теоретических знаний о человеке и практическое их использование при изучении разнообразных проявлений человеческой деятельности и лечении невротических заболеваний.

Обычно под практикой психоанализа подразумевается непосредственная работа с пациентами. Речь идет о психоанализе как специфическом виде психотерапии. Все другие аспекты психоанализа остаются, как правило, за пределами внимания практикующих психоаналитиков, апеллирующих к клинической работе. Между тем существует так называемый прикладной психоанализ, целью которого является использование психоаналитических идей в различных сферах познания и действия людей, будь то экономика, политика, религия, культура. Он включает в себя не столько исследовательскую, сколько практическую деятельность, связанную с маркетингом, бизнесом, рекламой, имиджмейкерством, кинематографией, радио- и телевещанием, системой воспитания и образования, пасторским служением.

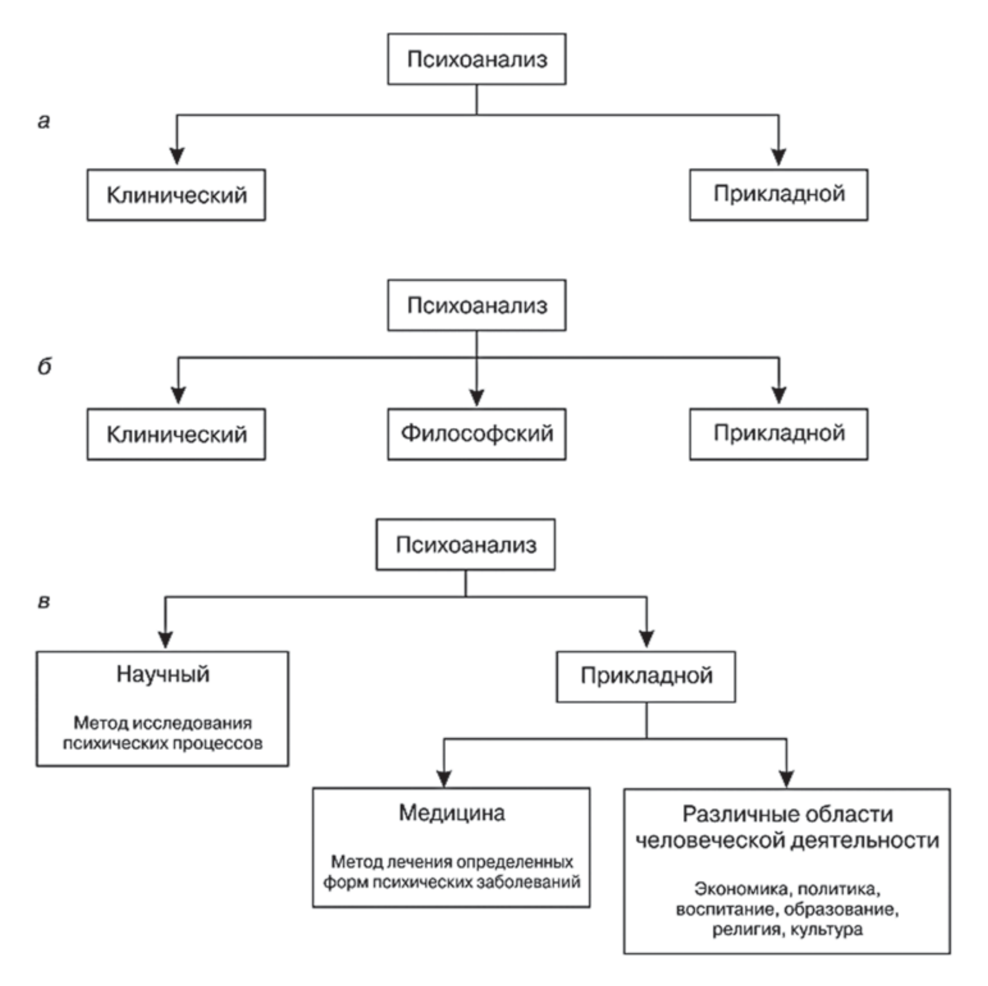
К настоящему времени стало общепринятым деление психоанализа на клинический и прикладной. Иногда говорят еще и о философском психоанализе. 19 июля 1996 года вышел Указ Президента Российской Федерации «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа». Однако далеко не всегда имеется адекватное понимание того, что подразумевается под тем или иным «видом» психоанализа.

Фрейд считал неадекватным деление психоанализа на клинический и прикладной. Он исходил из того, что в действительности следует различать научный психоанализ и его применение в медицинской и немедицинской сферах. Речь идет о теории и практике психоанализа, причем под практикой понимается не только клиническая терапия, что является сегодня весьма распространенным представлением, а применение психоаналитических методов и идей в разнообразных сферах жизни человека, не обязательно напрямую связанных с медициной.

Было бы правильнее рассматривать практику психоанализа в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова она включает в себя как терапевтическую, так и прикладную деятельность, выходящую за рамки работы с пациентами. В узком смысле слова практика психоанализа — это то, что принято называть клиническим психоанализом, то есть терапевтическая деятельность, связанная с лечением людей, страдающих психическими расстройствами.

Фрейд был сторонником тесного взаимодействия между теорией и практикой психоанализа, между разработкой научного психоанализа и практическим использованием его идей — основополагающих принципов и методов в медицине (в качестве терапии) и в других сферах жизни людей. Он хотел предотвратить подмену науки терапией и выступал против увлечения клиническим психоанализом в ущерб

развитию научного психоанализа. Другое дело, что развитие психоанализа во многих странах мира пошло по иному пути, что привело, с одной стороны, к бурному развитию прикладного клинического психоанализа, а с другой стороны — к появлению и углублению противоречий между его теорией и практикой.

а — точка зрения, находящая отражение в зарубежной психоаналитической литературе; *б* — точка зрения, находящая отражение в отечественной литературе; *в* — точка зрения З. Фрейда, высказанная им в 1926 году в работе «К вопросу о дилетантском анализе» (на русский язык переведена как «Проблема дилетантского анализа»)

Изречения

З. Фрейд: «По практическим соображениям и для наших публикаций мы приобрели привычку отделять клинический анализ от других приложений анализа. Но это некорректно. В реальности граница проходит между научным психоанализом и его применениями (в медицинской и немедицинской областях)».

З. Фрейд: «Использование анализа для терапии неврозов является лишь одним из его многочисленных применений: возможно, будущее покажет, что оно не было самым важным».

З. Фрейд: «Поскольку психоанализ притязает на это (лечение больных. — *В. Л.*), он должен допустить, чтобы его приняли в медицину в качестве специального предмета, как, например, рентгенологию, и подчиняться там предписаниям, обязательным для всех терапевтических методов. Я признаю это, сознаюсь в этом. Я хочу лишь предотвратить уничтожение науки терапией».

Дилетантский анализ и дикий психоанализ

Фрейд проводил различия между тем, что он назвал дилетантским анализом и диким психоанализом. Поскольку в современной психоаналитической литературе дилетантский анализ и дикий психоанализ часто отождествляются между собой, следует дать пояснения относительно того, о чем в действительности идет речь.

Дилетант-аналитик — это человек, не имеющий диплома врача, но обладающий необходимыми для проведения анализа знаниями в области психологии бессознательного и осуществляющий психоаналитическую терапию.

Дикий психоаналитик — человек, не имеющий диплома врача или обладающий таковым, не получивший соответствующего образования в сфере психологии бессознательного, но выступающий в качестве психоаналитика и от его имени ведущий прием пациентов.

Фрейд резко выступал против дикого психоанализа, осуществляемого лекарями, проводящими аналитическое лечение без того, чтобы изучить и правильно применять его. Речь не шла о различного рода знахарях, не получивших медицинского образования. Речь шла о врачах, которые, по словам самого Фрейда, в анализе представляют «главный контингент шарлатанов», так как нередко именно врач выступает в качестве «аналитического шарлатана».

Однако Фрейд был благосклонен к тем дилетантам, которые, не имея медицинского образования, но овладев методикой и техникой психоаналитического лечения, с успехом использовали свои знания и навыки при терапевтической работе с пациентами. Основатель психоанализа не только одобрительно отзывался о дилетантах-аналитиках, внесших посильный вклад в развитие психоанализа, но и защищал их в случае необходимости от всевозможного рода нападок. Так, в 1925 году не имеющий медицинского образования Т. Райк на основании заявления одного из пациентов был обвинен в шарлатанстве, и по этой причине Венская магистратура поставила вопрос о запрещении ведения им клинической практики. Фрейд выступил в его защиту и специально по этому поводу написал работу «К вопросу о дилетантском анализе» (1926).

В данной работе Фрейд ратовал за «самоценность» психоанализа и его независимость от медицинского применения, высказывал опасения против возможности поглощения психоанализа медициной, превращения его в придаток психиатрии. Одновременно Фрейд защищал право дилетантов-аналитиков, профессионализм которых основывался на соответствующем аналитическом образовании, вести частную практику и осуществлять психоаналитическую терапию.

Имена

Теодор Райк (1888–1969) — австро-американский психоаналитик, один из первых учеников З. Фрейда. В 1910 году познакомился с основателем психоанализа, в раннем возрасте вступил в Венское психоаналитическое общество. Прошел личный анализ у К. Абрахама. З. Фрейд считал его одаренным исследователем и рассматривал в качестве «одного из самых образованных среди учеников-немедиков». В 1918 году получил «Почетный приз» за лучшую немедицинскую работу, внес значительный вклад в психоаналитическую культурологию и с успехом работал в сфере клинического психоанализа. В «Очерке о Достоевском» (1929) дал разбор работы З. Фрейда «Достоевский и отцеубийство» (1928), на что основатель психоанализа заметил: «Ваш критический разбор моего исследования Достоевского я прочел с огромным удовольствием. Все, что Вы предлагаете, звучит интересно и должно быть признано в определенном смысле соответствующим истине». Практиковал психоанализ в Вене, затем в Берлине. В 1938 году эмигрировал в США. З. Фрейд дал ему рекомендательное письмо, в котором сожалел, что тот уехал в Америку, где, по его выражению, психоанализ являлся «прислужницей психиатрии». Автор работ: «Проблемы религиозной психологии: ритуал» (1919) с предисловием З. Фрейда, «Присущее и чуждое богу. К психоанализу религиозного развития» (1923), «Догма и идея принуждения» (1927), «Фрейд как критик культуры» (1930), «Мазохизм в современном человеке» (1941), «30 лет с Фрейдом» (1956) и других.

В конце 20-х годов XX века среди психоаналитиков развернулась дискуссия по поводу дилетантского анализа, в которой приняли участие Э. Джонс, Э. Гловер, Ф. Дойч, Т. Райк, В. Райх, Г. Рохайм, Г. Закс, К. Хорни и многие другие. Фрейд и президент Венгерского психоаналитического общества Ш. Ференци были из числа тех немногих психоаналитиков, кто выступал в поддержку либерального отношения к дилетантскому анализу. Лидер психоаналитического движения в США А. Брилл и президент Международной психоаналитической ассоциации М. Эйтингон заняли крайне негативную позицию в этом вопросе. Нью-Йоркское психоаналитическое общество приняло резолюцию, осуждающую дилетантский анализ, законодательная власть Нью-Йорка объявила дилетантский анализ нелегальным, а Американская медицинская ассоциация запретила своим членам сотрудничество с практикующими дилетантами-аналитиками. З. Фрейд был вынужден констатировать, что развитие психоанализа пошло вовсе не по тому пути, который ему представлялся приемлемым и целесообразным. Медикализация психоанализа воспринималась им как нежелательное явление. Когда в конце 30-х годов в США распространилось известие, что основатель психоанализа изменил свои взгляды по вопросу дилетантского анализа, то он опроверг эти слухи. В 1938 году Фрейд подчеркнул, что на фоне американской тенденции превратить психоанализ «в простую горничную психиатрии» он поддерживает дилетантский анализ еще в большей степени, чем ранее. Одновременно Фрейд защищал право дилетантов-аналитиков, профессионализм которых основывался на соответствующем аналитическом образовании, иметь частную практику и осуществлять психоаналитическую терапию.

После эмиграции многих ведущих европейских психоаналитиков в США вопрос о запрещении дилетантского психоанализа был решен административными средствами и законодательными актами. В США и некоторых других странах право на осуществление психоаналитической терапии предоставлялось людям, имеющим ме-

дицинское образование. На протяжении ряда десятилетий психоаналитическое образование в ведущих американских институтах, включая Колумбийский институт, могли получить лишь медики по образованию. Только в середине 90-х годов XX столетия американские психологи выиграли судебный процесс, связанный с признанием их терапевтической работы психоаналитической и права на соответствующую оплату, включенную в медицинское страхование.

Термин «дилетант» вызывает негативные эмоции у многих людей, поскольку никто не хочет быть дилетантом ни в глазах окружающих, ни в своих собственных. Подчас это слово воспринимается как своего рода оскорбление, за которым стоит упрек в непрофессионализме. Но применительно к российской действительности, в рамках которой развитие психоанализа в начале XX столетия сменилось запрещением его на протяжении шести десятилетий и возрождением лишь в конце минувшего века, термин «дилетант-аналитик» созвучен времени как нельзя лучше. Впрочем, как и выражение Фрейда «профессиональный дилетант-аналитик», которое сегодня в России наиболее точно отвечает смыслу, вложенному в него основателем психоанализа. Тем самым он отличал подготовленных к терапевтической деятельности и осуществляющих психоаналитическую терапию людей от представителей «дикого анализа», то есть практикующих шарлатанов, независимо от того, являются они медиками по образованию или нет.

Изречения

З. Фрейд: «Исторического права на исключительное обладание анализом врачи не имеют, намного чаще почти до последнего дня они делали все возможное, чтобы навредить психоанализу, начиная от пустейшей насмешки до тяжеловесной клеветы».

З. Фрейд: «*Врач*, не получивший специального образования в области анализа, — любитель, несмотря на свой диплом. А неврач при соответствующей подготовке и возможности при необходимости опереться на врача может выполнить и задачу аналитического лечения неврозов».

З. Фрейд: «Все сводится не к тому, обладает ли аналитик дипломом врача, а приобрел ли он особое образование, необходимое для проведения анализа».

З. Фрейд: «Внутреннее развитие психоанализа везде идет вразрез с моими намерениями, происходит отказ от дилетантского анализа, и психоанализ становится чисто медицинской специальностью, а я считаю это роковым для будущего анализа».

Психоанализ как наука и герменевтика

В России каждый преподаватель может исходить из того определения психоанализа, которое ему представляется наиболее адекватным. Для философа, читающего, скажем, курс лекций по интерпретации сновидений с позиций Фрейда или Юнга, психоанализ выступает прежде всего в качестве искусства толкования. Для психолога, раскрывающего студентам содержание психоаналитических концепций,

психоанализ является неотъемлемой частью психологии как науки. Для врача, обучающего студентов психоаналитической технике и методике, психоанализ — это определенный вид терапии.

Аналогичная картина наблюдается и в практике психоанализа, в сфере клинического его использования. Хотя специалисты в этой области воспринимают психоанализ в качестве необходимого метода лечения психических заболеваний, тем не менее каждый из них может по-своему понимать, в чем конкретно состоит этот метод, как и каким образом следует осуществлять соответствующее лечение. Приверженец классического психоанализа будет уделять основное внимание сексуальным влечениям, детским переживаниям, свободным ассоциациям пациента. Сторонник аналитической психологии Юнга сделает акцент на типологии личности, архетипах коллективного бессознательного, активном воображении. Приверженец индивидуальной психологии Адлера обратит внимание главным образом на комплекс неполноценности, фиктивную линию жизни и волю к власти обратившегося к нему за помощью человека. Поклонник характероанализа Райха сосредоточится на выявлении оргазмного неудовлетворения и мышечной скованности, «зажатости» больного. При этом каждый из вышеперечисленных практиков будет полагать, что его понимание психоанализа оказывается наиболее правильным, по крайней мере, с точки зрения эффективности лечения психических расстройств.

Не следует думать, что подобная мозаика в понимании психоанализа есть результат отставания российских психоаналитиков от современных достижений международного психоаналитического движения. Среди зарубежных ученых, теоретиков и практиков, интересующихся психоаналитической проблематикой, наблюдается не меньшее разночтение в трактовке психоанализа, чем среди отечественных специалистов.

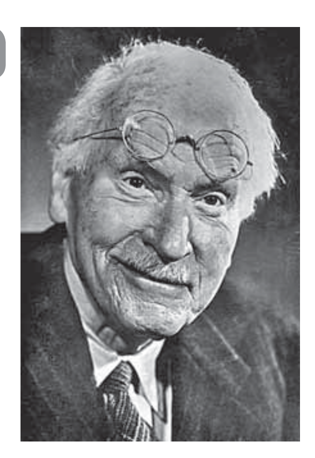
Даже в психоаналитических словарях, принадлежащих перу зарубежных авторов, нет единообразия в трактовке того, что Фрейд назвал психоанализом. Типичными в этом отношении являются переведенные на русский язык словари, написанные Ж. Лапланшем, Ж.-Б. Понталисом и Ч. Райкрофтом, а также изданные под редакцией Б. Мура и Б. Файна, в которых определения психоанализа хоть и не столь расходятся между собой, как это имеет место в других публикациях, тем не менее обнаруживают нюансы, свидетельствующие о неоднозначном понимании психоанализа как такового. В словаре Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса (Словарь по психоанализу. М., 1996) психоанализ соотносится:

1) с методом исследования, опирающимся на выявление бессознательного значения слов, поступков и продуктов воображения субъекта;
2) с психотерапевтическим методом, базирующимся на этом исследовании;
3) с совокупностью теорий психологии и психопатологии, в которых систематизированы данные, полученные психоаналитическим методом исследования и лечения.

В словаре Ч. Райкрофта (Критический словарь психоанализа. СПб., 1995) под психоанализом понимается:

1) вид лечения неврозов, изобретенный Фрейдом, разрабатывающийся им самим, его учениками и последователями;
2) психологические теории происхождения неврозов и общего психического развития;

Имена

Карл Густав Юнг (1875–1961) — швейцарский психолог и психиатр. Разработал методику ассоциативного эксперимента в психиатрической клинике Бургхёльци: использовав психоаналитические идеи при диагностировании ассоциаций и психологии раннего слабоумия, обнаружил наличие чувственных комплексов у человека. В 1906 году начал переписку с Фрейдом, спустя год нанес ему первый свой визит; на протяжении ряда лет разделял его психоаналитические идеи. Редактор журнала «Ежегодник психоаналитических и психопатологических исследований», президент Международной психоаналитической ассоциации с марта 1910 по апрель 1914 года. Фрейд видел в Юнге своего идейного наследника и возлагал на него большие надежды как на продолжателя дальнейшего развития психоаналитического движения. Однако в 1911 году между ними обнаружились расхождения в понимании некоторых психоаналитических идей. Последующие концептуальные и субъективные расхождения привели к тому, что в начале 1913 года между Юнгом и Фрейдом прекратилась личная, а несколько месяцев спустя и деловая переписка. В дальнейшем Юнг начал разработку своего собственного учения о человеке и его психических заболеваниях, совокупность идей и терапевтических приемов которого получила название аналитической психологии. Юнг предложил типологию характеров, основанную на представлениях об интровертированных и экстравертированных типах личности. Различал индивидуальное (личное) бессознательное, содержащее чувственные комплексы, и коллективное (сверхличное) бессознательное, представляющее собой глубинную часть психики, не являющуюся индивидуальным приобретением человека и обязанную своим существованием архетипам, выступающим в качестве модели и образца инстинктивного поведения. Выделил в психике человека такие составляющие, как *Тень, Персона, Анима, Анимус, Божественный Ребенок, Старый Мудрец, Самость* и ряд других архетипичных фигур. Рассматривая терапевтическую деятельность как продолжение метода свободных ассоциаций Фрейда, использовал в терапии технику амплификации (расширение и углубление образов сновидений путем исторических параллелей из области мифологии, алхимии, религии) и метод активного воображения (выведение на поверхность содержимого бессознательного, активизация творческой фантазии, благодаря чему становится возможным индивидуация — обретение человеком единства, полноты, целостности).

3) в непрофессиональном употреблении — теории и терапевтические методы всех терапевтов — последователей Фрейда, Юнга и Адлера.

В издании под редакцией Б. Мура и Б. Файна (Психоаналитические термины и понятия: Словарь. М., 2000) психоанализ рассматривается как:

1) метод исследования психики;
2) система знаний о поведении человека (психоаналитическая теория);
3) способ лечения эмоциональных заболеваний.

Нет необходимости перечислять буквально все трактовки психоанализа в зарубежной литературе. Достаточно сказать, что во многих работах термин «психоанализ» используется часто автоматически, как нечто само собой разумеющееся, хотя в действительности оказывается, что различные авторы вкладывают в него отнюдь не один и тот же смысл. Нередко под психоанализом понимаются то метод лечения

психических расстройств, то система знаний о психике человека, то метод исследования бессознательного, то правила интерпретации человеческой деятельности, то уникальный процесс взаимодействия людей.

Из перечисленных толкований, далеко не исчерпывающих, но весьма типичных, нетрудно понять всю сложность ситуации, сложившейся в настоящее время в отношении адекватного понимания психоанализа. Учитывая это обстоятельство, может быть, и не имело бы смысла специально останавливаться на разноплановых трактовках психоанализа в зарубежной и отечественной литературе, если бы за многозначностью определения психоанализа не стояли содержательные вещи, касающиеся принципиальных разногласий в оценке его статуса.

В самом деле, если для одних психоанализ — это научная дисциплина, способствующая ответу на вопрос, как функционирует бессознательное, и объясняющая природу бессознательного психического, то для других — искусство интерпретации языка бессознательного, которое ограничивается ответом на вопрос, почему бессознательное имеет иную логику, чем сознание, и выявляет скрытый смысл и значение «инакомыслия». И вряд ли они придут к единой оценке статуса психоанализа, так как в первом случае психоанализ будет рассматриваться как подлинная *наука*, а во втором — как *герменевтика*, то есть искусство толкования, интерпретации. Поэтому далеко не случайны те многочисленные и до сих пор не прекращающиеся споры, которые на протяжении десятилетий ведутся в исследовательской литературе вокруг выяснения вопроса о том, чем в действительности является основанный Фрейдом психоанализ, в каком направлении его следует развивать и какое будущее его ожидает.

Изречения

Г. Нюнберг: «Психоанализ — эмпирическая наука... Психоанализ стал независимой наукой».

Ж. Лакан: «Если психоанализ способен стать наукой (ибо он ею еще не стал) и если ему не суждено выродиться в чистую технику (похоже, это уже и произошло), мы обязаны его опыт заново осмыслить».

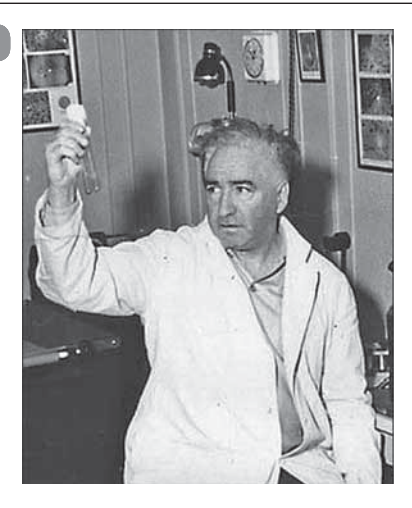
П. Рикёр: «Психоанализ принимает участие в современном культурном движении, функционируя как герменевтика культуры».

Многозначность понятия психоанализа

Естественно предположить, что разночтения в трактовке психоанализа являются прежде всего результатом неадекватной интерпретации классического психоанализа, или, точнее, того его определения, которое было предложено Фрейдом. И это действительно так, поскольку вся история международного психоаналитического движения наглядно свидетельствует о претензиях различных теоретиков и практиков на развитие «подлинной субстанции» психоанализа, на единственно верное толкование психоаналитического учения Фрейда о человеке.

Чем обстоятельнее занимаешься исследованием истории развития психоаналитического движения, тем больше начинаешь склоняться к тому, что многозначность

Имена

Вильгельм Райх (1897–1957) — австрийский психоаналитик. В своем учении первоначально отталкивался от концепций Фрейда, критически переосмыслив его идеи о сексуальности и выдвинув новые представления об оргастической импотенции, роли оргазма в жизнедеятельности человека, оргонной энергии, веготерапии. Райх встретился с Фрейдом в 1919 году, а год спустя стал членом Венского психоаналитического общества. В 1922 году защитил в Венском университете диссертацию на соискание степени доктора медицины; с 1924 по 1930 год руководил в Вене техническим семинаром по психоаналитической терапии. Судьба Райха была сложной и драматичной. Он предпринял смелую попытку, связанную с пониманием природы оргазма, структуры характера человека и одновременно с вторжением в сферу политики, идеологии, что вызвало неприятие со стороны психоаналитиков и политиков. В 1929 году он был исключен из рядов Социал-демократической партии, в 1934 году — Коммунистической партии и Венского психоаналитического общества. В 1939 году Райх был изгнан из Норвегии, куда переехал после прихода к власти фашизма в Германии. Эмигрировав в США, он развил бурную деятельность по изучению оргонной энергии, раковой биопатии, создал институт и журнал, ориентированные на исследование сексуальной экономики и оргона. В середине 50-х годов был обвинен в шарлатанстве и заключен под стражу. Умер в федеральной тюрьме штата Пенсильвания.

и неопределенность понятия психоанализа связаны с попытками последователей и реформаторов учения Фрейда предложить авторскую интерпретацию этого учения или дать свое собственное понимание психоанализа. Однако при более внимательном исследовании психоаналитических концепций оказывается не все так однозначно и просто, как это может показаться на первый взгляд.

Разумеется, если тот или иной автор придерживается определенной научной и мировоззренческой ориентации, то это может оказать влияние на его трактовку психоанализа. В таком случае следовало бы вернуться «назад к Фрейду», как это уже предлагалось некоторыми психоаналитиками, в частности Ж. Лаканом, чтобы тем самым воскресить подлинное значение психоанализа, которое в силу тех или иных причин могло быть вытеснено из сознания современников или существенно искажено.

Одно из общеизвестных и часто приводимых различными авторами мнений основывается на высказывании Фрейда о том, что психоанализ — это естественная наука. И Фрейд действительно стремился подчеркнуть научный характер психоанализа, не имеющего, по его словам, ничего общего с метафизикой, отождествляющей психику с сознанием, ибо метафизика не признает бессознательного психического или рассматривает бессознательное в лучшем случае как физиологическое явление, в худшем — как абстрактное понятие. Менее известны иные, подчас совершенно противоположные определения психоанализа, даваемые Фрейдом.

Надо сказать, что в работах Фрейда встречаются такие суждения о психоанализе, которые не назовешь определением в строгом смысле этого слова. Нередко они

включают в себя образные сравнения, не претендующие на статус точной дефиниции. Нечто аналогичное имеет место и в эпистолярном наследии основателя психоанализа. Достаточно сослаться на одно такое определение, чтобы составить представление об образности мышления Фрейда. Так, в письме к С. Цвейгу от 20 июля 1938 года он пояснил, что анализ сродни женщине, которая хочет, чтобы ее покорили, но знает, что ее низко оценят, если она не окажет сопротивления.

Тем не менее встречающиеся в работах Фрейда суждения о психоанализе дают представление о том, что он действительно понимал под ним, какой смысл вкладывал в это понятие. Другое дело, что по мере развития психоаналитической теории и практики он делал различного рода уточнения и дополнения к своему первоначальному пониманию психоанализа как процесса исследования и лечения. Он резко отличал его от катарсиса (метода лечения, основанного на гипнотическом воздействии и использованного Й. Брейером), так как психоанализ ориентирован не на снятие реакции аффекта, пошедшего по неверному пути, а на обнаружение и устранение вытеснений.

На основе текстологического анализа работ Фрейда можно выделить по меньшей мере следующие определения психоанализа:

1) часть психологии как науки;
2) незаменимое средство научного исследования;
3) беспартийный инструмент, как, например, исчисление бесконечно малых величин;
4) наука о психическом бессознательном;
5) орудие, которое дает возможность Я овладеть Оно;
6) любое исследование, признающее факты переноса (трансфера) и сопротивления как исходные положения работы;
7) вспомогательное средство исследования в разнообразных областях духовной жизни;
8) один из видов самопознания;
9) искусство истолкования;
10) не научное, свободное от тенденциозности исследование, а терапевтический прием;
11) метод устранения или облегчения нервных страданий;
12) медицинский метод, направленный на лечение определенных форм нервности (неврозы) посредством психологической техники.

Однако приведенные выше трактовки психоанализа, как они были сформулированы самим Фрейдом, не являются исчерпывающими. Любой исследователь, уделивший особое внимание этому вопросу и посвятивший время текстологическому анализу всех работ Фрейда именно под этим углом зрения, мог бы добавить к данному перечню еще ряд определений психоанализа. Так, Фрейд подчеркивал, что психоанализ занимает среднее место между философией и медициной, в результате чего он вызывает неприятие как со стороны многих философов, так и со стороны большинства медиков. Но дело не в этом. Важно и существенно то, что приходится считаться с реальным фактом многозначности определения психоанализа самим его основателем.

Действительно, диапазон трактовок психоанализа у Фрейда довольно обширный. Если за исходное определение взять какую-то одну фрейдовскую трактовку, то тем самым ускользает почва для адекватного понимания психоанализа. Поэтому нет

ничего удивительного в том, что до сих пор даже среди самих психоаналитиков, не говоря уже о критиках психоаналитического учения Фрейда о человеке и культуре, нет единой точки зрения по поводу понимания психоанализа.

Не означает ли все это бессмысленность каких-либо попыток разобраться в существе психоанализа как такового? Как все-таки по большому счету рассматривать психоанализ — в качестве науки или с точки зрения искусства толкования, исследования в разнообразных сферах человеческой деятельности или метода лечения?

Разумеется, многозначность трактовок психоанализа, в том числе данных и самим Фрейдом, вносит дополнительные трудности в понимание его теории и практики. Но это не может служить основанием для отказа ни от простой любознательности по отношению к идеям и концепциям Фрейда, ни от систематического изучения их, ни от профессионального овладения психоаналитической техникой. Напротив, изначальное понимание того, что за расхожим использованием термина «психоанализ» скрывается нечто неопределенное, требующее конкретизации и глубокого осмысления, должно настраивать на серьезную работу, связанную с раскрытием существа психоанализа.

Прежде всего, следует иметь в виду, что все вышеприведенные фрейдовские трактовки психоанализа заслуживают внимания. Они по-своему характеризуют то, что принято называть психоанализом, дают представление о его разносторонних аспектах, вносят дополнительные штрихи в его понимание. В этом отношении вопрос о том, какое понимание психоанализа следует считать единственно верным и правильным, адекватным образом отражающим его суть, представляется неуместным. Если придерживаться строго какого-то одного фрейдовского определения психоанализа и игнорировать другие, то легко оказаться в ловушке одностороннего его понимания. Если основываться исключительно на многозначности психоанализа, то можно застрять в болоте эклектизма. Но как разобраться в существе психоанализа, избегая крайностей и не подвергаясь опасностям Сциллы и Харибды?

Можно предложить приемлемый путь для более или менее адекватного понимания психоанализа. Представляется, что он является той тропой изучения, на которой многозначность понятия психоанализа выступает не в качестве чего-то эклектичного, искусственно навязанного, а в виде нанесенных мастерской рукой знаков, указывающих выход из темной преисподней незнания на освещенную дорогу знания о психоанализе как таковом. При этом основным ориентиром постижения психоанализа может служить его суммарное определение, данное Фрейдом в энциклопедической статье (1922), в которой он подчеркнул, что психоанализом называется:

1) способ исследования психических процессов, иначе недоступных;
2) метод лечения невротических расстройств, основанный на этом исследовании;
3) ряд возникших в результате этого психологических конструкций, постепенно развивающихся и складывающихся в новую научную дисциплину.

Изречения

З. Фрейд: «Психоанализ является частью психологии, но не медицинской психологии в прежнем смысле или психологии патологических явлений, а просто психологии. Конечно, он не вся психология, а ее основание, возможно, вообще ее фундамент».

К. Г. Юнг: «Психоанализ является научным методом, требующим известных чисто технических приемов».

К. Г. Юнг: «Психоанализ есть также общий психологический метод исследования и первоклассный эвристический принцип для гуманитарных наук».

Э. Фромм: «Психоанализ — первая современная система психологии, предметом которой является не какой-то отдельно взятый аспект проблемы человека, а человек как целостная личность».

Контрольные вопросы

1. Когда и кем было введено в научную литературу понятие психоанализа?
2. Что такое научный и прикладной психоанализ?
3. Каково было отношение Фрейда к медицинскому использованию психоанализа?
4. Что такое дилетантский анализ и дикий психоанализ?
5. Является ли психоанализ наукой или герменевтикой?
6. Какие определения психоанализа были даны З. Фрейдом?
7. Какие следствия вытекают из многозначности определения психоанализа?

Рекомендуемая литература

1. Дискуссии о «любительском анализе» (1926–1927) // Russian Imago. 2000. Исследование по психоанализу культуры. СПб., 2001.
2. *Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. 3-е изд. М., 2020.
3. *Лейбин В.М.* Словарь-справочник по психоанализу. 3-е изд. М., 2020.
4. *Лейбин В.М.* Краткий психоаналитический словарь-справочник. М., 2015.
5. Психоанализ: новейшая энциклопедия / сост. и общ. ред. В.И. Овчаренко, А.А. Грицанова. Минск, 2010.
6. Психоаналитические термины и понятия / под ред. Б. Мура и Б. Файна. М., 2000.
7. *Райкрофт* Ч. Критический словарь психоанализа. СПб., 1995.
8. *Фрейд З.* Проблема дилетантского анализа // Избранное. Ростов н/Д., 1998.

Глава 2

ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Медицинская практика

До того как Фрейд пришел к психоанализу, он проводил исследования в области гистологии, физиологии и неврологии, прошел стажировку во Франции и поработал врачом, причем как со взрослыми пациентами, так и с детьми. В 1886 году провел несколько недель в Берлине в детской клинике. На протяжении ряда лет был заведующим неврологическим отделением в Венском институте детских болезней.

Несмотря на достигнутые успехи в сфере невропатологии, Фрейд вынужден был признаться в том, что причина возникновения нервных заболеваний и их природа по-прежнему остаются для него загадкой. Будучи честолюбивым и одержимым идеей найти пути и возможности для разрешения поставленных самой жизнью вопросов, он предпринял разнообразные попытки для понимания существа нервных заболеваний и достижения положительных результатов при лечении нервнобольных. На этом поприще ему пришлось испить полную чашу надежд и разочарований, прежде чем удалось выдвинуть ряд идей и гипотез, составивших остов того, что сегодня принято называть психоанализом.

В период обучения на медицинском факультете Венского университета, исследовательской деятельности в физиологической лаборатории, врачебной практики в городской больнице Фрейд пытался осмыслить гистологические, анатомические и неврологические проблемы своих пациентов с точки зрения физиологии. Психологические аспекты нервной деятельности оставались, как правило, вне поля видения венских врачей, воспитанных на традициях школы Г. Гельмгольца, в соответствии с которыми в живом организме действуют только физико-химические силы, поддающиеся объяснению лишь с позиций физиологии.

Шестимесячная стажировка в парижской больнице Сальпетриер у знаменитого Ж. Шарко в период 1885–1886 годов внесла в воззрения Фрейда нечто такое,

Имена

Жан Шарко (1825–1893) — французский врач, член Французской медицинской академии (1872) и Парижской академии наук (1883). В 1848 году окончил медицинский факультет Парижского университета. С 1882 по 1893 год руководил неврологической клиникой Сальпетриер. Был одним из организаторов и руководителей Парижского общества физиологической психологии, известным и наиболее оплачиваемым неврологом Европы. Занимался классификацией неврологических заболеваний и изучением таких состояний, как афазия, рассеянный склероз. Установив предрасположенность истериков к гипнозу, использовал гипноз и гипнотерапию для демонстрации воздействия внушения на больных и соответствующего их лечения. Опубликовал ряд работ, посвященных исследованию болезней нервной системы. Его лекции и демонстрации клинических случаев привлекали внимание врачей и журналистов из различных стран мира, включая Россию.

Не вписывающиеся в рамки академического подхода к анализу больных, театрализованные действия Шарко поначалу вызвали у Фрейда неприятие. Тем не менее вскоре он не только стал восхищаться парижским мэтром, но оставил свои лабораторные анатомические исследования, заинтересовался вопросами истерии и предложил Шарко свои услуги для перевода на немецкий язык одного из томов его «Лекций». В 1886 году переведенная им работа Шарко вышла на немецком языке под названием «Новые лекции о болезнях нервной системы, в частности об истерии».

Деятельность Шарко вызвала столь значительный интерес у Фрейда, что истерия стала для него важным объектом исследования и лечения, предопределив, по сути дела, становление психоанализа. От Шарко он почерпнул идеи о закономерности истерических явлений, о травматических причинах и психической природе соответствующих заболеваний, о магии слова и гипнотического внушения, способствующих исчезновению симптомов. Впоследствии Фрейд говорил о том, что ни один человек не оказал на него такого же влияния, как Шарко.

что впоследствии заставило его коренным образом пересмотреть свои взгляды на причины заболевания и методы излечения нервнобольных. В своей клинике Шарко демонстрировал перед стажерами случаи заболевания истерией, и Фрейд мог наглядно убедиться в том, что традиционные представления об этом заболевании не соответствуют реальному положению вещей. Было принято считать, что истерия характерна для женщин, да и само название этого заболевания происходит от греческого слова «матка». Однако Шарко выявил случаи истерии у мужчин и показал, что истерические параличи, конвульсии, спазмы и другие симптомы могут быть вызваны путем гипнотического внушения. Более того, в качестве театрализованного действия он неоднократно демонстрировал перед стажерами свое искусство гипнотического воздействия на больных, в результате чего становилось очевидным, что по своему характеру искусственно вызванные состояния, в принципе, ничем не отличаются от реальных истерических заболеваний, обусловленных травматическими ситуациями.

По возвращении в Вену в апреле 1886 года Фрейд объявил о начале своей частной практики. Находясь под впечатлением идей Шарко, он включил в свою исследовательскую и врачебную деятельность рассмотрение случаев истерических заболеваний, а несколько месяцев спустя выступил с докладом «Об истерии у мужчин»

перед медицинским обществом, но не встретил какого-либо одобрения со стороны его членов. Напротив, некоторые врачи подвергли критике представления Шарко о травматической этиологии истерии, о которых докладывал Фрейд.

Отойдя от академической жизни и не появляясь больше в Венском обществе врачей, Фрейд ушел с головой в частную практику, что побудило его к поиску новых методов лечения нервнобольных. Если в своей предшествующей исследовательской и клинической деятельности ему приходилось иметь дело с анатомическим и физиологическим объяснением различного рода заболеваний, то частная практика привела его к необходимости учета психогенного характера нервных расстройств. К частному врачу обращались за помощью люди, заболевания которых в меньшей степени носили органический характер, но в большей степени были обусловлены внутрипсихическими конфликтами. Опыт, полученный в Сальпетриере, явился стимулом для использования различных средств и методов терапии.

Фрейда не устраивали такие традиционные методы лечения, как, например, водотерапия. Он отказался давать одноразовые консультации с рекомендацией продолжить лечение на водных курортах еще и потому, что этим не заработаешь на жизнь. Вместо этого Фрейд стал использовать такие терапевтические средства, как электротерапия и гипноз. К электротерапии прибегали многие врачи, поскольку к тому времени имелись соответствующие разработки и рекомендации, связанные с лечением нервнобольных этим методом. Гипнотическое же внушение использовалось в Сальпетриере, и Фрейд был свидетелем того, как Шарко с помощью гипноза не только вызывал у больных те или иные симптомы, но и искусно снимал их.

Вскоре Фрейд усомнился в эффективности электротерапии. Он обнаружил, что точное следование предписаниям, разработанным корифеем немецкой невропатологии В. Эрбой применительно к лечению нервнобольных, не дает положительных результатов. Считавшаяся классикой, работа этого специалиста по электротерапии оказалась настолько далекой от реального положения вещей, что стала восприниматься Фрейдом в качестве какой-нибудь «Египетской книги сновидений», продававшейся в дешевых книжных лавках. Поэтому при лечении нервнобольных он в меньшей степени стал обращаться к электротерапии или массажу и в большей степени стал использовать гипноз.

Многие венские психиатры презрительно относились к гипнотизерам, рассматривая гипноз как некое шарлатанство, а гипнотическое воздействие на больных — как опасное средство, подавляющее их волю. Для Фрейда же гипнотическое внушение стало главным рабочим средством, используемым им при лечении нервных заболеваний. Достигнутые с помощью гипноза первые успехи окрылили его. Если раньше он сетовал на то, что ничего не понимает в неврозах, то благодаря гипнотическому внушению ему удавалось порой достичь таких результатов, которые сопровождались благодарностью со стороны восхищенных пациентов и возвышением в собственных глазах.

В то время у Фрейда было несколько пациентов, при лечении которых он использовал гипнотическое внушение. Одна из пациенток страдала конвульсивными приступами. Другая, предшествующее лечение которой различными врачами не дало никакого результата, была подвержена истерии. В обоих случаях с помощью гипноза Фрейд добился временного улучшения, что, естественно, льстило его честолюбию.

Вместе с тем, будучи трезвомыслящим и критичным по натуре, он не мог успокоиться на достигнутом. Частичное выздоровление его пациентов, при котором не исклю-

чалась возможность повторения болезненных рецидивов, не устраивало Фрейда. Наряду с этим он столкнулся с тем реальным обстоятельством, что далеко не все больные поддавались гипнозу. Некоторых из них не удавалось загипнотизировать. Кроме того, если даже гипнотическое внушение оказывалось действенным, в ряде случаев Фрейд все же был не в силах погрузить больного в глубокое гипнотическое состояние, которое позволяло работать с пациентом без оглядки на его «бодрствующее сознание».

Эти ограничения гипнотического воздействия на больных Фрейд соотнес с недостаточностью собственной квалификации в области гипноза. Для усовершенствования техники гипноза в 1889 году он поехал в Нанси, где существовавшая в то время французская школа гипнотического внушения считалась одной из лучших в Европе. В течение нескольких недель Фрейд наблюдал за работой О. Льебо и И. Бернгейма, применявших гипнотическое внушение при лечении пациентов. Годом раньше он перевел на немецкий язык книгу Бернгейма «О внушении и его применении в терапии». Теперь же получил возможность увидеть практическое использование французскими врачами гипнотического внушения в курсе лечения больных и в проведении опытов, свидетельствовавших о гипнотическом воздействии на психические процессы, скрытые от сознания человека. Фрейд взял с собой в Нанси страдающую истерией пациентку, которую показал Бернгейму. Надежда на то, что французскому специалисту удастся путем гипнотического внушения довести эту пациентку до глубокого транса (именно этого не мог достичь Фрейд), не оправдалась. Бернгейм был вынужден признать, что не все пациенты способны впасть в глубокий транс. Не исключено, что этот инцидент повлиял на последующее изменение отношения Фрейда к гипнозу. Тем не менее в тот период он не сыграл какой-либо существенной роли, поскольку по возвращении из Нанси Фрейд продолжал прибегать к гипнотерапии.

Использование гипноза позволило ему достичь успеха при лечении некоторых пациентов. В частности, в 1892 году он опубликовал статью «Случай исцеления гипнозом вместе с замечаниями о возникновении истерических симптомов из-за “противоволия”». В этой работе Фрейд сообщил о том, что при лечении женщины, испытывавшей из-за рвоты и бессонницы затруднения с кормлением ребенка грудью, двух сеансов гипноза оказалось достаточным для того, чтобы устранить истерические симптомы. Достигнутые при помощи гипнотерапии частичные успехи привели к тому, что гипноз использовался Фрейдом на протяжении ряда лет, по крайней мере, в период с 1887 по 1892 год.

Для Фрейда успешное ведение частной практики, напрямую связанное с возможностью достижения материального достатка, ставило терапию на первое место. Именно поэтому гипнотическое внушение было для Фрейда важной составной частью лечения нервнобольных. Однако использование гипноза осуществлялось им не только с целью гипнотерапии. Характерный для него во время обучения в Венском университете и работы в физиологической лаборатории исследовательский интерес не утратил свою силу. Он проявился и в частной практике, когда Фрейд стал прибегать к гипнозу в надежде с его помощью лучше понять историю возникновения симптомов заболевания того или иного пациента.

Метод выявления причин возникновения симптомов с помощью гипноза был подсказан Фрейду его старшим покровителем Й. Брейером. В 1880–1882 годах Брейер лечил страдающую истерией пациентку. Этот случай, известный из психоаналитической литературы под названием «случай Анны О.» (настоящее имя Берта

Из клинической практики

Анна О. (Берта Паппенхейм)

Молодая, в возрасте двадцати одного года, умная, одаренная, образованная девушка обратилась к Брейеру по поводу мучившего ее кашля. К моменту начала лечения у Брейера помимо кашля у нее наблюдались разнообразные истерические симптомы, которые сопровождались нарушением зрения и речи, потерей чувствительности и параличом конечностей, помутнением сознания и психической спутанностью, отвращением к еде и неспособностью пить. Как выяснилось, эти симптомы возникли у нее в то время, когда ей пришлось ухаживать за смертельно больным отцом. Брейер с сочувствием отнесся к своей пациентке, у которой наблюдалось раздвоение личности. Она как бы попеременно пребывала в двух состояниях. То выглядела вполне нормальной, способной к здравым размышлениям и приятной в общении девушкой. То начинала походить на раздраженного, непослушного, избалованного ребенка, пребывающего в мире грез и фантазий и подверженного различного рода галлюцинациям. Переход из одного состояния в другое часто сопровождался самозабвением, во время которого девушка отрешалась от окружающей ее действительности и погружалась в свой собственный мир. Пробуждение сопровождалось улучшением самочувствия, и она как бы возвращалась к нормальному состоянию.

Заинтересованный раздвоенностью сознания пациентки, Брейер каждый день посещал ее и однажды оказался свидетелем того, что происходило с ней при переходе из одного состояния в другое. Он попросил ее воспроизвести содержание мыслей, занимавших ее в состоянии спутанности сознания. Она начала пересказывать свои фантазии и видения, которые во многом относились к ее положению у постели больного отца. Рассказы о ее фантазиях завершались переходом в нормальное состояние, которое сохранялось в течение многих часов, но затем вновь сменялось спутанностью сознания.

Постепенно сама пациентка стала рассказывать Брейеру о своих переживаниях, о тех фантазиях и галлюцинациях, которые одолевали ее, о том облегчении, которое она испытывала после процесса говорения о своих ощущениях. Как-то во время очередного общения с Брейером девушка рассказала ему о первом проявлении одного из истерических симптомов, и неожиданно для обоих этот симптом исчез.

Брейер был крайне удивлен и заинтригован. Он предоставил своей пациентке возможность говорить в его присутствии о ее собственных переживаниях, делиться с ним различными воспоминаниями, описывать случаи или сцены из жизни, предшествующие проявлению того или иного симптома. При этом он отметил для себя, что ее состояние начинает улучшаться после того, как в процессе свободного говорения она могла в словесной форме выразить одолевавшие ее фантазии и галлюцинации.

К тому времени, когда пациентка активно включилась в процесс говорения, она неожиданно как бы забыла свой родной немецкий язык и стала изъясняться по-английски. Причем, когда ей предлагали прочитать вслух какой-нибудь отрывок из французской или итальянской книги, она машинально читала его не по-немецки, а по-английски. Используя английскую речь, девушка назвала процесс улучшения ее состояния, или, точнее говоря, новый метод лечения — talking cure («лечение разговором»). Обладая чувством юмора, она придумала еще одно название в шутливой форме — chimney sweeping («прочистка дымоходов»).

Все больше интересуясь происходящим, Брейер дополнил ежедневные вечерние посещения пациентки утренними сеансами, во время которых он стал подвергать девушку гипнозу, чтобы она могла в гипнотическом состоянии рассказывать о своих переживаниях. ►

Из клинической практики

В бодрственном состоянии она мало что помнила и не могла связать воедино предшествующие заболеванию события и соответствующие им переживания. В состоянии гипноза она вспоминала то, что давно забыла, и свободно рассказывала о многих происшествиях.

С помощью гипноза Брейер методически начал выявлять аффективные ситуации, предшествующие заболеванию девушки. Выяснилось, что во время ухаживания за больным отцом у нее возникали различные желания и мысли, которые ей приходилось подавлять. Со временем на месте подавленных желаний и мыслей возникли симптомы, которые обнаружили свое выражение в истерической форме. Но стоило пациентке в состоянии гипноза воспроизвести ранее имевшую место патогенную ситуацию и свободно проявить свои аффекты, как тут же симптомы исчезали и в дальнейшем не повторялись.

Стремясь помочь своей пациентке, Брейер использовал гипноз для снятия имевшихся у нее физических нарушений. Так, например, летом во время жары девушка испытывала жажду, хотела пить, но стоило только ей поднести стакан с водой ко рту, как тут же она отстраняла его от себя. Утоление жажды осуществлялось ею главным образом посредством фруктов.

Однажды в состоянии гипноза пациентка вспомнила сцену, относящуюся к периоду ее детства. В их доме жила гувернантка-англичанка, которая не вызывала у нее симпатию. Как-то раз девочка вошла в комнату к этой англичанке и оказалась невольным свидетелем того, как гувернантка поила свою маленькую собачку из стакана. Сама собачка и увиденная сцена были отвратительны девочке, но, будучи вежливой, она ничего не сказала об этом ни гувернантке, ни родителям. Событие детства оказалось вытесненным из сознания, но испытанное девочкой отвращение вылилось в истерический симптом, проявившийся в форме ее неспособности утолять жажду именно таким образом даже тогда, когда очень хотелось пить. Воспоминание об этом случае помогло девушке избавиться от истерического симптома. Находясь в гипнотическом состоянии, пациентка попросила попить и, когда ей дали стакан с водой, она с удовольствием опустошила его. Пробудившись со стаканом воды у рта, она не испытала никаких неудобств, и с этого времени могла свободно утолять жажду таким образом.

Аналогичная картина наблюдалась и в том случае, когда пациентка вспоминала различные эпизоды, связанные с уходом за больным отцом. Однажды девушка вспомнила, как проснулась ночью в ужасном страхе. Ожидая хирурга для операции своего отца, она сидела у его постели. Ее правая рука лежала на спинке стула. Усталая от переживаний, девушка впала в состояние грез наяву. Она увидела, как со стены по направлению к отцу ползла большая черная змея. Несмотря на свой страх, девушка попыталась отогнать змею от отца, но не смогла этого сделать. Находящаяся на спинке стула правая рука онемела, в результате чего она не могла ею даже пошевелить. Причем, когда девушка взглянула на свою онемевшую, потерявшую чувствительность руку, она увидела, что ее пальцы превратились в маленьких змей с мертвыми головами. Девушку охватил ужас. После того как она очнулась и увидела, что никакой змеи нет и что это была не более чем галлюцинация, все еще пребывая в страхе, она захотела помолиться, но не смогла вспомнить ни одного слова на немецком языке. Ей в голову пришло английское детское стихотворение, и на этом языке она проговорила молитву.

Это объясняло, почему во время болезни пациентка Брейера изъяснялась на английском языке. Из данного воспоминания становится более понятным и источник паралича ее правой руки. После того как в гипнотическом состоянии пациентка рассказала об эпизоде у постели больного отца, сопровождавшемся галлюцинацией о змее и потерей чувствительности руки, невротический симптом оказался устраненным, а паралич правой руки исчез.

Паппенхейм), весьма примечателен, так как Брейер впервые применил при лечении своей пациентки новый метод, основанный на гипнозе. Помимо всего прочего этот метод включал в себя установку на обнаружение с помощью гипноза истоков возникновения невротических симптомов у молодой девушки. И именно об этом случае Брейер рассказал Фрейду, выразившему особый интерес к особенностям брейеровского лечения истерии.

Брейер назвал новый метод, использованный им при лечении Анны О. и фактически подсказанный ему образованной и интеллигентной пациенткой, катартическим. Это название происходит от древнегреческого слова «катарсис» (очищение) и восходит к Аристотелю, считавшему, что в процессе восприятия драматического искусства благодаря сопереживанию происходящим на сцене драматическим событиям у человека может произойти душевное очищение. В случае Анны О. катартический метод лечения заключался в том, что в состоянии гипноза воскрешались выпавшие из памяти воспоминания о травматических событиях жизни и благодаря их воспроизведению в словесной форме путем повторного переживания осуществлялось освобождение (катарсис) от истерических симптомов.

Познакомившись более подробно со случаем Анны О., Фрейд начал воспроизводить опыт Брейера на своих больных и использовать в своей частной практике метод катарсиса. Особенно привлекательным этот метод стал для него после того, как во время поездки в Нанси в 1889 году он обнаружил, что даже такой искусный гипнотизер, как Бернгейм, сталкивается со случаями, свидетельствующими об ограниченных возможностях гипнотического внушения.

В мае 1889 года Фрейд приступил к лечению фрау Эмми фон Н. Это была сорокалетняя женщина, страдающая спазмами лица и испытывающая неудобства от пощелкивания языком, производящим неприятный звук. Введя ее в гипнотическое состояние, Фрейд наблюдал за тем, как у нее прекращаются спазмы и разглаживается лицо. Одновременно он использовал катартический метод, тем самым пытаясь установить истоки заболевания и добиться от пациентки «самоочищения». Так, удалось обнаружить, что пощелкивание языком было связано с двумя переживаниями. Одно относилось к тому времени, когда она ухаживала за больным сыном. Однажды во время болезни сын с трудом заснул, и мать заставляла сидеть себя тихо, чтобы не разбудить его каким-либо звуком. Второе переживание было связано с происшествием, когда во время поездки в экипаже с двумя детьми разразилась гроза, лошади испугались и понеслись. Женщина же испугалась еще больше за жизнь своих детей и старалась избегать любого шума, поскольку лошади из-за этого могли прибавить скорость, что могло привести к несчастному случаю.

С помощью гипноза Фрейду частично удалось снять невротические симптомы у этой фрау. Однако гипнотическое внушение не было столь эффективным, как того ему хотелось. Симптомы то пропадали, то вновь давали знать о себе. С одной стороны, он полагал, что у его пациентки имеются глубоко запрятанные сексуальные потребности, с которыми ей приходится постоянно бороться и поглощенность которыми затрудняет терапевтическую работу. Это была одна из первых попыток Фрейда соотнести невротическое заболевание с вытесненной сексуальностью. С другой стороны, он еще раз убедился в ограниченных возможностях гипнотического внушения, что побудило его искать новые методы лечения нервных заболеваний.

Лечение фрау Эмми фон Н. обнажило перед Фрейдом одну, ставшую впоследствии чрезвычайно важной для психотерапии проблему. Он заметил, что исчезновению симптомов способствует установление непосредственного контакта между врачом и пациентом. Прекращение этих контактов может привести к возобновлению невротических симптомов. Личные взаимоотношения между врачом и пациентом накладывают отпечаток на эффективность терапии.

В то время он соотнес это открытие с гипнозом, полагая, что именно гипноз, способствующий выявлению причин возникновения невротических симптомов, одновременно может оказываться камнем преткновения на пути полного и бесповоротного излечения больных. Такое открытие заставило его усомниться в эффективности не только гипнотерапии как таковой, но и катартического метода, поскольку стало очевидным, что нередко успех терапии зависит не столько от катарсиса, достигаемого пациентом, сколько от личных отношений, устанавливаемых между ним и врачом.

Кроме того, в своей частной практике Фрейд столкнулся с такой неприятной для него и этически сложной терапевтической ситуацией, которая подвела его к переосмыслению необходимости использования гипноза в качестве терапевтического средства. Однажды он работал с пациенткой, которая легко поддавалась гипнозу и с которой Фрейд фактически мог проделывать различные эксперименты. Ему удалось подвести находящуюся в гипнотическом состоянии пациентку к истокам ее заболевания. Благодаря катартическому методу он освободил ее от тех невротических симптомов, которые приносили ей страдания. Однако каковы были его удивление и растерянность, когда однажды, пробудившись от гипноза, пациентка бросилась на Фрейда, обвив своими руками его шею. Только благодаря внезапному появлению служанки ему удалось оправиться от вполне понятного замешательства и от неприятных объяснений с пациенткой.

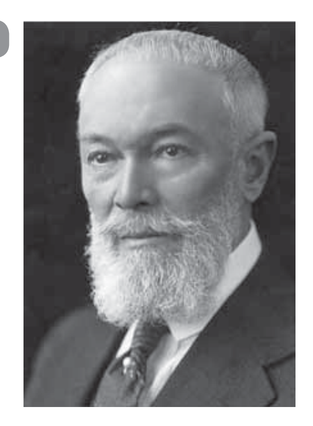
Описывая данный эпизод спустя тридцать лет, Фрейд подчеркнул, что у него хватило трезвости, чтобы не объяснять этот случай своей личной неотразимостью. Ему казалось, что теперь он полностью понял природу мистической стихии, которая таилась за гипнозом. Чтобы исключить ее или, по крайней мере, изолировать, он решил отказаться от гипноза. И действительно, после почти пятилетнего использования гипноза в своей частной практике Фрейд отказывается от него и выдвигает на передний план новый метод, который пришел на смену катартическому и знаменовал собой возникновение психоанализа.

В истории медицины, философии и науки некоторые открытия совершаются одновременно разными людьми, и часто приоритет в их установлении оказывается делом спорным, вызывающим острые дискуссии, которые завершаются порой искажением исторической истины.

В то же самое время, когда в Вене Брейер с Фрейдом анализировали случай Анны О., в Гавре П. Жане работал с молодой девушкой, история болезни которой редко попадает в поле зрения современных психоаналитиков. Между тем рассмотрение «случая Марии», как он был назван Жане, и использованный французским врачом метод лечения несомненно заслуживают внимания в плане понимания предыстории возникновения психоанализа.

Между катартическим методом Брейера и психологическим анализом Жане много общего. Оба они использовали гипноз для исследования причин возникновения истерических симптомов, что, как уже было сказано, привлекло внимание

Имена

Пьер Жане (1859–1947) — французский психолог и психиатр. Исследовал под руководством Шарко истерию и после его смерти возглавил ставшую знаменитой клинику Сальпетриер в Париже. В 1913 году он избран членом Парижской академии моральных и политических наук, в 1925 году — ее президентом. Являлся действительным и почетным членом ряда зарубежных академий. В 1889 году Жане опубликовал работу «Психический автоматизм», с которой был знаком Фрейд и которая, по-видимому, стала стимулом для становления психоанализа. В 1910 году в Вашингтоне при образовании Американской психоаналитической ассоциации среди избранных пяти почетных ее членов, наряду с Фрейдом, Юнгом, Форелем и Клапередом, значилось и имя Жане. У Фрейда было двойственное отношение к Жане. Он ценил его заслуги в исследовании бессознательного, но критически относился к его пониманию бессознательного и до конца жизни не мог простить ему отзывов о психоанализе.

Фрейда. И тот и другой сделали акцент на травматических ситуациях, способствующих развитию невротических симптомов, что также не ускользнуло от внимания Фрейда. Для обоих стало очевидным, что для обнаружения травматических ситуаций необходимо изучить предшествующие заболеванию периоды жизни пациента, включая ранние годы детства, что впоследствии учитывалось Фрейдом и легло в основу его психоаналитических исследований и терапевтической деятельности. Для того и другого гипноз выступал не только в качестве познавательного инструментария, дающего возможность выявить этиологию невротического заболевания, но и как терапевтическое средство, которое способствовало устранению невротических симптомов и исцелению пациентов, на что в начале своей частной практики уповал также и Фрейд.

Все это позволяет говорить о том, что катартический метод Брейера и психологический анализ Жане оказались непосредственными предшественниками психоанализа Фрейда.

Сам Фрейд неоднократно указывал на связь психоанализа с катартическим методом Брейера, подчеркивая то обстоятельство, что фактически случай истерии Анны О. послужил отправной точкой для его исследовательской и терапевтической деятельности, приведшей к возникновению психоанализа. Правда, его акценты в отношении приоритетности менялись по мере расхождений с Брейером и укрепления позиций психоаналитического движения, в результате чего он все больше акцентировал внимание на различиях между катартическим методом Брейера и его собственным психоанализом. Судя по всему, ему уже не хотелось, чтобы его имя ставилось в один ряд с именем Брейера, а психоанализ ассоциировался с кем-то другим. И тем не менее он не отрицал заслуг Брейера, рассматривая его исследования в качестве исходного материала, давшего толчок к возникновению психоанализа.

Иное положение складывалось в отношении признания соответствующих заслуг Жане. После того как некоторые исследователи указали на сходство между его учением о бессознательном и соответствующими представлениями французского врача, Фрейд категорически отрицал какую-либо связь с последним, всячески от-

метал любые слухи о якобы имевших место концептуальных заимствованиях и подчеркивал, что психоанализ в историческом плане абсолютно независим от находок Жане. Причем если при всех расхождениях с Брейером и разрывом дружбы с ним он отдавал последнему дань уважения, то отношение Фрейда к Жане характеризовалось личным неприятием как его воззрений на истерию, так и его оценки психоанализа в целом.

Так сложилось исторически, что Брейер имел дело со случаем Анны О. несколько раньше, чем Жане со случаем Марии. Лечение Анны О. у Брейера завершилось в 1882 году, лечение Марии у Жане происходило после 1882 года. Однако медицинский мир узнал об этих историях в обратном порядке. Жане сообщил о случае Марии в своей публикации, вышедшей в свет в 1889 году, в то время как о случае Анны О. стало известно из совместно написанных Брейером и Фрейдом работ, опубликованных в «Предварительном сообщении» в 1893 году и в «Исследованиях истерии» в 1895 году.

Не исключено, что именно книга Жане, содержащая историю болезни и излечения Марии, побудила Фрейда прибегнуть к более настойчивым уговорам Брейера опубликовать исследования по истерии, включая случай Анны О., чему тот долгое время противился. И совершенно очевидно, что Брейер и Фрейд читали книгу Жане. Более того, при написании «Исследований истерии» они соотносили свои представления о нервных заболеваниях и их лечении со взглядами Жане на истерию.

Наряду с несомненными сходствами между психологическим анализом Жане и психоанализом Фрейда имеются определенные различия. Фрейд был прав, когда писал о том, что из работ Жане не были извлечены выводы, которые сделал психоанализ по отношению к гуманитарным наукам. Имеется в виду прежде всего то обстоятельство, что психоанализ не ограничился терапевтическим его применением, а стал использоваться в качестве средства исследования в различных областях гуманитарного знания. Однако следует обратить внимание на другое различие, имеющее отношение непосредственно к психотерапии.

Катартический метод Брейера и психологический анализ Жане содержали одну и ту же установку. И в том и в другом случае с помощью гипноза первоначально выявлялись истоки возникновения истерических симптомов, а затем осуществлялась работа по их устранению. Ориентация на прошлое, обращение к детству и обнаружение травмирующих ситуаций — все это было однотипным для исследований как Брейера, так и Жане. Оба ученых стремились к открытию истины (травмы) в истории жизни пациентов. Но дальше их пути расходились. Точнее говоря, открытие истины в воспоминаниях пациентов, находящихся в гипнотическом состоянии, служило необходимой предпосылкой для снятия у них истерических симптомов и исцеления их, но средства, ведущие к достижению этих целей, оказались различными.

Для Брейера травматическая ситуация являлась некой данностью, которую пациенту следовало заново пережить, чтобы, отреагировав на нее должным образом, то есть дав разрядку сдержанным и подавленным аффектам, тем самым снять напряжение, после чего невротические симптомы исчезали сами по себе. Исчезнувшие из памяти патогенные воспоминания доводились до сознания пациента, он обретал истинное знание о произошедших событиях и переживаниях, и эмоциональное реагирование на это знание приводило к выздоровлению. В этом смысле катартический метод Брейера можно назвать «лечением истиной».

Из клинической практики

К моменту доставки в госпиталь, где работал Жане, эта молодая 19-летняя девушка считалась неизлечимой. Ее мучили приступы, которые сопровождались конвульсиями, спазмами и бредом. Во время приступов девушка с ужасом кричала, производила беспорядок вокруг себя, говорила об огне и крови, пыталась куда-то бежать. Приступы завершались тем, что ее рвало кровью. Сама она ничего не помнила. Приступы наступали периодически, раз в месяц. Кроме того, девушка страдала скованностью рук, напряженностью мышц, слепотой на левый глаз.

Наблюдая за больной, Жане установил, что приступы связаны с менструацией. В критические для девушки дни приступы достигали своего пика, были наиболее интенсивными и доставляли ей страдания. В период между менструациями наблюдались различного рода сбои, но они не были столь тяжелыми, как в критические дни.

За несколько дней перед наступлением менструации у девушки менялся характер. Она становилась мрачной, раздражительной, выражала гнев по разным поводам. У нее начиналась дрожь во всем теле, переходящая в нервные спазмы и нестерпимые боли. Примерно через 20 часов после начала менструации сильнейшая дрожь становилась непереносимой. Девушка испытывала острую боль, начинающуюся в области живота и подступающую к горлу. Приступ завершался истерией, сопровождающейся бредом и рвотой с кровью. На протяжении нескольких месяцев применялось медикаментозное лечение и водотерапия. Несколько раз Жане прибегал к гипнозу, но старался особенно не беспокоить девушку перед ее критическими днями. Состояние пациентки не улучшалось. Скорее напротив, относящиеся к менструальному циклу терапевтические процедуры не ослабляли, а усиливали бред.

К концу восьмого месяца пациентка в отчаянии заявила, что лечение бесполезно, симптомы болезни будут постоянно возвращаться и, следовательно, ее дальнейшая жизнь обречена на страдания и мучения. Жане попросил пациентку объяснить ему, что с ней происходит, когда ей становится совсем плохо. Девушка ничего не смогла добавить к тому, что уже было известно. Создавалось впечатление, что, о каких бы событиях ее ни спрашивали, она ни о чем не помнит.

В надежде получить необходимую для понимания истоков заболевания информацию Жане решил привести пациентку в глубокое гипнотическое состояние. Находясь в этом состоянии, она вспомнила эпизод, связанный с ее первой менструацией, которая началась у нее в 13 лет. Свою первую менструацию девочка восприняла как нечто постыдное. То ли в силу своего детского воображения, то ли в результате чего-то услышанного или ранее увиденного девочка решила прекратить менструацию. Примерно 20 часов спустя после начала менструации она, воспользовавшись моментом, когда ее никто не видел, вышла из дома и села в бадью с ледяной водой. Менструация прекратилась. Дрожа от холода, девочка вернулась домой, но слегла. Болезнь продолжалась несколько дней, в течение которых она находилась в бреду. Через какое-то время девочка поправилась, но на протяжении нескольких лет у нее не было менструации. Только пять лет спустя у нее начался менструальный цикл, который стал сопровождаться всеми перечисленными выше болезненными симптомами.

На основании раннего воспоминания пациентки Жане попробовал устранить из ее сознания идею о том, что менструация была прекращена в результате погружения в ледяную воду. Это не дало никакого результата. Начавшаяся через несколько дней менструация сопровождалась теми же самыми болезненными симптомами. Тогда Жане привел пациентку в гипнотическое состояние, воспроизвел имевшую место в тринадцатилетнем возрасте ситуацию начала первой менструации и внушил девушке, что в то время не было никакого травмирующего события, а менструация протекала нормально на протяжении не менее трех дней. Результат был потрясающим. Следующая менструация началась у девушки вовремя, она не сопровождалась никакими конвульсиями, болями, бредом и длилась три дня. ►

Из клинической практики

Тем же самым путем Жане выявил истоки возникновения других болезненных симптомов, включая приступы ужаса, кровь, картины огня. Аналогичным образом он добился того, что приступы ужаса у пациентки больше не возобновлялись. Но Жане не остановился на этом и попытался разобраться в слепоте левого глаза, которая, как уверяла пациентка, была у нее с момента рождения.

Вводя пациентку в гипнотическое состояние, он добивался от нее воспоминаний, связанных с различными периодами детства. Проигрывая основные сцены детских лет жизни, он обнаружил, что у девочки началась слепота в шестилетнем возрасте, и это было связано с конкретным случаем. Однажды, несмотря на ее протесты, девочку уложили спать на одну кровать с другим ребенком, левая щека которого была покрыта лишаем. Спустя несколько дней у нее тоже возник лишай, причем с левой стороны лица, как и у другого ребенка. Лечение шло с переменным успехом. Лишай то исчезал, то вновь появлялся. В конце концов от лишая удалось избавиться, но никто не заметил, что у девочки развилась слепота на левый глаз.

Прибегнув к аналогичному лечению, Жане погрузил пациентку в период шестилетнего возраста и воспроизвел ту самую ситуацию, когда она испытывала ужас от перспективы лечь в одну постель с больным ребенком. Он внушал ей, что никакого лишая у ребенка не было, напротив, ребенок был очень милым и симпатичным. Не сразу, но в несколько приемов Жане удалось добиться такого внушения, что в гипнотическом состоянии пациентка без всякого отвращения к воображаемому ребенку обнимала и ласкала его. Таким образом, удалось восстановить чувствительность левого глаза. Слепота исчезла, пациентка стала видеть левым глазом так же хорошо, как и правым.

По прошествии пяти месяцев со дня осуществленных Жане лечебных экспериментов его пациентка стала выглядеть совершенно другим человеком. Не было никаких признаков истерии. В лучшую сторону изменился ее физический облик. Отмечая эти изменения, Жане подчеркнул, что не придает этому исцелению большего значения, чем оно заслуживает, поскольку не знает, насколько долгим будет воздействие лечения. Вместе с тем он признался, что находит эту историю интересной, как пример важности фиксированных подсознательных идей и той роли, которую они играют в некоторых физических и психических заболеваниях.

Для Жане травматическая ситуация также выступала в качестве необходимой для дальнейшей терапевтической работы данности. Но эта данность как историческая истина была необходима скорее для терапевта, нежели для пациента. Истина была нужна врачу, а не больному человеку. Болезнь развивалась путем бегства пациента от истины. Если его поставить лицом перед этой истиной, то не будет ли прогрессировать его болезнь? Не приведет ли знание истины к окончательному краху больного? Поэтому врач, открывший для себя истину в отношении самого больного, должен был скрыть ее от него. Более того, путем гипнотического внушения он мог подменить истину ложью с тем, чтобы травмирующее событие прошлого не просто забылось, а окончательно исчезло из памяти пациента. На этом пути как раз и достигалось выздоровление. В этом отношении психологический анализ Жане можно назвать «лечением ложью». Что лучше: горькая истина или ложь во спасение? В медицинской практике этот вопрос рано или поздно встает не только перед психотерапевтами, но и перед многими врачами, специалистами по различным заболеваниям. Каждый по-своему пытается ответить на него, руководствуясь самыми различными соображениями, включая личностные, правовые, этические. В рассма-

Из клинической практики

«Разъяснения, получаемые благодаря процедуре давления, иногда возникают в очень странной форме и в обстоятельствах, делающих заманчивым предположение о бессознательном интеллекте. Так, я вспоминаю одну даму, много лет страдавшую от навязчивых представлений и фобий, которая рассказывала мне о возникновении заболевания у нее в детстве, но не могла назвать причину заболевания. Она была искренней и интеллигентной и оказывала лишь небольшое сознательное сопротивление. (Здесь я хочу заметить, что психический механизм навязчивых представлений имеет очень много внутреннего родства с истерическими симптомами, и поэтому методика анализа в обоих случаях должна быть одинаковой.) Когда я спросил эту даму, видела ли она что-либо или не появилось ли у нее какое-нибудь воспоминание при давлении моей руки, она ответила: "Ни то, ни другое, но мне вдруг пришло в голову одно слово". — "Одно-единственное слово?" — "Да, но оно звучит очень уж глупо". — "Скажите его все-таки". — "Старший дворник". — "Больше ничего?" — "Нет". Я надавил еще раз, и опять у нее всплыло пришедшее ей на ум слово. "Рубашка". Теперь я заметил, что здесь имеется новая форма ответа, и повторными надавливаниями я способствовал получению бессмысленного на вид ряда слов: старший дворник — рубашка — кровать — город — телега. "Что это должно означать?" — спросил я. Она… подумала, потом сказала: "Это может быть только та история, которая мне сейчас приходит на ум. Когда мне было 10 лет, а моей старшей сестре — 12, у нее однажды ночью случился припадок острого возбуждения. Ее пришлось связать и отвезти в город на телеге. Я знаю точно, что с ней справился и сопровождал ее потом в лечебное учреждение старший дворник". Мы продолжили этот вид исследования и услышали от нашего оракула другие ряды слов, не все из которых мы сумели истолковать. Однажды их удалось использовать для продолжения этой истории и для связывания с другой. Значение этой реминисценции вскоре выявилось. Заболевание сестры потому произвело на нее такое глубокое впечатление, что у них была общая тайна: они спали в одной комнате и однажды обе подверглись сексуальному нападению определенного лица мужского пола. Благодаря упоминанию об этой сексуальной травме, полученной в ранней юности, вскрылось не только происхождение первых навязчивых представлений, но выявилась ситуация, травмировавшая ее позже. Странность этого случая состояла только в появлении отдельных ключевых слов, которые нам приходилось перерабатывать в предложения, так как видимость отсутствия соотношений и связей сохранялась для целых идей и сцен, обычно возникавших при давлении. При дальнейшем прослеживании закономерно оказывалось, что не связанные с виду реминисценции на самом деле тесно связаны и непосредственно ведут к искомой психической травме» (З. Фрейд. О клиническом психоанализе // Избранные сочинения. М., 1991. С. 61–62).

триваемом контексте речь идет не о том, кто прав и какая позиция представляется более предпочтительной. Для дальнейшего понимания истории возникновения психоанализа важно зафиксировать то принципиальное различие, которое имело место между катартическим методом Брейера и психологическим анализом Жане. Вряд ли Фрейд отследил для себя это различие. Во всяком случае, высказывая свои соображения по отношению к катартическому методу Брейера и критические замечания по поводу представлений Жане об истерии, он не проводил различий между ними в плане истины и лжи, как средствах лечения. Однако можно полагать, что, так как он с юношеских лет был приверженцем поиска истины, лечение ложью не только не импонировало ему, но и вряд ли приходило в голову.

Катартический метод Брейера не в последнюю очередь привлек внимание Фрейда именно потому, что гипноз использовался как для выявления истинных причин

возникновения истерии, так и для лечения страдающих истерией пациентов с помощью той истины, которую они могли осознать благодаря терапевтическим усилиям врача. Другое дело, что, обнаружив связанные с гипнотическим внушением ограничения, он отказался от гипноза как такового и тем самым внес изменения в катартический метод Брейера. С этими изменениями как раз и связано появление психоанализа.

Какое же новшество ввел Фрейд, отказавшись от гипноза?

В 1892 году у Фрейда были две пациентки, при лечении которых он не использовал гипноз. К тому времени гипноз стал для него, по его собственному выражению, неприятен, как капризное и, так сказать, мистическое средство. Одна из пациенток («случай Люси Р.») страдала легкими истерическими нарушениями, включая потерю обоняния. Вторая («случай Элизабет фон Р.») испытывала мучительные боли в ногах и не поддавалась гипнозу. Пытаясь обойтись без гипнотического внушения, Фрейд вспомнил об одном эксперименте, который он наблюдал у Бернгейма во время своей поездки в Нанси. Пациента вводили в гипнотическое состояние, в котором ему внушали различные действия и заставляли испытывать разнообразные переживания. После того как он приходил в себя и возвращался в состояние бодрствования, его просили вспомнить, что было с ним до пробуждения и какие переживания он испытывал в то время. Пациент ничего не помнил и говорил, что ничего не знает. Тогда его начинали убеждать в том, что на самом деле он знает о происходящем с ним в гипнотическом состоянии и необходимо только приложить усилия к тому, чтобы вспомнить об этом. Приходилось настаивать на том, чтобы он вспомнил забытое. В конечном счете после некоторых затруднений в памяти пациента воскрешали те переживания, которые имели место у него в гипнотическом состоянии.

Осмысление этого эксперимента привело Фрейда к идее о том, что у истерических пациентов имеются воспоминания, которые в силу каких-то причин не попадают в поле их сознания и создается видимость того, что пациенты ничего не знают о них. Необходимо убедить пациентов в том, что они обладают определенными знаниями. Надо только настойчиво требовать, чтобы они вспомнили о событиях, некогда имевших место в их жизни. Для этого не требуется гипноз. Достаточно, чтобы пациенты сосредоточивались на каком-то воспоминании. Так появился новый технический прием, который Фрейд поначалу назвал *сосредоточением*.

Придерживаясь этой техники, Фрейд освободил катартический метод Брейера от элементов гипноза. Цель осталась прежней — дойти в воспоминаниях пациента до травмирующей ситуации, чтобы благодаря выявлению на свет истины устранить его невротические симптомы. Технический прием иной — не введение пациента в гипнотическое состояние, а работа с ним в состоянии его бодрствования.

Пациента укладывали на кушетку, просили закрыть глаза и сосредоточить свое внимание на одном из истерических симптомов. Пациент должен не только сосредоточиться на конкретном симптоме, но и вспомнить все то, что могло бы помочь выявлению истоков его происхождения. Для достижения этой цели Фрейд задавал наводящие вопросы, настойчиво требовал от пациента, чтобы он воскресил в памяти все воспоминания. В том случае, если ничего не получалось и пациент говорил, что он ничего не помнит, Фрейд прибегал, по его собственному выражению, к «небольшой методической уловке» — наложению руки на лоб. Он слегка нажимал своей рукой на лоб пациента, убеждая его в том, что к нему обязательно придут какие-

нибудь мысли или воспоминания. После неоднократных подобных попыток, во время которых Фрейд настойчиво требовал от пациента извлечения воспоминаний из его памяти, у того появлялись некоторые мысли, которые он и излагал своему врачу.

В случае Элизабет фон Р. Фрейд заставлял больную рассказывать все то, что она знает или хотя бы смутно помнит. Он беспрестанно задавал вопросы и, что называется, постоянно давил на нее. Фиксируя те затруднения, которые возникали у нее по ходу воспоминаний, он неотступно возвращался к ним, требуя от нее прояснения недостающих звеньев в цепи воспоминаний. Шаг за шагом вместе с пациенткой Фрейд пробирался вглубь воспоминаний, вскрывая новые напластования и события, относящиеся к истории ее жизни. Так, путем долгой, утомительной и упорной работы он открывал истину, благодаря которой устанавливалась связь между забытыми, травматическими, патогенными сценами из жизни больной и последующими, порожденными ими симптомами. Используя в своей работе с Элизабет фон Р. новое техническое средство, Фрейд достиг того, что во время аналитических сеансов ноги пациентки начали, по его собственному выражению, «говорить».

Случай Элизабет фон Р. был для Фрейда первым полным анализом истерии, которым он сам остался доволен. «Методическую уловку» с положением руки на лоб пациента он стал использовать и в других случаях, считая, что под давлением его руки каждый раз устанавливается забытое воспоминание, воскрешение которого достигается настойчивостью врача по отношению к больному. С точки зрения Фрейда, патогенные представления становятся доступными для восприятия пациента тогда, когда он отвлекается от сознательного поиска и размышления. Напористость врача необходима не для того, чтобы пациент проявил свою волю в воспоминаниях. Напротив, она направлена на то, чтобы своей психической работой врач смог преодолеть какую-то силу, мешающую воспоминаниям больного, которому следует без критики, разумных доводов и сомнений отдаваться доступным ассоциациям. Это был уже не просто технический прием, а новый метод, названный Фрейдом «психическим анализом».

В 1895 году Фрейд совместно с Брейером опубликовали работу «Исследования истерии». В ней излагались и разбирались пять историй болезни, включая историю пациентки Брейера Анны О. и четырех пациенток Фрейда. Наряду с их совместной вступительной статьей и теоретическими рассуждениями Брейера, в книге содержалась заключительная глава о психотерапии истерии, принадлежащая перу Фрейда. Эти материалы дают представление как о специфике использованного им метода психического анализа, так и о самой процедуре его осуществления.

В написанной Фрейдом главе о психотерапии истерии содержались идеи о бессознательном интеллекте, сопротивлении, сексуальной травме, методике анализа истерии, приемлемой для изучения невроза навязчивых состояний. По сути дела, это те идеи, которые легли в основу психоанализа. К этому следует добавить, что в тексте написанной Фрейдом главы содержались рассуждения о сопротивлении, а также размышления о переносе (трансфере) и вытеснении. Отталкиваясь от высказываний Фрейда о психоанализе, согласно которым психоаналитическим является любое исследование, признающее факты сопротивления и переноса, а учения о сопротивлении, вытеснении, бессознательном, этиологическом значении сексуальной жизни и важности детских переживаний — это составные части психоанализа, можно говорить о том, что с публикацией в 1895 году совместного труда

Брейера и Фрейда возник новый метод исследования и терапии, получивший название «психоанализ».

Год спустя после публикации данной работы Фрейд впервые использует термин «психоанализ». Это нашло свое отражение в его статье «Наследственность и этиология неврозов», вышедшей в свет на французском языке 30 марта 1896 года. Полтора месяца спустя была опубликована на немецком языке статья Фрейда «К вопросу об этиологии истерии», в которой также фигурировал термин «психоанализ». Так был осуществлен переход от психического анализа к психоанализу.

Этот переход сопровождался дальнейшим изменением методики и техники исследования истоков возникновения невротических симптомов. Отказ от гипноза был необходимой предпосылкой для осуществления психического анализа. Отказ от наложения руки на лоб пациента с целью оказания на него давления — важным шагом на пути возникновения психоанализа.

Случай Элизабет фон Р. открыл Фрейду глаза на необходимость изменения используемой им техники анализа. На протяжении многих сеансов он оказывал на нее давление, стремясь своими вопросами направить пациентку в русло необходимых для анализа воспоминаний. Он убеждал ее в том, что она не только знает, но и должна воскресить в памяти важные события предшествующей жизни. Он настаивал на необходимости вспомнить то, что она забыла. Дело дошло до того, что пациентка выразила свое недовольство по поводу нажима, который Фрейд оказывал на нее. Ей мешали настойчивые требования аналитика, направленные на конкретные воспоминания. Его вопросы не позволяли ей отдаться свободному течению мыслей. Под его напором зарождающиеся у нее ассоциации не получали свободного развития.

Если первоначально Фрейд полагал, что его активность, настойчивость и требовательность являются несомненным благом для анализа, то недовольство по этому поводу, проявленное в случае Элизабет фон Р., заставило его задуматься над используемой им техникой. Реальная трудность в процессе воскрешения воспоминаний состояла, видимо, не только в сопротивлении пациента, что впоследствии стало одним из важных, первостепенных объектов анализа, но и в невозможности пациента в условиях усиленного давления на него аналитика отдаться свободному ассоциированию. В конечном счете у Фрейда хватило мудрости не только прислушаться к доводам его пациентки, но и последовать совету не оказывать на нее излишнее давление.

Так, обладая чутьем исследователя и руководствуясь здравым смыслом, Фрейд пришел к методу свободных ассоциаций. К тому методу, который, как и в случае Анны О. с катарсисом, был подсказан пациентом. К тому методу, который как раз и был положен в основу психоанализа. Таким образом, возникновение психоанализа связано с отказом от гипноза и началом использования метода свободных ассоциаций. С этого момента метод свободных ассоциаций стал альфой и омегой психоаналитической терапии.

Терапевтическая деятельность Фрейда — важный источник идей и технических разработок, приведших к возникновению психоанализа. Важный, но не единственный источник, как это подчас представляется многим психоаналитикам, сводящим психоанализ лишь исключительно к клинической практике.

Из предыдущего рассмотрения нетрудно заметить, что становление психоанализа связано не только с терапевтической, но и с исследовательской деятельностью Фрейда. Впрочем, оба вида деятельности тесно переплетаются друг с другом. По

крайней мере, именно так обстояло дело у Фрейда, в отличие от ряда современных психоаналитиков, для которых клиническая или частная практика — это основа основ психоанализа, а исследовательская деятельность — некий придаток, совсем не обязательный и к тому же обременительный, а в условиях ускоряющегося темпа жизни, когда некоторые аналитики едва успевают принимать пациентов, совершенно ненужный.

Рассматривая истоки возникновения психоанализа, нет необходимости останавливаться на детальном обсуждении вопроса о соотношении исследовательской и терапевтической деятельности, теории и практики психоанализа. Важно иметь в виду, что терапевтическая практика — отнюдь не единственный и исчерпывающий источник, положивший начало становлению психоанализа. Наряду с ним имеются и другие, из которых Фрейд черпал вдохновлявшие его идеи и которые оказались для него не менее продуктивными, чем аналитическая практика.

Изречения

З. Фрейд: «Если создание психоанализа является заслугой, то это не моя заслуга. Я не принимал участие в первых начинаниях, когда другой венский врач — д-р Йозеф Брейер — в первый раз применил этот метод к одной истерической девушке (1880–1882), я был студентом и держал свои последние экзамены».

З. Фрейд: «Неважно, впрочем, начнем мы отсчитывать эпоху психоанализа от катартического метода или от моей модификации последнего».

З. Фрейд: «Французский наблюдатель Ж. Шарко, учеником которого я был в 1885–1886 годах, сам не имел склонности к психологическим построениям, но его ученик П. Жане пытался глубже проникнуть в особенные психические процессы при истерии, и мы следовали его примеру, когда поставили в центр наших построений расщепление психики и распад личности».

З. Фрейд: «История настоящего психоанализа начинается только с момента определенного технического нововведения — отказа от гипноза».

З. Фрейд: «Психоаналитическое лечение зиждется на правде. В этом заключается значительная доля его воспитательного влияния и этической ценности. Опасно покидать этот фундамент. Кто хорошо освоился с аналитической техникой, тот не в состоянии прибегнуть к неизбежной для врача иной раз лжи и надувательству и обыкновенно выдает себя, если иногда с самыми лучшими намерениями пытается это сделать».

З. Фрейд: «Первоначальный способ преодолевать сопротивление, применяя напор и убеждение, был необходим, чтобы врач мог для начала сориентироваться, чего здесь следует ожидать. Но применять его долго было слишком утомительно для обоих участников, и были некоторые очевидные сомнительные стороны. Так что на смену ему пришел другой метод, в известном смысле ему противоположный. Вместо того чтобы побуждать пациента говорить что-нибудь на определенную тему, теперь ему предлагалось отдаться свободным ассоциациям, то есть говорить, что ему только придет на ум, когда он не думает ни о какой сознательной цели».

Философия

Если медицинские истоки возникновения психоанализа находятся в поле зрения любого исследователя, обращающегося к идейному наследию Фрейда и истории психоаналитического движения, то его философские истоки оказываются чаще всего вне пределов серьезного рассмотрения. В лучшем случае признается сходство между некоторыми психоаналитическими идеями Фрейда и философскими концепциями А. Шопенгауэра или Ф. Ницше. В худшем — вообще отрицается какое-либо влияние философских идей на становление и развитие психоанализа.

Такое положение связано прежде всего с широко распространенным представлением о том, что рождение психоанализа обусловлено терапевтической практикой. Психоаналитики приложили немало усилий к тому, чтобы подобная точка зрения стала превалирующей в мышлении современников, незнакомых с историей развития психоанализа и имеющих отличающиеся представления о нем. Первые психоаналитики, будучи непосредственными свидетелями идейных баталий, развернувшихся в начале XX столетия вокруг психоаналитических концепций Фрейда, отстаивали «честь мундира» и в направленной на защиту психоанализа аргументации апеллировали к клиническим данным. Имеющие медицинское образование и неискушенные в истории психоаналитического движения практикующие психоаналитики последующих поколений в своем большинстве оказались несведущими относительно подлинных истоков возникновения психоанализа.

Кроме того, те, кто первоначально разделял психоаналитические идеи Фрейда, но со временем выразил к ним свое критическое отношение, высказывали порой такие суждения, которые подкрепляли различные представления об основателе психоанализа как о человеке, не обремененном философскими знаниями. Так, в 1939 году К. Г. Юнг в одном из своих материалов, являвшихся, по сути дела, некрологом на смерть Фрейда, отмечал, что для взглядов основателя психоанализа было характерно полное отсутствие каких-либо философских предпосылок. При этом он поделился своими воспоминаниями, согласно которым Фрейд его как-то уверял, что ему и в голову никогда не приходило почитать Ницше.

И наконец, Фрейд действительно давал повод к тому, чтобы его воспринимали как врача и ученого, не только не склонного к философскому мышлению, но и в своем интеллектуальном развитии не соприкасавшегося с философскими знаниями. Достаточно обратиться к его «Автобиографии» (1925), чтобы сделать вывод о том, что в его идейном развитии философия не сыграла никакой роли и, следовательно, ни о каких философских истоках психоанализа не может быть и речи. В «Автобиографии» много страниц посвящено изложению медицинских истоков становления психоанализа и только в одном месте как бы мимоходом затрагивается вопрос о философских его предпосылках. При этом Фрейд подчеркивает, что имеющиеся «значительные совпадения» между психоаналитическими идеями и философскими концепциями Шопенгауэра и Ницше не обусловлены его знакомством с их учениями, а его собственная природная неспособность обусловливает сдержанность в отношении занятий философией как таковой.

Менее известны другие, подчас противоположные высказывания Фрейда о философии и тем более факты из его жизни, свидетельствующие о том, что не все так просто и однозначно, как это может показаться на первый взгляд. Во всяком случае,

концептуальные и биографические исследования последних десятилетий, опирающиеся на ранее неизвестные фактические материалы, дают возможность смотреть на историю возникновения психоанализа не только под углом зрения его медицинских истоков.

Текстологический анализ работ Фрейда свидетельствует о противоречивости его высказываний по поводу философских предпосылок психоанализа.

Так, описывая в одной из своих работ 1914 года историю развития психоаналитического движения и рассматривая выдвинутую им идею о вытеснении как фундаменте, на котором покоится все здание психоанализа, Фрейд категорически заявил, что к теории вытеснения он пришел самостоятельно, что ему неизвестны влияния, которые бы приблизили его к ней, и он долго считал идею оригинальной, пока О. Ранк не показал ему то место в работе Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (1819), где философ попытался дать объяснение помешательству.

В других же работах Фрейд непосредственно ссылался на Шопенгауэра. В частности, обсуждая проблему сексуальности, он подчеркивал, что Шопенгауэр давно указал людям, насколько их действия и мысли предопределяются сексуальными стремлениями в обычном смысле слова, и что этот философ в неизгладимых по силе воздействия словах отметил ни с чем не сравнимое значение сексуальной жизни. В 1913 году он отметил, что проблема смерти, по мысли Шопенгауэра, стоит на пороге всякой философии. Обосновывая в 20-х годах представление об инстинкте смерти, основатель психоанализа писал о том, что тем самым он нечаянно попал в гавань философии Шопенгауэра, для которого смерть есть «собственный результат» и, следовательно, цель жизни, а сексуальное влечение воплощает волю к жизни.

Аналогично отношение Фрейда и к Ницше. С одной стороны, в работах Фрейда содержатся ссылки на этого немецкого философа. В частности, рассматривая вопрос о роли отца в первобытном обществе, Фрейд в статье «Массовая психология и анализ человеческого Я» (1921) замечал, что на заре истории человечества отец был сверхчеловеком, которого Ницше ожидал лишь в будущем. Вводя в свои психоаналитические конструкции термин «Оно», он отмечал, что Ницше часто пользовался этим грамматическим термином для обозначения безличного, природно-необходимого в человеке. С другой стороны, в 1908 году во время чтения и обсуждения книги Ницше «Генеалогия морали» и опубликованных в то время писем немецкого философа на одном из заседаний созданного Фрейдом Венского психоаналитического общества основатель психоанализа в своем выступлении подчеркнул, что ранее не знал работ Ницше и что его идеи не повлияли на становление психоанализа.

Известно, что в Венском психоаналитическом обществе не раз обсуждались выступления и доклады, посвященные философским взглядам Шопенгауэра и Ницше. Так, в одном из своих выступлений П. Федерн не только указал на сходство философских идей Ницше с психоаналитическими концепциями, но сделал вывод о том, что этот немецкий философ был первым, кто открыл такие явления, как бегство в болезнь, репрессия, роль инстинктов в жизни человека. В свою очередь, Э. Гичман неоднократно рассматривал вопросы, связанные с идеями этих двух философов. На одном из заседаний общества он выступил с сообщением, в котором подробно разобрал жизнедеятельность и философскую теорию Шопенгауэра, считая его предшественником психоанализа. Поэтому нет ничего удивительного в том, что впослед-

ствии Фрейд обращался к идеям Шопенгауэра и Ницше, ссылаясь на них в своих поздних концептуальных разработках.

Однако остается открытым вопрос, повлияли ли эти идеи на формирование первоначальных психоаналитических концепций, или, как утверждал Фрейд, обращение к Шопенгауэру и Ницше имело место лишь в процессе последующих изменений, вносимых им в свое учение о человеке. Этот вопрос можно поставить иначе. Несмотря на свои утверждения об обратном, не был ли знаком Фрейд с философскими идеями Шопенгауэра и Ницше до того, как приступил к разработке психоаналитического учения?

Есть основания для утвердительного ответа на последний вопрос. Дело в том, что в юности, будучи студентом Венского университета, на протяжении ряда лет Фрейд входил в студенческую организацию, в которой широко обсуждались философские идеи Шопенгауэра и Ницше. Члены этой организации переписывались с последним. Находясь в гуще студенческой жизни, Фрейд не мог не знать работ Шопенгауэра и Ницше, поскольку содержащиеся в них идеи вызывали живой интерес у образованных людей, особенно у студентов второй половины XIX столетия. Известно, например, что уже на первом году обучения в Венском университете (1873) Фрейд читал работу Ницше «Рождение трагедии»; на протяжении трех месяцев 1884 года получал информацию о немецком философе от своего друга, лично познакомившегося с ним; в год смерти Ницше (1900) приобрел несколько его работ.

Что касается Шопенгауэра, то уже в первой своей фундаментальной работе «Толкование сновидений» (1900) Фрейд трижды ссылался на него. Он писал о том, что многие авторы придерживались воззрений, высказанных немецким философом по поводу сновидений, особенно в отношении сходства между сновидением и душевным расстройством, когда Шопенгауэр называл сновидение кратковременным безумием, а безумие — продолжительным сновидением.

Таким образом, надо полагать, что до возникновения психоанализа Фрейд имел представление о философских взглядах Шопенгауэра и Ницше, несомненно оказавших влияние на его мышление. Другое дело, что по различным причинам он предпочитал умалчивать об этом, «забывая» истоки своих психоаналитических концепций.

В юношеские годы, как, впрочем, и в зрелом возрасте, Фрейд много читал и, обладая прекрасной памятью, впитывал в себя многочисленные знания, словно губка. Из-за обилия прочитанного он мог не помнить того, где, когда, у кого именно и какие идеи он почерпнул. Но в его памяти запечатлелись те идеи, которые впоследствии, в процессе исследовательской и терапевтической деятельности, обрели реальную значимость в форме психоаналитических концепций.

Впрочем, и впоследствии Фрейд не ограничился самообразованием, идущим по пути от философии к медицинскому знанию. Как это ни странно покажется на первый взгляд, но полный цикл его самообразования завершился переходом от медицинского знания к философскому пониманию человека и культуры.

О данной тенденции в образовании и самообразовании Фрейд поведал несколько дней спустя после того, как он впервые ввел в научный оборот термин «психоанализ». Так, в письме к В. Флиссу от 2 апреля 1896 года он подчеркнул, что если в годы юности единственным его стремлением было приобретение философского знания, то, став, вопреки своему желанию, терапевтом, он все же сумел перейти от медицины к психологии и тем самым приблизился к достижению этого знания. В более

Имена

Вильгельм Флисс (1858–1928) — немецкий врач-отоларинголог, работавший в Берлине. В 1887 году учился в Вене в аспирантуре, посетил лекцию Фрейда по неврологии и через Брейера познакомился с ним. Изучал проблемы женской сексуальности, исследовал связь между менструацией и органами обоняния, ввел в научный оборот понятие бисексуальности. В период с 1887 по 1904 год Фрейд вел переписку с ним, обсуждал различные вопросы по неврологии и психологии, сообщал результаты клинической работы, делился творческими планами и находками, связанными со становлением психоанализа. Впервые эта переписка была опубликована с определенными сокращениями в 1950 году под редакцией М. Бонапарт, А. Фрейд и Э. Криса и полностью — в 1985 году под редакцией Дж. Мэссона. Она содержала не только разрозненные мысли Фрейда научного и интимного характера, но и работу «Проект научной психологии» (1895), в которой излагалась его теория невронов. Данная переписка является важным историческим документом, позволяющим лучше понять историю возникновения психоанализа.

раннем письме Флиссу, датированном 1 января 1896 года, эта скрытая, но сокровенная интенция Фрейда обнаружилась с еще большей очевидностью, когда он подчеркнул, что в отличие от своего друга, который окольным путем медицины стремился достичь своего идеала, то есть физиологического понимания человеческого существа, он через медицину стремился выйти на философский уровень.

Итак, на первых курсах своего обучения в Венском университете Фрейд уделял много внимания изучению философии. На протяжении нескольких семестров он не только посещал не входящие в программу обучения курсы по философии, но и штудировал философские работы. Об этом свидетельствуют письма Фрейда к своему другу юности Э. Зильберштейну, с которым он вместе учился в гимназии. В этих письмах он подчеркивал свой интерес к философии и выражал сожаление по поводу того, что его друг, изучающий право, отвергает философию. В то время как он сам, обучаясь на медицинском факультете, посещает философские курсы и читает работы немецкого философа Л. Фейербаха, которым восхищается больше всего среди всех философов.

Известно, что в студенческие годы Фрейд прослушал пять курсов лекций по философии, прочитанных знаменитым в то время философом Ф. Брентано. Два из них были посвящены Аристотелю. Один курс, который Фрейд посещал в четвертом семестре, знакомил с аристотелевской логикой. Второй, который во время летнего семестра 1876 года он посещал три раза в неделю, касался философии древнегреческого мыслителя. Более того, вместе с одним из своих коллег-студентов Фрейд установил тесный контакт с Брентано. Он вел с ним переписку, несколько раз был приглашен к нему домой, имел возможность услышать от него идеи, изложенные философом в непринужденной обстановке. Причем этот философ произвел на Фрейда такое впечатление, что в очередном письме к Зильберштейну весной 1875 года он писал о намерении добиваться докторской степени по философии и зоологии.

Благодаря посредничеству Брентано Фрейд выступил в качестве переводчика на немецкий язык английского издания одного из томов Д. Милля. Брентано познако-

мил его с филологом Т. Гомперцем, автором работы «Мыслители Греции», по просьбе которого в возрасте 23 лет Фрейд перевел 12-й том полного собрания сочинений Милля. В этом томе, наряду с очерками об эмансипации женщин и рабочем классе, содержалось эссе «Платон» с комментариями к теории древнегреческого философа об «анамнезисе». С одной стороны, это позволило Фрейду познакомиться с идеями великого философа, а с другой — послужило, возможно, питательной почвой для последующего обоснования психоаналитической концепции о восстановлении в памяти пациента травмирующей ситуации, обусловившей психическое заболевание. Перевод одного из томов сочинений Милля подтолкнул Фрейда к прочтению других работ этого автора. И если в процессе перевода данного тома ему не понравился «безжизненный стиль» Милля, то в других его философских работах он обнаружил афоризмы и меткие выражения, которые привлекли его внимание.

Было бы неверным соотносить истоки возникновения психоанализа всецело и исключительно с терапевтической практикой Фрейда, с теми идеями и теориями, которые были им почерпнуты из неврологии, физиологии и других естественно-научных дисциплин. Опубликованные материалы, отражающие переписку Фрейда с Флиссом, убедительно демонстрируют, что увлечение Фрейда неврологическими концепциями, нашедшими отражение в его размышлениях о «научной психологии для физиологов» и подготовке рукописи, известной сегодня под названием «Проект», сменяется после 1895 года разочарованием в попытках физиологического объяснения психических процессов. Он начинает поиск новых идей, которые могли бы быть положены в основу учения, названного психоанализом. Этот поиск характеризуется тем, что Фрейд вновь, как и в первые годы обучения в Венском университете, обращается к философским работам.

В 1895 году Фрейд послал Флиссу свои пространные научные записи, содержащие размышления о невронах. «Проект» включал в себя такие новые идеи психологического и физиологического объяснения нервной системы, которые впоследствии, после того как эти материалы стали достоянием научной общественности в 50-х годах XX столетия, привлекли к себе внимание специалистов в области невроники. Сам же Фрейд, увлеченный в то время идеями о невронах, вскоре не только забросил эту тему, но и решительно отказался от дальнейшей ее разработки. В отличие от других материалов, связанных, в частности, с исследованием истерии, он не готовил «Проект» к печати и не собирался его публиковать. Если бы не благоприятное стечение обстоятельств, то современники не знали бы о «Проекте», принадлежащем перу Фрейда.

Трудно сказать, какими мотивами руководствовался Фрейд в 1895 году, когда решительно отказался от публикации «Проекта». Ясно лишь одно: это был такой период, когда у Фрейда возникали одно прозрение за другим. В последующие два-три года он настолько пересмотрел свои представления о нервной системе, этиологии неврозов, движущих мотивах поведения человека, что за незначительный промежуток времени сумел отказаться от предшествующих убеждений и пришел ко многим психоаналитическим концепциям.

Это был тяжелый, но и наиболее плодотворный период в жизни Фрейда. Формирование психоаналитических идей сопровождалось у него мучительными сомнениями и разочарованиями, сменой настроения — от крайнего возбуждения до болезненной апатии. Фрейд искал выход из тех тупиковых ситуаций, в которые попадал

Из истории психоанализа

После смерти Флисса его вдова продала находящуюся у нее корреспонденцию берлинскому книготорговцу с условием, чтобы эти документы не попали в руки Фрейда. Когда к власти пришли нацисты, книготорговец эмигрировал во Францию и предложил купить данные документы Марии Бонапарт, принцессе Греции и Дании. Она приобрела все документы и, будучи в дружеских отношениях с Фрейдом, сообщила ему об этом, когда находилась в Вене. Основатель психоанализа выразил желание приобрести их, чтобы его переписка с Флиссом не попала в чужие руки. Однако, опасаясь, что Фрейд уничтожит переписку с Флиссом, Бонапарт решила сохранить эти документы, считая, что по своей научной ценности они важны для истории не меньше, чем переписка между Гёте и Эккерманом. Она поместила документы в банк Ротшильда в Вене, но после того, как нацисты оккупировали Австрию, ей удалось в присутствии гестапо забрать принадлежащие ей материалы и увезти их во Францию. Впоследствии она переправила документы в Лондон, в результате чего благодаря содействию дочери основателя психоанализа А. Фрейд они были опубликованы, и исследователи идейного наследия Фрейда имеют возможность ознакомиться с ними.

в процессе внутренней интеллектуальной работы. И именно в этот период он находит в философских трудах то, что подкрепляет его смутные догадки и дает пищу для разработки психоаналитических концепций.

Стремясь выйти из методологического тупика, связанного с попытками перенесения неврологических и физиологических схем на почву психологии, Фрейд знакомится с трудом немецкого философа и психолога Т. Липпса «Основные проблемы жизни души» (1883), в котором особое внимание уделялось рассмотрению бессознательных психических процессов. В одном из писем к Флиссу (1898) он сообщил о том, что изучает идеи Липпса. При этом он назвал немецкого мыслителя светлейшим умом среди современных философов.

Липпс отстаивал идею, в соответствии с которой бессознательные процессы лежат в основе всех сознательных процессов. Он не только интересовался проблемой бессознательного, но и со всей определенностью заявлял, что бессознательные процессы представляют собой особую сферу психического, требующую изучения. Липпс признавал наличие у человека бессознательных ощущений и бессознательных представлений. Он также считал, что не только существуют процессы без соответствующего содержания сознания, но и общая связь психической жизни всегда проявляется главным образом в них.

Рассматривая человеческую психику, Липпс выдвигал постулат, согласно которому основным фактором психической жизни оказываются бессознательные ее проявления и, следовательно, необходимо сосредоточить усилия на том, чтобы понять и раскрыть природу бессознательного, обнаружить и объяснить закономерности его функционирования. Он исходил из того, что исследование бессознательных процессов и раскрытие их закономерностей является прерогативой не физиологии, как ранее полагали многие ученые, а психологии, поскольку постижение психических фактов и связей может быть только психологическим.

Идеи Липпса о бессознательном стали для Фрейда тем источником вдохновения, благодаря которому был сделан один из решающих шагов на пути создания психоаналитического учения о человеке. На страницах «Толкования сновидений» (1900) он несколько раз апеллировал к Липпсу, упоминал о его критике теории соматиче-

ских раздражений, писал о необходимости отказа от чрезмерной оценки сознания, если мы хотим правильно понять происхождение психического. При этом Фрейд ссылался на мнение немецкого философа, согласно которому представление о бессознательном должно стать общим базисом изучения психической жизни.

Позднее Фрейд пытался показать, что использованное им понятие бессознательного не совпадает с той трактовкой, какая имела место у Липпса. Он подчеркивал, что последний акцентировал внимание на описательном аспекте данной проблематики, в то время как в психоанализе исследуются динамические стороны бессознательного. Однако не приходится сомневаться в том, что идеи Липпса о бессознательном оказали заметное, можно сказать, решающее влияние на Фрейда. Не случайно в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905) основатель психоанализа привел в подстрочнике высказывание Липпса о том, что фактором психической жизни является не содержимое сознания, а бессознательные сами по себе психические процессы и что психология обязана быть теорией этих процессов. В самом же тексте данной работы Фрейда содержится примечательное высказывание, согласно которому в «Толковании сновидений» он попытался, подобно Липпсу, представить психически дееспособными бессознательные в своей основе психические процессы, а не содержание сознания.

Если в письмах к Флиссу Фрейд сообщал о своем штудировании работы Липпса «Основные проблемы жизни души», то в книге «Остроумие и его отношение к бессознательному» он использует другое его произведение — «Комизм и юмор» (1898). В обеих работах Липпса содержались мысли о бессознательном.

Таким образом, не вызывает сомнений инициирующая роль идей Липпса о бессознательном в формировании психоаналитического учения Фрейда. Отсюда проистекают представления Фрейда о бессознательном психическом, что легло в основу становления и развития психоанализа. И если в середине 90-х годов основатель психоанализа неоднократно выражал чувство неудовлетворения, сетуя на непонимание природы психических процессов, то после изучения труда Липпса «Основные проблемы жизни души» он в одном из писем к Флиссу (1898) с радостью отметил, что его работа в области психологии, связанная с признанием бессознательного, стала успешно продвигаться вперед.

Текстологический анализ работ Фрейда показывает, что в них упоминаются имена таких философов, как Диоген, Эмпедокл, Эпикур, Спиноза, Дидро, Руссо, Гассенди, Спенсер, Бергсон. В первом своем основательном труде «Толкование сновидений», знаменовавшем собой, по сути дела, открытие психоанализа для массового читателя, Фрейд ссылался на многих философов, упоминая или комментируя их высказывания о существе снов, а также процессов, протекающих в глубинах человеческой психики. В тексте и в библиографии данной работы встречаются имена Платона, Аристотеля, Лукреция, Гегеля, Канта, Фихте, Шуберта, Шернера, Шлейермахера, Дельфеба, Мэн де Бирана, Фолькельта, Гербарта, Фехнера, Шопенгауэра, Э. фон Гартмана, Липпса, Вундта, Брэдли.

Казалось бы, влияние философских идей на становление психоанализа можно отрицать лишь в том случае, если вообще закрыть глаза на формирование мышления Фрейда и ограничиться рассмотрением его естественно-научной базы. Но почему же с таким упорством и постоянством сам Фрейд отрицал это влияние, неоднократно заявляя об оригинальности выдвинутых им психоаналитических концепций

и непременно подчеркивая то обстоятельство, что на становление психоаналитического учения о человеке не оказало воздействие ни одно из ранее существовавших философских мировоззрений? Лишь в редких случаях, когда надо было оправдаться в глазах окружающих или читателей его книг, он, словно забывшись, ссылался на первоисточники философского характера.

Забывчивость Фрейда по отношению к своим философским истокам можно объяснить тем, что он стремился выглядеть в глазах окружающих истинным ученым, строящим свои теории не на сомнительных абстрактных спекуляциях, которыми нередко грешили многие философы прошлого, а на эмпирическом материале, почерпнутом из врачебной практики, из реалий жизни. Не поэтому ли с такой настойчивостью при каждом удобном случае он публично отрекался от философии, предпочитая выдвигать на передний план своих работ клинический материал или результаты самоанализа?

Есть основания для утверждения, что в период выдвижения основных психоаналитических гипотез Фрейд отталкивался не только или, может быть, не столько от клинического опыта, как это принято обычно считать, сколько от своих собственных представлений о природе и механизмах функционирования человеческой психики. Он опирался на те представления, которые были навеяны философскими размышлениями над проблемами истерии, бессознательного протекания психических процессов, скрытого смысла сновидений.

Имеется подтверждение, что фрейдовские теоретические конструкции далеко не всегда подкреплялись клиническим материалом. Многие случаи лечения психических заболеваний, на основе которых Фрейд строил свои теории, в силу ряда причин оставались незавершенными. Из его писем к Флиссу следует, что сам он не был удовлетворен ходом лечения некоторых больных. Однако, даже не завершив курс их лечения, он в своих публичных выступлениях высказывал подчас такие обобщения, которые претендовали на статус новой теории о причинах возникновения и природе неврозов.

Известно, что сразу же после опубликования «Толкования сновидений» Фрейду представилась возможность опробовать свои идеи. Он имел возможность поработать с философом Г. Гомперцем, который в течение нескольких месяцев был «объектом» проверки фрейдовского метода анализа сновидений. Эксперимент завершился неудачей, так как Фрейд не смог осуществить анализ сновидений этого философа под углом зрения выдвинутого им понимания сновидения как неосуществленного желания сексуального характера. Тем не менее он не только не отказался от своих психоаналитических идей, но, напротив, стал интенсивно их развивать.

О философских предпосылках психоанализа свидетельствует не бросающееся в глаза, но имеющее место стремление самого Фрейда к философскому осмыслению анализируемых им психических явлений и процессов. Так, в письмах он сообщал Флиссу о философском характере своих размышлений над психическими явлениями. Подчас он говорил об этом в ироническом тоне, характеризуя посланные Флиссу рукописные материалы как «философские запинания». Вместе с тем во многих случаях он писал о необходимости философского осмысления тех новых положений, которые ему удалось сформулировать в связи с изучением человеческой психики. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в процессе его работы над «Толкованием сновидений».

В письмах к Флиссу в период 1898–1899 годов Фрейд делился с берлинским врачом своими мыслями по поводу новой редакции уже написанных разделов о сновидениях, которая представлялась ему в конечном счете философской. Он сообщал также о своих планах, связанных с написанием «последней философской главы». А несколько лет спустя в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» Фрейд подчеркнул, что такие понятия, как «психическая энергия», «отвод» ее, а также количественный подход к этой энергии стали для него привычными, после того как он начал «философски осмысливать факты психопатологии».

По собственному признанию Фрейда, он тайно лелеял надежду на достижение первоначальной цели — своего приближения к философии. Эта тайная надежда на философское постижение природы человека явственно дала о себе знать уже в работе Фрейда «Толкование сновидений», которая начиналась с обзора основных точек зрения на природу сновидений, выраженных различными философами прошлого, и заканчивалась философскими выводами самого Фрейда. Между этими двумя частями излагался обширный материал, связанный с разбором сновидений пациентов и самоанализом, интерпретацией Фрейдом своих собственных сновидений, а также биографическими данными личного, подчас интимного характера. Весь этот материал являлся своеобразной аранжировкой, наглядной иллюстрацией возможностей искусства снотолкования для выдвижения и оправдания психоаналитических теорий.

Во многих последующих работах используемый Фрейдом клинический материал служил «эмпирическим фоном» для обоснования и подкрепления ранее выдвинутых психоаналитических положений. Клинические данные интерпретировались, как правило, с точки зрения уже существовавших психоаналитических гипотез, обоснование которых осуществлялось, в свою очередь, на основе психоаналитически понятых случаев болезни. За фактами самоанализа и анализа пациентов просматривалось скрытое стремление Фрейда придать своим психоаналитическим размышлениям такой обобщающий характер, который, по сути дела, был не чем иным, как философией, включенной в остов психоанализа.

Во многих своих работах Фрейд неизменно придерживался одной линии: отталкиваясь от философских идей и критически переосмысливая их, он стремился создать свое собственное психоаналитическое учение, по форме отличающееся от предшествующих философских систем, но, по сути дела, являющееся глубинной разработкой психоаналитической философии. И дело не только в том, что *психоанализ возник тогда, когда Фрейд отказался от гипноза и начал философски трактовать факты психопатологии*, признав бессознательные процессы деятельными в психическом смысле. Это действительно так, как верно и то, что, прежде чем обосновывать свои психоаналитические концепции, он предварительно подвергал сомнению существовавшие до него философские теории, ибо, как он сам отмечал, не мог идти дальше, не разобравшись прежде с философскими авторитетами.

Какие бы проблемы ни рассматривались Фрейдом, чаще всего их осмысление начиналось с критики предшествующих философских взглядов. Он упрекал философов в том, что они до такой степени расширяют значение слов, что эти слова теряют свой первоначальный смысл. При рассмотрении проблемы бессознательного Фрейд не хотел видеть ее предметом споров между философами и натурфилософами, так как считал, что довольно часто эти споры имеют лишь этимологическое значение. Если некоторые психоаналитические теоретики пытались придать своим концепциям

философский характер, то он решительно выступал против того, чтобы психоанализ отдал себя в распоряжение определенного философского мировоззрения.

Казалось бы, все это само за себя говорит о том, что у Фрейда было негативное отношение к философии как таковой. Однако в работах основателя психоанализа имелись и иные суждения на этот счет, подчас совершенно противоположного характера. Причем дело не только в том, что он указывал на *среднее место, занимаемое психоанализом между медициной и философией*. Дело в том, что подчас, как бы противореча самому себе, Фрейд высказывал суждения, свидетельствующие о его позитивном отношении к философским знаниям. Читая свои лекции медикам и разъясняя им важность психологического подхода к больным, он замечал, что им не хватает философских знаний, которыми они могли бы пользоваться в их врачебной практике. В поздних своих работах он обсуждал целый комплекс философских проблем, связанных с культурой, религией, историей развития человечества. Однако, как показывает предшествующее рассмотрение истоков возникновения психоанализа, Фрейд изначально тяготел к философскому осмыслению всего того, с чем ему приходилось иметь дело, будь то неврозы, сновидения, ошибочные действия, религия или искусство.

Тайная, скрытая Фрейдом от взора неискушенных в этой области читателей и почитателей психоанализа надежда на философское понимание исследуемых им явлений как бы незримо, но с удивительным постоянством и завидным упорством пробивала себе дорогу сквозь дебри психопатологии. В результате она завершилась созданием целостного учения о человеке и культуре, по широте обобщений и глубине мыслей не уступающего, пожалуй, наиболее известным философским системам прошлого. Фрейд выразил в психоаналитической форме собственное понимание феноменологии духа, происхождения религии и искусства, формирования нравственных и социальных установлений жизни людей, а также истории развития человеческой цивилизации. Тем самым он не только задал мировоззренческие ориентиры для новой психоаналитической философии, но и незаметно, под видом психоанализа как науки ввел ее в западную культуру.

Почему же Фрейд признавался лишь в тайной надежде, которую он возлагал на философию, в то время как в своих публичных выступлениях стремился отмежеваться от какой-либо философской системы и всячески настаивал на том, чтобы психоанализ не воспринимался в качестве какого-то особого мировоззрения?

Во-первых, Фрейд хотел отвести от себя любые подозрения о связях психоаналитического учения о человеке с метафизическими спекуляциями о нем. Это можно было сделать, с одной стороны, путем критики предшествующих философских представлений о сознании и психике, а с другой — благодаря подчеркиванию связи с наукой и рассмотрению психоанализа в качестве таковой. Тенденция к «онаучиванию» психоаналитических идей привела, помимо всего прочего, к умалчиванию тех философских истоков, которые лежали в основе психоанализа.

Во-вторых, считаться философом в глазах окружающих — это отнюдь не лучшая характеристика для практикующего врача, репутация которого тем выше, чем чаще его имя ассоциируется с высококвалифицированным специалистом в конкретной области врачевания и ученым, открывшим новое направление в науке и медицине. Отсюда становится понятным, почему обращение Фрейда к философии выступало в качестве тайной надежды, а не явного, открытого для понимания всех намерения и почему созданная им психоаналитическая философия, будучи действенной в рамках западной культуры, оказалась тем не менее спрятанной за ширмой психоанализа как науки.

Из истории психоанализа

Осенью 1902 года Фрейд послал М. Кахане, Р. Рейтлеру (врачи, слушавшие в Венском университете его лекции по психологии неврозов), В. Штекелю (обратившемуся к нему за медицинской помощью и впоследствии практиковавшему психоанализ) и А. Адлеру открытки с приглашением встретиться в его доме для обсуждения психоаналитических идей. С этого времени они стали собираться регулярно в приемной Фрейда, образовав тем самым то, что назвали Психологическим обществом по средам. На протяжении последующих нескольких лет это общество посещали люди различных профессий, среди которых были и те, кто впоследствии стали известными психоаналитиками. В 1903 году к этому обществу присоединился П. Федерн, в 1905 году — Э. Хичман, в 1906-м — О. Ранк и И. Задгер, в 1907-м — Ф. Виттельс, в 1908 году — Ш. Ференци, в 1909-м — В. Тауск, в 1910 году — Г. Закс. Первыми иностранными гостями общества были: в 1907 году — М. Эйтингон, К.Г. Юнг, Л. Бинсвангер и К. Абрахам, в 1908 году — А. Брилл и Э. Джонс. В сентябре 1907 года Фрейд разослал членам этого общества письма, в которых предлагал распустить «общество по средам» с тем, чтобы снова призвать его к жизни путем реорганизации и предоставления свободы тем, кому оно стало в тягость. Так в апреле 1908 года возникло Венское психоаналитическое общество. В апреле 1908 года в Зальцбурге была организована «Встреча по фрейдовской психологии», которая стала первым Международным психоаналитическим конгрессом. На этой встрече присутствовали 42 человека и было представлено девять работ, написанных учеными из Австрии, Англии, Венгрии, Германии и Швейцарии, принадлежащих перу Фрейда, Джонса, Риклина, Абрахама, Задгера, Штекеля, Юнга, Адлера, Ференци. По просьбе присутствующих психоаналитиков Фрейд на протяжении почти пяти часов рассказывал об анализе случая навязчивых состояний («История одного заболевания»). На этой встрече

На снимке (слева направо):
О. Ранк, К. Абрахам, М. Эйтингон, Э. Джонс; сидят: З. Фрейд, Ш. Ференци, Г. Закс

Из истории психоанализа

было принято решение об издании первого психоаналитического журнала — «Ежегодника психоаналитических и психопатологических исследований».
В марте 1910 года в Нюрнберге состоялся второй Международный психоаналитический конгресс, на котором прозвучало предложение об организации международного объединения с отделениями в разных странах. После завершения конгресса существующие психоаналитические группы зарегистрировались как отделения обществ Международного объединения. Так началось психоаналитическое движение, охватившее многие страны мира, включая Австрию, Венгрию, Германию, Голландию, Италию, Россию, США, Францию, Швейцарию и другие. В частности, в мае 1910 года возникла Американская психоаналитическая ассоциация. В 1912 году при обмене мнениями с Ш. Ференци по поводу организационного начала в психоанализе Э. Джонс предложил создать «тайный комитет», оказывающий идейную и административную поддержку Фрейду. В этот комитет, который впервые собрался в полном составе летом 1913 года, вошли К. Абрахам, Э. Джонс, Г. Закс, О. Ранк, Ш. Ференци. Позднее, в 1919 году, в состав комитета вошел М. Эйтингон. Фрейд подарил каждому члену комитета старинные греческие геммы, которые были взяты из его античной коллекции. По примеру основателя психоанализа, носившего кольцо с головой Юпитера, члены комитета вставили эти геммы в золотые кольца. «Тайный комитет» функционировал на протяжении 10 лет и был распущен в 1924 году в связи с разногласиями, обнаружившимися между его членами, в частности из-за публикаций О. Ранка и Ш. Ференци, в которых излагались идеи, выходящие за рамки психоаналитических концепций Фрейда.

В своем скрытом виде философское понимание человека было у Фрейда тем центром, благодаря которому происходило как теоретическое, так и организационное оформление психоанализа. В теоретическом плане философская интенция означала не только внутренний переход самого Фрейда от медицины к психологии, а затем и к метапсихологии, но и внешнее структурирование психоанализа, связанное с переносом психоаналитических методов исследования человеческой психики на историю, мифологию, религию, культуру, художественную литературу.

Это внешнее структурирование психоанализа не было плодом более поздней теоретической деятельности Фрейда. Подобно тому как философская интенция его мышления в своей завуалированной форме изначально наложила отпечаток на становление психоаналитических идей, так и внешнее структурирование психоанализа с его постоянным соскальзыванием в различные области гуманитарного знания было задано уже первыми публикациями Фрейда, знаменовавшими собой рождение психоаналитического учения о патологической и нормальной деятельности человека.

Сам Фрейд по этому поводу писал, что такие работы, как «Толкование сновидений» и «Остроумие и его отношение к бессознательному», изначально показали, что психоаналитические теории, не ограничиваясь областью медицины, могут быть использованы в разнообразных областях гуманитарного знания. Последующее обращение основателя психоанализа к художественным произведениям, религиозным верованиям и истории развития человечества не было каким-то неожиданным отходом от медицины в сторону философского понимания тех или иных явлений, а представляло собой логически последовательное и целенаправленное их изучение, предопределенное внутренней ориентацией Фрейда на психоаналитическую философию.

Философская направленность мышления Фрейда дала о себе знать и при организационном оформлении психоанализа. Оно началось с образования в 1902 году маленького кружка единомышленников, собиравшихся в доме Фрейда на Берггассе, 19, затем переросло в Венское психоаналитическое общество и, наконец, выйдя на международную арену, завершилось распространением психоаналитического движения в различных странах мира. Причем буквально с первых своих организационных шагов руководимый Фрейдом психоаналитический кружок был призван объединить в своих рядах не только врачей, интересующихся клинической практикой, но и философов, юристов, писателей, художников, музыковедов, незнакомых с техническими приемами психоанализа и акцентирующих внимание на мировоззренческой стороне психоаналитического учения. Не случайно на заседаниях психоаналитического кружка, а позднее и Венского психоаналитического общества обсуждались как сугубо медицинские темы, так и широкий круг проблем философского, этического и эстетического характера. Особый интерес проявлялся к творчеству писателей и поэтов, мифологическим сюжетам и сказкам.

Философская проблематика занимала важное место на заседаниях психоаналитического кружка и Венского психоаналитического общества. Были даже специальные заседания, посвященные не только чтению и обсуждению отдельных философских трудов или соответствующих концепций некоторых философов, но и рассмотрению взаимосвязей между философией и психоанализом, выявлению роли философских идей в дальнейшем развитии психоаналитических концепций. Показательно, что один из первых биографов Фрейда Ф. Виттельс, лично принимавший участие в различных психоаналитических дискуссиях и являвшийся свидетелем раннего этапа развития психоанализа, то ли с горечью, то ли с недоумением вынужден был заметить, что медицинский элемент отошел на задний план, поскольку доминируют философы.

Все это свидетельствует о том, что, подобно теоретическому развитию психоанализа с его скрытой философской интенцией, организационная его составляющая также носила философски ориентированную направленность. По своему замыслу и реальному претворению в жизнь организационное оформление психоанализа характеризовалось явно выраженной склонностью к возрождению некогда существовавших философских школ с их собственной традицией, методами ведения дискуссий и техникой обучения.

По степени организованности и масштабности распространения идей психоаналитическое движение не только не уступает философским течениям, будь то неопозитивизм, экзистенциализм, неотомизм или феноменология, но и во многом превосходит их. Несмотря на постоянные разногласия, существовавшие и имеющие место до сих пор между ведущими психоаналитиками, а также отход некоторых из них от классического учения Фрейда с целью образования своих собственных школ и школок, в своем организационном отношении психоанализ оказался столь целенаправленным, что ему могут позавидовать многие современные философские направления, чьи усилия ограничивались в лучшем случае объединением сравнительно небольшого круга единомышленников, сплоченных вокруг издаваемого журнала или какого-то лидера.

Таким образом, как в теоретическом, так и в организационном плане с момента своего возникновения психоанализ был ориентирован на создание не просто психоаналитической философии, а целой школы, в основе которой лежали философски

осмысленные представления о человеке и культуре. И хотя сама психоаналитическая философия нередко выпадала из поля зрения целого ряда психоаналитиков, отдававших предпочтение клинической практике, и исследователей, прошедших мимо философских истоков психоанализа, тем не менее именно эта философия служила тем организующим началом, благодаря которому число приверженцев психоаналитического учения Фрейда о человеке и культуре пополнялось за счет гуманитариев.

Тем самым очевидно, что философские истоки возникновения психоанализа заслуживают того, чтобы на них обратили внимание. Они являются не менее важными и существенными для понимания истории становления психоанализа, чем другие истоки, включая ранее рассмотренный — медицинский.

Изречения

З. Фрейд: «Я тайно лелею надежду достичь теми же самыми путями моей первоначальной цели — философии».

С. Цвейг: «Фрейд исходит из медицины не в большей степени, чем Паскаль из математики и Ницше из древнеклассической филологии. Несомненно, этот источник сообщает его работам известную окраску, но не определяет и не ограничивает их ценности».

З. Фрейд: «Можно указать на знаменитых философов как предшественников, прежде всего на великого мыслителя Шопенгауэра, бессознательную “волю” которого в психоанализе можно отождествить с душевными влечениями».

З. Фрейд: «Мои открытия являются основой для вполне серьезной философии. Немногие поняли это, и немногие способны это понять».

Самоанализ

Один из истоков возникновения психоанализа — это самоанализ Фрейда. Если частная практика предоставила ему обширный материал для изучения причин возникновения заболеваний и понимания коллизий и драм, разыгрывавшихся в жизни людей, а знакомство с философской литературой дало обильную пищу для выдвижения психоаналитических идей о роли бессознательного в жизнедеятельности человека, то обращение к своему собственному миру с целью познания самого себя открыло перед ним новые горизонты для глубинного проникновения в тайны души. Во всяком случае, самоанализ явился для Фрейда той составной, необходимой и во многом определяющей частью его исследовательской и терапевтической деятельности, без которой вряд ли бы появился психоанализ как таковой.

Принято считать, что начало самоанализа Фрейда датировано 1895 годом, когда ему приснился ставший сегодня классикой психоанализа сон об инъекции, сделанной Ирме. Самоанализ же в собственном смысле этого слова относят к 1897 году, то есть к тому времени, когда Фрейд уделял основное внимание не столько анализу пациентов, сколько познанию самого себя. Многие исследователи единодушны в констатации этих отправных по времени точек начала и осуществления Фрейдом самоанализа. Мнения расходятся лишь относительно завершения им анализа. Так, французский исследователь Р. Дадун полагает, что самоанализ Фрейда, оттачиваясь,

двигался вперед к своему завершению, которое, вероятно, можно датировать началом февраля 1898 года. В одном из писем к Флиссу того периода основатель психоанализа недвусмысленно заявил об отходе от самоанализа с целью посвящения себя книге о сновидениях. Иную позицию занял Э. Джонс, который, указав дату начала проведения Фрейдом самоанализа (1897), оставил открытой дату его завершения по той причине, что, как ему однажды сказал сам основатель психоанализа, он никогда не прекращал анализировать себя и посвящал этой цели ежедневно полчаса перед сном.

Представляется, что, приступив к написанию «Толкования сновидений», Фрейд не прекратил самоанализ в 1898 году. Написание данной книги явилось для него продолжением того самоанализа, который осуществлялся им на протяжении многих лет. Не исключено, что, поглощенный нашедшими отражение в «Толковании сновидений» идеями, сам Фрейд не осознавал происходящего. Лишь окончание работы над рукописью и публикация книги дали ему возможность взглянуть на свой труд под углом зрения самоанализа.

Действительно, в «Толковании сновидений» (1900) содержится такой уникальный материал, добытый Фрейдом тяжким трудом самоанализа, интерпретация которого им самим в тексте книги свидетельствует о его непрекращавшейся самоаналитической работе. Не случайно в предисловии ко второму изданию «Толкования сновидений», написанному в 1908 году, Фрейд подчеркнул, что для него лично эта книга имела субъективное значение, которое он сумел понять лишь после завершения работы над ней, и она оказалась не чем иным, как отрывком его самоанализа.

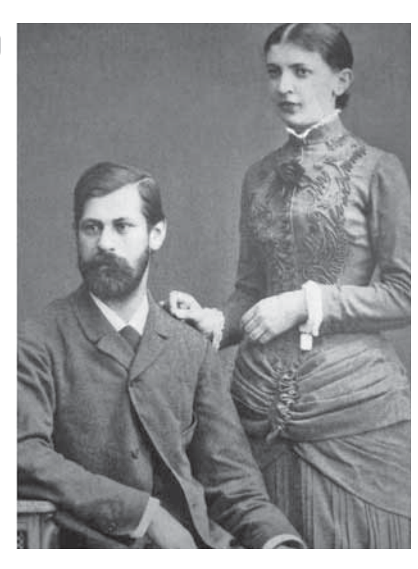
Аналогичная ситуация имела место и при работе Фрейда над следующей книгой — «Психопатология обыденной жизни» (1901). В ней также содержались материалы личного, подчас интимно-личного характера, всплывшие на поверхность его сознания в процессе предшествующего самоанализа. Кроме того, ему пришлось исправлять допущенные в «Толковании сновидений» ошибки, что невозможно было сделать без самоанализа.

Словом, независимо от того, как долго впоследствии Фрейд прибегал к самоанализу, ясно одно: его самоаналитическая работа не исчерпывается деятельностью, относящейся к периоду времени, ограниченному 1897–1898 годами. Другое дело, что в 1897 году он не только систематически занимался самоанализом, но и уделял ему все свое свободное время. Впоследствии же его самоанализ мог носить эпизодический характер, и Фрейд в большей степени занимался психоанализом пациентов, нежели своей собственной персоной.

Представляется, что временные рамки самоанализа Фрейда открыты в направлении не только его завершения, но и его начала. Фрейд начал заниматься самоанализом не во второй половине 90-х годов, как это принято обычно считать в исследовательской литературе о нем, а значительно раньше. По крайней мере, склонность к самоанализу отчетливо обнаружилась у него за десять-двенадцать лет до того, как ему приснился столь знаменательный сон, открывший Фрейду глаза на возможность психоаналитического толкования сновидений.

Когда читаешь ныне опубликованные письма Фрейда к невесте, не можешь избавиться от впечатления, что это не только любовная лирика юноши, прибегающего к возвышенному слогу под влиянием крылатого Эроса. Эти письма — и отражение мучительной внутренней работы человека, находящегося во власти глубоких переживаний и стремящегося разобраться в самом себе. В этом плане его письма

Из истории психоанализа

Фрейд и Марта Бернайс в 1885 году, за год до бракосочетания

Фрейд познакомился со своей будущей женой Мартой Бернайс в апреле 1882 года в Вене. В июне того же года состоялась их помолвка. Год спустя по настоянию матери невесты, которая не одобряла выбор своей дочери, семья Бернайс переехала в Гамбург. Несмотря на все трудности, связанные с различного рода размолвками, препятствиями, чинимыми матерью Марты и финансовым положением, молодые люди сохранили свою любовь друг к другу и на протяжении нескольких лет вели интенсивную переписку. В сентябре 1886 года состоялось их бракосочетание — гражданская регистрация в городской ратуше Вандсбека и еврейская религиозная церемония, на которой настояла семья Бернайсов. В то время Фрейду было 30 лет, Марте — 25.

За четыре года от помолвки до свадьбы Фрейд написал полторы тысячи писем своей невесте, которую называл Принцессой. Он писал ей письма утром и вечером, днем и ночью. Это были короткие сообщения о различных событиях жизни, состоянии здоровья, работе в клинике, стажировке во Франции и пространные, доходящие до 12 страниц мелким почерком (одно из писем было написано на 22 страницах) философские размышления о загадках человеческой психики, любви, супружеском долге, религии, жизни и смерти. В этих письмах Фрейд предстает молодым человеком, одержимым любовью к своей невесте и испытывающим муки ревности, мечтающим о свершении великих открытий и признающим ограниченность своих способностей, увлеченным исследовательской, терапевтической деятельностью и подверженным унынию в связи с недостаточным материальным положением. Письма Фрейда к невесте не подлежали публикации долгое время. Они стали достоянием общественности только в 90-е годы XX века и сразу были переведены на русский язык и опубликованы в России (Фрейд З. Письма к невесте. М., 1994).

В 1884 году внимание Фрейда привлекло медицинское испытание на баварских солдатах кокаина, использование которого способствовало укреплению их физических сил и стойкости духа. Он начал знакомиться с литературой о кокаине, заказал у одной из компаний этот алкалоид и начал осуществлять эксперименты с целью изучения его физиологического воздействия на человека. Фрейд испытал воздействие небольшой дозы кокаина на себе и обнаружил его целительные свойства, связанные с устранением подавленности и повышением работоспособности. В дальнейшем он сам неоднократно прибегал к кокаину, использовал его в клинической работе в качестве терапевтического средства, рекомендовал его своим родственникам, невесте, друзьям как безобидный стимулятор повышения жизненного тонуса. Фрейд предложил своему другу Э. фон Фляйшлю-Марксоу использовать кокаин вместо морфия, к которому тот прибегал для заглушения болей, вызванных ампутацией большого пальца правой руки. Во время опытов в физиологической лаборатории его друг занес себе инфекцию, и только ампутация пальца спасла его от смерти. Однако операция прошла неудачно, потребовались новые хирургические вмешательства, причинявшие Фляйшлю боль и страдания. В обезболивающих целях он стал использовать морфий, причем дозы приема его постоянно увеличивались. Переживая за вынужденное пристрастие Фляйшля к морфию, испробовав на себе воздействие кокаина, Фрейд предложил его другу ►

Из истории психоанализа

в качестве обезболивающего средства. Фляйшль стал применять кокаин, что принесло ему облегчение. Однако по истечении некоторого времени Фрейд обнаружил, что его друг применяет слишком большие дозы кокаина, а его состояние не только не улучшается, а, напротив, ухудшается. У Фляйшля появилась сильная бессонница, были случаи потери сознания, наблюдались приступы белой горячки. Являясь непосредственным свидетелем губительного для здоровья его друга чрезмерного использования морфия и кокаина, Фрейд глубоко переживал по этому поводу. Впоследствии смерть Фляйшля, наступившая семь лет спустя после первого назначения ему кокаина, вызвала у Фрейда чувство вины; после он сожалел, что в 1884 году посоветовал своему другу это обезболивающее средство.

Но в то время он был увлечен кокаиновой терапией и сам прибегал к данному средству с целью снятия утомления от чрезмерных нагрузок. Начиная с 1884 года Фрейд регулярно принимал незначительные дозы этого вещества против собственной депрессии и несварения желудка. Использовал кокаин при работе с пациентами. Собирал клинический материал, демонстрирующий его терапевтическую ценность. Помог одному из коллег по работе снять при помощи кокаина глазную боль. Познакомился с литературой, раскрывающей историю применения растения коки южноамериканскими индейцами, привоза этого растения в Европу и получения кокаина из него. В июне того же года Фрейд написал о коке статью, часть которой была опубликована в одном из журналов по общей терапии. В этой публикации он отметил пригодность использования кокаина для анестезии кожных и слизистых оболочек и высказал предположение о возможном применении его в качестве анестезирующего средства в других случаях. Затем произошел драматический для Фрейда эпизод, в результате которого он лишился возможности обрести всемирную славу. После двухлетней разлуки с невестой Фрейд решил навестить ее. Месяц, проведенный вместе с нею в сентябре 1884 года, еще больше сблизил их, и Фрейд был безмерно счастлив. Однако по возвращении в Вену он обнаружил, что его друг К. Коллер, с которым он делился своими экспериментами по применению кокаина и который присутствовал при оказании им помощи одному коллеге по снятию глазной боли, использовал кокаин в качестве анестезирующего средства для глаз и приобрел известность. Коллер провел опыты с кокаином на глазе лягушки, кролика, собаки. Затем он провел эксперимент на самом себе. Об открытии Коллера было доложено на конгрессе глазных врачей в Гельдерберге, и телеграф разнес весть об этом до Австралии и Сан-Франциско.

Фрейд переживал по поводу своего несостоявшегося открытия, которое могло принести ему всемирную известность. В период с 1884 по 1887 год он опубликовал ряд статей о коке, воздействии кокаина на человека, кокаиномании и кокаинофобии. Однако наряду с признанием его заслуг в области кокаиновой терапии Фрейд был подвергнут критике за то, что опрометчиво рекомендовал использование кокаина не только для внутреннего употребления, но и путем подкожных инъекций. Сам он использовал кокаин в малых дозах на протяжении не менее десяти лет. Другие злоупотребляли этим средством, что приводило к белой горячке и смерти, как это имело место в случае с его другом Фляйшлем. В целом кокаиновая эпопея не способствовала укреплению авторитета Фрейда как врача. Не случайно впоследствии он не только не обращался к своим ранним статьям о кокаине, но и сделал все возможное для того, чтобы они не попадали в поле зрения его последующих учеников-психоаналитиков.

к невесте являются не менее ценными для понимания самоанализа Фрейда, чем письма к Флиссу, которые становятся, как правило, объектом пристального внимания со стороны исследователей, стремящихся раскрыть содержательную сторону фрейдовского самоанализа.

Письма Фрейда к невесте — это уникальные исторические документы, чудом сохраненные Мартой Бернайс для потомков. Они дают возможность лучше узнать характер Фрейда до того, как он стал известным психоаналитиком. Они способствуют пониманию того, какие страсти разгорались в его душе в период выяснения отношений с девушкой, прежде чем она стала его женой. Эти письма дают представление о начале карьеры Фрейда как врача и о его пребывании в Париже. И наконец, они позволяют приоткрыть тот таинственный мир юноши, вступившего на путь поиска истины, который становится видимым лишь благодаря аналитической работе, время от времени совершаемой им самим.

Последнее соображение напрямую соотносится с самоанализом Фрейда. Дело в том, что в письмах к Марте Бернайс он подчас настолько откровенно раскрывал перед ней свою душу, что это никак не может быть воспринято только и исключительно как эротические влечения, сопровождавшиеся восхвалением в ее адрес и воспеванием ее достоинств, что свойственно слепой любви. При всем своем увлечении невестой и изъявлении перед ней возвышенных чувств любви, он мог допускать по отношению к ней такие критические замечания и упреки, которые свидетельствовали о его мятежной и в то же время ранимой натуре, независимо от того, проявлялись ли у него чувства ревности или гордости, отверженности или признательности, горечи или радости. Но главное состоит в том, что в письмах к невесте Фрейд говорил нередко о таких чертах своего характера и давал самому себе такие характеристики, которые могли быть им выявлены и осознаны только в процессе самоанализа. Того самоанализа, который он назвал «строгим исследованием себя».

Наряду с пылкими признаниями в любви и благодарностью невесте за то, что она «спасла и осчастливила» его душу, Фрейд по своей собственной инициативе представал перед ней человеком, наделенным различными пороками. Он писал ей о своей лени, легкомысленности, упрямстве, зависти, раздражительности, обидчивости, злопамятстве, мстительности, честолюбии, что могло характеризовать его отнюдь не с лучшей стороны в глазах любимой девушки. В частности, он признавался в том, что именно в интересной работе находит спасение от своей сильной обидчивости и раздражительности. Выражал надежду на то, что Марта будет отвлекать его от всех пороков — мелкой злобы, зависти, пустой алчности. Сообщал о «деспотических свойствах» своей личности.

Зачем Фрейду нужно было обнажать перед любимой девушкой свои пороки? С какой стати он признавался в них, вместо того чтобы оттенить перед ней свои достоинства? Разве так поступают молодые люди, тем более сомневающиеся в том, как это имело место у Фрейда, любят ли их те, к кому они испытывают пылкую страсть?

Подобное поведение Фрейда объясняется некоторыми исследователями тем, что в период переписки со своей невестой он прибегал к кокаину. Он сам давал повод к подобного рода объяснениям. Так, в одном из писем (1886) по поводу вырвавшегося у него «глупого признания» Фрейд заметил, что оно высказано им без всякого повода, если не считать кокаина, который помогает ему расслабиться и выговориться.

Однако дело не в кокаине, к малым дозам которого прибегал Фрейд на протяжении ряда лет, или, во всяком случае, не только в нем. Апеллируя к подобному объяснению, легко попасть в ловушку упрощенного взгляда на историю становления психоанализа, так как в этом случае все можно списать на действие наркотика — и интерес к проблеме сексуальных извращений, и сексуальную этиологию неврозов,

Имена

Эрнст Джонс (1879–1958) — английский психоаналитик, один из соратников Фрейда. Посещал лекции в университетах Мюнхена, Парижа и Вены, получил медицинское образование в Кембриджском университете, со временем проявил интерес к психоаналитическим идеям Фрейда и с 1905 года стал осуществлять психоаналитическую практику. С 1908 года — профессор психиатрии Торонтского университета и руководитель клиники нервных болезней в Онтарио. В 1911 году способствовал организации Американской психоаналитической ассоциации, год спустя — Британского психоаналитического общества, затем — Лондонского психоаналитического общества. В 1913 году на протяжении нескольких месяцев проходил личный анализ у Ш. Ференци в Будапеште. Основатель и редактор «Международного журнала психоанализа». С 1922 по 1947 год — президент Международной психоаналитической ассоциации, в дальнейшем — ее почетный президент. Член Королевского общества психологов, почетный член многих психологических и психиатрических ассоциаций. Автор ряда книг и статей по психоанализу. В 1953–1957 годах опубликовал трехтомное биографическое исследование, посвященное жизни и деятельности Фрейда (Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М., 1997).

и все последующие представления Фрейда о роли сексуальности в жизни человека. В то время, когда он проводил эксперименты с кокаином на самом себе, еще не было известно о наркотических свойствах кокаина. Поэтому не стоит обвинять его во всех смертных грехах, как это подчас делается в журналистских публикациях, где основателя психоанализа рассматривают порой как наркомана, создавшего свои психоаналитические теории под воздействием наркотического дурмана. Он был прежде всего исследователем, и пристрастие к исследовательской деятельности сохранилось у него на протяжении всей его дальнейшей жизни.

Представляется, что содержащиеся в письмах Фрейда к Марте признания в его собственных пороках обусловлены именно тем, что, обладая задатками исследователя и обуреваемый страстью к разгадкам человеческих тайн и поиску истины, будущий основатель психоанализа уже в то время эпизодически занимался самоанализом. Собственно говоря, его письма к невесте — это беспрецедентный по своей обнаженности пример самоанализа человека, готового ради истины поступиться ложным стыдом. В данном случае невеста Фрейда являлась катализатором его последующих прозрений, в результате которых со временем он пришел не только к систематическому самоанализу, но и к открытию психоанализа как нового взгляда на внутренний мир других людей и самого себя. Можно, пожалуй, без преувеличения сказать, что, будучи невестой Фрейда, Марта Бернайс сыграла в истории возникновения психоанализа важную роль.

В самом деле, как и в посланиях к Флиссу, в письмах Фрейда к Марте находили отражение высказывания о состоянии здоровья, перепадах в настроении, успехах и неудачах в исследовательской и терапевтической работе. В одних письмах он сообщал о том, что «здоров, как лев», является «веселым и жизнерадостным», нашел «новый метод лечения», который обещает быть более долговечным и надежным,

Из истории психоанализа

Замок Бельвю, в котором 24 июля 1895 года Фрейду приснился сон об инъекции Ирме

В ночь с 23 на 24 июля 1895 года недалеко от Вены, в замке Бельвю, где Фрейд отдыхал со своей семьей, ему приснился следующий сон: «Большая зала — много гостей. Среди них Ирма: я беру ее под руку, точно хочу ответить на ее письмо, — упрекаю ее в том, что она не приняла моего "решения". Говорю ей: "Если у тебя есть еще боли, то ты сама виновата". Она отвечает: "Если бы ты знал, какие у меня боли в горле, в желудке и в животе, мне все прямо стягивает". Я пугаюсь и смотрю на нее. У нее бледное, опухшее лицо. Мне приходит в голову, что я мог не заметить какого-нибудь органического заболевания. Я подвожу ее к окну, смотрю ей в горло. Она слегка противится, как все женщины, у которых вставные зубы. Я думаю, что ведь ей это нужно. Рот открывается, я вижу справа большое белое пятно, а немного поодаль странный нарост, похожий на носовую раковину; я вижу его сероватую кору. Я подзываю тотчас же доктора М. Тот смотрит и подкрепляет мое мнение... У доктора М. совершенно другой вид, чем обыкновенно. Он очень бледен, хромает и почему-то без бороды... Мой друг Отто стоит подле меня, а друг Леопольд исследует ее легкие и говорит: "У нее притупление слева внизу". Он указывает еще на инфильтрацию в левом плече (несмотря на одетое платье, я тоже ощущаю ее, как и он...). Доктор М. говорит: "Несомненно, это инфекция. Но ничего: у нее будет дизентерия, и инфекция выйдет..." Мы почему-то сразу понимаем, откуда эта инфекция. Отто недавно, когда она себя почувствовала нездоровой, вспрыснул ей препарат пропила — пропиле... пропиленовую кислоту... триметиламин (формулу его я вижу ясно перед глазами)... Такой инъекции нельзя делать легкомысленно... По всей вероятности, и шприц был не совсем чист» (Фрейд З. Толкование сновидений. М., 1997. С. 110–111).

чем прежде. В других — писал о «сильной мигрени», «лютом отчаянии», «ужасном страхе перед будущим». Наряду с этим он признавался в том, что находится в состоянии «чрезмерной обидчивости и нервозности», испытывает «заболевание неврастенией в легкой форме».

Фрейд и его невеста вели записи о своей помолвке, дав им название «Секретная хроника». Эти записи представляли собой одновременно и дневник, и нечто вроде исповеди. Первая же запись Фрейда свидетельствовала о самоанализе, в результате которого он находил, что природа отказала ему во многих талантах, но наделила бесстрашной любовью к истине, острым глазом исследователя, правильным восприятием ценностей жизни и даром много работать и находить в этом удовольствие.

Подчас Фрейд утрачивал интерес к своей терапевтической деятельности и готов был всецело заняться исследованием самого себя. Этот опыт пригодился ему впоследствии, когда десять лет спустя он приступил к систематическому самоанализу, акцентируя свое внимание на собственных сновидениях, детских воспоминаниях и переживаниях.

Фрейд интересовался сновидениями задолго до того, как приступил к самоанализу. По данным официального биографа Э. Джонса, основатель психоанализа всегда имел много сновидений и уже в детстве записывал их. Позднее Фрейд обзавелся записной книжкой, специально предназначенной для записи своих сновидений. В письмах к Марте он сообщал о том, что ему снятся разнообразные, буйные, красочные сновидения и что на основании личного опыта он может определить значение некоторых из них. Со временем он научился разбираться в сновидениях пациентов и однажды, еще до опубликования совместно с Брейером написанной работы по исследованию истерии, сообщил ему о том, что способен толковать сновидения.

Хотя Фрейд с ранних лет интересовался сновидениями, тем не менее только в 1895 году произошло знаменательное событие, положившее начало его систематическому толкованию сновидений. Ему приснился сон, который впервые он подверг детальному анализу и который вошел в историю психоанализа под названием «сна об инъекции Ирме».

Сновидение, приведенное Фрейдом в работе «Толкование сновидений», занимает чуть меньше книжной страницы. Зато анализ его Фрейдом составляет девять страниц. Имеются еще дополнительные комментарии, следующие сразу же за анализом, а также разбросанные по разным местам текста книги. Это говорит о многом, как, впрочем, и то, что данное сновидение является фактически первым, с разбора которого был введен психоаналитический метод толкования сновидений.

Нельзя сказать, что после приснившегося Фрейду знаменательного сна он с головой окунулся в снотолкование. Понадобилось два-три года, прежде чем он приступил к работе над своим фундаментальным трудом «Толкование сновидений». Промежуток времени между 1895 и 1898 годами был заполнен интенсивной исследовательской и терапевтической деятельностью, в процессе которой Фрейд многого достиг. В тот период он ввел в употребление само понятие психоанализа, обратился к рассмотрению сексуальной этиологии неврозов, выдвинул идею о травмирующих ситуациях в детстве, обусловливающих возникновение истерии в более поздний период жизни человека, сконцентрировал внимание на бессознательных процессах, протекающих в глубинах психики.

Наряду с этими новациями Фрейд также выступил с такими представлениями о природе психических расстройств, сексуальных сценах и их вытеснении из сознания, периодизации психосексуального развития человека, которые легли в основу многих психоаналитических концепций. В этот же период он пересмотрел ранее выдвинутые им идеи о сексуальных травмах, что фактически предопределило направленность

Из истории психоанализа

Несколько месяцев спустя после публикации «Толкования сновидений» в письме к Флиссу Фрейд в полушутливой форме спросил его: не думает ли тот, что когда-нибудь на том месте, где ему приснился сон об инъекции Ирме, на мраморной доске можно будет прочитать:

«Здесь 24 июля 1895 года
доктору Зигм. Фрейду
открылась тайна сновидения».

Полушутливое вопрошание Фрейда было игрой его воображения, и он мог себе позволить некоторую фантазию, свидетельствующую, впрочем, о том, какое большое значение он придавал сну об инъекции Ирме и тому анализу его, которое он дал в «Толковании сновидений». Шутка шуткой, но впоследствии его фантазия воплотилась в реальность. 82 года спустя, после того как Фрейду приснилось данное сновидение, 6 мая 1977 года там, где некогда был замок Бельвю, действительно появилась памятная мраморная доска, дословно воспроизводящая то, что было некогда игрой воображения основателя психоанализа.

развития психоанализа. Не последнюю роль в его новых открытиях сыграло эпизодическое исследование самого себя, вскоре переросшее в систематический самоанализ. Без преувеличения можно сказать, что именно самоанализ помог Фрейду выйти на новые рубежи понимания психической реальности.

Развивая идею о сексуальной этиологии неврозов, Фрейд исходил из того, что в раннем детстве ребенок подвергался сексуальному совращению (соблазнению) со стороны взрослых, это оставило глубокий шрам в его психике и, хотя сами сцены совращения оказались вытесненными из сознания, в конечном счете они предопределили возникновение и развитие психического заболевания. Сексуальное совращение ребенка со стороны взрослых, чаще всего со стороны отца, могло осуществляться, по мнению Фрейда, в извращенной форме, так как рот и анус представляют собой эрогенные зоны, привлекающие к себе внимание тех, кто стремится к получению сексуального удовлетворения.

Какое-то время Фрейд был убежден в том, что нашел единственно правильное объяснение причин возникновения истерии. Он был по-своему счастлив и горд, что ему удалось раскрыть тайну неврозов. Наконец-то появилась законченная теория, расставляющая все по своим местам и способствующая пониманию природы невротических заболеваний. Эта теория не была абстрактной конструкцией, построенной на вымышленной гипотезе, возникшей в распаленном уме ученого. Она базировалась на фактах клинических наблюдений за больными, которые благодаря методу свободных ассоциаций вспоминали травмирующие ситуации в детстве и неоднократно сообщали Фрейду об имевшем место сексуальном совращении их.

Выдвинутая им теория совращения ребенка основывалась не только на клиническом материале, которым он располагал. Она подкреплялась также результатами самоанализа, включающими в себя воспоминания детства и толкование Фрейдом собственных сновидений. К середине 1897 года его самоанализ достиг кульминационной точки, когда исследование им самого себя поглощало все его свободное время. Так, в августе того же года в письме к Флиссу Фрейд то ли с гордостью, то ли с известной долей юмора, но вполне серьезно сообщил, что основным пациентом, которым постоянно приходится заниматься, является он сам. У этого пациента, по его собственному выражению, «незначительная истерия», анализ которой осущест-

вляется с большими трудностями и «парализует психические силы», но он составляет необходимую промежуточную стадию в работе и, следовательно, этот анализ надо продолжить.

Трудности самоанализа состояли в том, что он затрагивал чувства Фрейда, связанные с его отношением к отцу. Собственно говоря, систематический самоанализ начался у него после смерти отца в октябре 1896 года. Как подчеркивал Фрейд в предисловии ко второму изданию «Толкования сновидений», эта книга явилась реакцией на смерть отца, на крупнейшее событие и тягчайшую утрату в его жизни. Смерть отца вызвала в нем острые переживания и в то же время освободила его от авторитета, внутренней цензуры, в результате чего у него появились сны и воспоминания детства, связанные с умершим отцом.

Самоанализ позволил заглянуть в такие глубины психики, которые до смерти отца оставались камнем преткновения для самого Фрейда. Казалось бы, со смертью отца утратили силу былые запреты и, следовательно, самоанализ Фрейда должен проходить легче и свободнее, чем это было раньше, в период его переписки с невестой. И тем не менее он порой сетовал на то, что его «незначительная истерия» с большим трудом поддается анализу.

Дело в том, что, придерживаясь своей теории совращения ребенка со стороны взрослых, в процессе своего самоанализа Фрейду пришлось проверить эту теорию на себе. И хотя по-человечески ему не хотелось рассматривать через призму этой теории собственную «незначительную истерию», а также нечто такое, что проистекало, по выражению основателя психоанализа, из потаенных глубин его собственного невроза, страстное стремление к истине толкнуло его в пучину детских воспоминаний и толкования собственных сновидений. Тогда-то Фрейд допустил крамольную мысль, что его родной отец не составляет исключения и, подобно другим отцам, мог выступать, по крайней мере, по отношению к дочерям в роли «извращенного совратителя». Приснившийся ему сон об его американской племяннице Гелле также вызвал глубокие переживания. Интерпретация этого сновидения с точки зрения подавленных бессознательных сексуальных влечений к его старшей дочери сопровождалась, с одной стороны, чувством удовлетворения, так как на собственном опыте подтверждалась теория совращения, а с другой — внутренним неприятием собственных инцестуозных желаний. Отсюда становится понятным, почему анализ «незначительной истерии» наталкивался у Фрейда на сильное сопротивление и проходил с большими затруднениями.

Выдвинутая Фрейдом теория совращения ребенка воспринималась им как триумф, достигнутый в процессе кропотливой работы с пациентами и трудоемкого самоанализа. Однако концептуальная почва зашаталась под ним, и он оказался низвергнутым в бездну сомнений и разочарований. То ли он обнаружил, что пациенты, сами не желая того, обманывают аналитика, то ли собственный анализ вывернул наизнанку его «правильное восприятие ценностей жизни», поставив перед ним дилемму служения истине или следования нравственности, но так или иначе он неожиданно для себя осознал ложность своей собственной теории. Здание первых психоаналитических построек безнадежно рухнуло, и Фрейд оказался в интеллектуальном тупике. В очередном письме к Флиссу (1897) он удрученно поделился с ним «великим секретом», который относился к его теории неврозов и который привел его в отчаянное состояние: он сообщил, что больше не верит в свою невротику.

Пациенты рассказывали о сценах их совращения отцом, дядей или братом. Однако в большинстве случаев все это оказалось не более чем вымыслом. На самом деле ничего подобного не было. То есть в отдельных случаях совращение ребенка допускалось, но оно не было типичным и широко распространенным явлением. Скорее имело место нечто другое. Коль скоро пациенты охотно соглашаются признать реальный факт совращения, то не является ли это свидетельством того, что сами они готовы были в детстве выступить в роли соблазнителей или имели бессознательные инцестуозные влечения к своим родителям? Стоял ли этот вопрос перед Фрейдом именно в такой форме или был сформулирован несколько иначе, это не столь уж важно. Главное, что, следуя стремлению к достижению истины, он пришел к выводу, согласно которому пациенты в своих воспоминаниях о детских годах жизни предаются скорее фантазии, нежели апеллируют к реальности, выдают желаемое за действительное.

Доверие к только что созданной психоаналитической технике и ее результатам подверглось сокрушительному удару. Фрейд был в шоке. Во всяком случае, как впоследствии он говорил, крушение теории неврозов, основанной на идее совращения ребенка, вызвало у него такое разочарование и такую апатию, в результате которых он даже хотел бросить свою работу. Но он не бросил ее. В решении не оставлять начатую им работу не последнюю роль сыграл самоанализ.

Выявленные в процессе самоанализа воспоминания об отце как возможном совратителе и вскрытые анализом собственные сексуальные влечения к дочери не могли оставить Фрейда равнодушным к тому, с чем он согласился в теории, но что вызывало сопротивление на практике, особенно по отношению к самому себе. Поддержать теорию — значит сохранить в муках выстраданные идеи психоанализа, но тем самым разрушить образ отца как добропорядочного человека (об умерших говорят или только хорошее, или вообще ничего не говорят) и признать свою собственную извращенную сексуальность (запретное инцестуозное влечение к дочери). Отвергнуть теорию — значит оказаться на высоте в нравственном отношении, но при этом потерпеть крах в исследовательской и терапевтической деятельности. И в том и в другом случае Фрейду предстояло чем-то поступиться. Выбор фактически стоял между истиной и нравственностью.

Для Фрейда этот выбор был не столько мучительным, сколько вообще неприемлемым. «Бесстрашная любовь к истине» не оставляла сомнений насчет того, что он не мог поступиться ею. «Правильное восприятие ценностей жизни» не допускало мысли, что он откажется от нравственных начал. Фрейд оказался в тупиковой ситуации, что породило у него растерянность и отчаяние. Но тут на помощь пришел самоанализ. Тот самый самоанализ, благодаря которому как раз и обнаружилось противоречие между истиной и нравственностью.

Обладая «острым глазом исследователя», Фрейд сумел найти выход, казалось бы, из совершенно безвыходного положения. Только гений способен превратить явно проигрышную для себя ситуацию в триумфальное победоносное шествие, возвестившее о возрождении психоанализа из пепла неразрешимого противоречия. Используя шахматную терминологию, можно сказать, что Фрейд сделал такой ход конем, в результате которого он не только не принес в жертву истину или нравственность, но и выиграл неудачно начатую партию. Тем самым он сохранил психоанализ. Более того, придал ему новое направление движения и одновременно сохранил верность своим жизненным принципам.

Из истории психоанализа

В августе 1981 года в газете «Нью-Йорк таймс» появилась серия статей об открытии Дж. Мэссоном материалов, на основе которых им были пересмотрены взгляды основателя психоанализа на теорию совращения. Дж. Мэссон был преподавателем санскрита в Торонто, прошел курс обучения в Канадском психоаналитическом институте, добился расположения ведущих психоаналитиков, включая К. Эсслера, получил разрешение у А. Фрейд на перевод и публикацию писем между Фрейдом и Флиссом, имел доступ к хранящимся у нее материалам, стал директором архива Фрейда в Нью-Йорке. Публикация статей о находках и выводах Мэссона вызвала волну критики и протестов среди ведущих психоаналитиков и прежде всего со стороны К. Эсслера, по рекомендации которого он был назначен директором архива Фрейда. В сентябре 1981 года Мэссон написал оправдательное письмо А. Фрейд, которая в своем ответе подчеркнула следующее: она прекрасно знает соответствующие материалы, но не могла представить себе, что они могут привести к сделанным ее корреспондентом выводам. После осуждения Мэссона ведущими психоаналитиками он лишился поста директора архива Фрейда. Позднее он опубликовал работу «Насилие над истиной» (1984), в которой подверг сомнению привычные представления о Фрейде как поборнике истины. Имея доступ к архивным материалам, ознакомившись с неопубликованными письмами Фрейда к Флиссу, он пришел к выводу, что упразднение теории совращения ребенка было уступкой основателя психоанализа научному сообществу, не принявшему данную теорию. Мэссон утверждал, что если честность, храбрость и бескомпромиссность Фрейда были действительно отличительными чертами его характера, то в истории с упразднением теории совращения ребенка он проявил себя не с лучшей стороны. По мнению Мэссона, основатель психоанализа поступился истиной, поскольку упразднил важное положение, согласно которому сексуальное, физическое и эмоциональное насилие является реальной и трагической частью жизни многих детей. В сентябре 1984 года Дж. Мэссон был исключен из Канадского психоаналитического общества и — автоматически — из Международной психоаналитической ассоциации.

Примирение истины и нравственности лежало на пути признания сексуальных травм вымышленным фактом. Если невротики предаются своим фантазиям, выдавая их за реальность, то это вовсе не означает, что фантазии не оказывают на них никакого влияния. Если в процессе самоанализа выявились инцестуозные желания, то, не будучи воплощенными в реальность, они все же действенны в психическом отношении. Таким образом, психоаналитическое объяснение причин возникновения неврозов не только сохраняет свою значимость, но и дает новый ключ к пониманию неврозов как таковых. Это новое понимание связано с признанием психической реальности важным и определяющим фактором развития человека. Именно к этому выводу и пришел Фрейд.

Обманувшись в первоначальных ожиданиях, он переосмыслил свою теорию неврозов и выдвинул на передний план значение психической реальности в образовании невротических заболеваний. Позднее, вспоминая драматические перипетии тех лет, Фрейд по этому поводу писал, что, придя в себя, сделал из своего опыта правильный вывод. В соответствии с ним невротические симптомы связаны не прямо с действительными переживаниями, а с желательными фантазиями и, следовательно, для неврозов психическая реальность имеет большее значение, чем материальная.

Дальнейшее становление и развитие психоанализа шли по пути учета и исследования психической реальности. В этом состояла одна из несомненных заслуг Фрейда,

подвергшего сомнению ранее выдвинутую им теорию совращения ребенка и обратившего внимание на противоположную сторону отношений между родителями и детьми, а именно на те фантазии, которые на бессознательном уровне возникают у детей по отношению к их родителям.

Для большинства психоаналитиков упразднение Фрейдом ранее выдвинутой им теории совращения ребенка — это радикальный поворот к новым психоаналитическим идеям, которые как раз и легли в основу психоанализа. И это действительно так, поскольку отныне в поле зрения исследователя и аналитика оказывается ранее непринимаемая во внимание психическая реальность. Однако при этом остается открытым вопрос, можно ли все сообщения пациентов о сексуальных травмах воспринимать в качестве их бессознательных фантазий или действительно могли иметь место случаи реального совращения ребенка и насилия над ним.

Для Фрейда решение в пользу признания психической реальности было исключительно важным с точки зрения устранения личного конфликта между истиной и нравственностью. Если бы не самоанализ, то неизвестно, обнаружил бы он этот конфликт в себе и пришел бы к идее о важной роли бессознательных фантазий в жизни человека. В своих собственных глазах он вроде бы не поступился ни истиной, ни нравственностью. Но, по мнению некоторых исследователей, упразднив теорию совращения ребенка, Фрейд тем самым отступил от истины.

Действительно ли Фрейд поступился истиной? Без знакомства с архивными материалами и неопубликованными письмами основателя психоанализа невозможно ответить на этот вопрос однозначно. Бесспорным является лишь то, что история, связанная с первоначальным выдвижением Фрейдом теории совращения ребенка и последующим пересмотром ее, имеет принципиально важное значение для понимания становления и развития психоанализа.

Признание психической реальности в качестве детерминирующего фактора возникновения неврозов послужило отправной точкой для выдвижения наиболее существенных идей, предопределивших становление психоанализа. Выявление ранней сексуальности детей, рассмотрение психосексуального развития ребенка, представления об эдиповом комплексе, учет не только внешних (материальных) обстоятельств жизни, но и внутренних (психических) состояний, обусловливающих невротические заболевания, — все это оказалось объектом исследовательской и терапевтической деятельности Фрейда после того, как он пересмотрел свои предшествующие взгляды на теорию совращения ребенка. Фрейд не столько отступил от истины, сколько оригинальным образом нашел возможность примирить ее со своими нравственными устоями жизни.

Судя по эмпирическим материалам, в некоторых семьях имеются тайны, связанные с реальными случаями совращения детей и насилия над ними со стороны взрослых или старших детей. В других же семьях этого не происходит, но подобные мотивы находят свое отражение в фантазиях и сновидениях как взрослых, так и детей. Поэтому истина относится не к признанию дилеммы «или — или», а к пониманию того, что нечто подобное может иметь место и в материальной, и в психической реальности. К этому выводу и пришел Фрейд, сделав лишь одно, но весьма существенное дополнение, согласно которому для невротиков психическая реальность является более значимой, чем материальная. Позднее в «Автобиографии» (1925) он писал, что соблазнение в детском возрасте также осталось элементом этиологии неврозов, хотя и в более скромных масштабах.

Систематическое занятие самоанализом поставило перед Фрейдом вопрос о возможности быть предельно честным перед самим собой. Это трудно сделать, но он решился идти до конца, чтобы тем самым раскрыть перед собой все тайны, все то сокровенно сокрытое, что не поднимается на поверхность сознания человека и остается в глубинах его бессознательного. Фактически по отношению к самому себе Фрейд начал осуществлять не столько самоанализ, сколько психоанализ, ранее применяемый им к пациентам. Благодаря обращенному на себя психоанализу Фрейд открыл свой эдипов комплекс.

В одном из писем к Флиссу (1897) он признался в том, что обнаружил у себя любовь к матери и ненависть по отношению к отцу. При этом он подчеркнул, что отныне считает это явление универсальным событием раннего детства, хотя и не настолько ранним, как это имеет место у детей, страдающих истерией. И если это так, то теперь можно понять могущественное воздействие на людей древнегреческой легенды об Эдипе, вопреки всем объяснениям, исходящей из неизбежности драмы судьбы. Одновременно Фрейд отметил, что то же самое можно сказать и о шекспировской трагедии Гамлета.

На протяжении нескольких месяцев Фрейд продолжал свой систематический самоанализ. В письмах к Флиссу он сообщал о том, как трудно осуществляется эта работа. Он открыл в себе многое из того, что ранее наблюдал у своих пациентов. Открытия приводили его то в подавленное состояние, поскольку он многое не мог понять из своих сновидений и фантазий, то поражали своей значимостью. Иногда прозрения способствовали установлению единой связи между событиями детства и переживаниями взрослого человека, между личностным расстройством психики и невротичностью больных, которые находились у него на лечении.

Фрейд возлагал большие надежды на самоанализ. В его собственном понимании самоанализ обещал стать для него величайшей ценностью, если он будет доведен до конца. В течение нескольких месяцев конца 1897 – начала 1898 года Фрейд постоянно делился с Флиссом результатами своего анализа и неоднократно подчеркивал, что его анализ продолжает оставаться главным его интересом.

Если сравнить переписку Фрейда с его невестой Мартой и его другом Флиссом, то можно обнаружить по меньшей мере два общих для них аспекта.

Во-первых, и в том и в другом случае Фрейд нередко ссылался на свою истерию, свой невроз. В процессе эпизодического самоанализа (письма к невесте) он не только выявил свои пороки, но и связал некоторые из них со своей «незначительной истерией». По ходу систематического самоанализа (письма к другу) он не только как бы спроецировал невротические состояния нервнобольных на самого себя, но и занялся изучением своего невроза. Как в первом случае, так и во втором его самоанализ сопровождался сменой настроения и самочувствия, крайними полюсами которых было безмерное отчаяние и безграничная уверенность в успехе; глубокое уныние и потрясающая работоспособность; смятение души, сопровождающееся блужданием в потемках бессознательного, и внезапные озарения, приводящие к зарождению новых идей. Во время переписки с невестой «незначительная истерия» обостряла его восприятие собственных пороков. В письмах к Флиссу находили свое отражение его сомнения и мучительные переживания, обусловленные выявившимся конфликтом между истиной и нравственностью.

Самоанализ может привести к болезненному самокопанию, приносящему мазохистское удовлетворение, усугубляющее болезненное состояние индивида. Но он

может сопровождаться и интеллектуальными прозрениями, выводящими человека на новые рубежи познания внутреннего и внешнего мира, как это имело место у Фрейда.

Увлекшись новыми идеями, связанными с пересмотром теории совращения ребенка, проделав мучительную для себя работу и почувствовав опасность, в дальнейшем Фрейд не отстранился от самоанализа, а превратил его в дополнительное средство к тому психоанализу, который осуществлялся им по отношению к его пациентам. Не случайно в конце 1897 года он стал говорить о том, что может анализировать себя только с помощью знания, полученного объективным путем, то есть не изнутри самого себя, а извне. В одном из писем к Флиссу того периода он высказал мысль, что подлинный самоанализ невозможен. Через два-три месяца, в начале 1898 года, Фрейд сообщил Флиссу, что оставил самоанализ в покое, чтобы заняться книгой о сновидениях.

В дальнейшем мысль Фрейда о том, что подлинный самоанализ невозможен, положила начало дискуссиям о соотношении самоанализа и психоанализа. Это непростой вопрос, требующий специального рассмотрения. В рамках обсуждения истоков возникновения психоанализа достаточно будет обозначить эту проблему. В данном контексте важно иметь в виду то, что эпизодический и систематический самоанализ Фрейда, с одной стороны, вызвал у него потребность разобраться в его собственных невротических состояниях, а с другой — способствовал развитию новых идей, вызвавших к жизни психоанализ.

Во-вторых, эпизодический и систематический самоанализ Фрейда действительно способствовал возникновению у него таких идей, которые впоследствии нашли свое отражение в его работах. В письмах к Флиссу содержался целый комплекс идей, почерпнутых им в процессе систематического самоанализа и положенных в основу психоанализа. К их числу относились прежде всего выявленные в процессе систематического самоанализа представления Фрейда об эдиповом комплексе, детской сексуальности, оральных и анальных эрогенных зонах, психической реальности, роли фантазий в жизни человека и необходимости толкования сновидений.

К некоторым важным идеям Фрейд пришел также и в период осуществления им эпизодического самоанализа, во время переписки с невестой. И действительно, в письмах к невесте содержались такие его размышления, которые положили начало его дальнейшим психоаналитическим разработкам.

Так, в одном из писем к невесте в 1882 году Фрейд затронул несколько тем, оказавшихся впоследствии в центре его внимания. Одна из них касалась ранних его интенций, свидетельствующих о его понимании важности исследования «мелочей» жизни и символов с точки зрения обнаружения скрывающегося за ними смысла. Полтора десятилетия спустя Фрейд опубликовал статью об ошибочных действиях, а затем книгу «Психопатология обыденной жизни», в которых сосредоточил внимание на изучении оговорок, описок, забывания имен и других «мелочей», редко привлекающих к себе интерес, но оказывающихся важными для понимания подлинных мотивов поведения человека. В это же время он работал над трудом «Толкование сновидений», где значительное место в его исследовании уделялось символике снов.

Другая тема, затронутая Фрейдом в том же письме к невесте, представляла для него столь значительный интерес, что он не замедлил сообщить об этом. Речь шла о религии и религиозных заповедях. При этом, ссылаясь на Г. Э. Лессинга, говорив-

шего о религиозном воспитании и влиянии религии на сознание человека, Фрейд привел в письме к невесте свои размышления на эту тему. Два из высказанных им соображений, несомненно, заслуживают внимания.

Первое соображение касалось значения религии в истории человечества. По этому поводу Фрейд заметил, что человечество в течение столетий верит и, следовательно, веру, религию нельзя считать безрассудством, напротив, в религии есть некий высший смысл. Другое соображение соотносилось с теми сомнениями, которые возникали у него по поводу авторитарности, имевшей место в религиозных учениях. В связи с этим он подчеркнул, что Святое Писание претендует исключительно на истинность, предполагает покорность и послушание верующих, в то время как все это никак не связано с неотъемлемым правом человека на сомнения и уж тем более на ниспровержение каких бы то ни было авторитетов.

Несколько десятилетий спустя высказанные Фрейдом в письме к невесте соображения о религии и религиозных учениях получили свое дальнейшее развитие в его работах. В частности, в более развернутой форме они нашли свое отражение в таких его книгах, как «Будущее одной иллюзии» (1927) и «Недовольство культурой» (1930).

В одном из писем к невесте в 1883 году Фрейд высказал несколько мыслей, также получивших дальнейшее развитие в его последующих работах. Согласно этим мыслям, люди осознанно стремятся к тому, чтобы поменьше страдать от жизни и побольше получать удовольствия от нее, а жизнь каждого человека завершается смертью, то есть небытием.

Позже, в процессе развития психоаналитических взглядов о человеке и его влечениях, Фрейд будет говорить о стремлении людей к получению удовольствия и избеганию различного рода страданий; выдвинет идеи о принципе удовольствия и принципе реальности; изложит свои представления об инстинкте жизни и инстинкте смерти. Все это найдет свое отражение в различных работах основателя психоанализа, включая «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), «Недовольство культурой» (1930), «Зачем война?» (1932).

Таким образом, в переписке Фрейда с невестой и его другом Флиссом, которую он вел на протяжении двух десятилетий в период с 1882 по 1904 год, содержатся в зародыше многие идеи, послужившие толчком к становлению и развитию психоанализа. Осуществленный им в тот период времени эпизодический и систематический самоанализ действительно оказался одним из важных источников возникновения психоаналитических концепций.

Изречения

З. Фрейд: «Так как моя персона стала более важной даже для меня самого, после завоевания тебя я теперь больше думаю о своем здоровье и не хочу себя изнашивать. Я предпочитаю обходиться без своего честолюбия, производить меньше шума в мире и считаю, что лучше быть менее известным, чем повредить свою нервную систему».

З. Фрейд: «Когда я строго исследую себя, более строго, чем это делает моя любимая, я нахожу, что Природа отказала мне во многих талантах и даровала мне

очень мало, из той разновидности таланта, который завоевывает признание. Но она наделила меня бесстрашной любовью к истине, острым глазом исследователя, правильным восприятием ценностей жизни и даром много работать и находить в этом удовольствие. Для меня достаточно этих наилучших отличительных черт, чтобы считать терпимым свое жалкое положение в других аспектах».

З. Фрейд: «Основной пациент, которым занимаюсь, — я сам».

З. Фрейд: «Мой самоанализ является фактически наиболее существенным делом».

Литературные источники

После того как психоанализ вышел на международную арену и многие деятели культуры считали своим долгом установить с его основателем дружеские отношения или, по крайней мере, засвидетельствовать ему свое почтение, Фрейд познакомился со многими писателями, получившими всемирную известность. Среди них были Стефан Цвейг, Арнольд Цвейг, Томас Манн, Герберт Уэллс, Ромен Роллан, Артур Шницлер и другие. Поэтому нет ничего удивительного, что в работах Фрейда позднего периода встречаются подчас имена тех писателей, с которыми он вел переписку. Но это не тот литературный источник, который оказал влияние на становление психоанализа.

Другое дело ранние работы Фрейда, в которых содержатся упоминания о различных писателях и поэтах. И хотя ссылки на них могут свидетельствовать о его общем культурно-образовательном уровне, вряд ли соотносящемся с истоками возникновения психоанализа, и воздействии на его мышление, тем не менее сами по себе они представляют определенный интерес и заслуживают внимания. Так, уже в «Толковании сновидений» Фрейд упоминает Гейне, Гёте, Гюго, Сервантеса, Софокла, Твена, Шекспира. В других работах раннего периода встречаются имена Голсуорси, Гомера, Данте, Ибсена, Иенсена, Келлера, Мультатули, Пушкина, Рабле, Толстого, Флобера, Франса, Шиллера, Шоу, Элиота.

Многие из этих имен встречаются в переписке Фрейда с его корреспондентами до того, как Фрейд выдвинул психоаналитические идеи и ввел само понятие психоанализа. В частности, в его письмах к невесте упоминаются имена Гёте, Гюго, Лессинга, Мольера, Элиота. В письмах к Флиссу, которые, в отличие от переписки с невестой, представляли собой по большей части научные отчеты, лишенные какого-либо налета романтизма, встречаются ссылки на Вергилия, Золя, Киплинга, Мейера, Мопассана, Шиллера, Шекспира и имеются многочисленные выдержки из «Фауста» Гёте.

Все это свидетельствует о том, что, помимо медицинских и философских трудов, Фрейд не только читал разнообразную художественную литературу, но и впитывал в себя литературные образы и сюжеты. При случае он мог использовать их в качестве иллюстраций к клиническому материалу или собственным размышлениям о тех или иных явлениях жизни. Он не был зацикленным на своей работе врачом и кабинетным ученым, не получавшим наслаждения от чтения художественной литературы. Проявившееся еще в детские и юношеские годы пристрастие к художественной литературе сохранилось у него на всю жизнь. Приходится только удивляться тому, как, будучи столь занятым своей исследовательской и терапевтической деятельностью, он умудрялся находить время для чтения художественных произведений.

Из истории психоанализа

Американский психоаналитик А. Гринштейн опубликовал в 1968 году книгу «О сновидениях Зигмунда Фрейда», в которой обратил внимание на приключенческий роман английского писателя Райдера Хаггарда «Сердце мира». На страницах этого романа разворачиваются сцены и действия опасного путешествия героев, в которых не последнюю роль играют листья кокаина. Исследуя свойства кокаина, в 1884 году Фрейд в одной из своих статей, посвященных, по его выражению, этому «волшебному средству», описывал историю проникновения чудесного растения в Европу. При этом он использовал материалы каталога, содержащие обзор научной литературы о кокаине и находящиеся в библиотеке Венского медицинского общества. Но только после публикации «Толкования сновидений» стало очевидным, что Фрейд читал романы Хаггарда, включая «Сердце мира» и «Она». Упоминание о них осуществлялось в контексте интерпретации им сновидения о препарировании нижней части его собственного тела. После разбора части сновидения Фрейд сослался на то, что дальнейшие мысли слишком глубоки, чтобы быть сознательными, и что многочисленные элементы самого сновидения заимствованы из фантастических романов Хаггарда.

По данным Э. Джонса, в восьмилетнем возрасте Фрейд начал читать Шекспира и впоследствии неоднократно перечитывал его. При удобном случае он использовал соответствующие цитаты из шекспировских пьес, и, как свидетельствуют его письма, а также психоаналитические работы, ссылки на те или иные произведения Шекспира, будь то «Гамлет», «Король Лир» или «Леди Макбет», являлись составной частью его различных текстов.

Если в одном из писем к Флиссу (1897) Фрейд посвятил лишь абзац рассмотрению образа Гамлета, причем сделал это в основном в форме постановки различных вопросов, например: «Не является ли его сексуальное отчуждение при разговоре с Офелией типично истерическим?», то в «Толковании сновидений» он специально уделил внимание раскрытию психологии поведения шекспировского героя. Фрейд попытался перевести в осознанную форму то, что, по его мнению, таилось в душе Гамлета. В интерпретации основателем психоанализа психического состояния Гамлета это звучит так: ненависть, которая должна была бы побудить шекспировского героя к мести, заменяется у него самоупреками и даже угрызениями совести, которые говорят ему, что он сам не лучше, чем преступник, которого он должен покарать.

В дальнейшем Фрейд выдвинул идеи, согласно которым совесть, или Сверх-Я, может выступать в качестве такого внутреннего тирана, под неустанным оком и давлением которого человек спасается бегством в болезнь, становясь невротиком. Не присутствуют ли в предложенной им в «Толковании сновидений» интерпретации психологии поведения Гамлета элементы того, что в последующих работах Фрейда нашло детальное психоаналитическое обоснование? Не стали ли его рассуждения о самоупреках и угрызениях совести шекспировского героя исходными положениями, осмысление которых привело к психоаналитическим идеям о карающей совести, способствующей невротизации человека? Не исключено, что именно размышления над данной трагедией Шекспира подтолкнули Фрейда к мысли о рассмотрении психических расстройств через призму угрызений совести человека. Не случайно в «Толковании сновидений» он подчеркнул, что если кто-нибудь назовет Гамлета истериком, то он сочтет это лишь выводом из его толкования.

Впоследствии Фрейд неоднократно обращался к творчеству Шекспира. В работе «Мотив выбора ларца» (1913) он сосредоточил свое внимание на разборе пьесы

Из истории психоанализа

Венгерский врач Х. Дубович обратил внимание Ш. Ференци на небольшую статью, включенную в первый том полного собрания сочинений Л. Бёрне, изданного в 1862 году. Эта статья заканчивалась следующим пассажем: «А тут следует обещанное полезное применение. Возьмите лист бумаги и записывайте три дня подряд без фальши и льстивости все, что вам придет в голову. Пишите все, что думаете о себе, о ваших женах, о турецкой войне, о Гёте, о криминальном процессе Фукса, о дне великого суда, о ваших начальниках — и по прошествии трех дней вы будете страшно поражены и удивлены своими новыми невероятными мыслями. Вот оно, искусство стать в три дня оригинальным писателем». Когда Фрейду показали статью немецкого писателя, то, прочитав ее, он рассказал, что в 14 лет получил в подарок томик сочинений Бёрне и что это был первый писатель, к произведениям которого он отнесся с особым вниманием и интересом. Основатель психоанализа никак не мог вспомнить именно эту статью, но сообщил о том, что содержащиеся в данном томе другие статьи, включая «Повар» и «Шут в белом лебеде», на протяжении многих лет неоднократно всплывали в его памяти. Кроме того, он был чрезвычайно удивлен, когда, вновь перечитав статью Бёрне о том, как стать оригинальным писателем, обнаружил высказывания, которые соответствовали его психоаналитическому мышлению. Среди них особенно примечательным в плане выявления литературных истоков психоанализа было такое высказывание немецкого писателя: «У всех у нас замечается постыдная трусость перед мышлением. Цензура общественного мнения над произведениями нашего собственного духа подавляет нас больше, чем цензура правительства». И еще одно высказывание: «Откровенность — источник гениальности, и люди были бы умнее, если бы были нравственнее».

«Венецианский купец» и драмы «Король Лир». В работе «Некоторые типы характеров из психоаналитической практики» (1916) он дал свою интерпретацию пьесы «Леди Макбет». И хотя в том и другом случае речь шла скорее о психоаналитическом прочтении пьес Шекспира, то есть использовании психоаналитических идей при рассмотрении художественных произведений, нежели о выдвижении новых концепций на основе литературного материала, тем не менее даже в этих работах подспудно продолжалась подготовка к дальнейшему развернутому обоснованию ранее высказанных Фрейдом представлений о смерти («Мотив выбора ларца»), угрызениях совести и раскаянии («Леди Макбет»).

Начиная с отрочества, чтение художественной литературы было неотъемлемой частью жизни Фрейда. Он любил дарить книги своим близким, друзьям и сам с удовольствием получал подобные подарки. Марте и своим сестрам он часто дарил книги, среди которых были «Одиссея» Гомера, «Коварство и любовь» Шиллера, «Дэвид Копперфилд» Диккенса и многие другие. Как старший брат, Фрейд давал своим сестрам советы относительно того, что следует им читать в соответствующем возрасте, а от знакомства с какими романами, например Бальзака и Дюма, следует пока воздержаться.

Имеются упоминания о том, что до того, как Фрейд стал основателем психоанализа, он читал «Ярмарку тщеславия» Теккерея, «Миддлмарч» Элиота, «Освобожденный Иерусалим» Тассо, «Историю Тома Джонса, Найденыша» Филдинга, «Холодный дом» Диккенса и многие другие, включая произведения Дизраэли, Келлера, Твена, Байрона, Скотта, Гёте, Гейне, Лессинга, Кальдерона, Хаггарда.

Чтение художественных произведений, особенно шедевров мировой литературы, не только доставляло Фрейду эстетическое удовольствие. Оно обогащало

его мышление и давало пищу для серьезных раздумий, в том числе и тех, которые имели непосредственное отношение к появлению психоаналитических идей. Ведь в своих художественных произведениях писатели и поэты подчас настолько глубоко вторгаются во внутренний мир человека, что их образное описание разнообразных конфликтов и драматических развязок нередко способствует лучшему пониманию человеческой психики, чем сухие, лишенные эмоций и логически выверенные исследования ученых. Фрейд это прекрасно понимал и считал, что писатели и поэты знают, по его собственному выражению, множество вещей между небом и землей, которые еще и не снились нашей школьной учености. В опубликованной в 1907 году работе «Бред и сны в "Градиве" В. Иенсена» он писал о том, что в знании психологии обычного человека они далеко впереди, поскольку черпают из источников, которые ученые еще не открыли для науки.

Помимо медицинской и философской литературы, Фрейд извлекал недостающие ему для понимания глубин человеческой психики знания именно из художественных произведений. Не случайно его описания историй болезней не являются сухой констатацией фактов, а часто оказываются своего рода детективным жанром интригующего расследования, в конце которого раскрывается тайна жизни человека, уходящая своими корнями в раннее детство.

Очевидность того, что Фрейд многое почерпнул из художественной литературы, не всегда оказывается в поле зрения исследователей. Он редко ссылался на другие источники. Чаще всего он просто излагал те или иные идеи, не считая нужным раскрывать совершаемую внутри его переработку ранее освоенного им материала. Кроме того, действенность вытесненного бессознательного давала знать о себе, так как, несмотря на феноменальную память, которой он обладал с детства, Фрейд допускал ошибки в текстах своих работ и не помнил многое из того, что имело место в реальности.

Показательным представляется случай, непосредственно относящийся к истории возникновения психоанализа. Речь идет о методе свободных ассоциаций, использование которого в клинической практике соотносится с появлением психоанализа. Фрейд ставил себе в заслугу то, что именно благодаря этому методу ему удалось совершить прорыв в исследовании истоков возникновения невротических заболеваний. Работа со сновидениями также основывалась на этом методе, который всегда считался тем основным новшеством Фрейда, благодаря которому психоанализ получил статус самостоятельно существующего. Между тем идея свободного, произвольного изложения мыслей была высказана немецким писателем и публицистом Л. Бёрне, который в статье «Искусство стать в три дня оригинальным писателем» (1823) предлагал начинающим авторам записывать все то, что приходит в голову.

В опубликованной Фрейдом работе «Заметки из ранней истории психоаналитической техники» (1920) содержатся высказывания Бёрне, нашедшие отражение в его статье «Искусство стать в три дня оригинальным писателем». Работа заканчивается признанием Фрейда в том, что он не исключает возможности того, что указанием на идеи немецкого писателя вскрыта, может быть, часть криптомнезии, допускаемая во многих случаях кажущейся оригинальности.

Несколько лет спустя при рассмотрении сходства между психоаналитическими концепциями инстинкта жизни и инстинкта смерти и идеями древнегреческого

философа Эмпедокла о Любви и Вражде Фрейд также говорил о криптомнезии. На этот же счет следует отнести и его представления о цензуре, первоначально высказанные в некоторых письмах к Флиссу, получившие дальнейшее развитие в «Толковании сновидений» и концептуально оформленные в работах, посвященных рассмотрению соотношений между сознанием и бессознательным. Как и идея о свободных ассоциациях, его представления о цензуре были почерпнуты из того литературного источника, с которым он ознакомился за несколько десятилетий до возникновения психоанализа.

Судя по тому, что, по данным Э. Джонса, во время пребывания во Франции и посещения кладбища Пер-Лашез Фрейд искал там лишь могилы Бёрне и Гейне, можно представить себе, какое воздействие на него оказали работы первого из них. И если учесть, что подаренный ему в 14 лет томик сочинений Бёрне был единственно уцелевшей с юного возраста книгой, которую он сохранял на протяжении пятидесяти лет, то не остается никаких сомнений относительно его пристрастия к работам этого немецкого писателя. Во всяком случае, история, связанная с пониманием того, откуда берут свое начало идеи Фрейда о свободных ассоциациях и цензуре, служит наглядным подтверждением литературных истоков возникновения психоанализа.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что и другие художественные произведения, с которыми в различные периоды жизни познакомился Фрейд, могли стать отправными вехами для возникновения тех или иных психоаналитических идей.

Известно, например, что на выпускном экзамене в гимназии в 1873 году Фрейд переводил с греческого языка фрагмент из трагедии Софокла «Царь Эдип». Во время стажировки у Шарко в Париже он смотрел в 1885 году в «Комеди Франсез» постановку этой трагедии, где роль Эдипа играл Муне-Сюлли. Двенадцать лет спустя, излагая результаты самоанализа в письме к Флиссу, Фрейд упомянул «Царя Эдипа», а в «Толковании сновидений» дал развернутую трактовку трагедии Софокла. Позднее его размышления о «Царе Эдипе» переросли в концепцию эдипова комплекса, которая стала сердцевиной психоаналитического понимания неврозов, развития человека и культуры.

Именно знакомство Фрейда с трагедией Софокла «Царь Эдип» привело к возникновению психоаналитических идей, развиваемых и отстаиваемых им на протяжении всей его последующей исследовательской и терапевтической деятельности. В связи с этим интересно отметить, что в библиотеке Фрейда, наряду с другими работами, имелась книга Л. Констанса «Легенда об Эдипе» (1881).

Фрейд обращался к различным литературным источникам. Так, в одном из писем к Флиссу (1898) он сообщил своему другу, что с удовольствием прочел новеллу К. Ф. Мейера «Судья» (1882) и вскоре пришлет ему свои размышления по поводу прочитанного. В следующем письме он дал свою интерпретацию этой новеллы, поделившись мнением, что в данном произведении, несомненно, в поэтической форме содержится выраженная защита против воспоминаний героя о сексуальной связи с сестрой. Причем сама защита организуется точно так же, как это обычно имеет место при неврозе, поскольку все невротики создают так называемый семейный роман, который служит, с одной стороны, основанием для мании величия, а с другой — защитой против инцеста. Интерпретация новеллы была осуществлена Фрейдом через призму рассмотрения отношений между действующими лицами — братом, сестрой и матерью. В результате анализа художественного произведения он пришел к вы-

воду, согласно которому психическое состояние сестры является невротическим следствием детской сексуальной связи не с братом, а с матерью, которая испытывает стыд. Здесь же Фрейд высказал соображения о фобии как страхе ребенка быть избитым, детских желаниях наказания, фантазиях и сновидениях, в которых образы отца и матери замещаются другими, более благородными лицами, а также может присутствовать желание убить отца.

Рассмотрение Фрейдом новеллы К. Ф. Мейера «Судья» было одной из первых попыток психоаналитической интерпретации художественного произведения. В последующем он неоднократно будет осуществлять психоаналитическое прочтение шедевров мировой литературы, включая произведения Шекспира, Достоевского и других авторов. Но это одна сторона дела. Другая состоит в том, что при интерпретации новеллы «Судья» Фрейд наметил ряд идей, получивших свое дальнейшее развитие во многих его работах.

Так, идея о семейном романе в развернутом виде нашла свое отражение в статье «Семейный роман невротиков» (1906). В ней Фрейд провел различие между несексуальной и сексуальной фазами семейного романа, высказал соображения о наличии у детей фантазий, в которых содержатся мотивы мести и возмездия по отношению к родителям, и показал, что невротичным оказывается по большей части тот ребенок, кого родители наказывали, отучая от дурных сексуальных привычек и кто теперь посредством таких фантазий мстит своим родителям.

Идея о страхе ребенка быть избитым получила свое обоснование в работе Фрейда «Ребенка бьют: к вопросу о происхождении сексуальных извращений» (1919). В этой работе он показал, почему у детей возникают различного рода фантазии, связанные с тем, что их избивают; в каком возрасте они могут возникать; какое удовольствие получают дети от подобного рода фантазий; какое соотношение существует между значимостью фантазии битья и ролью воспитания ребенка в семье, где на самом деле применяются телесные наказания. Согласно его убеждению, последовательное обращение к психоанализу позволяет выяснить, что фантазии битья имеют непростую историю развития, в ходе которой меняется объект, содержание, значение и их отношение к фантазирующему лицу.

В поле зрения Фрейда находилась также художественная литература, связанная с именами российских писателей. В его работах можно встретить упоминания имен Пушкина, Лермонтова, Толстого или ссылки на произведения Достоевского и Мережковского. Последний был для него одним из любимых писателей. Так, в 1907 году, отвечая на вопрос о его пристрастии к художественной литературе в письме к антиквару Хинтенбергеру, Фрейд назвал десять книг, пришедших ему на память без особых раздумий. Наряду с «Греческими мыслителями» Гомперца, «Плодородием» Золя, «Людей из Селдвила» Келлера, «Книгой джунглей» Киплинга, «Письмами и сочинениями» Мультатули, «Эссе» Маковея, «Последними днями Гуттена» Мейера, «Скетчи» Твена, «На белом коне» Франса, он назвал также и «Леонардо да Винчи» Мережковского.

Дмитрий Мережковский был известным писателем, философом и литературоведом. Одним из наиболее значительных его произведений является трилогия «Христос и Антихрист», состоящая из первой части «Отверженный» («Юлиан Отступник», 1896), второй — «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи», 1901) и третьей — «Антихрист» («Петр и Алексей», 1905). Фрейд не только читал переведенные

Из истории психоанализа

«Человек-Волк», или, точнее, Wolfsmann, — имя, данное в психоаналитической литературе пациенту, клинический случай которого описан Фрейдом в работе «Из истории одного детского невроза» (1918). Это имя было дано пациенту в связи с рассказанным им в курсе лечения сновидением о волках. Психоаналитическая интерпретация этого сновидения послужила ключом к пониманию детского невроза, связанного с преувеличенным страхом перед волками.

Пациентом Фрейда был молодой человек, сын богатого русского землевладельца Сергей Панкеев. Он проходил у него курс психоаналитического лечения на протяжении четырех лет, с 1909 по 1914 год, и повторный краткий четырехмесячный анализ в 1919–1920 годах. Описанный Фрейдом клинический случай не был полным рассмотрением заболевания и лечения молодого человека. Содержание опубликованной работы Фрейда касалось только анализа детского невроза, возникшего у пациента на пятом году жизни в форме фобии, то есть истерии страха перед животными, в частности перед волками.

На основе данного клинического случая Фрейд пришел к убеждению, что кратковременный анализ с благоприятным исходом лечения служит доказательством врачебного значения психоанализа, но ничего не дает для успехов научного познания. Новое можно узнать только из анализов трудных случаев, требующих много времени для лечения. Только при таком условии удается добраться, по словам Фрейда, до самых глубоких и примитивных слоев душевного развития и там найти разрешение проблем поздних душевных образований.

Психоаналитическая интерпретация сновидения пациента о белых волках, сидящих на ореховом дереве, позволила Фрейду выявить причину инфантильного невроза, что не удавалось сделать на протяжении первых лет лечения. В сновидении волк являлся заместителем отца, перед которым пациент в детстве испытывал страх. Этот страх был сильнейшим мотивом его заболевания, в основе которого лежали увиденная ребенком в возрасте полутора лет «первичная сцена» коитуса родителей, желание получить сексуальное удовлетворение и испуг перед его исполнением.

Более детальный анализ различных сцен, выявленных благодаря воспоминаниям пациента, и соответствующая их интерпретация привели Фрейда к утверждению, что влияние детства чувствуется уже в первоначальной ситуации образования невроза. Это влияние оказывается решающим для несостоятельности человека, сталкивающегося с реальными проблемами жизни.

Несколько лет спустя после завершения курса лечения у основателя психоанализа в силу различного рода жизненных обстоятельств С. Панкееву вновь пришлось обратиться к психоаналитику. Однако в 1926 году Фрейд сократил количество своих пациентов и передал С. Панкеева другому специалисту. Его лечащим врачом стала Рут Мак Брунсвик, которая ранее сама была пациенткой Фрейда. Диагноз, поставленный ею С. Панкееву, гласил: ипохондрическая мания преследования и регрессия к нарциссизму, проявляющаяся в мании величия. Психоаналитическое лечение заняло пять месяцев и проходило в 1926–1927 годах. История лечения была описана и опубликована Р. Брунсвик в работе «Дополнение к статье Фрейда “Из истории одного детского невроза”» (1928).

Позднее другой психоаналитик, М. Гардинер, периодически встречалась с С. Панкеевым, помогала ему на протяжении долгого времени и считала его нормальным человеком. В 1938 году после того, как его жена покончила жизнь самоубийством, по рекомендации М. Гардинер на протяжении шести недель С. Панкеев вновь проходил анализ у Р. Брунсвик. В 50-е годы он неоднократно находился в состоянии депрессии, обращался за помощью к различным психоаналитикам. В 1963 году на вопрос о переживаемых им конфликтах С. Панкеев ответил, что «конфликты остались прежними, за исключением моей ипохондрии», а другие конфликты «имеют не столь острый характер, как прежде, но вместо этого приобрели более хроническую форму». Обобщая свои впечатления о встречах ►

Из истории психоанализа

с С. Панкеевым, М. Гардинер заметила, что за сорок три года, на протяжении которых она знала знаменитого пациента Фрейда, она не наблюдала у него ни одного проявления психоза, а то, что он принимал обычно за депрессию, было реакцией на реальную утрату (самоубийство жены, смерть матери и другие неожиданные события). Как подчеркнула М. Гардинер, психоанализ Фрейда спас С. Панкеева от жалкого существования, а повторный анализ с Р. Брунсвик помог преодолеть серьезный кризис — оба позволили ему «прожить долгую и относительно здоровую жизнь».

В 1972 году вышли в свет воспоминания С. Панкеева о его детстве и о Фрейде. Имеется также публикация М. Гардинер о встрече и переписке со знаменитым пациентом. Все эти материалы дают наглядное представление не только о возможностях психоаналитического лечения, но и о судьбе пациента, оказавшегося способным к сотрудничеству с психоаналитиками (Человек-Волк и Зигмунд Фрейд. Киев, 1996).

на немецкий язык работы Мережковского, но и считал его одним из самых талантливых писателей России. С. Панкеев, проходивший курс лечения у основателя психоанализа и известный в психоаналитической литературе под именем Человек-Волк, в своих воспоминаниях сообщал, что Фрейд не столь высоко ценил Толстого, мир которого был ему чужд, как с восторгом отзывался о Мережковском, работы которого ему были близки по духу.

Можно предположить, что трилогия Мережковского сыграла далеко не последнюю роль в осмыслении Фрейдом отношений между отцом и сыном с точки зрения раскрытия содержательной стороны эдипова комплекса. Примерно в то время, когда С. Панкеев начал проходить у него курс лечения, основатель психоанализа ввел в оборот термин «эдипов комплекс». Кроме того, трилогия Мережковского могла также послужить фиксацией в бессознательном Фрейда некоторых идей, впоследствии сознательно оформленных в виде определенных психоаналитических гипотез и концепций. Не исключено, что к таким идеям относятся представления о «страхе смерти», почерпнутые Фрейдом из той части «Антихриста», в которой приводятся записи из дневника царевича Алексея, где он писал об охватившем его страхе смерти.

Не исключено и то, что многие рассуждения Фрейда об эдиповом комплексе, угрызениях совести и вине, встречающиеся в его работах в связи с интерпретацией литературных произведений и анализом клинического материала, навеяны соответствующими высказываниями, содержащимися в произведениях Мережковского. Во всяком случае, бросаются в глаза разительные сходства, имеющие место в книгах основателя психоанализа и российского писателя.

В этом отношении примечателен следующий отрывок из работы Мережковского «Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество» (1901–1902): «Царь Эдип, ослепленный страстью или роком, мог не видеть своего преступления — отцеубийства, кровосмешения; но когда увидел — то уже не смог сомневаться, что он преступник, не мог сомневаться в правосудии не только внешнего, общественного, но и внутреннего, нравственного карающего закона — и он принимает без ропота всю тяжесть этой кары. Точно так же Макбет, ослепленный властолюбием, мог закрывать глаза и не думать о невинной крови Макдуфа; но только что он отрезвился, для него опять-таки не могло быть сомнения в том, что он погубил душу свою, перешагнув

через кровь. Здесь, как повсюду в старых, вечных — вечных ли? — трагедиях нарушенного закона, трагедиях совести, и только совести, — определенная душевная боль — “угрызение”, “раскаяние” — следует за признанием вины так же мгновенно и непосредственно, как боль телесная за ударом или поранением тела».

В более поздних по отношению к произведениям Мережковского работах Фрейд высказывал сходные мысли, сопряженные с психоаналитической интерпретацией литературных шедевров Софокла, Шекспира, Достоевского. В частности, в работе «Некоторые типы характеров из психоаналитической практики» (1916) он рассматривал пьесу Шекспира «Макбет» как всецело пронизанную указаниями на связь с комплексом детско-родительских отношений. Правда, в отличие от Мережковского, Фрейд несколько иначе интерпретировал поведение Макбета и его жены, считая, что раскаяние после совершения преступления появляется скорее у леди Макбет, нежели у ее мужа. Однако, как и Мережковский, он пытался раскрыть психологию поведения главных персонажей шекспировской пьесы через призму угрызений совести и раскаяния. Предваряя свой анализ данной пьесы, Фрейд писал о том, что аналитическая работа легко демонстрирует нам, что дело здесь в силах совести, которая запрещает персоне извлечь долгожданную выгоду из удачного изменения реальности.

Есть основания полагать, что отправной точкой фрейдовского анализа данного произведения Шекспира могли служить соответствующие размышления Мережковского о «Макбете». Скорее всего, именно знакомство основателя психоанализа с переведенной на немецкий язык второй частью трилогии Мережковского «Христос и Антихрист» побудило его к психоаналитической интерпретации жизни и творчества Леонардо да Винчи, что нашло свое отражение в опубликованной им в 1910 году работе «Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве». В ней Фрейд не только ссылался на российского писателя, но и подчеркивал, что, избравши итальянского художника героем большого исторического романа, Мережковский построил свое описание на психологическом понимании необыкновенного человека, а также выразил свое толкование хотя не напрямую, но все же художественным способом в гибких выражениях.

И наконец, следует обратить внимание на интерес Фрейда к творчеству Достоевского. Хотя в одном из писем С. Цвейгу (1920) он назвал Достоевского «русским путаником», а в другом письме (1926) — «сильно извращенным невротиком», тем не менее он не только с интересом читал его романы, но и считал, что тот не нуждается ни в каком психоанализе, так как в своем творчестве сам демонстрирует это каждым образом и каждым предложением.

В начале 1926 года одно из издательств предложило Фрейду написать введение к готовящемуся к публикации на немецком языке роману Достоевского «Братья Карамазовы». Через год он закончил свою работу, которая вышла в свет в 1928 году под названием «Достоевский и отцеубийство». Но почему именно Фрейду было сделано подобное предложение? Разве он считался специалистом по творчеству Достоевского? Неужели не было других немецкоязычных авторов, более компетентных, чем Фрейд, в области русской литературы?

В Австрии и Германии того времени были известны литературоведы, профессионально интересовавшиеся наследием русского писателя. И тем не менее выбор издателей работ Достоевского пал на Фрейда, что свидетельствует о многом. Во вся-

ком случае, вряд ли с подобным предложением обратились бы к ученому, пусть даже известному психоаналитику, получившему широкое признание не столько в своей стране, сколько за рубежом, но совершенно незнакомому с творчеством Достоевского. Можно предположить, что издатели знали об интересе Фрейда к романам Достоевского и вполне резонно рассчитывали на его компетентность в оценке «Братьев Карамазовых».

Действительно, в конце 20-х годов Фрейд был основательно знаком со многими произведениями Достоевского. Он высоко оценил русского писателя и подчеркивал, что на литературном Олимпе тот занимает место рядом с Шекспиром. Однако интерес Фрейда к Достоевскому появился у него значительно раньше и в определенной степени обусловил его психоаналитическое понимание сложностей и перипетий борьбы противоположных сил и тенденций, имеющих место в глубинах человеческой психики. Той борьбы, которая нередко ведет к драматическим развязкам в жизни людей.

Известно, что на заседаниях Венского психоаналитического общества, председателем которого Фрейд был на протяжении многих лет, неоднократно упоминалось имя русского писателя. Так, на одном из заседаний этого общества в 1908 году В. Штекель сообщил об обнаруженной им в брюссельском медицинском журнале статье об эпилепсии. В связи с этим он обратил внимание своих коллег на неоднозначность использования врачами понятий «истерия» и «эпилепсия», как это наблюдалось, в частности, в случае определения болезни у Достоевского. На другом заседании в 1910 году П. Федерн сделал сообщение о борьбе с галлюцинациями немецкого писателя Гофмана, подчеркнув то обстоятельство, что сходные вещи можно обнаружить в романе Достоевского «Братья Карамазовы». В 1911 году профессор Оппенгейм зачитал членам Венского психоаналитического общества два отрывка из художественных произведений, иллюстрирующих психоаналитические идеи. Один из них был взят из романа Достоевского «Подросток» в связи с пересказом сна, подтверждающим истинность фрейдовского способа толкования сновидений. В 1914 году Г. Закс изложил свои взгляды на понимание произведения Достоевского «Вечный муж», обратив особое внимание на амбивалентность (двойственность) чувств одного из героев, выразившихся в проявлении любви и ненависти к любовнику его жены. Фрейд присутствовал на всех этих заседаниях. Правда, он не сделал никаких комментариев по этому поводу. Но в 1918 году, когда на очередном заседании Венского психоаналитического общества доктор Бернфельд выступил с сообщением о поэзии молодежи, Фрейд был вовлечен в дискуссию и высказал свое понимание мотивов поэтического творчества, сославшись при этом на психологическую подоплеку произведений Достоевского.

В своих воспоминаниях русский пациент Панкеев подчеркивал, что Фрейд восхищался Достоевским, который обладал даром проникновения в глубины человеческой души и в художественных произведениях выражал выявленные им скрытые бессознательные процессы. Он также отмечал, что на психоаналитических сеансах Фрейд обращался к толкованию одного из сновидений Раскольникова, описанных в романе Достоевского «Преступление и наказание».

В данном романе содержится несколько снов, и каждый из них несет в себе определенную смысловую нагрузку. Какой из этих снов Раскольникова мог привлечь внимание Фрейда? В своих воспоминаниях Панкеев ничего не сообщает ни

о конкретном сне, содержавшемся в «Преступлении и наказании» и ставшем объектом пристального внимания основоположника психоанализа, ни о его трактовке со стороны Фрейда. Однако, зная основные идеи психоанализа, нетрудно сделать предположение о сне Раскольникова, упомянутом Панкеевым.

Фрейда мог привлечь сон Раскольникова, приснившийся ему до совершения преступления. Сон, в котором воспроизводятся переживания семилетнего мальчика. Тем более что этот сон включает в себя такие на первый взгляд второстепенные детали, которые едва ли бросятся в глаза исследователю, незнакомому с психоанализом, но которые, безусловно, привлекут внимание психоаналитика-профессионала.

Надо полагать, что в процессе лечения русского пациента Фрейд продемонстрировал перед ним свое искусство толкования сна Раскольникова, которому приснилось его детство и то страшное событие, когда молодой, с мясистым и красным лицом Миколка в пьяном кураже решил прокатить в большой телеге, запряженной маленькой, тощей кобыленкой, своих собутыльников. Кобыленка дергается изо всех сил, семенит ногами, задыхается, а Миколка нещадно сечет ее кнутом, в ярости выхватывает толстую оглоблю и под звуки разгульной песни и подбадривающие крики других мужиков со всего размаху несколько раз подряд обрушивает ее на спину несчастной клячи, которая умирает. Вся эта сцена производит столь сильное впечатление на маленького Родиона, что он с криком подбегает к рухнувшей на землю кобыленке, охватывает руками ее окровавленную морду, целует ее в глаза, в губу, потом бросается с кулачонками на Миколку и через некоторое время, всхлипывая, обращается к отцу: «Папочка! За что они бедную лошадку убили?» Он хочет перевести дыхание и... просыпается весь в поту, задыхаясь от ужаса.

Можно предположить, что для Фрейда в сне Раскольникова первостепенное значение имела замаскированная, скрытая в глубине бессознательного тайна детско-родительских отношений, раскрытие которой предполагает выяснение значения такого зрительного ряда сновидения, в котором фигурируют образы отца, сына, лошади, а также чувств любви, ненависти, боязни, испуга.

До того как Фрейд приступил к лечению русского пациента, он имел дело с клиническим случаем невротического заболевания мальчика, страдающего фобией, испытывающего страх перед животным. Речь идет об известном в истории развития психоанализа и описанном самим Фрейдом случае заболевания пятилетнего Ганса, у которого наблюдались припадки и расстройства, сопровождающиеся его собственными заявлениями о том, что его может укусить лошадь. Описание и разбор данного случая содержатся в работе «Анализ фобии пятилетнего мальчика» (1909).

Анализ фобии Ганса привел Фрейда к выводу, согласно которому у ребенка существует, как правило, двойственная установка: с одной стороны, он боится животное (в случае с Гансом боязнь белой лошади), а с другой — проявляет к нему всяческий интерес, подчас подражает ему. Эти амбивалентные чувства к животному являются не чем иным, как бессознательными замещениями в психике тех скрытых чувств, которые ребенок испытывает по отношению к родителям. Благодаря такому замещению, считал Фрейд, происходит частичное разрешение внутрипсихических конфликтов, вернее, создается видимость их разрешения. Это бессознательное замещение призвано скрыть реальные причины детского страха, обусловленного, в частности, не столько отношением отца к сыну (строгость, суровость, авторитарность), сколько неосознанным и противоречивым отношением самого ребенка к отцу.

Из истории психоанализа

Фрейд лечил жену музыковеда Г. Графа. После рождения у них ребенка родители, ставшие одними из первых учеников основателя психоанализа, посылали ему записи о том, как развивался их сын Герберт. Эти записи Фрейд получал с 1903 по 1907 год. В начале 1908 года отец мальчика сообщил, что Ганс (это вымышленное имя было дано мальчику Фрейдом) стал бояться лошадей и поэтому теперь приходится посылать материал об истории болезни. В марте того же года отец отвез сына к основателю психоанализа и тот имел возможность поработать с маленьким мальчиком. На протяжении последующих нескольких месяцев Фрейд давал консультации и советы Графу, который продолжал наблюдения над сыном и проводил соответствующее лечение. В 1909 году Фрейд опубликовал материалы осуществляемого под его руководством анализа болезни и излечения пятилетнего Ганса. Он считал этот детский невроз типичным и образцовым, а также писал о том, что маленький мальчик выздоравливает и не боится больше лошадей. Став взрослым, Герберт Граф посвятил свою жизнь театральному искусству, на протяжении более десяти лет работал режиссером в театре «Метрополитен» и умер в 1973 году в семидесятилетнем возрасте.

Мальчик одновременно и любит, и ненавидит отца, хочет стать таким же сильным, как его отец, и вместе с тем устранить его, чтобы занять место в отношениях с матерью. Подобные бессознательные влечения ребенка противоречат нравственным установкам, приобретаемым им в процессе воспитания. Частичное разрешение этого внутреннего конфликта осуществляется путем бессознательного сдвига с одного объекта на другой. Те влечения, которых ребенок стыдится, вытесняются из сознания в бессознательное и направляются на иносказательный объект, скажем лошадь, по отношению к которому можно уже в неприкрытом виде выражать свои чувства.

Многое из упомянутого во сне Раскольникова совпадает с деталями, выявленными Фрейдом при анализе фобии пятилетнего Ганса: страх ребенка на улице при виде больших ломовых лошадей, картина падения лошади, свидетелем чего он был однажды, сильный испуг от мысли, что лошадь скончалась, страшное сновидение, связанное с возможностью потери матери, конфликт между нежностью и враждебностью к отцу, сравнение отца с белой лошадью и т. п. За этим — скрытые, потаенные, замаскированные желания ребенка, имеющие непосредственное отношение к его психосексуальному развитию. Так что Фрейд имел возможность сопоставить сон Раскольникова с фобией пятилетнего Ганса и найти в «Преступлении и наказании» Достоевского сюжеты, сходные с его представлением о мотивах поведения ребенка.

В марте 1911 года на одном из заседаний Венского психоаналитического общества был заслушан доклад Б. Датнера «Психоаналитические проблемы у Раскольникова Достоевского». В основу психоаналитического размышления о мотивах убийства Раскольниковым старухи-процентщицы был положен анализ сна, приснившегося ему до совершения преступления. Анализируя этот сон, Датнер попытался ответить на три вопроса. Каковы мотивы, обусловившие желание Раскольникова? Какие мотивы в понимании самого Раскольникова привели его к совершению преступления? И наконец, каковы реальные мотивы совершенного Раскольниковым убийства?

В соответствии с психоаналитическими взглядами Датнера, желание убийства проистекало от сочувствия Раскольникова тем, кто испытывал незаслуженные страдания, и в этом отношении его сон дает иллюзию социальной полезности самого

поступка. В понимании Раскольникова мотивы убийства связаны с его желанием стать Наполеоном, возвыситься над простыми смертными. Однако, для того чтобы обнаружить реальные мотивы преступления, необходимо, по мнению Датнера, детально рассмотреть сексуальные условия жизни героя, которые едва затронуты в романе Достоевского. Подобное рассмотрение в терминах психоаналитического мышления приводит к выводу, что криминальные тенденции Раскольникова возникают в результате подавления его сексуальных желаний, а источник всех его действий лежит в неудовлетворенном либидо, которое, скорее всего, фиксировалось на материнском комплексе.

Доклад Датнера вызвал бурную и острую дискуссию среди членов Венского психоаналитического общества. Эта дискуссия стала одним из источников знакомства основоположника психоанализа с творчеством Достоевского. Сам факт обсуждения работы Достоевского «Преступление и наказание» свидетельствует о том, что так или иначе в начале 1911 года Фрейд действительно соприкоснулся с творчеством русского писателя. Именно в то время Панкеев проходил у него курс лечения. К этому следует добавить, что примерно в те же годы Фрейд приобрел двадцатидвухтомник Достоевского, что давало возможность обстоятельно познакомиться с его литературным наследием.

Основателю психоанализа импонировало желание русского писателя заглянуть по ту сторону сознания личности, обнажить внутренний мир индивида, обычно тщательно скрываемый от других людей. Достоевский пытался раскрыть тайну человека и с этой целью в своих произведениях стремился докопаться до самого дна души, используя различные приемы проникновения в существующие драмы и коллизии, особенно разыгрывающиеся в критических ситуациях, на грани безумия и помешательства, пылкой любви и яростной ненависти, жизни и смерти. Фрейд с не меньшим увлечением посвятил свою жизнь изучению тайников человеческой психики. И тот и другой рассматривали человека как существо, наделенное не только высшими, благородными помыслами, но и низменными желаниями, неудержимыми страстями, выворачивающими наизнанку расхожее представление о доброй природе человека.

Достоевский и Фрейд уделяли важное значение сновидениям. Интересно отметить, что в их понимании внутренней логики образования сновидений наблюдались поразительные сходства. И тот и другой считали, что в основе любого сновидения лежит какое-то желание человека. Так, в рассказе «Сон смешного человека» Достоевский писал: «Сны, как известно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется с ужасающей ясностью, с ювелирски мелочной отделкой подробностей, а через другое перескакиваешь, как бы не замечая вовсе, например через пространство и время. Сны, кажется, стремит не рассудок, а желание, не голова, а сердце, а между тем какие хитрейшие вещи проделывал иногда мой рассудок во сне». Эту же мысль, по сути дела, повторил и основатель психоанализа, с той лишь разницей, что он привнес некоторую конкретизацию в характер желания человека, которому снится сон. Отмечая, что одни сновидения могут быть совершенно прозрачными, ясными для понимания, в то время как другие — нелепыми, абсурдными на первый взгляд, в работе «Толкование сновидений» Фрейд подчеркнул, что по своей сути сновидение представляет собою скрытое осуществление подавленного, вытесненного желания.

Интервал между высказываниями Достоевского о сне, который вызывается желанием, и Фрейда о сновидении как реализации некоего желания человека составляет 23 года. Но речь идет не о заимствовании основателем психоанализа идей, ранее выраженных русским писателем. Нет каких-либо сведений о том, что Фрейд был знаком с творчеством Достоевского до написания им работы «Толкование сновидений». Поэтому речь может идти об удивительном совпадении в трактовке происхождения снов, что само по себе весьма примечательно. И в этом плане нет ничего удивительного в том, что, ознакомившись с творчеством Достоевского, Фрейд впоследствии неоднократно обращался к наследию русского писателя. Он усматривал в нем образное подтверждение ряда своих психоаналитических идей или черпал из него новые идеи, используемые им при подготовке работ, написанных в конце 20-х годов и в более поздний период своей теоретической деятельности.

Сравнительный анализ работ Достоевского и Фрейда показывает, что в ряде случаев основатель психоанализа действительно использовал идеи русского писателя. Речь идет о контекстуальном совпадении, свидетельствующем о том, что Фрейду импонировали многие идеи Достоевского, и некоторые из них он воспроизвел в своих работах.

Фрейд высоко оценивал роман Достоевского «Братья Карамазовы» и содержащуюся в нем поэму о Великом Инквизиторе. Затронутые в этой поэме проблемы соотношения между свободой и рабством, Богом и человеком, грехом и искуплением неоднократно привлекали к себе внимание различных мыслителей. Применительно к освещаемым вопросам о влиянии Достоевского на Фрейда важно обратить внимание на то, что некоторые размышления, содержащиеся в поэме о Великом Инквизиторе, нашли свое отражение в работе основателя психоанализа «Будущее одной иллюзии» (1927).

В легенде о Великом Инквизиторе девяностолетний старец говорит Богу о том, что люди с охотой подчинятся воле служителей церкви, будут гордиться своим смирением перед ними, а последние разрешат им грешить. Сходные мысли звучат и у Фрейда при рассмотрении им религиозных верований и роли священников в отпущении грехов простым смертным. Так, говоря об усвоении религиозных предписаний человеком, он обратил внимание на то, что, наблюдая за религиозным послушанием, священники всегда шли навстречу людям, позволяя им грешить.

Если учесть, что Фрейд трудился в одно и то же время над своими работами «Достоевский и отцеубийство» и «Будущность одной иллюзии», то вряд ли покажется удивительным сходство между некоторыми высказываниями русского писателя и основоположника психоанализа. Время написания работы «Достоевский и отцеубийство» приходится на начало 1927 года. Время написания книги «Будущность одной иллюзии» — промежуток между весной и осенью того же года. Другое дело, что, начав работу над «Достоевским и отцеубийством», Фрейду пришлось приостановить ее на несколько месяцев, в результате чего публикация данной работы задержалась и она вышла в свет после книги «Будущность одной иллюзии».

Сравнительный анализ работ Фрейда и Достоевского свидетельствует также о том, что основателю психоанализа настолько понравились некоторые высказывания и эпитеты русского писателя, что он охотно взял их на вооружение и использовал в своих трудах. В частности, Фрейду импонировала характеристика Достоевским психологии как «палки о двух концах», вложенная в уста героев романов

русского писателя «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Фрейд не просто воспринял это образное сравнение, но и использовал его в исследовании «Достоевский и отцеубийство», в статье, посвященной анализу одного случая истерии (1931), а также в работе «О женской сексуальности» (1931).

Таким образом, в своих работах Фрейд действительно использовал ряд идей, ранее высказанных русским писателем. Это свидетельствует о том, что, во-первых, Фрейду были близки по духу многие размышления Достоевского о человеке, мотивах его поведения, преступлении и наказании, вине и раскаянии, а во-вторых, он был не прочь заимствовать некоторые из них, находя их верными, художественно привлекательными, способствующими лучшему пониманию человеческой души. Его не могли не привлечь мастерски описанные Достоевским сюжеты, образно демонстрирующие силу бессознательных влечений человека, не доходящих до его сознания и вызывающих раздвоенность, расщепленность личности, а также бурное проявление чувств, стирающих грань между гением и злодейством, мудростью и глупостью, прозорливостью и идиотизмом, здоровьем и болезнью. Как никому другому, ему были близки размышления Достоевского о разрушении целостности ощущений человека и его восприятия мира, которое производит «нервозная, измученная и раздвоившаяся природа людей нашего времени» («Бесы»).

Фрейд не только опирался на художественную литературу в качестве иллюстративного материала к своей исследовательской и терапевтической деятельности, но и черпал в ней вдохновляющие его сюжеты, образы и мысли, способствующие формированию тех или иных психоаналитических идей и концепций. Художественная литература была для него той необходимой, важной и неотъемлемой частью его жизни, которая питала его воображение, расширяла рамки привычных представлений о драмах и треволнениях человека, давала пищу для глубоких размышлений над людскими страстями и служила мощным импульсом для осуществления исследовательской и терапевтической деятельности.

Выдвижение Фрейдом психоаналитических идей и концепций осуществлялось на основе осмысления и переосмысления того материала, который он заимствовал из различных источников, включая медицинский, философский, литературный и самоанализ. Рассмотрение этих источников дает возможность понять всю сложность и неоднозначность исторического процесса, в рамках которого взаимодействие и переплетение личных качеств неординарного человека и воспринятых им из наследия прошлого многообразных знаний могут привести к великим прозрениям и открытиям.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что в интеллектуальном развитии Фрейда эти истоки не выступали в качестве самостоятельных, независимых друг от друга составляющих, предопределивших направленность его мышления и становление психоанализа. Взятые сами по себе, порознь и в отдельности друг от друга, они способны дать в руки исследователя необходимые исходные ориентиры для раскрытия истории возникновения психоанализа. Однако их абсолютизация может приводить к таким концептуальным искажениям, в результате которых одни из них считаются первостепенными, наиболее важными и существенными для возникновения психоанализа, а другие — второстепенными, не имеющими принципиального значения и служащими лишь дополнительным материалом для более полного понимания истории развития психоаналитических идей.

В действительности различные истоки возникновения психоанализа оказываются столь тесно переплетенными между собой, что порой трудно, подчас невозможно говорить о каком-либо приоритете одного из них в становлении или развитии той или иной психоаналитической идеи. В одном случае медицинский задел дает толчок для осуществления самоанализа, прозрения и философского осмысления обретенного знания, которое может быть использовано при интерпретации художественной литературы. В другом — художественные образы подталкивают к философским раздумьям, те вызывают потребность в самоанализе, а его результаты используются при исследовании симптомов заболевания и лечении нервнобольных. Возможно и такое, когда философское видение таинственности и загадочности человека порождает необходимость в самоанализе, сопровождающемся поиском новых способов и путей разрешения внутриличностных конфликтов, используемых затем в клинической практике.

Наглядным примером взаимообусловленности истоков возникновения психоаналитических идей может служить совместная публикация работы Брейера и Фрейда «Исследования истерии». Вышедшая в свет в 1895 году, она вызвала противоречивые отклики — враждебно-критические, неодобрительные, с одной стороны, и благожелательные, даже восторженные, — с другой. Несомненно заслуживающим внимания был отзыв профессора истории литературы, директора Венского императорского театра А. фон Бергнера. Его статья под весьма примечательным названием «Хирургия души» была опубликована в начале декабря 1895 года в газете «Новая свободная пресса». В ней отмечалось, что изложенная Брейером и Фрейдом теория истерии является не чем иным, как разновидностью психологии, используемой поэтами.

Благожелательный по содержанию и красочный по форме отзыв профессора истории литературы и директора Венского императорского театра был бальзамом для Фрейда, не встретившего такого же приема книги «Исследования истерии» в медицинских кругах. Но в плане рассмотрения истоков возникновения психоанализа важно другое. А именно, что описанное Брейером и Фрейдом исследование этиологии неврозов было сравнено с той искусной работой, которая средствами художественного изображения осуществлялась гениальными поэтами, как, например, Шекспиром. В своей статье А. фон Бергнер как раз не только сослался на Шекспира, но и привел отрывки из его произведений и показал, как величайший английский поэт описал душевное расстройство леди Макбет. При этом он соотнес это расстройство с «неврозом защиты», рассмотренным в «Исследованиях истерии».

Фрейд не мог не обратить внимание на приведенное А. фон Бергнером сравнение их (его и Брейера) исследовательского метода с поэтическим проникновением в глубины человеческой психики. Через два года в одном из писем к Флиссу он высказал несколько соображений о «Гамлете» Шекспира, а затем в различных своих работах неоднократно обращался к его произведениям, пока наконец не дал развернутую интерпретацию мотивов поведения и душевного состояния леди Макбет. Так, через клиническую практику (публикация случаев истерии) опосредованным образом (рецензия А. фон Бергнера на книгу «Исследования истерии») Фрейд пришел к психоаналитической интерпретации художественных произведений, которые, в свою очередь, подтолкнули его к выдвижению психоаналитических идей о совести, вине и раскаянии.

Не менее наглядным является другой, по исходным своим посылкам противоположный, пример, свидетельствующий о круговороте мыслительной деятельности Фрейда. Известно, что при выборе им профессии врача определенную роль сыграл гимн о Природе Гёте, услышанный молодым Фрейдом на одной из лекций профессора К. Брюля, которую он прослушал незадолго до выпускного экзамена в гимназии. Став врачом, он предпринял поиск новых методов исследования и лечения истерии, приведший его к возникновению психоанализа. Затем на протяжении нескольких десятилетий Фрейд не только лечил нервнобольных, но и занимался исследованием истоков возникновения религии, нравственности, культуры, а также осуществлял анализ художественных произведений.

В 1930 году Фрейду была присуждена одна из самых почетных литературных премий — премия Гёте города Франкфурта-на-Майне. Уведомляя основателя психоанализа об этой чести, секретарь попечительского совета премии Гёте доктор А. Паке в своем письме Фрейду писал, что, подобно тому, как самые ранние истоки его научных исследований восходят к лекции о сочинении Гёте «Природа», так и в последних работах присутствует мефистофелевская тяга к срыванию всех завес — неизменный спутник Фаустовой ненасытности и благоговения перед таящимися в бессознательном художественно-созидательными силами.

В приветственной речи во франкфуртском Доме Гёте, речи, прочитанной его дочерью Анной Фрейд, основатель психоанализа подчеркнул, что великий немецкий поэт сам в некоторых случаях приближался к психоанализу, а в его представлениях было много такого, что психоаналитики сумели подтвердить. Так Фрейдом был очерчен путь от поэзии через психоанализ снова к вершинам художественного творчества, тайна которого, по его собственному признанию, не поддавалась психоаналитическому объяснению.

Выявление истоков возникновения психоанализа, сопровождающееся проведением параллелей между уходящими в глубь истории медицинскими, философскими знаниями, поэтическими зарисовками, самопрозрениями и зарождающимися психоаналитическими идеями Фрейда, не связано со стремлением подорвать авторитет основателя психоанализа, обвинить его в сознательных или бессознательных заимствованиях, умалить значимость его учения о человеке, основные идеи которого в той или иной степени содержались в работах его предшественников. Дело не только в том, кто первый в истории науки, философии и культуры ввел какое-либо новое понятие, выдвинул оригинальную идею, предложил плодотворную концепцию. Более важно, как и каким образом новое понятие, оригинальная идея или плодотворная концепция способствовали возникновению нетрадиционного учения, оказавшего заметное влияние на смену парадигм мышления, изменение ценностных ориентаций в современной культуре и появление целого ряда направлений в психотерапевтической практике. Важно также понять специфику этого учения, что предполагает предварительное ознакомление с основными понятиями психоанализа.

Изречения

С. Панкеев: «Фрейд давал очень высокую оценку роману русского писателя Мережковского “Петр и Алексей”, в котором эмоциональная амбивалент-

ность отношений отца и сына рассматривается в экстраординарной психоаналитической манере».

С. Панкеев: «Я помню, как на одном из наших психоаналитических сеансов Фрейд сделал психоаналитическую интерпретацию сна Раскольникова».

З. Фрейд: «Писатель вправе не избегать встречи с психиатром, психиатр — с писателем, а художественная трактовка психиатрической темы может быть очень точной без утраты красоты».

З. Фрейд: «“Братья Карамазовы” — самый грандиозный роман из когда-либо написанных, а “Легенда о Великом Инквизиторе” — одно из наивысших достижений мировой литературы, которое невозможно переоценить».

З. Фрейд: «Ему (Гёте. — *В.Л.*) была хорошо известна безусловная сила первых эмоциональных связей человека. Он прославлял их в Посвящении к “Фаусту”, в поэтических фразах, которые мы могли бы повторять при каждом случае психоанализа».

Л. Шерток, Р. Соссюр: «Фрейд находился под впечатлением некоторых методов и понятий XIX века. Однако его творческий дух наделял их новым смыслом, и в итоге все, что было заимствовано им из прошлого, приобретало совершенно новый облик. Он связал все эти заимствования в единое целостное учение — настолько оригинально, что его психоанализ стал революционным переворотом как в области психотерапии, так и в исследовании человеческого духа вообще».

З. Фрейд: «Мне удалось обходным путем прийти к своей цели и осуществить мечту остаться писателем, сохраняя видимость, что я являюсь врачом».

З. Фрейд: «Я ученый по необходимости, а не по признанию. В действительности я прирожденный художник».

Контрольные вопросы

1. Какие медицинские представления о человеке способствовали возникновению психоанализа?
2. Какие технические приемы работы с пациентами использовал Фрейд до и во время становления психоанализа?
3. Какова роль философии в формировании психоаналитических идей?
4. Кто из философов оказал наибольшее воздействие на мышление Фрейда?
5. Когда Фрейд начал заниматься самоанализом?
6. Что дал самоанализ в плане выдвижения Фрейдом психоаналитических представлений об истоках возникновения неврозов?
7. Что можно сказать о литературном источнике возникновения психоанализа?
8. Каково место художественной литературы в психоаналитическом мышлении Фрейда?
9. На кого из русских писателей опирался Фрейд при выдвижении своих концепций?

Рекомендуемая литература

1. *Гуревич П.С.* Психоанализ. М., 2007.
2. *Дадун Р*. Фрейд. М., 1994.
3. *Джонс Э.* Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М., 1997.
4. *Крис А*. Свободные ассоциации. Метод и процесс. М., 2007.
5. *Лейбин В.М.* Классический психоанализ: история, теория, практика. М.; Воронеж, 2001.
6. *Лейбин В. М.* Психоанализ: проблемы, исследования, дискуссии. М., 2008.
7. Классический психоанализ и художественная литература: Хрестоматия по психоанализу, 12 / авт.-сост. В. М. Лейбин. М., 2019.
8. *Розен П.* Фрейд и его последователи. СПб., 2005.
9. *Флем Л.* Повседневная жизнь Фрейда и его пациентов. М., 2003.
10. *Фрейд З.* Исследование истерии // Собр. соч.: в 26 т. СПб., 2005.
11. *Фрейд З.* К истории психоаналитического движения // По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992.
12. *Фрейд З.* О психоанализе // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск, 1997.
13. *Шерток Л., Соссюр Р.* Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. М., 1991.
14. *Шур М.* Зигмунд Фрейд: жизнь и смерть. М., 2005.

Глава 3

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Вытеснение

Вытеснение — процесс отстранения от сознания и удержания вне его психического содержания, один из механизмов защиты человека от конфликтов, разыгрывающихся в глубинах его психики.

Основу психоанализа составляли несколько идей и концепций о природе и функционировании психики человека, в числе которых важное место занимало представление о вытеснении. Как отмечалось в разделе, посвященном рассмотрению философских истоков возникновения психоанализа, в работе «К истории психоаналитического движения» (1914) Фрейд подчеркивал, что к теории вытеснения он пришел самостоятельно и долгие годы считал ее оригинальной. Но однажды О. Ранк обратил внимание Фрейда на труд немецкого философа А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (1819), в котором содержалась идея о сопротивлении восприятию болезненного состояния, и стало очевидным, что это совпадало с психоаналитическим пониманием вытеснения. Не исключено, что знакомство З. Фрейда с трудом А. Шопенгауэра, на который он ссылался в своей работе «Толкование сновидений» (1900), послужило толчком к выдвижению им концепции вытеснения. Не исключено и то, что представление о вытеснении он мог почерпнуть также из учебника по эмпирической психологии Г. Линдера. Этот учебник представлял собой обобщенное изложение основных идей И. Гербарта, автора положения, согласно которому многое из того, что находится в сознании, «вытесняется из него» (известно, что во время последнего года обучения в гимназии Фрейд пользовался учебником Г. Линдера).

Представления Фрейда о вытеснении действительно легли в основу психоанализа. Так, в опубликованной совместно с Й. Брейером работе «Исследования истерии»

(1895) он высказал предположение, что не расположенная со стороны Я какая-то психическая сила первоначально вытесняет патогенное представление из ассоциации, а впоследствии препятствует его возвращению в воспоминание. В «Толковании сновидений» он развил эту мысль: основным условием вытеснения (оттеснения) является наличие детского комплекса; процесс вытеснения касается сексуальных желаний человека из периода детства; вытеснению легче подвергается воспоминание, а не восприятие; вначале вытеснение целесообразно, но в конце концов оно превращается в пагубный отказ от психического господства.

У Фрейда не было однозначного определения вытеснения. Во всяком случае, в разных своих работах под вытеснением он понимал:

- процесс, благодаря которому психический акт, способный быть осознанным, делается бессознательным;
- возвращение на более раннюю и глубинную ступень развития психического акта;
- патогенный процесс, проявляющийся в виде сопротивления;
- разновидность забывания, при котором память «просыпается» с большим трудом;
- одно из защитных приспособлений личности.

В частности, в «Лекциях по введению в психоанализ» (1916–1917) он подчеркивал, что, хотя вытеснение подпадает под понятие «регрессия» (возвращение от более высокой ступени развития к более низкой), вытеснение все же является топически-динамическим понятием, а регрессия — чисто описательным. В отличие от регрессии, вытеснение имеет дело с пространственными отношениями, включающими в себя динамику психических процессов. Вытеснение — это тот процесс, который прежде всего свойствен неврозу и лучше всего его характеризует. Без вытеснения регрессия либидо (сексуальной энергии) не приводит к неврозу, а выливается в перверсию (извращение).

При рассмотрении вытеснения Фрейд поставил вопрос о его силах, мотивах и условиях осуществления. Ответ на этот вопрос сводился к следующему: под воздействием внешних обстоятельств и внутренних побуждений у человека возникает желание, несовместимое с его этическими и эстетическими взглядами; столкновение желания с противостоящими ему нормами поведения приводит к внутрипсихическому конфликту; разрешение конфликта, прекращение борьбы осуществляются благодаря тому, что представление, которое возникло в сознании человека как носитель несовместимого желания, подвергается вытеснению в бессознательное; представление и относящееся к нему воспоминание устраняются из сознания и забываются.

Согласно Фрейду, вытесняющие силы служат этическим и эстетическим требованиям человека, возникающим у него в процессе воспитания и культурного развития. То неудовольствие, которое он испытывает при невозможности реализации несовместимого желания, устраняется путем вытеснения. Мотивом вытеснения становится несовместимость соответствующего представления человека с его Я. Вытеснение выступает в качестве психического механизма защиты. В то же время оно порождает невротический симптом, который является заместителем того, чему помешало вытеснение. В конечном счете вытеснение оказывается предпосылкой образования невроза.

Имена

Отто Ранк (1884–1939) — австрийский психоаналитик, один из первых учеников и сподвижников Фрейда. В 1906 году познакомился с основателем психоанализа, представив ему рекомендательное письмо от А. Адлера и рукопись работы «Искусство и художник». По совету Фрейда получил университетское образование, став доктором философии. На протяжении ряда лет — секретарь Венского психоаналитического общества, редактор психоаналитического журнала «Имаго», директор Международного психоаналитического издательства в Вене. Обладал значительной эрудицией и аналитическим даром толкования мифов, легенд, сновидений. В 1924 году выдвинул идею о травме рождения, согласно которой данное травматическое событие лежит в основе возникновения неврозов. В 1935 году эмигрировал в США, практиковал психоанализ и преподавал в различных университетах. Выдвинул концепцию волевой терапии. Автор работ «Миф о рождении героя» (1909), «Мотив инцеста в поэзии и саге» (1912), «Травма рождения» (1924), «Волевая терапия» (1936) и других.

Для иллюстрации процесса вытеснения можно воспользоваться сравнением, использованным Фрейдом при чтении им лекций по психоанализу в Университете Кларка (США) в 1909 году. В аудитории, где читается лекция, находится человек, который нарушает тишину и отвлекает внимание лектора своим смехом, болтовней, топотом ног. Лектор объявляет, что в таких условиях он не может продолжать чтение лекции. Несколько сильных мужчин из числа слушателей берут на себя функцию наведения порядка и после кратковременной борьбы выставляют нарушителя тишины за дверь. После того как нарушитель порядка оказался «вытеснен», лектор может продолжить свою работу. Но чтобы нерадивый слушатель не проник вновь в аудиторию, совершившие вытеснение мужчины садятся около двери и берут на себя роль охранников (сопротивление). Если использовать язык психологии и назвать место в аудитории сознанием, а за дверью — бессознательным, то это и будет изображением процесса вытеснения.

Исследование и лечение невротических расстройств привело Фрейда к убеждению, что невротикам не удается полное вытеснение представления, связанного с несовместимым желанием. Это представление устраняется из сознания и памяти, но оно продолжает жить в бессознательном, при первой возможности активизируется и посылает от себя в сознание искаженного заместителя. К замещающему представлению присоединяются неприятные чувства, от которых, казалось бы, человек избавился благодаря вытеснению. Таким замещающим представлением оказывается невротический симптом, в результате чего вместо предшествующего кратковременного конфликта наступает длительное страдание. Как замечал Фрейд в работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1938), пробуждаемое под действием нового повода ранее вытесненное представление способствует интенсификации подавленного влечения человека. А поскольку путь к нормальному удовлетворению для него закрыт тем, что можно назвать «вытеснительным шрамом», то оно прокладывает себе где-то в слабом месте другой путь. Путь к так называемому эрзац-

удовлетворению, дающему о себе знать теперь в виде симптома, который возникает без «согласия», но также и без понимания со стороны сознания.

Для выздоровления невротика необходимо, чтобы симптом был переведен в вытесненное представление по тем же самым путям, каким совершалось вытеснение из сознания в бессознательное. Если благодаря преодолению сопротивлений удается перевести вытесненное опять в сознание, тогда внутрипсихический конфликт, которого больной хотел избежать, под руководством аналитика может получить лучший выход, нежели с помощью вытеснения. В этом отношении вытеснение рассматривалось Фрейдом как попытка человека «к бегству в болезнь», а психоаналитическая терапия — как хороший заместитель безуспешного вытеснения.

Иллюстрацией аналитической работы может служить то же самое сравнение, которое было использовано З. Фрейдом при чтении лекций в Университете Кларка. Так, несмотря на вытеснение, изгнание нарушителя тишины из аудитории и установление стража перед дверью не дают полной гарантии того, что все будет в порядке. Насильственно выставленный из аудитории и обиженный человек своими криками и стуками кулаками в дверь может производить в коридоре такой шум, что это будет в еще большей степени мешать чтению лекции, чем его предшествующее неприличное поведение. Оказалось, что вытеснение не привело к ожидаемому результату. Тогда организатор лекции берет на себя роль посредника и восстанавливает порядок. Он ведет переговоры с нарушителем тишины и обращается к аудитории с предложением вновь допустить его на лекцию, причем дает слово, что последний будет вести себя подобающим образом. Полагаясь на авторитет организатора лекции, слушатели соглашаются прекратить вытеснение, нарушитель порядка возвращается в аудиторию. Снова наступает мир и тишина, в результате чего создаются необходимые условия для нормальной лекторской работы. Подобное сравнение служит подходящим для той задачи, которая, по мнению Фрейда, выпадает на долю врача при психоаналитической терапии неврозов.

Основатель психоанализа проводил различие между бессознательным вообще и вытесненным бессознательным. Понятие «бессознательное» — чисто описательное, в каком-то смысле неопределенное и статичное. Понятие «вытесненное» — динамическое, говорящее о протекании различных, часто противостоящих друг другу психических процессов и свидетельствующее о наличии какой-то внутренней силы (сопротивления), которая способна сдерживать психические действия, включая действия по осознанию отстраненного от сознания материала.

Согласно Фрейду, вытесненное бессознательное представляет собой такую часть психики человека, которая содержит в себе забытые восприятия и патогенные переживания, служащие источником невротических заболеваний. В вытесненном бессознательном находится и все то, что может проявляться не только в качестве невротического симптома, но и в форме сновидения или ошибочного действия.

В статье «Некоторые замечания относительно понятия бессознательного в психоанализе» (1912) Фрейд писал, что в наиболее наглядной форме вытесненное бессознательное дает знать о себе в сновидении. В течение ночи вереница мыслей, вызванных к жизни дневной духовной деятельностью человека, находит связь с какими-либо бессознательными желаниями, которые имеются у сновидца с раннего детства, но которые обычно вытеснены и исключены из его сознательного существа. Эти мысли могут стать снова деятельными и всплыть в сознании в образе сновиде-

ния, о скрытом смысле которого он, как правило, ничего не знает и, следовательно, не догадывается о содержании того, что находится в вытесненном бессознательном.

В работе «Я и Оно» (1923), в которой был изложен структурный подход к рассмотрению психики человека, Фрейд отметил, что вытесненное является типичным примером бессознательного. Одновременно он подчеркнул, что психоаналитическое понятие бессознательного вытекает непосредственно из учения о вытеснении и что в строгом смысле слова термин «бессознательное» применяется только к вытесненному динамическому бессознательному.

В процессе аналитической работы, опирающейся на топическое (пространственное) и динамическое представление о психике человека, обнаружилось, что проведенное различие между предсознательным и вытесненным бессознательным оказалось недостаточным и практически неудовлетворительным. Выяснилось, что связанное с сознанием Я, с одной стороны, организует вытеснение, благодаря чему часть психики становится насыщенной материалом вытесненного бессознательного, а с другой стороны, оказывает сопротивление попыткам приблизиться к вытесненному при аналитической терапии. Так как сопротивление, о котором пациент ничего не знает, исходит из его Я и принадлежит ему, то, следовательно, в самом Я существует нечто бессознательное, которое проявляется подобно вытесненному, не будучи таковым. Как заметил Фрейд позднее в своей работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1938), верно, что все вытесненное бессознательно, но неверно, что все принадлежащее Я сознательно. Отсюда возникла необходимость в структурном понимании психики человека, в признании, наряду с предсознательным и вытесненным бессознательным, такого бессознательного в Я, которое было названо Фрейдом Сверх-Я. При этом он стал исходить из того, что вытесненное бессознательное сливается с Оно, но представляет только часть его. Благодаря сопротивлению вытеснения это вытесненное бессознательное обособлено только от Я. С помощью Оно ему открывается возможность соединиться с Я.

Выделение в структуре психики бессознательного Сверх-Я вызвало необходимость рассмотреть соотношение между ним и вытесненным бессознательным. Предприняв попытку подобного рода, Фрейд высказал мысль, согласно которой Сверх-Я имеет как бы двойное лицо Идеала Я: одно олицетворяет собой долженствование («ты должен быть, как отец»); другое — запрет («ты не имеешь права делать все, что делает отец, так как только он имеет право на многое»). Исходящий из Сверх-Я запрет связан с вытеснением эдипова комплекса. Причем, с точки зрения Фрейда, примечательно, что само возникновение Сверх-Я в психике человека обусловлено вытеснением, наличием вытесненного бессознательного. Чем сильнее был эдипов комплекс на определенной стадии психосексуального развития ребенка, чем быстрее под влиянием воспитания произошло его вытеснение, тем строже впоследствии оказывается Сверх-Я, которое властвует над Я в виде совести, бессознательного чувства вины.

По мере становления и развития психоанализа Фрейд вносил различные уточнения в понимание вытеснения. На подступах к психоанализу он предпочитал говорить скорее о защите, нежели о вытеснении, что нашло свое отражение, в частности, в его статье «Защитные невропсихозы» (1894). В дальнейшем он сместил акцент исследования в плоскость выдвижения теории вытеснения, в соответствии с которой:

- вытесненное остается дееспособным;
- можно ожидать возвращения вытесненного, особенно в том случае, если к вытесненному впечатлению присоединяются эротические чувства человека;
- за первым актом вытеснения следует длительный процесс, когда борьба против влечения находит свое продолжение в борьбе с симптомом; при терапевтическом вмешательстве появляется сопротивление, действующее в защиту вытеснения.

Так, в статье «Вытеснение» (1915) З. Фрейд выдвинул идею о «первичном вытеснении», «вытеснении в последействии» («проталкивание вслед», «после вытеснение») и «возвращении вытесненного» в форме невротических симптомов, сновидений, ошибочных действий.

Позднее основатель психоанализа вновь возвратился к понятию «защита» с целью установления соотношений между защитными механизмами и вытеснением. В частности, в работе «Торможение, симптом и страх» (1926) он подчеркнул, что имеются все основания для того, чтобы снова воспользоваться старым понятием «защита» и включить в него вытеснение как один специальный случай (в русскоязычных изданиях этой работы, переведенной под названием «Страх», вместо понятия «защита» использован термин «отражение»). Наряду с этим уточнением он выделил пять видов сопротивления (три, исходящих из Я, одно — из Оно, и одно — из Сверх-Я), среди которых «сопротивление вытеснения» относилось к одному из видов сопротивлений Я.

В последних своих работах, например в «Конечном и бесконечном анализе» (1937), Фрейд еще раз обратил внимание на проблему вытеснения и отметил, что все вытеснения происходят в раннем детстве, являя собой примитивные защитные меры незрелого, слабого Я. В последующие периоды развития человека новые вытеснения не возникают, а сохраняются старые, к услугам которых и прибегает Я, стремящееся совладать со своими влечениями. Новые конфликты разрешаются посредством «послевытеснения». Подлинным же достижением аналитической терапии служит последующая корректировка первоначального процесса вытеснения. Другое дело, что, как замечал Фрейд, терапевтическое намерение заменить предшествующие вытеснения, приведшие к возникновению невроза пациента, осуществляется не всегда в полном объеме надежными силами Я.

Высказанная Фрейдом в работе «Торможение, симптом и страх» мысль, что вытеснение представляет собой один из видов защиты, послужила толчком к раскрытию механизмов защиты Я со стороны других психоаналитиков. А. Фрейд опубликовала книгу «Я и механизмы защиты» (1936), в которой наряду с вытеснением выделила еще девять механизмов защиты, включая регрессию, проекцию, интроекцию и другие. Последующие психоаналитики стали уделять особое внимание механизмам защиты. Фрейд же в работе «Конечный и бесконечный анализ» подчеркнул: у него никогда не было сомнений в том, что «вытеснение — не единственный метод, которым располагает Я в своих целях», но оно является чем-то «совершенно особенным, более резко отличающимся от остальных механизмов, чем те различаются между собой». Суть же аналитической терапии остается неизменной, так как терапевтический эффект, по словам Фрейда, связан с осознанием вытесненного в Оно (бессознательное), причем вытесненное понимается в самом широком смысле.

При рассмотрении психоаналитического понимания вытеснения необходимо иметь в виду, что трактовка его Фрейдом уточнялась по мере того, как происходило

Имена

Анна Фрейд (1895–1982) — дочь и последовательница З. Фрейда, основатель детского психоанализа. Получила педагогическое образование, работала учительницей. В 1918–1921 годах прошла анализ у своего отца. С 1918 года принимала участие в заседаниях Венского психоаналитического общества и в международных конгрессах. В 1923 году открыла собственную психоаналитическую практику, в 1924 году возглавила Венский психоаналитический институт, в 1926 году стала секретарем Международного психоаналитического общества. В 1938 году вместе с отцом эмигрировала в Англию, где через год открыла детский военный приют-ясли. С 1944 по 1947 год избиралась Генеральным секретарем Международной психоаналитической ассоциации. Открыла курсы подготовки детских психоаналитиков и в 1952 году стала директором клиники детской терапии в Хемпстеде. Почетный доктор Гарвардского и Колумбийского университетов. В 1973 году избрана почетным президентом Международной психоаналитической ассоциации. Автор книг «Введение в технику детского психоанализа» (1927), «Я и механизмы защиты» (1936), «Норма и патология детства» (1965). Работала над изданием собрания сочинений З. Фрейда, которое вышло в Лондоне в 1942–1945 годах.

развитие психоанализа. Это касалось не только соотношения между защитой и вытеснением, но и движущих сил, приводящих в движение процесс вытеснения. После того как основатель психоанализа осуществил структурное деление психики на Оно, Я и Сверх-Я, перед ним встал вопрос о том, с какой психической инстанцией следует соотносить вытеснение. Отвечая на этот вопрос, он пришел к выводу, что вытеснение является делом Сверх-Я, которое либо проводит вытеснение самостоятельно, либо «дает задание» на вытеснение послушному Я. Данный вывод был сделан им в «Новом цикле лекций по введению в психоанализ» (1933), в котором содержались различные дополнения к предшествующим его взглядам, включая понимание сновидений, страха, составных частей психики.

В конечном счете в психоанализе важное значение придается вытесненному бессознательному, природа, условия и силы образования которого становятся предметом как исследовательской деятельности, так и терапевтической практики. Не случайно анализ сновидений, ошибочных действий и невротических симптомов средствами психоанализа обнаружил существенную роль вытесненного бессознательного в образовании этих явлений.

Изречения

З. Фрейд: «Теория вытеснения является как краеугольным камнем, на котором зиждется здание психоанализа, так и важнейшей частью последнего».

З. Фрейд: «Все вытесненное бессознательно, но мы не можем утверждать в отношении всего бессознательного, что оно вытеснено».

З. Фрейд: «“Вытесненное” — динамическое слово, которое принимает в расчет игру психических сил и свидетельствует, что есть стремление проявить все психические воздействия, среди них и стремление стать осознанным, но есть и противоположная сила, сопротивление, способное сдержать часть

подобных психических действий, среди них и действие по осознанию. Признаком вытесненного остается то, что, несмотря на свою мощь, оно не способно стать осознанным».

З. Фрейд: «Мы признаем за культурой и высоким воспитанием большое влияние на развитие вытеснения и предполагаем, что при этом меняется психическая организация, что может привноситься и унаследованной предрасположенностью. Вследствие таких перемен обычно воспринимаемое как приятное теперь кажется неприятным и отвергается изо всех психических сил. В результате вытесняющей деятельности культуры утрачиваются первичные, но ныне отвергнутые внутренней цензурой возможности наслаждения».

Фиксация и регрессия

Фиксация — сохраняющаяся привязанность человека к определенным объектам и целям, фазам и стадиям развития, образам и фантазиям, способам поведения и удовлетворения, отношениям и конфликтам.

В психоанализе понятие фиксации относится к описанию бессознательных процессов, происходящих на различных стадиях психосексуального развития ребенка. Они связаны с закреплением либидо на определенном сексуальном объекте или сексуальной цели, а также с регрессией, сосредоточением внимания на травме, психическими задержками и нарушениями, вытеснением патогенного материала из сознания человека.

Размышления о природе и специфике фиксации содержались во многих исследованиях Фрейда, начиная от первых его трудов и кончая работами более позднего периода жизни, в которых психоаналитические идеи и теории претерпели изменение. Так, в «Толковании сновидений» (1900) при рассмотрении психического аппарата основоположник психоанализа исходил из того, что в различных психических системах одно и то же раздражение может иметь то или иное фиксирование. Если одна система включает в себя фиксацию ассоциации по одновременности, то в другой системе тот же самый материал может быть расположен по иным видам совпадения. В контексте осмысления работы сновидения он провел различие между фиксацией и регрессией.

В работе «Три очерка по теории сексуальности» (1905) Фрейд рассмотрел вопросы о фиксации предварительных сексуальных целей, задержках на промежуточной сексуальной цели подчеркнутого сексуального разглядывания, фиксации либидо на лицах своего пола. Уделив особое внимание условиям возникновения сексуальных перверсий, он высказал ряд соображений о возможной привязанности человека к определенным стадиям психосексуального развития и отдельным чертам сексуального объекта. В частности, им было подчеркнуто, что перверсии объясняются не только фиксацией инфантильных наклонностей, но и регрессией к ним вследствие преграждения других путей сексуального влечения. Кроме того, Фрейд особо выделил такой психический феномен, как «повышенная цепкость», под которым он понимал способность к фиксации ранних впечатлений сексуальной жизни, характерную не только для перверсных лиц, но и для невротиков. И наконец, он развил

ранее высказанную им в середине 90-х годов XIX века идею, что случайные детские переживания, связанные с влиянием на сексуальность (например, соблазнение со стороны других детей и взрослых), дают такой материал, который может зафиксироваться и повлечь за собой стойкие психические нарушения.

Представление Фрейда о фиксации на травме как источнике невроза возникло на начальной стадии становления психоанализа. В дальнейшем он расширил понятие фиксации, соотнеся его с сексуальными объектами и целями, стадиями психосексуального развития и человеческой деятельностью в целом. Вместе с тем во многих его работах, написанных в разные периоды жизни, фиксация на травме сохраняла свое патогенное значение.

В работе «О психоанализе» (1910) Фрейд отметил, что фиксация душевной жизни — характерная черта невроза и что благодаря аффективной привязанности к прежним болезненным переживаниям невротики не могут отделаться от прошлого и ради него оставляют без внимания настоящее. В «Лекциях по введению в психоанализ» (1916–1917) он привел наглядную иллюстрацию причин возникновения невротических заболеваний. В этой работе Фрейд продемонстрировал, как и каким образом пациенты оказываются фиксированы на каком-то определенном отрезке своего прошлого и не могут освободиться от него, в результате чего настоящее и будущее остаются им чуждыми. В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) он вновь подчеркнул, что больной «фиксирован психически» на травме и что такого рода фиксация на переживаниях, вызвавших болезнь, часто наблюдается при истерии. При этом основатель психоанализа соотнес фиксацию с навязчивым повторением, свойственным всем живым организмам. В книге «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1938) он не только рассматривал невроз через призму фиксации и навязчивого повторения, но и подчеркивал, что отрицательные реакции невротика представляют собой такую же фиксацию на травме, как и их антиподы, то есть положительные реакции. Только в этом случае речь идет не о стремлении к навязчивому повторению, а о преследовании противоположной цели, чтобы не было никаких воспоминаний и повторений забытой травмы.

В «Лекциях по введению в психоанализ» Фрейд высказал мысль, послужившую толчком для дальнейшего развития психоаналитических представлений как о фиксации, так и о неврозе. Эта мысль сводилась к тому, что явление фиксации на определенной стадии прошлого выходит за рамки невроза и может не совпадать с ним.

В качестве примера аффективной фиксации на чем-то можно взять такое состояние человека, как печаль. Она приводит к полному отходу и от настоящего, и от будущего. Но печаль, как замечал Фрейд, отличается от невроза. Другое дело, что существуют неврозы, которые представляют собой патологическую форму печали.

С точки зрения Фрейда, ведущая к возникновению невроза фиксация есть не что иное, как остановка частного влечения на ранней ступени психосексуального развития человека. Чем прочнее какая-либо фиксация на пути развития, тем больше вероятность того, что человек может регрессировать до этой фиксации. В исследовательском плане это ведет к предположению, что фиксация и регрессия не совсем независимы друг от друга. В терапевтической деятельности важно не упускать из виду такое отношение между фиксацией и регрессией, при котором неспособность к сопротивлению внешним препятствиям и соответствующая регрессия зависят от степени прочности фиксации на пути психосексуального развития пациента. В целом,

фиксация либидо является, по мнению Фрейда, мощным фактором психического заболевания. Однако в этиологии неврозов фиксация либидо представляет собой предполагающий, внутренний фактор. Но он становится патологическим только тогда, когда к нему добавляется вынужденный отказ от удовлетворения влечения, выступающий в виде случайного, внешнего фактора. Кроме того, важно учитывать, как Я относится к прочной фиксации своего либидо на какой-то ступени его развития. Если оно относится к нему отрицательно, то возникает внутрипсихический конфликт, и Я прибегает к вытеснению там, где у либидо наблюдается фиксация.

Таким образом, психоаналитическое понимание причин возникновения неврозов включает в себя представление о фиксации и сводится к следующему:

- сначала имеет место вынужденный отказ от влечения;
- затем происходит фиксация либидо, теснящая влечение в определенном направлении;
- и наконец, наблюдается склонность к психическому конфликту в результате развития Я, которое отвергает такое проявление либидо.

Фиксация тесно связана с регрессией, которая представляет собой в общем плане возвращение от более высокой ступени развития к более низкой, в психоаналитическом смысле — возвращение к ранее пройденным этапам психосексуального развития, к первоначальным примитивным способам мышления и поведения.

Интерес к проблеме регрессии проявился у Фрейда в связи с рассмотрением природы и специфики сновидений. В работе «Толкование сновидений» образование сновидения соотносилось им с процессом регрессии внутри предполагаемого психического аппарата, когда все соотношения мыслей исчезают или находят смутное выражение, а представления превращаются обратно в чувственные образы, на основе которых они ранее сформировались. В понимании Фрейда в бодрственном состоянии возбуждения и раздражения они ориентированы на последовательное прохождение систем бессознательного, предсознательного и сознания. Во время же сна они протекают обратным путем, устремляются к актам восприятия. Тем самым регрессивным путем сохраняется образец примитивной и отвергнутой ввиду ее нецелесообразности работы психического аппарата.

В «Толковании сновидений» Фрейд обратил внимание также на то, что регрессия свойственна не только сновидению, но и нормальному мышлению. Например, когда намеренное воспоминание соответствует обратному ходу от какого-либо сложного акта представления к более простому материалу восприятия. Различные видения психически нормальных людей тоже соответствуют регрессиям, не говоря уже о галлюцинациях при истерии и паранойе, которые действительно являются регрессиями и представляют собой мысли, превратившиеся в образы. В этом смысле Фрейд различал регрессию нормальной душевной жизни и патологические случаи регрессии.

Впоследствии он неоднократно обращался к осмыслению феномена регрессии. В одном из дополнений к переизданию «Толкования сновидений» в 1914 году Фрейд выделил три вида регрессии:

1) топическую, связанную с функционированием психического аппарата со свойственными ему системами бессознательного, предсознательного и сознания;
2) временну́ю, включающую в себя регрессии по отношению к либидозным объектам и стадиям психосексуального развития;

3) формальную, соотнесенную с заменой обычных, развитых форм и способов образного представления и мышления более примитивными, древними.

По мере углубления психоаналитических представлений о психосексуальном развитии человека и этиологии невротических заболеваний Фрейд стал уделять все большее внимание процессам регрессии. В «Лекциях по введению в психоанализ» (1916–1917) он выделил два вида регрессии: возвращение к первым либидозным объектам нарциссического характера и возвращение общей сексуальной организации на более ранние ступени развития. Оба вида регрессии воспринимались им как типичные, характерные и играющие значительную роль в неврозах перенесения.

Рассматривая регрессию с точки зрения возвращения сексуальной организации на ранние ступени развития, Фрейд предостерегал аналитиков против того, чтобы они не путали регрессию и вытеснение. В общем плане, то есть в смысле возвращения на более раннюю, глубинную ступень развития психического акта, регрессия и вытеснение оказываются аналогичными друг другу процессами, которым он дал название топических. Но если понятия «регрессия» и «вытеснение» используются в специальном (психоаналитическом) значении, то следует иметь в виду, что между ними имеется принципиальная разница, суть которой можно свести к следующему: регрессия — чисто описательное понятие, вытеснение — топически-динамическое; регрессия не является всецело психическим процессом, значительную роль в нем играет органический фактор, в то время как вытеснение — сугубо психический процесс, не имеющий «никакого отношения к сексуальности».

Подобные представления Фрейда о различии между регрессией и вытеснением носили не только теоретический характер, но и имели практическую направленность, связанную с пониманием этиологии неврозов и лечением невротических заболеваний. В частности, он исходил из того, что при истерии чаще всего наблюдается регрессия либидо к первичным инцестуозным объектам, но нет регрессии на более раннюю ступень сексуальной организации и, следовательно, при изучении истерии значение регрессии становится ясным позднее, чем роль вытеснения в этом заболевании. При неврозе навязчивых состояний, напротив, наряду с вытеснением регрессия либидо на раннюю стадию садистско-оральной организации становится решающим фактором симптомообразования.

В работе «Торможение, симптом и страх» (1926) З. Фрейд дал метапсихологическое объяснение регрессии. В соответствии с ним определяющую роль в ее образовании играют расщепленные, разъединенные влечения и выделенные эротические компоненты, с начальной фазы своего развития присоединяющиеся к деструктивным влечениям садистской фазы. В этой же работе он рассмотрел регрессию в качестве одного из защитных механизмов Я.

Фрейдовское понимание регрессии вызвало необходимость в дальнейшем изучении этого явления. Наряду с концептуальными разработками, лежащими в русле классического психоанализа, отдельными исследователями высказывались и такие соображения, которые свидетельствовали о пересмотре традиционно психоаналитического взгляда на феномен регрессии. Так, К.Г. Юнг поставил вопрос о признании телеологического значения регрессии. Он считал, что возврат к инфантильному уровню — это не только регрессия, но и возможность нахождения нового жизненного плана. То есть регрессия, по существу, есть также основное условие для творческого акта.

В современной психоаналитической литературе проблема регрессии обсуждается с точки зрения причин ее возникновения, этапов развития, глубины проявления, объекта и субъекта цели, результатов работы, целесообразности сдерживания или активизации в процессе аналитической терапии. Наряду с негативным значением регрессии, ведущей к симптомообразованию, рассматриваются и ее позитивные значения в качестве побуждения к восстановлению нарушенного равновесия, промежуточного состояния к осуществлению адаптивной переориентации. В центре внимания аналитиков оказывается также регрессия как механизм защиты Я, «плохая» регрессия как состояние дезинтеграции и «хорошая» регрессия как прогрессивный процесс, необходимый для жизнедеятельности человека.

Изречения

З. Фрейд: «Фиксация душевной жизни на патогенных травмах представляет собой одну из важнейших характерных черт невроза».

З. Фрейд: «Всякий невроз имеет в себе такую фиксацию, но не всякая фиксация приводит к неврозу, совпадает с ним или встает на его пути».

З. Фрейд: «Регрессия является, безусловно, одной из важнейших психологических особенностей процесса сновидения».

З. Фрейд: «Регрессия либидо без вытеснения никогда не привела бы к неврозу, а вылилась бы в извращение».

Либидо

Либидо (от *лат.* libido — «вожделение», «желание», «стремление») — понятие, используемое для обозначения психической энергии, дающей толчок к разнообразным проявлениям сексуальности, направленной на различные объекты и дающей о себе знать при протекании психических процессов и образовании структур индивидуально-личностного и социокультурного порядка.

Понятие «либидо» было использовано Цицероном, по словам которого, *libido* (или необузданное желание) противно разуму и может быть встречено у всех глупцов. В научную литературу оно было введено во второй половине XIX века в работах М. Бенедикта «Электротерапия» (1868), А. Молля «Исследование сексуального либидо» (1898) для обозначения сексуального влечения, полового инстинкта. В начале XX века термин «либидо» получил широкое распространение в рамках психоанализа для описания разнообразных проявлений сексуальности.

Фрейд использовал понятие «либидо» до того, как возник психоанализ. Если термин «психоанализ» был введен им в научный оборот в 1896 году, то его первое использование понятия «либидо» относится к середине 1894 года. Оно находит свое отражение в работе «Проект научной психологии», которая по частям посылалась его берлинскому врачу В. Флиссу и которая не была опубликована при жизни Фрейда. Проводя различие между неврозом страха и меланхолией, он писал о том, что для первого феномена характерно накопление физического сексуального напряжения, в то время как для второго — накопление психического сексуального напряжения. Внешний источник возбуждения вызывает в психике такое изменение,

которое, возрастая, превращается в психическое возбуждение. Достигнув определенного количества, физическое сексуальное напряжение порождает психическое либидо, которое затем ведет к коитусу. Невроз страха характеризуется дефицитом сексуального аффекта, психического либидо.

Несколько месяцев спустя, в конце 1894 года, Фрейд писал, что пациент, который объясняет свое нежелание есть отсутствием аппетита, на самом деле имеет другую причину, так как утрата аппетита в сексуальных терминах есть не что иное, как потеря либидо. В этом отношении, как он полагал, меланхолия представляет собой траур по утраченному либидо. Более двух десятилетий спустя эти идеи нашли свое дальнейшее отражение в его работе «Скорбь и меланхолия» (1917), где было подчеркнуто, что при меланхолии завязывается множество поединков за объект, в которых ненависть и любовь противостоят друг другу. Первая — чтобы освободить либидо от объекта, вторая — чтобы под натиском сохранить позицию либидо.

В письмах к В. Флиссу в 1897 году содержатся размышления Фрейда об инфантильной сексуальности, в соответствии с которыми отсрочка реализации либидо в раннем возрасте может вести к подавлению и неврозам. Впоследствии эти размышления получили свое дальнейшее развитие в работе «Три очерка по теории сексуальности» (1905), в которой при рассмотрении стадий психосексуального развития ребенка он соотносил либидо с сексуальным желанием человека по аналогии с голодом, соответствующим пищевому инстинкту. В последующих переизданиях данной работы Фрейд выдвинул психоаналитическую теорию либидо. В соответствии с ней под либидо понималась способная к количественному изменению сила, которая может измерять все процессы и превращения в области сексуального возбуждения.

Для Фрейда либидо — это прежде всего особый вид энергии, отличающийся от энергии, положенной в основу душевных процессов. Ее специфика в том, что либидо имеет особое происхождение, связанное с сексуальным возбуждением, и обладает характером психически выраженного количества энергии. Исходя из такого понимания либидозной энергии, Фрейд считал, что ее увеличение или уменьшение, распределение или сдвиг должны и могут объяснить наблюдаемые психосексуальные феномены. Если либидо находит свое психическое применение, чтобы вступить в связь с сексуальными объектами, то в этом случае можно видеть, как оно фиксируется на объектах, переходит от одного объекта к другому и направляет сексуальную деятельность человека, ведущую к удовлетворению, то есть к частичному и временному ослаблению, затуханию либидозной энергии.

В работе «О нарциссизме» (1914) теория либидо получила у Фрейда дальнейшее развитие: он различил объект-либидо, Я-либидо и нарциссическое либидо. Это было связано с тремя обстоятельствами: более тщательной, чем ранее, проработкой вопроса об отношении человека к собственному телу как сексуальному объекту; терапевтической деятельностью, в процессе которой психоаналитик сталкивался с нарциссическим поведением больных, чей нарциссизм являлся не перверсией, а либидозным дополнением к эгоизму инстинкта самосохранения; наблюдениями над жизнью детей и примитивных народов. Последнее позволило сделать предположение, что первоначально либидо концентрируется на собственном Я (первичный нарциссизм), впоследствии часть либидо переносится на объекты (объект-либидо), но этот перенос может быть неокончательным, в результате чего либидо может снова обратиться внутрь (вторичный нарциссизм).

Говоря о различных видах психической энергии, Фрейд полагал, что в состоянии нарциссизма оба вида энергии слиты воедино и грубый анализ не в силах их различить. В ранних работах основоположника психоанализа как раз и осуществлялось деление влечений на сексуальные и влечения Я. Под либидо же понималась сексуальная энергия, в виде которой сексуальное влечение стремится к своей реализации и в конечном счете оставляет неизгладимый след в жизни человека.

Представленная в работе «О нарциссизме» теория либидо Фрейда была своего рода ответом на те новации, которые внес К. Г. Юнг в психоаналитическое понимание либидо, что нашло свое отражение в его книге «Либидо, его метаморфозы и символы» (1912). Произошедший в 1913 году окончательный разрыв между ними был обусловлен рядом обстоятельств, среди которых важное место занимало расхождение во взглядах на либидо. Если в первой части «Либидо, его метаморфозы и символы» Юнг еще придерживался фрейдовского понимания либидо, высказав лишь отдельные соображения о возможности использования понятия либидо для объяснения того, что он назвал «неврозом инверсии», то во второй части данной работы он уже недвусмысленно писал не только о необходимости перенесения фрейдовской теории либидо в психотическую область, но и о расширенной трактовке либидо как такового.

Ознакомившись с первой частью материала, позднее вошедшего в публикацию «Либидо, его метаморфозы и символы», Фрейд в одном из писем Юнгу конца 1911 года заметил, что юнговские размышления о либидо показались ему интересными. В то же время он высказал опасения по поводу возможных недоразумений в связи с расширенной трактовкой либидо. Он подчеркнул, что для него либидо не идентично любому желанию и что, согласно его гипотезе, существуют только два влечения (сексуальное и влечение Я) и только энергия полового влечения может называться либидо. Фрейд был озабочен тем, что Юнг может надолго исчезнуть, по его словам, «в клубах религиозно-либидозного тумана». Предчувствуя негативное отношение к его новациям, швейцарский психиатр не послал основателю психоанализа рукописный вариант второй части своей работы. Между тем в ней он вместо «описательно-психологического» или «актуально-полового» понятия либидо предлагал «генетическое» определение, в соответствии с которым термин «либидо» стал обозначать выходящую за пределы сексуальности психическую энергию вообще. Юнговское понимание либидо означало фактически десексуализацию, поскольку в расширенной трактовке либидо охватывало, помимо сексуальности, другие формы «душевной энергии». Поэтому нет ничего удивительного, что, прочитав книгу Юнга о либидо, Фрейд в очередном письме ответил ему, что эта работа очень понравилась в частностях, но не понравилась в целом.

С точки зрения Юнга, либидо представляет собой не столько сексуальность, сколько психическую, душевную энергию как таковую, проявляющуюся в жизненном процессе и субъективно воспринимаемую человеком в качестве бессознательного стремления или желания. Поскольку либидо претерпевает сложную трансформацию, принимая разнообразные символические формы, то расшифровка и толкование либидозной символики признаются в качестве одной из существенных задач аналитической психологии, выдвинутой Юнгом в противовес классическому психоанализу Фрейда.

В работе «Либидо, его метаморфозы и символы» Юнг утверждал, что фрейдовская теория либидо оказалась несостоятельной применительно к больным, страдаю-

Имена

Шандор Ференци (1873–1933) — венгерский психоаналитик. С 1890 по 1896 год изучал медицину в Вене. С 1897 года работал в Будапеште: вначале ассистентом врача в отделении проституток госпиталя Святого Роха, затем — помощником врача в невролого-психиатрическом отделении при приюте Святой Елизаветы, руководителем неврологической амбулатории при клинической больнице, главным специалистом по неврологии в судебной палате. Познакомившись с психоаналитическими идеями в Цюрихской психиатрической школе, установил контакты с Фрейдом. Основатель психоанализа предложил ему сделать доклад на Международной психоаналитической встрече в 1908 году и пригласил его провести с ним летние каникулы. В 1909 году вместе с Юнгом сопровождал Фрейда в поездке по США. Выступил инициатором создания Международного психоаналитического объединения. В 1913 году основал Венгерское психоаналитическое общество и был его президентом до своей кончины. В 1914 и 1916 годах провел в Вене по три недели, проходя у Фрейда анализ. В 1919 году стал профессором кафедры психоанализа в Будапештском университете. В 1926–1927 годах по приглашению Нью-Йоркской школы новых социальных исследований в течение восьми месяцев читал лекции в США и работал с группой американских аналитиков. В 20-е годы развивал «активную технику» психоанализа и «технику изнеживания», которые не были поддержаны Фрейдом. Автор ряда публикаций, включая «Психоанализ и педагогика» (1908), «Теория генитальности» (1929) и других, а также соавтор таких работ, как «О психоанализе умственного расстройства при параличе» (1922, совместно с Ш. Холлосом), «Цели развития психоанализа. К вопросу о взаимодействии теории и практики» (1924, совместно с О. Ранком).

щим шизофренией. Именно поэтому ему, Юнгу, пришлось прибегнуть к расширенному понятию либидо, тем более что, по его мнению, при анализе случая Шребера, осуществленном Фрейдом в работе «Психоаналитические заметки об одном автобиографически описанном случае паранойи» (1911), основатель психоанализа сам отказался от сексуального значения либидо и отождествил его с психическим интересом вообще. Подобное утверждение вызвало резкую критику со стороны Ш. Ференци, который попытался защитить фрейдовскую теорию либидо. В свою очередь, полемизируя по этому поводу со швейцарским психиатром, Фрейд в своей работе «О нарциссизме» заметил, что утверждение Юнга слишком поспешно, приводимые им доказательства недостаточны, он никогда и нигде не заявлял о таком отказе от теории либидо.

Полемика между Юнгом и Фрейдом в связи с пониманием либидо привела к тому, что долгое время основатель психоанализа не признавал расширенного толкования этого понятия. Правда, выступая против различного рода обвинений его в пансексуализме, он подчеркивал, что в психоанализе действительно имеет место расширенная трактовка сексуальности, если понимать под этим исследование детской сексуальности и так называемых перверсий (сексуальных извращений). Но только в 20-е годы он стал использовать более благозвучное понятие «Эрос». При этом он неизменно подчеркивал, что расширенная сексуальность психоанализа близка к Эросу «божественного» Платона.

В целом, на начальном этапе становления и развития психоанализа термин «либидо» использовался Фрейдом при объяснении как причин возникновения психических расстройств, неврозов, так и хода психического развития нормального человека, его научной и художественной деятельности (сублимация). В более поздний период, в работах 20–30-х годов психоаналитические представления о либидо стали составной частью его учения о влечении к жизни (Эрос) и влечении к смерти.

Изречения

З. Фрейд: «Мы выработали понятие о либидо как о меняющейся количественно силе, которая может измерять все процессы и превращения в области сексуального возбуждения. Либидо как вид энергии мы отличаем от энергии, которую следует положить вообще в основу душевных процессов, в плане ее особого происхождения, приписывая этим ей также особый качественный характер».

З. Фрейд: «“Либидо” есть термин из области учения об аффективности. Мы называем так энергию тех первичных позывов, которые имеют дело со всем тем, что можно обобщить понятием “любовь”. Мы представляем себе эту энергию как количественную величину — хотя в настоящее время еще неизмеримую».

З. Фрейд: «С наступлением привязанности к объектам появляется возможность отделить сексуальную энергию в виде либидо от энергии влечений Я».

З. Фрейд: «В своем происхождении, действии и отношении к половой любви “Эрос” Платона совершенно конгруэнтен нашему пониманию любовной силы психоаналитического либидо».

К.Г. Юнг: «Лишь благодаря этому генетическому понятию либидо, которое во все стороны выходит за пределы актуально-полового, за пределы сексуальности, взятой под описательно-психологическим углом зрения, становится возможным перенести фрейдовскую теорию либидо в область психотическую».

Эдипов комплекс

Эдипов комплекс — одно из основных понятий классического психоанализа, использованное Фрейдом для обозначения амбивалентного, то есть двойственного, отношения ребенка к своим родителям. Под эдиповым комплексом понимается проявление ребенком бессознательных влечений, сопровождающихся выражением чувств любви и ненависти к родителям.

Впервые представления об эдиповом комплексе были изложены Фрейдом в 1897 году в одном из писем к берлинскому врачу В. Флиссу. На основе самоанализа, включающего детские воспоминания, он обнаружил в себе ранние смешанные чувства любви к матери и ревности к отцу. При этом основатель психоанализа соотнес свои личные переживания с древнегреческим мифом, содержание которого было отражено в древнегреческой трагедии Софокла «Царь Эдип».

В трагедии Софокла повествовалось о несчастной судьбе Эдипа, который, не ведая того, убил своего отца Лая — царя Фив, потом женился на своей матери Иокасте, затем, узнав от оракула о совершенных им непреднамеренных деяниях, ослепил себя.

Из истории психоанализа

В 1906 году в день пятидесятилетия Фрейда ученики и ближайшие друзья основателя психоанализа подарили ему памятную медаль, выполненную скульптором Карлом Мариа Швердтнером. На одной стороне медали был изображен профиль великого учителя. На другой — Эдип, разгадывающий загадку Сфинкс. Изображаемую сцену венчала по-гречески написанная строка из трагедии Софокла «Царь Эдип»: «И загадок разрешитель, и могущественный царь».

Говорят, что когда при вручении ему памятной медали Фрейд прочитал строку из трагедии Софокла, то он побледнел и был сильно взволнован. Узнав, что идея надписи на медали принадлежала П. Федерну, он поведал своим ученикам свою давнюю мечту. По его собственному признанию, во время обучения в Венском университете он часто прогуливался во внутреннем дворике, разглядывая бюсты знаменитых профессоров, расположенных в галерее, обрамляющей дворик, и мечтал когда-нибудь в будущем увидеть свой бюст, на котором были бы начертаны именно те слова, которые он прочел на медальоне.

Впоследствии мечта молодого Фрейда сбылась. В 1921 году скульптор Кенигсбергер создал бюст основателя психоанализа. На этом бюсте имелась соответствующая строка из драмы Софокла. 4 февраля 1955 года состоялась торжественная церемония по установке бюста Фрейда в галерее внутреннего дворика Венского университета. Подаренная Фрейду памятная медаль имела глубокий смысл. Она олицетворяла собой то великое достижение основателя психоанализа, который, подобно Эдипу, сумел разгадать загадку Сфинкс.

Согласно древнегреческой мифологии, всех проходящих мимо нее Сфинкс просила разгадать одну загадку: кто ходит утром на четырех ногах, днем на двух, а вечером — на трех? Того, кто не мог дать правильный ответ, ждала печальная участь. Сфинкс безжалостно расправлялась с ними.

Долгое время никто не мог дать правильный ответ. Наконец нашелся один человек, который сделал это, — Эдип, сказавший, что речь идет о человеке. Именно человек в детстве ползает на четвереньках, в зрелом возрасте ходит на двух ногах, а в старости опирается на посох.

Памятная медаль была своеобразным символом, запечатлевшим подвиг Фрейда, сумевшего понять, что представляет собой человек. Речь шла об эдиповом комплексе, который являлся для Фрейда важной отправной точкой для понимания человека, поскольку, согласно его воззрениям, этот комплекс лежит в основе возникновения неврозов, религии, нравственности и культуры.

Почерпнутая из древнегреческого мифа тема отцеубийства и запрета на инцестуозную связь переросла у Фрейда в идею эдипова комплекса, присущего каждому человеку. Согласно Фрейду, наши сновидения убеждают в том, что, вероятно, всем суждено направлять свое первое сексуальное чувство на мать и первое насильственное желание — на отца.

Если идея двойственного отношения ребенка к своим родителям возникла у Фрейда в период его самоанализа (1897), то понятие эдипова комплекса было введено им в 1910 году. Он утверждал, что по своей природе данный комплекс одинаков

для мальчиков и девочек. Для обозначения эдипова комплекса у девочек Юнг ввел понятие комплекса Электры. Это понятие было использовано им в 1913 году для характеристики чувств и переживаний девочки, связанных с ее влечением к отцу, стремлением заменить мать в ее отношениях с ним, а затем и желанием устранить мать, мешающую реализации детского желания. Название комплекса связано с древнегреческим мифом об Электре. Согласно этому мифу, Электра, дочь Агамемнона и Клитемнестры, способствовала убийству своей матери. Спасая своего брата Ореста от гибели, она помогла ему убить мать, повинную в смерти их отца.

В отличие от Юнга Фрейд не использовал понятие «комплекс Электры», а предпочитал говорить об эдиповом комплексе. Он считал, что этот комплекс в равной степени присущ всем людям, независимо от их половой принадлежности. В этом смысле любовь к родителю противоположного пола и ненависть к родителю своего пола у мальчиков и девочек одинаковы. Поэтому, когда в работах Фрейда говорится об эдипове комплексе, следует иметь в виду, что речь идет у него о таких отношениях между детьми, будь то мальчик или девочка, и родителями (или их заместителями), которые имеют место в детстве каждого человека.

Наблюдения за детьми и изучение воспоминаний взрослых о своем детстве подвели Фрейда к выводу о всеобщем, универсальном проявлении эдипова комплекса. Мальчик эротически привязан к матери, хочет обладать ею и воспринимает отца как помеху ему в этом; девочка испытывает нежные чувства к отцу и потребность в устранении матери, чтобы занять ее место в отношениях с отцом.

Представления об эдиповом комплексе содержались в следующих работах Фрейда: «Толкование сновидений» (1900), «О психоанализе» (1910), «Тотем и табу» (1913), «Лекции по введению в психоанализ» (1916/17), «Массовая психология и анализ человеческого Я» (1921), «Я и Оно» (1923), «Гибель Эдипова комплекса» (1924), «Некоторые психические следствия анатомического различия между полами» (1925), «Сопротивление психоанализу» (1925), «Проблема дилетантского анализа» (1926), «Очерк о психоанализе» (1940).

В своем понимании эдипова комплекса Фрейд исходил из того, что бисексуальность (мужское и женское начала) человека приводит к такому положению, когда ребенок может занимать как активную, так и пассивную позицию. Сексуальное предпочтение родителя противоположного пола и ненависть к родителю того же пола составляют, с точки зрения Фрейда, *позитивную форму* эдипова комплекса. Любовь к родителю того же пола и стремление устранить из жизни родителя противоположного пола характерны для *негативной формы* этого комплекса. В процессе психосексуального развития ребенка проявляются обе формы, образуя так называемый *полный эдипов комплекс.*

Данный комплекс характеризуется двойственным отношением ребенка к своим родителям. Он одновременно любит и ненавидит каждого из них, боготворит их и желает им смерти; хочет быть похожим на них и боится быть наказанным за свои бессознательные желания. Мальчик не только обнаруживает эротические чувства к матери и стремится устранить отца, но и испытывает свойственные девочке нежность к отцу и враждебность к матери. Аналогичная картина наблюдается и у девочки: она не только имеет сексуальное влечение к отцу и ревностное чувство к матери, но и враждебно настроена к отцу и испытывает сильную эмоциональную привязанность к матери.

В представлении Фрейда, эдипов комплекс проявляется у детей в возрасте от 3 до 5 лет, и перед каждым ребенком встает жизненная задача, связанная с развитием и преодолением этого комплекса. Разрушение и гибель эдипова комплекса в процессе психосексуального развития ребенка, характеризующегося переходом от фаллической (символизирующей значение пениса) фазы детской сексуальности к ее латентному (скрытому) периоду, — нормальный путь развития человека. Считается нормой, если в конце этого раннего сексуального периода эдипов комплекс преодолен, смягчен и переформирован, а результатом такого превращения будет возможность хороших успехов в последующей душевной жизни. Вытеснение же эдипова комплекса и сохранение его в бессознательном чревато невротизацией ребенка, впоследствии сказывающейся на психических расстройствах взрослого. Благополучное преодоление этого комплекса, как правило, не осуществляется основательно, и тогда пубертатный период вызывает реанимацию комплекса, что может иметь плохие последствия.

Фрейд считал, что, несмотря на универсальность эдипова комплекса, развитие и изживание его у мальчика и девочки проходят по-разному. Угроза кастрации и страх мальчика перед возможностью наказания за инцестуозные влечения приводят к отвращению его от эдипова комплекса. Связанные с этим комплексом эротические влечения мальчика десексуализируются и сублимируются, то есть переключаются на социально приемлемые цели. В случае идеального осуществления этого процесса эдипов комплекс разрушается и упраздняется. Стало быть, эдипов комплекс у мальчика погибает вследствие угрозы кастрации.

Развитие и преодоление эдипова комплекса у девочки имеет иной характер. Обнаружив, что, в отличие от мальчика, она не имеет пениса, девочка воспринимает кастрацию как уже свершившийся факт. Это приводит к тому, что, в то время как эдипов комплекс мальчика погибает вследствие кастрационного комплекса, эдипов комплекс девочки становится возможным и возникает благодаря кастрационному комплексу.

По мнению Фрейда, девочка испытывает зависть к тому органу, который у нее отсутствует. Она переходит символическим путем от пениса к ребенку, желает получить его в подарок от отца. Это желание сохраняется на протяжении длительного времени, в результате чего девочка медленно расстается с эдиповым комплексом. В форме желания обладать пенисом и родить ребенка эдипов комплекс девочки долгое время сохраняет свою действенность и способствует подготовке женщины к ее половой роли. Преодоление этого комплекса у девочки связано с угрозой утраты родительской любви.

В процессе гибели эдипова комплекса внешний авторитет родителей как бы перемещается внутрь детской психики. Он становится внутренним достоянием ребенка, приводя к образованию такой психической инстанции, как Сверх-Я. Так, по мнению Фрейда, Сверх-Я становится наследником эдипова комплекса. Отныне Сверх-Я выступает в роли недремлющего ока или карающей совести, вызывая у человека чувство вины. По выражению основателя психоанализа, эдипов комплекс оказывается одним из самых важных источников сознания вины, доставляющей особое беспокойство невротикам.

Согласно Фрейду, в эдиповом комплексе завершается инфантильная сексуальность. Кто оказывается не в состоянии нормальным образом пройти эдипову фазу

психосексуального развития, тот заболевает неврозом. Эдипов комплекс составляет ядро неврозов.

Фрейд не утверждал, что эдипов комплекс исчерпывает отношение детей к родителям, которое может быть сложным и многообразным. Более того, он считал, что этот комплекс может претерпевать изменения. Вместе с тем он отмечал, что эдипов комплекс становится столь значимым фактором душевной жизни ребенка, что существует опасность скорее недооценить его влияние и обусловленное им развитие, чем переоценить его.

На основе этого комплекса возникает, как полагал Фрейд, человеческая культура, связанная с соответствующими нормами и запретами на инцест. В эдиповом комплексе совпадают начало религии, нравственности, морали, социальных институтов общества и искусства.

Свое воплощение и реализацию эротические и деструктивные влечения, связанные с эдиповым комплексом, могут находить в сновидениях. Не случайно в сновидениях нередко содержатся разнообразные сцены, сюжеты и образы инцестуозного характера, сопряженные с убийством и смертью родителей, родственников, близких людей.

Признание или отрицание эдипова комплекса — своего рода лакмусовая бумажка, позволяющая проводить различие между сторонниками и противниками психоанализа. Как замечал Фрейд, ничто другое не навредило психоанализу столь сильно в отношении к нему современников, как рассмотрение эдипова комплекса в качестве общечеловеческой судьбоносной структуры. Между тем представление об этом комплексе содержалось в работах некоторых мыслителей задолго до того, как аналогичная идея была высказана основателем психоанализа. Не случайно в ряде своих публикаций он ссылается на исторические источники и пишет, что более чем за столетие до появления психоанализа французский философ Дидро указывал на значение эдипова комплекса.

Вместе с тем подлинное открытие эдипова комплекса Фрейд рассматривал как одну из наиболее существенных заслуг психоанализа. Так, в одной из последних своих работ «Очерк о психоанализе» (1940), написанной в 1938 году, но опубликованной после его смерти, он подчеркнул, что благодаря открытию эдипова комплекса психоанализ может быть отнесен к выдающимся достижениям человечества.

Психоаналитическая концепция эдипова комплекса вызвала резкую критику со стороны тех, кому претила сама идея отцеубийства и инцеста, распространенная как на историю развития человечества, так и на психосексуальное развитие ребенка. В частности, высказывались возражения, что легенда о царе Эдипе не соответствует той конструкции, которая была предложена основателем психоанализа, поскольку Эдип не знал, что убил своего отца и женился на своей матери.

Действительно, судьба Эдипа была таковой, что он оказался как бы без вины виноватым. Оракул предсказал, что фиванский царь Лай падет от руки своего еще не рожденного сына. После того как царица Иокаста родила мальчика, его отвезли в горы, там связали ему лодыжки (отсюда название Эдип — «стреноженный»), бросили и обрекли на смерть. Нашедший мальчика пастух передал его коринфскому царю Полибу, который усыновил ребенка. В юношеском возрасте Эдип узнал о предсказании дельфийского оракула, согласно которому ему суждено убить своего отца и стать супругом своей матери, и ушел из Коринфа, чтобы избежать этой участи. На

перекрестке дорог он повстречался с Лаем и в споре с ним убил его, не зная, что стал убийцей своего отца. По дороге в Фивы Эдип разгадал загадку, которую всем путникам задавала Сфинкс, в случае неправильного ответа умерщвлявшая их. Благодарные жители Фив предложили ему царский престол и отдали в жены царицу Иокасту. Эдип не ведал того, что он стал мужем своей матери и отцом четырех детей. После того как в Фивах произошел мор и от оракула стало известно, что это — кара за убийство царя Лая, Эдип начинает расследование с целью найти убийцу. Расследование приводит к тому, что он узнает о совершенном им самим двойном преступлении — отцеубийстве и инцесте. Иокаста прибегает к самоубийству, а Эдип, воспользовавшись наплечной заколкой повешенной царицы, ослепляет себя и удаляется из Фив. Такова трагедия Эдипа, ставшего жертвой судьбы, предпосланной ему до рождения, и совершившего два тяжких преступления, о которых он ничего не знал.

К этому следует добавить, что несчастная судьба Эдипа была как бы расплатой за грехи его отца. Будучи наследником царского трона, юный Лай бежал от дяди, нашел пристанище у царя Пелопса, но вместо благодарности совратил его незаконного сына, то есть вступил в гомосексуальные отношения с ним. За что и был проклят богами, которые обрекли его на гибель от руки собственного сына.

Исходя из этой версии древнегреческого мифа, некоторые исследователи подчеркивали, что в момент совершения преступлений (отцеубийства и инцеста) Эдип не обладал знаниями о действительном положении вещей и, следовательно, представления об эдиповом комплексе не соответствуют подлинному содержанию мифа. Отвечая на подобные возражения, Фрейд замечал, что незнание Эдипа вполне правдоподобно изображает бессознательное состояние, в которое для взрослых погрузилось это переживание, а убеждающая сила пророчества, которое делает или должно сделать героя невиновным, становится признанием неизбежности судьбы, приговорившей каждого сына пережить эдипов комплекс.

В теории и практике психоанализа эдипову комплексу уделялось и до сих пор уделяется важное внимание. Тем не менее фрейдовская трактовка эдипова комплекса разделялась далеко не всеми психоаналитиками. Многие из них пересмотрели идеи Фрейда о природе эдипова комплекса: одни психоаналитики внесли уточнения в понимание содержания этого комплекса; другие переосмыслили временные рамки его развития и разрушения; третьи подвергли сомнению исторические параллели Фрейда, согласно которым лежащее в основе эдипова комплекса отцеубийство было реальным событием, имевшим место в первобытной орде и свидетельствовавшим об универсальности этого комплекса во всех культурах.

Так, А. Адлер утверждал, что представление, согласно которому мать является единственным сексуальным объектом для ребенка, удовлетворяющего свои сексуальные желания в борьбе с отцом, — это фиктивная идея. Он полагал, что при тщательном рассмотрении под эдиповом комплексом скрывается уродливое, часто выраженное в асексуальной форме стремление ребенка к превосходству над отцом и матерью. Соответственно, эдипов комплекс — это символ желаемого господства.

В отличие от Фрейда, К.Г. Юнг по-иному взглянул на победу Эдипа над Сфинкс. Он полагал, что она, представлявшая собой двойственность образа матери (привлекающая, достойная любви верхняя часть с головой человека и страшная, звериная нижняя часть, вызывающая ужас), служит олицетворением страха перед матерью.

Согласно легенде, Сфинкс — дочь Ехидны, появившаяся на свет в результате кровосмесительной связи матери со своим сыном (собакой Орт). Сфинкс — кровосмесительно отщепленная часть либидо из отношения к матери. Опираясь на данную легенду, Юнг пришел к выводу: в первооснове кровосмесительных связей заложено не влечение к половому акту, а стремление стать снова ребенком, очутиться в материнском лоне.

В понимании В. Райха, эдипов комплекс возникает в условиях патриархальной семьи. Опираясь на исследование английского антрополога Б. Малиновского, показавшего, что структура семейных отношений в некоторых примитивных обществах имеет иной характер, чем рассмотренная Фрейдом схема амбивалентных влечений ребенка к матери и отцу, он подверг сомнению тезис об универсальности эдипова комплекса. Райх считал, что форма эдипова комплекса изменяется вместе с общественным строем и в будущем, в условиях коллективного воспитания, об этом комплексе речи идти не будет.

С точки зрения Э. Фромма, основатель психоанализа неверно интерпретировал миф об Эдипе. Фрейд опирался на трагедию Софокла «Царь Эдип», в то время как необходимо принимать во внимание всю трилогию Софокла, включая такие ее части, как «Эдип в Колоне» и «Антигона». Зная это, миф об Эдипе следует рассматривать, по мнению Фромма, не как символ инцестуозной любви между матерью и сыном, а как символ протеста сына, восставшего против власти отца в патриархальной семье. Главное в этом мифе не сексуальная подоплека, а отношение к власти, что составляет основу межличностных отношений.

Однако подобная критика взглядов Фрейда на эдипов комплекс вовсе не означала, что в рамках психоаналитического движения возникло неприятие основной идеи, составившей остов классического психоанализа. Речь шла не об устранении идеи эдипова комплекса, а о различной интерпретации ее. Не случайно Юнг замечал, что современный человек просто не понимает, что бессознательно предается кровосмешению, только в других областях, например в религиозных символах. Райх подчеркивал, что, хотя эдипов комплекс ограничивается формой общественных отношений, истина одного из основных положений психоанализа вовсе не отменяется. Фромм считал, что открытие Фрейдом инцестуозной связи с матерью — одно из наиболее значительных в науке о человеке.

Изречения

З. Фрейд: «Всем нам, быть может, суждено направить свое первое сексуальное чувство на мать и первую ненависть и насильственное желание — на отца».

З. Фрейд: «Все больше и больше открывается значение эдипова комплекса как центрального феномена сексуального периода, относящегося к раннему детству».

З. Фрейд: «Как Эдип, мы живем, не осознавая противоморальных желаний, навязанных нам природой; осознав их, мы все отвратили бы взгляд наш от эпизодов нашего детства».

З. Фрейд: «Правильно утверждают, что эдипов комплекс составляет ядро неврозов, представляя собой существенную часть содержания их. В нем завершает-

ся инфантильная сексуальность, оказывающая решающее влияние своим действием на сексуальность взрослых. Каждому новорожденному предстоит задача одолеть эдипов комплекс».

З. Фрейд: «В эдиповом комплексе совпадает начало религии, нравственности, общественности и искусства в полном согласии с данными психоанализа».

З. Фрейд: «Я осмелюсь сказать, что, если бы психоанализ не мог похвастаться никаким иным достижением, кроме открытия подавленного эдипова комплекса, лишь одно это давало бы ему право быть включенным в разряд выдающихся достижений человечества».

Идентификация

Идентификация (от *лат.* identificare — «отождествлять», «устанавливать совпадение») — процесс отождествления одного человека (субъекта) с другим (объектом).

Идентификация осуществляется на основе эмоциональной привязанности к другому лицу. Она сопровождается стремлением человека походить на другого, которого он любит, обожает, боготворит. Специфические свойства и качества другого человека, его выражение лица, манера вести разговор, походка, стиль поведения, образ жизни — все это копируется, воспроизводится тем, кто стремится походить на своего кумира.

В классическом психоанализе под идентификацией, отождествлением понимается самое раннее проявление эмоциональной связи с другим лицом. Ребенок привязывается к матери, отцу или замещающим их лицам. Он хочет быть похожим на своих родителей, хочет стать такими же, как они. Благодаря процессу идентификации с любимым человеком происходит формирование собственного Я по подобию другого, взятого за образец подражания.

К проблеме идентификации Фрейд обратился в начале становления психоанализа. Так, в работе «Толкование сновидений» (1900) он привел сновидение одной из своих пациенток, в котором имело место ее отождествление с другим лицом, в результате чего сновидение изобразило специфическим образом неосуществленное желание. Речь шла об истерической идентификации, которая, по мнению Фрейда, очень важна для понимания механизма истерических симптомов. Ведь путем отождествления больные выявляют в своих симптомах не только собственные переживания, но и переживания других лиц, то есть они как бы страдают за других и исполняют единолично все роли большой жизненной пьесы.

В понимании основателя психоанализа истерическая идентификация не является обычной имитацией истериков, выражающейся в их способности подражать симптомам, наблюдаемым ими у других. Истерическая идентификация соответствует бессознательному процессу. Как считал Фрейд, истерик идентифицирует себя в симптомах своей болезни наиболее часто с лицом, с которым он находится в сексуальных отношениях или которое находилось в такой же связи с тем же лицом, что и он.

С точки зрения Фрейда, идентификация может служить в сновидении различным целям — изображению общих черт второго лица, перемещенного сходства или лишь желаемого сходства. Поскольку желание найти общие черты у двух лиц нередко совпадает со смешением их, то и взаимоотношение выражается в сновидении

идентификацией. Если в содержании сновидения содержится не фигура спящего, а другое лицо, то есть основания предполагать, что фигура спящего скрыта путем идентификации за этим лицом. Если в другом случае фигура спящего действительно присутствует в сновидении, то можно предположить, что за спящим путем идентификации скрывается другое лицо. Словом, фигура спящего в сновидении может изображаться различными путями и даже одновременно: или непосредственно, или с помощью идентификации с другим лицом. По мнению основателя психоанализа, такие идентификации способствуют сгущению чрезвычайно обильного материала мыслей.

Наряду с истерической идентификацией основатель психоанализа рассматривал и другую форму идентификации, которую он назвал нарциссической. В «Лекциях по введению в психоанализ» (1916–1917) Фрейд писал, что при нарциссической идентификации объект привязанности воздвигается в самом Я человека и как бы проецируется на это Я. В этом случае с собственным Я обращаются как с оставленным объектом и оно испытывает на себе все проявления агрессии и мстительности, предназначавшиеся объекту.

В работе «Скорбь и меланхолия» (1917) Фрейд отметил различия, существующие между истерической и нарциссической идентификациями, считая, что первая из них изначальна и открывает доступ к пониманию второй. Одновременно он подчеркнул, что идентификация с объектом нередка и при неврозах переноса.

Фрейд исходил из того, что идентификация амбивалентна, то есть двойственна по своей природе. Об этом он писал в работе «Массовая психология и анализ человеческого Я» (1921). В частности, он подчеркивал, что идентификация мальчика со своим отцом сопровождается не только его стремлением стать таким же сильным, как отец, но и включает в себя определенную долю враждебности по отношению к отцу, как только мальчик начинает испытывать нежные чувства к матери. У ребенка возникает желание заменить своего отца в отношениях с матерью. В этом смысле идентификация способствует появлению у ребенка эдипова комплекса.

Процесс идентификации протекает по-разному. Он может сопровождаться отождествлением как с любимым, так и с нелюбимым человеком. Например, девочка, испытывающая сильные эмоции по отношению к своему отцу, может делать все для того, чтобы стать похожей хотя бы в чем-то на свою мать. Если ее мать больна, постоянно кашляет или хромает, то девочка старается походить на нее, несмотря на враждебные чувства по отношению к ней, возникшие в силу своего желания занять ее место в отношениях с отцом. В этом случае девочка отождествляет себя с нелюбимой матерью, начинает сильно кашлять или прихрамывать, чтобы тем самым привлечь к себе внимание отца. Идентификация подобного рода может привести к соответствующему заболеванию с ярко выраженными невротическими симптомами.

Идентификация имеет место не только у отдельного человека. Она может наблюдаться одновременно у значительного числа людей, служит питательной почвой для их объединения друг с другом, становится основой для установления прочных эмоциональных связей в группе, обществе, нации.

В молодежной среде известны кумиры из числа певцов, музыкантов, эстрадных звезд, которые становятся объектом подражания для тех, кто их обожает. Многие молодые люди стремятся быть похожими на них: носят такую же одежду, как и их кумир; делают себе такую же прическу. Они готовы пойти на все, чтобы идентифи-

цироваться со своим кумиром. Между теми, кто пытается подражать любимому певцу или музыканту, устанавливаются особые эмоциональные связи. Таким образом, идентификация наблюдается не только между отдельным человеком и его кумиром, но и между членами группы, поклоняющимися той или иной эстрадной звезде. Подобная идентификация способствует сплочению группы, подавлению чувств агрессивности ее членов по отношению друг к другу.

Аналогичная картина наблюдается в политических партиях, социальных движениях, национальных объединениях. Их представители объединяются на основе идентификации с их лидерами и друг с другом.

В психоанализе идентификация тесно связана с интроекцией, то есть включением внешнего мира во внутренний мир человека. Взаимосвязь идентификации с интроекцией обусловлена тем, что процесс отождествления одного лица с другим может идти рука об руку с процессом вовлечения любимого и обожаемого объекта в орбиту переживаний личности. В этом случае объект поклонения становится не просто идеалом подражания, а тем внутренним идеалом-Я, который может стать на место Я и подменить его собой.

Обобщая свои взгляды на существо идентификации в работе «Массовая психология и анализ человеческого Я», Фрейд высказал следующие положения:

- идентификация представляет собой самую первоначальную форму эмоциональной связи с объектом;
- регрессивным путем, как бы интроекцией объекта в Я, она становится заменой либидозной объектной связи;
- идентификация может возникнуть при каждой вновь замеченной общности с лицом, не являющимся объектом сексуальных первичных позывов.

Исследование проблемы идентификации получило свое развитие в работах аналитиков различной ориентации. Так, К. Г. Юнг рассмотрел идентификацию человека с группой, с героем культа и даже с душами предков. В соответствии с его представлениями, мистическая сопричастность к группе является не чем иным, как бессознательной идентификацией, многие культовые церемонии основываются на идентификации с богом или героем, регрессивная идентификация с животными, предками имеет возбуждающий эффект.

А. Фрейд исследовала идентификацию как один из механизмов защиты Я. Она показала, что бывают случаи, когда идентификация сочетается с другими механизмами, образуя мощное орудие Я в его действиях с внешними объектами, порождающими и поддерживаюшими тревогу. В работе «Я и механизмы защиты» (1936) она обратила особое внимание на случаи «идентификации с агрессором», считая, что подобная идентификация представляет собой, с одной стороны, предварительную фазу развития Сверх-Я, а с другой — промежуточную стадию развития паранойи. В понимании А. Фрейд идентификация с агрессором представляет собой конкретное сочетание интроекции и проекции и может рассматриваться в качестве нормального явления лишь в той мере, в какой человек использует этот механизм в своих попытках совладать с объектом тревоги.

Р. Шпиц рассмотрел жестовую идентификацию ребенка, возникающую после шестого месяца его жизни, и подчеркнул, что данная идентификация играет заметную роль в процессах научения детей. Кроме того, Р. Шпиц обратил внимание на идентификационные процессы у родителей, являющиеся неотъемлемой частью

Имена

Рене Шпиц (1887–1974) — американский психоаналитик, основоположник генетического направления в психоанализе. Получил медицинские знания в Будапештском, Лозаннском и Берлинском университетах. Заинтересовался психоанализом. В 1935–1936 годах в Вене проводил экспериментальные исследования в области детской психологии. Провел серию наблюдений над детьми, на долгое время лишенными эмоциональных контактов с родителями и страдающими психическими расстройствами — «синдромом госпитализма». С 1947 года — профессор психоаналитической психологии в Нью-Йорке, с 1956 года — профессор психиатрии медицинского центра Университета Колорадо.
Исследовал раннее поведение младенца, становление объектных отношений, появление и упрочение структуры личности. Высказал мысль о том, что психоаналитикам, имеющим дело с вербальными сообщениями взрослого человека, придется предпринять систематическое исследование архаических форм коммуникации в младенческом возрасте, если они хотят прийти к пониманию основ процесса мышления. Выдвинул ряд идей, связанных с формированием начальной стадии семантической и вербальной коммуникации, ранних механизмов становления и функционирования детской психики. Пришел к выводу, что коммуникация и семантическая функция происходят от «сканирующего поведения», и это убедительным образом дополняет «аналогичные постулаты Фрейда о природе восприятия и процесса мышления».
Автор статей: «Госпитализм» (1945), «Тревога у ребенка: исследование ее проявлений на первом году жизни» (1950), «Инфантильная депрессия и синдром общей адаптации» (1954), а также работ «Нет и Да. О развитии человеческой коммуникации» (1957), «Теория генетического поля формирования Я» (1959) и других.

объектных отношений. Словом, не только дети прибегают к жестовой идентификации с родителями, характеризующейся «эхоподобными воспроизведениями» жестов взрослых, но имеют место и родительские идентификации с действиями, чувствами, желаниями ребенка, которые играют конструктивную роль в его развитии.

В психоаналитической литературе уделяется внимание также тому процессу, который принято называть проективной идентификацией.

Проективная идентификация — это психический процесс такого проецирования желаний и фантазий человека вовне, на другие объекты, при котором одновременно осуществляется идентификация не столько с самими объектами, сколько с собственными проекциями на них.

Общее представление о проективной идентификации содержалось в работах Фрейда. Правда, в его трудах не использовался термин «проективная идентификация». Тем не менее его размышления о проективной ревности включали в себя такое рассмотрение бессознательных психических процессов, которое по смыслу и содержанию было весьма близким тому, что в современной психоаналитической литературе понимается под проективной идентификацией.

Термин «проективная идентификация» использовала в своих работах М. Кляйн. Так, в работе «Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни ребенка» (1952) она показала, что процессы, благодаря которым младенец овладевает внешними объектами, в первую очередь матерью, являются базисом для идентификации через проекцию, или «проективной идентификации». По ее мнению, эти процессы действуют в наиболее раннем отношении младенца к груди, когда

Имена

Мелани Кляйн (1882–1960) — одна из основателей детского психоанализа. Родилась в Вене, с 1910 по 1919 год жила с семьей в Будапеште. Не будучи медиком, проявила интерес к психоаналитическим идеям Фрейда. Прошла курс лечения у венгерского психоаналитика Ш. Ференци и личный анализ у немецкого психоаналитика К. Абрахама. В 1921 году по приглашению К. Абрахама переехала в Берлин, где проводила психоаналитические исследования развития детей. В 1926 году по предложению английского психоаналитика Э. Джонса переехала в Лондон, где обрела сторонников предложенных ею идей и методов изучения детей, оказала заметное влияние на развитие британской школы психоанализа. Разработала игровую технику терапии детей, выдвинула представления о паранойяльно-шизоидной и депрессивной позиции ребенка. Автор ряда работ, включая «Психоанализ детей» (1932), «Вклад в психоанализ» (1948), «Зависть и благодарность» (1957) и другие.

«вампироподобное» сосание и опустошение материнской груди порождают у него фантазии о прокладывании пути в грудь, а затем — в тело матери.

В отличие от простой проекции, состоящей в перенесении бессознательных желаний и фантазий человека на другой объект, в приписывании ему того, что осуждается как аморальное и социально неприемлемое в себе, проективная идентификация позволяет проецирующему воспринимать эту проекцию как личностно значимую, способствующую разрешению внутрипсихического конфликта в форме образования симптома заболевания. Тем самым с помощью проективной идентификации человек не только приглушает свои переживания по поводу чего-то нежелательного и недопустимого, но и, отождествляясь со своей собственной проекцией, как бы защищается от самого себя и в то же время остается в неведении относительно того, что происходит с ним на самом деле.

Благодаря проективной идентификации человек, с одной стороны, переносит свои желания и фантазии на иной объект, а с другой — не остается в стороне от объекта проекции, а посредством отождествления с ней сохраняет свою связь с проецируемыми желаниями и фантазиями.

В современной психоаналитической литературе обсуждаются различные типы и формы идентификации. Рассматриваются ее механизмы, ведущие к возникновению психических заболеваний, появлению политических лидеров, формированию общественных движений, всплеску национализма в различных странах мира. Типы и механизмы идентификации подробно изучаются в прикладном психоанализе, как клиническом, так и немедицинском использовании его.

Изречения

З. Фрейд: «Идентификация известна психоанализу как самое раннее проявление эмоциональной связи с другим лицом. Она играет определенную роль в предыстории эдипова комплекса».

З. Фрейд: «Идентификация изначально амбивалентна, она может стать выражением нежности так же легко, как и желанием устранения».

З. Фрейд: «Идентификация должна присоединяться в случаях, где произошел выбор объекта; а объектная любовь — в случаях, где уже имеется идентификация».

З. Фрейд: «Мы могли бы усмотреть различие между нарциссической и истерической идентификацией в том, что в первом случае концентрация на объекте ликвидируется, тогда как во втором она продолжает существовать и оказывает воздействие, которое обычно ограничивается единичными действиями и возбуждениями нервной системы».

А. Фрейд: «“Идентификация с агрессором” представляет собой нормальную стадию развития Сверх-Я».

А. Фрейд: «С теоретической точки зрения анализ процесса “идентификации с агрессором” помогает нам различать способы употребления конкретных защитных механизмов; на практике это позволяет нам отличать приступы тревоги в переносе от вспышек агрессии».

Р. Шпиц: «Я думаю, что мы можем без преувеличения сказать, что эти родительские идентификации на архаическом уровне выстраивают мост, с помощью которого ребенок, меняя направление процесса, становится способным идентифицироваться с родителями».

М. Кляйн: «Объекты в некоторой мере становятся представителями Я, и эти процессы, с моей точки зрения, являются базисом для идентификации через проекцию, или “проективной идентификации”».

М. Кляйн: «Процессы, лежащие под самой проективной идентификацией, вероятно, действуют уже в наиболее раннем отношении к груди... Соответственно, проективная идентификация могла бы начаться одновременно с жадной орально-садистической интроекцией груди».

Проекция и интроекция

Проекция — психический процесс, сопровождающийся вынесением субъективных переживаний вовне, наделением внешних объектов внутренними бессознательными желаниями, перенесением вины и ответственности за отвергаемые в себе наклонности на кого-либо другого, приписыванием другим людям собственных чувств, качеств, свойств и черт характера, которые не замечаются или не признаются человеком.

На начальном этапе своей исследовательской и терапевтической деятельности Фрейд рассматривал проекцию в качестве защиты параноика, выносящего вовне субъективные переживания, доставляющие ему страдания. В период 1895–1896 годов он обсуждал вопрос о том, как проецируемые параноиком вовне переживания оборачиваются против больного, поскольку в конечном счете они возвращаются к нему в форме терзающих его самоупреков, обостряющих его психическое состояние.

Несколько лет спустя при исследовании природы и механизмов образования сновидений Фрейд высказал соображения, что сновидение и галлюцинацию можно

рассмотреть в качестве проекции нереализованных желаний человека на внешний мир. Наряду с подобным пониманием проективные механизмы сновидения воспринимались им под углом зрения смещения, перемещения акцента со значительных элементов на менее важные. В результате этого происходило искажение содержания сновидения, несовпадение его скрытых мыслей с явным текстом, картинкой, изображением того, что оказывалось в поле внимания сновидящего.

В работе «Психопатология обыденной жизни» (1901) основатель психоанализа обратился к феномену проекции, с помощью которого попытался раскрыть психологические корни суеверия. Он предположил, что суеверный человек проецирует наружу мотивировку своих собственных случайных действий вместо того, чтобы находить ее внутри себя. На этом основании Фрейд пришел к выводу, что значительная доля мифологического миросозерцания, простирающегося и на новейшие религиозные течения, представляет собой не что иное, как проецированную во внешний мир психологию.

Аналогичный взгляд на проекцию нашел отражение и в его работе «Тотем и табу» (1913), в которой он утверждал, что анимизм был естественным миросозерцанием для примитивного человека, проецирующего во внешний мир структурные условия своей души. В данной работе Фрейд провел параллель между проекцией чувств человека, находящей отражение в религии, и сходным процессом, наблюдаемым у параноика. Фрейд опирался на историю, относящуюся к воспоминанию председателя судебной коллегии Пауля Шребера и рассмотренную основателем психоанализа в его работе «Психоаналитические заметки об одном биографически описанном случае паранойи (Dementia paranoids)» (1911). Фрейд отметил, что воспринимаемые примитивным человеком духи и демоны представляют собой не что иное, как проекцию его чувств: объекты привязанностей своих аффектов он превращает в лиц, населяет ими мир и снова находит вне себя свои внутренние душевные процессы. Совершенно так же, как остроумный параноик Шребер, который находил отражение своих привязанностей и освобождение своего либидо в судьбах скомбинированных им «божественных лучей».

В работе «Тотем и табу» содержится и такое представление о проекции, которое соотносится с запретами табу как вторичными явлениями, образовавшимися в результате сдвига и искажения. При этом проекция рассматривается Фрейдом не столько как перенесение внутреннего неудовлетворения во внешний мир, сколько как смещение чувств и переживаний человека с одного внешнего объекта на другой. В качестве иллюстрации данного психического процесса он привел пример сдвига запрещения, почерпнутого им из клинической практики: пациентка требует, чтобы купленный мужем предмет домашнего обихода был удален, так как он делает «невозможным» помещение, в котором она живет; она слышала, что этот предмет был куплен в лавке, находящейся на улице, имеющей название Оленья; фамилию Олень носит ее бывшая подруга, которая живет в другом городе и которую она в молодости знала под девичьей фамилией; теперь эта подруга, с которой пациентка не хочет иметь никаких отношений, для нее «невозможна» — то есть табу, и купленный мужем предмет домашнего обихода — тоже табу.

В «Лекциях по введению в психоанализ» (1916–1917) Фрейд дал краткое описание истории болезни женщины, проективная деятельность которой привела к возникновению бреда ревности. В его интерпретации бессознательная влюбленность

53-летней порядочной женщины и хорошей матери в молодого человека, ее зятя, оказалась для нее столь тяжким грузом, что это обернулось бредовой ревностью. С помощью механизма смещения фантазия о неверности мужа стала охлаждающим компрессом для ее переживания. Преимущества бреда ревности доставили ей облегчение, которое было достигнуто в форме проекции своего собственного состояния на мужа. Тем самым Фрейд как бы эмпирически подтверждал ранее высказанное им в работе «Тотем и табу» предположение, что склонность к проецированию душевных процессов вовне усиливается там, где проекция дает преимущества в виде душевного облегчения. Такое преимущество, как он полагал, с полной определенностью можно ожидать в случае, когда душевные движения вступают в конфликт. Тогда болезненный процесс пользуется механизмом проекции, чтобы освободиться от подобных конфликтов, разыгрывающихся в душевной жизни.

Фрейд утверждал также, что проекция возникает и там, где нет никаких конфликтов. Внутренние восприятия могут проецироваться вовне с целью образования внешнего мира. Так, примитивные люди посредством проекции внутренних восприятий вовне создали картину внешнего мира, которую с позиций окрепшего восприятия сознания необходимо перевести обратно на язык психологии.

В некоторых работах Фрейд рассматривал проекцию в качестве процесса, противоположного интроекции. Такое понимание проекции связывалось им с восприятием человеком хорошего и плохого, полезного и вредного. Так, в статье «Отрицание» (1925) он соотносил интроекцию с желанием человека внести, вобрать в себя все хорошее, полезное, а проекцию — со стремлением выделить, избавиться от всего плохого и вредного. В первом случае нечто должно быть внутри человека, во втором — вне его. По словам Фрейда, первоначальное ощущение удовольствия Я стремится все хорошее интроецировать, а все плохое отбросить от себя прочь. Подобное понимание проекции было фактически дальнейшим развитием взглядов основателя психоанализа, нашедших свое отражение в его статье «Влечения и их судьбы» (1915), в которой была высказана мысль, что все плохое и чуждое для Я ассоциируется с чем-то находящимся вовне.

Те или иные аспекты фрейдовского понимания проекции получили свою дальнейшую разработку в исследованиях ряда психоаналитиков. Так, М. Кляйн через призму проекции и интроекции рассматривала двойственное отношение ребенка к своему первичному объекту. Она полагала, что младенец проецирует свои любовные импульсы и приписывает их удовлетворяющей (хорошей) груди точно так же, как он приписывает фрустрирующей (плохой) груди проецируемые на нее деструктивные импульсы. В этом отношении картина внешнего и переведенного во внутренний план объекта в психике ребенка расценивалась ею как искаженная фантазиями, непосредственно связанными с проецированием его импульсов на объект.

Если М. Кляйн придерживалась точки зрения, согласно которой проекция и интроекция являются процессами, способствующими различению внешнего и внутреннего и, следовательно, развитию Я, то А. Фрейд относила проекцию и интроекцию к тому периоду, когда Я уже отдифференцировалось от внешнего мира. Исследуя различные механизмы защиты Я, она рассматривала проекцию в качестве одного из важных защитных способов, используемых человеком при попытках разрешения его внутрипсихических конфликтов.

Для К. Хорни проекция была частным случаем экстернализации, то есть тенденции так воспринимать внутренние процессы, как если бы они находились вне

Имена

Карен Хорни (1885–1952) — американский психоаналитик. Родилась в Гамбурге, окончила медицинский факультет Берлинского университета. Под влиянием лекций К. Абрахама проявила интерес к психоанализу. Прошла личный анализ у К. Абрахама и Г. Закса. Была одним из первых сотрудников Берлинского института психоанализа. В 1932 году по приглашению директора Чикагского института психоанализа Ф. Александера переехала в США. В 1934 году поселилась в Нью-Йорке, где разрабатывала собственные концепции, связанные с реформированием классического психоанализа, за что в 1941 году была исключена из Американской психоаналитической ассоциации. Создала альтернативную Ассоциацию развития психоанализа. Автор ряда статей по психологии женщины, а также книг «Невротическая личность нашего времени» (1937), «Новые пути в психоанализе» (1939), «Самоанализ» (1942), «Наши внутренние конфликты» (1945). «Невроз и развитие личности» (1950).

человека. Проекция соотносилась ею с объективированием имеющихся у человека трудностей. С ее точки зрения, экстернализация различных черт человека может осуществляться посредством простой проекции, то есть в форме восприятия их как принадлежащих другим людям или посредством перекладывания ответственности за них на других людей. Хорни считала, что в ряде случаев проекция позволяет человеку отреагировать на свои агрессивные наклонности, не осознавая их и поэтому не сталкиваясь лицом к лицу со своими конфликтами. В ее понимании, в качестве побочной функции проекция может служить потребности в самооправдании: не сам индивид испытывает желание красть, обманывать, унижать, но другие хотят сделать это по отношению к нему.

Обращая внимание на проекцию как на один из механизмов защиты, Хорни высказывала пожелание быть особенно внимательным к поискам факторов, которые проецируются. Если, например, пациент полагает, что аналитик не любит его, то, по ее мнению, это чувство может быть проекцией нелюбви пациента к аналитику. Но может быть также проекцией его нелюбви к самому себе или может вообще не являться проекцией, а служить оправданием тому, что пациент не вступает в эмоциональный контакт с аналитиком, исходя из опасения угрозы его независимости. Кроме того, Хорни предупреждала об опасностях (неправильное истолкование, возможные ошибки), которые подстерегают аналитика, осуществляющего проекции в мир пациента.

Наряду с проекцией психоаналитики уделяют важное внимание и интроекции.

Интроекция — процесс включения внешнего мира во внутренний мир человека. В классическом психоанализе под интроекцией понимается процесс установления таких отношений между человеком (субъектом) и другим человеком или предметом, на который направлен его интерес (то есть объектом), при которых свойства и качества объекта переносятся субъектом внутрь.

Термин «интроекция» был введен в психоаналитическую литературу одним из сподвижников Фрейда венгерским психоаналитиком Ш. Ференци, опубликовавшим

в 1909 году работу «Интроекция и перенесение» и статью «К определению понятия интроекции» (1912). Он описывал интроекцию как распространение аутоэротического интереса на внешний мир путем «втягивания» его объектов в Я.

Интроекция противопоставляется проекции как процессу вынесения человеком своих собственных чувств и внутренних побуждений вовне. При проекции субъект наделяет объект теми свойствами и качествами, которыми обладает сам. При интроекции человек как бы вбирает в свою психику представления о части внешнего мира, превращает их в объект бессознательного фантазирования. Он наделяет самого себя свойствами и качествами воображаемого объекта, идентифицирует (отождествляет) себя с этим объектом, думает и действует с оглядкой на внутренний образ, возникший в результате интроекции.

Если параноик проецирует вовне из своего Я возможно бóльшую часть внешнего мира и делает его сюжетом бессознательных фантазий, то невротик, как считал Ференци, озабочен поиском объектов, которые он мог бы втянуть, вовлечь, интроецировать в круг своих интересов. Невротическая интроекция рассматривалась Ференци как крайний вид психического процесса, встречающегося у каждого нормального человека.

В содержательном плане процессы идентификации и интроекции выступали у Ференци как однозначные. С точки зрения Фрейда, интроекция тесно связана с идентификацией как одной из форм эмоциональной связи человека с объектом своего внимания. В процессе идентификации человек стремится быть похожим на того, к кому испытывает особые чувства привязанности, будь то любовь, обожание, поклонение. Благодаря интроекции человек как бы превращается в тот объект, с которым он себя идентифицирует.

Человек может утратить объект своей привязанности. Однако интроекция этого объекта внутрь самого себя оказывает соответствующее воздействие на его поведение. Особенно наглядно этот процесс можно наблюдать на примере маленьких детей. В игровой форме дети часто отождествляют себя с каким-либо животным. Они говорят своим родителям или сверстникам, например: «Я — лошадка», «Я — щенок». При этом дети подражают тому или иному животному, принимают характерные для них позы, издают соответствующие звуки.

Аналогичные картины подражания животным, отождествления себя с ними могут наблюдаться не только в процессе детской игры. Ребенок вполне серьезно может включить в себя любимый, но в силу различных обстоятельств жизни утраченный объект своей привязанности. В одной из своих работ Фрейд привел в качестве примера наблюдение, описанное в психоаналитическом журнале. Речь шла о ребенке, который сильно переживал по поводу утраты любимого котенка. Это переживание привело к тому, что ребенок не только отождествил себя с котенком, но и всем своим поведением показывал, что он теперь стал этим котенком. Ребенок капризничал, не хотел есть за столом, ползал на четвереньках.

Интроекция объекта субъектом свойственна не только детям, но и взрослым. Типичным примером может служить меланхолия взрослого человека, считающего реальную или воображаемую потерю любимого объекта причиной своего подавленного состояния. В этом случае человек упрекает самого себя за то, что произошла утрата объекта. Он обвиняет себя во всевозможных грехах, унижает собственное Я. Тень объекта, по выражению Фрейда, оказывается отброшенной на Я человека. Интроекция объекта проявляется в явной форме.

Благодаря интроекции в психике человека возникают различные представления и образы, оказывающие воздействие на его жизнедеятельность. Эти образы и представления становятся неотъемлемой частью человека, превращаются в идеал Я или Сверх-Я.

В классическом психоанализе понятия идеала Я и Сверх-Я тесно связаны с интроекцией. Объект привязанности вбирается внутрь психики человека, становится на место его Я. Он оказывается не только включенным во внутренний мир человека, но и активно действующим в качестве некоего идеала или инстанции, контролирующей его мысли и поведение. Прежние отношения между внешним объектом и человеком перерастают в отношения между образовавшимся в результате интроекции идеалом Я и Я, ставшим объектом воздействия со стороны этого идеала. Внутренний мир человека, его психика становятся ареной противостояния различных сил.

Процесс интроекции приводит к изменениям в психике человека. Его Я как бы расщепляется на две части. Одна из них включает в себя потерянный объект. Другая, олицетворяющая собой, с точки зрения Фрейда, критическую инстанцию или совесть, становится особенно беспощадной по отношению к первой части Я. Между обеими частями Я возникает конфликт, обострение которого может привести к психическому расстройству.

Стремление к включению большей части внешнего мира в свое собственное Я особенно характерно для невротика. Вобрав внешний мир внутрь самого себя, невротик делает его объектом своих многочисленных фантазий.

Проблема интроекции обсуждалась в работах К. Абрахама, М. Кляйн, А. Фрейд и других психоаналитиков. Так, Кляйн выдвинула представления об орально-садистской интроекции груди, о взаимодействии с самого начала жизни ребенка интроекции и проекции, об интроекции преследующего объекта, определенной проекцией деструктивных импульсов на этот объект. Ею была высказана также мысль о реинтроекции: реинтроекция плохого объекта подкрепляет остроту страха, боязни внешних или внутренних преследователей; реинтроекция хорошего объекта ослабляет тревогу преследования.

В современном психоанализе рассмотрению процесса интроекции также уделяется определенное внимание. В частности, С. Блатт поднял вопрос о необходимости исследования различных форм младенческой депрессии, включая интроективную, что нашло отражение в его статье «Уровни объектной репрезентации в анаклитической интроективной депрессии» (1974).

Изречения

З. Фрейд: «Проекция внутренних восприятий вовне является примитивным механизмом, которому, например, подчинены восприятия наших чувств, который, следовательно, при нормальных условиях принимает самое большое участие в образовании нашего внешнего мира».

З. Фрейд: «Проекция бессознательной враждебности при табу покойников представляет собой только один пример из целого ряда процессов, которым приходится приписать громаднейшее влияние на весь склад душевной жизни примитивного человека. В рассматриваемом случае проекция служит разрешению конфликта чувств; такое же применение она находит при многих психических ситуациях, ведущих к неврозу».

К. Хорни: «В качестве побочной функции проекция также служит потребности самооправдания».

К. Хорни: «Работая с пациентом, аналитику приходится проецировать себя в особый мир, с присущими ему свойствами и законами. И здесь имеется значительная опасность того, что он что-то неправильно истолкует, ошибется, возможно, даже нанесет определенный вред — не по злой воле, а по невнимательности, по незнанию или из самомнения».

Ш. Ференци: «Если параноик выталкивает из своего Я влечения, ставшие неприятными, то невротик помогает себе другим способом: он принимает в свое Я какую-то, по возможности бóльшую, часть внешнего мира и делает его предметом бессознательной фантазии. Это есть своего рода процесс разжижения Я его внешними элементами. С помощью этого механизма смягчается острота свободно блуждающих, неудовлетворительных бессознательных влечений. В противоположность проекции этот механизм можно назвать *интроекцией*».

Ш. Ференци: «У здорового бóльшая часть его интроекций протекает сознательно, в то время как у невротика они в большинстве случаев вытеснены, изживаются в бессознательных фантазиях и опытный врач может узнать о них только косвенным, символическим образом».

М. Кляйн: «Интроекция хорошего объекта стимулирует проекцию хороших чувств наружу, а это, в свою очередь, стимулирует повторную интроекцию и через нее укрепляет ощущения обладания хорошим внутренним объектом».

Интернализация и экстернализация

Интернализация (интериоризация) — в широком смысле — процесс, благодаря которому объекты внешнего мира становятся достоянием живого организма; в узком смысле — ряд психических процессов, посредством которых взаимоотношения с реальными или воображаемыми объектами преобразуются во внутренние представления и структуры.

Вошедшие в психоаналитическую литературу термины «интернализация» и «интериоризация» (*нем.* Verinnerlichung) являются кальками иностранных слов — английского *internalization* и французского *interiorisation*. Оба понятия используются для обобщенного описания процессов поглощения, интроекции и идентификации, посредством которых межличностные отношения становятся внутриличностными, воплощенными в соответствующие образы, функции, структуры, конфликты.

В отечественной психоаналитической литературе нет однозначного термина, передающего точный смысл немецкого *Verinnerlichung*. По смыслу, пожалуй, ближе всего подходит термин «овнутрение». Не исключено, что со временем российские психоаналитики и переводчики придут к единому мнению относительно целесообразности использования того или иного термина. Однако пока в российских изданиях фигурируют термины «интернализация» и «интериоризация».

Интернализация (интериоризация) представляет собой первичный процесс овнутрения отношений ребенка с внешними объектами, способствующий его пси-

хическому развитию. Благодаря этому процессу у ребенка развивается способность к присвоению функций, осуществляемых другими людьми (родителями, старшими братьями или сестрами, воспитателями), и последующему овладению ими. Посредством этого процесса ребенок овладевает языком, культурными ценностями, символикой. По мнению М. Кляйн, интернализация способствует возникновению Сверх-Я. Интроекция и проекция тесно связаны с фантазматической жизнью ребенка, со всеми его эмоциями, а интернализированные хорошие и плохие объекты инициируют развитие Сверх-Я.

В современной психоаналитической литературе ведутся дискуссии по поводу того, являются ли поглощение, интроекция и идентификация различными ступенями, уровнями интернализации (интериоризации), имеют ли они какую-либо иерархию или все эти процессы идентичны, осуществляются параллельно друг другу. Обсуждение этих и других вопросов, связанных с пониманием данного феномена, сопровождается рассмотрением связей между интернализацией, плачем ребенка и образованием Сверх-Я (Г. Лёвальд), интернализацией и объектными отношениями (У. Мейснер), интернализацией и психическим развитием человека на протяжении жизненного цикла (Р. Берендс и Э. Блатт).

Наряду с интернализацией психоаналитики уделяют значительное внимание проблемам экстернализации.

Экстернализация — один из механизмов защиты, находящий выражение в стремлении человека воспринимать внутрипсихические процессы, силы и конфликты как протекающие вне его и являющиеся внешними по отношению к нему. Понятие «экстернализация» было использовано К. Хорни для описания тенденции ухода человека от реального Я и возложения ответственности за собственные трудности на внешние факторы и обстоятельства жизни. В работе «Наши внутренние конфликты» (1945) она рассмотрела феномен экстернализации как одну из попыток разрешения конфликтной ситуации, к которой может прибегать невротик. Под экстернализацией Хорни понимала попытку человека покинуть территорию своего Я, когда расхождение между реальным Я и идеализированным образом становится непереносимым, а опора на собственные силы внутри себя оказывается проблематичной. В этом случае человеку не остается ничего другого, как убежать от своего Я и воспринимать все происходящее, как если бы оно имело место вне его.

Экстернализация напоминает собой проекцию, означающую перенесение вины и ответственности за отвергаемые человеком в себе качества или наклонности на других людей. Вместе с тем экстернализация охватывает более широкий круг явлений, так как, по мнению Хорни, на других людей переносятся не только собственные недостатки, но и все чувства. Так, человек может чувствовать, что кто-то сердится на него, в то время как в действительности это он сердится на самого себя. Он может эмоционально воспринимать отчаяние других людей, но не ощущать собственное отчаяние. Человек может ощущать пустоту в своем желудке и пытаться избавиться от нее путем навязчивого поглощения пищи, хотя в реальности речь идет об его эмоциональной пустоте, которую он не ощущает.

Прибегающий к экстернализации человек приобретает те характерные черты, которые были обозначены Юнгом как экстраверсия. Но если Юнг рассматривал экстраверсию в качестве одностороннего развития конституциональных по своей природе наклонностей, то Хорни видела в ней результат попытки устранить нерешенные конфликты посредством экстернализации.

Согласно Хорни, вследствие экстернализации наблюдаются:

- зависимость от других людей;
- чрезмерная зависимость от внешних обстоятельств;
- ощущение чего-то мелкого, поверхностного; гложущее чувство пустоты.

Экстернализация может сопровождаться презрением человека к себе, принимающим форму презрения к другим людям или ощущения, что они смотрят с презрением на него. Она может выражаться в форме гнева человека на себя, проявляющегося, по мнению Хорни, тремя основными способами:

1) гнев, изливаемый вовне, направленный на других людей в форме общей раздражительности или по отношению к конкретным недостаткам, которые человек ненавидит в себе;
2) гнев, ощущаемый в виде сознательного или бессознательного страха или ожидания, что непереносимые для самого человека недостатки вызовут гнев у других людей;
3) гнев, выступающий в форме сосредоточения на телесных расстройствах (головные боли, усталость, расстройства кишечника, ревматизм и другое).

К различным видам экстернализации относятся также внутреннее принуждение в форме оказания давления на других людей, то есть навязывание им стандартов, которые терзают самого человека, и внутренний диктат в форме сверхчувствительности ко всему во внешнем мире, что напоминает принуждение. Подобная экстернализация часто оказывает значительное влияние на взаимоотношения между пациентом и психоаналитиком. С одной стороны, психоаналитик пытается осуществить такие изменения в пациенте, которые способствовали бы его выздоровлению. С другой стороны, пациент склонен настаивать на необоснованности любого высказываемого аналитиком предположения, поскольку, не зная того, что он мучается от внутреннего принуждения, пациент противится любому идущему извне намерению изменить его. Вот почему психоанализ пациента с сильной тенденцией к экстернализации представляет значительные трудности. Такой пациент оказывается не в состоянии применить к своей жизни достигнутое им осознание, и, несмотря на возросшее знание о себе в процессе аналитической терапии, он почти не меняется.

Тенденция к экстернализации находит свое отражение в сновидениях. Так, попытка отрицания внутреннего конфликта и приписывание его какому-либо внешнему фактору может реализовываться в сновидении в форме того, что сновидящий видит сюжеты, связанные с различными препятствиями, мешающими достичь желанную цель (например, перед ним захлопывается дверь, через которую он хочет пройти), или образ психоаналитика, выступающий в качестве насильника, злодея, тюремщика.

С точки зрения Хорни, высказанной в ее работе «Невроз и развитие личности» (1950), можно выделить три пути, которыми экстернализация способна исказить внутреннее видение других людей. Во-первых, искажение может быть результатом наделения других неприсущими им чертами, когда невротик может видеть в других абсолютно идеальных, богоподобных людей или, напротив, презренных и виновных. Во-вторых, экстернализация может делать человека слепым к существующим достоинствам и недостаткам других людей, когда, например, человек не видит в них очевидных намерений эксплуатировать и обманывать или не в состоянии признать

в них дружелюбие и преданность. В-третьих, экстернализация может делать человека проницательным по отношению к определенным качествам, которые действительно существуют у других людей. Но эта проницательность сводит на нет данные качества, так как обладающий ими индивидуум превращается в символ экстернализированной тенденции, в результате чего общий взгляд на данного индивидуума становится настолько односторонним, что приводит к искажению восприятия его как личности.

Экстернализация, по словам Хорни, является «активным процессом самоустранения». Она возможна как результат отчуждения человека от собственного Я, отчуждения, имеющего место в невротическом процессе. Благодаря самоустранению внутренние конфликты не осознаются человеком. Наполняя человека упреками, укоризной, подозрительностью, мстительностью, страхом, экстернализация заменяет внутренние конфликты внешними. Словом, экстернализация крайне углубляет тот конфликт, который послужил первоисточником, приведшим в действие весь невротический процесс. То есть конфликт между индивидуумом и внешним миром.

Задача психоанализа состоит в том, чтобы вместо экстернализации пациент оказался способным увидеть собственную роль в своих трудностях и, соответственно, стать менее уязвимым, требовательным, наполненным страхом.

В современной психоаналитической литературе важное внимание уделяется рассмотрению различных форм и типов экстернализации. В одних психоаналитических исследованиях (Дж. Новик и К. Келли) подчеркивается необходимость проведения разграничений между защитной экстернализацией, связанной с проекцией собственных качеств человека на других людей, и генерализацией, благодаря которой у ребенка складывается впечатление о тождественности восприятия окружающего мира им и остальными людьми. В других (М. Берг, Дж. Новик) высказываются соображения о важности изучения феномена экстернализированного переноса в аналитическом процессе, когда пациент приписывает аналитику свои собственные желания, фантазии, страхи, запреты.

Изречения

М. Кляйн: «На мой взгляд, Сверх-Я начинает создаваться наиболее ранними процессами интроекции и постепенно достраивается хорошими и плохими фигурами, интернализированными в любви и ненависти на различных этапах развития и постепенно ассимилированными и интегрированными Я».

М. Кляйн: «Тревога, связанная с нападением интернализированных объектов — прежде всего частичных объектов, — является, на мой взгляд, базисом для ипохондрии».

К. Хорни: «Чем более радикальной является экстернализация, тем сильнее невротик становится похожим на собственный призрак и тем меньше он способен на что-либо, кроме как плыть по течению».

К. Хорни: «Экстернализация принуждения, бессознательно налагаемого человеком на самого себя, является одним из источников, который не столь заметен и который часто упускают из виду в психоанализе».

Нарциссизм

Нарциссизм — любовь к собственному образу, к самому себе, болезненная самовлюбленность.

Понятие «нарциссизм» было введено в научную литературу английским ученым Х. Эллисом, который в работе «Аутоэротизм: психологическое исследование» (1898) описал одну из форм извращенного поведения, соотнесенную им с мифом о Нарциссе. Согласно этому мифу, отличавшийся необычной красотой юноша Нарцисс отвергал всех женщин, добивавшихся его расположения и любви. Когда одна из отвергнутых им (нимфа Эхо) умерла от разбитого сердца, богиня правосудия Немезида решила наказать Нарцисса: увидев свое отражение в воде озера, юноша настолько влюбился в него, что, будучи не в состоянии оторваться от созерцания собственного образа, умер от любви к себе.

В психоанализе термин «нарциссизм» был использован Фрейдом в 1910 году для характеристики процессов либидо, направленных не на другие сексуальные объекты, а на собственное Я. По словам основателя психоанализа, понятие нарциссизма было заимствовано им из описанного П. Некке в 1899 году извращения, при котором взрослый человек дарит собственному телу все нежности, обычно проявляемые по отношению к другому сексуальному объекту (данное понятие использовалось Некке при рассмотрении представлений Эллиса о соответствующем извращении).

К тому времени в психоанализе возникли представления, связанные с отсутствием привязанности либидо к сексуальным объектам в случае шизофрении. В 1908 году после обмена мнениями с Фрейдом немецкий психоаналитик К. Абрахам высказал идею, что либидо слабоумных отворачивается от объектов и обращается на Я, что может стать источником бреда величия при шизофрении.

Отталкиваясь от фиксации либидо на собственной личности больных, Фрейд стал использовать термин «нарциссизм» не только для характеристики болезненного отношения человека к своему собственному телу как сексуальному объекту, но и в более широком смысле, имеющем отношение к его нормальному сексуальному развитию. В работе «Три очерка по теории сексуальности» (1905) он показал, что инфантильные сексуальные влечения сначала удовлетворяются на собственном теле, то есть аутоэротически, и что способность к аутоэротизму — характерная черта детской сексуальности. Впоследствии с введением в научный оборот термина «нарциссизм» Фрейд пришел к выводу, что аутоэротизм — сексуальное проявление нарциссической стадии размещения либидо.

В работе «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии» (1913) основатель психоанализа отметил, что развитие психоанализа привело к необходимости разложить стадию аутоэротизма на две, одну из которых можно назвать «стадией нарциссизма». Наряду с этим, он предпринял попытку связать с нарциссизмом обнаруженную у примитивных людей и невротиков высокую оценку психических актов. По его мнению, в обоих случаях психическим следствием чрезмерной оценки оказывается всемогущество мыслей или интеллектуальный нарциссизм. Если во всемогуществе мыслей психоаналитик в состоянии видеть доказательство нарциссизма у примитивных народов, то он может решиться на смелую попытку провести параллель между ступенями развития человеческого миросозерцания и стадиями либидозного развития отдельного индивида. Предприняв такую попытку, основа-

Имена

Карл Абрахам (1877–1925) — немецкий психоаналитик. В 1901 году получил докторскую степень по медицине. Работал в Берлинской психиатрической лечебнице, затем — в психиатрической клинике Бургельцли (Швейцария), где заинтересовался психоаналитическими идеями. В 1907 году познакомился с Фрейдом и возвратился в Берлин.

В 1910 году организовал и возглавил Берлинское психоаналитическое общество. В 1911 году впервые в Германии прочитал курс лекций по психоанализу. В 1914 году был избран президентом Международной психоаналитической организации. В 1920 году — один из основателей Берлинского психоаналитического института и психоаналитической поликлиники. У него проходили учебный анализ Х. Дойч, М. Кляйн, Ш. Радо, Т. Райк, К. Хорни и другие психоаналитики. Осуществил исследование отношений между сексуальностью и алкоголизмом, печалью и меланхолией, ранних догенитальных стадий развития либидо.

Одним из первых внес лепту в становление неклинического прикладного психоанализа. Автор работ «Сон и миф. Очерки по психологии народов» (1909), «Джованни Сегантини. Психоаналитический этюд» (1911), «Аменхотеп IV. Психоаналитический вклад в понимание его личности и монотеистического культа Атона» (1912) и других.

тель психоанализа выдвинул идею, что анимистическая фаза соответствует в таком случае нарциссизму; религиозная форма — ступени любви к объекту, характеризуемой привязанностью к родителям; а научная фаза — состоянию зрелости индивида, отказывающегося от принципа удовольствия, ищущего свой объект во внешнем мире и приспосабливающегося к реальности.

В работе «О нарциссизме» (1914) Фрейд выдвинул предположение, что проявления либидо, заслуживающие названия нарциссизма, свойственны нормальному сексуальному развитию человека. Он также высказал соображение, что нарциссизм не является перверсией и может быть рассмотрен в качестве либидозного дополнения к эгоизму инстинкта самосохранения. Тем самым в психоанализе был поднят вопрос о необходимости признания того, что было названо Фрейдом первичным нормальным нарциссизмом.

С этой точки зрения в классическом психоанализе признавались две формы нарциссизма: *первичный нарциссизм*, связанный с проявлением сексуальности ребенка, направленной на самого себя, и *вторичный нарциссизм*, соотнесенный с направленностью сексуальности взрослого человека на собственное Я. Фрейд утверждал, что первичный (первоначальный) нарциссизм ребенка имеет решающее значение для понимания развития его характера и исключает допущение у него примитивного чувства малоценности. Наряду с таким пониманием нарциссизма он различал Я-либидо (нарциссическое либидо) и объект-либидо, считая, что первоначально оба вида энергии слиты воедино, находятся в состоянии нарциссизма. И только с наступлением привязанности к объектам открывается возможность отделения сексуальных влечений от влечений Я.

Обращаясь к рассмотрению нарциссизма, Фрейд провел различие между этим явлением и эгоизмом. Для него нарциссизм — это либидозное дополнение эгоизма.

Если эгоизм чаще всего выступает в качестве постоянного элемента развития человека, то нарциссизм представляет собой переменный элемент. В отличие от эгоизма, который не включает в себя либидо, нарциссизм имеет либидозную окраску, независимо от того, направлена сексуальность на объекты или на собственное Я.

Фрейд исходил из того, что переход объект-либидо в Я-либидо можно рассматривать в качестве нормального явления, как это происходит, например, во время сна. После завершения сна Я-либидо совершенно безболезненно переходит в объект-либидо. Но если в результате действия какого-либо энергичного процесса сексуальность как бы насильно отнимается у объекта, то, оказавшись нарциссическим, либидо может не найти обратную дорогу к объекту. В этом случае возможно нарушение подвижности либидо, в результате чего оно может стать патогенным. Фиксация либидо, ведущая к образованию симптома, оказывается на более ранних стадиях психосексуального развития, чем это обычно случается при истерии и неврозе навязчивых состояний. Можно было бы сказать, что фиксация либидо происходит на стадии примитивного нарциссизма. Конфликт разыгрывается между сексуальными влечениями и влечениями Я, но на ином уровне. И в этом случае можно говорить о нарциссическом неврозе.

С различением объект-либидо и Я-либидо, с уделением внимания влечениям Я психоанализу открылся путь к изучению нарциссических неврозов. Это предполагало развертывание психоаналитической работы в двух направлениях. С одной стороны, появилась возможность более глубокого понимания динамики развития психических процессов, ведущих к образованию нарциссических неврозов; возможность исследования различных форм нарциссических заболеваний, включая манию величия и бред преследования. С другой стороны, появилось осознание того, что психология Я недостаточно изучена с точки зрения психоанализа. Следовательно, необходимо заполнить ту брешь, которая образовалась в результате большего крена исследования в сферу вытесненного бессознательного.

Все это позволило внести новые концептуальные разработки, будь то понятие «нарциссической идентификации» (объект влечения воздвигнут в самом Я, как бы спроецирован на него) или представление о различных составляющих частях Я.

Выявление процесса нарциссической идентификации с неизбежностью привело к постановке вопроса об изучении того, как и каким образом в самом Я возникает объект, на который направляется либидо; почему и в силу каких причин Я становится объектом агрессии, ненависти, мстительности. Так, исследование меланхолии показало, что ожесточение против сексуального объекта переносится на собственное Я человека, в результате чего он может истязать самого себя вопросами: в чем виноват, что сделал неправильно, какие грехи совершил. И хотя в этом случае нарциссизм человека менее заметен, в отличие от нарциссизма тщеславного человека, тем не менее он лежит в основе меланхолии, физической или моральной ипохондрии. Подобный тип нарциссизма, характеризующийся чувствами собственной недостаточности и самообвинениями, был назван Абрахамом *негативным нарциссизмом*. При негативном нарциссизме человек, как правило, недооценивает все то, что исходит от него.

Представление Фрейда о различных частях Я привело не только к топическому взгляду на психику с определением местоположения сознания, предсознательного и вытесненного бессознательного, но и к структурному пониманию психики.

В этом случае в поле зрения аналитика оказываются такие бессознательные процессы и конфликты, которые связаны с деятельностью некой наблюдающей инстанции в Я, функционирующей в качестве Я-идеала, совести. С точки зрения Фрейда, нарциссизм оказывается перенесенным именно на идеальное Я: человек не хочет поступиться нарциссическим совершенством своего детства и по прошествии времени, с возрастом ставит перед самим собой его как идеал и тем самым как бы возмещает утерянный нарциссизм детства.

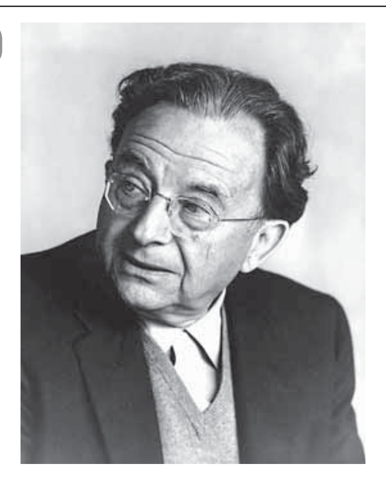
Фрейд уделял значительное внимание изучению неврозов перенесения, на основе которых оттачивалась психоаналитическая техника их лечения. Полагая, что нарциссические неврозы едва ли проницаемы для психоаналитической техники при изучении неврозов перенесения, он считал необходимым внести должные изменения в технические методы с целью аналитического лечения нарциссических заболеваний. В дальнейшем, по мере развития теории и практики психоанализа некоторые психоаналитики, в частности О. Кернберг, Х. Кохут и другие, стали уделять большее внимание, чем Фрейд, изучению и лечению нарциссических неврозов. Наряду с разработкой техники лечения нарциссических заболеваний были пересмотрены также и фрейдовские представления о нарциссизме.

Так, признавая заслуги Фрейда в привлечении внимания аналитиков к проблеме нарциссизма, Э. Фромм выдвинул свое понимание нарциссизма. Оно выходило за рамки рассмотрения этого явления через призму сексуального влечения человека, как это имело место у основателя психоанализа. В его представлении, нарциссический человек не обязательно должен делать предметом своего нарциссизма всю личность. Часто нарциссическую окраску приобретают отдельные аспекты личности, включая физические способности, интеллигентность, остроумие, честь. Иногда нарциссизм относится к таким качествам, которыми нормальный человек не гордится, например боязливость. Словом, для нарциссического человека каждое из этих частных свойств, образующих его Самость, может быть объектом нарциссизма.

В работе «Душа человека» (1964) Фромм показал, что, подобно половому инстинкту и инстинкту самосохранения, нарциссизм выполняет важную биологическую функцию. Вместе с тем нарциссизм делает человека асоциальным, а в экстремальных случаях ведет его к душевному заболеванию. Получается своего рода парадокс: нарциссизм необходим для сохранения жизни и одновременно представляет собой угрозу для ее сохранения. Решение этого парадокса представлялось Фромму возможным посредством рассмотрения того, что он назвал оптимальным и максимальным нарциссизмом.

Особым объектом рассмотрения Фромма стала патология нарциссизма, связанная с потерей человеком рационального суждения (все, что принадлежит ему, переоценивается, все, что находится вне его самого, недооценивается), с эмоциональной реакцией на критику объекта нарциссизма (озлобленность, взрывная ярость или депрессия), с одержимостью манией величия (потребность переделывать мир под себя, таким образом, чтобы он соответствовал собственному нарциссизму). В нарциссизме Фромм различал две формы — доброкачественную (объектом нарциссизма является результат собственных усилий) и злокачественную (предметом нарциссизма служит не то, что человек делает или производит, а то, что он имеет, например собственное тело, внешний вид, богатство). В доброкачественной форме нарциссизма присутствует элемент коррекции, в злокачественной — он отсутствует.

Имена

Эрих Фромм (1900–1980) — известный психолог, философ и психоаналитик, сторонник гуманистического психоанализа. В 1922 году окончил Гейдельбергский университет, стал доктором философии. В 1923–1924 годах прошел курс психоанализа в Берлинском психоаналитическом институте, стал практикующим психоаналитиком. В 1926 году завершил обучение в аспирантуре Мюнхенского университета. В 1929–1932 годах — сотрудник и руководитель отдела социальной психологии Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне. После эмиграции в США в 1933 году на протяжении нескольких лет работал в Институте социальных исследований в Нью-Йорке и в Институте психиатрии им. У. Уайта, преподавал в Колумбийском и Йельском университетах, работал практикующим аналитиком. В 1951–1967 годах жил в Мексике, возглавлял Институт психоанализа Национального университета в Мехико.

Отталкиваясь от идей Фрейда и Маркса, пересмотрел некоторые концепции классического психоанализа и предложил свое понимание природы человека и причин возникновения психических заболеваний, свободы и механизмов бегства от нее, социального бессознательного и социального характера. Автор работ «Бегство от свободы» (1941), «Человек для себя» (1947), «Здоровое общество» (1955), «Искусство любить» (1956), «Вне цепей иллюзий» (1962), «Душа человека» (1964), «Революция надежды» (1968), «Анатомия человеческой деструктивности» (1973), «Иметь или быть» (1976) и других.

Проводя различие между индивидуальным и общественным (групповым) нарциссизмом, Фромм рассмотрел социологические функции последнего, связанные с доброкачественными и злокачественными его формами. Потребность осуществлять созидательные действия заставляет выйти за пределы узкого круга интересов группы, что сопровождается развитием доброкачественного нарциссизма. Если же объектом группового нарциссизма является сама группа (ее блеск, слава, прежние достижения), то постоянное возрастание нарциссического ориентирования ведет к развитию злокачественной формы. Как и при индивидуальном нарциссизме, симптомом патологии общественного нарциссизма является, по мнению Фромма, недостаток объективности и способности к разумному суждению. В истории имеются многочисленные примеры, когда поношение символов группового нарциссизма приводило к приступам ярости, граничащей с безумием, а оскорбление вождя, проигранная война или потеря территории вызывали чувство мести, ведущее к новым войнам.

Фромм считал, что если в биологическом и социальном отношении нарциссизм в его доброкачественной форме необходим для выживания человека, то с точки зрения ценностей (духовно-этической позиции) он приходит в столкновение с разумом и любовью. С позиций психоанализа человек достигает полной зрелости, когда он освобождается как от индивидуального, так и от общественного нарциссизма. Но поскольку существует, используя терминологию Фрейда, первичный нарциссизм, то возникают вопросы: возможно ли преодоление человеком его «нарциссического ядра» и есть ли надежда на то, что нарциссическое безумие не приведет к гибели человека?

Отвечая на данные вопросы, Фромм полагал, что если нельзя уменьшить нарциссическую энергию в каждом человеке, то можно изменить объект, на который она направлена. Если бы человек смог относиться к себе как к гражданину мира и гордился бы человечеством и его успехами, то предметом его нарциссизма стало бы человечество, а не его отдельные, противоречивые компоненты, что, в понимании Фромма, нередко ведет к патологии нарциссизма.

На современные психоаналитические представления о нарциссизме, о нарциссических пациентах и методах их лечения заметное влияние оказали идеи, содержащиеся в работах О. Кернберга, Х. Кохута и других психоаналитиков. В статьях О. Кернберга «Пограничная организация личности» (1967) и «Факторы в психоаналитическом лечении нарциссических личностей» (1970) рассматривались специфические черты того типа пациентов, главной проблемой которых становилось нарушение самооценки в результате нарушения объектных отношений. Такие пациенты относятся к «нарциссическим личностям», для них характерны сильная потребность в любви и восхищении со стороны других людей, высокое мнение о самих себе и необычайная жажда признания и уважения со стороны окружающих, идеализация одних людей (от которых ожидают поддержку для своего нарциссизма) и презрение по отношению к другим (от которых ничего не ждут). Анализ таких нарциссических пациентов показывает, что их высокомерие, напыщенность, холодность и жестокость в действительности служат защитой от паранойяльных черт, которые образуются в результате проекции орального гнева — фундамента их психопатологии.

В статьях Х. Кохута «Формы и трансформации нарциссизма» (1966), «Психоаналитическое лечение нарциссических расстройств личности: принципы систематического подхода» (1968) и в его работах «Анализ Самости» (1971), «Восстановление Самости» (1977) излагались взгляды на нарушение первоначального нарциссического равновесия ребенка. Это связано с возникновением у него «грандиозной Самости» и идеализированного образа родителей в процессе лечения нарциссических переносов (идеализирующего и зеркального). Кохут исходил из того, что по ходу лечения у пациентов могут активизироваться допсихологические фрагменты Самости, которые способны соединяться с нарциссически воспринятым представлением об аналитике и порождать идеализирующий и зеркальный перенос. Все это требует тщательной проработки, поскольку в анализе нарциссических личностей нарушения равновесия в рамках переноса занимают центральную позицию стратегической важности, соответствующую месту структурного конфликта в обычном неврозе переноса.

Изречения

З. Фрейд: «Хотя мы еще не имеем возможности дать вполне точную характеристику этой нарциссической стадии, в которой диссоциированные до того сексуальные влечения сливаются в одно целое и сосредоточиваются на Я как на объекте, мы все же начинаем понимать, что нарциссическая организация уже никогда не исчезает полностью. В известной степени человек остается нарциссичным даже после того, как нашел внешний объект для своего либидо; найденный им объект представляет собой как бы эманацию оставшегося при Я либидо, и возможно обратное возвращение к последнему».

З. Фрейд: «С тех пор как мы решились пользоваться понятием Я-либидо, нам стали доступны нарциссические неврозы; возникла задача найти динамическое объяснение этих заболеваний и одновременно пополнить наше знание душевной жизни пониманием Я».

Э. Фромм: «С одной стороны, выживанию служит оптимальный, а не максимальный нарциссизм. То есть в биологически необходимой степени нарциссизм может быть совместим с социальным сотрудничеством. С другой стороны, индивидуальный нарциссизм может превращаться в групповой, и тогда род, нация, религия, раса и тому подобное заступают на место индивида и становятся объектом нарциссической страсти. Таким образом, нарциссическая энергия остается, но она применяется в интересах сохранения группы вместо сохранения жизни отдельного человека».

Э. Фромм: «Нарциссизм является пристрастием такой интенсивности, которая у многих людей сравнима с половым инстинктом и инстинктом самосохранения. Иногда оно проявляется даже сильнее, чем оба эти инстинкта».

Э. Фромм: «Нарциссический человек обретает чувство идентичности посредством своего возвеличивания. Внешний мир не является для него проблемой, поскольку ему самому удалось стать миром, в котором он приобрел чувство всезнания и всемогущества. Если затронут его нарциссизм и если он по известным причинам, например по причине субъективной или объективной слабости своей позиции относительно позиции своего критика, не может позволить себе приступ ярости, он впадает в депрессию».

Сопротивление

Сопротивление — психические силы и процессы, мешающие свободному ассоциированию пациента, его воспоминаниям, проникновению в глубины бессознательного, осознанию бессознательных представлений и желаний, пониманию истоков возникновения невротических симптомов, принятию пациентом предоставляемых в его распоряжение аналитиком интерпретаций, проведению психоаналитического лечения и исцелению больного.

Представление о сопротивлении возникло у Фрейда на раннем этапе его терапевтической деятельности, практически до того, как в 1896 году он стал называть свой метод лечения нервнобольных психоанализом. Так, в написанной совместно с Брейером работе «Исследования истерии» (1895) он не только использовал понятие «сопротивление», но и предпринял попытку содержательного рассмотрения сил и процессов, обозначенных этим термином.

Во второй главе «О психотерапии истерии» данного труда Фрейд высказал следующие соображения: в процессе терапии врачу приходится «одолевать сопротивление» больного; своей психической работой он должен преодолеть «психическую силу» пациента, сопротивляющуюся воспоминаниям и осознанию патогенных представлений; это та же самая психическая сила, которая содействовала возникновению истерических симптомов; она представляет собой «нерасположение со стороны Я», «отпор» невыносимых представлений, мучительных и непригодных для вызова аффектов стыда, упрека, психической боли, ощущения ущербности; тера-

пия предполагает серьезную работу, поскольку Я возвращается к своим намерениям и продолжает свое сопротивление; больной не хочет признавать мотивы своего сопротивления, но может выдавать их задним числом; он явно не может совсем не оказывать сопротивление; врачу необходимо помнить о различных формах, в которых проявляется это сопротивление; чрезмерно длительное сопротивление выражается в том, что у больного не возникают свободные ассоциации, отсутствуют разгадки, всплывающие в памяти картины оказываются неполными и неотчетливыми; психическое сопротивление, особенно создававшееся длительное время, может быть преодолено только медленно и постепенно; для преодоления сопротивления необходимы интеллектуальные мотивы и важен аффективный момент — личность врача.

Высказанные Фрейдом соображения о сопротивлении получили свое развитие во многих его последующих работах. Так, в «Толковании сновидений» (1900) он высказал ряд идей по поводу сопротивления: ночью сопротивление утрачивает часть своей силы, но не устраняется целиком, а участвует в образовании искаженного сновидения; сновидение образуется благодаря ослаблению сопротивления; ослабление и обход сопротивления возможны благодаря состоянию сна; находящаяся между сознанием и бессознательным и действующая в психике цензура обусловлена сопротивлением; оно — «главный виновник» забывания сновидения или его отдельных частей; если в данный момент не удается истолковать сновидение, то лучше эту работу отложить до тех пор, пока не будет преодолено сопротивление, оказавшее в то время тормозящее действие.

В статье «О психотерапии» (1905) Фрейд объяснил, почему несколько лет тому назад он отказался от техники внушения и от гипноза. Наряду с другими причинами он поставил им в упрек то, что они закрывают от врача понимание игры психических сил, в частности, не показывают ему сопротивления, при помощи которого больные сохраняют свою болезнь, противятся выздоровлению. Отказ от техники внушения и гипноза привел к возникновению психоанализа, ориентированного на выявление бессознательного, сопровождающегося постоянным сопротивлением больного. Учитывая последнее обстоятельство, в психоаналитическом лечении можно видеть своего рода «перевоспитание для преодоления внутренних сопротивлений».

В работе «О психоанализе» (1910), представлявшей собой пять лекций, прочитанных в Кларкском университете (США) в 1909 году, Фрейд подчеркнул, что сопротивление больного оказывается той силой, которая поддерживает болезненное состояние, и что на этой идее он построил свое понимание психических процессов при истерии. Одновременно он внес уточнение терминологического характера. За силами, препятствующими забытому стать сознательным, сохранилось название «сопротивления». Процесс, ведущий к тому, что те же самые силы содействовали забыванию и устранению из сознания соответствующих патогенных представлений, он назвал вытеснением и рассматривал его как доказанный благодаря неоспоримому существованию сопротивления. Проведя эти различия и используя примеры, взятые из клинической практики и обыденной жизни, он показал специфику вытеснения и сопротивления, а также отношения между ними.

В работе «О “диком” психоанализе» (1910) Фрейд указал на технические ошибки некоторых врачей и на те изменения, которые претерпела техника психоанализа. Ранее разделяемая им точка зрения, согласно которой больной страдает от особого рода незнания и выздоровеет, если устранить это незнание, оказалась поверхностной.

Как показала практика психоанализа, не это незнание является патогенным, а причины этого незнания, кроющиеся во внутренних сопротивлениях, вызвавших это незнание. Поэтому задачу терапии составляет преодоление этих сопротивлений. Изменение техники психоанализа состояло и в том, что для преодоления сопротивлений необходимо было выполнить два условия. Во-первых, благодаря соответствующей подготовке больной сам должен подойти к вытесненному им материалу. Во-вторых, он должен настолько осуществить перенос на врача, что его чувства к нему сделают невозможным новое бегство в болезнь. Только при выполнении этих условий становится реальным распознавание сопротивления и овладение им.

В работе Фрейда «Воспоминание, повторение и переработка» (1914) содержались идеи, касающиеся изменения техники психоанализа. Речь шла о том, что вскрытие врачом сопротивления и указание на него больному нередко может привести как бы к обратному результату. То есть не к ослаблению, а к усилению сопротивления. Но это не должно сбивать с толку врача, поскольку за вскрытием сопротивления не следует автоматическое его прекращение. Аналитик не должен торопиться, ему необходимо научиться выжидать неизбежное, не всегда допускающее ускорение лечения. Словом, переработка сопротивлений становится на практике мучительной задачей для анализируемого и испытанием терпения врача. Но именно эта часть работы оказывает, по мнению Фрейда, самое большое изменяющее влияние на пациента.

В работе «О динамике переноса» (1912) основатель психоанализа рассмотрел вопрос о том, почему в процессе анализа возникает перенос в виде «сильнейшего сопротивления». Обсуждение этого вопроса привело его к следующим выводам: сопротивление на каждом шагу сопровождает лечение; каждой мысли, каждому поступку больного приходится считаться с сопротивлениями; идее переноса отвечает идея сопротивления; интенсивность переноса является «действием и выражением сопротивления»; после того как сопротивление переноса преодолено, сопротивление других частей комплекса не составляет особых трудностей.

В «Лекциях по введению в психоанализ» (1916–1917) Фрейд подчеркнул, что сопротивления больных чрезвычайно разнообразны, часто трудно распознаются, постоянно меняя свои формы. В процессе аналитической терапии сопротивление выступает прежде всего против основного технического правила свободного ассоциирования, затем принимает форму интеллектуального сопротивления и, наконец, перерастает в перенос. Преодоление этих сопротивлений составляет существенное достижение анализа.

В целом, представление Фрейда о сопротивлении невротиков устранению их симптомов легло в основу динамического взгляда на невротические заболевания. В этой связи «Лекции по введению в психоанализ» заслуживают особого внимания. В них впервые был поднят вопрос о нарциссических неврозах, в которых, по мнению основателя психоанализа, «сопротивление непреодолимо». Из этого следовало, что нарциссические неврозы «едва ли проницаемы» для ранее используемой психоаналитической техники и, таким образом, технические методы должны быть заменены другими. Словом, понимание трудностей преодоления сопротивления при нарциссических неврозах открывало новое направление исследований, связанное с психоаналитической терапией подобных заболеваний. Кроме того, в «Лекциях по введению в психоанализ» было показано, что силы, лежащие в основе сопротивления больных при психоаналитическом лечении, коренятся не только в антипатиях Я

к определенным направленностям либидо, но и в привязанности, или «прилипчивости либидо», которое неохотно оставляет ранее избранные им объекты.

В работе «Торможение, симптом и страх» (1926) Фрейд расширил свое понимание сопротивления. Если в начале своей терапевтической деятельности он полагал, что в анализе необходимо преодолевать исходящие из Я больного сопротивления, то по мере развития практики психоанализа стало очевидным, что после устранения сопротивления Я приходится преодолевать еще силу навязчивого повторения, являющуюся, по сути дела, не чем иным, как сопротивлением бессознательного. Дальнейшее углубление в природу сопротивлений привело Фрейда к необходимости их классификации. Во всяком случае, он выделил *пять видов сопротивлений, исходящих из Я, Оно и Сверх-Я*. Из Я исходят три вида сопротивлений, выражающихся в форме вытеснения, переноса и выгоды от болезни. Из Оно — четвертый вид сопротивления, связанный с навязчивыми повторениями и требующий для его устранения тщательной проработки. Из Сверх-Я — пятое сопротивление, обусловленное сознанием вины или потребностью в наказании и противящееся всякому успеху, в том числе и выздоровлению с помощью анализа.

Еще один шаг в содержательном понимании сопротивления был сделан Фрейдом в работе «Конечный и бесконечный анализ» (1937), где он высказал мысль, что в ходе лечения в виде «сопротивления исцелению» подключаются защитные механизмы Я, выстроенные против прежних опасностей. Из этого следовала необходимость в исследовании защитных механизмов, поскольку оказывалось, что существует «сопротивление раскрытию сопротивления». Речь шла, по выражению Фрейда, о сопротивлениях не только осознанию содержаний Оно, но и анализу в целом и, следовательно, излечению. Обсуждая этот вопрос, он высказал мысль, что ощущаемые как сопротивления свойства Я могут быть как обусловлены наследственностью, так и приобретены в защитной борьбе. Таким образом, сопротивление соотносилось им и с «прилипчивостью либидо», и с психической инерцией, и с негативной терапевтической реакцией, и с деструктивным влечением, представляющим собой влечение живой материи к смерти. Кроме того, он полагал, что у мужчин наблюдается сопротивление пассивному или женственному отношению к другим мужчинам, а у женщин — сопротивление, связанное с завистью к пенису. Словом, из упорной сверхкомпенсации мужчины обнаруживается одно из сильнейших сопротивлений при переносе; в то время как из желания женщины иметь пенис проистекают приступы тяжелой депрессии, сопровождающиеся убежденностью в том, что аналитическое лечение бесполезно.

В «Очерке о психоанализе» (1940), опубликованном после смерти Фрейда, подчеркивалось, что преодоление сопротивлений является той частью аналитической терапии, которая требует наибольших затрат времени и усилий и которая стоит того, так как ведет к сохраняющемуся на всю жизнь благоприятному изменению Я. Основатель психоанализа еще раз обратил внимание на источники сопротивления, включая потребность «быть больным и страдающим». Одно из сопротивлений, исходящее из Сверх-Я и обусловленное чувством или сознанием вины, не мешает интеллектуальной работе, но мешает ее эффективности. Другое сопротивление, проявляющееся у невротиков, у которых инстинкт самосохранения поменял свою направленность на противоположную, ведет к тому, что пациенты оказываются не в состоянии смириться с выздоровлением при помощи психоаналитического лечения и изо всех сил противостоят ему.

В ряде своих работ, включая «О психоанализе» (1910), «Сопротивление психоанализу» (1925), Фрейд использовал психоаналитическое понятие механизмов работы сопротивления не только при рассмотрении невротических заболеваний и трудностей их лечения, но и при объяснении, почему некоторые люди не разделяют психоаналитические идеи и выступают с критикой психоанализа. Сопротивление против психоанализа расценивалось им с точки зрения реакций человека, обусловленных его скрытыми, подавленными желаниями, связанными с неприятием открытых психоаналитической теорией и практикой бессознательных сексуальных и агрессивных влечений. У всякого судящего о психоанализе человека существуют вытеснения, в то время как психоанализ стремится перевести вытесненный в бессознательное материал в сознание. Следовательно, как замечал Фрейд, нет ничего удивительного в том, что психоанализ должен вызвать у таких людей то же самое сопротивление, какое возникает у невротиков.

Высказанные Фрейдом идеи о сопротивлении получили свою дальнейшую разработку в исследованиях ряда психоаналитиков. Так, В. Райх в статье «К технике толкования и анализа сопротивлений» (1927), представляющей собой доклад на семинаре по аналитической терапии, прочитанный им в Вене в 1926 году, не только уделил значительное внимание проблематике сопротивления, но и высказал ряд оригинальных соображений по этому поводу.

Эти соображения, впоследствии воспроизведенные им в работе «Характероанализ» (1933), сводились к следующему: каждое сопротивление имеет исторический смысл (происхождение) и актуальное значение; сопротивления представляют собой не что иное, как отдельные части невроза; аналитическим материалом, позволяющим судить о сопротивлениях, являются не только сновидения, ошибочные действия, фантазии и сообщения пациента, но и его манера выражения, взгляд, речь, мимика, одежда и другие атрибуты, входящие в его поведение; в процессе анализа необходимо придерживаться принципа, согласно которому «никакого толкования смысла, если необходимо толковать сопротивления»; сопротивления тоже не могут быть истолкованы, прежде чем они полностью развернутся и в самом главном не будут поняты аналитиком; от опыта аналитика зависит, сможет ли он распознать и выявить «латентные сопротивления»; «латентные сопротивления» — это манера поведения пациента, которая обнаруживается не непосредственно (в форме сомнения, недоверия, молчания, упрямства, отсутствия мыслей и фантазий, опаздываний), а непрямо, в виде аналитических достижений, скажем в сверхпослушании или отсутствии явных сопротивлений; при аналитической работе особую роль играет техническая проблема латентного негативного переноса, выступающего в качестве сопротивления; расслоение первого сопротивления переноса обусловлено индивидуальной судьбой инфантильной любви; сначала пациенту необходимо объяснить, что он имеет сопротивления, потом — какими средствами они пользуются и, наконец, — против чего они направлены.

В докладе «К технике характероанализа» (1927), прочитанном на XX Международном психоаналитическом конгрессе в Инсбурге, Райх отметил, что динамика аналитического воздействия зависит не от содержаний, которые пациент продуцирует, а от сопротивлений, которые он им противопоставляет. В этом же докладе он выдвинул идею о «сопротивлении характера», подробно рассмотренную в работе «Характероанализ». Согласно его пониманию, в любом анализе психоаналитику

приходится иметь дело с «характероневротическими сопротивлениями», которые получают свои особые признаки не благодаря своему содержанию, а от специфического душевного склада анализируемого. Эти сопротивления исходят из так называемого панциря, то есть сформированного и в психической структуре хронически конкретизированного выражения «нарциссической обороны».

Говоря о важнейших свойствах сопротивления характера, Райх сформулировал такие положения: сопротивление характера обнаруживается не содержательно, а формально в типичных и неизменных способах общего поведения, в манере говорить, в походке, мимике, усмешке, высмеивании, вежливости, агрессивности и т.д.; у одних и тех же пациентов сопротивление характера остается неизменным при различных содержаниях; в обычной жизни характер играет роль сопротивления в процессе лечения; проявление характера как сопротивления в анализе отражает его «инфантильный генезис»; в сопротивлении характера функция защиты комбинируется с переносом инфантильных отношений на окружающий мир; характероанализ начинается с выделения и последовательного анализа сопротивления характера; ситуационная техника характероанализа выводится из структуры сопротивления, в которой поверхностный, более близкий сознанию слой сопротивления должен быть негативной установкой по отношению к аналитику независимо от того, проявляется ли она в выражении ненависти или любви; техника работы с сопротивлением имеет две стороны, а именно: понимание сопротивления исходя из актуальной ситуации путем толкования его актуального смысла и разложение сопротивления посредством связывания устремляющегося следом инфантильного материала с актуальным материалом.

В дальнейшем проблематика сопротивления обсуждалась в исследованиях таких психоаналитиков, как А. Фрейд, Х. Гартман, Э. Гловер. Она нашла свое отражение также в работах О. Феничела «Проблемы психоаналитической техники» (1941), Р. Гринсона «Техника и практика психоанализа» (1963) и многих других.

Оригинальную точку зрения на сопротивление высказал французский психоаналитик Ж. Лакан, считавший, что сопротивление пациента провоцируется аналитиком. В соответствии с его пониманием, со стороны субъекта нет никакого сопротивления. Последнее всего лишь абстракция, порожденная аналитиком для того, чтобы понять, что происходит в аналитическом процессе. Аналитик вводит представление о «мертвой точке», мешающей продвижению вперед, и называет ее сопротивлением. Однако, как только делается следующий шаг к представлению о том, что сопротивление следует ликвидировать, аналитик немедленно впадает в абсурд, ибо, создав первоначально некую абстракцию, он тут же заявляет о необходимости ее исчезновения. На самом деле, как подчеркивал Лакан, существует лишь одно сопротивление — это сопротивление аналитика, связанное с тем, что аналитик сопротивляется, когда он не понимает, с чем имеет дело. Словом, в состоянии сопротивления пребывает сам аналитик.

В современном психоанализе значительное внимание уделяется рассмотрению природы и различных видов сопротивления, а также технике анализа и преодолению сопротивлений в процессе аналитической терапии. Важное значение придается исследованию роли переноса как одному из наиболее существенных сопротивлений, возникающих в аналитической ситуации, и сопротивлению, не только мешающему осуществлению анализа, но и дающему ценный материал для его развития.

Изречения

З. Фрейд: «Вскрытие и выяснение бессознательного происходит при постоянном сопротивлении больного».

З. Фрейд: «На этой идее сопротивления я построил свое понимание психических процессов при истерии. Для выздоровления оказалось необходимым уничтожить это сопротивление».

З. Фрейд: «Преодоление сопротивлений начинается, как известно, с того, что врач открывает никогда не узнаваемое анализируемым сопротивление и указывает на него пациенту».

З. Фрейд: «Нужно дать больному время углубиться в неизвестное ему сопротивление, переработать его, преодолеть его».

В. Райх: «Для сопротивления характера примечательно не то, что пациент говорит, а как он говорит и действует, не то, что он выдает в сновидении, а как он цензурирует, искажает, сгущает и т. д.».

В. Райх: «Нередко только от опыта зависит, опознает ли аналитик и по каким признакам опознает латентные сопротивления. Если мы поймем смысл таких сопротивлений, то благодаря последовательному анализу мы сделаем их сознательными, то есть сначала пациенту объясняют, что он имеет сопротивления, потом — какими средствами они пользуются и, наконец, против чего они направлены».

Ж. Лакан: «Сопротивление воплощается в системе собственного Я и другого и реализуется внутри этой системы в тот или иной момент анализа. Однако истоки его иные — сопротивление происходит от невозможности субъекта преуспеть в области реализации своей истины».

Ж. Лакан: «Первоочередное внимание, уделяемое теорией и техникой сопротивлению объекта, должно само подвергнуться диалектике анализа, которая не преминет распознать в нем алиби субъекта».

Перенос

Перенос (трансфер) — в широком смысле — универсальное явление, наблюдаемое в отношениях между людьми и состоящее в перенесении чувств и привязанностей друг на друга; в узком смысле — процесс, характеризующийся смещением бессознательных представлений, желаний, влечений, стереотипов мышления и поведения с одного лица на другое и установлением таких отношений, когда опыт прошлого служит моделью взаимодействия в настоящем.

В психоанализе под переносом понимается, как правило, процесс воспроизведения переживаний и эмоциональных реакций, ведущий к установлению специфического типа объектных отношений, в результате которых ранее присущие пациенту чувства, фантазии, страхи и способы защиты, имевшие место в детстве и относившиеся к значимым родительским или замещающих их фигурам, перемещаются на аналитика и активизируются по мере осуществления аналитической работы.

Первоначальное представление о переносе сложилось у Фрейда до того, как он сформулировал основные психоаналитические идеи. Это представление возникло

у него в процессе размышлений над клиническим случаем Анны О., о котором ему рассказал Брейер. При лечении молодой девушки Брейер столкнулся с непонятным и испугавшим его явлением: асексуальная, как ему казалось, пациентка в состоянии невменяемости изображала роды и во всеуслышание заявляла, что ждет ребенка от своего лечащего врача. Шокированный подобным поведением девушки, Брейер сделал все для того, чтобы успокоить пациентку, с которой он общался на протяжении двух лет. Но с этого момента он перестал быть ее лечащим врачом и постарался забыть о неприятном для него инциденте.

В более простой, но в не менее щепетильной ситуации оказался и Фрейд. Когда однажды его пациентка, вышедшая из гипнотического состояния, бросилась ему на шею, он был шокирован не меньше, чем Брейер. Но, в отличие от последнего, он серьезно задумался над тем необычным явлением, с которым ему пришлось столкнуться во время терапии. Он не считал себя настолько неотразимым мужчиной, чтобы ни с того ни с сего зрелая женщина бросалась ему на шею. В необычном для терапии эпизоде он усмотрел психический феномен, связанный с перенесением на него как на врача интенсивных нежных чувств пациентки. Это было открытием того явления переноса, которое возникает в процессе аналитической работы.

В совместно написанной с Брейером работе «Исследования истерии» (1895) Фрейд обратил внимание на то, что в процессе анализа у пациентов возникают различные чувства по отношению к врачу, которые могут препятствовать терапии. Они возникают в трех случаях. Первое — при личном отчуждении, когда пациент чувствует себя оскорбленным; второе — в случае появления страха, когда пациент настолько привыкает к личности аналитика, что утрачивает свою самостоятельность по отношению к нему; третье — когда пациент боится, что перенесет на аналитика мучительные представления, возникающие из содержания анализа. По мнению Фрейда, последняя ситуация наблюдается часто, а в некоторых анализах она становится регулярным явлением. Словом, перенос на врача происходит благодаря неправильному связыванию.

Перенос подобного рода Фрейд расценил как сопротивление, которое требуется устранить в процессе анализа. Иллюстрируя данное положение, он сослался на конкретный случай проявления истерического симптома одной из его пациенток. Причиной возникновения у пациентки этого симптома стало имевшееся у нее многие годы бессознательное желание, чтобы один мужчина сердечно ее обнял и насильно поцеловал. Однажды по окончании сеанса такое же желание возникло у пациентки и по отношению к Фрейду, в результате чего она пришла в ужас, провела бессонную ночь и на следующем сеансе оказалась непригодной для работы. После того как Фрейд обнаружил препятствие и устранил его, аналитическая работа продолжилась. На основании этого он пришел к выводу, что в процессе анализа «третье лицо совпало с личностью врача», у пациентки произошло «ложное соединение» и проснулся тот самый аффект, который в свое время заставил больную изгнать недозволенное желание. Исходя из данного понимания, Фрейд предположил, что в каждом подобном посягательстве на его личность речь идет о переносе.

В «Исследованиях истерии» Фрейд не только обратил внимание на возникновение феномена переноса в процессе терапии, но и наметил дальнейшее направление работы с ним. Оно вытекало из признания следующих положений: в каждом новом случае при возникновении переноса пациент становится «жертвой обманчивого

впечатления»; ни один анализ нельзя довести до конца, если не знать, как встретить сопротивление, связанное с переносом; путь к этому находится, если взять за правило устранять этот возникший симптом по старому образцу; с обнаружением переноса увеличивается психическая работа аналитика, но если видеть закономерность всего процесса, то можно заметить, что такой перенос не создает значительного увеличения объема работы; важно, чтобы пациенты также видели, что при таких переносах на личность врача дело идет о принуждении и о заблуждении, рассеивающихся с окончанием анализа; если не разъяснять пациентам природу переноса, то у них вместо спонтанно развивающегося симптома возникает новый истерический симптом, хотя и более мягкий. Впоследствии все эти идеи о переносе нашли свое дальнейшее развитие и конкретизацию во многих работах основателя психоанализа.

В «Толковании сновидений» (1900) Фрейд рассмотрел вопрос о том, как протекают процессы переноса в глубинах психики. Он высказал идею, что та же потребность в перенесении, которая наблюдается при анализе неврозов, находит выражение и в сновидении. Речь шла о перенесении интенсивности бессознательных представлений на предсознательные представления. Такое перенесение может оставить без изменения представления из сферы бессознательного или же навязать ему модификацию благодаря содержанию переносимого представления. Это и есть тот факт переноса, который разъясняет столько различных явлений в психической жизни.

В опубликованной в 1905 году работе «Фрагмент анализа истерии (история болезни Доры)» Фрейд отметил особую роль переноса при аналитической работе, в процессе которой вновь оживает целый ряд ранних психических переживаний пациента, но не в виде воспоминаний, а в качестве актуального отношения к личности аналитика. Речь идет о возникновении не единичного переноса, а ряда переносов. Это новые издания, копирование побуждений и фантазий, которые должны пробуждаться и осознаваться во время проникновения анализа вглубь с характерным для этого сплава замещением прежнего значимого лица личностью врача. Одни переносы по своему содержанию могут совершенно не отличаться от своего прототипа и выступать в качестве «перепечатки», «неизменного переиздания». Другие могут испытывать смягчение своего содержания и благодаря сублимации представлять собой не перепечатку старого, а своеобразную «переработку».

Основываясь на собственном опыте, Фрейд показал, что психоаналитик может потерпеть неудачу, если вовремя не заметит возникновение переноса у больного и не проведет соответствующую работу с ним. Именно это имело место при лечении Доры в 1899 году. Тогда после трех месяцев терапии пациентка ушла из анализа: по собственному признанию Фрейда, ему не удалось стать вовремя «хозяином переноса» и он оказался «пораженным переносом». Подобный «негативный» результат терапии имел «позитивное» значение для исследовательской деятельности и способствовал более углубленному пониманию природы переноса и необходимости тщательной аналитической работы с ним.

Во «Фрагменте анализа истерии» Фрейд выдвинул следующие важные положения: при аналитической терапии перенос является чем-то возникающим неизбежно; перенос используется пациентами для построения препятствий, делающих недоступным материал, получаемый в курсе лечения; во время психоаналитического лечения перенос не создается, а открывается; психоанализ не навязывает больным посредством переноса никаких новых усилий, которых бы они не осуществляли

обычно; ощущение убеждения в верности конструируемых связей вызывается у пациентов только после устранения переноса; с переносом как «творением болезни» необходимо так же бороться, как и с прежними симптомами; в других видах терапии пациенты спонтанно воскрешают нежные и дружеские переносы, в то время как в психоанализе пробуждаются и враждебные чувства; перенос как некое препятствие лечению может стать средством его успешного осуществления.

Высказав эти соображения, Фрейд пришел к важному выводу, предопределившему дальнейшее развитие теории и практики психоанализа: нельзя обходить работу с переносом, напротив, следует сделать его важной частью анализа пациентов.

В работе «О психоанализе» (1910), в которой были представлены пять лекций, прочитанных Фрейдом в 1909 году в Кларкском университете (США), содержалось несколько уточнений в связи с кратким освещением проблемы переноса. Прежде всего было подчеркнуто, что в процессе анализа у невротика всякий раз наблюдается неприятное явление переноса на врача целой массы нежных и часто смешанных с враждебностью стремлений. Это связано не с реальными отношениями, а с давними, сделавшимися бессознательными желаниями и фантазиями. То, что больной не может вспомнить из своей прошлой чувственной жизни, снова переживается в своем отношении к аналитику. Только благодаря такому переживанию он убеждается в существовании и могуществе бессознательных сексуальных стремлений. Кроме того, в работе «О психоанализе» высказывалась мысль, что перенос наступает при всех человеческих отношениях, так же как и в отношениях больного к врачу, самопроизвольно; он является «истинным носителем терапевтического влияния», и психоанализ овладевает им, чтобы направить психические процессы к желательной цели. И наконец, Фрейд отмечал то обстоятельство, что явление переноса играет роль не только при убеждении больного, но также и при убеждении врачей. Ведь убежденность в своем мнении нельзя приобрести без того, чтобы не иметь возможности на самом себе испытать действие переноса.

В работе «О динамике переноса» (1912), специально посвященной обсуждению этой проблемы, Фрейд предпринял попытку объяснения, каким образом возникает перенос и какую роль он играет во время психоаналитического лечения. Он показал, что если потребность в любви не получает полного удовлетворения в реальности, то человек вынужден обращать на всякое новое лицо свои надежды и, естественно, находящаяся в выжидательном отношении активная сила либидо обращается также и на личность аналитика. Иначе говоря, она ставит аналитика в «один из психических рядов», созданных ранее больным.

Перенос на врача может осуществиться по образу отца, матери, брата, сестры или какого-либо другого лица, с которым ранее больной находился в определенных отношениях. Причем при анализе перенос выступает в виде «сильнейшего сопротивления», в то время как вне анализа он является залогом успеха. Это объясняется тем, что в процессе анализа у пациента происходит оживление инфантильных образов. И поскольку аналитическое исследование натыкается на скрытую сексуальность, то силы, вызвавшие регрессию либидо, восстают против аналитической работы в форме различного рода сопротивлений.

Однако для более ясного понимания, почему перенос выступает в качестве сопротивления, необходимо, по мнению Фрейда, отличать «положительный» перенос от «отрицательного», перенос нежных чувств от враждебных и отдельно рассматривать

оба вида переноса на врача. Положительный перенос трактовался им с точки зрения перенесения дружественных или нежных чувств, как приемлемых для сознания, так и продолжающихся в бессознательном. При этом он подчеркивал, что оказывающийся сопротивлением перенос является негативным или позитивным перенесением на аналитика вытесненных, бессознательных желаний. Необходимость преодоления феномена перенесения вызывает большие трудности для психоаналитика, но именно они оказывают неоценимую услугу, делая явными скрытые чувства больного.

В последующих работах Фрейд неоднократно обращался к осмыслению проблемы переноса. В частности, в работе «Введение в лечение» (1913) он писал о том, что обнаружением переноса открывается путь к патогенному материалу больного, но касаться темы переноса не стоит до тех пор, пока пациент рассказывает и говорит все, что приходит в голову, то есть придерживается основного правила психоанализа. С этой наиболее щекотливой из всех процедур нужно подождать до того момента, когда перенос станет сопротивлением.

В работе «Воспоминание, воспроизведение и переработка» (1914) им обращалось внимание на то, что вместо воспоминаний пациенты часто репродуцируют, воспроизводят имевшие место ранее переживания, прибегают к так называемому «навязчивому воспроизведению», а перенос оказывается только частью воспроизведения, представляющего собой перенесение забытого прошлого не только на врача, но и на все другие области и ситуации настоящего.

В статье «Замечания о любви в переносе» (1915) внимание Фрейда акцентировалось на положении и стратегии аналитика в процессе психоаналитической терапии и особенно в случае явного проявления пациентом любовного, эротического переноса на врача. Обсуждая эти вопросы, он высказал ряд идей, имеющих существенное значение для практики психоанализа: техника, исходящая из подготовки пациента к проявлению любовного переноса и тем более ускоряющая его появление, оказывается бессмысленной; при соответствующем переносе уступка любовным требованиям пациента так же опасна для анализа, как и подавление их; нужно не отклоняться от любовного переноса, не отпугивать его и не ставить пациенту препятствия в этом отношении и в то же время стойко воздерживаться от ответных проявлений на него; в случае если у пациента наблюдается элементарная страсть, не допускающая никаких суррогатов, приходится безуспешно отказаться от лечения и задуматься над вопросом, как возможны соединения наклонности к неврозу с такой «неукротимой потребностью в любви»; следует терпеливо продолжать аналитическую работу с более умеренной или «опрокидывающей» влюбленностью с целью обнаружения инфантильного выбора объекта и окружающих его фантазий; нет оснований оспаривать характер настоящей любви у влюбленности, проявляющейся во время аналитического лечения, но следует иметь в виду, что она вызвана аналитическим положением, то есть психоаналитик вызвал эту влюбленность введением в аналитическое лечение для исцеления невроза и он не должен извлекать из нее личных выгод.

В «Лекциях по введению в психоанализ» (1916–1917) Фрейд сформулировал ряд существенных положений, касающихся понимания природы переноса и его роли в психоаналитическом лечении. Среди них наиболее значимыми были следующие положения: перенос имеется у пациентов с самого начала лечения, и какое-то время он представляет собой способствующую работе силу; о нем нечего беспокоиться,

пока он благоприятно действует на осуществляемый анализ; когда перенос превращается в сопротивление, на него следует обратить пристальное внимание; перенос может состоять из нежных или враждебных побуждений, и он изменяет отношение к лечению; враждебные чувства проявляются позже, чем нежные, а их одновременное существование отражает амбивалентность чувств, господствующих в интимных отношениях к другим людям; при переносе аналитик имеет дело не с прежней болезнью пациента, а с заново созданным и переделанным неврозом, заменившим первый; преодоление нового искусственного невроза, или «невроза переноса», означает решение терапевтической задачи, то есть освобождения от болезни, которую начал лечить аналитик, поскольку человек, ставший нормальным по отношению к врачу и освободившийся от действия вытесненных влечений, остается таким и вне аналитической ситуации.

В работах 20–30-х годов Фрейд соотнес перенос не только с сексуальностью, но и с влечением к смерти. Ранее высказанная им идея о навязчивом повторении нашла свое развитие в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920). В ней на основании наблюдений над работой переноса и над судьбой отдельных людей он выдвинул гипотезу, что в психической жизни действительно содержится выходящая за пределы принципа удовольствия тенденция к навязчивому повторению и что явления переноса состоят на службе у сопротивления со стороны вытесняющего Я. В «Автобиографии» (1925) Фрейд высказал две идеи. Одна касалась его убеждения в том, что при шизофрении и паранойе отсутствует склонность к переносу чувств или этот перенос становится целиком негативным и, следовательно, невозможно психическое влияние на больного, то есть психоанализ оказывается неэффективным. Другая идея подчеркивала, что овладение переносом дается с особым трудом, но становится важнейшим элементом аналитической техники. В работе «Раздражение, симптом и страх» (1926) он провел различие между такими видами сопротивлений Я, как вытеснение и «сопротивление из перенесения». Последнее, будучи по природе аналогичным первому, в анализе приводит к другим последствиям, поскольку ему удается установить связь с аналитической ситуацией или с личностью аналитика и таким путем снова ярко оживить вытеснение. В работе «Конечный и бесконечный анализ» (1937) Фрейд обсудил некоторые аспекты проблемы переноса и высказал мысль, что вследствие отыгрывания защитных механизмов у пациента могут возобладать негативные переносы, которые способны полностью устранить аналитическую ситуацию.

Одно из наиболее подробных описаний переноса содержалось в автобиографическом эссе Фрейда, в котором он дал не только психоаналитическое определение переноса, но и его толкование в широком смысле слова. Другое, не менее полное описание переноса содержалось в написанной в последние годы жизни, но опубликованной после смерти Фрейда работе «Очерк о психоанализе» (1940). В ней он замечал, что пациент видит в аналитике возврат, перевоплощение какой-то важной фигуры из своего детства или прошлого и вследствие этого переносит на него свои чувства и реакции, которые, несомненно, относятся к этому прототипу. Обобщая свои представления о переносе, основатель психоанализа отметил: амбивалентность переноса в отношении психоаналитика; то обстоятельство, что в переносе пациент воспроизводит перед аналитиком важную часть своей биографии, вместо пересказывания он «разыгрывает ее» перед ним; появление намерения со стороны пациента

угодить аналитику, добиться его одобрения и любви; если пациент ставит психоаналитика на место своего отца или матери, он наделяет его той властью, которую его Сверх-Я имеет над его Я; у обновленного Сверх-Я образуется возможность исправить ошибки, допущенные родителями при обучении; как бы ни было заманчиво для психоаналитика стать учителем и идеалом для пациента, он не должен забывать, что не это его задача в аналитических взаимоотношениях; задача психоаналитика заключается в постоянном отрыве пациента от его опасной иллюзии и непрерывном указывании на то, что воспринимаемая пациентом новая реальность в действительности представляет собой воспоминание прошлого; крайне нежелательно, чтобы пациент, вместо того чтобы вспоминать, действовал вне переноса; идеальным для целей психоаналитической терапии было бы, если бы пациент вне лечения вел себя как можно более нормально и выражал свои анормальные реакции лишь при переносе.

Высказанные Фрейдом идеи и соображения о переносе нашли не только отклик, но и дальнейшую разработку в исследованиях многих психоаналитиков. Это имело место как при жизни основателя психоанализа, так и после его смерти. В частности, Ференци опубликовал в 1909 году работу «Интроекция и перенос». В ней он высказал свои соображения по поводу понимания переноса: все невротики имеют сильное желание переноса; перенос можно представить как характерный для неврозов психический механизм, наблюдающийся во всех жизненных ситуациях и лежащий в основе большинства болезненных проявлений; он есть частный случай свойственной невротикам склонности к «передвиганию»; психоаналитическое лечение создает благоприятнейшие условия для возникновения переноса; принимая во внимание перенос, психоанализ можно назвать «своего рода катализатором»; личность врача имеет значение «каталитического фермента», который временно фиксирует на себе отщепившиеся при разложении аффекты; пол врача сам по себе часто становится для пациентов поводом к переносу.

Своеобразную позицию в отношении переноса занимал Юнг. В лекциях, прочитанных им в 1935 году в Институте медицинской психологии при Тэвистокской клинике в Лондоне, он утверждал, что перенос является особым случаем проекции, у нормальных людей его не бывает, но в процессе аналитической деятельности приходится иметь дело с терапией переноса, предполагающей осознание пациентом субъективной ценности его индивидуальных и надындивидуальных содержаний. По мнению Юнга, лечение переноса включает четыре ступени. На первой ступени осуществляется работа не только в плане осознания пациентом того, что он «смотрит на мир глазами младенца» (осознание объективной стороны жизни), но и в плане понимания им субъективной ценности образов, вызывающих у него беспокойство. На второй ступени речь идет о «различении между индивидуальными и надындивидуальными содержаниями» в бессознательном пациента. На третьей ступени необходимо отделить индивидуальную связь с аналитиком от надындивидуальных факторов. На четвертой — осуществляется объективация надындивидуальных образов (архетипов), что становится существенной частью процесса индивидуации, цель которой — отделение сознания от объекта.

В целом, Юнг полагал, что большое значение переноса в аналитической терапии породило ошибочную идею о его абсолютной необходимости для лечения, а также то, что его нужно требовать от пациента. В работе «Психология переноса» (1954) он писал, что в одних случаях появление переноса может означать изменение к луч-

шему, в других — помеху лечению, если не перемену к худшему, в третьих — нечто сравнительно несущественное.

После смерти Фрейда психоаналитики стали уделять самое пристальное внимание проблеме переноса. Практически ни одно серьезное исследование не обходилось без того, чтобы его автор в той или иной степени не касался рассмотрения данной проблемы. Имелись и публикации, специально посвященные дискуссионным вопросам, связанным с психоаналитическим пониманием переноса.

Большой резонанс среди психоаналитиков получили двухтомное издание М. Гилла и И. Гоффмана «Анализ переноса» (1982) и работы Х. Кохута, в которых, как, например, в его статье «Психоаналитическое лечение нарциссических расстройств личности: принципы систематического подхода» (1968), выделялись два вида нарциссических переносов: идеализирующий перенос (терапевтическое восстановление раннего состояния, активация идеализированного образа родителей) и зеркальный перенос (терапевтическое восстановление той стадии развития, на которой ребенок пытается сохранить часть первоначального, всеобъемлющего нарциссизма, активация грандиозной Самости).

Поднятые в этих и других работах актуальные вопросы по проблеме переноса до сих пор остаются предметом обсуждения и идейных дискуссий среди современных психоаналитиков. В центре рассмотрения находятся проблемы, связанные с техническим использованием фрейдовской концепции переноса в практике психоанализа; необходимостью или нецелесообразностью использования таких понятий, как «позитивный» и «негативный» перенос; трактовкой невроза переноса как основного понятия психоанализа; возможностью или невозможностью окончательного разрешения невроза переноса; необходимостью использования психоаналитического лечения и в тех случаях, когда у пациентов не наблюдается развитие невроза переноса; степенью допустимости терапевтической активности аналитика в ходе анализа нарциссических личностей (развивающих архаические формы переноса); трудностями интерпретации нарциссических переносов.

Изречения

З. Фрейд: «При всяком аналитическом курсе лечения помимо всякого участия врача возникают интенсивные эмоциональные отношения пациента лично к психоаналитику, которые не могут быть объяснены реальными обстоятельствами. Они бывают положительными или отрицательными, могут варьироваться от страстной, чувственной влюбленности до крайней степени неприятия, отталкивания и ненависти. Это явление, которое я вкратце называю переносом, вскоре сменяет у пациента желание выздороветь и, покуда оно проявляется в мягкой, умеренной форме, может способствовать влиянию врача и помочь аналитической работе. Если оно потом перерастает в страсть или враждебность, то становится главным инструментом сопротивления. Бывает также, что оно парализует способность пациента к внезапным мыслям и вредит успеху лечения. Но было бы бессмысленно пытаться его избежать; анализ невозможен без переноса».

З. Фрейд: «Не следует думать, что перенос порождается анализом и что он наблюдается только в связи с ним. Анализ лишь вскрывает и обособляет перенос».

З. Фрейд: «Перенос, который рассматривался ранее в качестве наибольшего препятствия для психоаналитического лечения, становится и его самым мощным вспомогательным средством, если всякий раз его удается разгадать и перевести больному».

Ш. Ференци: «Я отрицаю, что перенос — это что-то вредное, и полагаю, напротив, что — по меньшей мере в патологии неврозов — перенос оправдывается глубоко коренящейся в народной душе древней верой, что любовь может излечить болезни».

К.Г. Юнг: «Перенос подобен тем лекарствам, которые оказываются для одних панацеей, для других же — чистым ядом».

Контрперенос

Контрперенос (контртрансфер) — перенесение бессознательных чувств и реакций аналитика на пациента. В широком смысле — эмоциональное отношение аналитика к пациенту, испытываемые им в процессе анализа чувства к нему, его реакции на психическое состояние и поведение больного. В узком смысле — бессознательные процессы, связанные с реакцией аналитика на перенос пациента.

Если с проблемой переноса Фрейд столкнулся на ранних этапах своей терапевтической деятельности, то представление о контрпереносе возникло у него позднее и сформировалось в процессе развития теории и практики психоанализа. Первые упоминания об этом явлении были сделаны им в 1910 году. В частности, в одном из писем к Ференци, написанном им в октябре 1910 года после их совместной поездки на Сицилию, Фрейд объяснял своему коллеге, почему он не отругал его и не указал правильный путь к пониманию того, что было предметом их обсуждения во время путешествия. Он отметил, что не является тем «психоаналитическим сверхчеловеком», которого они смоделировали, и не преодолел в себе «обратного переноса». Поясняя свою мысль, он писал, что ему это не удается, как не удается и в отношениях с его тремя сыновьями, поскольку он их любит и жалеет.

Ранее, в марте 1910 года, на состоявшемся в Нюрнберге II Международном психоаналитическом конгрессе Фрейд выступил с докладом (опубликованным в 1911 году), в котором поднял вопрос о нововведениях в технике психоанализа, касающихся как сопротивлений пациента, так и личности врача, проявляющего «встречное перенесение». Он подчеркнул, что «встречное перенесение» возникает «благодаря влиянию пациента на бессознательные чувства врача», и высказал мысль о необходимости предъявления аналитику такого требования, в соответствии с которым тот должен научиться «распознавать и одолевать это встречное перенесение».

По мере расширения практики психоанализа стало очевидным, что в процессе психоаналитического лечения аналитик не только испытывает разнообразные чувства к пациенту, но и переносит их на него. Он переносит на него свои собственные переживания, уходящие корнями в ближайшее или отдаленное прошлое, но активизировавшиеся в процессе общения с пациентом.

Эмоциональные реакции по отношению к пациенту связаны с комплексами и внутренними сопротивлениями, присущими психоаналитику. В этом смысле контрперенос мешает успешному лечению. Поэтому каждый психоаналитик должен пройти личный анализ, чтобы тем самым лучше разобраться со своим собственным бессознательным.

Психоаналитик обязан понимать свои бессознательные чувства и реакции, осуществлять контроль над ними. Только в этом случае он может использовать контрперенос во благо лечения пациента, так как понимание собственного бессознательного способствует пониманию бессознательного другого человека.

Контрперенос характеризуется амбивалентностью, двойственностью чувств и эмоций. Психоаналитик может по-разному реагировать на поведение пациента: испытывать к нему сострадание и проявлять профессиональную безучастность; верить ему на слово и сомневаться в правдивости сказанного; внешне располагать к себе и внутренне негодовать по поводу дурных привычек пациента; вести борьбу с самим собой, не поддаваясь эмоциям, или бессознательно следовать им, обнаруживая свою заинтересованность в установлении тех или иных отношений с пациентом.

Явно или неявно проявляющиеся нежные, эротически окрашенные чувства пациента к психоаналитику могут породить у него ответное чувство. Контрперенос подобного рода характерен чаще всего для начинающих молодых психоаналитиков или для тех, чья личная жизнь не удалась. Искушение ответить взаимностью на любовь пациента, доставить ему удовлетворение, воспользоваться благоприятным случаем — все это может стать серьезным испытанием для психоаналитика.

Фрейд в категорической форме выступал против подобного проявления чувств контрпереноса у психоаналитика. Он считал недопустимыми любые попытки психоаналитика ответить на предлагаемую ему нежность и тем более влюбленность пациента. По выражению Фрейда, аналитическая техника возлагает на врача обязанность отказывать пациенту в его требовании удовлетворения чувства любви. Речь идет не только о сексуальном воздержании психоаналитика, но и о его способности тактично вести себя с пациентом, не обижая его и не оскорбляя его чувств. Уступка любовным требованиям пациента всегда ведет к провалам психоаналитического лечения.

В процессе аналитической терапии могут возникнуть и такие ситуации, когда пациент не нравится аналитику, вызывает у него внутреннее раздражение, негодование и даже враждебность, в результате чего неосознанно для себя он начинает заниматься не столько лечением больного, сколько борьбой с ним. В этом случае контрперенос может привести к тому, что аналитик превратится из сочувствующего терапевта в подозрительного, сверхтребовательного и даже карающего оппонента, бессознательно отыгрывающего на нем испытанные ранее, часто в раннем детстве, переживания и реакции, связанные, например, с различного рода обидами, ревностью, местью.

Контрперенос проявляется благодаря влиянию пациента на бессознательные чувства психоаналитика. Поэтому одно из основных требований психоаналитического лечения сводится к тому, чтобы психоаналитик вовремя распознал и преодолел свой контрперенос.

Фрейд подчеркивал, что каждый психоаналитик добивается успехов в своей практической деятельности настолько, насколько допускают его собственные комплексы и внутренние сопротивления. Вот почему психоаналитик должен не только

начинать свою деятельность с самоанализа, но и беспрерывно углублять его по мере расширения клинической практики и нарастания опыта общения с пациентами. Как замечал Фрейд, кто ничего не может достичь в таком самоанализе, должен убедиться в своей неспособности лечить анализом больных.

Фрейд воспринимал контрперенос в основном в форме негативного явления, затрудняющего аналитическую работу. Сходных взглядов придерживались и другие психоаналитики, которые предприняли дальнейшие шаги в понимании негативных последствий контрпереноса. В частности, В. Райх считал, что в некоторых случаях, когда в процессе анализа не осуществляется аффективный негативный перенос, виноват не столько пациент, сколько аналитик. Последний или не замечает негативного возбуждения у пациента, или препятствует его развертыванию, или благодаря преувеличенному дружелюбию укрепляет свою вытесненную агрессивность. Он также утверждал, что противоположный характер контрпереноса обусловлен неспособностью выносить позитивный перенос, связанный с сексуальными проявлениями пациента. В этом случае, как писал Райх в работе «Характероанализ» (1933), собственный страх аналитика перед чувственно-сексуальными проявлениями пациента часто не только сильно препятствует лечению, но и вполне может не допустить установления генитального примата у пациента.

Если в представлении одних психоаналитиков контрперенос являлся негативным, нежелательным феноменом, то некоторые специалисты в области психоанализа рассматривали эмоциональные реакции аналитика на пациента в качестве естественного феномена, не столько препятствующего анализу, сколько способствующего подчас эффективному осуществлению его. Так, Ш. Ференци считал, что в ряде случаев аналитик не должен подавлять или скрывать свои ответные чувства, а напротив, открыто их выражать.

Взгляды Фрейда, Райха, Ференци и других психоаналитиков на контрперенос послужили толчком к обсуждению данной проблемы. В 30–40-х годах это нашло свое отражение в работах М. Балинта и А. Балинт «О переносе и контрпереносе» (1939), Д. Винникотта «Ненависть в контрпереносе» (1949).

Последующее развитие теории и практики психоанализа сопровождалось изменением отношения психоаналитиков к роли контрпереноса в аналитическом процессе. Одни психоаналитики считали, что контрперенос имеет столь же существенное значение для аналитической терапии, как и перенос, и, следовательно, тому и другому необходимо уделять равное внимание при психоаналитическом лечении. Другие, наряду с признанием негативной составляющей контрпереноса, подчеркивали важное значение его позитивных характеристик и необходимость более продуктивного, чем это было сделано Фрейдом, изучения контрпереносных реакций аналитика на пациента. Третьи утверждали, что контрперенос является важным инструментом работы аналитика и может быть использован в процессе психоаналитической терапии в качестве эффективной техники.

В частности, П. Хайманн в статье «О контрпереносе» (1950) выдвинула следующие положения: требование Фрейда, касающееся умения аналитика распознавать и контролировать свой контрперенос, не означает, что контрперенос сугубо негативный фактор; из этого требования следует, что аналитик должен использовать свои эмоциональные реакции «как ключ к бессознательному пациента»; бессознательное аналитика «понимает бессознательное пациента»; непосредственная эмоциональная

реакция аналитика на пациента служит «важным ориентиром в бессознательных процессах пациента»; эмоциональная чувствительность аналитика должна носить не интенсивный, а скорее «экстенсивный, дифференцирующий и подвижный характер». Словом, контрперенос аналитика должен стать инструментом, способствующим пониманию бессознательного пациента.

На современном этапе развития теории и практики психоанализа в центре внимания исследователей находятся следующие проблемы: «невроз контрпереноса», идеализация контрпереноса, превращение контрпереноса в эмпатию и различие между ними; технические проблемы контрпереноса при работе с нарциссическими и психотическими пациентами; опасность растворения аналитика в пациенте; углубленное понимание контрпереноса как переноса аналитиком на пациента его собственных эмоциональных реакций, вызванных к жизни неразрешенными внутриличностными конфликтами, и как реакции аналитика на перенос пациента.

Изречения

З. Фрейд: «Мы обратили свое внимание на “встречное” перенесение, появляющееся у врача благодаря влиянию пациента на бессознательные чувства врача, и недалеки от того, чтобы предъявлять врачу требование, что он должен распознавать и одолевать это встречное перенесение».

Ш. Ференци: «Но когда психоаналитик научился распознавать симптомы контрпереноса, когда он начал контролировать в своей речи, поведении, чувствах все, что могло бы стать поводом для осложнений, ему угрожает опасность впасть в другую крайность — стать слишком черствым по отношению к пациенту».

П. Хайманн: «По моему мнению, требование Фрейда об обязательном умении аналитика “распознавать и контролировать” свой контрперенос не означает, что контрперенос является негативным фактором и что аналитик должен стать бесчувственным и отстраненным».

П. Хайманн: «Контрперенос аналитика — это инструмент исследования бессознательного пациента».

Негативная терапевтическая реакция

Негативная терапевтическая реакция — бессознательная деятельность пациента, находящая выражение во время психоаналитического лечения и заключающаяся в специфическом реагировании на терапевтический успех, который может вызвать неожиданное для аналитика ухудшение психического состояния больного.

С точки зрения классического психоанализа негативная терапевтическая реакция есть не что иное, как сопротивление пациента против своего излечения.

Первоначальные представления Фрейда о негативной терапевтической реакции возникли, по всей вероятности, во время лечения русского пациента (случай «Человека-Волка») в период 1910–1914 годов. Позднее, описывая этот случай лечения в работе «Из истории одного детского невроза» (1918), он отмечал, что ему потребовалось длительное время, чтобы заставить пациента принять самостоятельное участие

в работе. Когда же в результате его стараний наступило первое облегчение, пациент немедленно прекратил работу, чтобы не допустить дальнейших изменений и, таким образом, остаться в создавшейся уютной обстановке. В процессе дальнейшей работы с этим пациентом Фрейд неоднократно сталкивался с тем, что, как только прояснялся какой-либо вопрос, его пациент пытался противостоять достигнутому результату и на какое-то время у него происходило усиление того симптома, с которым было связано прояснение данного вопроса.

Проводя аналогию между литературными сюжетами, почерпнутыми из произведений Шекспира и Ибсена, и клиническими случаями, в работе «Некоторые типы характера из аналитической практики» (1916) Фрейд отметил необычное явление. Оно свидетельствовало о наличии причинной связи между успехом и заболеванием: нередко люди заболевают именно в тот момент, когда в их жизни исполняется какое-нибудь давнее желание. Благодаря психоанализу стало очевидно, что в подобных случаях дело идет об осуждающих и наказывающих тенденциях, оказывающих воздействие на поведение человека, о силах совести, заставляющих, по мнению основателя психоанализа, впадать в болезнь не от неудовлетворенности, как обычно, а в момент успеха.

Подобное понимание «заболевания в момент успеха» привело Фрейда к психоаналитическому объяснению того, что было названо им негативной терапевтической реакцией. В работе «Я и Оно» (1923) он обратился к клиническим фактам странного поведения некоторых пациентов во время аналитической терапии. Странное поведение части пациентов состояло в том, что если психоаналитик выражал свое удовлетворение ходом лечения и давал им надежду на благоприятный исход терапии, то они неожиданно становились недовольными и делали все, чтобы их психическое состояние ухудшалось. Поначалу может показаться, что тем самым пациенты проявляют свое упорство и стремятся доказать свое превосходство над аналитиком. Однако вскоре убеждаешься в том, что такие больные не только не переносят похвалу в свой адрес или положительную оценку, связанную с удовлетворительным ходом лечения, но и негативно реагируют на достигнутый успех. Каждое частичное разрешение проблемы в ходе аналитической терапии, сопровождающееся у других больных временным исчезновением симптомов и улучшением их психического состояния, у данного типа пациентов ведет к обратному. То есть их состояние во время аналитического лечения ухудшается вместо того, чтобы улучшаться. Такие больные проявляют, по словам Фрейда, «негативную терапевтическую реакцию».

Рассматривая негативную терапевтическую реакцию в качестве сопротивления лечению, Фрейд отмечал, что это препятствие оказывается более сильным, чем негативная установка по отношению к врачу или нежелание пациента расстаться с болезнью. В результате он пришел к убеждению, что причину негативной терапевтической реакции следует искать в моральном факторе, в чувстве вины, которое находит удовлетворение в болезни и не хочет отрешиться от наказания в виде страдания. Другое дело, что пациент чувствует себя не виновным, а больным. Само же чувство вины находит выражение лишь в виде трудноредуцируемого сопротивления собственному исцелению.

Фрейд полагал, что описанное сопротивление лечению соответствует крайним случаям. Вместе с тем он указывал, что в меньшем масштабе оно может быть принято во внимание для очень многих, возможно, для всех более тяжких случаев неврозов. Отсюда тот повышенный интерес основателя психоанализа к выяснению отно-

шений между Я и Сверх-Я, к психоаналитическому пониманию проявления чувства вины, предопределяющего степень невротического заболевания.

В «Новом цикле лекций по введению в психоанализ» (1933) З. Фрейд еще раз обратил внимание на связь между бессознательным чувством вины и негативной терапевтической реакцией, которая проявляется при аналитическом лечении. Он отмечал, что часто достаточно похвалить поведение пациента, как у того может наступить явное ухудшение состояния. С позиции тех, кто не разделяет психоаналитическое понимание невротических заболеваний, можно было бы сказать, что в этом случае речь идет об отсутствии у больного «воли к выздоровлению». Однако, как подчеркивал Фрейд, придерживаясь аналитического способа мышления, можно увидеть в этом проявление бессознательного чувства вины, которое как раз и провоцирует болезнь с ее страданиями и срывами.

Негативная терапевтическая реакция связана не только с бессознательным чувством вины, но и с мазохизмом, точнее, с той патологической формой морального мазохизма, которая препятствует психоаналитическому лечению. Подобный взгляд на возникновение негативной терапевтической реакции в процессе аналитической терапии был высказан Фрейдом в работе «Экономическая проблема мазохизма» (1924), где он отметил, что данное явление составляет одно из сильнейших сопротивлений и величайшую опасность для успеха лечебных и воспитательных замыслов. При этом он заметил, что приносящее с собой неврозы страдание оказывается именно тем фактором, благодаря которому они обретают ценность для мазохистской тенденции.

В работе «Конструкции в анализе» (1937) Фрейд подчеркнул, что негативная терапевтическая реакция может вызываться у пациента такими факторами, как протест против любой помощи аналитика, вина, мазохистская потребность страдать. Если анализ находится под давлением этих мощных факторов и сопровождается негативной терапевтической реакцией, то поведение пациента после осуществления той или иной интерпретации или сообщения ему определенной конструкции часто облегчает понимание происходящего в процессе терапии. Когда конструкция ложна, то у пациента ничего не изменяется, но если она верна, то он реагирует на нее явным ухудшением своих симптомов и своего самочувствия.

Мазохистская тенденция, которая служит основой для возникновения негативной терапевтической реакции и выражается в потребности наказания, тесно связана с тем, что основатель психоанализа назвал влечением к смерти. В работе «Конечный и бесконечный анализ» (1937) Фрейд соотнес друг с другом негативную терапевтическую реакцию, бессознательное чувство вины, мазохизм и влечение к смерти. Говоря об источниках сопротивления аналитическому лечению, он указал на силу, всеми средствами противящуюся выздоровлению и стремящуюся сохранить болезнь и страдания. Часть этой силы (сознание вины и потребность в наказании) локализована в отношении Я к Сверх-Я. Другие составляющие этой силы выходят за рамки данного отношения и соотносятся с агрессивными, деструктивными влечениями и влечением живой материи к смерти.

С точки зрения В. Райха, клиническая основа, на которой Фрейд постулировал свою теорию инстинкта смерти, — это негативная терапевтическая реакция. Первоначально разделяя подобные взгляды, впоследствии он пересмотрел их, утверждая, что можно наблюдать три процесса, проливающие свет на тайну негативной терапевтической реакции. Во-первых, зарождающиеся на основе подавленной ненависти

негативные тенденции пациента далеко не всегда подлежали анализу; во-вторых, аналитики имели дело по большей части с негативными переносами пациента; в-третьих, чаще всего они рассматривали как позитивный перенос то, что было скрытой ненавистью. Таким образом, полагал Райх, негативная терапевтическая реакция объясняется недостатками техники управления скрытым негативным переносом. При этом он утверждал, что эта реакция отсутствует, если соблюдаются два правила. Во-первых, следует помнить, что скрытая негативная установка пациента обнаруживается до того, как предпринимается аналитическая работа, пациент осознает эту установку, обеспечивая выход для освобождаемой энергии, и каждый мазохистский импульс рассматривается не как проявление первичного стремления к саморазрушению, а как агрессия, направленная против объектов внешнего мира. Во-вторых, надо учесть, что позитивные выражения любви у пациента не анализируются до тех пор, пока они не преобразуются в ненависть, то есть не станут реакциями разочарования, или не сконцентрируются на идеях генитального инцеста.

В современном психоанализе возникновение негативной терапевтической реакции связано с оживлением в аналитической ситуации отношений между ребенком и родителями, когда на ранней стадии развития бессознательные желания ребенка колебались между стремлением к слиянию с матерью и усиливающейся дифференциацией от нее. Возрастание зависимости пациента от аналитика порождает бессознательное желание первого отрицать эту зависимость посредством агрессивного отношения ко второму, как это имело место в детстве ребенка в ответ на его зависимость от родителей. За негативной терапевтической реакцией может скрываться как зависть пациента, уходящая своими корнями в детско-родительские отношения, так и мазохистские наклонности, связанные с обесцениванием ребенком самого себя и идеализацией жестких требований, исходящих от родителей. Все это может приводить к тому, что в ответ на адекватные интерпретации аналитика и его ожидание благодарности за успешное лечение у пациента возможна терапевтическая регрессия, воспроизводящая ранние негативные реакции ребенка (зависть, враждебность, обесценивание жизни), проявляемые им в детстве по отношению к родителям.

Изречения

З. Фрейд: «Есть лица, очень странно ведущие себя во время аналитической работы. Если им дают надежду и высказывают удовлетворение успехом лечения, они кажутся недовольными и регулярно ухудшают свое состояние... Они проявляют так называемую негативную терапевтическую реакцию».

В. Райх: «“Негативная терапевтическая реакция” больных оказалась позже результатом технической и терапевтической неспособности сформировать оргастическую потенцию, иными словами, рассеять в сознании больных страх перед удовольствием».

Контрольные вопросы

1. Каково психоаналитическое понимание вытеснения?
2. В чем состоит специфика фиксации и регрессии?

3. Какой смысл вкладывали в понятие «либидо» Фрейд и Юнг?
4. Что такое эдипов комплекс?
5. Как понимается проблема идентификации в психоанализе?
6. Что такое проекция и интроекция?
7. Что представляют собой интернализация и экстернализация?
8. Каковы представления Фрейда о нарциссизме?
9. Каково психоаналитическое понимание сопротивления?
10. Как было открыто явление переноса и какое место занимает оно в аналитической терапии?
11. Что такое контрперенос и какова его роль в аналитическом процессе?
12. Что представляет собой негативная терапевтическая реакция?

Рекомендуемая литература

1. *Балинт М.* Базисный дефект. Терапевтические аспекты регрессии. М., 2002.
2. *Гамбургер А.* Перенос и контрперенос // Ключевые понятия психоанализа / под ред. В. Мертенса. СПб., 2001.
3. Ключевые понятия психоанализа / под ред. В. Мертенса. СПб., 2001.
4. *Кляйн М.* Психоаналитические труды: в VII т. Ижевск, 2007. Т. 1.
5. *Лакан Ж.* Семинары. Кн. 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954–1955). М., 1999.
6. *Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. 3-е изд. М., 2017.
7. *Лейбин В. М.* Словарь-справочник по психоанализу. 3-е изд. М., 2020.
8. *Лейбин В. М.* Эдипов комплекс и российская ментальность. М., 1997.
9. *Лейбин В. М.* Эдипов комплекс: инцест и отцеубийство. М.; Воронеж, 2000.
10. *Овчаренко В. И.* Психоаналитический глоссарий. Минск, 1994.
11. Психоанализ. Популярная энциклопедия. М., 1998.
12. Психоаналитическая хрестоматия. Клинические труды / под общ. ред. М.В. Ромашкевича. М., 2005.
13. Психоаналитические термины и понятия: Словарь / под ред. Б. Мура и Б. Файна. М., 2000.
14. *Райкрофт Ч.* Критический словарь психоанализа. СПб., 1995.
15. *Райх В.* Характероанализ. М., 1999.
16. Уроки французского психоанализа: Десять лет франко-русских клинических коллоквиумов по психоанализу / под ред. П.В. Качалова, А.В. Россохина. М., 2007.
17. *Ференци Ш.* Теория и практика психоанализа. М., 2000.
18. Французская психоаналитическая школа / под ред. А. Жибо, А.В. Россохина. СПб., 2005.
19. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М., 1995.
20. *Фрейд З.* Гибель эдипова комплекса // Психоаналитические этюды. Минск, 1997.
21. *Фрейд З.* Некоторые психические следствия анатомического разделения полов // Психоаналитические этюды. Минск, 1997.
22. *Фрейд З.* О нарциссизме // Либидо. М., 1996.
23. *Фрейд З.* Замечания о «любви в перенесении» // Психоаналитические этюды. Минск, 1997.

24. *Фрейд З.* О динамике «перенесения» // Психоаналитические этюды. Минск, 1997.
25. *Холдер А.* Эдипов комплекс // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд. Жизнь. Работа. Наследие. М., 1998.
26. *Хиншелвуд Р.* Словарь кляйнинского психоанализа. М., 2007.
27. *Шпиц Р.* Психоанализ раннего детского возраста. М., 2001.
28. *Штольце Г.* Эдипова ситуация, эдипов конфликт, эдипов комплекс // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд. Жизнь. Работа. Наследие. М., 1998.
29. Эдипов комплекс. Хрестоматия / сост. и ред. В.М. Лейбин. М., 2018.
30. Эра контрпереноса. Антология психоаналитических исследований (1949–1999) / сост., науч. ред. и предисл. И.Ю. Романова. М., 2005.
31. Эротический и эротизированный перенос / под общ. ред. М.В. Ромашкевича. М., 2002.
32. *Юнг К.Г.* Либидо, его метаморфозы и символы. СПб., 1994.
33. *Юнг К.Г.* Психология переноса. М.; Киев, 1997.

Часть 2

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Глава 4

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ

Бессознательное психическое

Бытует представление, согласно которому психоанализ — это прежде всего учение о бессознательном, а Фрейд — ученый и врач, впервые открывший сферу бессознательного и тем самым совершивший коперниковский переворот в науке и медицине. Подобное представление, находящее свое отражение главным образом в обыденном сознании, широко распространено, будучи весьма далеким от истинного положения вещей.

То, что учение Фрейда о бессознательном — важная, составная часть психоанализа, бесспорно. Но психоанализ не сводится только и исключительно к этому учению. То, что Фрейд придавал особое значение изучению бессознательных процессов, протекающих в глубинах человеческой психики, — тоже не менее бесспорно. Но он не является первооткрывателем сферы бессознательного, как это подчас полагают неискушенные в истории психоанализа исследователи или правоверные психоаналитики, пытающиеся отстоять приоритет Фрейда в этой области.

В ряде работ, посвященных раскрытию идей и концепций психоанализа и опубликованных как в нашей стране, так и за рубежом, убедительно показано, что пальма первенства в постановке проблемы бессознательного принадлежит отнюдь не Фрейду. Имеются исследования, авторы которых специально рассматривали историю обращения ученых к проблематике бессознательного, освещая ее на психологическом, философском и естественно-научном материале.

В самом деле, история обращения мыслителей прошлого к проблематике бессознательного уходит своими корнями в далекую древность. Так, для некоторых древнеиндийских ученых было характерным признание существования «неразумной души», «неразумной жизни», протекающей таким образом, что человеку станови-

лись неподвластны его собственные чувства. В Бхагавадгите, или Гите, появившейся в период первого тысячелетия до новой эры, содержалось понятие о трояком разделении разума: разум знающий, неправильно познающий (страстный) и окутанный мраком (темный). Там же содержалось представление о «каме» как страсти, вожделении, основном начале человеческой души, неразумном по своей внутренней природе. В ведийской литературе Упанишад говорилось о «пране» — жизненной энергии, изначально бессознательной. Буддийское учение также исходило из признания наличия несознательной жизни. В йоге считалось, что кроме сознающего разума имеется бессознательная, но «психически активная» область. Среди философов Древней Греции были распространены идеи, связанные с проблемой неудержимых, выходящих из-под контроля индивида влечений и неосознанного знания человека. Платон, например, говорил о «диком, звероподобном начале», способном увести человека куда угодно.

Начиная с древних времен и вплоть до возникновения психоанализа проблематика бессознательного так или иначе затрагивалась в работах многих мыслителей и ученых. Достаточно сказать, что идеи о бессознательном были представлены, например, в трудах таких философов, как Лейбниц, Кант, Гегель, Шопенгауэр, Ницше и многих других. С некоторыми сочинениями названных выше философов Фрейд был знаком и вполне мог почерпнуть из этих источников определенные представления о бессознательном, в том числе из работ Липпса, о чем уже говорилось.

При рассмотрении предшествующего материала обращалось внимание на то обстоятельство, что в «Толковании сновидений» Фрейд несколько раз ссылался на Шопенгауэра. В одном месте этой работы он подчеркнул, что при осмыслении природы сновидений ряд авторов придерживались воззрений немецкого философа. При этом, воспроизводя некоторые идеи Шопенгауэра, Фрейд писал о том, что раздражения организма извне, из симпатической нервной системы, оказывают днем бессознательное влияние на наше душевное состояние.

Трудно со всей определенностью сказать, отложились ли в памяти Фрейда другие высказывания Шопенгауэра, имеющие непосредственное отношение к проблеме бессознательного. Например, такое высказывание, содержавшееся в главном труде немецкого философа «Мир как воля и представление» (1819), согласно которому бессознательность — это естественное состояние вещей и, следовательно, она является той основой, из которой, в отдельных родах существ, как высший цвет ее, вырастает сознание. Но можно с полным на то основанием утверждать, что помимо работ Липпса Фрейд был знаком с литературой, в той или иной степени содержавшей идеи о бессознательном.

Во второй половине XIX века идеи о бессознательной человеческой деятельности, что называется, носились в воздухе. Как показал английский исследователь Л. Уайт, в период с 1872 по 1880 год на английском, французском и немецком языках вышли в свет по меньшей мере шесть научных изданий, в названии которых стоял термин «бессознательное». Впрочем и до 1872 года были работы, в названии которых фигурировал данный термин. Типичным примером служил объемистый труд немецкого философа Эдуарда фон Гартмана «Философия бессознательного» (1869), где подчеркивалось, что горе тому человеку, который, преувеличивая цену сознательно-разумного и желая исключительно поддержать его значение, насильственно подавляет бессознательное.

Посвященный проблематике бессознательного труд Гартмана существенно отличался от работ других мыслителей, в которых хотя и содержались идеи о бессознательном, тем не менее они не получали развернутого обоснования. Немецкий философ не только обстоятельно обсудил проблематику бессознательного, признал за бессознательным несомненную ценность для понимания человеческих деяний, но и попытался рассмотреть те плюсы и минусы, которые оно включает в себя.

Выдвинув аргументы в пользу признания бессознательного, Гартман отметил следующие плюсы, которые, по его мнению, определяют ценность бессознательного.

Во-первых, бессознательное формирует организм и поддерживает его жизнь.

Во-вторых, в качестве инстинкта бессознательное служит цели самосохранения человеческого существа как такового.

В-третьих, благодаря сексуальному влечению и материнской любви бессознательное не только сохраняет, поддерживает человеческую природу, но и облагораживает ее в процессе истории развития человеческого рода.

В-четвертых, в качестве некоего предчувствия бессознательное руководит человеком, особенно в тех случаях, когда его сознание оказывается не в состоянии дать какой-либо полезный совет.

В-пятых, будучи неотъемлемым элементом любого вдохновения, оно способствует осуществлению процесса познания и благоприятствует тому откровению, к которому порой приходят люди.

В-шестых, бессознательное становится стимулом для художественного творчества и доставляет человеку удовольствие при созерцании прекрасного.

Наряду с несомненными плюсами, Гартман обратил внимание и на те очевидные минусы, которые, на его взгляд, свойственны бессознательному. Прежде всего, руководствуясь бессознательным, человек бродит всегда в потемках, не ведая, куда оно его заведет. Кроме того, находясь под воздействием бессознательного, человек почти всегда зависит от случая, поскольку заранее не знает о том, придет ли к нему вдохновение или нет. Фактически нет каких-либо надежных критериев для выявления вдохновения, так как только по результатам человеческой деятельности можно судить об их подлинной ценности.

К этому следует добавить, что в отличие от сознания бессознательное представляется чем-то неизвестным, туманным, чуждым. Сознание является верным слугой, в то время как бессознательное включает в себя нечто страшное, демоническое. Сознательной работой можно гордиться, бессознательная же деятельность может восприниматься в качестве некоего божественного дара. Бессознательное всегда как бы предуготовлено, в то время как сознание можно изменять в зависимости от приобретенных знаний и социальных условий жизни. Бессознательная деятельность приводит к не поддающимся совершенству готовым результатам, над результатами же сознательной деятельности можно продолжать работать, улучшать их, совершенствоваться в своих навыках и умениях. И наконец, бессознательная деятельность человека всецело зависит от его аффектов, страстей и интересов, в то время как сознательная деятельность осуществляется на основе его воли и разума и, следовательно, эта деятельность может быть ориентирована в нужном для него направлении.

Фрейд читал данный труд Гартмана. В «Толковании сновидений» он не только ссылался на его «Философию бессознательного», но и приводил выдержку из этой работы. Правда, речь шла о переносе в состояние сна элементов бодрствования,

а также о том, что примиряющие человека с жизнью научный интерес и эстетическое наслаждение вроде бы, согласно Гартману, не переносятся в сновидение. Тем не менее вряд ли Фрейд не обратил внимания на размышления немецкого философа о бессознательном, включая его позитивные и негативные характеристики.

Как бы там ни было, но остается реальным фактом, что задолго до Фрейда проблематика бессознательного попадала в поле зрения различных мыслителей. Другое дело, что, в отличие от философии второй половины XIX столетия, в науке и медицине превалировали представления о человеке как сознательном существе. В лучшем случае высказывались соображения о бессознательных физиологических реакциях. Однако психология восприятия человека в основном была ориентирована на рассмотрение его в качестве разумного, рационального, сознательного существа.

Подавляющее большинство психологов того периода считали, что психика и сознание — это одно и то же. Представление о тождестве сознания и психики уходило своими корнями вглубь истории, когда отличительной от животного характеристикой человеческого существа считалось именно сознание. В своем глубинном осмыслении представление о тождестве сознания и психики получило отражение в известном изречении французского философа XVII века Рене Декарта: «Мыслю, следовательно, существую». Правда, в своем трактате «Страсти души» он писал о борьбе между низшей, «чувствующей» и высшей, «разумной» частями души. Однако, считая, что части души практически не отличаются друг от друга («чувствующая» часть души является одновременно «разумной», а бессознательные движения относятся лишь к телу), Декарт тем самым как бы исключил сферу бессознательного из человеческой психики.

Заинтересовавшись бессознательными действиями людей, которые Фрейд наблюдал во время экспериментов с гипнозом, и восприняв некоторые идеи о бессознательном, содержавшиеся в философских работах, он прежде всего поставил под вопрос широко распространенное в науке представление о тождестве сознания и психики. Дело в том, что если психическое целиком и полностью соотносилось с сознательным, то в таком случае возникали практически неразрешимые трудности, связанные с так называемым психофизическим параллелизмом. Душа и тело выступали как несводимые друг к другу сферы человека, в каждой из которых действовали свои закономерности и как бы параллельно друг другу протекали свои обособленные процессы. Бессознательные движения и реакции относились к телесной организации человека, сознательные процессы мышления — к человеческой душе.

Фрейд выступил против подобных представлений, согласно которым психика человека характеризуется исключительно такими процессами, которые по определению относятся к сознательным. Он настаивал, что более целесообразным было бы признание наличия в психике человека процессов, являющихся не только сознательными. Деление психики на сознательное и бессознательное и стало основной предпосылкой психоанализа. При этом Фрейд полагал, что рассмотрение психики человека под углом зрения наличия в ней бессознательных и сознательных процессов, во-первых, способствует разрешению трудностей психофизического параллелизма и, во-вторых, дает возможность лучше исследовать и понять те патологические процессы, которые возникают подчас в душевной жизни. Апеллируя к подобным доводам, он выдвинул важное теоретическое положение о том, что сознательное не является сущностью психического.

Выступая против картезианского понимания человеческой психики, Фрейд подчеркивал, что у данных сознания имеются различного рода пробелы, не позволяющие компетентно судить о процессах, которые происходят в глубинах психики. И у здоровых людей, и у больных часто наблюдаются такие психические акты, объяснение которых требует допущения существования психических процессов, не вписывающихся в поле зрения сознания. Поэтому Фрейд считал, что имеет смысл допустить наличие бессознательного и с позиций науки работать с ним, чтобы тем самым восполнить пробелы, неизбежно существующие при отождествлении психического с сознательным. Ведь подобное отождествление является, по существу, условным, недоказанным и представляется не более правомерным, чем гипотеза о бессознательном. Между тем жизненный опыт, да и здравый смысл указывают на то, что отождествление психики с сознанием оказывается совершенно нецелесообразным. Более разумно исходить из допущения бессознательного как некой реальности, с которой необходимо считаться, коль скоро речь идет о понимании природы человеческой психики.

В своем обосновании целесообразности признания бессознательного Фрейд полемизировал с теми теоретиками, которые отвергали данное понятие, полагая, что достаточно говорить о различных степенях сознания. Действительно, в философии и психологии конца XIX века нередко отстаивалось убеждение, что сознание может характеризоваться определенными оттенками интенсивности и яркости. В результате чего наряду с отчетливо осознаваемыми процессами можно наблюдать состояния и процессы, недостаточно ясные, малозаметные, не бросающиеся в глаза, но тем не менее наличествующие в самом сознании. Те, кто придерживался такой точки зрения, полагали, что нет никакой необходимости вводить понятие бессознательного, так как вполне можно обойтись представлениями о слабо сознаваемых процессах и не совсем ясных состояниях.

Фрейд не разделял подобную точку зрения. Более того, он считал ее неприемлемой. Правда, он готов был признать, что отстаиваемые таким образом теоретические положения могут быть в какой-то степени содержательными. Однако, по его убеждению, эти положения оказываются практически непригодными, поскольку приравнивание малозаметных, незаметных и не вполне ясных процессов к сознательным, но недостаточно осознаваемым не устраняет трудностей, связанных с разрывами сознания. Целесообразнее, стало быть, не ограничиваться упованием на сознание и иметь в виду, что оно далеко не покрывает собой всю психику. Тем самым Фрейд не только пересмотрел ранее существовавшее привычное представление о тождестве сознания и психики, но и, по сути дела, отказался от него в пользу признания в психике человека бессознательных процессов. Более того, он не просто обратил внимание на необходимость учета бессознательного как такового, а выдвинул гипотезу о правомерности рассмотрения того, что он назвал *бессознательным психическим*. В этом состояло одно из достоинств психоаналитического понимания бессознательного.

Нельзя сказать, что именно Фрейд ввел понятие бессознательного психического. До него Гартман провел различия между физически, гносеологически, метафизически и психически бессознательным. Однако если немецкий философ ограничился подобным разделением, высказав весьма невнятные соображения о психически бессознательном и сконцентрировав свои усилия на осмыслении гносеологических

и метафизических его аспектов, то основатель психоанализа поставил бессознательное психическое в центр своих раздумий и исследований.

Для Фрейда бессознательное психическое выступало в качестве приемлемой гипотезы, благодаря которой открывалась перспектива изучения психической жизни человека во всей ее полноте, противоречивости и драматичности. Во всяком случае, он исходил из того, что рассмотрение психики человека исключительно через призму сознания ведет к искажению действительного положения вещей, поскольку в реальной жизни люди довольно часто не ведают, что творят, не осознают глубинных конфликтов, не понимают подлинных причин своего поведения.

Идеи о бессознательном психическом были выдвинуты Фрейдом в первой его фундаментальной работе «Толкование сновидений». Именно в ней он подчеркнул, что внимательное наблюдение над душевной жизнью невротиков и анализ сновидений дают неопровержимые доказательства наличия таких психических процессов, которые совершаются без участия сознания. Собственно говоря, признание реальности существования бессознательных психических процессов — это та сфера мыслительной деятельности, где, по выражению Фрейда, «врач и философ вступают в сотрудничество». Оно же обусловлено тем, что оба признают бессознательные психические процессы как вполне целесообразные и законные.

Говоря о сотрудничестве между врачом и философом в деле признания бессознательных психических процессов, Фрейд имеет в виду прежде всего сходные представления о бессознательном, имевшие место у него и у Липпса. Речь идет об отказе от чрезмерной оценки сознания, что служит необходимой предпосылкой для правильного, с его точки зрения, понимания психического как такового. Липпс считал, что бессознательное должно лечь в основу рассмотрения психической жизни. Фрейд полагал, что бессознательное включает в себя всю полноту ценности психического действия. Отсюда берет начало его идея о психическом бессознательном.

Таким образом, открытие Фрейдом бессознательного психического было обусловлено по меньшей мере тремя факторами:

1) наблюдениями над невротиками;
2) анализом сновидений;
3) соответствующими идеями Липпса о бессознательном.

Надо сказать, что бессознательное психическое не являлось для Фрейда чем-то абстрактным, демоническим, совершенно бессодержательным и неуловимым, что может выступать в лучшем случае в качестве отвлеченного понятия, используемого при описании некоторых психических понятий. Подобно некоторым философам, апеллировавшим к данному понятию, он готов был признать за бессознательным эвристическую значимость. То есть он рассматривал его в качестве теоретической конструкции, необходимой для лучшего понимания и объяснения человеческой психики. Однако, в отличие от тех, кто усматривал в бессознательном лишь теоретическую конструкцию, способствующую установлению логических связей между сознательными процессами и глубинными структурами психики, Фрейд рассматривал бессознательное как нечто реально психическое, характеризующееся своими особенностями и имеющее вполне конкретные содержательные импликации. Исходя из этого в рамках психоанализа предпринималась попытка осмысления бессознательного посредством выявления его содержательных характеристик и раскрытия специфики протекания бессознательных процессов.

Выявление и описание бессознательных процессов составляли важную часть исследовательской и терапевтической деятельности Фрейда. Однако он этим не ограничился и подверг бессознательное аналитическому расчленению. Раскрытие механизмов функционирования бессознательных процессов, анализ конкретных форм бессознательного психического в жизнедеятельности человека, поиск в самом бессознательном различных его составляющих — все это представляло значительный интерес для Фрейда. Причем он не просто интересовался описанием и раскрытием бессознательного как чего-то отрицательного, находящегося вне сознания, а стремился подчеркнуть именно позитивную составляющую бессознательного психического. Он обращал внимание на те свойства бессознательного, которые свидетельствовали о самобытности и специфичности данной сферы человеческой психики, качественно и содержательно отличающейся от сознания.

Обращаясь к исследованию бессознательного психического, Фрейд исходил из того, что любое проявление бессознательного представляет собой ценный акт человеческой психики. То есть такой акт, который наделен определенным смыслом. Под смыслом имелось в виду не расхожее представление о чем-то таком, что требовало абстрактных размышлений о жизни, судьбе или смерти. Под смыслом понималось вполне конкретное намерение, тенденция и определенное место среди других психических явлений. Одна из важных задач психоанализа как раз и состояла в том, чтобы найти смысл бессознательных процессов, раскрыть их значение и смысловые связи в содержательном, позитивном плане. Представляется, вопреки различным оценкам бессознательного в психоанализе как чего-то отрицательного, негативного (психика минус сознание), более корректно и правильно говорить о психоаналитическом понятии бессознательного как позитивного концепта.

Исследование бессознательного осуществлялось Фрейдом не изолированно, не само по себе, а в контексте его соотношения с сознанием. Это был привычный путь, по которому шли те ученые, которые признавали существование бессознательного. Однако перед Фрейдом возникли вопросы, требующие ответа в свете осмысления бессознательного психического.

Для Фрейда быть сознательным — значит иметь непосредственное и надежное восприятие. Но что можно сказать о восприятии в сфере бессознательного? И здесь основатель психоанализа сравнил восприятие сознания бессознательных процессов с восприятием органами чувств внешнего мира. Причем он исходил из тех уточнений, которые в свое время были внесены немецким философом Кантом в понимание данной проблемы. Кант подчеркивал субъективную условность человеческого восприятия, нетождественность восприятия с не поддающимся познанию воспринимаемым. Фрейд же стал акцентировать внимание на неправомерности отождествления восприятия сознания с бессознательными психическими процессами, являвшимися объектом этого сознания.

Развивая идеи Канта, Фрейд утверждал, что бессознательное психическое следует признать как нечто реально существующее, но восприятие которого сознанием требует особых усилий, технических процедур, определенных навыков, связанных с умением истолковывать воспринимаемые явления. Это означает, что психоанализ, по сути дела, имеет дело с таким бессознательным в психике человека, которое рассматривается в качестве специфической реальности независимо от того, оказывается эта реальность действительной или воображаемой.

Подвергнув сомнению теорию совращения, Фрейд пришел к выводу, что в области неврозов определяющим моментом служит не реальность как таковая, воспринимаемая в качестве какого-то свершившегося факта, а психическая реальность, которая может граничить с вымыслом, воображением, но тем не менее оказывается весьма действенной в жизни человека. Психическая реальность по большей части не является прерогативой сознания. В ней властвует бессознательное психическое, далеко не всегда попадающее в поле сознания, однако оказывающее существенное воздействие на поведение человека. Это бессознательное психическое по своей природе не пассивно и не инертно. Напротив, оно весьма действенно, активно и способно вызвать к жизни такие внутренние процессы и силы, которые могут вылиться в созидательную деятельность или оказаться разрушительными как для самого человека, так и для окружающих его людей.

К мысли о действенности бессознательного Фрейд пришел еще до того, как были сформулированы основные идеи психоанализа. Проводимые французским врачом И. Бернгеймом эксперименты заставили его задуматься над тем, что активным и действенным может быть даже то, что не является сознательным. Так, Бернгейм вводил человека в гипнотическое состояние и внушал ему, что по прошествии времени тот обязательно должен совершить то действие, о котором ему говорится. После выхода из гипнотического состояния человек ничего не помнил о том, что ему внушалось, но в определенное время совершал соответствующее действие. При этом он совершенно не понимал, почему и зачем делает что-то. Стоило только его спросить, почему он, например, раскрывает зонтик, как тут же человек находил различного рода объяснения, хотя они никак не соотносились с реальностью и не оправдывали его действие.

Из подобного эксперимента следовало, что многое у человека оставалось в бессознательном. Он не помнил того, что экспериментатор внушал ему. Не помнил ни самого гипнотического состояния, ни воздействия на него со стороны экспериментатора, ни содержания внушенного ему действия. В сознании человека всплывало только представление о конкретном действии, которое он и совершал, не имея ни малейшего понятия о причинах, заставивших его это сделать. Стало быть, у него наличествовала идея действия, которая, будучи бессознательной, все же была активной и готовой к реализации. Бессознательное психическое оказывалось наделенным деятельным началом.

Если, согласно Фрейду, собственно деятельным является бессознательное психическое, то как тогда следует относиться к традиционным представлениям о сознании как специфическом признаке человеческого существа? И каковы в таком случае отношения между сознанием и бессознательным? Фрейд не мог обойти молчанием эти вопросы и по-своему попытался ответить на них.

Изречения

З. Фрейд: «Вопрос о том, тождественно ли психическое сознательному или же оно гораздо шире, может показаться пустой игрой слов, но смею вас заверить, что признание существования бессознательных психических процессов ведет к совершенно новой ориентации в мире и науке».

З. Фрейд: «Психоанализ не может считать сознательное сущностью психического, но должен рассматривать сознание как качество психического, которое может присоединяться или не присоединяться к другим его качествам».

З. Фрейд: «Деление психики на сознательное и бессознательное является основной предпосылкой психоанализа, и только оно дает возможность понять и приобщить к науке часто наблюдающиеся и очень важные патологические процессы в душевной жизни».

З. Фрейд: «Наше бессознательное не совсем то же, что бессознательное философов, а кроме того, большинство философов знать ничего не хотят о “бессознательном психическом”».

З. Фрейд: «Бессознательное — это большой круг, включающий в себя меньший сознательного; все сознательное имеет предварительную бессознательную стадию, между тем как бессознательное может остаться на этой стадии и все же претендовать на полную ценность психического действия».

Топика и динамика психических процессов

Прежде всего основатель психоанализа исходил из того, что всякий душевный процесс существует сначала в бессознательном и только затем может оказаться в сфере сознания. Причем переход в сознание — это отнюдь не обязательный процесс, поскольку, с точки зрения Фрейда, далеко не все психические акты непременно становятся сознательными. Некоторые, а быть может, и многие из них так и остаются в бессознательном, не находят возможных путей доступа к сознанию.

Прибегая к образному мышлению, Фрейд сравнивал сферу бессознательного с большой передней, в которой находятся все душевные движения, а сознание — с примыкающей к ней узкой комнатой, салоном. На пороге между передней и салоном стоит на посту страж, который не только пристально разглядывает каждое душевное движение, но и решает вопрос о том, пропускать его из одной комнаты в другую или нет. Если какое-либо душевное движение допускается стражем в салон, то это еще не означает, что оно тем самым становится непременно сознательным. Оно превращается в сознательное только тогда, когда привлекает к себе внимание сознания, находящегося в конце салона. Поэтому, если передняя комната — это обитель бессознательного, то салон, по сути дела, вместилище того, что можно было бы назвать предсознательным. И только за ним расположена келья собственно сознательного, где, находясь на задворках салона, сознание выступает в роли наблюдателя. Таково одно из пространственных, или, как Фрейд называл, топических, представлений о бессознательном и сознательном в психоанализе.

Деление психики на сознательное и бессознательное не являлось собственной заслугой Фрейда. Описание соотношений между сознанием и бессознательным тоже не было чем-то необычным, по крайней мере выходящим за рамки представлений тех, включая Липпса, кто считал, что психическое может существовать в виде бессознательного. Однако по сравнению с предшественниками, уделявшими внимание бессознательному как таковому, Фрейд особо подчеркнул активность и действенность бессознательного. Это привело к далеко идущим последствиям, когда бессознательные процессы стали рассматриваться не столько в статике, сколько

в динамике. Психоанализ как раз и нацелен на раскрытие динамики развертывания бессознательных процессов в психике человека.

Но это еще не все. Отличие психоаналитического понимания бессознательного от трактовок его, содержавшихся в философии и психологии, состояло в том, что Фрейд не ограничился рассмотрением соотношений между сознанием и бессознательным, а обратился к анализу бессознательного психического для выявления его возможных составляющих. При этом он открыл то новое, что не было объектом изучения в психологии. Оно состояло в том, что бессознательное стало рассматриваться с точки зрения наличия в нем не сводящихся друг к другу составных частей, а главное — под углом зрения функционирования различных систем, в своей совокупности составляющих бессознательное психическое. Как писал Фрейд в «Толковании сновидений», бессознательное обнаруживается в качестве функции двух раздельных систем.

В понимании Фрейда, бессознательное характеризуется некой двойственностью, обнаруживаемой не столько при описании бессознательных процессов как таковых, сколько при раскрытии динамики их функционирования в человеческой психике. Если в предшествующей психологии даже не ставился вопрос о двоякого рода бессознательном, то для основателя психоанализа признание наличия двух систем в бессознательном стало отправной точкой его дальнейшей исследовательской и терапевтической деятельности.

Отличие психоаналитического понимания бессознательного от предшествующих его трактовок, включая соответствующие представления Липпса, заключалось в том, что в самом бессознательном были выявлены как бы два потока мыслей, два вида бессознательных процессов. Осмысление клинического материала, анализ сновидений и переработка содержащихся в философских и психологических трудах представлений о бессознательном привели Фрейда к необходимости проведения различий между предсознательным и бессознательным. Но он не ограничился только этим и попытался более обстоятельно разобраться в природе выделенных им видов бессознательного. Ориентация на углубленное исследование способствовала возникновению и развитию новых идей, которые стали составной частью психоанализа.

В ходе раскрытия динамики психических процессов, не являющихся сознательными, обнаружилось то, что Фрейд назвал скрытым, латентным бессознательным. Это бессознательное обладало характерными признаками, свидетельствующими о его специфике. Основным признаком данного вида бессознательного было то, что представление, будучи сознательным в какой-то момент, переставало быть таковым в следующее мгновение, но могло вновь стать сознательным при наличии определенных условий, способствующих переходу бессознательного в сознание.

Кроме того, динамика развертывания психических процессов, как оказалось, позволяла говорить о наличии в психике человека какой-то противодействующей силы, препятствующей проникновению бессознательных представлений в сознание. Состояние, в котором данные представления находились до их осознания, Фрейд назвал вытеснением, а силу, способствующую вытеснению этих представлений, — сопротивлением. Осмысление того и другого привело его к выводу, что устранение сопротивления, в принципе, возможно, но оно осуществимо лишь на основе специальных процедур, с помощью которых соответствующие бессознательные представления могут быть доведены до сознания человека.

Все это способствовало тому, что в понимании Фрейда бессознательное предстало в качестве двух самостоятельных и не сводящихся друг к другу психических

процессов. Первый вид скрытого, латентного бессознательного — это то, что Фрейд назвал предсознательным, второй — вытесненным бессознательным. Понятийная тонкость заключалась в том, что и то и другое являлось бессознательным. Но в случае использования понятия «предсознательное» речь шла об описательном значении бессознательного психического, в то время как «вытесненное бессознательное» подразумевало динамический аспект психики. В конечном счете традиционное для психологии деление на сознание и бессознательное дополнилось психоаналитическим пониманием бессознательного психического, при котором фигурировали не два, а три термина: «сознательное», «предсознательное» и «бессознательное».

Топическое, то есть пространственное, представление психики человека через призму сознательного, предсознательного и бессознательного способствовало лучшему пониманию динамики развития психических процессов. Однако в терминологическом отношении не все было так просто и ясно, как того хотелось Фрейду. И действительно, в описательном смысле существовали как бы два вида бессознательного — предсознательное и вытесненное бессознательное. С точки же зрения динамики развертывания психических процессов — только один вид бессознательного, а именно вытесненное бессознательное.

Введенная Фрейдом двойственность бессознательного создает подчас путаницу и неопределенность при раскрытии специфики психоаналитического понимания природы бессознательных процессов. Такая путаница и неопределенность имеют место не только в дилетантском восприятии психоанализа, но и в психоаналитической литературе, где далеко не всегда уточняется смысл понятия «бессознательное», используемого различными авторами. Сам Фрейд проводил различие между бессознательным и предсознательным, между вытесненными и латентными бессознательными представлениями.

Трудности понятийного порядка при рассмотрении бессознательного давали знать о себе еще при жизни Фрейда. Он сам говорил о том, что в одних случаях можно было пренебречь различием между предсознательным и бессознательным, в то время как в других случаях такое различие представлялось важным и необходимым. Более того, испытывая потребность в прояснении понятий, он стремился также показать различия между бессознательным вообще как описательным понятием и вытесненным бессознательным, относящимся к динамике психических процессов. Казалось бы, Фрейду удалось внести ясность в различие понятий, использованных им при рассмотрении бессознательного психического. Тем не менее некая двойственность и неоднозначность сохранялись, и требовались определенные усилия для того, чтобы избежать возможной путаницы. И если в теории психоанализа все же можно было разобраться в понятийных тонкостях, связанных с употреблением терминов «предсознательное», «вытесненное» и «бессознательное», то в его практике действительно возникали такие трудности, которые не только не поддавались разрешению, но и не осознавались самими психоаналитиками.

Изречения

З. Фрейд: «Мы привыкли думать, что всякая скрытая мысль такова вследствие своей слабости и что она становится сознательной, как только приобретает силу. Но мы теперь убедились, что существуют скрытые мысли, которые

не проникают в сознание, как бы сильны они ни были. Поэтому мы предлагаем скрытые мысли первой группы называть предсознательными, тогда как выражение "бессознательные" (в узком смысле) сохранить для второй группы, которую мы наблюдаем при неврозах. Выражение "бессознательное", которое мы до сих пор употребляли только в описательном смысле, получает теперь более широкое значение. Оно обозначает не только скрытые мысли вообще, но преимущественно носящие определенный динамический характер, а именно те, которые держатся вдали от сознания, несмотря на их интенсивность и активность».

З. Фрейд: «Мы видим, однако, что есть два вида бессознательного: латентное, но способное стать сознательным, и вытесненное, которое само по себе и без дальнейшего не может стать сознательным».

З. Фрейд: «Латентное бессознательное, являющееся таковым только в описательном, но не в динамическом смысле, называется нами предсознательным; термин "бессознательное" мы применяем только к вытесненному динамическому бессознательному».

З. Фрейд: «"Бессознательное" — чисто описательный, в некоторых отношениях неопределенный, так сказать, статичный термин; "вытесненное" — динамическое слово, которое принимает в расчет игру психических сил...»

Многозначность бессознательного

Классический психоанализ Фрейда основывался главным образом на раскрытии характеристик и природы одного вида бессознательного, а именно вытесненного бессознательного. Собственно говоря, практика психоанализа ориентирована на выявление сопротивления пациента и того вытесненного бессознательного, которое было результатом вытеснения из его сознания и памяти бессознательных влечений и желаний. Между тем в теории, в психоаналитическом учении «вытесненное» оказывалось только частью бессознательного психического и полностью не покрывало его.

Противоречия между теорией и практикой психоанализа вызывают у современных психоаналитиков постоянные дискуссии и споры. Они ведутся по самым различным вопросам — о толковании сновидений, роли сексуальности и эдипова комплекса в образовании неврозов, соотношении между языком психоаналитической теории и практическим использованием аналитического метода и так далее. Но в поле сознания психоаналитиков крайне редко попадают терминологические нюансы, связанные с психоаналитическим понятием бессознательного. С той двусмысленностью его использования, которая, помимо всего прочего, отражается в расхождениях между теорией и практикой психоанализа.

Сам Фрейд осознавал всю двусмысленность, возникающую в процессе глубинного рассмотрения бессознательного с точки зрения выявления его функциональных особенностей протекания в различных психических системах — будь то система предсознательного или вытесненного бессознательного. Более того, он полагал, что некая двусмысленность возникает даже при рассмотрении сознания и бессознательного, так как в конечном счете различия между ними — это вопрос восприятия, на который необходимо ответить утвердительно или отрицательно. Не случайно

Фрейд подчеркивал, что при употреблении терминов «сознательный» и «бессознательный» трудно, практически невозможно избежать имеющей место двусмысленности.

Осознавая это положение, Фрейд как исследователь, стремящийся к выявлению истины и предотвращению возможных недоразумений, все-таки попытался устранить двусмысленность, связанную с неоднозначным употреблением термина «бессознательное». С этой целью он предложил использовать буквенное обозначение для описания различных психических систем, процессов или состояний. Так, система сознания сокращенно обозначалась им как *Bw* (*Bewusst*), система предсознательного — как *Vbw* (*Vorbewusst*), система бессознательного — как *Ubw* (*Unbewusst*). Со строчной буквы соответственно вводились такие обозначения, как *bw* — сознательное, *vbw* — предсознательное и *ubw* — бессознательное, под которым понималось главным образом вытесненное, динамически понятое бессознательное.

Буквенное обозначение различных систем и процессов в какой-то степени способствовало устранению недопонимания, которое возникало при использовании соответствующих терминов. Однако в процессе дальнейшей исследовательской и терапевтической деятельности выяснилось, что ранее осуществленное Фрейдом различие между предсознательным и вытесненным бессознательным оказалось теоретически недостаточным и практически неудовлетворительным. Поэтому топическое и динамическое понимание человеческой психики было дополнено структурным ее осмыслением. Это имело место в работе «Я и Оно» (1923), где Фрейд рассмотрел структуру психики через призму соотношений между *Оно* (*бессознательное*), *Я* (*сознание*) *и Сверх-Я* (*родительский авторитет, идеал, совесть*).

Тем не менее новый взгляд на соотношения между сознательными и бессознательными процессами не только не устранил двусмысленность в трактовке бессознательного, но еще в большей степени осложнил понимание бессознательного психического как такового. Собственно говоря, работа «Я и Оно» была направлена на устранение тех упрощений в осмыслении взаимосвязей между сознанием и бессознательным, которые стали очевидными по мере того, как происходило развитие теории и практики психоанализа. Однако углубление в дебри бессознательного со всей очевидностью продемонстрировало тривиальную истину, отраженную в обыденном изречении: «Чем дальше в лес, тем больше дров».

Казалось бы, психоаналитическая структурная теория должна была снять те двусмысленности в понимании бессознательного, которые возникли при топическом и динамическом рассмотрении бессознательных процессов. Ведь благодаря этой теории бессознательное исследовалось не только изнутри, из глубин бессознательной психики, где бессознательные процессы соотносились с силами Оно или всем низменным, животным, что содержится в человеческой природе. Оно изучалось и со стороны Сверх-Я, которое олицетворяет собой нормы, предписания и требования, предъявляемые к человеку по мере приобщения его к культуре. Однако в результате структурного среза исследования человеческой психики психоаналитическое понимание бессознательного не только не утратило своей двойственности, но, напротив, приобрело много смыслов.

Последнее обстоятельство связано с признанием Фрейдом того, что в самом Я имеется нечто бессознательное, которое существует наряду с другими видами бессознательных процессов. Это бессознательное проявляется подобно вытесненному,

и для его осознания также требуется особая работа. Здесь-то как раз и возникает одно из затруднений, когда внутриличностные конфликты сводятся к столкновению между сознанием и бессознательным. При этом акцент делается на вытесненном бессознательном, но не учитывается, что невроз может быть обусловлен внутренними сшибками в самом Я, часть которого тоже бессознательна.

Речь идет о внесении Фрейдом изменения в предшествующее понимание внутриличностных конфликтов. Вначале проводилось различие между сознанием и бессознательным. Описательный подход к человеческой психике предполагал именно такое разделение ее. Затем, при раскрытии динамики психических процессов, были выделены сознание, предсознательное и вытесненное бессознательное. Наконец, структурный подход к человеческой психике внес существенное дополнение в ее понимание, когда в самом Я обнаружилось бессознательное, не совпадающее с вытесненным бессознательным. Фрейд назвал его *«третьим» бессознательным*, которое в структурной модели обозначалось термином «Сверх-Я».

Признание Фрейдом «третьего» бессознательного позволило по-иному, чем раньше, исследовать сложные взаимодействия между сознательными и бессознательными процессами, протекающими в глубинах человеческой психики. Оно способствовало лучшему пониманию природы внутриличностных конфликтов и причин возникновения неврозов. Вместе с тем выделение «третьего» бессознательного затруднило общее понимание бессознательного психического, которое стало не просто двусмысленным, а действительно многозначным. Фрейд это понимал. Не случайно, говоря о введении «третьего» бессознательного, он писал о той многозначности понятия бессознательного, которую приходится признать в психоанализе.

Коль скоро *понятие бессознательного оказалось многозначным*, то, быть может, стоило бы от него отказаться? И тогда следовало бы согласиться с теми психологами и философами, которые считали, что исследователи вообще не имеют право говорить о бессознательном, поскольку оно терминологически не определено? Однако, принимая во внимание многосмысленность данного понятия, Фрейд тем не менее не только не отказался от бессознательного психического как такового, но, напротив, настаивал на необходимости его тщательного и всестороннего изучения. Более того, он предупреждал против того, чтобы на этом основании не возникало пренебрежительного отношения ни к самому понятию бессознательного, ни к психоаналитической идее действенности бессознательного психического.

Таким образом, при рассмотрении и оценке психоаналитического учения Фрейда о бессознательном психическом необходимо учитывать те тонкости, которые касаются фрейдовского различения тех или иных видов бессознательного. Не проводя разграничений между психоаналитическим пониманием предсознательного, вытесненного и «третьего» бессознательного, легко впасть в упрощенные обобщения о характере взаимоотношений между сознанием и бессознательным.

Принято, например, считать, что Фрейд абсолютизировал антагонистический характер отношений между сознанием и бессознательным. И это отчасти действительно так, если иметь в виду взаимосвязи между вытесненным бессознательным и сознанием. Но взаимоотношения между предсознательным и сознанием не были в понимании Фрейда антагонистическими. Он не проводил резкой границы между ними ни при топическом рассмотрении человеческой психики, ни при структурно-функциональном ее анализе.

Другое дело, что примат бессознательного над сознанием в генетическом срезе (сознание — продукт более высокой организации психики) Фрейд распространил и на функциональные отношения между ними. Если принять во внимание его тезис о том, что значительная часть Я не менее бессознательна, чем нечто, находящееся по ту сторону сознания, то становится понятной соразмерность того и другого с точки зрения классического психоанализа. Во всяком случае, для понимания этой соразмерности в психоанализе использовался образ, который не оставлял никаких сомнений на этот счет. Психика человека сравнивалась с айсбергом, одна треть которого (сознание) находится над водой, а две трети (бессознательное) скрыто под водой.

Обращаясь к рассмотрению бессознательного психического, Фрейд стремился понять механизм перехода психических актов из сферы бессознательного в систему сознания. Это имело непосредственное отношение как к теории, так и к практике психоанализа. В исследовательском плане необходимо было уяснить, как и каким образом возможно осознание бессознательного. В клиническом отношении важно было разработать технические средства, способствующие обретению пациентами знаний о своих бессознательных влечениях и желаниях с целью дальнейшего освобождения их от симптомов психического заболевания. И в том и в другом случае возникали некоторые затруднения, требующие своего прояснения.

Изречения

З. Фрейд: «Даже часть Я (один Бог ведает, насколько важная часть) может быть бессознательной, и без всякого сомнения и является таковой. И это бессознательное в Я не есть латентное в смысле предсознательного, иначе его нельзя было бы сделать активным без осознания, и само осознание не представляло бы столько трудностей. Когда мы, таким образом, стоим перед необходимостью признания третьего, не вытесненного, то нам приходится признать, что свойство бессознательности теряет для нас свое значение. Оно становится многозначным качеством, не позволяющим широких и непререкаемых выводов, для которых нам хотелось бы его использовать».

З. Фрейд: «Различие сознательного и бессознательного является, в конце концов, вопросом восприятия, на который можно ответить “да” или “нет”».

З. Фрейд: «В конце концов, свойство бессознательности или сознательности является единственным лучом света во тьме глубинной психологии».

Познание бессознательного

Фрейд утверждал, что, подобно физическому, психическое не должно быть в действительности именно таким, как оно нам представляется. Одно дело реальность, а другое — представление о ней. Одно дело восприятие психической реальности сознанием, и другое — бессознательные психические процессы, являющиеся объектом сознания. Поэтому перед психоаналитиком встает непростой вопрос: как возможно познание бессознательного психического, если, по существу, оно столь же неизвестно человеку, как и реальность внешнего мира?

Фрейд отдавал себе отчет в том, что раскрытие содержания бессознательного оказывается трудной задачей. Однако он полагал, что, как и в случае познания материальной реальности, при осмыслении психической реальности необходимо вносить коррективы к внешнему восприятию ее. Еще Кант говорил о том, что восприятие не тождественно воспринимаемому, и на основании этого он проводил различие между вещью «в себе» и «для себя». Фрейд не стремился постигнуть суть подобных тонкостей. Он считал, что коррективы к внутреннему восприятию — дело посильное и, в принципе, возможное, поскольку, как он полагал, понимание внутреннего объекта в какой-то степени может оказаться даже более легким, чем познание внешнего объекта.

Конечно, можно не соглашаться с некоторыми утверждениями Фрейда, тем более что, как показывает реальная практика, познание внутреннего мира человека предстает делом более трудным, чем познание окружающей его материальной действительности. Не случайно в XX веке благодаря научно-техническим знаниям удалось найти ключ к открытию многих тайн окружающего мира, что нельзя сказать о постижении тайников человеческой души. Однако столь оптимистический настрой Фрейда по отношению к возможностям познания бессознательного психического объяснялся тем, что психоаналитические представления о вытесненном бессознательном включали в себя вполне определенную, хотя, быть может, на первый взгляд странную установку. Опираясь на нее, в психике человека могут протекать такие процессы, которые, в сущности, ему известны, хотя вроде бы он ничего не знает о них.

Те, кто отрицал бессознательное, нередко ставили вполне резонные вопросы. Как можно говорить о чем-то, чего мы не осознаем? Как можно вообще судить о бессознательном, если оно не является предметом сознания? Насколько в принципе возможно познание того, что находится за пределами сознания? Эти вопросы требовали ответа, и над их решением безрезультатно ломали голову многие мыслители. Трудности, связанные с самим подходом к решению данных вопросов, порождали такое умонастроение, согласно которому разумный выход из положения состоял в отказе от признания бессознательного как такового.

Фрейда не устраивала подобная ситуация. Признав за бессознательным психическим статус реальности, он не мог обойти стороной все эти вопросы, которые так или иначе сводились к рассмотрению того, как и каким образом можно познать то, что ускользает от сознания человека. И он начал осмысление вопроса о познании бессознательного с элементарных вещей, с общих рассуждений о знании как таковом.

Подобно своим предшественникам, Фрейд утверждал, что все человеческое знание так или иначе связано с сознанием. Собственно говоря, знание всегда выступает в качестве сознания. В свою очередь, это означает, что бессознательное может быть познано не иначе как посредством становления его сознательным. Но традиционная психология сознания или игнорировала бессознательное, или в лучшем случае допускала его в качестве чего-то такого демонического, что подлежало скорее осуждению, нежели познанию. В отличие от психологии сознания психоанализ не только апеллирует к бессознательному психическому, но и стремится сделать его объектом познания.

Перед Фрейдом, для которого бессознательное психическое стало важным объектом познания, с неизбежностью встал вопрос: каким образом возможно превращение бессознательного в сознательное, если оно само по себе не является сознанием, и что значит сделать нечто сознательным? Можно допустить, что протекающие

в глубинах человеческой психики бессознательные процессы сами по себе доходят до поверхности сознания или, наоборот, сознание каким-то неуловимым образом прорывается к ним. Но такое допущение не способствует ответу на поставленный вопрос, так как обе возможности не отражают реального положения вещей. Ведь до сознания могут дойти только предсознательные процессы, да и то человеку необходимо приложить немалые усилия к тому, чтобы это произошло. Вытесненному бессознательному дорога к сознанию закрыта. Сознание тоже не может овладеть вытесненным бессознательным, поскольку оно не знает того, что, зачем и куда вытеснено. Получается вроде бы тупик.

Чтобы выйти из тупика, Фрейд попытался найти какую-то иную возможность перевода внутренних процессов в сферу, где открывался простор для их осознания. Такая возможность представилась ему в связи с найденным решением, аналогичным тому, о котором в свое время говорил еще Гегель. Немецкий философ высказал как-то остроумную мысль, согласно которой ответы на вопросы, остающиеся без ответа, заключаются в том, что должны быть иначе поставлены сами вопросы. Не ссылаясь на Гегеля, Фрейд именно так и поступил. Он переформулировал вопрос, каким образом что-либо становится сознательным. Более целесообразным для него становится постановка вопроса, каким образом что-либо может стать предсознательным.

Фрейд соотносил предсознательное со словесным выражением бессознательных представлений. Поэтому ответ на переформулированный вопрос не вызывал каких-либо затруднений. Он звучал таким образом, в соответствии с которым нечто становится предсознательным посредством соединения с соответствующими словесными представлениями. Теперь необходимо было ответить только на вопрос, как вытесненное может стать предсознательным. Но здесь на передний план выдвигалась непосредственная аналитическая работа, с помощью которой создавались необходимые условия для возникновения опосредующих звеньев, способствующих переходу от вытесненного бессознательного к предсознательному.

В целом, Фрейд попытался по-своему ответить на каверзный вопрос о возможностях осознания бессознательного. Для него сознательные, предсознательные и бессознательные представления не были «записями» одного и того же содержания в различных психических системах. Первые включали в себя предметные представления, оформленные соответствующим словесным образом. Вторые — возможность вступления в связь предметных представлений со словесными. Третьи — материал, остающийся неизвестным, то есть непознанным, и состоящий из одних предметных представлений. Исходя из этого процесс познания бессознательного в психоанализе переносится из сферы сознания в область предсознательного.

Фактически речь идет о переводе вытесненного бессознательного не в сознание, а в предсознательное. Осуществление этого перевода происходит при помощи специально разработанных психоаналитических приемов, когда сознание человека как бы остается на своем месте, бессознательное не поднимается непосредственно на ступень сознательного, а наиболее активной становится система предсознательного, в рамках которой открывается реальная возможность превращения вытесненного бессознательного в предсознательное.

Таким образом, в классическом психоанализе Фрейда познание бессознательного соотносится с возможностями встречи предметных представлений с языковыми

конструкциями, выраженными в словесной форме. Отсюда то важное значение в теории и практике психоанализа, которое придается роли языка и лингвистических построений в раскрытии содержательных характеристик бессознательного. В процессе психоаналитического сеанса происходит диалог между аналитиком и пациентом, где языковые обороты и речевые конструкции служат основанием для проникновения в глубины бессознательного.

Однако здесь возникают специфические трудности, обусловленные тем, что бессознательное имеет не только иную, инаковую, отличную от сознания логику, но и свой собственный язык. Бессознательное вещает на языке, который непонятен для непосвященных. Без знания этого «иностранного» языка бессознательного не приходится рассчитывать на познание бессознательного психического. Особенно ярко специфический язык бессознательного проявляется в сновидениях человека, где различные образы и сюжеты пронизаны символикой. Этот символический язык бессознательного требует своей расшифровки, что предстает не столь простой задачей, реализация которой предполагает знакомство человека с древней культурой, где язык символов был важной составной частью жизни людей.

Осознавая трудности с познанием бессознательного, Фрейд уделял значительное внимание как раскрытию символического языка бессознательного, так и осмыслению возможностей перевода вытесненного бессознательного в сферу предсознательного. Он предложил такое специфическое толкование природы словесных представлений, благодаря которому им допускалась логическая возможность осознания бессознательного через предсознательные опосредствующие звенья.

Основатель психоанализа выдвинул постулат о словесных представлениях как неких следах воспоминаний. В его понимании, любое слово оказывается в конечном счете не чем иным, как остатком воспоминания ранее услышанного слова. В соответствии с этим классический психоанализ основывался на признании наличия в человеке такого знания, которое, в общем-то, у него есть, но о котором самому ему ничего не известно. Обладая определенным знанием, индивид тем не менее не осознает его до тех пор, пока не будет восстановлена цепь воспоминаний о реальных событиях и переживаниях прошлого, некогда случившихся в жизни отдельного человека или в истории развития человеческого рода.

С точки зрения Фрейда, сознательным может стать лишь то, что некогда уже было сознательно воспринято. Очевидно, что при таком понимании познание бессознательного становится, по сути дела, припоминанием, восстановлением в памяти человека ранее существовавшего знания. Процесс познания бессознательного оказывается своего рода воскрешением знания-воспоминания, отрывочные составляющие которого находятся в предсознательном. Однако глубинное содержание этого вытеснено в силу нежелания или неумения человека распознать за символическим языком бессознательного его стремления и желания, которые нередко ассоциируются с какими-то скрытыми демоническими силами, чуждыми индивиду как социальному и культурно-нравственному существу.

В своих размышлениях о необходимости восстановления в памяти человека предшествующих воспоминаний Фрейд приближается к воспроизведению платоновской концепции об «анамнесисе». И это действительно так, поскольку в трактовке этого вопроса наблюдаются поразительные сходства между психоаналитическими гипотезами Фрейда и философскими идеями Платона.

Как известно, древнегреческий мыслитель считал, что в душе человека заложено смутное знание, которое нужно только припомнить, сделав его объектом сознания. На этом строилась его концепция познания человеком окружающего мира. Для Платона познавать что-либо прежде всего означало припоминать, восстанавливать принадлежащее человеку знание. Аналогичных взглядов придерживался и Фрейд, полагавший, что познание возможно благодаря следам воспоминаний. Платон исходил из того, что у человека, который не знает чего-либо, имеется верное мнение относительно того, чего он не знает. Фрейд почти дословно воспроизводил ту же самую мысль. Во всяком случае, он подчеркивал, что хотя человек далеко не всегда знает о явлениях, содержащихся в глубинах его психики, тем не менее они, в сущности, ему известны.

Концепция познания Платона основывалась на припоминании знания, существовавшего в виде априорно заданных идей. В классическом психоанализе Фрейда познание бессознательного соотносилось с филогенетическим наследием человечества, с филогенетически унаследованными схемами, под влиянием которых жизненные явления выстраивались в определенный порядок. Как в том, так и в другом случае речь шла о весьма сходных, если не сказать больше, однотипных позициях. Другое дело, что эти позиции не были идентичны друг другу. Между ними существовали и некоторые различия. Так, Платон исходил из предпосылки существования объективной мировой души, вещный мир которой отражен в человеческой душе в идеальных образах. Фрейд же сделал акцент на предметных представлениях, выраженных на символическом языке бессознательного, за которым скрывались филогенетические структурные образования, возникшие в процессе эволюционного развития человеческого рода.

Топическое, динамическое и структурное рассмотрение бессознательного психического привело, с одной стороны, к углубленному пониманию взаимоотношений между сознанием и бессознательным, а с другой — к многозначности используемого в психоанализе термина «бессознательное». Размышления Фрейда о возможности познания бессознательного отчасти прояснили вопрос о том, как в принципе осуществляется переход от вытесненного бессознательного через предсознательное в сферу сознания, и в то же время внесли свою лепту в многозначность толкования бессознательного психического. И это именно так, поскольку само бессознательное стало соотноситься не только с онтогенезом (развитием человека), но и с филогенезом (развитием человеческого рода). Такое понимание бессознательного нашло свое отражение в работе Фрейда «Тотем и табу» (1913), где были показаны сходства между психологией первобытного человека, подверженного стадным инстинктам, и психологией невротика, находящегося во власти собственных влечений и желаний.

Следует обратить внимание и на то, что многозначность понятия «бессознательное» в психоанализе вызвала определенные трудности, связанные с конечными результатами познания бессознательного психического. Речь идет не столько о переводе бессознательного в сознание, сколько о пределах психоанализа в выявлении существа бессознательности как таковой. Ведь в результате исследовательская и терапевтическая деятельность Фрейда была нацелена на раскрытие исходных составляющих бессознательного, а именно тех глубинных влечений, невозможность реализации и удовлетворения которых приводила, как правило, к возникновению неврозов.

Изречения

З. Фрейд: «Сознательным может стать только то, что когда-то уже было сознательным восприятием и что, помимо чувств изнутри, хочет стать сознательным; оно должно сделать попытку превратиться во внешние восприятия. Это делается возможным при помощи следов воспоминаний».

З. Фрейд: «На вопрос — как что-то вытесненное сделать (пред)сознательным — следует ответить следующим образом: нужно такие предсознательные средние звенья восстановить аналитической работой».

З. Фрейд: «Психоаналитик стремится к тому, чтобы привести вытесненный из сознания материал в сознание».

Метапсихология влечений

Раскрытие бессознательных влечений человека составляло одну из основных задач теории и практики психоанализа. Если практика психоанализа была ориентирована на осознание человеком своих бессознательных влечений, то теория психоанализа демонстрировала возможности обнаружения этих влечений и пути их осознания. Собственно говоря, на этом и прекращалась исследовательская деятельность Фрейда, так как в теоретическом плане возможности психоанализа оказывались исчерпанными.

Единственное, на что еще может претендовать психоанализ, так это, пожалуй, на осмысление того, насколько правомерно вообще говорить о бессознательных влечениях. В самом деле, заслуга Фрейда состояла в выделении и исследовании бессознательного психического. Анализ этого бессознательного с неизбежностью привел к выявлению наиболее значимых для развития и жизнедеятельности человека бессознательных влечений. Первоначально (до 1915 года) Фрейд полагал, что таковыми оказываются сексуальные влечения (либидозные) и влечения Я (влечения к самосохранению). Затем, изучая нарциссизм, он увидел, что сексуальные влечения могут быть обращены не только на внешний объект, но и на собственное Я. Сексуальная энергия (либидо) способна направляться не только вовне, но и внутрь. Исходя из этого, Фрейд ввел понятия объектного и нарциссического либидо. Ранее описанные им сексуальные влечения стали рассматриваться им как объектное либидо, а влечения к самосохранению — как Я-либидо, или любовь к самому себе. И наконец, в 20-е годы (работа «По ту сторону принципа удовольствия») Фрейд соотнес сексуальные влечения с влечением к жизни, а влечения Я — с влечением к смерти. Тем самым он сформулировал и выдвинул концепцию, согласно которой у человека проявляются два главных влечения — влечение к жизни (Эрос) и влечение к смерти (Танатос).

В общем можно сказать, что влечение — это бессознательное стремление человека к удовлетворению своих потребностей. Фрейд, впервые использовавший это понятие в работе «Три очерка по теории сексуальности» (1905), проводил различие между инстинктом (Instinkt) и влечением (Trieb). Под инстинктом он понимал биологически наследуемое животное поведение, под влечением — психическое представительство соматического источника раздражения.

Уделяя особое внимание половому влечению, Фрейд выделил сексуальный объект, то есть лицо, на которое направлено это влечение, и сексуальную цель, то есть

действие, на совершение которого влечение толкает. Психоаналитическое понимание объекта, цели и источника влечения он дополнил соответствующими представлениями о силе влечения. Для количественной характеристики сексуального влечения Фрейд использовал понятие «либидо» — как некую силу или энергию, измеряющую сексуальное возбуждение. Либидо направляет сексуальную деятельность человека и позволяет описывать в экономических терминах протекающие в психике человека процессы, в том числе связанные с невротическими заболеваниями.

В работе «Влечения и их судьбы» (1915) Фрейд углубил свои представления о влечениях. Он подчеркнул, что цель влечения — достижение удовлетворения, а ее объект — тот, посредством которого влечение может достичь своей цели. Согласно его взглядам, влечение подвергается влиянию трех полярностей: биологической полярности, включающей в себя активное и пассивное отношение к миру; реальной — подразумевающей деление на субъект и объект, Я и внешний мир; экономической — основанной на полярности наслаждения (удовольствия) и неудовольствия.

Что касается судьбы влечений, то, по его мнению, существует несколько возможных путей их развития. Влечение может обратиться в свою противоположность (превращение любви в ненависть, и наоборот). Оно может обратиться на саму личность, когда направленность на объект сменяется установкой человека на самого себя. Влечение может оказаться заторможенным, то есть готовым отступиться от объекта и цели. И наконец, влечение способно к сублимации, то есть к модификации цели и смене объекта, при которой учитывается социальная оценка.

В лекциях по введению в психоанализ, написанных в 1933 году, Фрейд обобщил свои представления о влечениях. В свете этих обобщений психоаналитическое понимание влечений приобрело следующий вид:

- влечение отличается от раздражения, оно происходит от источника раздражения внутри тела и действует как постоянная сила;
- изучая влечение как процесс, в нем нужно различать источник, объект и цель, где источник влечения — состояние возбуждения в теле, а цель — устранение этого возбуждения;
- влечение становится психически действенным на пути от источника к цели;
- психически действенное влечение обладает определенным количеством энергии (либидо);
- на пути влечения к цели и к объекту допускается замена последних на другие цели и объекты, в том числе на социально приемлемые (сублимация);
- можно различать влечения, задержанные на пути к цели и задерживающиеся на пути к удовлетворению;
- существует различие между влечениями, служащими сексуальной функции, и влечениями к самосохранению (голод и жажда), причем первые характеризуются пластичностью, замещаемостью и отстраненностью, в то время как вторые — непреклонны и безотлагательны.

В садизме и мазохизме наблюдается слияние двух видов влечений. Садизм — влечение, направленное вовне, к внешнему разрушению. Мазохизм, если отвлечься от эротического компонента, — влечение к саморазрушению. Последнее (влечение к саморазрушению) можно считать выражением влечения к смерти, которое приводит живое к неорганическому состоянию.

Выдвинутая Фрейдом теория влечений вызвала неоднозначную реакцию со стороны психологов, философов, врачей, а также психоаналитиков. Многие из них под-

вергли критике метапсихологические (основанные на общей теории человеческой психики) представления о влечениях человека. Сам же Фрейд неоднократно подчеркивал, что влечения составляют такую область исследования, в которой трудно ориентироваться и нелегко достичь ясного понимания. Так, первоначально понятие «влечение» было введено им для различения душевного и телесного. Однако впоследствии ему пришлось говорить о том, что влечения управляют не только психической, но и вегетативной жизнью. В конечном счете Фрейд признавал, что влечение остается довольно темным, но в психологии незаменимым понятием, что влечения и их превращения — это конечный пункт, доступный психоаналитическому познанию.

Среди психологов, философов и физиологов второй половины XIX столетия велись дискуссии о том, существуют ли бессознательные представления, умозаключения, влечения, действия. Одни из них считали, что можно говорить лишь о бессознательных представлениях, но нет необходимости вводить понятие «бессознательные умозаключения». Другие признавали правомерность того и другого. Третьи, напротив, вообще отрицали существование каких-либо форм бессознательного.

Подобно некоторым исследователям, Фрейд также поднимал вопрос о том, существуют ли бессознательные чувства, ощущения, влечения. Казалось бы, с учетом того, что в психоанализе бессознательное психическое рассматривалось в качестве важной и необходимой гипотезы, подобная постановка вопроса выглядела более чем странной. Ведь исходные теоретические постулаты и конечные результаты исследовательской и терапевтической работы Фрейда совпадали в одном — в признании бессознательных влечений как главных детерминантов человеческой деятельности. И тем не менее он ставил перед собой вопрос: насколько правомерно говорить о бессознательных влечениях? Причем как это, может быть, ни парадоксально на первый взгляд, ответ Фрейда на данный вопрос оказался совершенно неожиданным. Как бы там ни было, но он подчеркивал, что бессознательных аффектов не бывает и по отношению к влечениям вряд ли можно говорить о каком-либо противостоянии сознательного и бессознательного.

Почему же Фрейд пришел к подобному заключению? Как это все соотнести с признанием им бессознательного психического? Какую роль в его взглядах на влечения человека сыграли его размышления о пределах психоанализа в познании бессознательного? И наконец, почему он поставил под сомнение вопрос о существовании бессознательных влечений, который, казалось бы, перечеркивал его учение о бессознательном?

В действительности Фрейд не думал отрекаться от своего психоаналитического учения о бессознательном психическом. Напротив, все его исследовательские и терапевтические усилия были сконцентрированы на выявлении бессознательного и возможностях перевода его в сознание. Однако рассмотрение бессознательного психического в познавательном плане заставило Фрейда не только признать ограниченность психоанализа в познании бессознательного, но и обратиться к уточнению того смысла, который обычно вкладывается в понятие «бессознательное влечение».

Специфика обсуждаемых Фрейдом вопросов состояла в том, что, по его глубокому убеждению, исследователь может иметь дело не столько с самими влечениями человека, сколько с определенными представлениями о них. Соответственно этому пониманию все рассуждения о влечениях с точки зрения их сознательности и бессознательности оказываются не более чем условными. По этому поводу основатель психоанализа замечал, что использование им понятия «бессознательное влечение» — своего рода «безобидная небрежность выражения».

Таким образом, хотя Фрейд постоянно апеллировал к понятию «бессознательное влечение», речь шла, по сути дела, о бессознательном представлении. Двусмысленность подобного рода весьма характерна для классического психоанализа. И не случайно учение Фрейда о бессознательном психическом и основных влечениях человека встретило такие разночтения со стороны его последователей, не говоря уже о критически настроенных противниках. Это привело к возникновению разнонаправленных тенденций в рамках психоаналитического движения.

«Безобидная небрежность выражения», о которой говорил Фрейд, в действительности оказалась не такой уж безобидной. Она имела далеко идущие последствия. И дело не только в том, что многозначность понятия «бессознательное» и двусмысленность в трактовке влечений человека нередко сказывались на интерпретации психоанализа как такового. Более существенно, что за всеми неясностями и недомолвками, которые касались понятийного аппарата психоанализа, скрывалась эвристическая и содержательная ограниченность, затрудняющая в конечном счете познание и понимание бессознательного. Другое дело, что это была действительно необычайно трудная область исследования и практического использования знаний в клинической практике, делавшая честь любому ученому и аналитику, если он хотя бы в какой-то степени продвинулся в направлении изучения бессознательного психического. Фрейд не составлял исключения. Напротив, он был одним из тех, кто не только поставил принципиальные вопросы относительно природы и возможности познания бессознательного, но и наметил определенные пути, следование которым позволило и ему самому, и другим психоаналитикам внести посильный вклад в дело изучения бессознательного.

Изречения

З. Фрейд: «Влечения и их преобразования — это то низшее, что в состоянии познать психоанализ. Далее он уступает место биологическому исследованию».

З. Фрейд: «Я и в самом деле думаю, что противоположность сознательного и бессознательного не находит применения по отношению к влечению. Влечение никогда не может быть объектом сознания, им может быть только представление, отражающее в сознании это влечение. Но и в бессознательном влечение может быть отражено не иначе как при помощи представления».

З. Фрейд: «И если мы все-таки говорим о бессознательном влечении, или о вытесненном влечении, то это только безобидная небрежность выражения. Под этим мы можем понимать только такое влечение, которое отражено в психике бессознательным представлением, и ничего другого под этим не подразумевается».

Специфика бессознательных процессов

При осмыслении проблемы бессознательного психического Фрейд выдвинул несколько идей, оказавшихся важными для теории и практики психоанализа. Помимо сделанных им различий между сознательным, предсознательным и вытесненным бессознательным, а также признанием «третьего» невытесненного бессознательного

(Сверх-Я), он рассмотрел свойства и качества бессознательных процессов. Прежде всего Фрейд подчеркнул, что наряду с первичным характером бессознательных процессов они являются динамически активными и подвижными. Вытесненные в бессознательное желания и влечения человека не утрачивают своей действенности, не становятся пассивными, не пребывают в покое. Напротив, находясь в глубинах человеческой психики, они накапливают свою силу и готовы в любой подходящий момент вырваться на свободу. В результате человеку подчас не остается ничего другого, как спасаться бегством в болезнь. В психике человека содержатся, используя выражение Фрейда, всегда активные, бессмертные желания нашей бессознательной сферы. Они напоминают мифических титанов, на которых с незапамятных времен зиждутся тяжелые горные массивы, нагроможденные когда-то богами и потрясаемые до сих пор движениями их мускулов.

В теории психоанализа признание за бессознательными процессами их активного характера означало нацеленность на исследование динамики их перехода из одной системы в другую. В практике психоанализа это предполагало рассмотрение причин возникновения неврозов с точки зрения до поры до времени дремлющего в глубинах психики вытесненного бессознательного. Активизация же последнего с неизбежностью приводит к образованию разнообразных симптомов, свидетельствующих о психическом заболевании.

Кроме того, Фрейд считал, что в отличие от сознания бессознательное характеризуется отсутствием каких-либо противоречий. Логика сознания такова, что она не терпит противоречий. Если они обнаруживаются в мыслях или действиях человека, то в лучшем случае это может расцениваться как недоразумение, а в худшем — как болезнь. Логика бессознательного отличается таким инакомыслием, при котором противоречивость протекания бессознательных процессов не становится отклонением от некой нормы. Противоречия существуют лишь в сознании и для сознания. Для бессознательного нет противоречий.

Любой фиксируемый сознанием абсурд не является таковым для бессознательного. Напротив, он не менее значим по смыслу для бессознательного, чем какое-либо логически стройное и непротиворечивое построение для сознания. С точки зрения теории психоанализа, за противоречивостью и абсурдностью бессознательного стоит скрытый, потаенный смысл, обнаружение которого весьма актуально для исследовательской работы. В клиническом плане нелогичные с позиций сознания мышление и поведение пациента воспринимаются аналитиком в качестве важного эмпирического материала, свидетельствующего об активизации бессознательных процессов, нуждающихся в раскрытии их истоков и конкретного содержания. Цель — раскрытие их подлинного смысла и доведение до сознания всего того, что кажется на первый взгляд абсурдным и противоречивым.

Не менее существенно и то, что при анализе специфики бессознательного психического Фрейд пересмотрел привычные представления о времени. В его понимании время как таковое имеет значимость только для сознания. В бессознательном отсутствует чувство времени. Само бессознательное оказывается как бы вне времени. Так, в сновидении или при невротическом состоянии прошлое и настоящее не обязательно должны следовать друг за другом в той хронологической последовательности, в которой происходили реальные или воображаемые события. В бессознательном прошлое и настоящее, как, впрочем, и будущее, могут смещаться в любую сторону, опережая или подменяя друг друга.

Для Фрейда вневременность — одна из наиболее характерных особенностей бессознательного. Он даже полагал, что психоаналитическое представление о вневременности бессознательного может вести к пересмотру идей немецкого философа Канта об априорных, то есть существующих независимо от человеческого опыта и предшествующих ему формах пространства и времени. Важно иметь в виду то, что рассмотрение бессознательного через призму его безвременности вело к признанию специфических различий между сознательными и бессознательными процессами. Как полагал Фрейд, в отличие от сознательных бессознательные процессы не распределены во временной последовательности, не меняются с течением времени и вообще не имеют никакого отношения к времени.

Представления Фрейда о времени имели прямое отношение как к теории, так и к практике психоанализа. В теории понятие времени использовалось им для характеристики различных психических процессов. В клинической практике — для установления периодичности психоаналитических сеансов и продолжительности лечения.

Помимо признания за бессознательным безвременности, Фрейд полагал, что существует интервал между возникновением болезни в настоящем и ее глубинными истоками, уходящими корнями в прошлое. Причины же невротических заболеваний следует искать в том периоде времени, когда возникли наиболее сильные детские переживания, вызванные различного рода реальными событиями или фантазиями.

Проблема времени имеет важное значение и для практики психоанализа. Она включает в себя три аспекта: точное время прихода пациента к аналитику, частоту и длительность психоаналитического сеанса, продолжительность лечения больного. Фрейд считал, что, несмотря на безвременность бессознательного или, скорее, именно благодаря этому, соблюдение определенных условий относительно времени существенно для всех трех аспектов.

Назначение точного часа визита к психоаналитику имеет принципиальное значение. Пациент отвечает за отведенное ему время, даже если он не использует его. Отвечает за него тем, что, в принципе, обязан оплачивать назначенное ему, но не использованное время, как это подчас случается, когда пациент начинает прибегать к различного рода ухищрениям, чтобы пропустить очередной сеанс. Стремление пациента перенести очередной сеанс психоаналитического лечения на другое время, опоздания или забывание времени визита к аналитику — это чаще всего уловки больных, пытающихся замедлить процесс раскрытия тайн их жизни или сохранить свою болезнь с целью получения определенной выгоды от нее.

Длительность психоаналитического сеанса обычно ограничивается одним академическим часом, составляющим 45–50 минут, а их частота зависит от состояния больного. Фрейд утверждал, что психоаналитические сеансы должны проводиться ежедневно, за исключением выходных и праздничных дней, а при легких случаях или продолжительном, хорошо налаженном лечении — три раза в неделю. Пропуски сеансов, перерыв в лечении затрудняют психоаналитическую работу и не способствуют лечению больного.

Длительность же лечения психоаналитическими методами всегда продолжительна по времени — от полугода до нескольких лет. Можно понять пациентов, желающих за два-три сеанса освободиться от невротического расстройства. Можно понять и тех, кто рассматривает длительное психоаналитическое лечение как способ

«вымогательства» денег у больных. Однако, как подчеркивал Фрейд, желательному сокращению психоаналитического лечения мешает безвременность бессознательных процессов и медленное осуществление душевных изменений. Ограничение во времени не приносит пользы ни врачу, ни пациенту.

Наконец, наряду с размышлениями о безвременности бессознательных процессов, Фрейд внимательно рассмотрел отношения между физической и психической реальностью для выявления специфических характеристик бессознательного. Он начал с того, что переосмыслил ранее выдвинутую им теорию совращения, в соответствии с которой причиной возникновения неврозов служили реальные травматические события детства, связанные с посягательствами взрослых, чаще всего родителей или ближайших родственников, на детей. В результате на передний план выдвинулось понимание психической реальности как важной составляющей человеческой жизни. В психоанализе именно психическая реальность стала важной и неотъемлемой частью исследовательской и терапевтической деятельности. Фактически при психоаналитическом «препарировании» бессознательного в нем стирались какие-либо границы между вымыслом и действительностью, фантазией и реальностью.

Это вовсе не означало, что подобных границ вообще не существует или их нельзя в принципе провести. Дело вовсе не в этом, а в том, что для бессознательного внутренняя реальность имеет не меньшее значение, чем внешний мир. Скорее напротив, чаще всего именно психическая реальность становится для человека более значимой, чем его внешнее окружение. Особенно большое значение эта реальность имеет при возникновении неврозов. Во всяком случае, акцентируя внимание на бессознательном психическом, Фрейд доказал, что для невроза психическая реальность значит больше материальной.

Для основателя психоанализа психическая реальность была той сферой, в которой происходят наиболее существенные и значимые для жизнедеятельности человека процессы и изменения, оказывающие воздействие на его мышление и поведение. С его точки зрения, бессознательное психическое — это тот объект исследования, который позволяет лучше понять как специфику протекания тех или иных процессов в психике человека, так и причины невротических заболеваний. Так, бегство в болезнь — это уход человека от окружающей его действительности в мир фантазий. В своих фантазиях невротик имеет дело не с материальной реальностью, а вымышленной; тем не менее она оказывается реально значимой для него. В мире неврозов решающей становится именно психическая реальность.

В психоанализе значительное внимание уделяется рассмотрению роли психической реальности в жизни человека. Отсюда особый интерес к фантазиям и сновидениям, дающим возможность заглянуть в глубины психики человека, выявить его бессознательные желания и влечения. Психоаналитик не придает принципиального значения тому, связаны переживания человека с имевшими некогда место действительными событиями или они соотносятся с сюжетами, нашедшими свое отражение в фантазиях, сновидениях, грезах, иллюзиях. Для понимания разыгрывающихся в душе человека внутрипсихических конфликтов важно обнаружить те элементы психической реальности, которые стали причиной возникновения этих конфликтов. Для успешного лечения нервных заболеваний необходимо довести до сознания пациента значение бессознательных процессов и сил, составляющих содержание психической реальности и играющих определенную роль в жизни человека.

Все это принималось во внимание Фрейдом при рассмотрении бессознательного психического. Все это учитывалось им при выявлении специфических характеристик бессознательного как такового.

Для того чтобы в более наглядной форме представить взгляды Фрейда на психоаналитическое понимание бессознательного, имеет смысл зафиксировать выдвинутые им наиболее важные теоретические положения. Эти положения сводятся к следующему:

- отождествление психики с сознанием нецелесообразно, ибо нарушает психическую непрерывность и ввергает в неразрешимые трудности психофизического параллелизма;
- допущение бессознательного психического необходимо потому, что у данных сознания имеется немало пробелов, объяснение которых невозможно без признания психических процессов, отличных от сознательных;
- бессознательное — закономерная и неизбежная фаза процессов, которые лежат в основе психической деятельности человека;
- ядро бессознательного составляют унаследованные психические образования;
- каждый психический акт начинается как бессознательный, он может таким и остаться или, развиваясь дальше, проникнуть в сознание в зависимости от того, наталкивается ли он на сопротивление или нет;
- бессознательное — особая психическая система со своим собственным способом выражения и свойственными ей механизмами функционирования;
- бессознательные процессы не тождественны сознательным, они пользуются определенной свободой, которой лишены последние;
- законы бессознательной психической деятельности во многих отношениях отличаются от законов, которым подчинена деятельность сознания;
- не следует отождествлять восприятие сознания с бессознательным психическим процессом, являющимся объектом этого сознания;
- ценность бессознательного как показателя особой психической системы больше, чем его значение как качественной категории;
- бессознательное познается только как сознательное после его превращения или перевода в форму, доступную сознанию, поскольку, будучи не сущностью, а качеством психического, сознание остается единственным источником, освещающим глубины человеческой психики;
- некоторые из бессознательных состояний отличаются от сознательных только отсутствием сознательности;
- противоположность сознательного и бессознательного не распространяется на влечение, так как объектом сознания может быть не влечение, а только представление, отражающее в сознании это влечение;
- особенные свойства бессознательного:
    - первичный процесс;
    - активность;
    - отсутствие противоречий;
    - протекание вне времени;
    - замена внешней, физической реальности внутренней, психической реальностью.

Очевидно, что сформулированные Фрейдом теоретические положения о бессознательном могут по-разному восприниматься теми, кто и сегодня пытается понять смысл, значение и роль бессознательных процессов в жизни человека. Одни из этих положений могут быть восприняты в качестве отправных, исходных, способствующих выявлению и пониманию бессознательной деятельности людей. Другие — вызовут, возможно, возражение и даже протест со стороны тех, кому претит установка на признание бессознательного в качестве основополагающего начала, предопределяющего мышление и поведение индивида. Третьи — разочаруют специалистов в области человековедения своей тривиальностью. Четвертые — покажутся слишком заумными, философски окрашенными и не имеющими отношения к терапевтической деятельности.

Однако, как бы это ни воспринималось современниками, снисходительно относящимися к классическому психоанализу, вряд ли стоит сбрасывать со счетов то обстоятельство, что именно Фрейд предпринял серьезную попытку обстоятельного рассмотрения характерных особенностей и существа бессознательного, а также возможностей и путей его познания.

Изречения

З. Фрейд: «Бессознательное казалось нам вначале только загадочной особенностью определенного психического процесса; теперь оно значит для нас больше, оно служит указанием на то, что этот процесс входит в сущность известной психической категории, которая известна нам по другим важным характерным чертам, и что оно принадлежит к системе психической деятельности, заслуживающей нашего полного внимания».

З. Фрейд: «Душевная жизнь истерических больных полна действующими, но бессознательными идеями; от них происходят все симптомы. Это — действительно характерная черта истерического мышления — над ним властвуют бессознательные представления».

З. Фрейд: «Сокращение аналитического лечения остается совершенно справедливым желанием, исполнения которого мы добиваемся различными путями. К сожалению, этому мешает очень важный момент — медлительность, с которой совершаются глубокие душевные изменения, в конечном счете, пожалуй, безвременность наших бессознательных процессов».

Л. Шерток, Р. Соссюр: «Бессознательное — это не царство слепых сил, а определенная структура, основу которой составляют несколько основных влечений. После этого фрейдовского открытия бессознательное перестало быть темным колодцем, из глубин которого мы можем время от времени извлекать что-нибудь интересное. Оно стало объектом, доступным научному познанию».

Трудности и ограничения на пути осознания бессознательного

Фрейд не был человеком, слепо уповавшим на свои собственные идеи о бессознательном психическом и не испытывавшим никаких сомнений относительно возможностей познания бессознательного. Напротив, выдвинув представления

о бессознательном психическом, он постоянно вносил коррективы в понимание им динамики бессознательных процессов и высказывал подчас такие соображения, согласно которым психоанализ далеко не всегда вел к теоретически бесспорным доказательствам и практически действенным результатам.

Так, стремясь к выявлению и раскрытию смысла бессознательных влечений и желаний человека, Фрейд считал, что изучение сновидений оказывается наиболее плодотворным и перспективным подходом к пониманию природы, содержания и механизмов функционирования бессознательного. Работа «Толкование сновидений» была посвящена именно этой задаче — исследованию бессознательного посредством интерпретации различных сновидений. Для Фрейда сновидения выступали в качестве «царской дороги» к познанию бессознательного. Однако это не мешало ему быть критичным по отношению к пределам психоаналитического познания бессознательного. Не случайно в конце работы «Толкование сновидений» он заметил, что бессознательное раскрывается данными сновидения не в полной мере, как это хотелось бы аналитику.

Уже обращалось внимание на то обстоятельство, что познание бессознательного завершалось у Фрейда, по сути дела, выявлением бессознательных влечений. Тем самым он признавал тот предел, за который психоаналитик не может идти дальше, желая осмыслить бессознательные процессы человека. Но не означает ли это, что фактически Фрейд признал невозможность средствами психоанализа раскрыть природу бессознательного психического?

Как это, может быть, ни странно на первый взгляд, но основатель психоанализа нередко приходил именно к такому выводу. В самом деле, во многих своих работах он выступал против абстрактных трактовок бессознательного и упрекал своих предшественников, особенно философов, в том, что они не смогли дать объяснение подлинной природы бессознательной деятельности человека. В то же время, осуществляя свою исследовательскую работу по осмыслению бессознательного психического, он также оказался в довольно странном положении, когда пришлось говорить о пределах психоаналитического познания бессознательного. Во всяком случае, Фрейд был вынужден констатировать, что, подобно философу, рассматривавшему бессознательное как некую небылицу, аналитик, признающий душевную жизнь человека скорее бессознательной, нежели сознательной, в результате также не может сказать, что такое бессознательное.

Такое положение было характерно не только для теории, но и для практики классического психоанализа. В самом деле, в процессе практической деятельности Фрейда познание бессознательного с целью устранения неведения больного относительно своих душевных процессов как одной из причин возникновения невроза не вело к автоматическому избавлению от невротического расстройства. Исходная установка, согласно которой знание смысла симптома вело к освобождению от него, оказалась проблематичной при ее практической реализации. Эта установка служила необходимой ориентацией в раскрытии смысла бессознательной деятельности пациента, для того чтобы за символическим языком бессознательного выявить его скрытые тенденции и сделать их объектом сознания. Но в теоретическом отношении познание бессознательного доходило до фиксации бессознательных влечений сексуального характера и на этом останавливалось. В практике же психоанализа оказалось, что раскрытие смысла отдельных проявлений бессознательных актов больного далеко не всегда непосредственно освобождало его от невроза.

Впоследствии Фрейд пересмотрел возможности, пути и средства, способные привести к освобождению от болезненных симптомов. К этому вопросу я еще вернусь, когда объектом рассмотрения станет психоаналитическая концепция неврозов и психоаналитическая терапия в целом. Пока же подчеркну, что у самого Фрейда многие случаи психоаналитического лечения оказались незавершенными. Впрочем, в отличие от некоторых современных психоаналитиков, рассматривающих психоанализ в качестве панацеи от всех психических заболеваний, Фрейд не считал психоаналитическое лечение всесильным, пригодным на все случаи жизни. Напротив, как и при познании бессознательного, он видел определенные ограничения психоанализа как медицинского средства лечения больных. Не случайно Фрейд подчеркивал, что ценность психоанализа следует рассматривать не столько с точки зрения его эффективности в медицинской практике, сколько в плане понимания его значимости как концептуального средства исследования бессознательного психического. Он отмечал, что, если бы психоанализ был таким же безуспешным во всех других формах нервных и психических заболеваний, как в области бредовых идей, он все равно остался бы полностью оправданным как незаменимое средство научного исследования.

В конечном счете как в исследовательской, так и в терапевтической деятельности Фрейда расшифровка следов бессознательного и выявление смысла бессознательных процессов не решали окончательно вопроса о глубине познания и осознания бессознательного психического. Ведь интерпретация проявлений бессознательного, находящих свое отражение в речи человека, его сновидениях или симптомах болезни, может допускать вариативные, то есть разнообразные, часто не совпадающие друг с другом толкования бессознательного. С одной стороны, индивидуально-личностная речь общающегося с аналитиком человека нередко оказывается приукрашенной, скрывающей и маскирующей истинное положение вещей. Пациент далеко не всегда бывает искренним и правдивым. Он хочет казаться в глазах аналитика лучше, чем есть на самом деле. Нередко он не только сознательно обманывает аналитика, но и бессознательно обманывается на свой собственный счет. Причем неискренность пациента облекается как в формы, которые психоаналитик, будучи профессионалом, может легко распознать, так и в одеяния, далеко не всегда узнаваемые и способствующие разоблачению сознательного или бессознательного обманщика. Здесь не только возникают трудности профессионального характера, но и открывается простор для превратного толкования бессознательного, особенно в том случае, когда аналитик уповает на свою непогрешимость.

С другой стороны, понимание языкового материала, речевого потока зависит от субъективного восприятия аналитика, придерживающегося той или иной идейной ориентации. Одно дело — строго следовать правилам и установкам классического психоанализа со всеми вытекающими отсюда последствиями. Другое — быть приверженным иным психоаналитическим теориям, отвергающим представления Фрейда о сексуальном характере эдипова комплекса, бессознательном влечении к смерти, присущем человеку разрушительном, деструктивном инстинкте. Не случайно психоаналитики, имеющие различные взгляды на исходные положения о бессознательных влечениях, по-разному воспринимают и «историческую истину», скрывающуюся за речью пациентов, их сновидениями или симптомами заболеваний. Так, например, при анализе сновидений возможны различные варианты их толкований, поскольку пациенты нередко приспосабливают содержание своих

сновидений к теориям лечащих их врачей. Психоаналитики же часто усматривают в сновидениях своих пациентов именно то, что им непременно хочется видеть, чтобы тем самым привести в соответствие теорию и практику. Кроме того, толкование сновидений не исключает возможности, что психоаналитик может пройти мимо чего-то существенного, недооценить какой-либо образ, сюжет, элемент или по-иному взглянуть на все сновидение в целом. Стало быть, расшифровка следов бессознательного и выявление смысловых связей допускают пристрастное отношение, которое обнаруживает себя в процессе психоаналитического познания бессознательного.

Необходимо иметь в виду и другое. Утверждая, что психоанализ может рассматриваться в качестве незаменимого средства научного исследования, Фрейд в то же время делал основной акцент не столько на объяснении, сколько на описании и толковании бессознательного психического. Правда, в своих работах он подчас не проводил различий между объяснением и толкованием. И все же полне очевидно, что это не одно и то же. Кроме того, Фрейд рассматривал психоанализ как естественную науку, из чего следует, что за описанием и толкованием бессознательных процессов должно было бы следовать их объяснение. Однако его первый фундаментальный труд назывался «Толкованием сновидений», а не объяснением их.

В свое время немецкий философ В. Дильтей попытался определить различия между «объяснительной» и «описательной» психологией. Он утверждал, что объяснять можно только явления природы, в то время как душевная жизнь человека постигается внутренним восприятием и, следовательно, ее понимание достигается путем описания соответствующих представлений, мотивов поведения, воспоминаний и фантазий индивида. Фрейд не собирался отождествлять психоанализ с описательной психологией. Напротив, в некоторых работах он даже стремился подчеркнуть отличие психоаналитического учения о бессознательном от подобного рода психологии. Он полагал, что после признания различий между сознательным, предсознательным и вытесненным бессознательным психоанализ отделился от описательной психологии.

Казалось бы, подобное ви́дение Фрейдом психоанализа сближает его с объяснительной психологией. Однако в действительности психоанализ не стал объяснительной научной дисциплиной. Несмотря на попытки Фрейда не только описать, но и по возможности объяснить психические процессы и, таким образом, раскрыть природу бессознательного психического, ему не удалось сделать объяснение основным принципом психоанализа. Не случайно в своих работах он чаще говорит об описании и толковании, нежели об объяснении психических процессов.

Рассматривая психоанализ как науку, многие его представители стараются доказать научный характер психоаналитических построений. При этом они прибегают к таким аргументам, согласно которым психоанализ органически вписывается в остов научных дисциплин, имеющих дело с объяснением тех или иных явлений, процессов и сил, содержащихся и действующих в психике человека. Разумеется, существуют и противоположные точки зрения, в соответствии с которыми психоанализ не является объясняющей наукой, а представляет собой в лучшем случае инструментальное средство для описания и интерпретации бессознательного психического.

При всем стремлении рассматривать психоанализ как научную дисциплину, дающую научное объяснение бессознательному, Фрейд был вынужден признать огра-

ниченность психоаналитического подхода в познании бессознательного именно в плане его объяснительных функций. Так, в одной из своих работ он недвусмысленно сказал, что психоаналитическому исследованию недоступно объяснение бессознательного психического.

Все это вовсе не означает, что психоанализ бесперспективен при изучении бессознательных процессов или осуществлении терапии неврозов. Не означает это и того, что исследовательская и терапевтическая деятельность Фрейда оказалась бесполезной для раскрытия бессознательного психического и устранения невротических симптомов. Его собственные признания в ограниченности психоанализа, неспособного выйти за рамки выявления бессознательных влечений человека и стать всесильным средством излечения буквально всех психических заболеваний, свидетельствовали скорее о честности ученого и скромности врача, нежели о никчемности и бесперспективности психоаналитического подхода к изучению человека.

Некоторые психологи, философы и врачи считали, как, впрочем, считают и до сих пор, что в принципе невозможно познать нечто, не являющееся предметом сознания, и, следовательно, не может быть и речи ни о каком бессознательном. Фрейд же не только выступил против подобной точки зрения, но и всей своей исследовательской и терапевтической деятельностью продемонстрировал возможности выявления бессознательных процессов. Если те, кто все-таки признавал бессознательное, допускали лишь абстрактные, отвлеченные размышления о бессознательных процессах, то, в отличие от них, основоположник психоанализа на конкретном, эмпирическом материале показал, как и каким образом можно выявлять бессознательное, фиксировать его и работать с ним.

Фрейд признавал, что психоанализ не всесилен ни в своих исследовательских, ни в своих терапевтических функциях. Он соглашался с тем, что, подобно философам, психоаналитик не может ответить на вопрос, что есть бессознательное. Но он исходил из того, что психоанализ может помочь в изучении бессознательного психического и использовать полученные таким путем знания в терапевтических целях. Причем там и тогда, где и когда другие методы исследования и терапии оказываются в силу присущих им ограничений недейственными и неэффективными в выявлении бессознательных желаний и влечений человека. В этом отношении примечательно высказывание Фрейда в работе «Сопротивление психоанализу» (1925), согласно которому аналитик может указать конкретные области человеческой деятельности, где проявляется бессознательное.

Одна из величайших заслуг Фрейда как раз и состояла в том, что он продемонстрировал возможность изучения бессознательного на конкретном материале. Он обратился к исследованию той конкретики, которая не попадала, как правило, в поле зрения психологов, философов и врачей, интересующихся закономерностями мышления и поведения человека. Его исследовательский и терапевтический интерес привлекли «мелочи жизни», остающиеся по ту сторону сознания и не представляющие какой-либо значимости для людей, привыкших соотносить свою собственную жизнь и жизнь других с эпохальными событиями, грандиозными свершениями, крупномасштабными задачами.

Психология сознания воспаряла к вершинам духовного мира личности. Психология бессознательного предполагала обращение к низменным страстям человека. Первая ориентировалась на раскрытие сознательно-разумной деятельности индивида.

Вторая посягала на выявление бессознательных процессов, сил, желаний и влечений, накапливающихся и содержащихся в преисподней человеческой души. Традиционная психология занималась изучением закономерностей внутреннего мира человека, способствующих развертыванию его жизненных сил. Психоанализ замахнулся на раскрытие его «закономерзостей», приносящих человеку боль, страдания, муки и доводящих его до такого состояния, когда ему приходилось спасаться бегством в болезнь.

Для Фрейда именно «мелочи жизни» стали первостепенным объектом пристального внимания и осмысления. Для него именно закономерности внутреннего мира человека оказались важными и существенными для понимания сути и механизмов работы бессознательного. Поэтому исследовательская и терапевтическая деятельность Фрейда была направлена в первую очередь на такие области проявления бессознательного, которые по большей части оставались в тени, не признавались в качестве заслуживающих внимания объектов изучения. Такими областями проявления бессознательного стали для Фрейда ошибочные действия, сновидения и невротические симптомы. Их исследование положило начало конкретному изучению бессознательного и становлению психоанализа как самостоятельной отрасли знания и терапевтического лечения психических заболеваний.

Вполне очевидно, что для лучшего понимания весомости вклада Фрейда в психоаналитическое понимание человека необходимо вслед за ним обратиться к «мелочам жизни», к тем сферам проявления бессознательного, которые вызвали повышенный интерес у основателя психоанализа. Таким образом, объектом последующего рассмотрения станут ошибочные действия человека, его сновидения и невротические симптомы.

Изречения

З. Фрейд: «Бессознательное — это истинно реальное психическое, столь же неизвестное нам в своей внутренней сущности, как реальность внешнего мира, и раскрываемое данными сновидения в столь же незначительной степени, как внешний мир показаниями наших органов чувств».

З. Фрейд: «Задача дать объяснения, стоящая перед психоанализом вообще, узко ограничена. Объяснить нужно бросающиеся в глаза симптомы, вскрывая их происхождение; психических механизмов и влечений, к которым приходишь таким путем, объяснять не приходится; их можно только описать».

З. Фрейд: «Аналитик тоже не может сказать, что такое бессознательное, но он может указать на область тех проявлений, наблюдение которых заставило его предположить существование бессознательного».

Контрольные вопросы

1. Является ли Фрейд первооткрывателем сферы бессознательного?
2. Как и каким образом Фрейд пришел к идее бессознательного психического?
3. Что такое предсознательное и вытесненное бессознательное?
4. Как возможно познание бессознательного?

5. Что имел в виду Фрейд, говоря о бессознательных влечениях?
6. Каково психоаналитическое понимание влечений человека?
7. В чем состоит специфика бессознательных процессов?
8. Может ли психоаналитик ответить на вопрос, что такое бессознательное?
9. Каковы трудности и ограничения, лежащие на пути осознания бессознательного?
10. В каких областях человеческой деятельности психоаналитик может фиксировать реальное проявление бессознательных процессов?

Рекомендуемая литература

1. *Бассин Ф.Б.* Проблема бессознательного (о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности). М., 1968.
2. Бессознательное: природа, функции, методы исследования / под ред. А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия, Ф.Б. Бассина. Тбилиси, 1978. Т. 1.
3. *Кнапп Г.* Понятие бессознательного и его значение у Фрейда // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1: Зигмунд Фрейд. Жизнь, работа, наследие. М., 1998.
4. *Ранк О., Закс Г.* Бессознательное и формы его проявления // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М., 1994.
5. *Фрейд З.* Некоторые замечания относительно понятия бессознательного в психоанализе // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М., 1994.
6. *Фрейд З.* Сопротивление против психоанализа // Психоаналитические этюды. Минск, 1997.
7. *Фрейд З.* Я и Оно // Либидо. М., 1996.
8. *Фрейд З.* Психология бессознательного. СПб., 2012.
9. *Элленберг Г.Ф.* Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии / общ. ред. и предисл. В. Зеленского. СПб., 2001. Т. 1.
10. *Элленберг Г.Ф.* Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии / общ. ред. и предисл. В. Зеленского. СПб., 2004. Т. 2.

Глава 5

ОШИБОЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Бессознательные промахи

«Толкование сновидений» (1900) — первая фундаментальная работа Фрейда, в которой содержались важные психоаналитические идеи, получившие в дальнейшем свое развитие. «Психопатология обыденной жизни» (1901) — вторая из его наиболее крупных работ. В ней Фрейд обстоятельно рассмотрел те «мелочи жизни», те «отбросы мира явлений», которые чаще всего отвергались исследователями как недостойные внимания. Казалось бы, если следовать хронологическому порядку, то прежде всего надо начать с разбора взглядов Фрейда на сновидения, а затем перейти к анализу ошибочных действий.

Однако в том, что последовательность раскрытия психоаналитических идей выстраивается в ряд «ошибочные действия – сновидения – невротические симптомы», есть своя логика, которая представляется оправданной и соответствующей исследовательскому духу Фрейда. Эта логика незамысловата, поскольку она следует принципу восхождения от простого к сложному в процессе изучения. Собственно говоря, данной логики придерживался и сам Фрейд. Не случайно в своих лекциях по введению в психоанализ он именно так и выстраивал изложение материала — от ошибочных действий через сновидения к общей теории неврозов.

Кроме того, логика перехода от рассмотрения ошибочных действий к раскрытию представлений Фрейда о сновидениях и их толковании хронологически совпадает с его публикациями. Дело в том, что до выхода в свет «Толкования сновидений» в 1898 году он опубликовал небольшую статью «О психическом механизме забывчивости», содержание которой стало исходным пунктом его дальнейших рассуждений об ошибочных действиях, нашедших отражение в работе «Психопатология обыденной жизни». Стало быть, рассмотрение вначале ошибочных действий, а затем сновидений является оправданным и в хронологическом отношении.

В статье «О психическом механизме забывчивости» содержались фактически некоторые результаты самоанализа Фрейда. На примере, взятом из собственной жизни, он подверг психологическому анализу, в общем-то, довольно распространенное в жизни человека явление — забывание какого-то имени и неверное припоминание его. Осуществление подобного анализа привело Фрейда к двум следствиям. Во-первых, он пришел к выводу, что не являющаяся серьезным расстройством одной из психических функций способность забывания собственных имен и их неверного припоминания допускает такое объяснение, которое выходит за пределы привычных представлений, связанных с тривиальными ссылками на невнимательность, рассеянность или усталость человека. Во-вторых, подобного рода «мелочи жизни» представляются важными и значительными с точки зрения понимания механизмов работы бессознательного. Следовательно, они могут стать объектом психоаналитического исследования, способствующего раскрытию специфических характеристик и особенностей бессознательного психического. Отсюда — интерес Фрейда к психоаналитическому осмыслению ошибочных действий, результаты которого нашли свое отражение в работе «Психопатология обыденной жизни».

Первое обращение Фрейда к серьезному, глубинному, выходящему за рамки поверхностных объяснений анализу ошибочных действий было непосредственно связано с его самоанализом. Однажды он никак не мог вспомнить имя художника, автора известных фресок, расписанных в соборе небольшого итальянского города Орвието. Он знал имя этого художника, пытался его вспомнить, но вместо Синьорелли ему упорно приходили на ум два других имени — Боттичелли и Больтраффио. Несмотря на все старания отбросить оба имени как неверные и вспомнить настоящее имя художника, Фрейду никак не удавалось извлечь из своей памяти то, что, казалось бы, должно было всплыть само собой. И только после того, как ему назвали настоящее имя художника, он с некоторой досадой на самого себя, но без каких-либо сомнений признал, что речь идет о Синьорелли.

Для другого человека забывание имени художника и неверное его припоминание, скорее всего, обернулось бы в худшем случае легкой досадой, незначительным переживанием по поводу своей плохой памяти, а в лучшем — признанием недоразумения, на которое не стоит обращать внимание вообще. Но Фрейд, имевший опыт эпизодического и систематического самоанализа, отнесся к подобному инциденту со всей серьезностью, усмотрев за неприятным для него забыванием имени художника нечто такое, что заставило его задуматься над теми бессознательными процессами, которые совершались в глубинах его психики.

В своих воспоминаниях Фрейд писал о том, что с детства обладал феноменальной памятью и мог с легкостью сдавать экзамены по тем учебным дисциплинам, которые не вызывали у него особого интереса. Его знакомство с такими учебными предметами ограничивалось беглым прочтением соответствующих учебников перед экзаменами, что оказывалось для него вполне достаточным, поскольку он был в состоянии воспроизводить перед экзаменаторами целые куски и даже отдельные страницы из прочитанного накануне. Лишь впоследствии, когда речь заходила об истоках возникновения психоанализа, он мог изредка ссылаться на случаи возможной криптомнезии, так как из-за обилия прочитанной в различные годы жизни литературы не мог вспомнить, что являлось его собственными оригинальными идеями, а что было почерпнуто из философских, естественно-научных и художественных книг.

Надо полагать, что именно сочетание феноменальной памяти с имевшими место в его жизни случаями забывчивости заставило Фрейда обратить особое внимание на его собственные ошибочные действия. И действительно, посвятив свою исследовательскую и терапевтическую деятельность служению истине, он вряд ли мог обойти стороной те незначительные, но вместе с тем удивительные для него провалы памяти, которые требовали объяснения — как с точки зрения самоанализа, так и в плане психоаналитического понимания бессознательного психического. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, начав со случая собственного забывания имени итальянского художника, он перешел к психоаналитическому объяснению различного рода промахов в своей жизни и ошибочных действий, совершаемых другими людьми.

Не исключено, что само по себе забывание имени художника могло не вызвать у Фрейда повышенного интереса к провалам памяти. Разумеется, обнаружение у самого себя подобного рода промахов дело неприятное, тем более когда полагаешься на свою феноменальную память. Но в случае с Фрейдом значительную роль сыграло то обстоятельство, что он не просто забыл имя художника. Обратившись к своей памяти, он неожиданно обнаружил тщетность своих попыток, так как ему в голову приходили другие, замещающие имена, а не подлинное имя, которое он, в принципе, знал, но никак не мог вспомнить. Примечательно, что, пытаясь вспомнить имя художника, Фрейд воскресил в памяти, причем необычайно ярко, сами фрески и портрет художника, которые находились в помещении, где Фрейд побывал. Подобное не вписывалось в привычные объяснительные конструкции, апеллирующие к рассеянности, усталости, отсутствию сосредоточенности. Напротив, Фрейд прилагал все усилия к тому, чтобы вспомнить имя художника, но его феноменальная память выбрасывала на поверхность сознания совсем другие имена. Вот это как раз и требовало психологического анализа, выходящего за пределы любых физиологических объяснений.

В процессе собственного анализа забывания имени художника и неверного его припоминания Фрейд восстановил в своей памяти события, темы разговора и сюжеты, предшествовавшие данному казусу. Он находился в компании немецкого юриста, с которым познакомился во время летнего отдыха и провел день в Боснии и Герцеговине. Во время ни к чему не обязывающего разговора с ним зашла речь о путешествиях по Италии и Фрейд спросил своего попутчика о том, не был ли он в Орвието и не видел ли знаменитые фрески художника... Фрейд хотел назвать имя этого художника, но не смог вспомнить его.

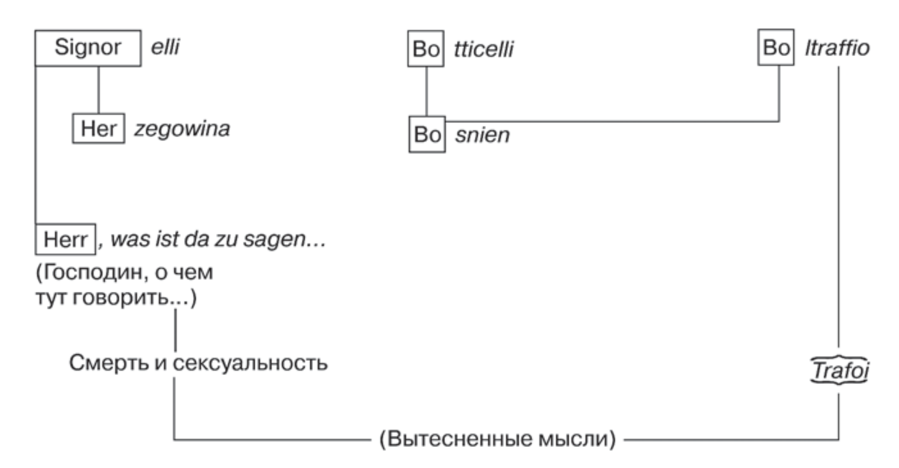
Почему он не помнил это имя? Почему вместо Синьорелли в голове всплывали имена Боттичелли и Больтраффио?

Фрейд восстановил в памяти тему, предшествовавшую разговору о путешествиях по Италии. Перед этим он беседовал со своим попутчиком о нравах и обычаях турок, живущих в Боснии и Герцеговине. Фрейд хотел рассказать о том, что боснийские турки высоко ценят сексуальное наслаждение, и если в случае заболевания оказываются несостоятельными в этом, то впадают в отчаяние, а жизнь теряет для них всякую ценность, несмотря на их привычное равнодушие к смерти. Но, не желая касаться в разговоре с незнакомым человеком щекотливой темы о сексуальности и смерти, он воздержался от подобного рассказа. Одновременно Фрейд отклонил свое внимание от мыслей, которые могли возникнуть у него в связи с этой темой:

несколькими неделями раньше, во время пребывания в Трафуа, он узнал о том, что один из его пациентов, страдавший неизлечимой венерической болезнью, покончил жизнь самоубийством.

Восстановление в памяти всего того, что предшествовало забыванию имени художника, позволило Фрейду прийти к заключению, что это забывание не было случайностью. Имелись вполне определенные мотивы, побудившие его воздержаться от рассказа о нравах боснийских турок и исключить из сознания мысли, связанные с ассоциациями о полученном им известии в Трафуа. Фрейд хотел забыть о прискорбном случае и вытеснить из сознания полученное им известие о самоубийстве пациента. Однако вместо забывания одного он забыл совершенно другое — имя художника. Нежелание вспомнить одно обернулось неспособностью вспомнить другое.

Схема анализа ошибочного действия, предложенная Фрейдом в статье 1898 года и воспроизведенная им в работе 1901 года «Психопатология обыденной жизни»

Пришедшие на память Фрейду замещающие имена Боттичелли и Больтраффио оказались своего рода компромиссом между тем, что он хотел вспомнить, и тем, что забыл. Попытка вытеснения из сознания темы, связанной с сексуальностью и смертью, оказалась таковой, что дала о себе знать в разложении имени Синьорелли на две составные части: включении последней из них (елли) в имя Боттичелли, утратой первой (синьор) и замещением ее путем смещения названий «Герцеговина» и «Босния» элементом «Гер», входящим в ответ «Господин (Herr), о чем тут говорить», и словами пациента «Господин, вы должны знать, что если лишиться этого, то жизнь теряет всякую цену», а также ассоциацией «Трафуа», в результате чего вместо подлинного имени художника в голове Фрейда возникли имена Боттичелли и Больтраффио.

Подвергнув анализу собственный случай забывания имени художника, Фрейд предположил, что нет основания делать принципиальное различие между случаями забывания, связанными с ошибочным воспроизведением имени, и простым забыванием, которое не сопровождается замещенным именем.

Изречения

З. Фрейд: «Субъекту, силящемуся вспомнить ускользнувшее из его памяти имя, приходят в голову иные имена, имена-заместители, и если эти имена и опознаются сразу же как неверные, то они все же упорно возвращаются вновь с величайшей навязчивостью».

З. Фрейд: «Объяснить исчезновение из моей памяти имени мне удалось лишь после того, как я восстановил тему, непосредственно предшествующую данному разговору. И тогда весь феномен предстал передо мной как процесс вторжения этой предшествовавшей темы в тему дальнейшего разговора и нарушения этой последней».

З. Фрейд: «Я подверг на примере, взятом из моей собственной жизни, психологическому анализу чрезвычайно распространенное явление забывания собственных имен и пришел к выводу, что этот весьма обыкновенный и практически не особенно важный вид расстройства одной из психических функций — способности припоминания — допускает объяснение, выходящее далеко за пределы обычных взглядов».

Закономерность ошибочных действий

Осуществленный Фрейдом психологический анализ забывания и неверного припоминания имени художника позволил ему прийти к таким выводам, которые легли в основу психоаналитического исследования разнообразных ошибочных действий, этих наглядных примеров проявления вытесненного бессознательного в жизни человека. Один из выводов имел непосредственное отношение к его самоанализу. Так, по поводу собственных случаев забывания и ошибочного воспроизведения имен Фрейд писал, что почти каждый раз, когда ему случалось наблюдать это явление на самом себе, он имел возможность объяснить его именно указанным образом, то есть как акт, мотивированный вытеснением. Другой вывод касался общего положения, связанного с забыванием имен. Фрейд сформулировал его в достаточно осторожной форме, говоря о том, что наряду с обыкновенным забыванием собственных имен встречаются и случаи забывания, которые мотивируются вытеснением. И наконец, им был сделан еще один, пожалуй, наиболее важный для психоанализа вывод, согласно которому исчезновение из памяти одного имени и замена его другим или другими не может восприниматься в качестве простой случайности. В обобщенной форме этот вывод сводился к одному из основополагающих психоаналитических утверждений Фрейда, а именно — в психике нет ничего случайного.

В «Психопатологии обыденной жизни» Фрейд подробно рассмотрел те ошибочные действия, которые могут наблюдаться у каждого человека. Он выделил три группы подобных действий. Первую группу ошибочных действий составляют оговорки, обмолвки, описки, очитки, ослышки. Вторую — недлительное, временное забывание имен, иностранных слов, словосочетаний, впечатлений и выполнения намерений. Третью — запрятывание предметов, затеривание вещей, совершение определенных ошибок-заблуждений, когда на какое-то время веришь чему-то, хотя знаешь наверняка, что это не соответствует действительности. К этой же группе можно отнести

целый ряд других явлений, включая симптоматические и на первый взгляд случайные действия.

Особенность подхода Фрейда к рассмотрению ошибочных действий состояла в том, что его не удовлетворяли ранее предпринимаемые попытки объяснения этих явлений с физиологической или психофизиологической точки зрения. Он не отрицал, что нарушение нормальной деятельности человека может быть вызвано физиологическими причинами, включая, например, недомогание или нарушение кровообращения. Не отвергал он и того, что соответствующие нарушения могут быть связаны с психофизиологическими причинами: усталостью, рассеянностью или волнением. Вместе с тем Фрейд утверждал, что существуют такие ошибочные действия, которые невозможно объяснить только физиологическими и психофизиологическими причинами. Так, нередко человек может совершать ошибочные действия даже тогда, когда он не испытывает никакого недомогания, не чувствует усталости, не является ни рассеянным, ни взволнованным. Напротив, человек может быть исключительно бодрым, предельно внимательным и сосредоточенным на чем-то конкретном и в то же время совершать ошибочные действия.

С точки зрения физиологических или психофизиологических объяснений подобным действиям действительно можно найти ряд подтверждений, но сами ошибочные действия в этом случае будут восприниматься как простая случайность или досадное недоразумение. Но можно посмотреть на эти действия с психологической (психоаналитической) точки зрения, то есть попытаться разобраться в том, что происходит при совершении человеком ошибочного действия, почему он совершил именно его, а не другое и почему он совершил его именно таким образом, а не каким-то другим. Фрейд считал, что подобное ви́дение ошибочных действий способствует пониманию того, что они не носят случайный характер. Что кажущиеся на первый взгляд закономерности на самом деле такие закономерности, которые, будучи не понятыми с позиций психологии сознания, могут быть обнаружены исходя из признания бессознательного психического и наличия подавленного, вытесненного из сознания материала, остающегося тем не менее действенным и обусловливающим возникновение тех или иных промахов в жизни человека.

Таким образом, психоаналитический подход к рассмотрению ошибочных действий не только ограничил физиологическое объяснение причин их возникновения. Он расширил границы возможного вторжения психологии в то, что Фрейд назвал психопатологией обыденной жизни. В результате, с одной стороны, был переброшен мост между клиническим материалом, почерпнутым из терапевтической практики, и наблюдениями над нормальными людьми, совершающими ошибочные действия в повседневной жизни. С другой стороны, открылась возможность не только для объяснения причин возникновения разнообразных промахов с точки зрения психологического знания в поведении человека, но и понимания того, что они предстают полноценными психическими актами. По словам Фрейда, психоанализу удалось доказать, что все эти вещи могут стать легко понятными посредством чисто психологического объяснения и существовать в уже известных взаимосвязях психологических явлений.

Психоаналитический подход к ошибочным действиям привел к довольно парадоксальной ситуации. В самом деле, с точки зрения физиологического и психофизиологического объяснения разнообразные промахи человека оказываются ни чем

иным, как ошибочными действиями. Более того, даже с точки зрения психологии (правда, психологии сознания) промахи человека — это именно ошибочные действия. С позиции же психоанализа все выглядит с точностью до наоборот. То, что обычно считается ошибочным действием, может быть рассмотрено в качестве удивительно правильного действия. Для психологии бессознательного промахи человека — правильные, правомерные действия, с той лишь незначительной поправкой, что они возникли вместо чего-то другого, ожидаемого или предполагаемого. Поэтому в глазах психоаналитика ошибочные действия выглядят не только полноценными психическими актами. Они имеют определенную цель, свою собственную форму выражения. И не только это. Для психоаналитика ошибочные с точки зрения логики сознания, но правильные с точки зрения логики бессознательного действия человека имеют смысл и значение.

Изречения

З. Фрейд: «Опыт показывает, что ошибочные действия и забывание проявляются и у лиц, которые не устали, не рассеянны и не взволнованы, разве что им припишут это волнение после сделанного ошибочного действия, но сами они его не испытывали».

З. Фрейд: «Психоаналитик отличается особо строгой уверенностью в детерминации душевной жизни. Для него в психической жизни нет ничего мелкого, произвольного и случайного, он ожидает повсюду встретить достаточную мотивировку, где обычно таких требований не предъявляется».

З. Фрейд: «Промахи являются полноправными психическими феноменами и всякий раз имеют свой смысл и тенденцию».

Анализ ошибочных действий

Для Фрейда смысл ошибочного действия представлял больший интерес, чем условия его возникновения. Психоаналитическое рассмотрение ошибочных действий как раз и предполагало прежде всего выявление их смысла. Под смыслом любого психического процесса Фрейд понимал не что иное, как намерение, которому он служит, тенденцию, которой он придерживается. В одних случаях смысл какого-то ошибочного действия оказывается очевидным и не требует больших усилий для его понимания. В других — необходима аналитическая работа, прежде чем станет понятным смысл ошибочного действия. Встречаются также случаи, когда за поверхностным, бросающимся в глаза смыслом ошибочного действия скрывается более глубинный, потаенный смысл, выявление которого оказывается делом непростым, но важным и необходимым.

Часто ошибочные действия случаются в результате столкновения двух различных намерений, когда одно намерение может подменяться другим, искажаться, модифицироваться. Это ведет порой к образованию таких комбинаций, которые кажутся в какой-то степени осмысленными или, напротив, абсурдными, не имеющими никакого смысла. Однако, как считал Фрейд, в любом случае ошибочное действие выражает вполне определенное намерение человека, прояснение которого необхо-

димо для понимания того, что на самом деле стоит за тем или иным его промахом. В конечном счете вывод основателя психоанализа по поводу ошибочных действий сводился к тому, что они представляют собой серьезные психические акты, имеющие свой смысл, и что они возникают благодаря взаимодействию, а лучше сказать, противодействию двух различных намерений.

Если ошибочное действие — это результат столкновения между собой двух различных намерений, то для понимания его смысла необходимо прежде всего выявить данные намерения. Одно из них, нарушенное намерение, как правило, не вызывает трудностей для своего обнаружения, так как совершивший ошибочное действие человек знает об этом намерении и признает его. Второе, нарушающее намерение в одних случаях может быть явно выраженным, и человек догадывается о нем, но в других случаях оно может лишь частично выражать первоначальное намерение или искажать его, в результате чего утрачивается его истинное понимание.

Психоаналитический подход заключается в том, что исследователь стремится к выявлению нарушенного и нарушающего намерений. У совершившего ошибочное действие человека можно спросить, почему он совершил именно это действие и что он может о нем сказать. Первое пришедшее ему в голову объяснение становится отправным пунктом исследования, так как, согласно одному из принципиально важных технических приемов психоанализа, пришедшая на ум мысль не случайна и ее следует рассматривать в качестве психического факта, заслуживающего серьезного внимания. Подчас совершивший ошибочное действие человек сам в состоянии понять смысл этого действия, поскольку он знает о своем нарушенном намерении и догадывается о намерении нарушающем. Но бывает и так, что человек не догадывается о нарушающем намерении или никак не хочет признаться ни в одном из намерений, предопределивших его ошибочное действие. Тогда аналитику приходится выступать в качестве криминалиста, способного на основании косвенных улик прийти к определенным доказательствам, вскрывающим и подтверждающим истинность намерений человека, приведших его к совершению ошибочного действия.

Фрейд приводил такое образное сравнение: совершившего ошибочное действие человека можно рассматривать в качестве подсудимого, а психоаналитика — как судью. В том случае, когда обвиняемый признается в своем поступке, судья верит его признанию. Но если обвиняемый отрицает свою вину, стремится отвести от себя любые подозрения, то судья вправе не поверить ему. Если совершивший ошибочное действие человек сам признает его, то смысл данного действия не вызывает сомнения. Но в том случае, когда этот человек скрывает или отвергает истинные намерения, приведшие к ошибочному действию, отказывается сообщить важные сведения или вообще молчит, психоаналитику придется начать свое собственное расследование: собрать косвенные улики и с учетом их сделать соответствующее заключение. Если же совершивший ошибочное действие человек отсутствует и, соответственно, у психоаналитика нет возможности обратиться к нему с какими-либо расспросами, то косвенные улики становятся подчас единственным материалом, доступным для психоаналитического исследования.

В ряде случаев, особенно когда отсутствуют показания анализируемого, раскрытие смысла ошибочного действия сводится к поиску различного рода косвенных улик. При этом принимается во внимание все относящееся и к лицу, совершившему ошибочное действие, и к условиям, в которых оно было совершено. Знание характера

человека, знакомство с его образом жизни, понимание психической ситуации на момент совершения им ошибочного действия, уяснение обстоятельств и условий, предшествовавших данному действию, — все это и многое другое должно быть принято во внимание, прежде чем психоаналитик вынесет свой окончательный приговор.

Этот приговор предполагает не наказание обвиняемого, а раскрытие перед ним его истинных намерений, которые позволяют понять смысл ошибочного действия. В конечном счете особенность техники психоанализа состоит не в том, чтобы обвинить человека в его прегрешениях, а в том, чтобы благодаря выявлению его бессознательных намерений дать ему возможность самому решать свои проблемы.

В работе «Психопатология обыденной жизни» Фрейд привел большое количество примеров ошибочных действий, наглядно демонстрирующих возможные противодействия сознательных намерений и бессознательных тенденций, активно действующих в глубинах человеческой психики. Одни примеры относились к его собственным ошибочным действиям, другие были взяты из жизни его друзей, коллег и пациентов, третьи — почерпнуты из художественной литературы, включая произведения Шекспира и Шиллера. Фрейд не только привел разнообразные примеры ошибочных действий, но и показал возможности использования психоаналитической техники для выявления смысла ошибок и промахов, имеющих место в повседневной жизни людей.

Нет необходимости воспроизводить все или хотя бы некоторые, наиболее яркие и образные примеры ошибочных действий, которые содержатся в работе Фрейда. Она переведена на русский язык, опубликована в различных изданиях, и, следовательно, можно порекомендовать обратиться непосредственно к этому источнику с целью ознакомления с соответствующими примерами оговорок, описок, очиток, забывания имен и намерений, затеривания предметов и многих других ошибочных действий, воспроизведенных и разобранных основателем психоанализа в тексте его книги. Тот, кто последует данной рекомендации, получит подлинное удовольствие от непосредственного соприкосновения с оригинальным материалом и не менее оригинальным толкованием ошибочных действий. Кстати, многие примеры связаны с непереводимой с немецкого на русский язык игрой слов и поэтому становятся понятными только в контексте приводимых Фрейдом суждений и пояснений переводчика.

В качестве иллюстрации ошибочных действий целесообразнее привести примеры, которые взяты из российской действительности. Они могут вызвать соответствующие ассоциации, связанные с воспоминаниями недавнего прошлого или личностным отношением к соответствующим сюжетам. Эти примеры почерпнуты из собственной практики, имеющей отношение к анализу политических страстей, работе со студентами, терапевтической деятельности и личным ошибкам, которые, что вполне естественно, не раз случались в моей жизни.

Несколько десятилетий тому назад, когда российскому телевидению открылся доступ в ранее запретные для него сферы политической деятельности, появилась реальная возможность следить за развертывающимися в стране событиями, видеть наших политических деятелей, слушать их выступления, наблюдать за различного рода спорами и дебатами по экономическим, политическим, международным вопросам. И если манера говорить наших политических лидеров и государственных деятелей, включая неправильную расстановку ударений в словах и коверкание русского языка, стала предметом постоянного обыгрывания со стороны юмористов, то

обращение к скрытым мотивам их ошибочных действий является объектом психоанализа. Ведь с точки зрения их психоаналитического осмысления важно не только то, что человек говорит, но и то, как он говорит.

То, что часто люди говорят одно, а думают другое, общеизвестно. Запинки, обмолвки и оговорки могут дать представление об истинных желаниях и намерениях человека, скрытых за словесными выражениями, произносимыми вслух и предназначенными для внешнего восприятия другими людьми. В этом отношении весьма показательны многие высказывания ряда политических и государственных деятелей, которые можно привести в качестве примеров ошибочных действий, дающих наглядное представление о политических страстях и мотивах поведения людей.

17 апреля 1990 года на одном из заседаний Съезда народных депутатов бывшего СССР Рой Медведев отчитывался о работе возглавляемой им комиссии, назначенной для расследования деятельности Гдляна и Иванова. Деятельности, которая вызвала значительный резонанс в общественном сознании в связи с обвинениями партийных руководителей в их причастности к мафиозным структурам. После выступления Медведева один из депутатов задал вопрос: не оказывалось ли давление на комиссию со стороны высших эшелонов власти? Отвечая на заданный вопрос, Медведев сказал буквально следующее: «Давления со стороны верхов мы не испытывали, *особенно* в последнее время».

Нетрудно заметить, как в данном случае на бессознательном уровне проявилось именно то, о чем оратору не хотелось говорить публично. Смысл высказывания Медведева вполне очевиден и не требует каких-либо пояснений. Другое дело, что внутренние психические тенденции, приведшие к построению столь показательной фразы, могут быть рассмотрены двояким образом.

Во-первых, партийные руководители, несомненно, оказывали давление на работу комиссии по расследованию деятельности Гдляна и Иванова. Медведев мог ощущать на себе это давление и, возможно, знал о том, под каким партийным прессом находились другие члены комиссии. Ему не хватило мужества признать этот факт публично или не хотелось подводить своих коллег по работе, и поэтому он сказал, что комиссия не испытывала давления со стороны верхов. Вместе с тем непроизвольно вырвавшееся добавление «особенно в последнее время» рельефно обнажило неискренность его предшествующего высказывания.

Во-вторых, как бывший диссидент, на своем собственном опыте испытавший бремя подавления инакомыслия и знавший всю подоплеку истории со своим братом, который за высказывание крамольных в свое время мыслей был упрятан в психиатрическую больницу и лишь по прошествии нескольких лет избрал для себя путь эмиграции, Медведев не мог принять тактику верхов, оказывавших давление на его депутатскую деятельность. Возможно, такое давление на него лично и не оказывалось. Но ему-то, как никому другому, были известны методы воздействия сильных мира сего на рядового человека, и он мог допустить, что некоторые члены возглавляемой им комиссии могли находиться под сильным давлением со стороны партийных деятелей. Пребывая в состоянии раздвоенности и неуверенности, он готов был убедить других и самого себя в том, что никакого давления на комиссию не оказывалось. И в то же время внутренние сомнения оказались столь сильными, что, прорвавшись за порог сознания, они не только вторглись в его мышление, но и вылились в словесную форму, демонстрирующую всю двусмысленность его ответа на заданный вопрос.

В данном случае не столь существенно, какое из этих двух соображений в большей степени соответствовало истине. Более важно то, что изучение бессознательных процессов, проявляющихся именно в мелочах жизни, в ошибочных действиях вообще и в оговорках в частности, действительно способно приоткрыть завесу словесных напластований, камуфлирующих разыгрывающиеся в обществе политические страсти.

Не участвуя в политических кампаниях, но занимаясь анализом политических страстей, можно подмечать такие «мелочи», которые говорят порой значительно больше, чем глубокомысленные размышления отдельных журналистов и телеобозревателей о соотношениях между законодательной и исполнительной властями, отношениях между членами различных блоков и движений. Достаточно посмотреть прямые трансляции из залов заседаний правительственных организаций или выступления политических лидеров, чтобы получить представление о том, что далеко не все в порядке в нашем отечестве.

В качестве примера стоит обратить внимание на ту оговорку, которую Горбачев допустил во время выдвижения Янаева на пост вице-президента. 26 декабря 1990 года, представляя его Съезду народных депутатов бывшего СССР, Горбачев произнес весьма примечательную фразу: «Янаев может помочь в воен... в необходимой ситуации».

Трудно сказать, какие мысли одолевали в то время Горбачева. Однако его оговорка имела глубокий смысл. Она была связана, видимо, с какими-то только ему известными ассоциациями, обусловленными его отношением к Янаеву. Ясно лишь одно: внутренние сомнения президента страны в правильности сделанного им выбора в пользу Янаева прорвались на бессознательном уровне в форме оговорки. Последующие события наглядно подтвердили зловещий смысл оговорки, когда вместо «необходимой» Горбачев чуть не сказал «военной ситуации».

Августовский путч 1991 года, в котором Янаев сыграл комическую роль подставного диктатора с трясущимися руками, может быть осмыслен по-новому в свете той оговорки, которую допустил Горбачев. Не предвидел ли президент страны возможность переворота, когда власть перейдет к вице-президенту? Не стал ли его выбор Янаева заранее продуманной и спланированной акцией по выбору такого вице-президента, который помимо своей воли или при отсутствии таковой «может помочь (ему) в военной ситуации»?

Неизвестно, чем завершились бы августовские события 1991 года, будь на месте Янаева другой, более решительный и волевой вице-президент. В определенном смысле можно сказать, что именно благодаря своему выбору вице-президента Горбачев избежал роковых последствий как для своей собственной жизни, так и жизни близких ему людей. Но если бы в свое время он или окружающие его советники обратили внимание на совершенную президентом оговорку, то, возможно, они предприняли бы все необходимые меры к тому, чтобы не допустить путча, чуть было не стоившего жизни Горбачеву.

Можно привести еще несколько оговорок, относящихся к политическим событиям, но не требующих какого-либо глубинного анализа в силу того явного смысла, который бросается в глаза любому, кто обратит внимание на подобное ошибочное действие.

28 января 1993 года в Белом доме собрался Совет министров России во главе с Виктором Черномырдиным. Во время торжественных проводов двух народных депутатов на другую работу (первый заместитель председателя Верховного Совета России С. Филатов был назначен главой администрации президента, а заместитель

председателя Верховного Совета Ю. Яров — заместителем главы правительства) бывший в то время спикером Р. Хасбулатов сделал примечательную оговорку. Говоря об исполнительных органах власти, он назвал их исправительными. Тем самым он невольно обнажил не только трения между исполнительной и законодательной властями, но и свое скрытое отношение к исполнительным органам власти. В октябре 1993 года правительственные войска взяли штурмом Белый дом, а наиболее заметные в политическом отношении в то время его обитатели, включая Хасбулатова, были арестованы и препровождены в тюрьму. Эти события высветили лишь надводную часть того айсберга политических страстей, который дрейфовал в море политических бурь и время от времени давал о себе знать в виде безобидных на первый взгляд оговорок, типа той, что приведена выше.

В марте 1994 года состоялась встреча бывшего тогда министром обороны России Павла Грачева с патриархом Алексием II. И тот и другой произнесли речи, в которых значительное внимание было отведено армии, Церкви, служению отечеству. Говоря о взаимоотношениях между армией и Церковью, в своей речи Грачев отметил, что эти взаимоотношения «уходят глубокими когтями в историю». Разумеется, он хотел сказать об отношениях между армией и Церковью, уходящих корнями в российскую историю. Однако его оговорка имела определенный смысл, так как министр обороны прекрасно знал, какое нетерпимое отношение к Церкви и религии было на протяжении многих десятилетий в Советской армии. Правда, время изменилось. Начали меняться и ценностные ориентации многих людей вплоть до того, что крупные политические деятели стали мелькать на экранах телевизоров во время торжественных богослужений. Военачальникам тоже приходилось адаптироваться к новой ситуации, когда сам президент обнимался с патриархом Алексием II. Бывший тогда министром обороны России Грачев вынужден был совершать соответствующие духу времени ритуалы. И как бы в своей речи он ни разглагольствовал о единстве между армией и Церковью, его внутренние убеждения, ранее сложившиеся на почве антирелигиозной идеологии, дали знать о себе в форме оговорки, когда вместо слова «корни» он непредумышленно произнес другое слово, «когти».

Довольно курьезная оговорка прозвучала в устах радиокомментатора еще до того, как в стране произошли серьезные идеологические и политические изменения. В Россию приехала какая-то иностранная делегация. Встреча проходила на высоком, как тогда говорили, уровне, когда в переговорах участвовали главы государств. Официальный визит подошел к концу, и один из радиокомментаторов, подводя итоги встречи двух глав государств, сообщил о достигнутых на переговорах успехах. Завершая свое информационное сообщение, он сказал: «Переговоры прошли в теплой, дружеской обстановке, и на прощание главы государств обменялись рукопожратием».

Вполне очевидно, что радиокомментатор хотел сказать, что главы государств обменялись рукопожатием. Скорее всего, он даже читал текст, заранее утвержденный его руководством, где черным по белому было написано именно то, что он обязан был сказать. Естественно, что он не только не мог позволить нести «отсебятину», но не в состоянии был даже помыслить, что может сказать что-то иное, помимо утвержденного сверху. Однако, будучи профессионалом, он имел представление о том, как проходят встречи на уровне глав государств, какие дружеские чувства они испытывают подчас друг к другу, когда столкновение политических интересов и политических амбиций может приводить к тому, что, соблюдая дипломатический этикет

и мило улыбаясь перед объективами фотоаппаратов и телекамер, на самом деле политические и государственные деятели готовы, что называется, съесть друг друга. Радиокомментатор был обязан сказать одно, но в глубине души, возможно, смеялся над другим. Как и раньше в подобных случаях, он отгонял от себя посторонние мысли, вытеснял их из сознания и не позволял им выйти наружу в процессе своей профессиональной деятельности. Но, вытесненные в бессознательное, они оставались активными и в один прекрасный момент проявили себя в форме курьезной оговорки, когда добавление всего одной буквы в слове «рукопожатие» радикальным образом изменило суть высказывания.

В более ранний период отечественной истории за подобного рода ошибки расплачивались жизнью. Во времена правления «великого кормчего» в одной из газет была допущена опечатка. В какой-то степени она напоминала историю с оговоркой радиокомментатора. Только в последнем случае в слово была непроизвольно добавлена одна буква, в то время как в газете из слова выпала одна буква. Вместо ожидаемого названия города «Сталинград» в газете по чьему-то недосмотру появилось более чем подозрительное слово «Сталингад». Конечно, в самой газете был большой переполох, кое-кто лишился постов, а наборщик, на которого свалили всю вину, как на стрелочника, кажется, лишился жизни.

Кстати, в печатных изданиях довольно часто имеют место различного рода опечатки. Даже в былые времена, когда осуществлялась тщательная выверка буквально каждого слова, случались опечатки. Приведенный выше пример — наглядная тому иллюстрация. Правда, имевшие место оплошности не всегда заканчивались трагично для тех, кто их допускал. По крайней мере, из истории известно одно такое исключение. Как-то Сталин, который имел привычку сам просматривать периодические издания, прочитал о себе в газете «Известия» фразу «мудрый вождь» без буквы «р». Пожалев сотрудников газеты и посетовав на то, что они устают, раз допускают подобного рода ошибки, он распорядился повысить им оклады, чтобы они более внимательно относились к своей работе. Но во многих случаях аналогичные ошибки заканчивались весьма плачевно для тех, кто их совершал.

Изречения

З. Фрейд: «Промахи являются удобнейшим материалом для любого желающего убедиться в истинности аналитического понимания».

З. Фрейд: «Индивид, совершивший промах, может его заметить или просмотреть; лежащая в основе промаха подавленная тенденция может быть хорошо известна индивиду. Но без анализа он обычно не знает, что соответствующий промах является результатом этой тенденции».

Виртуозная работа бессознательного

Следует отметить, что при всем сходстве между описками, что было предметом анализа Фрейда, поскольку в начале XX века личные письма, деловые бумаги и тексты работ существовали в рукописном варианте, и опечатками, что может быть объектом исследования современников, пользующихся компьютером, существует опре-

деленная разница. Совершенная человеком описка имеет смысл, раскрытие которого предполагает, помимо всего прочего, знание психологических условий, в которых находился конкретный человек, допустивший соответствующий промах. В случае опечатки имеется неопределенность, поскольку трудно установить, кто конкретно допустил ошибку, так как таким человеком может оказаться автор текста, сотрудник, осуществлявший компьютерную верстку, или работник типографии, готовящий текст к печати. Это затрудняет и осложняет анализ опечатки. Однако сам принцип психоаналитического подхода к рассмотрению опечатки остается точно таким же, как и во времена Фрейда. Важно и необходимо выявить противодействующие психические тенденции с тем, чтобы раскрыть смысл данного ошибочного действия.

Вспоминаю одну опечатку, которую я обнаружил, когда несколько лет тому назад читал верстку написанного мною текста, который должен был войти в коллективный труд в качестве одного из его разделов. Речь шла о психоаналитической антропологии. Один из параграфов текста имел заголовок: «В. Райх: человек — оргазмное и природно-социальное существо». Вместо этого в гранках было напечатано: «В. Райх: человек — органическое и природно-социальное существо».

У меня не было сомнений относительно того, что я не повинен в подобной опечатке. Более того, я был уверен в правильности заголовка, поскольку речь шла о нетрадиционных идеях Райха, вызвавших в свое время дискуссии среди западных психоаналитиков, о которых практически ничего не писалось в отечественной научной литературе. Правда, возможность допущения ошибки с моей стороны не исключалась. Ведь в то время было не принято говорить во всеуслышание об оргазме, и, следовательно, хотя термин «оргазм» был вынесен в заголовок, тем не менее на бессознательном уровне могли сработать защитные механизмы, в результате чего я машинально мог напечатать не то, что хотел. Поэтому пришлось обратиться к первоначальному тексту, чтобы удостовериться в правильности мною написанного. В тексте действительно стояло название: «В. Райх: человек — оргазмное и природно-социальное существо».

Можно допустить, что в верстке не было никакой опечатки. Так, прочитав заголовок, в котором фигурировало слово «оргазмное», редактор издательства счел неуместным и даже опасным для себя сохранение предложенного автором названия, поскольку у него могли быть неприятности по работе. Это была середина 80-х годов, когда идеологическая цензура еще давала знать о себе. Правда, редактор издательства мог бы переговорить с автором, чтобы попросить его об изменении заголовка. Такого разговора не было. Конечно, нарушая этические принципы сотрудничества, редактор издательства мог самолично внести изменения в текст. Но в таком случае это было бы не ошибочное, а, напротив, правильное действие с его стороны. Другое дело, что вряд ли бы вместо «оргазмное существо» появилось сочетание «органическое существо», так как, прочитав соответствующий текст, редактор не мог не видеть, что оргазмная концепция человека отражала суть психоаналитических взглядов Райха, и, надо полагать, он нашел бы какую-то другую замену слову «оргазмное», нежели «органическое». Кроме того, получив верстку от автора с соответствующим исправлением, а я, естественно, восстановил в своих правах первоначальное название, редактор или переговорил бы со мной, или вновь без моего ведома внес бы исправление в текст. Однако ни того, ни другого не произошло, и в опубликованном коллективном труде в оглавлении одной из частей соответствующего раздела

было напечатано: «В. Райх: человек — оргазмное и природно-социальное существо». Поэтому вероятность того, что редактор издательства сознательно внес изменение, поставив вместо «оргазмное» «органическое», весьма незначительна. Допущение подобного возможно, если предположить, например, что перед отправкой верстки в печать ее просматривал не прежний редактор, а кто-то другой.

Более вероятно то, что в издательстве действительно была допущена опечатка, смысл которой не столь трудно понять. Не так уж важно, кто именно повинен в опечатке — редактор издательства, машинистка, которая перепечатывала текст после редакторской правки, или наборщик верстки. Зрительно воспринятое человеком слово «оргазмное» могло вызвать у него такие ассоциации, которые напрямую соотносились с некой неудовлетворенностью в сексуальных отношениях и желанием найти себе такого партнера, с которым можно было бы достичь полной гармонии, органического слияния. У другого же человека могли появиться и такие ассоциации, в соответствии с которыми он как бы вновь пережил ранее испытанное удивительное состояние органического слияния с любимым, и у него возникло желание побыстрее покончить с рутинной работой и возвратиться к радостям жизни. В первом случае могло иметь место явное столкновение между двумя различными тенденциями — неудовлетворенностью в интимной сфере и фантазиями о том, как и с кем можно было бы достичь состояния блаженства. Во втором — столкновение между ожидаемым наслаждением и необходимостью в данный момент выполнять рутинную работу. При всех различиях в мотивации в обоих случаях ассоциации в связи с прочитанным словом «оргазмное» вызвали к жизни бессознательные желания. Невозможность их реализации в настоящем претерпела определенную метаморфозу (через фантазию о будущем или отсроченность этого будущего), в результате которой появилась замена в форме слова «органическое».

Нечто похожее, но имеющее противоположное превращение и относящееся не к опечатке, а к оговорке, мне довелось наблюдать в одной из студенческих аудиторий. Однажды я читал лекцию для студентов педагогического колледжа. За исключением трех-четырех молодых людей, аудитория состояла из девушек в возрасте 17–18 лет. Большинство из них внимательно слушали лекцию, конспектировали. И только в задних рядах, как студенты выражаются, «на камчатке», время от времени раздавался какой-то шум. Двум девушкам было явно неинтересно. В руках одной из них была книга, и, судя по всему, студентки обменивались между собой мнениями по поводу прочитанного. Когда их обсуждение стало слишком бурным, мешающим другим студентам, для разрядки обстановки я прервал свою речь и попросил тех девушек поделиться с нами тем, что вызвало у них такой интерес. Попросил их вслух зачитать те умные мысли из книги, которые их так захватили, что они даже позабыли о лекции. В аудитории воцарилось молчание и почувствовалась напряженность. Но державшая в руках книгу студентка без малейшего смущения и робости прочитала одну выдержку, моментально вызвавшую взрыв хохота в аудитории. Как оказалось, в книге шла речь о девушке, наслаждающейся музыкой. Дословно там было написано: «Слушая органную музыку, ее душа воспаряла к небесам». Студентка же громко и неожиданно для самой себя вслух прочитала следующее: «Слушая оргазмную музыку, ее душа воспаряла к небесам».

Студенты посмеялись над очиткой сокурсницы. В аудитории произошла разрядка напряженности, я мог спокойно продолжать свою лекцию, а студенты — слушать

и записывать ее. Как для студентов, так и для меня стоящий за очиткой смысл был вполне очевиден и ясен. Мысли девушки, совершившей ошибочное действие, были далеки от того, о чем говорилось на лекции. Вынужденная присутствовать на лекции в силу строгой дисциплины, насаждаемой директором и преподавателями педагогического колледжа, девушка была захвачена событиями, разворачивающимися на страницах книги. Переживания героев книги нашли отклик в ее сердце, пробудили соответствующие желания, и, скорее всего, сидя в аудитории, она мысленно предавалась тем удовольствиям, о которых, несомненно, имела представление и которые, возможно, ей удалось испытать в реальной жизни или хотя бы в воображении. Так что не было ничего удивительного в том, что вместо органной музыки в ее душе звучала оргазмная музыка. Ее реальное проявление на лекции не могло быть не чем иным, как очиткой, вызвавшей столь бурную реакцию среди студентов.

Приведу несколько примеров опечаток, взятых из близких к теме данного учебника источников.

Так, в одном из первых переизданий работ Фрейда (в 20-е годы в нашей стране были переведены на русский язык и опубликованы основные его произведения, но после запрещения психоанализа в 30-е годы деятельность по изданию книг Фрейда возобновилась только в конце 80-х годов) вместо названия «*Психопатология* обыденной жизни» в оглавлении стояло «*Психология* обыденной жизни». Видимо, сказался тот внешний запрет на психоанализ, который существовал ранее и который сохранил свою силу в виде внутреннего запрета, не допускавшего мысли о какой-либо психопатологии повседневной жизни. Психология — это понятно и приемлемо. Она вызывает у человека почтение и позитивные эмоции. Психопатология ассоциируется с психиатрией, которая (после вскрытия в прессе всех злоупотреблений ею в предшествующие периоды развития общества) вызывает у многих людей страх и негативные чувства. Отсюда — неприемлемость психиатрии как зловещего института репрессии со стороны государства и по-человечески понятное стремление человека не иметь ничего общего с психопатологией как таковой. Психопатология заменяется психологией, и таким образом снижается чувство внутреннего неудовлетворения, вызванного к жизни ассоциациями с психиатрией.

В последующих переизданиях работ Фрейда также допускались опечатки, которые не могут быть отнесены к простым случайностям. Речь не идет об опечатках в текстах, поскольку это стало широкомасштабным явлением. Если раньше в государственных издательствах осуществлялась тщательная проверка и сверка материалов, то сегодня коммерческие издательства прежде всего заинтересованы в прибыли и экономят буквально на всем, включая корректорскую деятельность. Поэтому нет ничего удивительного в том, что опечатки встречаются порой, что называется, сплошь и рядом. Речь идет о смысловых опечатках, имеющих место в названии работ. В частности, в одном сборнике, опубликованном в 1998 году и содержащем психоаналитические произведения различных авторов, вместо названия работы Фрейда «Три очерка по теории сексуальности» напечатано: «Три очерка по теории *интеллектуальности*».

Подобная опечатка не требует особого разбора. Являясь неотъемлемой жизнью человека, сексуальность всегда вызывала и до сих пор вызывает противоречивые чувства у многих людей. Одни подавляют в себе сексуальные влечения, вытесняя их из сознания и загоняя в глубины бессознательного. Другие делают из сексуальности

культ, посвящая всю свою жизнь удовлетворению сексуальных желаний. Третьи пытаются лавировать между Сциллой сексуальности и Харибдой асексуальности. Но какой бы стратегии ни придерживался человек, тем не менее сексуальность как таковая вовлекает его в водоворот всевозможных страданий и переживаний, наслаждений и разочарований, проявлений любви и ненависти. При этом нередко переживания человека возникают в результате столкновений между сексуальностью и интеллектуальностью. Если учесть, что работа Фрейда «Три очерка по теории сексуальности» до сих пор вызывает у ряда людей неприятие и отвержение, поскольку в ней не только рассматривается детская сексуальность, но и делаются выводы типа того, что все мы когда-то были полиморфно-извращенными детьми, то вполне можно понять, почему вместо сексуальности оказывается напечатанным слово «интеллектуальность».

Смысловая интерпретация опечаток того, что связано с сексуальностью, не вызывает больших трудностей. Другое дело опечатки, не соотносящиеся с сексуальной деятельностью человека. Выявление их смысла оказывается делом далеко не простым, требует иногда длительного и скрупулезного анализа, а подчас даже оборачивается неудачей. И действительно, многие опечатки имеют сложную и отдаленную от рассматриваемой ситуации мотивировку, запутанное соотношение между характером ошибочного действия и свойствами переживания, выраженного в нем.

Сложность выявления смысла разнообразных ошибочных действий, включая опечатки, заключается в том, что в их основе лежит, как правило, мотивировка, непосредственно относящаяся или опосредованно связанная с желаниями и чувствами, носящими на себе налет антисоциальности и аморальности. Можно было бы сказать, что ошибочные действия являются своего рода компромиссами между нравственными устоями и безнравственными желаниями человека, между его социальным поведением в обществе и асоциальными импульсами, которым он подвержен. Себялюбие, зависть, эгоизм, подозрительность, враждебность — вот далеко не полный перечень человеческих качеств, которые могут обусловливать возникновение ошибочных действий.

Приведу пример опечатки, смысл которой далеко не очевиден и мотивировка которой сразу не бросается в глаза.

Несколько лет тому назад член редколлегии одного из журналов обратился ко мне с просьбой написать рецензию на только что вышедшую из печати книгу, с автором которой я не был знаком. В тот момент у меня не было свободного времени, но я не мог отказать в просьбе человеку, которого хорошо знал. Не мог отказать ему в просьбе не потому, что он работал в солидном журнале, а в силу того, что между нами давно сложились такие отношения, которые основывались на взаимном уважении. Я согласился написать рецензию на том условии, что вначале прочитаю переданную мне книгу, а затем сообщу о своем окончательном решении. Книга оказалась вполне достойной, и, более того, я с удовольствием прочел ее, поскольку многие затронутые в ней темы когда-то настолько интересовали меня, что я даже подумывал о написании соответствующей работы. В книге обнаружились некоторые погрешности, но мое внимание особенно привлекла одна опечатка. На последней странице автор подводил итоги своего исследования и высказывал мысль о том, что читатель сам может решить, насколько автор справился с поставленной перед собой задачей. Дословно это звучало таким образом: автор завершил свою работу, а уж что из этого

получилось — «судить читателю». Однако в публикации была пропущена одна буква, в результате чего получилось: «но об этом *удить* читателю».

На первый взгляд пропуск начальной буквы в слове «судить» может быть воспринят в качестве случайности. Мало ли что бывает. Тем более что всегда можно сослаться на упущение со стороны издателей. Действительно, ведь автор книги вполне определенно хотел сказать: пусть читатель судит о том, что им написано. И здесь нет никаких двусмысленностей. Но вот где-то на стадии издания книги, причем вовсе не по вине ее автора, произошел сбой, в результате чего выпала несчастная буква «с».

Но ведь любой автор книги, тем более первой, как правило, тщательно читает верстку перед выходом работы в свет, так как обычно бывает много опечаток и приходится вносить необходимые поправки и исправления. Разумеется, при всей предельной концентрации внимания на верстке практически никто не в состоянии обнаружить буквально все опечатки. Поэтому, по крайней мере в серьезных издательствах, верстку читают несколько человек — от автора до литературного, технического и главного редакторов. С позиций психоанализа один из важных вопросов заключается не в том, что автор не заметил ту или иную опечатку. Более существенно другое. Почему он не заметил именно эту опечатку, а не какую-либо другую?

Ведь ускользнувшая от его внимания опечатка имеет глубокий смысл. Когда автор книги пишет о том, что любой читатель может судить о ее достоинствах и недостатках, то это не более чем соблюдение правил приличия, в соответствии с которыми выражается полное доверие читателю. Однако в подавляющем своем большинстве авторы научных работ понимают, что они в той или иной степени удовлетворили свой исследовательский интерес и что книга писалась вовсе не для того, чтобы читатели имели право судить о ней. Вероятно, каждый автор в душе считает, что квалифицированно судить о написанном может только он сам. Разумеется, он может переживать, если книга не встретит одобрения или не дай бог будет подвергнута резкой критике. Причем в случае критического отношения к ней он будет прибегать к различного рода самооправданиям, утешая себя тем, что никто, кроме него, потратившего столько энергии и сил, не способен понять и по достоинству оценить его труд. Так что обращение к читателю по поводу того, что ему судить о книге, — это, в принципе, безобидная уловка, чаще всего прикрывающая его честолюбие.

Но вот столкновение между собой стремления к соблюдению правил приличия и честолюбия, за которым может скрываться равнодушное, а порой и пренебрежительное отношение к читателю, способно привести к безобидной опечатке. В данном случае утрата буквы «с» обернулась не просто опечаткой, но и привнесла в текст дополнительный, я бы сказал, вторичный смысл. Дело в том, что в рамках книги были сделаны такие отступления, которые свидетельствовали о желании автора более активно включиться в социально-политические процессы, набиравшие силу в России. Это был тот период, когда многие ученые стали врываться в большую политику и занимать ключевые посты в государстве.

Естественно, что в рамках исследуемой проблематики автор книги о многом умолчал. Но из ее текста можно было кое-что выудить. И в этом плане смысл новообразованного с утратой буквы «с» слова «удить» становился вполне понятным. Читатель мог и вправе был выудить между написанных в книге строк то, что ее автор в силу известных причин не изложил открытым текстом. Возможно, что где-то в тайниках своей души автор книги именно на это и рассчитывал. Рассчитывал на

то, что заинтересованный, умный читатель не столько будет «судить» о предложенной ему книге, сколько «удить» с целью добычи информационного улова, относящегося и к идеям автора, и к нему самому. В этом отношении можно сказать, что опечатка как ошибочное действие в данном конкретном случае оказалась на удивление правильным действием.

Разумеется, подобная интерпретация опечатки допустима в том случае, если автор книги действительно читал верстку и не внес соответствующего исправления. Но нельзя сбрасывать со счетов и то, что по не зависящим от него обстоятельствам он не имел возможности ознакомиться с версткой. Для полной и более адекватной интерпретации данного случая необходима дополнительная информация о самом авторе и об истории написания его рукописи и доведения ее до публикации. Приведенный выше пример опечатки и ее разбор служат единственной цели — показать возможности рассмотрения ошибочных действий с точки зрения психоаналитического подхода, способствующего выявлению бессознательных чувств, влечений, импульсов.

В этом отношении примечательно то, что разбор данной опечатки пробудил у меня самого такие чувства, которые привели к ошибочному действию. Так, однажды во время обсуждения со студентами ошибочных действий я взял в качестве одного из примеров приведенную выше опечатку. Но вместо того, чтобы обратить внимание студентов на фразу «но об этом (с)удить читателю», я оговорился и сказал: «Но об этом судить автору». На первый взгляд оговорка понятна. С одной стороны, я разъяснял студентам, что далеко не все авторы действительно ориентируются на читателей и большинство из них в душе не приемлют какой-либо суд извне. С другой стороны, я сам являюсь автором нескольких опубликованных работ и мое отождествление с «пишущей братией» может восприниматься студентами таким образом, что разъяснения по поводу заключительной фразы автора книги относятся и к моим работам. Отсюда моя оговорка, когда вместо слова «читателю» я произнес «автору». Подобное объяснение в принципе приемлемо, но оно является поверхностным.

На самом деле имелся более глубинный мотив, обусловивший мое ошибочное действие. Погрузившись в свое бессознательное, удалось вспомнить, что после прочтения переданной мне для рецензирования книги я испытал элементарное чувство зависти. Эта зависть как бы говорила во мне: «Ну вот, все суетишься, тратишь время на посторонние дела вместо того, чтобы сесть за стол и написать работу по той проблематике, которая некогда тебя интересовала. Посмотри, перед тобой лежит книга, автор которой нашел время для работы над ней. А ты что, не мог собраться с духом?» Помню также, что кто-то другой во мне оправдывался: «Ну совершенно нет свободного времени. Работа в академическом институте, лекции для студентов, приемы пациентов, трое детей, бытовые заботы — ну когда тут думать о написании книги!» И снова зависть: «Не оправдывайся, у других тоже не сладкая жизнь. Но они находят время для работы над книгой. Признайся, разве тебе не хотелось бы написать нечто подобное? Разве ты не испытываешь зависти к автору данной книги? И не отрицай этого! Не говори, мол, тебе безразлично, что кто-то опередил тебя! Ну да, по-хорошему завидуешь, я понимаю. И все же признайся, что червоточинка гложет тебя». Разумеется, дословно невозможно воспроизвести то, что бессознательное вытворяло со мной в те дни, когда я читал переданную мне на рецензию книгу. Но нечто подобное имело место. Потом чувство зависти оказалось вытесненным, за-

гнанным в глубины психики. Но оно не прекратило своего существования и в подходящий момент вылезло наружу в форме безобидной оговорки.

Более трех десятилетий назад, когда у меня впервые появился интерес к работам Фрейда, я бы не придал значение подобной оговорке и, естественно, не смог бы выявить в себе это нехорошее, отнюдь не украшающее меня чувство элементарной зависти. Но сегодня, работая с пациентами подчас над точно такими же проблемами, я не только понимаю, что ничто человеческое мне не чуждо, но и подвергаю беспристрастному анализу свои собственные ошибочные действия. Во всяком случае, опыт показывает, что нужно учиться языку бессознательного, чтобы слышать его, вести на равных диалог с ним и обращать внимание на свои собственные ошибочные действия. Чтобы не доводить себя до такого состояния, когда из-за непонимания того, что творится в душе, можешь оказаться игрушкой в руках необузданных бессознательных сил.

Остановлюсь на своей оговорке, вызвавшей у меня потребность в самоанализе. Как-то в одной студенческой аудитории я читал лекцию, в которой упоминал имена различных психологов, философов, врачей. По логике изложения материала мне надо было сослаться на французского врача Шарко. Однако, имея в виду именно его, я почему-то назвал имя швейцарского психолога Пиаже. Бывает так, что, совершив оговорку, не замечаешь ее, пока тебя кто-нибудь не поправит. В данном случае я не только заметил свою оговорку, но и постарался исправить ошибку. Правда, я понимал, что нахожусь в такой студенческой аудитории, которой имена Шарко и Пиаже почти ничего не говорят, и, следовательно, вряд ли кто-нибудь сможет заметить мою ошибку. Поэтому я не стал тут же поправляться, а решил это сделать позднее. В голове постоянно присутствовала мысль о том, что необходимо исправить положение. И вот наконец в соответствующем контексте я собираюсь назвать имя Шарко, и… к своему глубочайшему удивлению, опять совершаю ошибочное действие — вместо Шарко произношу имя Пиаже. Потом я совершил ту же самую оговорку третий раз.

Разумеется, в душе я испытывал огромнейшую досаду на самого себя. И хотя никто из студентов не заметил моей оговорки, лично мне было как-то не по себе. С одной стороны, вроде бы невольно ввел студентов в заблуждение, что вызвало огорчение. С другой — осознавая свое ошибочное действие и пытаясь правильно назвать имя французского врача, я тем не менее оказался не в состоянии что-либо изменить, и это навеяло грустные размышления о возрасте. Но больше всего меня заинтересовал вопрос, почему за незначительный промежуток времени я три раза допустил одну и ту же оговорку.

Возвращаясь с лекции домой, я попытался понять, в чем тут дело, что может стоять за оговоркой и в чем ее смысл. Пришлось вспомнить события, предшествовавшие лекции. Я обратился к имевшим место своим чувствам и желаниям и вспомнил те переживания, которые могли быть у меня как накануне, так и в более ранние периоды жизни. Наконец мне удалось найти мотивы, предопределившие ошибочное действие.

Дело в том, что за несколько дней перед тем, как я должен был читать лекцию, у меня были определенные переживания, связанные с получением гранта, выделенного одним из научных фондов для реализации предложенного мною исследовательского проекта. С недавних пор российская наука стала получать незначительную финансовую поддержку от различных фондов. Ученый мог подать на объявленный

фондом конкурс свою заявку с предложением какого-нибудь исследовательского проекта. Заявка обсуждалась экспертами, и если она признавалась перспективной, то ее автор получал соответствующий грант, позволяющий ему осуществлять реализацию своего исследовательского проекта.

Наряду с другими коллегами из академического института я получил известие о том, что моя заявка на проведение исследования одобрена в одном из фондов и мне выделен грант. Была указана также конкретная сумма. В психологическом отношении любопытно следующее. Если многие участники конкурса получают равный в денежном исчислении грант, пусть даже незначительный, но одинаковый, то все оказываются довольными. Мы привыкли к такому положению в жизни, когда уравниловка была одним из принципов нашего существования. Пусть мало, но зато всем поровну. В данном же конкретном случае один из моих коллег получил больший по выделенной сумме грант, чем все остальные, включая меня. Будучи интеллигентными людьми, никто не выразил вслух свое недовольство. Но можно предположить, что многие мои коллеги испытывали в душе обиду по поводу того, что кому-то выделили больше денег, чем им. Я не был исключением в этом отношении. Какое-то разъедающее душу чувство обиды было и у меня. Разумеется, я не подал виду и, подобно всем остальным, отнесся к такой несправедливости вроде бы равнодушно.

Как и мои коллеги, я догадывался, почему именно такой-то сотрудник получил бóльший грант, чем другие. В этом не было большого секрета. Во всяком случае, я знал, что в комиссию, решающую судьбу грантов, входил ученый, связанный особыми отношениями с этим сотрудником. Поэтому было понятно, почему именно данный сотрудник получил больший в денежном исчислении грант, чем другие.

Мои переживания по этому поводу не были продолжительными и интенсивными. Вскоре они оказались забытыми, и я совершенно не вспоминал ни о подобной несправедливости, ни о той обиде, которая ранее возникла у меня в душе. Но по истечении какого-то времени эта, в общем-то, вытесненная в бессознательное обида дала о себе знать в форме оговорки, когда вместо Шарко я назвал имя Пиаже.

Казалось бы, какая здесь связь между моим ошибочным действием и переживаниями, связанными с получением гранта? Самоанализ показал, что такая связь имеется.

Дело в том, что имя члена комиссии фонда, в котором шло распределение грантов и определение их конкретных сумм, по звучанию сходно с именем Пиаже. За день перед лекцией я составлял финансовую смету по гранту, который пересылали на академический институт частями. У меня не было никаких воспоминаний о былой обиде. Мне казалось, что я выше того, чтобы помнить о подобного рода вещах и тем более долгое время хранить какие-либо переживания по этому поводу.

Однако после самоанализа стало ясно, что вытесненная в бессознательное обида не исчезла. Она осела в глубинах психики, и, как только нашелся косвенный повод, эта обида выплеснулась на поверхность сознания в форме оговорки. Где-то на бессознательном уровне при стремлении произнести имя Шарко возникла ассоциация с именем члена комиссии фонда, в результате чего я непроизвольно произнес вместо Шарко Пиаже. Более того, даже осознав свою ошибку, я не смог ее избежать и при повторном стремлении сделать акцент на имени Шарко опять произнес вслух Пиаже.

Надо сказать, что, выявив истоки своего ошибочного действия и раскрыв смысл своей оговорки, впоследствии я не замечал за собой, чтобы вместо Шарко произ-

носил Пиаже. Это вовсе не означает, что отныне и навсегда я был застрахован от подобного рода ошибочных действий. Чувства зависти, обиды, ревности, себялюбия и многие другие могут быть настолько сильными и глубокими у человека, что далеко не всегда они способны исчезнуть после того, как станут понятными и осознанными им. Впрочем, речь идет вовсе не о том, что подобные чувства непременно должны исчезнуть из жизни человека. Без них сама жизнь окажется обедненной, неполной, односторонней. Важно, чтобы, выявив эти чувства, сделав их осознанными для себя, человек научился с ними жить, видеть, как и где они могут проявляться и к каким последствиям могут приводить, если их оставить без внимания и дать им волю ввергать индивида в конфликты с самим собой.

Бывает и так, что проработка материала в связи с ошибочным действием способствует устранению подобного действия в дальнейшем. Однако логика бессознательного не столь прямолинейна, чтобы с выяснением истоков ошибочного действия человек раз и навсегда мог избавиться от различного рода сбоев в своем мышлении и поведении. Бессознательное способно принимать такие новые формы своего выражения, которые самым неожиданным образом могут вызывать к жизни имевшие некогда место переживания в связи с чувствами зависти, обиды, ревности и т.д. Мимикрия бессознательного поразительна, порой требуются значительные усилия для того, чтобы овладеть им и окончательно осознать то, что ранее было вытеснено.

Так, история с моей оговоркой, когда вместо Шарко я произнес Пиаже, имела своеобразное продолжение. Примерно полтора года спустя после выявления смысла оговорки при чтении очередной лекции я вновь совершил ошибочное действие. Как и в прошлый раз, я должен был назвать имя Шарко. Но при его произнесении я неожиданно для себя назвал другое имя — не Пиаже, как это имело место полтора года тому назад, а Жане. Правда, я заметил свою оговорку и тут же исправил свою ошибку. Но ошибочное действие было совершено. Глубокого анализа не потребовалось, поскольку истоки оговорки были ясны.

По прошествии года большинство сотрудников академического института получили одобрение по своим отчетам за проделанную исследовательскую работу и почти все из них вновь получили грант. И опять один из сотрудников получил больший в денежном исчислении грант, чем другие. И опять это было связано со специфическими отношениями между данным грантодержателем и теми, кто распределял гранты в фонде. Вытесненное в бессознательное, проработанное и, казалось бы, уже недейственное чувство обиды в сходной ситуации, почти полностью воспроизводящей первоначальную ситуацию, вновь ожило и вылилось в безобидную оговорку. Бессознательное нашло лазейку и, не повторяя по форме свое действие, активизировалось, чтобы в новом одеянии дать о себе знать. Проработанный материал с именем Пиаже исключил возможность воспроизведения именно этого имени. Но бессознательное нашло ему замену, в результате чего вместо необходимого имени Шарко было произнесено в чем-то сходное по звучанию с Пиаже имя Жане.

Данное самонаблюдение только подтверждает мысль о том, что бессознательные желания, чувства и переживания оказываются столь действенными в психике человека, что подчас одного осознания их недостаточно для устранения причин, ведущих к ошибочному действию или заболеванию. При схожих обстоятельствах не исключена возможность активизации вытесненного бессознательного. Вот почему

даже психоаналитику, прошедшему личный анализ и частично разобравшемуся со своим бессознательным, необходимо постоянно прибегать к самоанализу, а время от времени вновь обращаться к психоаналитической работе над самим собой. Это тем более важно и необходимо, поскольку в процессе работы с пациентами возникают явления переноса и контрпереноса, требующие своей проработки.

Вспоминаю довольно неприятный для меня эпизод. Я долгое время не возвращал моему коллеге одну книгу, которую он любезно предложил для ознакомления с ее содержанием. Это была работа, посвященная анализу того направления в психологии, которое выросло из классического психоанализа и со временем приобрело статус самостоятельного существования. Я давно интересовался этим направлением в психологии и, бегло пролистав новую для меня книгу, выразил свою заинтересованность в более подробном ее прочтении. Книга была дана мне на неопределенное время, но я ее быстро прочитал и, казалось бы, мог вернуть коллеге без какой-либо значительной по времени задержки. Несколько раз я пытался это сделать, но каждый раз что-то мешало осуществлению данного намерения. Сначала я засунул ее куда-то и не мог найти. Потом, после обнаружения ее на книжной полке, пытался созвониться с коллегой, но не дозвонился. Затем настроился отдать коллеге книгу, но не находил свободного времени для встречи с ним.

Самоанализ показал, что, в общем-то, мне не хотелось возвращать данную книгу. Она была напечатана небольшим тиражом, я не мог ее купить в магазине, но мне очень хотелось иметь ее под рукой. На уровне сознания я прекрасно понимал, что обязан вернуть книгу моему коллеге и непременно это сделаю. Бессознательно же я постоянно оттягивал необходимость расставания с этой книгой. В конце концов прошло несколько месяцев, и внутренний конфликт разрешился сам собой. Однако меня до сих пор угнетает мысль при воспоминании о том, что я не смог вовремя отдать книгу моему коллеге, которому пришлось самому позвонить мне и, сославшись на необходимость воспользоваться при подготовке к лекции его же собственной книгой, вежливо напомнить о моем долге. Помню, что во время его звонка я чувствовал себя очень неуютно, не находил себе места и испытывал глубочайшее чувство стыда.

Приведу несколько примеров, относящихся к различным ошибочным действиям, почерпнутых мною при работе со студентами.

На протяжении нескольких лет одна девушка каждый год совершала одно и то же ошибочное действие. У нее есть подруга, которая живет в другом городе. За несколько дней до дня рождения подруги девушка начинает проявлять беспокойство по поводу того, чтобы не забыть поздравить ее с этим приятным событием. Беспокойство обоснованное, поскольку она не успевает, как правило, написать ей письмо или вовремя послать поздравительную открытку. Приходится давать телеграмму или звонить сразу же после дня рождения подруги, чтобы как-то исправить положение. Девушка никак не может понять и объяснить себе, почему она каждый раз забывает вовремя поздравить свою подругу. Какой-то злой рок преследует ее, в результате чего она спохватывается только тогда, когда день рождения подруги уже прошел. И это повторяется из года в год.

В результате осуществленного анализа ошибочного действия выявилось следующее. Девушка познакомилась со своей будущей подругой в студенческие годы, несколько лет тому назад. Ей понравилась одна молодая преподавательница, с кото-

рой у нее установились хорошие отношения, переросшие затем в дружбу. Однажды, узнав о приближающемся дне рождения новой подруги, девушка решила сделать ей дорогой подарок. Она потратила на него половину своей стипендии и купила украшение, кажется, бусы. Накануне дня рождения девушка позвонила своей подруге и поздравила ее с наступающим днем рождения. При этом она рассчитывала, что ее новая подруга пригласит ее к себе и они вместе отпразднуют это событие. Но, к ее огорчению, подруга не пригласила девушку к себе домой. Возможно, у нее был молодой человек, с которым она хотела провести праздничный вечер. Или, быть может, она отмечала свой день рождения в кругу семьи. Кто знает, какими соображениями она руководствовалась, но факт оставался фактом.

Девушка прекрасно понимала, что обижаться не на что. Она была не настолько близким для молодой преподавательницы человеком, чтобы та непременно пригласила ее домой на день рождения. Она сама себе приводила разумные доводы, объясняющие и оправдывающие поведение новой подруги. Возникшие на бессознательном уровне чувства горечи и обиды тут же были вытеснены из сознания. Да они и не воспринимались в качестве таковых, так как девушка не чувствовала ни горечи, ни обиды. У нее была только какая-то внутренняя боль.

Этот эпизод никак не отразился на их дальнейшей дружбе, которая сохранилась на многие годы. Однако вытесненная из сознания обида не исчезла бесследно. Впоследствии она каждый раз давала о себе знать, как только приближался день рождения подруги. Бессознательное действовало таким образом, что в своих зримых формах былая обида не воспроизводилась ни в сознании девушки, ни в ее действиях, направленных на выражение каких-либо враждебных эмоций и чувств. Напротив, несмотря на то что в силу жизненных обстоятельств подругам пришлось расстаться друг с другом, бывшая студентка по-прежнему питала самые дружеские чувства к преподавательнице. Но бессознательное нашло такой выход для разрешения былого конфликта с сознанием, в результате которого девушка постоянно совершала ошибочное действие — в последний момент забывала вовремя поздравлять свою подругу с днем рождения.

В результате анализа данного ошибочного действия, осуществленного после знакомства с психоаналитическими идеями Фрейда, девушка осознала истоки своего забывания. Она поняла смысл происходящего, уяснила для себя суть того, что ранее никак не могла объяснить. И это, по собственному признанию девушки, «просто потрясло ее». Впервые за много лет она по-новому взглянула на свою странную, как ей казалось, забывчивость.

Интересно было бы, конечно, узнать, удалось ли девушке с помощью осознания бессознательного устранить подобного рода забывание. Смогла ли она вовремя поздравить свою подругу с днем рождения на следующий год? К сожалению, я не располагаю подобной информацией, но можно предположить, что анализ данного ошибочного действия не прошел бесследно для девушки. Во всяком случае, чувствовалось, что в момент прозрения относительно истоков и причины своего забывания девушка испытала несомненное облегчение оттого, что наконец-то нашлось объяснение ее повторявшегося из года в год ошибочного действия.

Приведу еще один пример забывания, отличающийся от предыдущего ошибочного действия тем, что он относится к одноразовому, а не много раз повторяющемуся забыванию.

Семейная пара. Нормальные отношения. Часто часы досуга проводят дома вдвоем. Однажды муж, сидя в кресле, разгадывал кроссворд. Очередь дошла до знакомой ему фамилии выдающегося дирижера и музыканта современности. Он прекрасно знал эту фамилию, но, к огорчению для себя, никак не мог вспомнить ее. Тогда он обратился за помощью к жене и спросил у нее фамилию мужа Галины Вишневской. К удивлению жены, прекрасно знавшей эту фамилию, она тоже не смогла вспомнить ее. Прошло два дня, и только тогда она вспомнила — Ростропович. Удивленная женщина никак не могла понять, в чем дело, почему она не смогла ответить на вопрос мужа и сразу же не назвала фамилию дирижера и музыканта, которая у всех на слуху.

Анализ выявил картину, позволившую понять мотивы странного забывания. Два года тому назад до этого поразительного случая забывания молодая женщина прочитала книгу воспоминаний Вишневской. Во время чтения этой книги она отметила общие для них обеих черты характера. Она не обольщалась на свой собственный счет и отнюдь не сравнивала себя с Вишневской. Однако, обнаружив некоторые сходные черты характера, объяснила это тем, что обе они по гороскопу Скорпионы. На этом основании произошло, видимо, частичное отождествление себя с известной певицей.

Молодая женщина состояла несколько лет в гражданском браке. Наконец молодой человек и она пришли к выводу о необходимости в официальном порядке узаконить их отношения. При этом встал вопрос о смене фамилии. Будущий муж хотел, чтобы она взяла его фамилию. Женщина была не против смены своей фамилии, но ей никак не хотелось брать фамилию мужа. Дело в том, что фамилия мужа была несколько необычной и не столь благозвучной, как хотелось бы. Сам муж страдал в детстве от своей фамилии, так как сверстники часто дразнили его. Но, несмотря на пережитые в детстве страдания, муж настойчиво убеждал жену в том, что она должна носить его фамилию. В глубине души женщины развернулась внутренняя борьба между нежеланием носить фамилию мужа и боязнью обидеть его. Через какое-то время внутренний конфликт разрешился, так как женщина приняла свое решение. Законная регистрация брака состоялась, а переживания по поводу смены фамилии забылись. Жизнь шла своим чередом.

Однако, как оказалось, переживания женщины по поводу смены фамилии не исчезли бесследно. Невинный вопрос, содержавшийся в кроссворде и озвученный ее мужем, вызвал у нее ассоциацию с неприятной для нее ранее ситуацией. На бессознательном уровне это вылилось в странное на первый взгляд забывание фамилии ни в чем не повинного Ростроповича. Но это забывание имело свое объяснение. Только благодаря анализу удалось выявить подлинную причину данного забывания и понять смысл ошибочного действия.

Еще один пример, связанный с ошибочным действием иного рода. Он относится не к опечаткам, оговоркам или забыванию, а к затериванию вещей, что не менее распространено в жизни человека, чем другие ошибочные действия.

Одна девушка столкнулась с непонятным случаем, когда в их доме пропала серебряная ложка. Время от времени в их доме останавливался дядя, муж сестры мамы этой девушки. Дядя жил в другом городе, занимал там высокое положение и иногда приезжал в Москву по делам. В один из таких приездов он по забывчивости оставил серебряную ложку, о которой вспомнил позднее, и просил найти ее, поскольку она была ему дорога как память о близком ему человеке. Такое происходило с дядей

и раньше, но всегда случайно оставленная им вещь находилась. Однако на этот раз произошло непонятное — ложка пропала. Как ни старалась девушка ее найти, все поиски завершались неудачей. И только два года спустя при очередном приезде дяди в Москву ложка неожиданно для девушки нашлась.

Анализ этого ошибочного действия показал, что ни затеривание серебряной ложки, ни ее обнаружение не были случайными. При восстановлении событий прошлого выявилась непосредственная связь между затериванием вещи и неприятными переживаниями девушки, между обнаружением пропажи и особыми чувствами, которые девушка испытывала в тот момент. Оба события были связаны с изменением отношения девушки к ее дяде.

Между ними всегда существовали неплохие отношения. Однако в один из приездов дяди к ним домой мама девушки рассказала, что когда-то много лет тому назад, будучи молодым человеком, этот дядя ухаживал за ней. Причем он не только ухаживал, но и претендовал на нее. Девушка без восторга восприняла рассказ матери, после чего дядя стал ей неприятен. Серебряная ложка затерялась как раз после этого события. Положила ли сама девушка эту ложку куда-либо или ее оставил где-то дядя — этого никто не знал. Правда, по просьбе матери и дяди девушка пыталась найти пропажу, но ее попытки не увенчались успехом.

Прошло два года. Девушка по-прежнему испытывала неприятные чувства по отношению к дяде. Когда он в очередной раз появился у них дома, то выглядел постаревшим, неуверенным в себе человеком. В глазах девушки ее дядя являл собой жалкое зрелище: старый, больной, лишившийся всех своих высоких постов и к тому же оказавшийся в силу политических и экономических потрясений материально необеспеченным беженцем. Видя перед собой нуждающегося в сочувствии и поддержке человека, девушка испытала чувство жалости и простила ему «грехи молодости». После того как было устранено негативное отношение к дяде, она неожиданно для себя нашла ту серебряную ложку, которая пропала два года тому назад и с потерей которой уже все смирились.

До ознакомления с психоанализом девушка не видела какой-либо связи между ее негативными чувствами к дяде и потерей серебряной ложки, между проявленной жалостью к пострадавшему человеку и внезапным обнаружением потери. Только благодаря анализу собственных чувств, переживаний и взаимоотношений с дядей ей удалось выявить механизмы работы бессознательного, обусловившие затеривание вещи и последующее ее обнаружение.

Нередко случается, когда человек совершает серию ошибочных действий. Создается впечатление, что бессознательное как бы предупреждает его о неправильности выбранного им решения. Однако сам он не замечает или не хочет заметить некие знаки, идущие от бессознательного.

Так, ознакомившись с психоаналитическими идеями и переосмысливая свою жизнь с мужем, одна женщина вспоминает, что с ней приключилось в день свадьбы. Несколько лет тому назад она приложила много усилий к тому, чтобы выйти замуж за молодого человека. Фактически она как бы женила его на себе. Она сделала все для того, чтобы они вместе уехали за границу, где пробыли какое-то время. И вот, когда она добилась своего и настал день регистрации брака, с ней начали приключаться различные события. В тот день она проснулась с сильной головной болью. Было лето, но она почувствовала озноб и поняла, что простудилась. Находясь в гостинице, она

хотела принять ванну, но не могла справиться с незнакомой ей системой кранов, не смогла пустить холодную воду, в результате чего пришлось мыть голову чуть ли не кипятком. Потом она спускалась по лестнице, оступилась и разбила себе колено. По дороге в консульство в машине ее укачало. После регистрации брака ничего не могла есть в ресторане. Как она сама сказала в процессе анализа прошлых событий, несмотря на свои усилия сделать данного молодого человека своим мужем, ей все же не хотелось быть его женой. Все случившиеся с ней тогда приключения были наглядным подтверждением скрытой работы бессознательного, как бы предупреждавшего ее о том, что она не будет счастлива в этом браке.

Через какое-то время она напрочь забыла день свадьбы. Прошло несколько лет, но она так и не стала носить обручальное кольцо, поскольку не помнила, куда его дела. В процессе анализа женщина окончательно поняла, что ее замужество было большой ошибкой, что подобное насилие над собой и другим человеком не может принести счастья. Хотя сознательно она хотела выйти замуж за того человека, который и стал ее мужем, ибо она добилась своего.

При работе со студентами и с пациентами мне неоднократно приходилось слышать от некоторых из них признания в том, что в день свадьбы с ними случались разнообразные происшествия, которые могли бы насторожить человека, знакомого с психоаналитическими идеями, касающимися понимания смысла ошибочных действий. Особенно часто молодые люди обоего пола теряют свои обручальные кольца или забывают что-то в самый последний момент. В дальнейшем оказывалось, что их совместная жизнь не сложилась. Одни пары по истечении какого-то времени разводились, другие продолжали жить вместе, но, по сути дела, не любили друг друга и страдали от этого.

Одна женщина рассказывала, что несколько лет тому назад любила молодого человека, но в силу каких-то обстоятельств, как бы назло ему, вышла замуж за другого. Через какое-то время она развелась и снова начала встречаться с ранее полюбившимся ей молодым человеком. Вскоре она стала жить с ним в гражданском браке. Прошло несколько лет, и они решили узаконить свои отношения. Пошли в загс, но женщина забыла свой паспорт. Хотели сделать еще одну попытку, но заболел ее друг. Наконец вновь пришли в загс, но оказалось, что у кого-то из них просрочен паспорт. Постоянно что-то мешало законному оформлению их отношений как мужа и жены. А потом отношения между ними стали таковыми, что дальнейшая совместная жизнь оказалась под большим вопросом.

Все это вовсе не означает, что предшествующие замужеству или женитьбе подобного рода ошибочные действия являются непременными знаками того, что совместная жизнь ни за что не сложится. Бывают и исключения. Семейная жизнь Фрейда типичный тому пример.

Известно, что в день помолвки Марта подарила своему жениху кольцо, которое ранее было передано ей ее матерью. Но подаренное Фрейду кольцо разбилось в том месте, где была вставлена жемчужина. Знакомый врач пытался помочь ему справиться с ангиной, и, испытывая острую боль, он ударил костяшками пальцев по столу, в результате чего кольцо сломалось. Однако Фрейд не был охвачен тяжелым предчувствием, починил кольцо и даже написал Марте о том, что, по-видимому, трудно избежать подобных инцидентов. Известно и то, что во время очередной ангины у Фрейда это кольцо разбилось во второй раз. Причем случилось так, что

жемчужина оказалась потерянной. Нет достоверных сведений о том, как воспринял повторный инцидент Фрейд и переживал ли он по этому поводу. Известно только, что через год Марта подарила ему новое кольцо с жемчужиной, несколько лет спустя они стали мужем и женой и в мире и согласии друг с другом прожили вместе долгую жизнь.

Но это, пожалуй, одно из немногих исключений, когда подобного рода инциденты не сказались на судьбе молодых людей. Их взаимная любовь преодолела многие преграды. Так бывает и в наши дни. Но для этого требуется нечто большее, чем стечение тех или иных обстоятельств. К сожалению (или, быть может, к счастью), во многих случаях ошибочные действия связаны с отсутствием той большой любви между людьми, благодаря которой преодолеваются все препятствия. И тогда бессознательное посылает человеку свои предупредительные знаки в форме его ошибочных действий. Другое дело, что человек редко придает этому значение, хотя где-то в глубине своей души он может испытывать различного рода сомнения, но из-за незнания языка бессознательного он чаще всего отбрасывает от себя свои сомнения или загоняет их туда, откуда они не находят доступа к его сознанию.

Психоаналитическое ви́дение ошибочных действий способствует выявлению их смысла и мотивов возникновения. Оно может оказаться продуктивным для человека, усматривающего в своих ошибочных действиях не игру внешних сил, где господствует его величество случай, а внутреннее противостояние различных намерений, вызванное к жизни самим человеком. Следовательно, человек сам не только несет ответственность за свои деяния, но и способен извлекать уроки из своей бессознательной деятельности.

Приведу еще несколько примеров различного рода ошибочных действий, не требующих глубокого их анализа, но дающих представление как о виртуозной работе бессознательного, так и о связи специфических промахов человека с его желаниями, чувствами, переживаниями.

Мать просит пятнадцатилетнюю дочь съездить к бабушке, навестить ее и сделать ей массаж. Девочка не хочет ехать к бабушке. Она ссылается на то, что ей надо делать уроки. Мать упрекает свою дочь за то, что та находит время погулять с подругой, сходить на вечеринку с друзьями, но никак не может найти время на визит к бабушке. Дочь находит еще какие-то причины, чтобы не ехать к бабушке. Ее доводы не устраивают мать. Тогда дочь не выдерживает и говорит о том, что от бабушки исходит неприятный запах и ей противно бывать в ее квартире. Мать стыдит девочку, называя ее белоручкой и ругая за то, что та не хочет помочь старому больному человеку. Наконец после уговоров матери дочь без большой охоты соглашается поехать к бабушке. И как бы шутя, она говорит: «Ладно, так и быть, поеду к бабушке, только ты, мама, дай мне *презерватив*». Мать в недоумении переспрашивает: «Что тебе дать?» Девочка поспешно поправляется: «Ой, я хотела сказать, дай мне противогаз».

В случае оговорки пятнадцатилетней девочки комментарии не требуются. С одной стороны, девочка не хочет ехать к бабушке. С другой — ее волнуют такие проблемы, о которых собственная мама, видимо, не догадывается, считая свою дочь еще маленькой. Но совершенная ею оговорка свидетельствует о том, что в подобном возрасте девочка не только мечтает о принце, но и, возможно, уже пережила определенные чувства, связанные с интимными отношениями с кем-либо из сверстников или со взрослым мужчиной.

Нечто аналогичное имело место и в случае другого ошибочного действия, допущенного более взрослой девушкой. Работающая секретарем-референтом двадцатипятилетняя девушка подготавливала для своего шефа документы. На одном из них, отданном ему на подпись, в конце текста вместо привычного сокращенного выражения «зам. директора» стояло «*зад*. директора». Очевидно, что за этим ошибочным действием стоят вполне определенные отношения между секретарем-референтом и начальником. Или они находятся в близких отношениях, что бывает довольно часто в различного рода частных фирмах и государственных учреждениях, когда начальники-мужчины не только берут к себе на работу молодых привлекательных девушек, но и считают своим прямым долгом завязывать с ними романы. Или допустившая опечатку девушка, будучи внешне любезным и воспитанным работником, про себя в душе называет своего начальника не иначе как «старая задница», что также не является исключением среди секретарей-референтов, недовольных своими начальниками, но не проявляющих своих подлинных чувств в их присутствии.

Утром муж говорит жене с раздражением: «Мне надоело, что ты все время *сволачиваешься карачиком*». Этот каламбур вызвал у жены смех. Когда сказанное дошло до мужа, он тоже засмеялся. Ни тот, ни другой не придали подобной оговорке какое-либо серьезное значение. И только со временем, когда женщина ознакомилась с психоаналитическими идеями, она задумалась над действительным отношением мужа к ней, открыто не проявляющимся в его поведении, но давшим знать о себе в форме оговорки, вызвавшей смех у обоих. У нее как бы раскрылись глаза на их совместную жизнь, и она все отчетливее стала замечать подлинное отношение мужа к ней.

После занятий в институте молодой человек идет вместе со своими сокурсниками к метро. На одном из магазинов видит вывеску «Товары для малышей». Но вслух читает: «Товары для *мышей*». Все смеются. Смеется и молодой человек, хотя на душе его, что называется, «кошки скребут». Только после аналитического разбора выяснилось, что незадолго до этого молодой человек пытался объясниться в любви одной девушке, но та не ответила взаимностью. Среди идущих к метро сокурсников находилась эта девушка. Молодой человек испытывал противоречивые чувства. У него было чувство обиды по отношению к девушке, отвергшей его. Одновременно он испытывал чувство жалости по отношению к себе, что сопровождалось внутренней жалобой, обращенной к матери: «Мама, пожалей меня! Я не тот, за кого ты меня принимаешь. Я — серая мышь».

Девушка читает одну из работ, включенную в учебную программу. Текст не очень хорошо запоминается, и она пытается сконцентрировать свое внимание на данной работе. Однако вместо написанного там слова «логос» она читает «*голос*». И дело не просто в созвучности двух слов, что могло бы объяснить подобную очитку. Дело в том, что ее собственный голос доставляет ей много проблем, с которыми она и обратилась ко мне в качестве пациентки. Несмотря на сознательные попытки говорить по возможности ровно, спокойно и тихо, девушка постоянно срывается и говорит слишком громко и возбужденно со многими людьми, включая своего мужа и ребенка, что приводит нередко к конфликтным ситуациям в семье. Она не коренная москвичка, приехала из российской глубинки в Москву и никак не может привыкнуть к сдержанной, спокойной речи. Стремясь выглядеть не провинциалкой в глазах окружающих, особенно родителей мужа, девушка пытается следить за своей речью, но, по ее собственному признанию, ей постоянно «хочется убежать в степь

и кричать до исступления». Противоборствующие между собой желания как раз и привели к той очитке, когда вместо слова «логос» она прочитала «голос».

Женщина разговаривает по телефону с подругой. В этой же комнате находится муж, который мешает жене, отвлекает ее от разговора, о чем-то спрашивает. Женщина не выдерживает, уходит из комнаты на кухню и переходит к другому телефону. Разговор подруг продолжается. Муж появляется на кухне и высказывает свою обиду: что это за тайны за его спиной? Его жена раздраженно отвечает: «Нет никаких тайн, просто я не люблю говорить при посторонних». Естественно, муж не посторонний человек. Женщина это понимает. Но вырвавшееся слово «посторонний» говорит само за себя. И хотя она в тот момент сердилась на мужа, тем более что, как выяснилось, он в тот вечер пришел домой немного навеселе, тем не менее, как потом она призналась сама, ей стало как-то не по себе. Впоследствии, вспоминая об этом, она серьезно начала анализировать свои отношения с мужем, так как непроизвольно вырвавшееся слово «посторонний» заставило по-новому взглянуть на всю их совместную с мужем жизнь, особенно на те отношения, которые сложились за последние годы.

Муж помогает укладывать вещи жене, отправляющейся вместе с матерью в дом отдыха. Жена просит его отложить две-три книги, которые бы она и ее мать могли почитать в дороге. Муж берет с полки две книги детективного жанра, одну из них кладет в дорожную сумку жены, а другую — передает теще. Через какое-то время, расположившись в купе поезда, молодая женщина по примеру матери достала из дорожной сумки книгу и хотела почитать перед сном. Название книги «Один неверный шаг и...» вызвало у нее усмешку. Тогда молодая женщина взглянула на книгу, которую держала в руках ее мать, и уже не могла скрыть своего смеха, так как название книги было весьма примечательным — «Смотри в оба, а то каждый получит свое».

Вполне очевидно, что, отправляя жену и тещу на отдых, муж мог переживать по поводу того, как будет вести себя супруга в его отсутствие, не будет ли флиртовать с кем-нибудь, не позволит ли себе каких-либо отношений с другими мужчинами. Словом, у него были определенные сомнения и он мог испытывать чувство ревности. И хотя он не сказал ничего своей жене, тем не менее бессознательные переживания обернулись таким действием, что совершенно машинально и отнюдь не преднамеренно он взял с книжной полки именно те книги, в названии которых содержалось предупреждение жене вести в доме отдыха добропорядочный образ жизни, а теще — быть бдительной и не допускать никаких любовных романов своей дочери.

Изречения

З. Фрейд: «Эгоистические, завистливые, враждебные чувства и импульсы, испытывающие на себе давление морального воспитания, нередко используют у здоровых людей путь ошибочных действий, чтобы так или иначе проявить свою несомненно существующую, но не признанную высшими душевными инстанциями силу. Допущение этих ошибочных и случайных действий в немалой мере отвечает удобному способу терпеть безнравственные вещи».

З. Фрейд: «Большая ценность ошибочных действий для нас состоит в том, что это очень часто встречающиеся явления, которые можно легко наблюдать на самом себе, и их появление совершенно не связано с каким-либо болезненным состоянием».

З. Фрейд: «Каждый из нас, оглядываясь на долгий жизненный путь, может, вероятно, сказать, что он избежал бы многих разочарований и болезненных потрясений, если бы нашел в себе смелость толковать мелкие ошибочные действия в общении с людьми как предзнаменование и оценивать их как знак еще скрытых намерений».

Промахи пациентов и аналитика

В процессе аналитической работы приходится сталкиваться с тем, что пациенты совершают различного рода ошибочные действия, которые вызывают у них недоумение. Практика показывает, что эти действия часто тесно связаны с психоаналитической ситуацией, переносом на аналитика различного рода чувств, вызванных в процессе анализа переживаниями пациента и тем материалом, который является непосредственным предметом обсуждения на аналитической сессии.

На одной из сессий молодой мужчина рассказал, что, возвращаясь от меня в прошлый раз, совершил непонятное для него ошибочное действие. Он ехал на машине на деловую встречу, должен был сделать левый поворот, но почему-то свернул направо, в результате чего пришлось срочно перестраиваться, чтобы не опоздать на встречу. Подобная оплошность воспринималась им как случайность, которая должна была послужить уроком того, что при вождении машины надо быть предельно внимательным. Хотя он и испытал досаду на свой промах, тем не менее вся эта история была воспринята им в качестве недоразумения. Он не мог найти объяснение своему ошибочному действию, пока мы вместе не разобрали материал предшествующей сессии и те его переживания, которые он испытывал во время нее.

Оказалось, что как раз до совершения им ошибочного действия я дал не очень-то приятную для него интерпретацию его взаимоотношений с женой. Суть этой интерпретации сводилась к тому, что жену давно раздражало поведение мужа, в соответствии с которым он, не осознавая того, на протяжении нескольких лет по любому поводу стремился продемонстрировать перед ней свою правоту. Пациент не придавал значения тому обстоятельству, что его жизненная стратегия в семье, когда он всегда прав, может вызывать внутренний протест у жены. Пожалуй, впервые он задумался над этим и вроде бы принял предложенную мной интерпретацию его поведения. Однако, несмотря на согласие с подобной интерпретацией, чувствовалось, что в глубине души пациент не хотел бы расставаться со своим прежним поведением. Раздвоенное состояние дало о себе знать в форме ошибочного действия, когда после сессии, находясь за рулем автомобиля, он свернул направо вместо того, чтобы сделать левый поворот. Само ошибочное действие явилось показателем того, что пациент лишь внешне принял предложенную ему интерпретацию его правоты как нарушающего фактора семейной жизни. Но внутри самого себя он не совершил никакого прорыва к переосмыслению собственного образа мышления и действия.

Проходившая у меня личный анализ женщина рассказала о своем ошибочном действии, которое она совершила накануне нашей очередной встречи. Она была в гостях, где весело провела время, хорошо отдохнула и немного подурачилась. Гости засиделись за полночь, и при расставании, волнуясь за свою подругу, хозяйка дома попросила ее позвонить, когда та приедет к себе. Благополучно добравшись до своего дома, в два часа ночи женщина стала звонить своей подруге. Она достала записную книжку, глядя в нее, набрала номер телефона подруги и, услышав голос, сообщила, что все в порядке. В ответ прозвучало: «Ты с ума сошла! Посмотри на часы! Уже третий час ночи!» Женщина хотела было сказать, что подруга сама попросила ее позвонить. Но вдруг поняла, что набрала неправильно номер телефона. Оказывается, она позвонила девушке, с которой познакомилась при выяснении родственных отношений и с которой на протяжении последнего времени поддерживала определенную связь.

Казалось бы, женщина случайно перепутала номера телефонов. Не составляет никакого труда найти объяснение подобной случайности. Во-первых, в гостях женщина выпила и это могло сказаться на ошибочном звонке. Во-вторых, номера того и другого телефонов находились на одной странице ее записной книжки и, учитывая факт легкого опьянения, нетрудно объяснить, почему произошла подобная ошибка. Однако, изучая теорию и практику психоанализа, а также проходя личный анализ, женщина не удовлетворилась подобным объяснением и вскоре нашла подлинные мотивы своего ошибочного действия.

Дело в том, что после печальных событий, связанных со смертью одного человека, она не испытывала потребности звонить той девушке, которую как бы по ошибке разбудила ночью. Хотя в ее семье высказывались упреки по этому поводу, тем не менее она не спешила со звонком. Но в состоянии несколько ослабленного контроля над собой, имея в глубине души противоречивые чувства, связанные с установившимися отношениями с девушкой, ее бессознательное проделало такую работу, в результате которой было совершено ошибочное действие. В процессе аналитической сессии она сама выявила мотивы данного ошибочного действия и поняла его смысл.

Наше бессознательное проделывает подчас такие удивительные «выкрутасы», что оно не только подводит нас к свершению различного рода ошибочных действий, но и ведет к поразительным творческим находкам. Я сам неоднократно убеждался в удивительной способности своего бессознательного легко и свободно осуществлять такую работу, которая дается с трудом и напряжением в том случае, когда подключается сознание. Причем в результате искусной работы бессознательного может возникнуть неожиданная для самого себя двусмысленность, граничащая одновременно с ошибочным действием и творческим созиданием.

Так, однажды ко дню Восьмого марта я писал поздравление коллеге, проходящей у меня личный анализ. Поскольку чаще всего я предпочитаю делать это в поэтической форме, то и в тот раз на поздравительной открытке были написаны мною от руки стихи, которые представляли собой несколько четверостиший. Не буду приводить их полностью, поскольку суть не в самих стихах, а в том, какую шутку сыграло со мной бессознательное. Начало поздравления звучало так:

За окном стучится весна,
Манит снова запах лесной.
Если, Люба, тебе не до сна,
Я тебя поздравляю с весной!

Я поздравил проходившую личный анализ коллегу с весенним праздником и передал ей открытку. Каково же было мое удивление, когда на следующей сессии она мне сказала: «Значит, я, по-вашему, змея!» Вначале я не мог ничего понять, так как ничего подобного ей не говорил. Но еще больше я удивился, когда она обратила мое внимание на начальные буквы каждой строки четверостишья, из которых, если читать их по вертикали, как раз и сложилось слово «змея». Одно время я увлекался написанием акростихов. Примерно год тому назад я подарил коллеге акростих, написанный по случаю одной праздничной даты. Видимо, это и послужило причиной того, что она смогла прочитать по вертикали то, что обычно не бросается в глаза.

Когда я сочинял поздравление с весной, то у меня и в мыслях не было прибегнуть к акростиху. Но бессознательное действительно сыграло со мной такую шутку, которая, в принципе, могла бы привести к далеко идущим последствиям. Представьте себе, какую обиду способна затаить женщина на мужчину, который сравнивает ее со змеей! Причем он говорит это не вслух, а высказывает в завуалированной форме. Разумеется, змея может восприниматься в качестве символа мудрости, здоровья. Но чаще всего обыденные представления о змее вызывают ассоциации негативного характера, типа «подколодная змея». Аналитические отношения могут даже усугубить ситуацию, поскольку анализируемый человек раскрывает перед аналитиком свои тайны, доверяет ему и вдруг обнаруживает, что аналитик в душе считает его змеей. К счастью, ранее мы с коллегой проработали много различных вопросов, связанных с тайнами анализируемого, откровением, доверием друг к другу, и поэтому у нее не осталось какого-либо неприятного осадка по поводу обнаруженного слова «змея». Более того, как вскоре выяснилось, коллеге даже понравилось сравнение со змеей.

Но мне самому пришлось прибегнуть к самоанализу, чтобы убедиться в том, что ни на сознательном, ни на бессознательном уровне я не воспринимаю коллегу в качестве змеи. Мы вместе выявляли те или иные ее черты характера, склонности, привязанности, образ мышления и поведения. Мы вместе использовали разные метафоры для характеристики отдельных черт характера. Однако среди них не было ассоциаций со змеей. Да и у меня самого ни разу не возникало подобное сравнение. Правда, у коллеги были сновидения, в которых фигурировали змеи. Но это, на мой взгляд, не имело отношения к тому, что обнаружилось при написании стихов. Единственный, пожалуй, мотив такого непреднамеренного действия с моей стороны состоял в том, что мое бессознательное подготовило новое испытание для проверки на прочность наших с коллегой аналитических отношений. Дело в том, что некоторые ее друзья считали, что пора прекращать затянувшийся анализ, который давно вышел за рамки часов, отведенных на него обязательной учебной программой. И можно только лишь поражаться тому, какие возможности таит в себе бессознательное, затягивающее человека в круговорот ошибочных действий и подвергающее его все новым и новым испытаниям.

Вспоминаю другой случай, не потребовавший глубокого анализа, поскольку мотив, лежащий в основе моего собственного промаха, был на поверхности. Я ожидал прихода пациентки. В назначенное для ее приема время раздался зуммер домофона. Подняв трубку и услышав голос пациентки, я автоматически сказал: «Пожалуйста» — и повесил трубку, не нажав на кнопку, дающую возможность открыть входную дверь и тем самым пропустить пациентку в дом. Уверенный в том, что пациентка уже поднимается на лифте, я поспешил в рабочий кабинет, чтобы выключить

компьютер. В это время снова раздался зуммер домофона. Я вновь поднял трубку и услышал голос пациентки: «Извините, но что-то не сработало». Только тогда я понял, что бессознательно допустил именно такой промах, который впервые совершил в своей аналитической практике. Разумеется, у меня были и иные оплошности, которые становились предметом самоанализа. Но ни раньше, ни позднее в ответ на зуммер домофона мне не приходилось класть трубку таким образом, чтобы пациент не мог попасть в подъезд дома.

Пока пациентка поднималась ко мне на лифте, я осознал, что произошло. Дело в том, что в последние два месяца аналитическая работа с данной пациенткой не только не устраивала меня, но и казалась бессмысленной. Неоднократно я ловил себя на том, что она (в отличие от других пациентов) ни в эмоциональном, ни в интеллектуальном отношении мне не интересна.

Бывают такие случаи, когда аналитик испытывает скуку от общения с пациентом. И хотя, как говорится, работа есть работа, тем не менее аналитик скорее отдаст предпочтение сложному, но интересному случаю, чем такому, который своей невыразительностью не затрагивает его. Это как раз и был тот случай, который не представлял для меня ни исследовательского, ни терапевтического интереса. Проблема, с которой пациентка обратилась ко мне, получила частичное разрешение. Через две недели пациентка должна была покинуть Россию. Ее самочувствие не вызывало опасений. Мысленно я уже расстался с пациенткой. Поэтому не было ничего неожиданного и удивительного в том ошибочном действии, которое было совершено мною в данном конкретном случае. Другое дело, что этот промах заставил меня задуматься над своими собственными чувствами и мобилизовать внутренние силы для осуществления терапевтической работы.

Психоаналитический подход к ошибочным действиям основывается на исследовательской установке, согласно которой необходимо не столько описывать и классифицировать всевозможные промахи человека, сколько выявлять и анализировать их с точки зрения борьбы и столкновений между внутрипсихическими силами и тенденциями. Тем самым психоанализ ориентируется не на статическое, а на динамическое понимание психических явлений.

Противоположные силы, стремления и тенденции настолько часто действуют в психике человека, что ошибочные действия становятся важной составной частью его жизни. И коль скоро (с точки зрения психоанализа) разнообразные ошибочные действия человека не случайны и, как правило, имеют вполне определенную мотивацию, то тем самым сужается сфера значимости случайности как таковой. То, что раньше приписывалось целиком и полностью случаю, теперь подлежит осмыслению под углом зрения бессознательных влечений и желаний человека.

В этом плане по-новому могут быть рассмотрены и те несчастные случаи, в основе которых лежит бессознательное стремление к самоповреждению и самоуничтожению. Другое дело, что в подавляющем большинстве подобные случаи воспринимаются окружающими людьми и самим пострадавшим как нечто неожиданное и не имеющее под собой никаких разумных оснований. На самом деле, наряду с сознательными самоубийствами существуют попытки бессознательного самоуничтожения, которые завершаются самоповреждением. При этом самоповреждение в качестве ошибочного действия оказывается не чем иным, как компромиссом между самоуничтожением и силами, поддерживающими жизнь человека.

Из истории психоанализа

Когда Фрейду был год и семь месяцев, в их семье случилась трагедия — умер восьмимесячный брат Фрейда Юлиус. Через несколько месяцев после этого печального события с Фрейдом произошел несчастный случай, который без каких-либо комментариев приводится Джонсом в его биографической работе об основателе психоанализа. Речь идет о том, что в возрасте двух лет Фрейд упал с табуретки, ударившись нижней челюстью о край стола. Причем удар был настолько сильным, что у мальчика образовалась кровоточащая рана, на которую пришлось накладывать швы. Рана зажила, но у Фрейда остался шрам на всю жизнь. При помощи самоанализа Фрейду удалось вспомнить некоторые события, относящиеся к раннему периоду детства. Но этот эпизод не всплыл в его сознании, что само по себе весьма примечательно. Можно, по-видимому, говорить о том, что физические болевые ощущения того детского периода в какой-то степени компенсировали душевные переживания, связанные со смертью брата, но не устранили их. Сознательная репродукция их в процессе самоанализа натолкнулась на такое сопротивление, которое допустило лишь частичное воспоминание о событиях ранних лет жизни. Основатель психоанализа вспомнил о переживаниях, связанных со смертью брата, но не соотнес их с несчастным случаем, который стерся из его памяти.

Между тем сам Фрейд обратил внимание, что многие на первый взгляд случайные повреждения оказываются, в сущности, не чем иным, как самоповреждениями. При рассмотрении подобных случаев он исходил из того, что в силу тех или иных причин человек становится подверженным самобичеванию. Упреки по отношению к самому себе пользуются любой возможностью, чтобы организовать повреждение. Они могут использовать случайно создавшуюся внешнюю ситуацию или помогают ей создаться. Бессознательное намерение ловко и искусно подводит человека к несчастному случаю.

В «Психопатологии обыденной жизни» (1901) Фрейд признавался, что с ним происходили различные несчастные случаи. По этому поводу он писал, что сам он вряд ли мог отметить случаи самоповреждения в нормальном состоянии, но при исключительных обстоятельствах они бывали и у него. Таким исключительным обстоятельством, предшествующим несчастному случаю с двухлетним Фрейдом, была смерть его брата. Испытывая враждебные чувства по отношению к родившемуся брату, частично отнявшему любовь матери, он желал устранения его из семьи (эти чувства были выявлены взрослым Фрейдом во время самоанализа, о чем он сообщил Флиссу). Но как только Юлиуса не стало, маленький мальчик соотнес исчезновение (смерть) брата со своими эгоистическими желаниями. Появившееся у него чувство вины вызвало упреки в свой собственный адрес, которые, в свою очередь, породили потребность в наказании, или, точнее, в самонаказании.

Самонаказание помогло маленькому Фрейду справиться со страданиями, вызванными чувством вины. Физическая боль притупила боль душевную. Физическая рана способствовала проявлению повышенного внимания со стороны матери, скорбевшей по умершему восьмимесячному сыну. Фрейд как бы искупил свою вину перед братом и вновь обрел любовь матери. Последнее было, видимо, не менее важным для него, чем первое, поскольку в душе поселился страх: а вдруг родители узнают о его «дурных намерениях» по отношению к новорожденному, обвинят в смерти брата и накажут, отвернутся от него?

Во избежание наказания со стороны родителей Фрейд прибегнул к самонаказанию, не понимая и не осознавая того. Несчастный случай стал своего рода реабилитацией и перед умершим братом, и перед родителями. Физическая рана и причиненная ею боль затмили душевные переживания маленького Фрейда. Затмили, но не устранили их до конца. В глубине души, во мраке бессознательного остался неизгладимый след, контуры которого неясными очертаниями давали о себе знать. Кровоточащая от удара о край стола рана зарубцевалась, но на всю жизнь остался не только физический (телесный), но и психический шрам. Тот шрам, который, возможно, стал роковым для основателя психоанализа. Тот

Из истории психоанализа

шрам, за который ему пришлось уплатить дорогую цену в форме многолетних физических страданий, связанных с раковым заболеванием горла.

В раннем детстве Фрейда искупление «тяжких грехов» (враждебное отношение к брату и желание его смерти) привело к несчастному случаю. В зрелом и преклонном возрасте самоповреждение в виде несчастного случая выглядело бы не лучшим образом прежде всего в глазах самого основателя психоанализа, искусно раскрывающего подобного рода происшествия у своих пациентов. Поэтому, не осознавая глубинных мотивов своего поведения, Фрейд прибегает к таким формам искупления своих «тяжких грехов», которые характеризуются одновременно и саморазрушением, и отчаянной борьбой за жизнь.

В личной жизни бессознательное стремление Фрейда к искуплению «тяжких грехов» возвело его на плаху шестнадцатилетних мучений и страданий от различного рода болезненных операций. Он был вынужден пользоваться «монстром» (огромным протезом, отделяющим рот от носовой полости), а затем более совершенным, но тем не менее доставляющим массу неудобств протезом. В исследовательском плане это привело к развитию психоаналитических теорий об «инстинкте жизни» и «инстинкте смерти», вызвавших неоднозначное к ним отношение со стороны не только противников, но и приверженцев психоанализа.

Один из моих пациентов, мужчина тридцати двух лет, рассказал о несчастном случае, произошедшем с ним в первом классе. Бегая со своими сверстниками на улице, он упал, ударился об острый камень и сломал ногу. После этого ему пришлось долгое время лежать дома в гипсе, и только по прошествии нескольких месяцев он смог пойти снова в школу. Вспоминая этот инцидент, пациент рассказывал о том, какой заботливой была его мама в то время, как они с ней делали уроки, чтобы не отстать от других первоклашек, и каким он был счастливым, несмотря на все неудобства, связанные с гипсом и невозможностью самостоятельно передвигаться по квартире.

Создавалось впечатление, что пациент нисколько не жалел о том, что в детстве сломал ногу. Правда, он сетовал на ограничения, которые впоследствии дали знать о себе, поскольку ему долгое время не разрешали участвовать в подвижных играх со сверстниками и это наложило отпечаток на его общую физическую подготовку. Однако в его воспоминаниях об этом случае звучала некая теплота, связанная с заботой матери, и даже сожаление по поводу того, что позднее ему не уделялось достаточного внимания со стороны родителей, особенно со стороны матери, которая, будучи поглощенной своей работой, поздно приходила домой.

Когда я обратил внимание пациента на то, что он связывает перелом ноги со счастливыми днями своей жизни, то он решительно возразил против такой трактовки. Он говорил о боли, которую испытал во время несчастного случая. Вспомнил о тех неудобствах, которые были связаны с хождением в туалет. Но еще более решительно он отверг мое допущение, что его несчастный случай мог быть непредумышленным самоповреждением, компенсирующим его какое-то скрытое желание. Скажем, желание во что бы то ни стало удержать свою мать возле себя, иметь возможность постоянно общаться с ней и получать от нее необходимую ему ласку.

Время от времени я возвращался к рассмотрению тех событий жизни пациента, которые предшествовали несчастному случаю. Он довольно неохотно вспоминал различные эпизоды из своего детства. Но однажды он рассказал, что на самом деле не хотел идти в школу, а первые дни учебы воспринимались им отнюдь не в розовом

свете. При этом пациент сам высказал соображение, что, возможно, перелом ноги был связан с его нежеланием посещать школу. Судя по тому, как он обсуждал этот вопрос, создавалось впечатление, что подобное объяснение несчастного случая его вполне устраивает. Я не настаивал на каком-то ином объяснении, сказав, что оно допустимо, но не исключает чего-то другого, о чем, возможно, он сам имеет представление.

Прошло два с половиной месяца, и однажды пациент сам заговорил вновь об этом несчастном случае. Он встретился со своей матерью, которая жила в другом городе, и расспросил подробности, связанные с детской травмой — переломом ноги. Она поведала ему о том, что очень переживала за него и испытывала чувство вины за тот несчастный случай.

Оказывается, за несколько дней до перелома ноги вечером в ее присутствии сын играл с котенком, бегал за ним по квартире и, несмотря на предупреждения матери не делать этого, никак не мог остановиться. Он настолько был возбужден, что при очередной попытке поймать котенка упал, задел ногой журнальный столик, на котором стояла хрустальная ваза, и разбил ее. Хрустальная ваза была памятным подарком для матери. Она чуть было не расплакалась, в гневе больно отшлепала сына, поставила его в угол и сказала, что он будет стоять там всю ночь. Потом через какое-то время мать успокоилась и вслух произнесла, что если сын не попросит прощения, то ему действительно придется стоять в углу до утра. История завершилась тем, что, так и не попросив прощения, мальчик уснул уже не стоя, а сидя в углу, и матери пришлось переносить его на кровать. Несколько дней мать не разговаривала с сыном, который замкнулся в себе. А еще через несколько дней произошел несчастный случай — мальчик сломал ногу.

Пациент со слов матери пересказал эту историю, о которой имел смутное представление. Правда, он вспомнил, что вроде бы действительно совершил что-то плохое, но что именно — не помнил. Потом была какая-то обида на мать. И наконец, он вспомнил, что хотел умереть, чтобы мама и все знакомые плакали оттого, что его уже нет в живых. В свете этого произошедший с ним несчастный случай как раз и может быть воспринят в качестве бессознательного намерения к самоуничтожению, замещенного в конечном счете не менее бессознательным самоповреждением.

В результате подобного несчастного случая было убито сразу как бы два зайца. С одной стороны, мальчик вновь обрел любовь матери, причем даже в большей степени, чем это было раньше, поскольку ей пришлось взять отпуск по уходу за больным ребенком. С другой стороны, он избавился от необходимости ходить в школу, которая с первых дней ее посещения ему не понравилась.

С точки зрения психоаналитического понимания произошедший с мальчиком несчастный случай оказался закономерным результатом бессознательного желания смерти как наказания матери и искупления своей собственной вины перед ней. Интересно отметить то обстоятельство, что мальчик сломал именно ногу, а не руку (ведь во время бурной игры с котенком он ногой задел журнальный столик). Это перекликается с историей, рассказанной Фрейдом на страницах работы «Психопатология обыденной жизни», согласно которой, выпрыгнув из экипажа, женщина сломала ногу, тем самым как бы искупая вину за легкомысленный танец, продемонстрированный ею накануне перед родственниками мужа, но вызвавший у него крайне негативную реакцию.

Я бы не удивился, если бы оказалось, что пациент в детстве сломал именно ту ногу, которой он нечаянно во время падения на пол задел за журнальный столик, в результате чего разбилась хрустальная ваза. Но пациент не помнил самого эпизода и поэтому не знал, какая нога повинна в том, что ваза разбилась, и его мать тоже ничего не могла сказать по этому поводу. Но как показывает практика самоанализа и психоанализа, наше бессознательное столь искусно и ловко обращается с нами, что просто не перестаешь удивляться его виртуозной работе. Мое собственное бессознательное написание акростиха со змеей наглядный тому пример.

Изречения

З. Фрейд: «Многие тяжелые беды, которые мы ранее обычно полностью приписывали случаю, открывают в анализе весомую долю нашего, хотя и бессознательного, желания».

З. Фрейд: «Если за случайной на первый взгляд неловкостью и несовершенством моторных актов может скрываться такое интенсивное посягательство на свое здоровье и жизнь, то остается сделать еще только шаг, чтобы найти возможным распространение этого взгляда на такие случаи ошибочных действий, которые серьезно угрожают жизни и здоровью других людей».

З. Фрейд: «Симптоматические действия, которые можно наблюдать в неисчерпаемом изобилии у здоровых, как и у больных, людей, заслуживают нашего внимания по многим причинам. Врачу они служат часто ценным указанием для ориентировки в новых или недостаточно знакомых ему условиях; исследователю людей они говорят нередко все, иной раз даже больше, чем он сам хотел бы знать».

Использование ошибочных действий в художественной литературе

Образные примеры ошибочных действий находят свое отражение в художественной литературе. Выдающиеся писатели и поэты не раз пользовались таким приемом, когда в их произведениях герои совершают обмолвки, которые наглядно демонстрируют подлинные мотивы их мышления и поведения.

В своих работах Фрейд привел несколько примеров подобного рода. В частности, в «Психопатологии обыденной жизни» он сослался на «Валленштейна» Шиллера. В одном из разговоров между двумя действующими лицами этого произведения имела место обмолвка, когда Октавио хотел сказать, что нужно идти «к нему», к герцогу, но, в глубине души мечтая о дочери Валленштейна, оговорился и произнес «к ней». В «Лекциях по введению в психоанализ» Фрейд, ссылаясь на Отто Ранка, обнаружившего художественно мотивированную и технически блестяще использованную оговорку, привел пример из «Венецианского купца» Шекспира. Он воспроизвел сцену, когда Порция пыталась успокоить влюбленного Бассанио, которому предстояло осуществить выбор одного из трех ларцов. От этого выбора зависело, сможет ли Порция выйти за него замуж. Обращаясь к Бассанио и испытывая двойственность чувств, связанных с желанием подсказать ему нужный ларец и данной отцу клятвой не делать этого, Порция произносит:

Две половины у меня: одна
Вся Вам принадлежит; другая — *Вам*...
Мне — я сказать хотела; значит Вам же, —
Так Ваше все!..

Обращая внимание на то, как ловко Порция вышла из создавшегося вследствие ее же оговорки положения, Фрейд подчеркнул, что таким образом далекий от медицины мыслитель одним своим замечанием иногда может раскрыть смысл ошибочного действия и тем самым избавить нас от выслушивания разъяснений.

Приведу, на мой взгляд, замечательный пример ошибочных действий, содержащийся в художественной литературе. Я с удовольствием узнал о нем из небольшой работы, подготовленной одной из студенток Института психоанализа. Дело в том, что, читая курс по истории и теории психоанализа в данном институте, я предлагаю студентам написать работу по ошибочным действиям. Это является обязательным заданием для всех студентов, которые, как правило, приводят и анализируют свои собственные промахи. Для анализа ошибочных действий разрешается и рекомендуется пользоваться примерами, почерпнутыми из художественной литературы. Не так часто, но студенты действительно находят интересные литературные сюжеты, в которых писатели и поэты используют ошибочные действия в качестве иллюстрации психологии мышления и поведения героев своих произведений. Так, в одной из студенческих работ было обращено внимание на роман Диккенса «Холодный дом», в котором героиня Эстер в беседе со своей подругой, недавно вступившей в брак, вдруг говорит о ее муже: «Он, как всегда, такой *противный*... то есть такой *милый*».

Пример же, который представляется наиболее интересным, взят из рассказа Чехова «Дипломат». В нем с изящной иронией изображено то, как герой рассказа пытается выйти из трудного для себя положения и, не осознавая того, совершает одно за другим ошибочные действия.

В этом рассказе идет диалог между двумя чиновниками. У одного из них, Кувалдина, умерла его бывшая жена. Находясь в разводе, он не знал о ее смерти. Знакомые решили сообщить Кувалдину об этом несчастье и возложили столь непростую миссию на его близкого друга Пискарева. При этом они дали ему наставление, чтобы он не сразу говорил своему другу о смерти жены, а осторожно и постепенно подготовил его к этому печальному известию. Пискарев приходит к Кувалдину, и между ними завязывается следующий разговор:

«— Здорово, голубчик! Шел, знаешь, мимо и думаю: а ведь здесь служит! Дай зайду!

— Посидите, Аристарх Иванович... Я работу через часик кончу, тогда и потолкуем...

— Пиши, пиши... Я только два словечка скажу... Душно у вас здесь, а на улице рай... Весна! Иду себе по бульвару, и так мне хорошо!.. Человек я независимый, вдовый... Куда хочу, туда и иду... Сам себе хозяин... Хорошо, если жена попадется не дьяволица, ну а ежели сатана в юбке? Взвоешь! Взять хотя бы тебя к примеру... Пока холост был, на человека похож был, а как женился на своей, и захирел, в меланхолию ударился... Осрамила она тебя на весь город... из дому прогнала.

— В нашем разрыве я виноват, а не она, — вздохнул Кувалдин.

— Оставь, пожалуйста! Знаю я ее! Злющая, своенравная, лукавая! Что ни слово, то жало ядовитое, что ни взгляд, то нож острый... А что в ней, в покойнице, ехидства этого было, так и выразить невозможно!

— То есть как в покойнице? — сделал большие глаза Кувалдин.

— Да нешто я сказал: в покойнице? — спохватился Пискарев, краснея. — И вовсе я этого не говорил... Что ты, бог с тобой... Уже и побледнел! Не хмурься! Я ведь так только, по-стариковски... По мне, как знаешь... Хочешь — люби, хочешь — не люби, а я все равно считаю, что акромя ехидства ты от нее ничего не видел. Бог с ней! Царство ей небесное, вечный покой...

— Послушайте, Аристарх Иванович... — побледнел Кувалдин. — Вы уже во второй раз проговариваетесь... Умерла она, что ли?

— То есть, кто умерла? Никто не умирал, а только не любил я ее, покойницу... тьфу! То есть не покойницу, а ее... Аннушку-то твою...

— Да она умерла, что ли? Аристарх Иванович, не мучайте меня!

— Кто тебе сказал, что она померла! Поди, полюбуйся — живехонька! Когда заходил к ней, с теткой бранилась... Тут отец Матвей панихиду служит, а она на весь дом орет.

— Какую панихиду?

— Панихиду-то? То есть... никакой панихиды не было, что это я говорю…

Кувалдин поднялся, неверно заходил около стола и заплакал...

— Почему же ты сразу не сказал о ее смерти?

— Миша, да ты в своем уме! Ведь не умерла же еще! Кто тебе сказал, что она умерла? Напротив, доктора говорят, что есть еще надежда! Говорю тебе, что не померла! Хочешь, вместе к ней съездим? Как раз и к панихиде поспеем... то есть, что я говорю?»

Вся эта часть юмористического рассказа Чехова построена на постоянных оговорках одного из действующих лиц. Именно эти оговорки придают рассказу юмористический характер, и читатель не воспринимает сообщение о смерти как драму и трагедию. Писатель использует литературный прием, благодаря которому оговорки не только смягчают известие о смерти близкого человека, но и превращают драму и трагедию в некое подобие комедии. Художественными средствами Чехов изящно и непринужденно продемонстрировал тонкую работу бессознательного.

Рассказ Чехова иллюстрирует, пожалуй, наилучшим образом мысль Фрейда о том, что ошибочные действия представляют собой своего рода компромиссы, которые свидетельствуют о частичных удачах и неудачах противостоящих друг другу намерений. Неприемлемое для сознания намерение подавляется, но это подавление далеко не всегда оказывается полным, в результате чего оно не может всецело проявиться, и в то же время оставаться таким, чтобы не дать знать о себе в какой-либо форме.

Фрейд считал, что «психоаналитическое объяснение промахов приводит к незаметному изменению образа мира, как бы малы ни были рассматриваемые явления». Возможно, это слишком сильно сказано, если иметь в виду образ природного и социального мира как такового. И мир, и его образ действительно изменяются под воздействием человеческой деятельности. И все же Фрейд имел в виду, скорее всего, то, что психоаналитическое объяснение ошибочных действий способствует переосмыслению взглядов на соотношение между причинностью и случайностью и, следовательно, изменению образа мира (с точки зрения сужения рамок действия случая). Но не вызывает сомнения, что психоаналитическое понимание ошибочных действий привело к изменению образа человека как исключительно сознательного существа. В этом состоит заслуга Фрейда, наглядно продемонстрировавшего возможности

психоанализа при работе с эмпирическим материалом, включающим в себя реалии бессознательного психического.

Ошибочные действия — это одна из трех сфер, где бессознательное заявляет о себе в своих конкретных проявлениях и где можно не только фиксировать его, но и работать с ним. Сновидения являются второй, не менее, а быть может, более важной сферой деятельности человека, в недрах которой бессознательное во весь голос заявляет о себе. Поэтому после разбора ошибочных действий можно приступить к непосредственному рассмотрению психоаналитического понимания и толкования сновидений.

Изречения

З. Фрейд: «Оговорка часто выдает мнение, которое надо было бы утаить от партнера. Великие писатели понимали и использовали оговорки в своих творениях именно в этом смысле».

З. Фрейд: «Часто случается, что поэт пользуется оговоркой или другим ошибочным действием как выразительным средством. Этот факт сам по себе должен нам доказать, что он считает ошибочное действие, например оговорку, чем-то осмысленным, потому что ведь он делает ее намеренно».

З. Фрейд: «Конечно, не следует преувеличивать того, что поэт всегда употребляет оговорку как имеющую определенный смысл. В действительности она могла быть бессмысленной психической случайностью и только в крайне редких случаях иметь смысл, но поэт вправе придать ей смысл, чтобы использовать его для свой цели. И поэтому нас бы не удивило, если бы от поэта мы узнали об оговорке больше, чем от филолога и психиатра».

Контрольные вопросы

1. Почему Фрейд заинтересовался ошибочными действиями?
2. Какие ошибочные действия допускает человек?
3. Что представляют собой ошибочные действия с точки зрения психоанализа?
4. В чем состоит смысл ошибочных действий?
5. Что может лежать в основе несчастных случаев?
6. Как и каким образом ошибочные действия находят свое отражение в художественной литературе?
7. Можете ли вы дать объяснение своим собственным бессознательным промахам?
8. Что дает человеку психоаналитическое понимание ошибочных действий?

Рекомендуемая литература

1. *Лейбин В.М.* Политические страсти: опыт психоаналитического толкования. Парламентская культура // Российский психоаналитический вестник. 1994. № 3–4.
2. *Лейбин В.М.* Психоанализ: проблемы, исследования, дискуссии. М., 2008.

3. *Лейбин В.М.* Закономерзости бессознательного. М., 2022.
4. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М., 2015.
5. *Фрейд З.* Психология бессознательного. СПб., 2012.
6. *Фрейд З.* Психоанализ: Хрестоматия, 9 / авт.- сост. В.М. Лейбин. М., 2017.
7. *Херлин П.* Ошибочные действия // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие. М., 1998.

Глава 6

СНОВИДЕНИЯ И ИХ ТОЛКОВАНИЕ

Природа сновидений и методы их толкования

Примерно треть своей жизни человек проводит не в бодрствующем состоянии, а во сне. Казалось бы, столь значительное во временном отношении состояние человека должно вызывать особый интерес у ученых. Тем не менее сны и сновидения не привлекают к себе внимания многих исследователей, считающих, что существуют более достойные для научного изучения объекты и процессы. Более того, широко распространено мнение, что толкование сновидений — это удел людей, не имеющих никакого отношения к научному знанию, занимающихся различного рода гаданиями и предсказаниями, нередко граничащими с шарлатанством. Поэтому на первый взгляд кажется довольно странным, что Фрейд как исследователь и врач, претендовавший на научное познание человека и использовавший свои знания при лечении нервнобольных, вдруг обратился к сновидениям. Ведь они не отличаются ни ясностью своего объекта, ни строгими логическими критериями их осмысления, ни общепризнанными и поддающимися эмпирической проверке результатами их интерпретации.

Однако, несмотря на сомнительность с точки зрения научного знания и на возможность подорвать свой авторитет в глазах сообщества медиков, Фрейд посвятил свой первый фундаментальный труд сновидениям и их интерпретациям. Более того, он рассмотрел его в качестве единственного и достойного увековечения вклада в мировую сокровищницу знаний о человеке. Это само по себе говорит уже о многом. Во всяком случае, понимание психоанализа вряд ли возможно без осмысления того, что было сделано Фрейдом в области изучения сновидений и их толкования.

Нельзя сказать, что до Фрейда никто не обращался к рассмотрению сновидений. Напротив, существовала давняя традиция, согласно которой сновидениям прида-

валось большое значение. Так, в древности сновидения воспринимались как таинственные послания, значимость которых для человека оценивалась весьма высоко. В них усматривали знаки будущего и различного рода предостережения. Стоило человеку увидеть в сновидении угрозу его собственной жизни, как тут же по пробуждении он мог предпринять все для того, чтобы исключить подобный исход. Аналогичное отношение было и к сновидениям других людей. Известно, что один римский император приказал казнить своего подданного только за то, что тому приснился сон, в котором он отрубил голову императору.

Разумеется, далеко не каждый человек способен увидеть в своем сновидении знаки будущего. Но толкователи сновидений находили в них различные предзнаменования. Сами толкователи сновидений высоко почитались, и многие правители держали при себе людей, чье основное занятие состояло в истолковании сновидений. От того, как истолковывалось то или иное сновидение правителя, подчас зависела судьба народов, поскольку принимаемые решения, будь то военный поход, связанный с завоеванием чужих земель, сооружение пирамид или передача наследования, нередко непосредственно соотносились с трактовкой сновидения.

Известно, например, что в свите Александра Македонского всегда были знаменитые толкователи сновидений, которые оказывали воздействие на принимаемые им решения по завоеванию земель и народов. По свидетельству Артемидора из Далдиса, оставившего после себя один из первых трудов по сновидениям, завоевание города Тира, жители которого столь успешно оборонялись против войск чужеземцев, что Александр Македонский подумывал о снятии осады, было предопределено соответствующим толкованием сновидения. Во время осады непокорного города царю приснился сон с пляшущим на его щите сатиром. По пробуждении Александр Македонский рассказал о своем сне толкователю сновидений Аристандру. Тот истолковал сновидение как предзнаменование триумфальной победы над осажденным городом. Пляшущий на щите сатир означал, по его мнению, не что иное, как указание на то, что «са-тир» означает «твой Тир». Вдохновленный подобным истолкованием своего сновидения, Македонский принял решение о подготовке нового наступления на осажденный город. Наступление войск было успешным, и город Тир был завоеван.

У древних народов всегда было почтительное отношение к толкованию сновидений. Искусство их толкования считалось уделом избранных, наделенных особым даром предвидения. Однако со временем античное толкование сновидений уступило место иным предсказаниям, а с развитием научного знания оно вообще оказалось преданным забвению. Кое-где сохранившийся интерес к сновидениям и их толкованию стал ассоциироваться с суеверием и шарлатанством.

Это не означало, что сновидения как объект исследования вообще не привлекали внимание исследователей последующих столетий. В XIX веке существовали работы, посвященные рассмотрению сновидений. Однако, как правило, отдельные труды о сновидениях относились или к философскому их осмыслению, или к физиологическому их объяснению. Наука в лице физиологии вновь обратила внимание на сновидения. Появились экспериментальные исследования, целью которых стало определение влияния физических воздействий на содержание сновидений. Но существовавшая с древних времен традиция по искусству толкования сновидений оказалась прерванной. Заниматься толкованием сновидений стало считаться делом зазорным и недостойным. Во всяком случае, если ученые и медики и уделяли внимание

рассмотрению сновидений, то это делалось с целью подчеркивания тех негативных процессов и состояний, которые наблюдались у спящего человека по сравнению с его бодрствованием.

Издревле существовали различные, часто противоположные друг другу точки зрения на сновидения. Согласно одной из них, сновидения являются божественными по своему происхождению. Согласно другой, сновидения — это порождения дьявола. Те, кто придерживался первой точки зрения, считали, что сновидения ниспосланы спящему свыше и служат предостережением или предсказанием будущего. Теми же, кто разделял вторую точку зрения, сновидения воспринимались в качестве искушения, которому подвергался сновидящий со стороны дьявола. И в том, и в другом случае сновидения рассматривались с точки зрения их сверхъестественного происхождения.

Правда, с развитием научного знания стали появляться работы, в которых высказывалась мысль, что сновидения не являются чем-то сверхъестественным, а представляют собой результат внутренней работы души. В исследованиях XIX века учитывались различные источники возникновения сновидений. Обращалось внимание на внешние (объективные) и внутренние (субъективные) чувственные раздражения, внутренние физические (органические) и чисто психические раздражения. Однако и в этом случае толкование сновидений по-прежнему рассматривалось как занятие, недостойное серьезного внимания ученого и врача.

В отличие от многих своих современников, изучавших сновидения с физиологической точки зрения, Фрейд прежде всего задался целью показать, что сновидения доступны толкованию. Но тем самым он поставил себя в довольно двусмысленное положение. С одной стороны, рассматривая психоанализ как науку, Фрейд предпринял такую попытку осмысления сновидений, которая могла бы быть отнесена к научному знанию. С другой стороны, выдвигая постулат о том, что сновидения доступны толкованию, он фактически порывал с предшествующими научными теориями, согласно которым сновидения являются соматическим, а не душевным актом и, следовательно, проблема толкования их не может считаться научной.

Понимая двусмысленность своего положения, Фрейд все же предпочел следовать обыденным представлениям о сновидениях как имеющих важное значение в жизни человека. При этом он исходил из того, что, подобно ошибочным действиям, сновидения имеют смысл и их толкование способствует пониманию душевной жизни людей. В этом отношении Фрейд как бы отошел от предшествующих научных концепций, авторы которых не придавали значения смыслу сновидений, и вернулся к древней традиции, в соответствии с которой толкование сновидений представлялось важным и необходимым для человека.

Казалось бы, возвращение к древней традиции, к античному толкованию сновидений должно было означать своего рода регресс по сравнению с научными исследованиями сновидений, имевшими место во второй половине XIX века. Когда в 1900 году был опубликован посвященный сновидениям труд Фрейда, то в медицинском мире именно так и было воспринято его обращение к толкованию сновидений. И это было бы справедливо, если бы Фрейд действительно пошел по стопам античных толкователей сновидений, в точности воспроизводя и копируя те методы толкования, которые использовались в Древнем мире. Но в том-то и дело, что, возвращаясь к античной традиции, он попытался по-новому подойти к толкованию сновидений.

Обращение к традиции прошлого сопровождалось реабилитацией значимости сновидений как таковых. Толкование сновидений стало восприниматься вновь как выявление их смысла. Однако при рассмотрении сновидений и их толковании Фрейд избрал иной путь, чем это имело место в древности.

Если в Древнем мире сновидения рассматривались с точки зрения их божественного или дьявольского происхождения, то Фрейд подходил к осмыслению сновидений с позиций их психического источника возникновения и содержания. Если предшествующие толкователи сновидений усматривали в сновидениях знаки будущего, то Фрейд исходил из того, что в них находят свое отражение в первую очередь смыслозначимые состояния и влечения далекого или недавнего прошлого. В Древнем мире толкования сновидений основывались на интуиции и умении снотолкователей ориентироваться в трудной для себя ситуации. Фрейд же сделал ставку на использование такого метода толкования, который, не обладая точностью эмпирических методик исследования, все же давал, на его взгляд, возможность научного познания сновидений и раскрытия их смысла.

Начиная с древних времен широкое распространение на уровне обыденного сознания получили два метода толкования сновидений.

Первый метод может быть назван символическим. В соответствии с ним сновидение воспринимается в качестве целостного образования. Задача толкования заключается в том, чтобы содержание сновидения как целого воспроизвести в других понятиях, доступных для понимания тех, от кого ускользает содержательный смысл сновидения. Коль скоро сновидение воспринимается через призму знаков будущего, то символическое толкование нацелено на поиск и изложение его смысла в перспективном плане.

Второй метод толкования можно назвать расшифровыванием. Согласно ему сновидение является своеобразным шифром. Задача толкования состоит в том, чтобы подобрать к этому шифру определенный ключ, с помощью которого на место каждого элемента шифра поставить иной значок, соответствующий подобранному ключу. В результате сновидение оказывается расшифрованным и доступным для понимания его смысла. Ключ к расшифровыванию — это сонник, в котором содержатся соответствующие значения, позволяющие усматривать, скажем, за черным покрывалом грядущую смерть, за разбитой чашкой — ожидаемый развод, за подъемом на вершину горы — предстоящую победу. Причем расшифровка осуществляется, как правило, с ориентацией на будущее.

Фрейд считал, что символический метод толкования сновидений не отличается надежностью. Он слишком субъективен, допускает произвол, и многое зависит от того, насколько ловко им может оперировать снотолкователь. Достоинством метода расшифровывания можно считать то, что во внимание принимается не все сновидение целиком, а составляющие его элементы. Это позволяет находить отдельные значения элементов сновидения. Но используемые толкователями сонники не дают гарантии того, что будет выявлен действительный смысл сновидения.

В противоположность символическому и расшифровывающему методам толкования сновидений Фрейд предложил научный метод их толкования. Его основа — психоаналитическое ви́дение бессознательной деятельности человека, подобной той, которая наблюдается при ошибочных действиях здоровых людей и симптоматических действиях нервнобольных. Речь идет об использовании применительно

к анализу сновидений того исследовательского метода выявления истоков симптоматики заболеваний, который был реализован Фрейдом в терапевтической деятельности. Собственно говоря, благодаря методу свободных ассоциаций ему удавалось выявить у пациентов их бессознательные мысли, чувства, желания, которые позволяли обнаружить истоки заболевания. Этому способствовали также сновидения, включаемые Фрейдом в психологически обусловленную связь, уходящую своими корнями в глубины воспоминаний пациентов. Отсюда происходило психоаналитическое понимание связи между сновидением и невротическим симптомом. В свою очередь, подобное понимание приводило к идее, согласно которой один и тот же метод исследования может быть использован как при выявлении невротических симптомов, так и при толковании сновидений.

Рассматривая сновидение в качестве невротического симптома, свойственного всем здоровым людям, Фрейд выдвинул ряд предположений, которые легли в основу психоаналитического метода толкования сновидений.

Первое предположение состояло в том, что *сновидение представляет собой не физиологическое, соматическое, а психическое явление*. Сновидение — продукт и проявление видевшего сон человека. Но это такой продукт психической деятельности человека, который по большей части не понимается им самим и о котором он вроде бы ничего не знает. И тем не менее никто другой, кроме него самого, не ведает о том, что он сотворил. Поэтому видевший сон сам должен сказать, что значит его сновидение и какую загадку оно представляет. Техника психоаналитического метода толкования сновидений как раз и состоит в том, чтобы получить решение загадки от самого сновидца.

Второе предположение Фрейда состояло в утверждении, что *видевший сон знает свое сновидение*. Правда, когда его расспрашивают о сновидении, то чаще всего он отвечает, что ничего не знает о нем и не имеет ни малейшего представления о его смысле. Однако, как считал Фрейд, на самом деле видевший сон знает о смысле своего собственного сновидения. Другое дело, что он просто не знает о своем знании, которое в силу различного рода причин ему недоступно. Исходя из этого, он полагает, что не знает своего сновидения. И как бы это парадоксально ни звучало, но оказывается, что сновидящий заблуждается относительно своего собственного незнания по поводу того, что он знает. В связи с этим Фрейд в форме своеобразного каламбура говорил о том, что в душе человека существует что-то такое, о чем он знает, не зная, что он о нем знает. При терапевтической работе задача заключается в том, чтобы дать возможность видевшему сон обнаружить свое знание и сообщить его психоаналитику. Это не означает требования, чтобы видевший сон сразу сообщил о его смысле. Но он может представить материал, способствующий открытию истоков происхождения сновидения и последующему пониманию его значения.

Третье предположение Фрейда основывалось на том, что *первая пришедшая в голову видевшего сон мысль о своем сновидении должна давать желаемое объяснение его*. Психоаналитическая техника исследования сновидения заключается в том, что видевшего сон спрашивают, откуда у него это сновидение. Первое же его высказывание по данному поводу считается объяснением. Однако если видевший сон будет испытывать затруднение, признаваясь, что ему ничего не приходит в голову, то необходимо настаивать на своем и убеждать его, что какая-то мысль обязательно должна появиться у него. Психоаналитик требует, чтобы видевший сон отдался

свободным ассоциациям. В этом случае рано или поздно у сновидца возникнет какая-нибудь мысль. Причем для психоаналитика безразлично, какой будет эта мысль. Главное состоит в том, что пришедшая видевшему сон в голову мысль не будет произвольной, случайной, поскольку в психике нет ничего случайного. Так или иначе, окажется, что пришедшая ему в голову мысль обусловлена его внутренними установками и она будет именно такой, а не какой-то иной.

Высказанное Фрейдом третье предположение нуждается в пояснении. Критическое отношение к его методу толкования сновидений нередко основывается на том, что видевшему сон может прийти в голову все, что угодно, и, следовательно, нет никаких оснований для рассмотрения первой пришедшей в голову мысли в качестве отправной, способствующей пониманию смысла сновидения. На самом деле психоаналитическая техника толкования сновидений предполагает как бы исключение размышлений человека о своем сновидении. Дело в том, что, как подчеркивал Фрейд, психическая структура размышляющего человека совершенно иная, чем структура наблюдающего свои психические процессы. Поэтому необходимо вызвать в человеке не размышление о своем сновидении, а спокойное самонаблюдение, не допускающее каких-либо критических суждений по поводу возникающих у него ассоциаций. Размышляющий человек способен подвергнуть критике возникающие у него мысли, в результате чего они могут быть отвергнуты, прерваны, заменены другими. В состоянии спокойного самонаблюдения видевший сон свободно предается своим мыслям, ассоциациям, воспоминаниям. Это и способствует появлению таких его представлений, которые имеют непосредственное отношение к значению сновидения.

Психоаналитический метод толкования сновидений включает в себя установку, в соответствии с которой при спокойном самонаблюдении целесообразнее иметь дело не со сновидением в целом, а с составляющими его элементами. Если видевшего сон спросить, чем вызвано его сновидение и что оно означает, то, как правило, он ничего не может сказать ни о том, ни о другом. Поэтому следует разбить сновидение на составные его части, обратить внимание на отдельные его элементы и осуществлять самонаблюдение по отношению к ним. В этом случае о пришедших в голову мыслях никак нельзя будет сказать, что они являются произвольными, случайными, совершенно не связанными с содержанием сновидения.

Благодаря разложению сновидения на составляющие его части и отдельные элементы психоаналитический метод толкования сновидений заметно отличается от традиционного символического метода толкования, при котором сновидение рассматривалось в качестве чего-то единого и целостного. В этом отношении он обнаруживает сходство с другим методом толкования сновидений — методом расшифровывания. И в том и в другом случае толкование осуществляется с учетом разнообразных деталей сновидения, которое воспринимается в качестве сложного образования, состоящего из множества психических явлений. Но это не означает, что психоаналитический метод толкования сновидений полностью совпадает с методом расшифровывания. Между ними имеются существенные различия. Так, при анализе сновидений Фрейд ориентировался главным образом на прошлое и апеллировал к такому словнику, ключевыми шифрами которого были знаки сексуального характера, в то время как традиционный метод популярного расшифровывания исходил из установки на будущее, включавшей в себя шифры сновидений как предзнаменования грядущих событий.

Имеется еще одно важное различие между психоаналитическим методом толкования сновидений и популярным расшифровыванием. В первом случае приблизительно одинаковое сновидение у различных лиц может трактоваться по-разному в зависимости от различных обстоятельств жизни и характера конкретного человека. Одинаковый элемент сновидения может вызывать у одного лица вполне определенные мысли и ассоциации, в то время как у другого лица они могут быть иными, подчас противоположными по своему смыслу и значению. В случае использования метода популярного расшифровывания применяется один и тот же постоянный ключ, при помощи которого раскрывается содержание сновидения. Это значительно упрощает процесс толкования, но приводит к нивелировке различий между людьми, снижает ценность самого толкования и ведет к искажению смысла сновидений.

Изречения

З. Фрейд: «Если ошибочные действия могут иметь смысл, то и сновидения тоже, а ошибочные действия в очень многих случаях имеют смысл, который ускользает от исследования точными методами. Признаем же себя только сторонниками предрассудков древних и простого народа и пойдем по стопам античных толкований сновидений».

З. Фрейд: «Психоанализ поднимает значение сновидения до полноценного психического акта, имеющего смысл, определенное намерение и назначение в душевной жизни индивида и к тому же идущего далее простой констатации чуждости, нелогичности и абсурдности сновидения».

З. Фрейд: «Толкование сновидений является фундаментом психоаналитической работы, а его результаты представляют важнейший вклад психоанализа в психологию».

«Царская дорога» к бессознательному

Для Фрейда сновидение как таковое — это «царская дорога» к познанию бессознательного и лучший способ подготовки к исследованию неврозов. Как и ошибочное действие, оно является полноценным психическим актом. Оно не бессмысленно и не абсурдно, хотя нередко воспринимается человеком именно таким образом, поскольку чаще всего он не понимает его смысла. На самом деле, как полагал Фрейд, каждое сновидение имеет смысл и свою психическую ценность.

Но что лежит в основе сновидения? Какова та движущая сила, благодаря которой возникает то или иное сновидение? Как и каким образом зарождается сновидение в глубинах человеческой души? О чем сновидение говорит и в чем его подлинный смысл? В «Толковании сновидений» Фрейд рассмотрел многие предшествующие работы, авторы которых пытались по-своему ответить на эти и многие другие вопросы. Акцентируя внимание на психической природе сновидения, он отверг разнообразные точки зрения, согласно которым в основе этого странного и непонятного явления лежат исключительно физиологические раздражения, получаемые человеком извне или изнутри. Подробно проанализировав свое, приснившееся ему летом 1895 года и ставшее классическим сновидение об инъекции Ирме, он пришел к выводу, что

Из клинической практики

Однажды одна из моих пациенток рассказала страшный сон, в котором какие-то два чудовища терзали ее лучшую подругу. Они выкалывали ей глаза, сдирали с нее кожу, ломали пальцы рук, дергали за волосы с такой силой, что кровь лилась по лицу. Подруга кричала, звала на помощь, а два чудовища молча измывались над ней. Пациентка стояла за выступом какого-то сооружения, молча наблюдала за происходящим и не могла сдвинуться с места. Девушка хотела помочь своей подруге, чтобы освободить ее от мерзких чудовищ, но какая-то сила удерживала ее от попыток броситься на выручку или хотя бы закричать. Свое сновидение пациентка считала нелепым, кошмарным, противоречащим тем отношениям, которые у нее сложились с ее лучшей подругой. Они подружились в детстве и на протяжении более десяти лет были неразлучны, любили друг друга. Они проводили много времени вместе, никогда не ссорились, знали друг о друге буквально все. И то, что произошло в сновидении, являлось полнейшим абсурдом. Так как, по заверениям пациентки, если бы нечто подобное случилось в реальной жизни, то она бы, не раздумывая, бросилась на выручку своей лучшей подруги, даже если пришлось бы рисковать своей жизнью. Когда мы разбирали абсурдное, по мнению пациентки, сновидение, то я спросил, что она испытывала в тот момент, когда какая-то сила удерживала ее на месте и она не могла помочь своей подруге. Вначале девушка ничего не могла сказать по этому поводу. Потом она нашла объяснение своей бездеятельности, вспомнив, что вроде бы ей было страшно. На вопрос о том, страшно ли ей было за себя или за подругу, пациентка ответила, что, в общем-то, она не трусиха, но в сновидении ее охватило какое-то непонятное чувство, которое она не в состоянии объяснить. Тогда я спросил, не испытывала ли она каких-либо негативных чувств по отношению к ее подруге. Пациентка категорически отвергла подобную возможность, заявив, что они с подругой словно сестры и она любит ее, как родную. Она убеждала меня и саму себя в том, что между ними такие прекрасные отношения, которые в принципе не могут быть ничем омрачены.

Только последующий анализ выявил нечто такое, что пациентка скрывала от самой себя. Она вспомнила, как два года тому назад они с подругой отдыхали летом на юге. Там они познакомились с молодым человеком, который ей очень понравился. Но этот молодой человек стал уделять особое внимание ее подруге, которая была более привлекательной. Несмотря на это, между подругами не было никаких недоразумений. Через несколько дней подруги возвратились домой и со смехом вспоминали о молодом человеке, который безуспешно пытался ухаживать за одной из них.

Незадолго перед тем, как пациентке приснился кошмарный сон, подруги ходили на дискотеку. Там повторилась та же история, что и на юге. Поклонник пациентки, с которым она была знакома несколько месяцев, стал обмениваться с ее подругой такими взглядами, что ей стало не по себе. Когда я спросил девушку, что она подразумевает под этим, то она ответила, что все это ерунда и не имеет никакого отношения к сновидению. И только после более подробного обсуждения всех этих сюжетов пациентка с большой неохотой призналась, что, наблюдая в сновидении за тем, как два чудовища терзали ее подругу, она испытывала не столько страх, сколько непонятное для нее чувство минутного, но быстро исчезнувшего наслаждения.

В явном содержании сновидения пациентки были картины, связанные с истязаниями ее лучшей подруги и ее собственной неспособностью помочь ей избавиться от двух чудовищ. В скрытых мыслях сновидения обнаружилось нечто такое, что неожиданно для нее самой доставило ей минутное удовольствие. Эпизоды с молодыми людьми, отдающими предпочтение не ей, а ее подруге, породили в бессознательном такие «нехорошие» мысли, которые нашли свое отражение в сновидении. За абсурдностью явного содержания сновидения стояли скрытые бессознательные мысли, вытесненные из сознания. В явном содержании сновидения они оказались искаженными и преломленными, в результате чего ►

Из клинической практики

девушка видела, как истязали ее лучшую подругу, но ничем не могла помочь ей. Она готова была объяснить свою бездеятельность тем, что какая-то сила не давала ей возможности сдвинуться с места и что, по-видимому, это был страх. Но в явном содержании сновидения не было даже намека на то, почему она неожиданно для себя испытала чувство минутного наслаждения. Лишь в процессе анализа удалось выявить скрытые послания сновидения, которые пациентка отгоняла от себя наяву.

любое сновидение действительно имеет смысл и есть не что иное, как осуществление желания. С точки зрения Фрейда, сновидение — это воплощение запретных, подавленных, вытесненных в бессознательное желаний, возвращение человека к его инфантильному (детскому) состоянию. В сновидении находят отражение наши собственные влечения и желания. В нем вновь оживают все характерные черты примитивной душевной жизни, включая различные формы проявления сексуальности.

Было бы некорректно говорить о том, что Фрейд первым рассмотрел сновидение с точки зрения осуществления желаний человека. До него неоднократно высказывались подобные соображения. Однако авторы работ, в которых отражалась подобная точка зрения, как правило, говорили о том, что осуществление желаний характерно для некоторых сновидений. Фрейд же пришел к более глобальному заключению и высказал мысль, что осуществление желаний является смыслом каждого сновидения. Подобного рода обобщение было подвергнуто критике, поскольку каждый человек может сказать, что, в принципе, у него имелись такие сновидения, которые были связаны с неприятными ощущениями, чувствами недовольства и различного рода страхами, ничего общего не имеющими с осуществлением желаний. Неужели у самого Фрейда не было подобных сновидений? Неужели у него не возникало даже тени сомнений в том, что не все сновидения могут быть связаны с осуществлением желаний? Если в сновидении человек не только не испытывает удовольствие, а, напротив, ощущает боль и страдание или его охватывает ужас и страх, то о каком осуществлении желаний может идти речь вообще?

Фрейд не был столь наивным, чтобы не считаться с подобного рода сновидениями. В его собственных сновидениях также содержались такие картины и сюжеты, которые вызывали неприятные ощущения и порождали чувство страха. Так, в сновидении об инъекции Ирме пациентка Фрейда жалуется на боли в горле, желудке, животе, что вызывает у него беспокойство. Эту часть сновидения никак не отнесешь к числу тех, которые вызвали у Фрейда удовлетворение своей предшествующей терапевтической деятельностью.

Так почему же он считал, что каждое сновидение является осуществлением желаний человека? Разве это утверждение не противоречило даже его собственным сновидениям, в которых он испытывал чувства неудовлетворения и страха?

Казалось бы, стоило смягчить формулировку и ограничиться тезисом, что, возможно, даже многие, но не все без исключения сновидения представляют собой осуществление желаний человека, как тут же снимались бы излишние возражения в адрес Фрейда. Но он не пошел на подобного рода уступки. Он считал, что возражения, связанные с апелляцией к сновидениям, где проявляются чувства неудовлетворения и страха, на самом деле оказываются мнимыми и не опровергают его вывод о том, что любое сновидение есть осуществление желаний человека.

Фрейд утверждал, что чувства неудовлетворения и страха относятся к явному содержанию сновидения, в то время как психоаналитический метод толкования сновидений предполагает раскрытие его внутреннего содержания. Если явное содержание сновидения может носить неприятный характер, то его скрытое содержание говорит совсем о другом. Фрейд пришел к выводу, что толкование сновидений, в которых находят свое отражение неприятные чувства и различного рода страхи, доказывает, что и эти сновидения оказываются осуществлением желаний человека.

Психоаналитический подход к сновидениям вызывает и другой вопрос. Как можно считать, что сновидения имеют смысл, если довольно часто они бывают абсурдными, нелогичными, противоречащими здравому смыслу? Ведь человек видит во сне подчас такие странные, не связанные друг с другом картины и сюжеты, которые ничего не говорят ни о его настоящей жизни, ни о его реальном поведении. Человек может быть мягким, добрым, отзывчивым, помогающим своим ближним и любящим их, а в сновидении вдруг возникают сцены насилия и убийства, в которых он принимает непосредственное участие. О каком смысле сновидения можно говорить, если оно противоречит действительной жизни человека и предстает порой совершенно абсурдным?

Фрейд не обошел стороной этот вопрос. Для него абсурдность сновидений не служит доказательством того, что они лишены какого-либо смысла. Абсурдность любого сновидения — это некая намеренность, возникающая в результате искажения его смысла. Как и в случае с неприятными чувствами и проявлениями различного рода страхов, абсурдность относится к тому содержанию сновидения, которое человек может воспроизвести в момент своего пробуждения. Абсурдность, нелогичность, противоречивость, чуждость сновидения — все это находит свое отражение в том, что Фрейд назвал явным (манифестным) содержанием. Однако за явным содержанием сновидения можно обнаружить то, что он назвал скрытыми (латентными) мыслями сновидения. Эти мысли сновидения недоступны сознанию видевшего сон человека, они бессознательны. Скрытые мысли сновидения прячутся за явным его содержанием, которое и представляется человеку абсурдным. Сами же эти мысли не являются абсурдными, нелогичными, чуждыми человеку. Они связаны с его желаниями и представляют собой полноценные составные части его бодрствующего состояния.

Процесс превращения скрытых мыслей сновидения в явное его содержание Фрейд назвал работой сновидения. В результате этой работы происходят такие искажения скрытых мыслей сновидения, благодаря которым человек оказывается, как правило, неспособным обнаружить их в содержании своего сновидения. Для того чтобы обнаружить и выявить скрытые мысли сновидения, необходимо совершить обратный процесс. Деятельность, связанную с переходом от явного содержания сновидения к скрытым его мыслям, Фрейд назвал работой толкования.

Изречения

З. Фрейд: «Сновидения, как индивиды, могут явиться один-единственный раз и никогда больше не появляться, или они могут повторяться у одного и того же лица без изменений или с небольшими отступлениями. Короче говоря, эта

ночная деятельность души имеет огромный репертуар, может, собственно, проделать все, что душа творит днем, но это все-таки не то же самое».

З. Фрейд: «Главной характерной чертой сновидения является то, что оно побуждается желанием, исполнение этого желания становится содержанием сновидения».

З. Фрейд: «То, что называют сновидением, мы называем текстом сновидения или явным сновидением, а то, что мы ищем, предполагаем, так сказать, за сновидением, — скрытыми мыслями сновидения».

Механизмы работы сновидения

С точки зрения основателя психоанализа, работа сновидения является таким психическим процессом, о котором человек не догадывается. Благодаря работе сновидения в психике человека осуществляется игра сил, скрытая от его сознания. Изучение этой работы позволяет лучше понять, почему необходимо допущение гипотезы о существовании бессознательной психической деятельности. Во всяком случае, работа сновидения как нельзя лучше демонстрирует, что психика человека не покрывается сознанием, она включает в себя такие процессы, которые по большей части оказываются бессознательными.

Деление психики на сознание и бессознательное — один из основных постулатов психоанализа. Согласно другому его постулату, между сознанием и бессознательным находится цензура, представляющая собой контролирующую инстанцию, которая выступает в роли непримиримого и неприступного стража. Наделенная определенной властью, цензура решает вопрос о том, допускать ли бессознательные представления в сознание. Если эти представления не нарушают покой человека, не вызывают неприятных ощущений и не влекут за собой чувства неудовольствия, то цензура пропускает их в сферу сознания. Но если бессознательные представления могут вызвать у человека негативные эмоции и он будет испытывать неудовольствие от них, то стоящая на страже цензура сделает все для того, чтобы не допустить их в сознание, отогнать их назад и загнать обратно в глубины души.

В состоянии бодрствования цензура чрезвычайно активна и строга. Она не пропускает в сознание человека те его побуждения, которые под воздействием родительского, школьного, общественного воспитания, а также этических норм поведения считаются асоциальными и аморальными. Другое дело состояние сна, при котором человек как бы отворачивается от существующей реальности и исключает ее из своего сознания.

Однако, как считал Фрейд, отключение человека от реальности во время сна вовсе не означает, что цензура вообще прекращает свою деятельность. Человек спит, но цензура по-прежнему оказывает на него свое воздействие. Правда, действие цензуры на человека во сне не столь значительно, как это имеет место в его бодрствующем состоянии. При послаблении цензуры бессознательные представления способны дойти до сознания человека. При этом в своем ослабленном виде цензура осуществляет такие манипуляции с бессознательными представлениями человека, благодаря которым они как бы переодеваются в другие одежды и воспринимаются сознанием совершенно иначе, чем это могло бы быть, если бы они оставались в прежнем одеянии.

Ночью, во время сна в человеке начинают просыпаться и возрастать различного рода неприличные побуждения, желания, влечения. Но *цензура дает такую направленность работе сновидения, в результате которой происходит его искажение*. В результате скрытые мысли сновидения доходят до сознания человека в измененном виде. Их проявление в форме явного содержания сновидения оказывается совершенно не таким, каким оно могло бы быть, если бы между сознанием и бессознательным не было никакой цензуры.

Как и каким образом работа сновидения ведет к искажениям? Какие психические механизмы действуют в психике спящего человека? Что они из себя представляют? Благодаря каким процессам скрытые мысли сновидения получаются искаженными до такой степени, что они оказываются вне поля зрения человека, имеющего дело с явным содержанием сновидения?

Обращаясь к анализу собственных сновидений и сновидений пациентов, Фрейд попытался ответить на эти вопросы. При этом он утверждал, что работа сновидения, состоящая в переводе скрытых мыслей в явное его содержание, осуществляется с помощью ряда психологических механизмов. К ним он отнес такие механизмы, как *сгущение, смещение, превращение мыслей в зрительные образы и вторичная обработка*. Благодаря этим механизмам явное содержание, или можно было бы сказать, текст сновидения может выглядеть странным, абсурдным, нелепым, непонятным, противоречащим логике обыденного поведения человека. Появлению подобного текста сновидения, искажающего скрытые мысли, способствует цензура, отвечающая, по мнению Фрейда, за различные пробелы и пропуски в сновидении, модификацию и перегруппировку его материала.

Под *сгущением* Фрейд понимал то, что явное содержание сновидения, то есть его текст или та картина, которая предстает перед взором человека во время сна, является сокращением его скрытых мыслей. Сновидение может быть лаконичным, кратким и незначительным по объему, в то время как скрытые его мысли допускают значительное разнообразие и богатую палитру выражения. В процессе сгущения некоторые элементы скрытых мыслей опускаются. В явное содержание сновидения переходит только часть материала его скрытых мыслей. При этом отдельные элементы скрытых мыслей могут соединяться между собой, образуя в тексте сновидения нечто целое. Составление коллективных лиц, образование новых частей, причудливые комбинации слов — все это важные средства процесса сгущения в сновидении.

Так, сновидящий может видеть картину знакомства с девушкой, образ которой носит размытые очертания, составленные из различных черт, принадлежащих его матери, ее подруге, жене знакомого, героине понравившегося ему художественного произведения и другим лицам. Или перед ним предстает расплывчатая панорама фантастического города, в котором на фоне сельского пейзажа и стеклянных небоскребов средневековые рыцари обольщают голубых марсианок, одетых в деревянные сандалии, короткие шорты и какие-то непонятные накидки, наглухо закрывающие их шеи. Или он слышит раздающийся откуда-то сверху громкий голос Зевса, метнувшего молнию о скалу с такой силой, что та раскалывается на несколько частей, а мелкие камешки, разбив стекло в квартире, рассыпаются по его письменному столу таким образом, что составляют непонятную для него фразу, в которой одновременно присутствуют иероглифы и слова, написанные на английском, французском и русском языках.

Под *смещением* Фрейд понимал процесс, при котором какой-либо скрытый элемент замещается другим, непохожим на него. Кроме того, вместо какого-то важного, значимого элемента на передний план может выходить другой, несущественный и малоприметный. При этом содержание сновидения кажется странным, поскольку в его центре оказывается то, что не имеет прямого отношения к скрытым мыслям. Благодаря механизму смещения при работе сновидения лишаются интенсивности психически ценные элементы, относящиеся к скрытым мыслям, и в его содержание попадают те незначительные элементы, из которых создаются новые ценности. Результатом смещения оказывается то, что содержание сновидения заметно отличается от скрытых его мыслей. Текст сновидения отражает не сами эти мысли, а искажение жизни в бессознательном.

Например, сновидящий видит себя погружающимся в теплую, приятную, изумительно чистую и прозрачную воду живописного озера, а по небу проплывает розовое, освещенное солнечными лучами облако. Из него выглядывает крылатый ангел, но почему-то с перекошенным от злобы лицом старого, мудрого и в то же время вызывающего ужас колдуна. Глубинный же анализ вскрывает иную картину: центром притяжения переживаний человека на самом деле являются воспоминания не об озере, а о матери, некогда любившей его и заключавшей в свои объятия; перекошенное лицо облака-ангела оказывается умершим отцом, с детства вызывавшим у сновидца почтение и трепет, благоговение и страх.

В психологическом отношении самым интересным в работе сновидения для Фрейда является такой механизм, под воздействием которого происходит превращение скрытых мыслей в зрительные образы. Причем эти образы — не единственная форма, в которую превращаются мысли. Тем не менее наглядное изображение слова — постоянная черта сновидения. Другое дело, что установление связи между словом и его изображением представляется делом трудным. Проблема заключается в том, что существующая между скрытыми мыслями логическая связь не полностью воспроизводится изобразительными средствами. В сновидении практически невозможно адекватное отражение в зрительных образах логических связей между отдельными мыслями, соединенными между собой союзами типа «если, то», «потому что» и другими. Логическую связь приходится восстанавливать лишь в процессе толкования сновидения. Но логическая связь между скрытыми мыслями может находить свое отражение в явном сновидении при помощи изображения последовательности событий или отдельных элементов сновидения.

Сходные лица или вещи могут изображаться в сновидении путем идентификации. Скажем, сходные между собой два лица выражаются в явном сновидении изображением всего лишь одного лица, в то время как второе лицо устраняется и не входит в зрительный образ. Не исключено и образование сложных комбинаций, когда изображение одного человека наделяется характеристиками другого человека, а его имя может быть заимствовано у третьего. Подчас вместо реального сходства путем идентификации или сложной комбинации в явном содержании сновидения находит отражение воображаемое сходство. Если учесть, что сновидение, по словам Фрейда, «абсолютно эгоистично», то можно предположить, что за изображением другого лица может скрываться собственное Я путем идентификации с этим лицом. Или, напротив, за изображением сновидящего на самом деле скрывается какое-то другое лицо.

Из клинической практики

Одной пациентке приснился сон, в котором она находилась в пещере вместе с матерью. Девушка разделывала шкуру какого-то животного, а ее мать сидела у костра и палкой размешивала куски мяса, находящиеся в котле с кипящей водой. Неожиданно мать подбежала к дочери и стала бить ее палкой по голове. Девушка вскочила на ноги и воскликнула: «За что?» Мать еще несколько раз стукнула дочь палкой по ее рукам и проворчала: «За то, чтобы ты была внимательной, а то опять порвешь шкуру».

В явном тексте сновидения мать выступает в роли агрессора, стремящегося путем наказания дочери предотвратить те ее возможные оплошности, которые дочь допускала раньше. Во время разбора сновидения пациентка вспомнила, что однажды, раздвигая штору на окне, она слишком сильно дернула ее и та порвалась. Узнав об этом, ее мать сильно рассердилась на дочь, отругала и сказала, что за такое надо было бы руки оторвать. Девушка обиделась на мать, но, чувствуя свою вину, ничего ей не ответила. В сновидении, видимо, нашло свое отражение прошлое событие, хотя и не в столь адекватной форме, как это имело место в жизни. Однако дальнейший анализ сновидения показал, что на самом деле в его основе лежало нечто другое. Явное содержание сновидения было настолько перевернуто, что пациентка не могла обнаружить его скрытые мысли. В сновидении мать упрекала и била свою дочь. В скрытых мыслях все было наоборот. Дочь хотела наказать свою мать за то, что, во-первых, мать совсем не понимает ее и, во-вторых, как и она сама, ее мать совершает порой такие действия, за которые можно было бы не только ее поругать, но и «оторвать руки».

Подобная интерпретация вызвала у пациентки неприятное воспоминание, которое до этого не приходило ей в голову. По какому-то пустяку она в очередной раз поссорилась с матерью. Затем первая пошла на примирение с ней. Мать не сердилась на дочь и, чтобы сгладить впечатление от ссоры, решила оказать ей услугу. Она гладила свои вещи и заодно взялась погладить блузку дочери. Однако результат оказался плачевным. Телефонный звонок отвлек мать, и она спохватилась только тогда, когда почувствовала запах гари. Оставленный на блузке горячий утюг привел ее в негодность. Увидев, что блузку нельзя носить, дочь испытала такое негодование по отношению к матери, что готова была ее побить. От греха подальше в расстроенных чувствах она выбежала из дома и только со временем, успокоившись, внутренне сказала себе, что из-за испорченной блузки все же не стоит окончательно портить отношения со своей матерью.

В скрытых мыслях сновидения пациентка ругала свою мать и, повторяя ее выражение, готова была оторвать ей руки за то, что она испортила блузку. Ее мать оказалась точно в таком же положении, в каком находилась дочь, когда нечаянно порвала штору. Мысленно пациентка ругала и била свою мать, которая должна была на «своей собственной шкуре» прочувствовать то, что испытывала дочь, когда ее незаслуженно наказывали. Она как бы говорила матери: «Прежде чем наказывать меня за нечаянно совершенные проступки, лучше посмотри на себя! Ты сама совершаешь такие же проступки». Но, испытывая двойственные чувства к матери, включая дочернюю любовь, в жизненных ситуациях пациентка сдерживала себя. Цензура сработала и в ее сновидении, в результате чего в его явном содержании произошло перевертывание скрытых мыслей. Не она ругала и била свою мать, а, наоборот, как и в жизни, мать ругала свою дочь. К этой перевернутой картине добавились и искажения, когда работа сна привела к изображению пещерной жизни, разделыванию шкуры животного, битью палкой по голове и рукам.

Характерные для скрытых мыслей сновидения логические противопоставления с трудом воспроизводятся в явном его содержании. И все же они могут находиться в содержании сновидения путем переворачивания различных элементов материала, входящего в остов сновидения. Превращение в противоположность, переворачивание

является одним из распространенных средств изображения сновидения. Поэтому скрытый смысл сновидения может проясняться, если в процессе интерпретации осуществляется переворачивание тех или иных частей его явного содержания. Нечто аналогичное верно и по отношению к времени. В сновидении может изображаться конец какого-то события, в то время как выявление скрытых мыслей его показывает, что речь идет о начале.

Помимо сгущения, смещения и превращения мыслей в зрительные образы еще одним механизмом образования сновидений является вторичная обработка. В понимании Фрейда, вторичная обработка — это деятельность, придающая сновидению как бы приглаженный вид. Сновидение утрачивает характер абсурдности и нелепости. Оно приводится в порядок. В нем устанавливаются логические связи и заполняются пробелы. Однако в процессе вторичной обработки сновидения допускаются различного рода логические ошибки, в результате чего видимая картина или сюжет сновидения не соответствуют действительному его содержанию.

Вторичная обработка содержания сновидения напоминает деятельность бодрствующего сознания. Она осуществляется чаще всего тогда, когда сновидец начинает воспроизводить и пересказывать свое сновидение. Нормальное мышление требует от содержания сновидения, чтобы оно было понятным. Оно подвергает сновидение первому толкованию, способствуя тем самым его затмению или искажению. Поэтому при психоаналитическом толковании сновидения не следует обращать внимание на его мнимую связность в результате вторичной обработки его содержания.

Помимо изъятия и вычеркивания из ясного содержания сновидения того, что подчас находит свое отражение в скрытых его мыслях, имеет место и нечто такое, что свидетельствует о различного рода дополнениях и привнесениях в сновидение того, чего нет в скрытых мыслях. Так, в сновидениях подчас воспроизводятся всевозможные фантазии, которые до этого существовали в дневной жизни человека. При рассмотрении этого вопроса Фрейд исходил из того, что не само сновидение создает фантазию, а бессознательная деятельность фантазии играет важную роль в образовании мыслей, скрывающихся за сновидением.

Таким образом, в понимании Фрейда работа сновидения — это своеобразный психический процесс, заслуживающий внимания и требующий изучения. Сгущение, смещение, превращение мыслей в образы и вторичная обработка — объекты психоаналитического исследования, открывающего новые связи между различными сферами человеческой деятельности, в частности между развитием языка и мышления. В целом, представление о работе сновидения приводит к необходимости рассмотрения взаимосвязей между мотивами желаний, являющихся движущей силой сновидения, и четырьмя механизмами его образования; между самими этими механизмами и включением сновидения в общую картину душевной жизни человека.

Сновидение как таковое рассматривалось Фрейдом в качестве компромиссного образования. С одной стороны, оно удовлетворяет запросы человека, связанные с желанием спать, путем отказа от внешнего мира. С другой стороны, оно дает вытесненным желаниям человека возможность удовлетворения в форме галлюцинаторного исполнения желания.

Для Фрейда сновидение представало наглядным примером того, что подавление и вытеснение бессознательного в бодрствующем состоянии не устраняют бессознательные желания человека. Вытесненное и подавленное сохраняет способность

к психическим функциям, которые активизируются в состоянии сна. Поэтому сновидение можно рассматривать в качестве одного из проявлений вытесненного бессознательного. Анализ сновидения дает возможность проникнуть вглубь этого таинственного механизма, а его толкование оказывается способствующим познанию бессознательного в душевной жизни человека.

Изречения

З. Фрейд: «Мы знаем, что внутри нас существует цензура, контролирующая инстанция, которая, поскольку это в ее власти, решает, можно ли допустить всплывающее представление в сознание либо его надо неумолимо исключить, как и все, что могло бы привести к неудовольствию».

З. Фрейд: «Искажение сновидения является следствием цензуры, которая осуществляется признанными тенденциями Я против неприличных побуждений, шевелящихся в нас ночью во сне».

З. Фрейд: «Работа сновидения — процесс совершенно своеобразного характера, до сих пор в душевной жизни не было известно ничего подобного. Такие сгущения, смещения, регрессивные превращения мыслей в образы являются новыми объектами, познание которых уже достаточно вознаграждает усилия психоанализа».

Техника толкования сновидений

Фрейд уделял значительное внимание не только раскрытию работы сновидения, но и его толкованию. Последнее опиралось на теоретические положения о природе и работе сновидения, а также на практическую деятельность, связанную с техникой толкования.

Толковать сновидение — это значит раскрыть его смысл и значение, что предполагает осуществление перехода от явного содержания сновидения к скрытым его мыслям. Но коль скоро работа сновидения ведет к тому, что его явное содержание оказывается искаженным, маскирующим скрытые его мысли, то вполне очевидны трудности, возникающие при попытках его толкования.

Трудности толкования сновидения проявляются уже в том, что довольно часто при своем пробуждении сновидящий не может в полном объеме воспроизвести то, что он видел во сне. Казалось бы, только что он видел различные картины и сюжеты, в которых сам принимал активное участие. Однако, пробудившись, он обнаруживает, что не может в деталях воспроизвести все то, что произвело на него такое сильное впечатление во время сна. Подчас бывает и так, что человек не помнит ничего из того, что происходило с ним во сне. Нередки и такие случаи, когда человек утверждает, будто ему вообще не снятся сны.

В процессе педагогической деятельности мне пришлось столкнуться с любопытным явлением. Начиная с первой лекции по истории и теории психоанализа я рекомендовал студентам записывать свои сновидения и постепенно вводить в повседневную практику их анализ. Последующие лекции обычно начинались с того, что студенты рассказывали свои сновидения, а я делал незначительные комментарии,

рассчитанные не столько на исчерпывающую интерпретацию их, сколько на приобретение студентами необходимых навыков для работы со сновидениями. Оказалось, что как только внимание студентов сосредоточивалось на сновидениях, то некоторые из них утрачивали способность видеть или помнить сны. Отдельные студенты высказывали недоумение по поводу того, что раньше видели разнообразные сновидения, а теперь им ничего не снится. Приходилось успокаивать таких студентов и убеждать, что это временное явление и через какое-то время они вновь обретут способность к видению и воспроизведению своих снов. И действительно, через некоторое время так и случалось.

Временная утрата способности к видению и воспроизведению сновидений объяснялась тем сопротивлением, которое возникало у студентов в ответ на мою рекомендацию записывать сновидения и постепенно начинать работать с ними. Одна из трудностей толкования сновидений как раз и связана с подобного рода сопротивлением, возникающим у человека в связи с необходимостью выявления их смысла и значения.

Другая трудность толкования сновидений состоит в том, что благодаря соответствующей работе, когда скрытые мысли подвергаются всевозможного рода искажениям, явное содержание сновидения оказывается весьма далеким от того первоначального смысла, который ускользает из сознания человека. Приходится прикладывать значительные усилия, чтобы путем неоднократного переворачивания содержания сновидения и его отдельных частей подобраться к истинным мотивам, лежащим в основе сновидения, и тем самым докопаться до его смысла.

Кроме того, несмотря на теоретические знания о работе сновидения и практические навыки по анализу его содержания, не все усилия со стороны сновидца оказываются столь успешными, как того хотелось бы ему. Во-первых, не все сновидения поддаются однозначной интерпретации. Во-вторых, практика показывает, что осуществление анализа сновидения другого человека часто оказывается более продуктивным, чем своего собственного. Нередко бывает так, что психоаналитик легко и успешно толкует сновидения своих пациентов, но испытывает значительные трудности, связанные с пониманием смысла какого-то своего сновидения. Случается, что психоаналитик оказывается вообще беспомощным перед своим сновидением или, пытаясь установить его скрытый смысл, довольствуется тем, что сразу же отыскивает, в то время как за обнаруженным им смыслом находится другой, глубинный смысл, который ускользает из его сознания. Поэтому нет ничего удивительного в том, что для человека, незнакомого с психоаналитической техникой толкования сновидений, трудности подобного рода становятся часто непреодолимыми.

Приведу пример собственного сновидения, толкование которого вызвало у меня первоначально незначительные затруднения, но затем повергло в смущение. Оно весьма показательно с точки зрения «тонкой работы» бессознательного и «грубой нечувствительности сознания», отягощенного рационализацией нашей жизни.

Это сновидение приснилось мне в ночь с 26 на 27 сентября 1993 года. Воспроизведу его дословно, в том виде, как я его записал в то время.

...Я стою на тротуаре. Неожиданно подъезжает черный лимузин. Открывается дверца, и меня приглашают занять место в машине. Сажусь. Ощущаю, что рядом со мной кто-то есть. Очертания лица расплывчатые, но, к своему удивлению, я осознаю, что в машине находится Хасбулатов. Подъезжаем к магазину. Выхожу из ма-

шины и иду в магазин. Понимаю, что это магазин закрытого типа, предназначенный не для простых смертных. Я в растерянности, не знаю, что делать, как вести себя. Вместе с тем делаю вид, что все в порядке. Войдя в магазин, обращаю внимание на большие кварцевые часы, напоминающие табло в метро. В их пульсации четко высвечивается цифра 34. Направляюсь к прилавкам. Замечаю, что все товары значительно дешевле, чем в обычных магазинах. Машинально возникают две мысли: «Хорошо же устроились те, кто вхож в этот магазин!» и «Вот бы приобрести кое-что, а потом перепродать, то есть сделать на этом бизнес, как, возможно, его и делают те, кто постоянно посещает данный магазин». Вдруг кто-то подходит ко мне. Лица не видно, но я узнаю Хасбулатова. Он передает мне полиэтиленовую сумку и исчезает. Испытывая неудобство, я хочу поместить эту сумку в свою, более объемистую. При этом обнаруживаю, что в переданной мне сумке находятся грязные клубни свеклы и остро отточенная пика. Про себя думаю: «Надо же, какая грязь, и зачем Хасбулатову это острое оружие!» Испытываю некое беспокойство оттого, что меня ждут в машине. Ничего не купив в магазине, выхожу из него. Вокруг ни души. Стою в растерянности, не зная, что делать. Вдруг из-за угла выезжает машина и направляется ко мне. Мягко шурша шинами, она останавливается возле меня, и...

Сновидение на этом оборвалось, я проснулся.

Сновидение состоит из нескольких частей, связанных между собой единой логической цепочкой. В этом отношении оно не является абсурдным, в его содержании нет каких-либо противоречий. Правда, налицо кое-какие искажения, но они скорее связаны с тем, что в реальной жизни мне не доводилось ездить в черном лимузине, да еще вместе с Хасбулатовым. Поэтому сновидение является, в общем-то, довольно простым, и за исключением нескольких элементов многое для меня было понятным и не требовало значительных усилий для толкования.

В самом деле, в сновидении два действующих лица — я и Хасбулатов. Я совершаю несколько действий, и каждое из них имеет свое значение. Появление фигуры Хасбулатова в сновидении не случайно. Во-первых, в 1993 году, когда мне приснилось данное сновидение, по телевидению довольно часто показывали этого человека, поскольку в то время он был спикером Верховного Совета России. Как и многие другие, я смотрел телерепортажи о заседаниях Верховного Совета, на которых Хасбулатов председательствовал. Причем незадолго до сновидения политическая обстановка в стране до того накалилась, что вызывала повышенный интерес у большинства россиян. Хасбулатов играл важную роль в противостоянии Ельцину как главе государства, и поэтому, следя за политическими событиями, я старался по возможности, не пропускать телепередач, в которых сообщались последние новости.

Кроме того, у меня было свое пристрастное отношение к Хасбулатову, которое отчасти предопределило интерес к его политической деятельности. Дело в том, что в 1974 году я несколько месяцев работал в одном научном совете, председателем которого был академик Джермен Гвишиани. Но поскольку Гвишиани был заместителем председателя Государственного комитета по науке и технике, то, естественно, он не мог уделять много времени научному совету, рабочее руководство которого было поручено Хасбулатову. Кстати сказать, в этом совете в то время работали такие фигуры, как Гавриил Попов и Сергей Красавченко, которые заняли впоследствии важные посты в политической жизни страны. Попов стал председателем Моссовета, а Красавченко — одним из помощников президента России. Так что в течение

нескольких месяцев я работал вместе с Хасбулатовым и отчасти знал стиль его руководства, манеру поведения и то, как и каким образом готовилась к защите его диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Поэтому нет ничего удивительного в том, что его фигура возникла в моем сновидении.

В сновидении я стою на тротуаре. Стою один, то есть сам по себе. Ни в какие команды, тем более политические, не вхожу. Ни к каким группировкам не примыкаю. Волею судьбы довелось работать вместе с теми, кто потом высоко взлетел. Нисколько не сожалею о том, что пошел своим путем. Более того, рад, что политика не затянула меня, как это случилось со многими учеными, включившимися в борьбу за депутатские кресла. Но полностью отрешиться от политики я не мог. Поэтому свое неучастие в реальной политической жизни компенсировал исследованием политических страстей, анализом ошибочных действий, совершаемых государственными лидерами. Но мне хотелось больше узнать в личном плане о тех, с кем некогда работал вместе. Отсюда появление в сновидении черного лимузина, возможность побыть вместе с Хасбулатовым и заглянуть хотя бы отчасти в тот мир, в котором живут люди, наделенные властью и пользующиеся особыми благами.

В сновидении я выхожу из машины и иду в магазин. Он олицетворяет собой частичку того мира, доступ к которому мне закрыт в реальной жизни. Я никогда не был в этом мире, но мне не хочется подавать виду, что я не знаю, как вести себя в новой для меня обстановке. Независимость — один из принципов моей личной жизни, и я пытаюсь показать окружающим, а быть может, и доказать самому себе, что могу оставаться независимым в мире достатка и материального благополучия. Я обращаю внимание на прилавки с товарами, которые дешевле, чем в обычном магазине. Это является отражением того положения, когда не имеющие высокого дохода простые смертные, вроде меня, вынуждены тратить значительные средства из своего семейного бюджета на удовлетворение самых элементарных потребностей, в то время как располагающие значительными средствами сильные мира сего пользуются различными льготами, включая возможность приобретать продукты питания и промышленные товары по более низким ценам.

Машинально возникшие у меня две мысли — отражение тех реалий, с которыми я столкнулся в жизни. «Хорошо же устроились те, кто вхож в этот магазин!» — это мысль, навеянная не столько завистью, сколько возмущением по поводу царящей в стране несправедливости. Подобная мысль присуща большинству россиян, возмущающихся безнравственным поведением политиков, пристроившихся к государственной кормушке. «Вот бы приобрести кое-что, а потом перепродать» — вторая мысль, связанная с желанием поправить свое материальное положение и пойти по пути большей части россиян, которые начали свое вхождение в рыночные отношения с купли-продажи как наиболее простого и быстрого приобретения начального капитала. В то время по всей Москве развернулись вещевые рынки, на которых многие жители столицы, включая интеллигенцию, пытались как-то найти средства к существованию, поскольку в результате шоковой терапии в экономике большинство простых смертных оказались в нищенском положении.

Кто-то подходит ко мне в магазине. Лица не видно, но я узнаю Хасбулатова. Ситуация та же, что и в лимузине. Смутные очертания лица, но и интуитивная догадка — Хасбулатов. В сновидении отражены мои двойственные чувства к этому человеку. Нет ни желания, ни необходимости, ни возможности встретиться с ним, и в то

же время я вижу его на экране телевизора, наблюдаю за его действиями, сравниваю их с его поведением более пятнадцати лет тому назад. Я знаю кое-что такое, что неведомо другим, работающим вместе с Хасбулатовым в Верховном Совете России. В свое время я был свидетелем того, как в 1974 году развертывались события в научном совете, связанные с противостоянием Хасбулатова и Красавченко. Я помню, чем закончилось это противостояние. И я имею возможность провести некоторые параллели между событиями 1974 года и происходящим в 1993 году противостоянием между Хасбулатовым и Ельциным, в свите которого, незримо для телезрителей и многих членов Верховного Совета России, находится Красавченко. Обладая только той информацией, которую могу почерпнуть из телевизионных репортажей, и не зная тонкостей закулисной политической борьбы, я тем не менее имею возможность провести параллели между прошлым и настоящим и понимаю, что противостояние первых лиц на Олимпе политической власти так или иначе приведет к определенной развязке.

Анализируя сновидение, я вспомнил, как на пресс-конференции по итогам работы VII Съезда народных депутатов России спикер Хасбулатов в такой форме выразил благодарность президенту, будто снисходительно похлопал его по плечу, а о выбранном премьер-министре Черномырдине сказал, что он «не новая лошадь, а испытанный конь». Известно фрейдовское сравнение сознания с всадником, а бессознательного с необузданным конем. Всадник только думает, что он управляет волей коня, в то время как конь, закусив удила, может выйти из-под контроля, и всаднику ничего не останется, как послушно следовать его воле.

Возникшие ассоциации невольно привели меня к мысли, что внутренние стремления бессознательного, прорвавшиеся у Хасбулатова наружу в форме приведенных выше словесных выражений, явствуют о том, что основные политические баталии с их плохо прикрытыми страстями еще впереди. Отнюдь не изысканная словесная вязь спикера по отношению к президенту и премьер-министру России может оказаться на бессознательном уровне всех трех действующих лиц тем пластом, сдвиг которого в ту или иную сторону вызовет всплеск нового накала политических страстей.

Этот вывод был сделан мною в феврале 1993 года, когда на примере оговорок государственных деятелей я занимался анализом политических страстей. Поэтому возникшие при анализе сновидения ассоциации были связаны с тем скрытым противостоянием, которое наблюдалось между Хасбулатовым и Ельциным и которое напомнило мне о когда-то имевшем место противостоянии между Хасбулатовым и Красавченко.

В сновидении Хасбулатов передает мне полиэтиленовую сумку и исчезает. Испытывая неудобство, я хочу переложить ее в свою, более объемистую, и обнаруживаю, что в переданной мне сумке находятся грязные клубни свеклы и остро отточенная пика. Этот отрывок текста сновидения воспринимается мной как желание Хасбулатова передать в другие руки оружие (пику), а самому оказаться в тени (уйти). Для меня закулисная борьба политических деятелей — это та грязь (грязная свекла), в которой они сами по уши увязли и в которую хотят втянуть других людей, не знающих подоплеки происходящих событий.

Но почему Хасбулатов передает мне остро отточенную пику и грязную свеклу? Ведь я не вхожу в его окружение и наши пути разошлись с ним еще в 1974 году! Этот

сюжет свидетельствует, видимо, о том, что он ищет себе союзников, которые могли бы его поддержать в противостоянии с президентом. Промелькнувшая мысль в сновидении — «Надо же, какая грязь, и зачем Хасбулатову острое оружие!» — воспринимается однозначно. Я никогда не занимался политикой, и меня не удастся втянуть в подобную грязь. Что касается острого оружия, то, очевидно, Хасбулатов не остановится ни перед чем и, судя по последним событиям в политической жизни страны, он готовится к решительному наступлению на президента. Остро отточенная пика — свидетельство его готовности к очередному столкновению с президентом страны, когда придется сражаться не на жизнь, а на смерть.

В сновидении я испытываю некое беспокойство оттого, что меня ждут в машине. С одной стороны, я уверен, что меня не удастся затянуть в грязь политических столкновений. Раньше я никогда не лез в большую политику и впредь не собираюсь отступать от своих принципов. С другой стороны, смогу ли я открыто сказать об этом тем, кто, возможно, на меня рассчитывает? Обычно я ни с кем не обсуждаю эти вопросы. Просто молча отхожу в сторону, не желая принимать участие ни в каких политических играх. Но в данном случае мне придется иметь дело с теми, кто ждет меня в черном лимузине. Ведь при мне находится переданная Хасбулатовым сумка с грязной свеклой и остро отточенной пикой. Рассчитывал ли он на то, что я передам эту сумку кому-нибудь из служащих магазина? Была ли это провокация с целью задержания меня с оружием в руках в общественном месте? Или это был тонкий расчет на то, что, не имея возможности избавиться от грязи и оружия в магазине, я буду вынужден пойти на сделку, которую мне сейчас предложат в машине?

Ничего не купив в магазине, выхожу из него. Вокруг ни души. Стою в растерянности, не зная, что делать. Одна из мыслей, возникших по ходу сна: «Вот бы приобрести кое-что, а потом перепродать» — оказалась нереализованной, так как я ничего не приобрел в магазине. Исполнение подобного желания при других обстоятельствах было бы вполне возможным, поскольку в реальной жизни происходило нечто похожее, связанное с книжной продукцией. Ранее незнакомые рыночные отношения не обошли меня стороной, и мне, как и многим другим ученым, пришлось заниматься мелким бизнесом, чтобы как-то продержаться на плаву после шоковой экономической терапии и прокормить свою семью, в которой росли трое детей. Возникшая в сновидении мысль — отражение реальности. Но поскольку в магазине я ничего не приобрел, это является свидетельством того, что имеется нечто более важное, а именно грязь и оружие, которые вызвали во мне неприятные ощущения. Я растерян, так как могу вновь столкнуться с теми людьми, которые остались в машине, и мне придется как-то объяснять, почему не собираюсь участвовать в их грязных делах. Растерян, поскольку не знаю, что буду говорить им и каким образом буду выходить из того положения, в котором оказался.

Из-за угла выезжает машина и направляется ко мне. Она останавливается возле меня. По всей вероятности, это должно вызвать во мне еще большее беспокойство. Думаю, что данный отрывок текста сновидения отражает те мысли, которые неоднократно приходили мне в голову наяву по поводу того, как я поведу себя в конкретной ситуации, если мне когда-нибудь придется столкнуться лицом к лицу с необходимостью сказать кому-то прямо в глаза о своих внутренних убеждениях.

Беспокойство во мне вызывает не проблема выбора, окунаться в политическую грязь или отойти в сторону. Такого выбора передо мной нет, так как уже давно я по-

нял для себя, что политика — дело грязное и если сам добровольно не испачкаешься в ней, то все равно рано или поздно тебя замарают. Мое беспокойство связано с тем, что может настать такой момент, когда придется не просто молча обойти стороной эту грязь, но и высказывать перед сильными мира сего свое негативное отношение как к ним, так и к политике в целом. А мне не хотелось бы делать этого, поскольку предпочитаю заниматься научной, преподавательской, терапевтической деятельностью и не вмешиваться ни в какую политику — ни в малую, ни в большую.

Данное желание как раз и нашло свое отражение в сновидении, поскольку мне не пришлось ни с кем объясняться по поводу грязной свеклы и оружия. Машина остановилась возле меня, и никакого продолжения действия не последовало, ибо сновидение на этом оборвалось и я, кажется, проснулся в тот момент.

Лишь один элемент сновидения вызвал у меня значительные затруднения. Это большие кварцевые часы, на которых отчетливо высвечивалось число 34. Первоначально я разбил его на цифры 3 и 4, усмотрев в них символику мужского и женского начала. Поскольку мои ассоциации в тот момент были связаны главным образом с политическими событиями в стране и больше ничего не приходило в голову в связи с этими цифрами, то я решил оставить их в покое в надежде на то, что позднее вернусь к дальнейшей их интерпретации. Помню только, что в тот момент испытывал внутреннее неудовлетворение от неспособности найти скрытый смысл, стоящий за этими цифрами. Однако по истечении нескольких дней все стало ясно. Дополнительной интерпретации не потребовалось, так как произошедшие в стране события дали исчерпывающий ответ на вопрос, что могла означать цифра 34.

Напомню, что изложенный выше сон я видел в ночь с 26 на 27 сентября 1993 года. Через неделю, 3–4 октября того же года произошла кровавая развязка политических событий в стране. В результате вооруженного столкновения между сторонниками Ельцина и теми, кто поддерживал Хасбулатова, Белый дом почернел от копоти пожарища, вызванного разрывами снарядов. Утром 3 октября я был в центре Москвы, читал лекцию студентам Высших женских курсов при Российском государственном гуманитарном университете, слышал отдаленные звуки выстрелов и имел возможность соотнести происходящие события с тем, что неделю тому назад нашло отражение в моем сновидении.

Должен сказать, что воспроизведенный выше анализ сновидения был осуществлен мной до кровавых событий октября 1993 года. В то время я читал лекции о психоанализе студентам педагогического колледжа и спецкурс по проблеме смысла и абсурдности человеческого существования — в Российском открытом университете. В своих лекциях я использовал данное сновидение в качестве примера работы бессознательного, давал свою интерпретацию наиболее примечательным деталям, вошедшим в текст сновидения. Основное внимание было уделено фигуре Хасбулатова, грязным овощам, наличию оружия и непонятной для меня цифре 34.

Признаюсь, что в то время мне не удалось расшифровать полностью всю символику бессознательного, имевшую место в сновидении. За символом грязной свеклы я увидел только политическую грязь, но не обратил должного внимания на кровавый цвет, который дает свекла. Цифру 34 расчленил на две составляющие — 3 и 4, усмотрев в них лишь символику мужского и женского начала. И только после кровавых событий 3–4 октября 1993 года стал очевиден скрытый смысл сна, приснившегося мне за неделю до этого. И хотя многие студенты, как, впрочем, и я, были

поражены предшествующим обращением внимания на цифру 34 (с ее разбиением на 3 и 4) и последующими событиями 3–4 октября, я все же был вынужден признаться в том, что овладение искусством толкования сновидений — задача весьма сложная, требующая глубинного понимания работы бессознательного.

Насколько случайным было мое сновидение? Почему я увидел его за неделю до кровавых октябрьских событий? Не оказались ли личностное сновидение и реальная политическая жизнь России нанизанными на стержень некой закономерности, оказавшейся за пределами понимания со стороны сознания?

Очевидно, проявившееся во сне бессознательное не только явилось предвестником событий ближайшего будущего, но и в символической форме указало на точную дату свершения этого события, которое вошло в историю России. Другое дело, что мы редко обращаем внимание на символику бессознательного и, по сути, утратили способность понимать ее, в результате чего многое в нашей жизни остается непонятным. Но это уже проблема нашего собственного бытия, а не логики развертывания бессознательного, вбирающего в себя исторический опыт далекого прошлого, индивидуально-личностную и коллективную сиюминутность настоящего, потенциальную и возможную событийность будущего.

Из приведенного выше примера сновидения и его анализа я извлек для себя несколько выводов.

Во-первых, даже самое простое, легко объяснимое на первый взгляд сновидение может включать в себя ряд смысловых значений, выявление которых требует пристального внимания и значительных усилий.

Во-вторых, если в процессе толкования сновидений становятся понятными скрытые за его содержанием мысли, то это еще не означает, что наше собственное понимание целиком и полностью соответствует тому, что лежит в основе данного сновидения и что наше бессознательное хотело сказать нам во время сна.

В-третьих, не следует сбрасывать со счетов то обстоятельство, что за выявленным в процессе толкования смыслом сновидения может скрываться еще одно, более глубокое его значение. Его обнаружение оказывается доступным только в том случае, если не обольщаешься насчет своей прозорливости, вытекающей из предшествующего терапевтического опыта.

В-четвертых, трудности и неудачи собственного толкования сновидений не менее ценный и полезный опыт самоанализа, чем удачные и содержательные толкования сновидений пациентов, способствующие лучшему пониманию их внутренних влечений и желаний, психических сил и состояний.

В-пятых, почерпнутые из идейного наследия классического психоанализа теоретические конструкции и интерпретационные схемы могут служить лишь отправной точкой при анализе сновидений. Окончательная же интерпретация предполагает открытость исследователя к многообразным возможностям проявления бессознательного и его готовность в случае необходимости выйти за рамки позитивных результатов, некогда достигнутых на основе ранее использованных предположений и технических приемов толкования сновидений.

Итак, проявление бессознательного в сновидениях может быть рассмотрено не только с точки зрения попытки удовлетворения желаний человека, истоки зарождения которых следует непременно искать в прошлом, на чем акцентировал внимание Фрейд, но и в плане открытости человека к будущему, когда его бессознательное

устремляется за пределы сознания к тому, чего еще нет, но что смутно зреет в настоящем, чтобы реализоваться в ближайшей или отдаленной перспективе.

Известны случаи, когда в сновидениях людей отражались события, очевидцем которых сновидящий не был, но которые имели место или в момент сна, или по истечении какого-то времени.

Так, Михайло Ломоносов, находясь на стажировке за границей, увидел в своем сновидении, где, как и при каких обстоятельствах погиб его отец, занимавшийся промыслом рыбы на Севере России. Рыбаки не могли найти его отца, в то время как Ломоносов, находясь далеко от своего дома, точно указал место его гибели.

Юнг утверждал, что неоднократно видел сновидения, в которых перед ним представала картина того, как в середине лета настает арктический холод, вся земля покрывается льдом и все, что было зеленым, закоченело и погибло. До этого у него были видения, в которых чудовищный поток, простиравшийся от Англии до России, от Северного моря до подножия Альп, уничтожал все живое на своем пути, желтые волны несли обломки различных предметов и бесчисленные трупы и потом все превратилось в море крови. Видения были у Юнга в конце 1913 года, сновидения подобного рода — в апреле, мае и июне 1914 года. А 1 августа началась мировая война.

Фрейд занимал своеобразную позицию в отношении подобного рода сновидений. Он не считал, что сновидения можно использовать для предсказания будущего. Напротив, основатель психоанализа настаивал, что сновидение предназначено для ознакомления с прошлым. С его точки зрения, сновидение всегда и в любом смысле проистекает из прошлого, однако и вера в то, что сновидение раскрывает перед нами будущее, не лишена доли истины. Вместе с тем он полагал, что, перенося человека в будущее, сновидение рисует перед ним такую картину осуществления желания, в которой это будущее воспроизводит прошлое. Поэтому, возвращаясь к древней традиции толкования сновидений, Фрейд в то же время по-новому подходил к их рассмотрению. Он анализировал сновидения не для того, чтобы использовать психоаналитические знания для предсказания будущего. Основная цель и задача психоаналитического их толкования состоит в том, чтобы обнаружить их скрытый смысл, уходящий своими корнями в прошлое.

Речь идет не о том, что, в отличие от некоторых специалистов по сновидениям, усматривающих в их содержании исключительно некие знаки будущего, Фрейд вообще не признавал за отдельными сновидениями их ориентации на будущее. Он допускал возможность, что сновидение способно раскрывать перед человеком будущее. Но он был противником различного рода спекуляций на этот счет, так как считал, что прорисованное в сновидении будущее можно понять и объяснить, исходя из настоящего и прошлого.

Бессознательное черпает материал из прошлого и настоящего. Его отражение в сновидении сопровождается такой внутрипсихической работой, в результате которой может создаваться нечто, чего еще не было в реальной жизни. Основываясь на прошлом и настоящем, бессознательное способно породить такое видение, которое в прямой или опосредованной форме предоставляет человеку возможность задуматься над грядущим. Нечто подобное имело место и в том моем сновидении, в котором, казалось бы, произвольно взявшаяся неизвестно откуда цифра 34 на самом деле включала в себя вполне определенный смысл, реальную значимость которого мне не удалось, к сожалению, распознать в процессе толкования этого сновидения.

Она стала очевидной для меня лишь несколько дней спустя, продемонстрировав тем самым необходимость более внимательного отношения к собственным сновидениям.

Если работа сновидения заключается в переводе скрытых мыслей в явное его содержание, то толкование сновидения представляет собой противоположный процесс. Оно предполагает осуществление перехода от явного содержания сновидения к скрытым его мыслям и основано на понимании элементов сновидения и техники их толкования.

Далеко не все сновидения являются ясными и прозрачными для понимания их смысла. Первоначальная попытка постижения сновидения в его целостности оказывается, как правило, безрезультатной. Психоаналитический подход к анализу сновидений основывается на том, что прежде всего следует разбивать их на части, на составляющие элементы, чтобы тем самым человек мог предаться своим свободным ассоциациям, соотнесенным именно с отдельными элементами того или иного сюжета, той или иной картины, того или иного лица, которые отражены в тексте сновидения.

Фрейд полагал, *что сновидение как целое является искаженным заместителем бессознательного.* Задача толкования сновидения — найти это бессознательное. Соответственно, понимание элемента сновидения заключается в том, что он выступает в качестве заместителя чего-то другого, неизвестного видевшему сон. Техника толкования состоит в вызывании к элементу сновидения других замещающих его представлений, из которых можно узнать скрытое бессознательное.

При толковании сновидений необходимо придерживаться трех правил, которые в формулировке Фрейда выглядят следующим образом.

Во-первых, не нужно обращать внимание на то, что представляет собой сновидение, простое ли оно или сложное, осмысленное или абсурдное, так как оно не является скрытым бессознательным.

Во-вторых, к каждому элементу сновидения необходимо вызывать замещающие представления. При этом не следует задумываться о них, обращать внимание на то, содержат ли они что-то подходящее или отклоняются от элемента сновидения.

В-третьих, нужно выждать, пока скрытое бессознательное возникнет само.

Следование этим правилам оказывается делом простым только на первый взгляд. На самом деле как только начинаешь приступать к толкованию сновидения, так сразу же наталкиваешься на что-то непонятное, мешающее работе толкования. Подчас оказывается, что в голову не приходят никакие ассоциации, которые можно было бы отнести к тому или иному элементу сновидения. Или, напротив, возникает несколько ассоциаций, но ни одна из них, как представляется, не имеет ни прямого, ни косвенного отношения к сновидению или его отдельным элементам. Или могут возникнуть такие мысли, которые вызывают внутреннее неприятие, поскольку они соотносятся с чем-то нехорошим, неприличным, антисоциальным. Одним словом, возникает то, что Фрейд назвал сопротивлением толкованию.

Если при работе сновидения действенную силу приобретает цензура, ведущая к всевозможным искажениям его содержания, то при толковании сновидения на передний план выступает сопротивление.

По своему функциональному значению сопротивление толкованию оказывается не чем иным, как объективацией цензуры сновидения. Поэтому, приступая к толкованию сновидения, необходимо учитывать, что сопротивление толкованию может

заявлять о себе в самых разнообразных формах. Простейшая из них заключается в нежелании подвергать толкованию свое собственное сновидение.

Учитывая фактор сопротивления толкованию сновидений, Фрейд разработал соответствующую технику толкования. Она предполагает соблюдение важного условия — не исключать ни одной мысли, если даже против нее возникают различные возражения. Возражения, например, что данная мысль незначительна, второстепенна, бессмысленна, не относится к делу или о ней неприлично говорить.

Подобного рода возражения часто возникают не только при толковании сновидений, но и при восприятии того или иного толкования со стороны тех, кому оно предлагается. Нередки случаи, когда при толковании сновидения пациента аналитик сталкивается с резко негативным отношением к тому, каким образом он интерпретирует рассказанное ему сновидение. Аналогичные ситуации имеют место и в том случае, если толкование сновидений выходит за пределы терапевтической работы.

Наглядным примером того может служить неприятие толкования одного из элементов собственного сновидения, предложенного в качестве иллюстрации к материалу о политических страстях. Это было связано со статьей, которую мне предложили написать для одного из журналов и в которой я представил размышления о некоторых ошибочных действиях политических лидеров, а также о своем собственном сновидении. Поскольку в контексте обсуждаемой проблематики данное сновидение может служить примером, как и каким образом осуществляется работа бессознательного, то я сначала приведу его, а потом покажу, какое сопротивление вызвало толкование одного из его элементов.

В ночь с 9 на 10 декабря 1992 года мне приснился довольно длинный и сумбурный сон. Нет необходимости воспроизводить его полностью, тем более что в нем содержались разнообразные сюжеты, которые отчасти ускользнули из моей памяти. Но среди того сумбура, который мне приснился в ту ночь, один из сюжетов настолько заинтриговал меня, что я тут же по пробуждении записал его. Судя по всему, избирательная память в тот момент оказалась такой, что дала возможность воспроизвести именно данный сюжет, а не какой-то другой.

Итак, с незначительными, не имеющими принципиального значения сокращениями приведу часть сновидения, дословно записанную мной после пробуждения и являющуюся в данном контексте, как мне представляется, наиболее существенной и важной.

...Я нахожусь в каком-то здании. Иду по широкому коридору. Дохожу до конца, где вахтер проверяет пропуска тех, кто переходит в другой коридор. Возвращаюсь обратно. Неожиданно замечаю комнату, на двери которой табличка с буквой «М»... Захожу. Вижу ряд кабинок. Перед каждой стоит очередь из двух-трех человек. Почему-то у кабинок и мужчины, и женщины... Выхожу... Направляюсь в большой удлиненный зал заседаний. Идет защита докторской диссертации. Диссертант отвечает на вопросы. У него округлое лицо. Он держит себя независимо и свободно... Члены ученого совета встают с мест, выходят из зала, возвращаются, мешают слушать... Название диссертации «Тропы и геймы». Появляется один из оппонентов. Он размахивает руками... Говорит, что с помощью понятия «геймы» диссертанту удалось многое понять...

Что же может означать данное сновидение, точнее, приведенная его часть? О чем оно свидетельствует? Какая здесь имеется связь между моей личной жизнью и теми

политическими событиями, которые происходили в то время в стране? Что скрывается за отдельными элементами сновидения? Каковы те неявно выраженные мысли, которые, возможно, лежат в основе увиденного мною текста сновидения?

Первое, что бросается в глаза, — это период времени, когда мне приснился сумбурный сон. Накануне 9 декабря и по радио, и по телевидению я слушал и смотрел работу VII Съезда народных депутатов России. Узнал, что в результате тайного голосования Гайдар не был избран премьер-министром.

Отдельные детали сновидения указывают на те события, которые происходили на съезде накануне. Правда, они присутствуют в сновидении в искаженном, замаскированном виде, что весьма характерно для проявления бессознательного. Однако их толкование не представляет какой-либо трудности, как и толкование других деталей сновидения, относящихся к более отдаленному прошлому.

Первая часть отрывка сновидения (какое-то здание, коридор, вахтер, проверка пропусков) напоминает мне главное здание Московского государственного университета на Воробьевых горах. В конце 60-х годов я, будучи студентом Ленинградского университета, приехал на семимесячную стажировку в МГУ и на протяжении двух месяцев жил в общежитии, расположенном в главном корпусе. С этим у меня связаны как приятные, так и неприятные воспоминания. Я с интересом знакомился с Москвой, историческими достопримечательностями, архитектурными памятниками, театрами, библиотеками. Но были и неприятные воспоминания, когда мне пришлось уйти из МГУ, так как в свое время я досрочно сдал все экзамены за год вперед и администрация философского факультета не знала, как же осуществлять контроль во время моей стажировки. Пришлось расстаться со своими опекунами. Зато я имел возможность самостоятельно заниматься в московских библиотеках на протяжении нескольких месяцев. Но мне уже нельзя было жить в общежитии МГУ, и приходилось прилагать определенные усилия, чтобы проскакивать на нелегальный ночлег мимо вахтеров, проверявших у университетских студентов пропуска. В первой части сновидения как раз и содержится все то, что мне пришлось видеть и с чем пришлось сталкиваться 32 года тому назад.

Комната, на двери которой табличка с буквой «М», — ассоциация с тем, что происходило на VII Съезде народных депутатов России перед голосованием за и против Гайдара. Захожу в эту комнату — подспудное желание видеть, кто конкретно из депутатов проголосует за утверждение Гайдара в должности премьер-министра, а кто — против. Кабинки, перед которыми стоят в очереди мужчины и женщины, — кабинки для тайного голосования, где депутаты совершили то, что недостойно делать в приличном обществе в присутствии других людей.

Удлиненный зал заседания, в котором идет защита докторской диссертации, — зал заседания, где проходил VII Съезд народных депутатов России. В явном содержании сновидения речь идет об ученом совете, в скрытых мыслях — о происходящем на Съезде народных депутатов. Мне неоднократно приходилось участвовать в заседаниях ученых советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, в то время я сам был членом двух таких советов. Кроме того, несколько лет тому назад довелось побывать и в роли диссертанта, испытав на себе все тяготы, которые порой обрушиваются на него. Так что в замене заседания Съезда народных депутатов (накануне приснившегося сновидения) заседанием ученого совета по защите докторской диссертации (в сновидении) нет ничего особенного.

У диссертанта округлое лицо — облик Гайдара, выступающего с докладом. Диссертант держится свободно, отвечает на вопросы — отражение поведения Гайдара, выступавшего с докладом и отвечавшего на вопросы депутатов. Члены ученого совета встают с мест, выходят из зала, возвращаются, мешают слушать — типичная картина на заседаниях различных комиссий и съездов народных депутатов, когда кое-кто из народных избранников позволяет себе перебивать других, разговаривать во время выступлений своих коллег, вставать с мест и толпиться у микрофонов в ожидании произнесения очередной реплики. Размахивающий руками оппонент — типичный образ тех народных депутатов, которые подкрепляют косноязычие своей речи характерными жестами рук.

Все эти отдельные части и элементы сновидения вполне понятны и объяснимы. Недоумение вызывает лишь одна незначительная по объему часть, которая на первый взгляд кажется излишней, абсурдной, не вписывающейся в общую канву сновидения. Речь идет о мало что говорящем названии темы диссертации «Тропы и геймы» и утверждении оппонента, что с помощью понятия «геймы» диссертанту удалось многое понять. Почему в названии диссертации стоит слово «тропы», еще можно понять. Во всяком случае, речь может идти о направлении развития России. Не пути или дороги, а именно тропы, чуть обозначенные, непроторенные, ведущие неведомо куда. Те тропы, по которым ранее не доводилось ходить россиянам.

Но откуда взялось столь странное название «геймы»? Период времени, по аналогии с игрой в теннис — гейм? Производное от понятия «Гея» — Земля? Или, быть может, еще нечто такое, чему мое бессознательное придает особое значение? Первое и второе толкования понятия «геймы» оказались в поле моего сознания позднее, когда я предложил студентам подумать над тем, что бы это могло означать. Я же в момент интерпретации сновидения исходил из того, что «геймы» — это слово-образование, состоящее из двух понятий «гей» и «мы». Такова была у меня первая ассоциация с прозвучавшим в сновидении словом «геймы».

«Гей» — термин, принятый в литературе и в обиходной речи для обозначения людей, придерживающихся определенной сексуальной ориентации, для обозначения гомосексуалистов. «Мы» — это действительно мы, хотя так и хочется сказать «они», то есть депутаты. Ведь именно они, составляющие большинство депутатского корпуса, что называется, «изнасиловали» Гайдара. Однако в том-то и дело, что не только они, большинство депутатов, но и все мы оказались геями. Мы их избрали, мы им доверили решать судьбу России, мы согласились, чтобы они повели нас по ранее неизведанным тропам. Причем мы оказались одновременно и своего рода жертвами. В том смысле, что существовавшая до сих пор система с ее нецивилизованной политической культурой постоянно «насиловала» нас. В ее рамках мы были и объектом, и субъектом насилия.

Власть имущие покушались на наше мышление и поведение. В свою очередь, будучи объектом насилия, нижестоящие своей покорностью и заигрыванием с верхами соблазняли вышестоящих. На всех ступенях пирамиды власти существовали свои правила игры, когда пострадавший от насилия со временем имел возможность отыграться на подчиненных ему людях. Тому, кто продвигался по партийной линии, приходилось постоянно подставляться. Он сам, что называется, расстилался перед вышестоящим партийным функционером, который мог использовать его, как хотел. Строптивые выбывали из игры. Честолюбивые, подавляя в себе все человеческое,

подстраивались под настроение вышестоящих, исполняя все их приказы, желания и прихоти. И так было во всех сферах жизни нашего общества.

Вспоминаю, какое «добровольное изнасилование» совершалось порой в научном мире. Некоторые ученые, рассчитывавшие со временем стать членами-корреспондентами и действительными членами Академии наук, сами предлагали свои услуги директорам институтов по написанию статей и книг, добровольно или под нажимом отдавая им свое авторство. Получив гласное или негласное одобрение, они фактически заставляли других сотрудников участвовать в этой порочной практике, являвшейся, по сути дела, «научной проституцией». Нередко оказывалось так, что целая группа ученых трудилась над каким-либо изданием, позднее выходившим в свет под фамилией директора института. Разумеется, это не доставляло радости рядовым кандидатам и докторам наук, но многие из них были вынуждены идти на «духовное изнасилование», поскольку отказ от него подчас граничил с потерей работы. Или, во всяком случае, с установлением таких отношений между сотрудниками и руководством института, при которых дальнейшая исследовательская деятельность оказывалась под большим вопросом.

Гомосексуализм, как и иные виды сексуальной ориентации, может выражаться в различных формах. Насилие не является ни его специфической чертой, ни основной характеристикой. Оно становится преобладающим лишь в определенных условиях. Так, например, в условиях тюремного заключения гомосексуализм часто приобретает насильственную форму, способствующую унижению и подчинению слабых телом и духом людей той силе и власти, которой обладают паханы. В нашем прежнем обществе символически выраженный гомосексуализм с его явным насилием над духом человека был широко распространенным явлением.

Пожалуй, можно было бы сказать, что насилие над телом и духом стало нормой той экономической и политической культуры, в которой мы пребываем до сих пор. Никто не чувствует себя свободным от насилия. Ни низы, неоднократно обкраденные своим государством и вынужденные влачить нищенское существование. Ни верхи, так как даже президент страны может быть на глазах многомиллионных телезрителей унижен, оскорблен и фактически «изнасилован» теми депутатами, которые сами жаждут верховной власти. Ни пенсионеры, шокированные ростом цен, намного опережающим их скромные пенсии, и не имеющие возможности приобретать необходимые им для жизни лекарства и продукты питания. Ни преуспевающие бизнесмены, владеющие престижными машинами, загородными домами и недвижимостью за границей, но постоянно опасающиеся за свою жизнь, поскольку заказные убийства стали обыденной приметой наших дней.

Наверное, можно по-разному оценивать существующую экономическую и политическую культуру в современной России. Однако, полагаю, не будет ни малейшим оскорблением, если в свете вышеизложенного придется назвать ее гейкультурой. Ее отличие от предшествующей культуры заключается лишь в том, что раньше физическое и духовное насилие над людьми осуществлялось главным образом благодаря идеологическому воздействию, в то время как в настоящее время это насилие обусловлено экономическими факторами жизни.

Толкование появившегося в сновидении названия диссертации «Тропы и геймы» вызвало такие ассоциации, которые привели к рассмотрению гейкультуры. Но если подобное толкование сопровождалось у меня размышлением над тем, что пред-

ставляет собой эта гейкультура, то у кого-то другого оно может вызвать внутреннее сопротивление и неприятие. Именно это и имело место в редакции журнала, один из сотрудников которого предложил мне написать статью о психоаналитическом видении политических страстей в России.

В тексте статьи я воспроизвел вышеизложенное сновидение. Ни сама статья, ни это сновидение не вызвали особых негативных эмоций со стороны тех, кто читал ее в редакции журнала. Она была принята к печати. Перед ее публикацией у меня состоялась встреча с главным редактором журнала. Тот расхваливал статью, говорил о том, что ее вскоре напечатают, но высказал одно пожелание, которое повергло меня в смущение. Редактор сказал мне, что гомосексуализм не такое распространенное явление в нашей культуре; что можно было бы обойтись в статье без упоминания понятия «гей». Он привел еще какие-то аргументы по этому поводу, но главное сводилось к следующему. Давайте, говорил он, изменим название диссертации, фигурирующее в вашем сновидении. «Тропы и геймы» вызывают какие-то ненужные ассоциации. Пусть остаются «тропы», но вот вместо слова «геймы» поставим какое-либо другое выражение.

В свою очередь, я постарался доходчиво объяснить главному редактору журнала, что название «Тропы и геймы» не мной придумано наяву, а пришло ко мне в сновидении и потому оно есть объективная данность, не зависящая от субъективного восприятия того, насколько неблагозвучным или непристойным оно представляется мне самому или кому-то другому. Данное словосочетание появилось в сновидении не случайно, и оно включает в себя определенный смысл, раскрытие которого как раз и становится одной из составных частей психоаналитического подхода к пониманию бессознательного.

Однако, несмотря на все мои объяснения, главный редактор настаивал на своем. По мере нашего дальнейшего разговора стала очевидной безуспешность моих попыток убедить его в том, что сновидение — это не тот текст, который подлежит редактированию извне. Мне не оставалось ничего другого, как заявить о том, что то изменение, которое главный редактор хочет внести в статью, совершенно неприемлемо и я даю свое согласие на ее публикацию лишь в том случае, если словосочетание «тропы и геймы» сохранится в первоначальном виде.

Чем можно объяснить неприятие главным редактором словосочетания «тропы и геймы»? Почему у него возникло столь сильное внутреннее сопротивление против понятия «гей»? С чем связано то, что у него не было никаких возражений против содержащихся в статье рискованных сюжетов, относящихся к здравствующим политическим лидерам, и в то же время вполне безобидное слово «гей» вызвало столь бурную реакцию?

В начале 90-х годов, когда обсуждалась моя статья, главный редактор журнала не испытывал какого-либо идеологического давления, которое ранее ощущали на себе все издательства. Он мог смело публиковать в своем журнале острые и разоблачающие политиков материалы, в том числе и на сексуальные темы. Поэтому неприятие понятия «гей» не было связано с какими-либо идеологическими соображениями. Судя по тому, с какой горячностью он говорил о гомосексуализме как таковом, можно было заключить, что эта тема волнует его прежде всего как человека. Внутреннее сопротивление главного редактора журнала против использования в статье понятия «гей», скорее всего, было связано с какими-то личными воспоминаниями и переживаниями.

Интересно отметить, что у него не возникло негативных эмоций против использованного в статье выражения «изнасилование». Более того, как потом выяснилось, в опубликованном без моего ведома варианте статьи оказались и такие изменения, как, например, выделение жирным шрифтом названия «изнасилование в коридорах политической власти». В символически выраженной форме политический гомосексуализм был для главного редактора вполне приемлемым явлением, в то время как словосочетание «тропы и геймы» вызвало негативную реакцию.

По-человечески мне понятно внутреннее сопротивление главного редактора журнала при его ознакомлении с моим толкованием сновидения, точнее, интерпретацией названия диссертации «Тропы и геймы». Когда я писал статью для журнала, то поймал себя на том, что у меня самого возникло определенное сопротивление. Появилась мысль — не лучше ли, что называется, от греха подальше умолчать о незначительной по объему части сновидения, связанной со странным названием диссертации, и сосредоточить внимание на интерпретации всего того, что напрямую связано с политическими страстями?

Ведь, ознакомившись с предложенным толкованием названия диссертации «Тропы и геймы», кое-кто из читателей может составить нелестное представление об авторе статьи. Его рассуждения могут выглядеть следующим образом: «Коль скоро автору статьи пришла на ум ассоциация слова "геймы" с понятием "гей", то это связано, видимо, с его сексуальной ориентацией, так как каждый думает о том, что волнует его самого». Аналогичная мысль может прийти в голову и читателю данного учебника. Так что можно понять мое внутреннее сопротивление, которое возникло в период написания статьи и которое я отчасти испытываю по мере того, как пишу эти строки.

С подобного рода сопротивлениями против толкования сновидений, в которых могут содержаться сюжеты, компрометирующие сновидца, сталкивается, по всей вероятности, каждый, кто занимается самоанализом. Но еще большее сопротивление возникает в том случае, если приходится говорить публично о своем толковании собственного сновидения.

Одно из правил психоаналитического толкования сновидений гласит, что человек не вправе исключать ни одной возникшей у него мысли по поводу своего сновидения или отдельного его элемента, если даже какая-либо мысль вызывает возражение против того, что об этом неприлично думать и тем более говорить вслух. Тот, кто ради поддержания своего престижа в глазах окружающих отступает от этого правила, не должен браться за подобного рода работу. Но уж коль скоро пишешь о сновидениях, работаешь с пациентами, требуя от них искренности, и занимаешься самоанализом, то следует быть честным и перед самим собой, и перед студентами, и перед теми, кто знакомится с данным учебником. В противном случае учебник по психоанализу превращается в абстрактное изложение основных психоаналитических положений, не дающих почувствовать живую ткань аналитической работы.

Спустя какое-то время после написания и опубликования работы «Толкование сновидений» Фрейд не советовал повторять свой опыт, поскольку анализ и последующее изложение собственных сновидений требуют откровенности и честности, что может обернуться против того, кто это делает. Разумеется, каждый аналитик по-своему решает, следует ли ему внять этому совету или поступить так, как он считает нужным. Большинство психоаналитиков предпочитают говорить о сновидениях

своих пациентов и умалчивать о собственных. Это их право, тем более что часто взаимоотношения между психоаналитиками таковы, что, обладая психоаналитическими знаниями и имея навыки терапевтической работы, они смотрят друг на друга с позиции «врач – пациент». Более того, они находят у своих коллег симптомы психических заболеваний и не прочь использовать материалы учебного анализа или какие-либо откровения, включая сновидения, в качестве подтверждения того диагноза, который они поставили коллеге. Я же исхожу из того, что отражение личного опыта аналитической работы в рамках учебника может оказаться полезным в плане осознания тех трудностей и проблем аналитического характера, с которыми придется иметь дело тому, кто захочет получить психоаналитическое образование и использовать его в своей практической деятельности.

Из всего вышеизложенного нетрудно понять, что толкование сновидений, особенно своих собственных, точно так же, как и его восприятие, может вызывать очень сильное сопротивление. В результате раскрытие смысла сновидения и познание бессознательного оказываются непосильной задачей для человека, незнакомого с психоанализом. Вот почему следует со всей серьезностью отнестись к психоаналитическому методу и технике толкования сновидений. Даже если первоначальное знакомство с ними у кого-то вызовет внутренний протест против тех психоаналитических идей, которые покажутся явной нелепостью с точки зрения рационального мышления и нравственного сознания. Особенно это касается внутреннего сопротивления, связанного с восприятием или, точнее, неприятием психоаналитического понимания символической деятельности бессознательного в сновидениях, имеющих отношение к сексуальности.

Согласно Фрейду, искажающая деятельность сновидения осуществляется благодаря цензуре, направленной против непристойных, аморальных, асоциальных бессознательных желаний человека. Но цензура — это не единственное, что затемняет сновидение и затрудняет обнаружение его подлинного смысла. Есть еще нечто такое, что также способствует маскировке мыслей сновидения и затрудняет открытое проявление в нем непристойных бессознательных желаний. Речь идет о символике, которая, с точки зрения Фрейда, является, быть может, наиболее примечательной частью психоаналитических воззрений на сновидения.

Изречения

З. Фрейд: «То, что оказалось возможным при забывании имен, должно удасться и при толковании сновидений; идя от заместителя через связывающие ассоциации, можно сделать доступным скрытое собственное (содержание). По примеру забывания имен мы можем сказать об ассоциациях с элементом сновидения, что они детерминированы как самим элементом сновидения, так и собственным бессознательным (содержанием)».

З. Фрейд: «Наша техника исследования сновидений очень проста... Мы вновь спросим видевшего сон, откуда у него это сновидение, и первое его высказывание будем считать объяснением. Мы не будем обращать внимание на то, думает ли он, что что-то знает, или не думает, и в обоих случаях поступим одинаково».

З. Фрейд: «Только опыт и практика могут установить, насколько глубоким может быть в действительности понимание сновидения. Я полагаю, что очень глубоким, и сравнение результатов, которые получают правильно обученные аналитики, подтверждает мою точку зрения».

Символический язык бессознательного

Фрейд исходил из того, что *элемент сновидения — это символ бессознательной мысли сновидения.* Для различных элементов сновидения можно найти одни и те же переводы или замещения, являющиеся постоянными, неизменными. То есть существует такое постоянное отношение между элементом сновидения и его переводом, замещением, которое он назвал символическим. Это означает, что частичное толкование сновидений может быть достигнуто без помощи свободных ассоциаций. Скажем, если при использовании соответствующей техники все же не удается вызвать ассоциации, позволяющие понять смысл какого-то элемента сновидения, то можно попытаться самому истолковать этот элемент, опираясь на знание символики и не расспрашивая видевшего сон о том, что, на его взгляд, означает данный элемент.

Если между сновидением и бессознательным существует символическое отношение, то это означает, что толкование сновидений должно опираться на знание символики бессознательного. В таком случае психоаналитический подход к толкованию сновидений становится разновидностью того толкования, которое использовалось в древности и опиралось на различного рода сонники. Но это не совсем так. Ведь, с одной стороны, Фрейд, как уже подчеркивалось, акцентировал внимание не на будущем, а на прошлом. С другой стороны, он опирался преимущественно на ассоциативную технику толкования. Опора на символическое отношение между сновидением и бессознательным — важная, но все же не основная, а скорее дополнительная составляющая часть толкования, исходящая из ассоциативной техники.

Как уже отмечалось, Фрейд не был первооткрывателем бессознательного. Он не был первым и среди тех, кто указал на наличие символического отношения между сновидением и бессознательным. Задолго до Фрейда пытливые умы человечества обратили внимание на символическую деятельность человека, а некоторые из них — на символику, находящую свое отражение в сновидениях. Сам Фрейд ссылался на философа Шернера, опубликовавшего в 1861 году работу «Жизнь снов». В ней были рассмотрены различные символы и, в частности, такой наиболее типичный и постоянный символ, как дом, отображающий в сновидении, по мнению автора данного труда, человека в его целостности. По его собственному выражению, психоанализ только подтвердил открытия Шернера, хотя и основательно видоизменил их.

Мир символики многообразен. Однако проявление символов в сновидениях ограничено. Точнее было бы сказать, что число символически изображаемых в сновидении предметов не так велико, как это может показаться на первый взгляд. Например, рождение изображается, как правило, разнообразным отношением к воде, смерть — отъездом или уходом, женское начало — землей или деревом.

Большинство же символов используются в сновидении для выражения сексуальных объектов, отношений, действий. Во всяком случае, Фрейд утверждал, что *между символами и сексуальностью существуют самые тесные отношения и сексуальная*

символика играет важную роль в сновидениях. Так, священное число «три», разнообразные виды оружия — пистолеты, автоматы, копья, различной формы ключи — все это изображает в сновидениях мужские гениталии. Всевозможные сосуды, бутылки, коробки, раковины, шкатулки для драгоценностей — изображение женских половых органов. Полеты на самолетах, гонки на машинах, перемещение в лифтах, парения в воздухе — сексуальное возбуждение. Танцы, подъемы, насильственное применение оружия, ритмическая деятельность — сексуальные акты. Срывание веток — онанизм, а выпадение или вырывание зубов — кастрация как наказание за онанизм.

На первый взгляд все это может показаться неким бредом, вызванным к жизни сексуально озабоченным человеком. На самом деле сексуальные символы — не произвольная выдумка Фрейда. Знание этих символов почерпнуто из различных источников, включая сказки, мифы, народные обычаи, фольклор, поговорки, поэтические сравнения. Исторические материалы указывают на то, что в примитивных культурах половым органам и функциям приписывалась чуть ли не божественная роль. Мужские и женские половые органы возводились в культы, которым поклонялись люди. Этнографические исследования и археологические находки свидетельствуют, что в примитивных произведениях искусства находили свое отражение сексуальные символы. Сохранились наскальные рисунки, древние памятники, всевозможные брелоки и украшения, на которых изображались мужские гениталии и женские половые органы. Шутки и анекдоты, в основе которых лежит сексуальная тематика, свойственны и современным людям.

Во многих культурах и добывание огня соотносится с сексуальностью. У древних индусов и южных африканцев добывание огня символизирует половой акт. Для них кусок дерева с небольшой выемкой является символом женских половых органов или богини; стоящий кусок дерева или обломанная ветка — половой орган мужчины или бога. История о рождении Александра Великого повествует, что в день перед свадьбой его матери Олимпии приснился сон, в котором она увидела, как во время бури сверкнувшая молния попала в ее лоно, откуда вырвался огонь. У некоторых народов был обычай при засевании земли зернами совершать половой акт на пахотной земле, чтобы был богатый урожай. Отождествление оплодотворения у человека и природы отражено в языке многих народов мира — мать-земля, семя, пахота и т. п. Так, в восточных, греческом и латинском языках слово «пахать» чаще всего употреблялось в значении «совершать коитус».

Во многих древних мифах и легендах огонь является символом фаллоса. Например, в легенде о римском царе Сервии Туллии. Мать царя, Окрисия, была рабыней в доме царя Тарквиния. В ее обязанности входило подносить жертвенные лепешки и вино к царской печи. Однажды, когда она исполняла возложенную на нее обязанность, из печи вырвалось пламя, причем в форме мужского полового органа. Так Окрисия зачала от духа огня и по истечении положенного времени родила Сервия Туллия. Ссылаясь на эту легенду, Фрейд заметил, что не может быть сомнений относительно мифологического значения огня, олицетворяющего собой фаллос.

С древних времен многие вещи и понятия включали в себя сексуальную символику, которая уходит своими корнями в историческое прошлое человечества. В виде гениталий изображались декоративные украшения и домашняя утварь, будь то вазы или обычные чашки для питья. Сексуальные символы встречаются и в различного

рода религиозных текстах, несмотря на то что религия осуждала сексуальность как нечто греховное и демоническое. Ссылаясь на статью Л. Леви «Сексуальная символика Библии и Талмуда» (1914), Фрейд привел несколько примеров подобной символики. В Новом Завете женщина — «сосуд скудельный». Священное Писание евреев насыщено сексуально-символическими выражениями, а в поздней еврейской литературе распространено изображение женщины в виде дома, в котором дверь — это половое отверстие. В свою очередь, ближайший соратник основателя психоанализа К. Абрахам ссылался на труд Р. Клейнпауля «Жизнь языка» (1893). Он отмечал, что в книге Бытия соблазнитель Евы змей-искуситель используется как символ мужского полового органа; а в различных культурах сексуальная символика сплошь и рядом пронизывает собой самые обыденные представления о мире. Например, плод граната — символ плодородия, наполненная семенами головка мака — атрибут Венеры, осыпание новобрачных рисом — обычай, существующий во многих странах.

Одним словом, *сексуальная символика в жизни человека связана с историей становления человечества*. Она распространена в мифах, религии, искусстве, языке, и это не вызывает какого-либо активного неприятия у людей. Но признание сексуальной символики в сновидениях, как это сделал Фрейд, опираясь на историю культуры и работы его предшественников, до сих пор встречает упорное сопротивление у современников. При этом существует представление, что Фрейд настолько сексуализировал сновидения, что вроде бы в них не остается места ни для чего другого.

На самом деле он только подчеркнул, что сексуальная символика в сновидениях — это важный объект исследования бессознательного, игнорирование или недооценка которого отнюдь не способствуют пониманию смысла сновидений. Причем основатель психоанализа не считал, что буквально каждый элемент сновидения следует рассматривать исключительно через призму сексуальности. По этому поводу он как-то заметил, что в одном контексте сигара может означать половой орган мужчины, в то время как в другом — это может быть просто сигара. В том-то и дело, что бессознательное в сновидениях пользуется древним, но утраченным способом выражения. В понимании этого древнего языка и заключается трудность, которую испытывает современный человек при толковании сновидений. Но благодаря параллелям в символике сновидений психоанализ оказывается близким по духу многим гуманитарным отраслям знания: мифологии, языкознанию, фольклору, психологии народов, религиоведению.

Символический язык сновидений свидетельствует о том, что во время сна человек находится в таком состоянии, при котором он как бы регрессирует на нижние ступени своего развития. Бессознательная символика — это некий архив примитивной культуры, который не попадает в поле сознания бодрствующего человека, но к которому он обращается во время сна.

Обращение к этому архиву происходит при помощи работы сновидения, которая является, по сути дела, архаической. Благодаря этой работе разнообразные символы вплетаются в канву сновидения, в результате чего подавленные и вытесненные из сознания асоциальные, неприличные влечения и желания человека оказываются приемлемыми, хотя и неузнаваемыми. То, что в сновидении современного человека выступает как символ, на предшествующих ступенях развития человечества имело реальную ценность и было составной частью жизни.

Толкование сновидений предполагает обращение к символическому языку бессознательного с целью перевода его на доступный для современного человека язык. Тот понятный для него язык сознания, к которому он апеллирует в повседневной жизни. Но для этого необходимо иметь представление о символике, то есть обладать необходимыми знаниями об архаических, примитивных ступенях развития, где естественные желания и влечения человека выражались открыто. Другое дело, что современный человек оторван от своих корней, не понимает языка бессознательного, что вызывает значительные трудности при его попытках понять свое собственное сновидение. Чаще всего подобные попытки завершаются неудачей.

Если человек не знает, допустим, китайского языка, то из написанной на этом языке книги он не сможет почерпнуть для себя никакой информации. Причем речь идет даже не о том, что он не сможет узнать ничего нового для себя. Даже то, что он, в принципе, знает, окажется недоступным для его понимания, поскольку за иероглифами как некими символами он не увидит никакого смысла и значения.

Я вспоминаю, как несколько лет тому назад мне передали переведенную на арабский язык одну из моих книг. Я держал ее в руках и не мог не только ее прочесть, но и сообразить, как следует читать — с начала или с конца, справа налево или наоборот. До сих пор эта книга стоит на полке как некая реликвия, и хотя я знаю, о чем она написана, так как являюсь ее автором, ни одной строчки из нее прочитать не могу.

Точно так же и сновидение, будучи собственным продуктом бессознательной деятельности человека, чаще всего оказывается для него непрочитанной книгой, поскольку он незнаком с тем символическим языком, на котором написан ее текст.

Изречения

З. Фрейд: «Толкование, основанное на знании символов, не является техникой, которая может заменить ассоциативную или равняться ей. Символическое толкование является только дополнением к ней и дает ценные результаты лишь в сочетании с ассоциативной техникой».

О. Ранк, Г. Закс: «Символика является бессознательным осадком излишних и ставших ненужными примитивных средств приспособления к реальности, архивной кладовой культуры, в которую взрослый человек охотно спасается бегством в состоянии пониженной способности приспособления, чтобы снова вытащить на свет божий свои старые, давно забытые детские игрушки».

Э. Фромм: «Язык символов — это такой язык, с помощью которого внутренние переживания, чувства и мысли приобретают форму явственно осязаемых событий внешнего мира. Это язык, логика которого отлична от той, по чьим законам мы живем в дневное время; логика, в которой главенствующими категориями являются не время и пространство, а интенсивность и ассоциативность. Это единственный универсальный язык, изобретенный человечеством, единый для всех культур во всей истории. Это язык со своей собственной грамматикой и синтаксисом, который нужно понимать, если хочешь понять смысл мифов, сказок и снов».

Сновидения пациентов и аналитический процесс

Толкование сновидений составляет основу психоаналитической работы. Его результаты оказались настолько важными и существенными, что фактически предопределили дальнейшее направление развития психоанализа. Представления о бессознательной деятельности человека, цензуре, вытеснении, механизмах искажения и замещения, превращении логической мысли в различные образы, сопротивлении, символике — все это дало возможность навести мост между здоровой и расстроенной психикой человека. На основе толкования сновидений было фактически осуществлено приближение к пониманию патологических явлений. Фрейд считал, что психоаналитическое понимание сновидений и соответствующая техника их толкования позволят найти ключ ко многим загадкам психических заболеваний. Сновидение явилось своеобразным окном, через которое был прорублен доступ к психологии неврозов. Оно стало, используя выражение основателя психоанализа, «широко применяющейся моделью всех психопатологических проявлений».

При терапевтической работе средствами психоанализа сновидениям пациентов уделяется самое пристальное внимание. Нередко бывает так, что из одного рассказанного пациентом сновидения аналитик узнает о его психическом состоянии значительно больше, чем из многочисленных сессий, предшествовавших рассказу сновидения. Обладая необходимой для лечения информацией, почерпнутой из общения с пациентом, аналитик может составить определенное представление об истоках заболевания и переживаниях обратившегося к нему за помощью человека. Но пациент далеко не сразу готов сообщить о себе то важное и существенное, что привело его к бегству в болезнь. Он не осознает причины своего заболевания и поэтому не в состоянии чем-либо помочь ни себе, ни аналитику, пытающемуся разобраться в запутанном клубке внутрипсихических конфликтов, разыгрывающихся в душе пациента. Но то, о чем он не в силах поведать в бодрствующем состоянии, когда находится под контролем своего сознания, может в завуалированной для него самого, но в более или менее явственной форме для аналитика проявиться в сновидении.

Вспоминаю сновидение одной пациентки, которое прояснило для меня многое из того, что было не совсем понятно из материала предшествующих встреч. У меня вызывали определенные сомнения рассказы моей пациентки о причинах ее конфликтов с ее мужем, матерью и свекровью. Приведу это, по ее словам, «жуткое» сновидение полностью, поскольку оно представляет интерес не столько в плане возможной интерпретации, сколько в дидактических целях. Итак, вот что она мне рассказала.

«Мы ссоримся с мужем, ругаемся, кричим друг на друга. У меня начинает пульсировать живот. Я говорю об этом мужу, показываю на живот. Думаю, что умираю. Муж неожиданно наносит удар кулаком. Из живота полилась слизь. Я кричу мужу: “Что ты делаешь?!” В ответ он смеется и выходит из комнаты. Мне больно. Я набираю “03”, рассказываю врачу. Она выслушала и говорит: “Уже не поможет”. У меня снова пульсирует живот. Идет кровь. Я зову мужа и прошу, чтобы он позвонил моей маме. Он набирает номер телефона мамы. Долго разговаривает с ней о чем-то постороннем. Я прерываю его. Хочу поговорить с мамой. Муж ездит на стуле по комнате и ухмыляется. Мне плохо, я умираю, падаю. Муж подхватывает меня на руки. Я тянусь к его губам. Он тоже тянется к моим губам. Еще немного, и мы поцелуемся. Но в последний момент муж плюет мне в лицо и уходит».

Даже не зная предыстории отношений между молодой женщиной, ее мужем и ее матерью, на основании данного сновидения любой аналитик сможет выдвинуть предположение о тех конфликтных ситуациях, которые видны невооруженным глазом. Он, несомненно, обратит внимание на такие детали сновидения, как: пульсация живота; слизь и кровь у пациентки; ее стремление призвать на помощь мужа, врача и маму; реакция мужа на сообщение жены о пульсации живота и возможной смерти; поведение мужа, нанесение им ударов кулаком, его разговор о чем-то постороннем с тещей, его езда на стуле, ухмылка, плевок в лицо жены. Многие содержательные детали сновидения столь красноречивы, что сами собой напрашиваются соответствующие интерпретации, выявляющие смысл и отдельных его деталей, и сновидения в целом. Трудно устоять перед искушением сразу же дать толкование этому сновидению, тем более что оно было рассказано пациенткой в начале сеанса и было достаточно времени, чтобы заняться непосредственным его разбором.

Но исходя из наблюдений, почерпнутых из самоанализа и терапевтической деятельности, я взял за правило не спешить с толкованием сновидений пациентов, даже если сны представляются простыми, не требующими на первый взгляд какой-то особенной расшифровки. Ведь аналитик осуществляет работу по толкованию сновидений не для того, чтобы поразить пациента своей прозорливостью и тем самым показать, какой он умный и всезнающий. Цель этой работы — выявить нечто такое, что скрыто от сознания больного и что привело к обостренным переживаниям и страданиям. Но как раз это не допускает поспешности, требует вдумчивого отношения буквально к каждой мелочи, в том числе находящей свое отражение в сновидении. Поэтому я всегда следую установке, в соответствии с которой лучше еще раз попросить пациента, чтобы он снова пересказал свое сновидение, чем давать поспешную интерпретацию, даже если она представляется мне приемлемой и адекватно отражающей его психическое состояние.

Я придерживаюсь этой установки не только потому, что психоаналитик может ошибаться в своих интерпретациях и заблуждаться насчет своего знания психического состояния пациента. Подобное часто случается в терапевтической практике, особенно когда аналитик считает себя непогрешимым. Как показал мой предшествующий опыт, пересказ пациентом одного и того же сновидения может не только внести дополнительные штрихи в понимание противодействующих в его психике сил, тенденций, желаний, но и привести к радикальному пересмотру первоначально возникших у аналитика предположений, гипотез, интерпретаций.

В этом отношении приведенное выше сновидение весьма показательно. В конкретно описанном случае я поступил следующим образом. Не стал акцентировать внимание пациентки на бросающихся в глаза деталях сновидения, которые, казалось бы, говорили сами за себя и на основании которых можно было бы дать, возможно, безошибочную их интерпретацию. На следующей сессии я попросил ее пересказать полностью сновидение, хотя это могло вызвать у нее неудовольствие по поводу моей забывчивости или плохой памяти. И действительно, пациентка без восторга отнеслась к моей просьбе, но, понимая, что это необходимо для нашей дальнейшей совместной работы, согласилась. При повторном рассказе оно выглядело так.

«Мы ругаемся с мужем. Я осознаю, как далеко мы с ним зашли. Пульсирует живот. Ощущаю боль. Потом боль проходит. Первая мысль: "Я беременна". Хочу рассказать об этом мужу в надежде, что мы помиримся. Я поднимаю рубашку. Появляется

слизь и что-то красное в виде розочки. Я набираю “03”, рассказываю медицинской сестре о случившемся. Она выслушала, заплакала и сказала, что вызывать врача уже поздно. Я прошу мужа, чтобы он позвонил своей маме. Перед этим у меня пошла кровь из груди. Муж говорит о чем-то со своей мамой. Я не выдерживаю, вырываю у него трубку. Начинаю говорить по телефону, но его мама плохо слышит. Она спрашивает меня о чем-то, но я не понимаю, о чем именно. В это время муж садится на табуретку и начинает ездить по комнате. Противный звук. Муж ездит и улыбается. Я говорю или думаю: “Мне плохо, умираю, а ты делаешь все назло”. И я его ударяю или хочу ударить. Он схватил меня за руку. Я падаю, умираю. Муж подхватывает меня, держит на руках. Мы тянемся губами друг к другу. Вдруг он плюет, нет, не плюет, а делает губами так — “Пфи!”».

Одно и то же сновидение. Одни и те же события в нем. Но какие дополнительные элементы и смысловые различия обнаружились при повторном пересказе пациенткой своего сновидения!

Перечислим эти дополнительные подробности. Итак, это мысль о том, как пациентка далеко зашла с мужем в их отношениях, что, скорее всего, было навеяно первым рассказом о сновидении и связанными с ним переживаниями. Еще одна мысль о беременности, которая не присутствовала в сновидении при первом его рассказе и не осознавалась пациенткой. Та мысль, которая мне сразу же пришла в голову, но которой я не стал делиться с пациенткой на предшествующей сессии. Во втором пересказе сновидения помимо слизи появляется что-то красное в виде розочки (тема аборта, более конкретизированная, но скрыто звучавшая при первом рассказе). Просьба пациентки, обращенная к мужу, чтобы он позвонил маме. Но в этой просьбе произошло замещение. При первом рассказе сновидения речь шла о матери пациентки, при повторном пересказе — о матери мужа. Это существенно, поскольку у пациентки сложные отношения как со своей матерью, так и со свекровью. В первом рассказе у нее снова пульсирует живот и идет кровь, во втором — вносится уточнение, так как кровь идет из груди. При первом рассказе сновидения, узнав о болях в животе жены, муж наносит ей удар кулаком. При повторном пересказе — пациентка ударяет или хочет ударить мужа.

В контексте рассмотрения психоаналитического подхода к сновидениям в мою задачу не входит подробный анализ данного сновидения. В дидактических целях мне хотелось бы только обратить внимание на то, какие подводные камни могут встречаться при работе со сновидениями пациентов и с какой осторожностью, исключающей поспешные интерпретации, следует подходить к их толкованию.

Важно также иметь в виду, что анализ сновидения здорового человека предполагает подробную и детальную проработку всех его элементов, в то время как толкование сновидения больного ограничено терапевтическими задачами. Рассмотрение сновидения пациента осуществляется не для демонстрации того, насколько аналитик владеет искусством толкования, а с целью выявить материал сновидения, который требует проработки, что способствует лечению. Это не означает, что аналитик может спокойно отбросить все то, что представляется ему ненужным или неважным в рассказе пациента о своем сновидении. В принципе, он обязан принимать во внимание буквально все, вплоть до незначительных мелочей и едва уловимых тонкостей. Он сохраняет их в памяти, поскольку может оказаться, что именно они помогут лучше и глубже понять внутриличностные конфликты пациента. Другое

дело, что подчас аналитика подстерегает искушение увлечься искусством интерпретации сновидения и выдвижением логически стройных и эстетически красивых интерпретаций, завораживающих пациента своей изысканностью и неожиданностью, но имеющих весьма отдаленное отношение к лечению.

В процессе аналитической терапии приходится сталкиваться с тем, что пациент прибегает к репродукции большого количества сновидений. Аналитик не успевает разобраться в существе одного сновидения пациента, как тот рассказывает ему о другом. Беспрестанное сообщение пациентом о своих многообразных сновидениях может привести к тому, что из-за большого обилия материала аналитик окажется не в состоянии ни разобраться в каждом сновидении, ни понять смысл того, что происходит в рамках аналитического процесса. В этом случае многоречивость пациента, связанная с потоком рассказываемых им сновидений, может выступать в роли сопротивления лечению. Аналитику же не остается ничего другого, как отказаться от попыток исчерпывающего понимания и толкования всего услышанного. Если из потока сновидений удается истолковать хотя бы одно или выявить какое-то единственное патогенное желание, то этого вполне достаточно на начальном этапе развития аналитического процесса. Ведь окончательное толкование какого-то важного и существенного сновидения может совпадать лишь с завершением всего анализа.

Фрейд предостерегал, чтобы в процессе психоаналитического лечения цель исследования не подменяла собой терапевтическую цель. При работе со сновидениями пациентов увлечение их толкованием может превратиться в некую самоцель, когда исследовательский интерес заслонит собой задачи терапии. Но искусство толкования сновидений ради него самого — это превратное понимание целей и задач работы со сновидениями пациентов в процессе аналитической терапии. Сновидения и их толкование важны лишь постольку, поскольку они способствуют раскрытию бессознательных влечений, желаний и защитных механизмов пациентов. Поэтому, как считал Фрейд, аналитик не должен сосредоточиваться исключительно и полностью только на сновидениях пациента и тем более настаивать на необходимости их постоянной репродукции. Напротив, он обязан таким образом организовывать аналитический процесс, чтобы пациент оказался способным приобрести убеждение в том, что аналитик найдет необходимый для работы материал независимо от того, как часто и в какой степени ему придется заниматься сновидениями.

Изречения

З. Фрейд: «Тому, кому понятно сновидение, будут ясны и психические механизмы неврозов и психозов».

З. Фрейд: «Если сны становятся слишком обширны и многоречивы, надо отказаться от их полного выяснения. Необходимо вообще остерегаться обнаруживать особый интерес к толкованию снов и вызывать у больного предположение, что работа остановится, если он не принесет никаких сновидений».

З. Фрейд: «Я защищаю, таким образом, ту точку зрения, что толкование снов при аналитическом лечении не должно стать искусством ради искусства, но применение его должно подчиниться тем техническим правилам, которые являются вообще руководящими при проведении курса лечения».

Архаика сновидений

С точки зрения Фрейда, работа бессознательного в сновидении характеризуется как бы возвращением к тому состоянию интеллектуального развития, которое давно им преодолено. *Речь идет об архаическом, регрессивном способе выражения бессознательного в сновидении.* Благодаря подобному проявлению бессознательного человек возвращается на доисторическую ступень своего развития. Имеется в виду как его собственное, индивидуально-личностное развитие, так и развитие человеческого рода в целом.

Символический язык бессознательного связан с филогенетическим наследием человечества. Появление символов в сновидении — это архаический, регрессивный путь выражения бессознательного, нисходящего на ступень филогенетического развития. Не менее существенна и другая архаическая черта сновидения, относящаяся к онтогенетическому развитию индивида и связанная с его детскими, инфантильными переживаниями. В понимании Фрейда инфантилизм как раз и находит свое отражение и выражение в сновидении человека, когда не сдерживаемые сознанием эгоистические и враждебные чувства индивида находят выход своей энергии во время сна.

Если принять во внимание подобное восприятие сновидения, то не приходится удивляться тому, что в своих сновидениях человек может видеть картины смерти близких ему людей, включая родителей, братьев, сестер и других родственников. В них же могут находить свое выражение запретные желания чрезмерного сексуального или инцестуозного характера. Последние направлены на половой акт с родителями, братьями и сестрами. Фрейд утверждал, что душевная жизнь детей с ее эгоистическими и инцестуозными желаниями продолжает свою деятельность в сновидениях взрослых людей. Сновидение возвращает их ночью на инфантильную ступень развития, когда в своих мыслях и чувствах ребенок не стыдится своих естественных проявлений любви и ненависти или, по крайней мере, не принимает их за что-то непристойное.

Такое понимание инфантильности сновидений привело Фрейда к необходимости переосмысления ранее распространенных представлений о детстве как некоем золотом периоде времени, когда ребенок являет собой счастливое существо. Оно же заставило его по-иному подойти к обсуждению вопроса о сексуальной жизни человека — того вопроса, который всегда был притчей во языцех, но далеко не всегда становился объектом научного исследования.

Дальнейшее понимание психоаналитических идей предполагает рассмотрение взглядов Фрейда на сексуальность. Однако, прежде чем перейти к обсуждению этой проблематики, хотелось бы обратить внимание на то, что представления основателя психоанализа об инфантилизме сновидений, особенно об инцестуальном их характере, часто встречают такое внутреннее неприятие у многих людей, в результате которого формируется их устойчивое негативное отношение к психоанализу в целом.

Разумеется, можно понять эмоциональную негативную реакцию тех, кто рассматривает инцест, или сексуальные отношения между родственниками, главным образом между родителями и детьми, в качестве извращения и уголовно наказуемого преступления. И хотя речь идет не о реальных событиях, а всего лишь о сновидениях, тем не менее по-человечески можно понять, почему психоаналитическое допущение инцеста в сновидениях, не встретившее со стороны Фрейда осуждения,

а напротив, вызвавшее исследовательский интерес, порождает у одних людей недоумение, у других — протест, у третьих — обвинение в непристойности.

И все же эмоционально негативная реакция на то, что в сновидениях психически здорового, а не только больного человека могут проявляться его инцестуозные желания, не должна заслонять от нас реальное положение вещей. Если кто-то в своих сновидениях никогда не видел подобных сюжетов или, точнее, убеждает себя и заверяет тех, кто спрашивает об этом, что действительно не видел ничего подобного или не может вспомнить о них, то это еще не означает, что в сновидениях других людей, не менее нормальных, чем он, не находят отражение инцестуозные желания, выражаемые не только в завуалированной, но и в открытой форме.

Несколько лет тому назад я провел исследование среди студентов московских высших учебных заведений. Наряду с другими открытиями, которые были неожиданными даже для меня, занимающегося вопросами истории, теории и практики психоанализа, обнаружилась следующая картина. Из числа студентов, которые пожелали ответить на поставленные перед ними вопросы, 40% заявили, что в своих сновидениях никогда не видели сюжеты инцестуозного характера, в то время как 35% описывали сновидения, в которых в той или иной форме проявились их инцестуозные влечения и желания.

Если исходить из точки зрения тех, кто считает, что сновидения инцестуозного характера — это проявление психопатологии, то придется признать, что 35% студентов, сообщивших о своих инцестуозных сновидениях, оказываются психически больными. Учитывая, что в процентном отношении число студентов, не видевших инцестуозных снов, ненамного больше, всего на 5%, то напрашивается вывод, что значительная часть студентов московских высших учебных заведений — психически больные люди. Однако в процессе общения со студентами я не обнаружил какой-либо свидетельствующей о психических отклонениях разницы между теми, кто признался в своих инцестуозных сновидениях, и теми, кто сообщил, что никогда не видел таковых. Не исключено, что какая-то часть из последней категории студентов не были предельно искренними и, возможно, не захотели говорить о том, что скрывали даже от себя. При таком, вполне правдоподобном допущении может оказаться, что в процентном отношении число студентов, видевших инцестуозные сновидения, на самом деле не только не меньше, но даже больше числа тех, кто не видел такие сновидения.

Приведу несколько примеров, почерпнутых из проведенного мною исследования среди студентов московских средних и высших учебных заведений и свидетельствующих о сновидениях инцестуозного характера.

Так, вспоминая различные эпизоды из своего детства, одна девушка сообщила следующее.

«Позднее у меня были сновидения, связанные с кровосмесительными связями. Я хорошо помню эти сновидения. Правда, в роли отца был другой мужчина, но я точно знаю, что этот мужчина был папа. Мои сны носили сексуальный характер. Проснувшись утром, я не испытывала каких-либо угрызений совести. Однако не отрицаю чувства отвращения».

И еще одно показательное сновидение девушки.

«Примерно в 14 лет мне приснился сон, где я занималась сексом со своим папой. В этом сне у меня родился ребенок от отца. Я была потрясена этим сном. Мне неприятно было вспоминать о нем, хотя несколько дней он всплывал в моей памяти. И несмотря на то что это был всего лишь сон, я испытала угрызения совести».

Аналогичные сновидения имеются и у юношей. Один из них вспоминал следующее.

«В 19 лет у меня появились эротические сновидения с матерью, вступающей со мной в половой контакт. В этих сновидениях я переживал оргазмы. Переживаю их и сейчас».

Еще один пример юношеского сновидения.

«Да, был очень конкретный сон. Мать просит меня, чтобы я ее... и при этом говорит, что этим она покажет мне другие миры и планеты, на которых, как я сейчас формулирую, "есть Рай". Я делаю это с удовольствием и наслаждением. Но постоянно что-то присутствует и отвлекает. Мама всегда любила меня больше, чем отца, и мне от этого было не по себе. Я боялся его и сильно недооценивал себя».

Полагаю, что в свете этих данных вряд ли следует руководствоваться соображениями, основанными на эмоциональном и по-человечески понятном нежелании допустить возможность того, что инцестуозные сновидения — это не отражение искалеченной психики больных людей, а распространенное явление, свойственное многим. Разумеется, дело не только в этих данных, хотя они заставляют задуматься над нашими привычными представлениями о человеке и его сновидениях. Более существенно то, что сами по себе эмоциональные реакции не могут служить основанием для обвинения Фрейда в тех непристойностях, которые ему подчас приписывают. Другое дело — содержательное осмысление психоаналитических идей и их использование в терапевтической деятельности, что действительно может привести к поддержке, отвержению или пересмотру фрейдовских допущений, гипотез, теорий.

Взгляды Фрейда на природу и существо сновидений вызвали возражения у некоторых исследователей, негативно относящихся к психоанализу как таковому. Они вызвали неоднозначную реакцию и у тех, кто в той или иной степени разделял психоаналитические идеи. Одни из них поддержали фрейдовское понимание сновидений, положенное в основу классического психоанализа, другие внесли изменения в те положения, которые были сформулированы Фрейдом о природе и функциях сновидений. Третьи подвергли критике положение о том, что сновидение — это осуществление желаний человека.

А. Адлер высказал мысль, что сновидение вовсе не стремится вернуться в прошлое, как полагал Фрейд. Оно устремлено вперед и нацелено на решение некой задачи. Сновидение направлено на разрешение вполне конкретной, стоящей перед человеком проблемы. Оно не является «царской дорогой» к бессознательному, поскольку не противоположно бодрствующему сознанию. Между сознанием и бессознательным нет никакой пропасти.

Для К. Г. Юнга сновидение — это нечто трансцендентальное, то есть выходящее за пределы человеческого разума. Оно выполняет функцию связи между сознанием и бессознательным в душевной жизни человека. Это не компромиссное образование, а компенсаторное, то есть дополнительное, поддерживающее равновесие между сознательными и бессознательными процессами. Кроме того, сновидение выполняет предвосхищающую функцию. Оно телеологично, нацелено на будущее. По убеждению Юнга, сексуальность в сновидении — лишь средство выражения, но не смысл или цель его.

Э. Фромм считал, что сновидение обладает двойственными функциями: при отсутствии контакта с реальностью в сновидении проявляется как самое плохое, так

и самое хорошее, что имеется в человеке. В сновидении человек может быть неразумным, глупым, непристойным, а может быть и, наоборот, более разумным, мудрым и нравственным, чем когда бодрствует. С точки зрения Фрейда сновидение иррационально по своей природе, Юнг видел в сновидении откровение высшего разума, а по мнению Фромма, в сновидении проявляется и то и другое. Цель толкования сновидения — понять, заявляет ли о себе животное начало в человеке или проявляется все лучшее, что в нем есть.

Американский психоаналитик Б. Левин в своей статье «Сон, рот и экран сновидения» (1946) выдвинул предположение, что сновидение проецируется на белый экран, символизирующий материнскую грудь, трансформированную из выпуклой формы в плоскостную поверхность. Спящий человек как бы идентифицирует себя с грудью, подобно младенцу, сосущему материнскую грудь перед отходом ко сну. Экран сновидения включает в себя воспроизведение раннего тактильного (кожного) соприкосновения с матерью и тем самым представляет собой интроективную идентификацию с грудью. Каждый образ сновидения проецируется на этот экран.

В другой статье «Пересмотр экрана сновидения» (1951) Б. Левин внес некоторые дополнения к своему пониманию специфики экрана как такового. В частности, он провел различие между «экранным» и «пустым» (слепым) сновидениями. В первом случае сновидение представляет собой как бы киноэкран, заполненный различными визуальными образами. Во втором — белое полотно, появляющееся само по себе, без проекции на него каких-либо зрительных образов.

Выдвинутое Б. Левином представление об экране сновидения вызвало у психоаналитиков потребность в дальнейшем осмыслении этого феномена. Так, английский психоаналитик Ч. Райкрофт в работе «Вклад в изучение экрана сновидений» (1951) высказал мысль о том, что экран сновидений характерен только для людей, страдающих маникальностью, при которой наблюдается экстатическое слияние с материнской грудью. С точки зрения М. Канзера, нашедшей отражение в статье «Коммуникативная функция сновидений» (1955), экран сновидения является следом и свидетельством наличия партнера по сновидению. То есть в процессе сновидения особое значение приобретает внутренняя коммуникация, в результате чего спящий не бывает, по сути дела, одинок, а спит со своим интроецированным объектом.

Согласно французскому психоаналитику Ж.-Б. Понталису каждый образ сновидения предполагает пространство, где может реализоваться изображение, и суть не в том, что сновидение разворачивается, как фильм на киноэкране, а в том, что «не может быть фильма без экрана, спектакля без сцены, картины без полотна или рамы». Как было подчеркнуто им в статье «Сновидение как объект» (1974), сновидение — это ребус, для изображения которого требуется что-то вроде листа бумаги. Словом, сновидение реализуется в особом внутреннем пространстве, обозначенном понятиями «экрана сновидения» Б. Левина или «нарциссического пространства» Ж.-Б. Понталиса.

Клиническое использование понятия «экран сновидения» нашло свое отражение в практической деятельности ряда психоаналитиков. В частности, Дж. Гемайл представил на XXXI Международном психоаналитическом конгрессе, состоявшемся в Нью-Йорке в 1979 году, доклад «Некоторые размышления по поводу аналитического выслушивания и экрана сновидения». В этом докладе он изложил результаты лечения одного молодого шизоида, злоупотреблявшего механизмом проективной

идентификации и страдавшего от навязчивого образа собственного Я. В процессе аналитической деятельности стало очевидным, что выявленная ранняя идентификация пациента с отцовским пенисом оказалась необходимой для адекватного функционирования экрана сновидения.

По выражению английского психоаналитика С. Фландерс, использованного в предисловии к сборнику работ известных аналитиков «Современная теория сновидений» (1993, перевод на русский язык 1999), экран сновидения проводит границу, служащую «щитом» от травматического потрясения, границу, которую аналитик должен неукоснительно соблюдать, а при необходимости — помочь провести или восстановить.

Французский психоаналитик Д. Анзье в работе «Кожное Я» (1985) высказал идею о так называемой «пленке сновидения». Согласно этому представлению, сновидение образует защитный экран, окружающий психику и предохраняющий ее от латентной активности дневных (неудовлетворенных желаний) и ночных (звуковых, световых, температурных ощущений) отпечатков. Этот защитный экран является тонкой мембраной, помещающей внешние раздражители и внутренние инстинктивные побуждения на один и тот же уровень посредством сглаживания их различий.

Для Д. Анзье «пленка сновидения» — это не граница, разделяющая внешнее и внутреннее, как это имеет место в контексте поверхностного Я, а хрупкая, легко разрушающаяся и рассеивающаяся мембрана, «недолговечная пленка», существующая, пока длится сновидение. Эта пленка весьма чувствительна, она фиксирует различные психические образы, представляющие собой неподвижные изображения, как на фотографии, или сменяющиеся, как в кино, в видеофильме. Фактически речь идет об активизации функции чувственной поверхности Я, способной фиксировать различные отпечатки и надписи. Или о дематерилизованном образе тела, обеспечивающем экран, на котором во время сновидения появляются всевозможные фигуры, символизирующие или персонифицирующие конфликтные ситуации, процессы, силы.

С точки зрения Д. Анзье, ночью сновидение связывает части поверхностного Я, распавшиеся днем под воздействием внешних и внутренних раздражителей. Одна из функций сновидения как раз и состоит в том, чтобы восстановить психическую оболочку, целостность которой нарушена. Человек прибегает к защите посредством аффекта, создавая нечто подобное оболочке тревоги, которая, в свою очередь, готовит почву для пленки сновидения как защиты посредством представления. В тактильной (кожной) оболочке Я возникают разрывы, закрывающиеся ночью пленкой зрительных образов. Таким образом, «пленка сновидения» представляет собой попытку заменить поврежденную тактильную оболочку зрительной, более тонкой и менее прочной, но вместе с тем более чувствительной.

Свои размышления о защитной функции сновидений Д. Анзье сопроводил историей болезни пациентки, иллюстрирующей последовательность: оболочка страдания — «пленка сновидения» — словесная оболочка. Он показал, что, вместо того чтобы нарциссически укрыться защитным экраном, истерик счастливо живет в оболочке эрогенного и агрессивного возбуждения до тех пор, пока сам не начинает страдать, винить других в своем состоянии, негодовать и пытаться втянуть их в повторение этой игры по кругу, где возбуждение порождает разочарование, а последнее, в свою очередь, возбуждает.

В современном психоанализе проблема сновидений и их толкования занимает важное место в исследовательской и терапевтической деятельности. Наряду с традиционными вопросами, выдвинутыми Фрейдом, в поле зрения аналитиков все чаще попадают следующие аспекты. Сновидение рассматривается не только в плане раскрытия бессознательных желаний человека, но и в смысле укрепления его Я перед лицом требований Оно и Сверх-Я. Сновидение воспринимается не только как способ разрешения внутриличностных проблем, но и как возможность интеграции психических функций в установившихся структурах. Интерпретация сновидений осуществляется не только для выявления скрытых мыслей сновидения, но и с целью обращения внимания на явное его содержание и его полезности в клинической ситуации. Объектом исследования становятся не только механизмы работы сновидения, но и «экран сновидения», на который проецируются различные образы. Важное внимание уделяется не только символике сновидений, но и связи психоаналитической ситуации с феноменом сновидения. В фокусе анализа оказывается не столько сновидение, сколько сновидец; сновидение представляет интерес не столько в плане выявления бессознательных влечений пациента самих по себе, сколько в плоскости раскрытия природы объектных отношений между аналитиком и пациентом. И наконец, объектом анализа становится не только диагностический потенциал толкования сновидений, но и ошибочное использование их интерпретаций в аналитическом процессе.

Изречения

З. Фрейд: «Доисторическое время, к которому нас возвращает работа сновидения, двоякого рода: во-первых, это доиндивидуальное историческое время, детство, с другой стороны, поскольку каждый индивидуум в своем детстве каким-то образом вкратце повторяет все развитие человеческого рода, то это доисторическое время также филогенетическое».

З. Фрейд: «Мне кажется, что символическое отношение, которому никогда не учился отдельный человек, имеет основание считаться филогенетическим наследием».

З. Фрейд: «Мы обнаружили не только то, что для сновидения доступен материал забытых детских переживаний, но увидели также, что душевная жизнь детей со всеми своими особенностями, эгоизмом, инцестуозным выбором объекта любви и т. д. еще продолжает существовать для сновидения, то есть в бессознательном, и что сновидение каждую ночь возвращает нас на эту инфантильную ступень».

Контрольные вопросы

1. Почему Фрейд обратился к изучению сновидений?
2. Какие подходы к осмыслению природы сновидений и методов их толкования существовали в древности?
3. В чем состоит специфика фрейдовского понимания природы и содержания сновидений?

4. Чем отличается явное содержание сновидения от скрытых его мыслей?
5. Каково психоаналитическое понимание механизмов работы сновидений?
6. Что представляет собой психоаналитическая техника толкования сновидений?
7. Какие правила толкования сновидений были предложены в классическом психоанализе?
8. Что можно сказать о символике и архаике сновидений?
9. Какие взгляды на сновидения и их толкование существуют в современном психоанализе?

Рекомендуемая литература

1. *Беккер А.* Психоаналитическая теория сновидений // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд. Жизнь. Работа. Наследие. М., 1998.
2. *Мазин В., Пепперштейн П.* Толкование сновидений. М., 2005.
3. Современная теория сновидений. М., 1999.
4. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М., 2015.
5. *Фрейд З.* О сновидениях // Фрейд З. Сон и сновидения. М., 1997.
6. *Фрейд З.* Практическое применение снотолкования в психоанализе // Зигмунд Фрейд и психоанализ в России. М.; Воронеж, 2000.
7. *Фрейд З.* Психология бессознательного. СПб., 2012.
8. *Фрейд З.* Толкование сновидений // Фрейд З. Сон и сновидения. М., 1997.
9. *Фромм Э.* Забытый язык // Фромм Э. Душа человека. М., 2006.

Глава 7

СЕКСУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Нормальная и извращенная сексуальность

Психоаналитическое учение Фрейда о человеке всегда вызывало и до сих пор вызывает двойственное отношение среди тех, кто так или иначе обращается к психоанализу. Одни усматривают в нем много ценного, способствующего пониманию бессознательной деятельности людей и в своей исследовательской и практической работе опираются на различные положения, составляющие остов этого учения. Другие подвергают критике учение Фрейда о человеке, не приемлют его в целом, не говоря уже о тех его составляющих частях, которые порождают у них недоумение и раздражение. Но взгляды Фрейда на сексуальность, являющиеся важной составной частью его учения о человеке, вызывают, пожалуй, наиболее сильное внутреннее сопротивление как у тех, так и у других. По большей части это связано с обвинением Фрейда в пансексуализме, в соответствии с которым основатель психоанализа настолько сексуализировал жизнь человека, что фактически стал рассматривать индивида исключительно через призму его сексуальных желаний и влечений. Выдвинутое против Фрейда обвинение было перенесено на психоанализ как таковой, в результате чего обыденные представления о психоанализе как раз и соотносятся с пансексуализмом.

Обвинение Фрейда и психоанализа в пансексуализме основывалось на том реальном факте, что в рамках классического психоанализа значительное внимание действительно уделялось рассмотрению сексуальности в жизни человека и подчеркиванию ее роли в различных сферах его деятельности. Но если исходить из подобного понимания пансексуализма, то аналогичные обвинения могут быть выдвинуты и против тех ученых, философов, писателей и поэтов, которые в своей профессиональной, творческой деятельности постоянно обращаются к проблематике сексуальности.

Причем неважно, обсуждается ли она при помощи таких терминов, как «сексуальные контакты», «половые акты» между людьми, или применяются такие цивилизованно приемлемые и не оскорбляющие слух понятия, как «любовь», «эрос».

Фрейд считал упреки психоанализу в пансексуализме бессмысленными, поскольку не он первым обратил внимание на проблемы сексуальности. Относящиеся к этой сфере жизни человека бессознательные страсти всегда служили предметом осмысления в драмах и трагедиях, составляющих сокровищницу мировой литературы, а рассмотренное им понятие сексуальности в принципе ничем не отличалось от Эроса древнегреческого философа Платона. И он был по-своему прав, так как в науке, искусстве и литературе проблематика любви, сексуальности с древних времен и по настоящее время занимает важное место. Без рассмотрения и осмысления этой проблематики невозможно понять жизнедеятельность человека, или, по крайней мере, такое понимание оказывается ограниченным, обедненным, искаженным.

Говоря о бессмысленности упреков в пансексуализме в адрес психоанализа, Фрейд отметил, что философ Шопенгауэр уже давно показал людям, насколько их действия и мысли предопределяются сексуальными стремлениями в обычном смысле слова. И действительно, во второе издание основного труда «Мир как воля и представление» (1844) немецкий философ включил главу «Метафизика половой любви», в которой размышлял о роли полового инстинкта в жизни человека. Обращаясь к метафизике половой любви, он подчеркнул, что удивляться надо не тому, что философ обратился к постоянной теме всех поэтов, а тому, что явление, имеющее столь большое значение в человеческой жизни, до сих пор не подвергалось серьезному обсуждению со стороны философов. Размышления над этим явлением привели его к выдвижению таких положений, которые не в меньшей степени, чем психоаналитические концепции, могли бы быть расценены целомудренными авторами как пансексуализм.

В самом деле, рассматривая метафизику половой любви, Шопенгауэр утверждал, что человек — это «воплощенный половой инстинкт». Немецкий философ заявил, что влюбленность «имеет свои корни исключительно в половом инстинкте», половая любовь «является самой могучей и деятельной из всех пружин бытия», она «составляет конечную цель почти всякого человеческого стремления», «ежедневно поощряет на самые рискованные и дурные дела», разрушает самые дорогие и близкие отношения, разрывает самые прочные узы, требует себе в жертву то жизнь и здоровье, то богатство, общественное положение и счастье и, в общем, выступает как «некий враждебный демон, который старается все перевернуть, запутать, ниспровергнуть».

Подобно Шопенгауэру, Фрейд обратился к рассмотрению могущественного полового инстинкта, оказывающего воздействие буквально на все сферы человеческой деятельности. Однако, в отличие от немецкого философа, он не просто стал размышлять над ролью половой любви и полового инстинкта в жизни человека, но с психоаналитической точки зрения попытался осмыслить те конкретные формы проявления сексуальности, которые имеют место в онтогенетическом (индивидуальном) и филогенетическом (родовом) развитии человека.

Несмотря на сходные установки в рассмотрении человека через призму сексуальности, Шопенгауэра не упрекали в пансексуализме, в то время как Фрейду предъявляли именно такое обвинение. Это связано вовсе не с тем, что один из

них предавался отвлеченным философским размышлениям, а другой апеллировал к конкретному материалу, проводя параллели между здоровой и больной психикой. Фрейда обвинили в пансексуализме не потому, что он обратился к рассмотрению сексуальности, подчеркнув, подобно Шопенгауэру, ее роль и значение в жизни человека. Его обвинили в пансексуализме именно потому, что, в отличие от немецкого философа, он радикально пересмотрел привычные представления о половом инстинкте и сексуальности как таковой.

Если Шопенгауэр, как и многие другие его предшественники, утверждал, что конечная цель полового инстинкта — это деторождение и продолжение человеческого рода, то Фрейд не только не ограничился этим в понимании сексуальности, но и далеко вышел за пределы этого утверждения. Если немецкий философ рассматривал гомосексуальность как извращение полового инстинкта и в то же время как предохранительное средство против вырождения человеческого рода, то основатель психоанализа попытался выяснить, где различного рода ненормальности, включая гомосексуализм, граничат с нормой, а где отклоняются от нее. Если Шопенгауэр обращал внимание на половую любовь взрослого человека, то Фрейд проявил значительный интерес к сексуальному, точнее говоря, психосексуальному развитию ребенка. Все это в конечном итоге как раз и привело к тому, что основателя психоанализа обвинили в пансексуализме. Хотя на самом деле в его учении шла речь не о каком-то всеобъемлющем понятии сексуальности, а об углубленной проработке тех вопросов, которые не попадали, как правило, в поле зрения исследователей.

При рассмотрении проблемы сексуальности Фрейд отталкивался прежде всего от того выдвинутого им исходного положения, согласно которому невозможно понять нормальную сексуальную жизнь человека без соотнесения ее с болезненными формами сексуальности, которые принято называть перверсиями, извращениями. Поэтому его исследовательская задача состояла не в том, чтобы, в противоположность широко распространенному моралистическому и правовому осуждению извращений, оправдать их ссылками на психические заболевания. Не оправдывая болезненные формы сексуальности, он в то же время поставил перед собой вполне определенную и конкретную задачу — понять эти формы сексуальности и дать теоретическое объяснение тому, как и каким образом возникают извращения и какова их связь с тем, что обычно называют нормальной сексуальностью.

Вполне очевидно, что при такой постановке основной задачи обвинения психоанализа в пансексуализме оказываются не более чем эмоционально окрашенным неприятием исследовательского интереса, предполагающего вторжение в святая святых — в скрытую от посторонних глаз сексуальную жизнь человека. Другое дело, что публикации работ Фрейда, в которых многие аспекты сексуальности открыто назывались своими именами, не могли не вызвать сопротивление и возмущение у значительной части тех, кто не допускал публичного обсуждения интимных тем.

Рассуждая о сексуальности, Фрейд прежде всего обратил внимание на то, что традиционные представления о ней оказываются узкими, не отражающими существа сексуальной деятельности человека. При традиционном понимании сексуальности все, что служит цели деторождения, считается нормальным. Иные же виды сексуальной деятельности воспринимаются в лучшем случае в качестве социально неприемлемой и нравственно осуждаемой похоти, а в худшем — как физиологическое отклонение от нормального развития, психическое заболевание или преступное

деяние, подлежащее не только осуждению, но и наказанию. Но в том случае, когда сутью и основной целью сексуальности считается продолжение человеческого рода, за пределами рассмотрения остаются иные формы сексуальной деятельности. А ведь они хотя и не служат деторождению, тем не менее не только могут иметь место в жизни человека, но и играют порой важную роль в его жизнедеятельности.

История развития человечества свидетельствует о том, что некоторые (не связанные с деторождением) формы сексуальной деятельности человека не во все времена и не во всех культурах рассматривались в качестве патологии. Так, издавна гомосексуализм воспринимался в ряде древних культур как вполне нормальное явление. Более того, подчас он считался даже уделом избранных, стоящих на более высокой ступени развития, чем простые смертные. Гомосексуализм был распространен среди греков и римлян, причем практиковался среди высших слоев общества без какого-либо стеснения, смущения или стыда. Любовь зрелых мужчин к юношам представлялась делом обычным и возвышенным. У греков считалось позорным для юноши, если он не имел более взрослого любовника. Гомосексуализм пользовался общественным признанием и почетом у кельтов. Он находился под покровительством законов у критян. Он практиковался и среди восточных народов, включая китайцев, индусов и представителей ислама. Гомосексуализм часто наблюдался также среди индейцев Южной Америки, в частности у гуахибо, аймари. По данным исследователей, у индейцев лахе между гомосексуалистами существовали даже браки, а мать, имеющая пятерых сыновей, могла одного из них готовить к выполнению женской роли в семье.

Со временем отношение к гомосексуализму претерпело заметное изменение, в результате чего он стал ассоциироваться с чем-то греховным, недопустимым, преступным. Христианство повело открытую борьбу с сексуальностью, не связанной с деторождением. В Средние века гомосексуализм не только преследовался, но и считался тягчайшим преступлением, за которое людей приговаривали к смертной казни. Уголовное наказание за гомосексуальную деятельность существовало во многих странах мира вплоть до XX столетия. Кое-где оно сохранилось и поныне.

Однако, несмотря на все запреты, гомосексуализм в качестве одной из форм сексуальной деятельности не исчез из жизни людей. Он по-прежнему практикуется в различных странах мира. Но коль скоро он оказывается таким живучим и распространенным, то возникает вопрос: не имеет ли он отношение не просто к физиологическому отклонению или психическому заболеванию, а к природе человека? Не связан ли он с таким психосексуальным развитием, через которое проходят все люди, хотя, разумеется, далеко не все из них становятся сексуально инвертированными, то есть ориентированными на идентичный с ними пол?

Кроме того, помимо гомосексуализма в жизни людей имеют место и другие формы сексуальной деятельности, не связанные с деторождением. Некоторые люди не только изменяют сексуальную ориентацию по отношению к объекту, как это характерно для гомосексуалистов, но и преследуют необычные, не вписывающиеся в представления о норме, сексуальные цели. Например, есть люди, которые при сексуальном акте с партнером используют не его половые органы, а другие части тела. Некоторые из них (фетишисты) вообще отказываются от тела партнера, заменяя его предметами одежды. Другие (эксгибиционисты) получают сексуальное удовлетворение от выставления напоказ своих гениталий. Встречаются садисты, сексуальная

деятельность которых связана с причинением боли и мучений своему партнеру, а также мазохисты, получающие сексуальное удовлетворение от причиняемых им страданий. И наконец, есть такие люди, которым вообще не нужен никакой партнер, поскольку они способны достичь сексуального удовлетворения благодаря своему богатому воображению и фантазированию.

Одним словом, *сексуальная деятельность человека настолько разнообразна, что деторождение, считающееся ее нормой, является лишь незначительной целью его сексуальной жизни.* Поэтому, независимо от того, насколько осуждаются другие формы сексуальной деятельности и какое бы возмущение или отвращение они ни вызывали с точки зрения нормального поведения, тем не менее приходится считаться с ними. Более того, их наличие свидетельствует о чем-то таком, что необходимо не просто отвергать или осуждать, а исследовать и познавать. Ведь как иначе ответить на вопросы: насколько ненормальными или нормальными являются странные на первый взгляд разнообразные формы сексуальной деятельности человека, как и каким образом они возникают, почему сохраняют свою устойчивость и где та грань, которая отделяет норму от патологии, здоровье от болезни, нормальную сексуальную деятельность от извращенной?

Собственно говоря, исследовательская и терапевтическая деятельность Фрейда была направлена на выявление истоков нормальной и извращенной сексуальной деятельности человека. Это предполагало обращение к онтогенетическому и филогенетическому развитию индивида, к истории развития человека и человечества. Таким образом, психоаналитический подход к изучению сексуальной жизни человека с необходимостью подводил Фрейда к раскрытию психосексуального развития ребенка.

Теория психоанализа с ее акцентом на бессознательные и сознательные процессы, уходящие своими корнями в прошлое, предполагает рассмотрение сексуальности через призму инфантильных (детских) воспоминаний и переживаний. Практика психоанализа ориентирована на выявление истоков возникновения симптомов заболевания у взрослых людей, психические расстройства которых чаще всего соотносятся с их подавленной сексуальностью. Но понять истоки этого явления немыслимо без раскрытия травматических ситуаций, страхов и переживаний, имевших место в детстве и, возможно, возникших на начальных стадиях психосексуального развития ребенка.

Изречения

З. Фрейд: «Исходя из потребности в полнозвучном лозунге, дошли до того, что стали говорить о “пансексуализме” психоанализа и делать ему бессмысленный упрек, что он объясняет “все” сексуальностью».

З. Фрейд: «Люди вообще неискренни в половых вопросах. Они не обнаруживают свободно своих сексуальных переживаний, но закрывают их толстым одеянием, сотканным из лжи, как будто в мире сексуального всегда дурная погода. Это действительно так: солнце и ветер не благоприятствуют сексуальным переживаниям в нашем культурном мире. Собственно, никто из нас не может свободно открыть свою эротику другим».

З. Фрейд: «Психоаналитическое исследование было вынуждено заняться также сексуальной жизнью ребенка, а именно потому, что воспоминания и мысли, приходящие в голову при анализе симптомов (взрослых), постоянно ведут ко времени раннего детства. То, что мы при этом открыли, подтвердилось затем шаг за шагом благодаря непосредственным наблюдениям за детьми».

Инфантильная сексуальность

Если придерживаться точки зрения, в соответствии с которой сексуальность соотносится с деторождением, то в этом случае ребенок может восприниматься как асексуальное существо. В большинстве случаев именно так и обстоит дело, поскольку многие родители и воспитатели соотносят сексуальность своих детей с периодом их половой зрелости.

Нередко оказывается, что родители неожиданно для себя открывают сексуальность своего ребенка только тогда, когда узнают о беременности дочери или вступлении сына в интимные отношения с девушкой. До этого ребенок воспринимается как непорочное дитя, не только не проявляющее никакой сексуальности, но и не имеющее ни малейшего представления о «тайнах» взрослых. Правда, в раннем детстве родители могут столкнуться с такой ситуацией, когда их ребенок занимается «недопустимыми шалостями». Но это воспринимается, как правило, не с точки зрения проявления у него сексуальности, а как нехорошее поведение, дурная привычка, от которых дитя необходимо оградить. Для пресечения подобного поведения и искоренения дурной привычки используются различные воспитательные методы — от высмеивания до назидания, от переключения внимания ребенка на другие интересы до сурового его наказания. Однако сами по себе недопустимые шалости ребенка чаще всего рассматриваются родителями и воспитателями в качестве некоего курьеза, не имеющего никакого отношения к сексуальности как таковой.

Представления об асексуальном детстве настолько широко распространены, что родителям кажется само собой разумеющимся говорить о сексуальности со своим ребенком только тогда, когда он вступает в период полового созревания. Но нередко случается так, что к тому времени ребенок знает о сексуальной жизни нечто такое, о чем некоторые родители даже не подозревают. Чаще всего родители полагают, что разговор с детьми на сексуальную тему преждевременен, ребенок слишком мал, а когда решаются просветить его по некоторым интимным вопросам, то оказывается, что уже слишком поздно, ребенку все давно известно. И это происходит не только потому, что в восприятии многих родителей их ребенок долгое время остается все еще несмышленым дитятею, но и в силу того, что представления об асексуальном детстве прочно укоренились в сознании людей.

В истории различных народов зафиксированы случаи раннего полового созревания детей. У некоторых южных народов существуют обычаи, согласно которым девушка 13–14 лет отдается в жены мужчинам зрелого и даже преклонного возраста, так как считается взрослой женщиной, способной к нормальной сексуальной деятельности, к деторождению. Из истории известны также редкие случаи, когда маленькие девочки становились матерями. Так, несколько десятилетий тому назад сообщалось,

что в Перу одна девочка в возрасте то ли пяти с половиной, то ли шести с половиной лет вскоре должна стать матерью. При этом демонстрировалась фотография этой маленькой женщины, находящейся на седьмом или восьмом месяце беременности. Согласно другому сообщению, девочка чуть старше восьми лет родила двойню.

Разумеется, подобного рода случаи представляются исключительными и могут быть восприняты родителями и воспитателями, свято верящими в непорочность маленьких детей, в качестве патологии. Тем не менее они свидетельствуют о том, что сексуальная жизнь детей способна проявляться в таком возрасте, о котором многие родители и воспитатели не подозревают. Ведь большинство из них разделяют широко распространенные представления об асексуальном детстве.

Фрейд критически отнесся к преобладающим в конце XIX – начале XX века представлениям об асексуальности детей. В работе «Три очерка по теории сексуальности» (1905) и в своем выступлении перед американской аудиторией в Университете Кларка в Вустере, штат Массачусетс (1909), он подчеркнул, что подобные представления ошибочны.

Наличие у взрослых людей представлений об асексуальном детстве объяснялось Фрейдом тем, что каждый родитель был когда-то ребенком, испытал на себе влияние воспитания, направленное на укрощение сексуальных влечений, и, следовательно, подпал под воздействие этических норм и культурных требований, не допускающих и ограничивающих проявление детской сексуальности. Поэтому, будучи взрослыми, большинство родителей оказываются обремененными различного рода предрассудками, включая представления об асексуальном детстве.

Кроме того, и это, пожалуй, не менее важно с психоаналитической точки зрения, в типичных представлениях об асексуальном детстве действенным оказывается один из психических феноменов, который ранее не привлекал к себе внимания исследователей. Речь идет об инфантильной амнезии, утрате памяти, неспособности вспомнить детские переживания, охватывающие, по мнению Фрейда, первые годы жизни ребенка до шести или восьми лет. В этот ранний период жизни ребенок испытывает разнообразные чувства по отношению к окружающему его миру, включая своих родителей, и по-своему проявляет любовь, ненависть, ревность и другие страсти души. Однако, став взрослым, человек забывает об этом и фактически не знает, с какими переживаниями ему пришлось иметь дело в детстве. И хотя, казалось бы, в период раннего детства память ребенка наиболее восприимчива к различного рода впечатлениям, тем не менее в памяти взрослого человека не сохраняется ничего, что было связано с его детскими переживаниями. Кроме отдельных, не связанных друг с другом и чаще всего непонятных отрывков воспоминаний.

По выражению Фрейда, находящийся в резком противоречии с предрассудком асексуальности детства период жизни укрывается затем у большинства людей «амнестическим покрывалом», разорвать которое по-настоящему может только аналитическое исследование. Это странное психическое явление соотносилось им не с потерей памяти как таковой, а с так называемой инфантильной амнезией. Она во многом напоминает амнезию невротиков, которая обусловлена механизмами работы психики, не допускающими в сознание больного материал его собственных переживаний, который вытесняется в бессознательное.

Проведя параллель между инфантильной и истерической амнезией, основатель психоанализа тем самым как бы проложил путь для сравнения душевной жизни ребенка и невротика. И коль скоро причины невротических заболеваний усматривались

им в сексуальности, имевшей место в детстве и как бы вновь возвратившейся к человеку позднее, то перед Фрейдом встал вопрос о том, нельзя ли рассматривать инфантильную амнезию с точки зрения сексуальных переживаний детства. Ответ на этот вопрос способствовал психоаналитическому объяснению и инфантильной амнезии, и детской сексуальности.

В период возникновения психоанализа Фрейд высказал свои догадки о значении детского возраста для понимания причин возникновения неврозов, связанных с неудовлетворенной сексуальностью. Позднее в работе «Три очерка по теории сексуальности» он подробно изложил свои взгляды на этот вопрос, обратив особое внимание на различного рода перверсии и проявление сексуальности детей в раннем детстве. Данная работа вызвала шок среди тех, кто придерживался традиционной точки зрения на детство как асексуальный период развития ребенка. Идеи же Фрейда об инфантильной сексуальности, послужившие толчком для последующих психоаналитических исследований в этой ранее мало изученной сфере научного знания, вызвали среди многих ученых и представителей различных слоев общества резкую критику, отголоски которой дошли до наших дней.

При обсуждении проблемы сексуальности Фрейд ввел в концептуальный остов психоанализа несколько терминов. Так, для обозначения той силы, которой обладает сексуальное влечение, он использовал понятие «либидо», введенное в научный оборот его предшественниками. В понимании Фрейда сексуальное влечение аналогично влечению к принятию пищи, и поэтому либидо можно рассматривать как некий аналог голода. Вместе с понятием либидо он использует такие термины, как «сексуальный объект» и «сексуальная цель». Сексуальным объектом он называет лицо, которое внушает половое влечение. Под сексуальной целью Фрейд понимает действие, на которое влечение толкает. Наряду с этим он также использует понятие эрогенных зон, относящихся к различным частям тела, доставляющим человеку сексуальное удовольствие.

По мнению Фрейда, первые сексуальные побуждения возникают уже у грудного ребенка и проявляются во время его сосания материнской груди. Насытившийся и удовлетворенный ребенок блаженно засыпает, что напоминает собой то состояние, в которое впадает взрослый человек после достижения оргазма, так как сексуальное удовлетворение является наилучшим снотворным средством. Правда, может возникнуть вполне резонный вопрос: о каком сексуальном удовлетворении может идти речь у ребенка, если кормление грудью обусловлено его чувством голода, удовлетворение которого как раз и сопровождается засыпанием младенца? Но Фрейд обратил внимание на то обстоятельство, что хотя главный интерес ребенка направлен на прием пищи, тем не менее младенец часто прибегает к акту сосания даже тогда, когда он не находится во власти голода. В качестве объектов сосания он может использовать части своего собственного тела, включая пальцы рук и даже ног, а также находящиеся в пределах его досягаемости предметы, например резиновые игрушки или пустышку. В этом случае акт сосания сам по себе, без какого-либо соотнесения с утолением голода, доставляет ему удовольствие, после чего он может блаженно уснуть. Сексуальная природа этого действия подмечалась некоторыми врачами. Поэтому, обратив на акт сосания особое внимание, Фрейд пришел к выводу, что, переживая первоначальное удовольствие при приеме пищи, впоследствии через акт сосания ребенок стремится к сексуальному удовольствию посредством возбуждения эрогенных зон рта и губ.

Фрейд исходил из того, что сначала удовлетворение от эрогенной зоны напрямую связано у ребенка с удовлетворением его потребности в пище, с утолением голода. В акте сосания материнской груди или ее заместителей (при искусственном кормлении) младенец выполняет определенные функции, связанные с сохранением и поддержанием его жизни. При этом удовольствия от кормления и раздражения эрогенных зон совпадают между собой, представляя единый процесс. Позднее два типа удовольствия ребенка становятся независимыми друг от друга и потребность в сексуальном удовольствии отделяется от потребности в принятии пищи.

Таким образом, по убеждению Фрейда, в самом акте сосания проявляются существенные признаки того, что можно назвать осуществлением инфантильной сексуальности. Одним из таких признаков оказывается соединение сексуального удовольствия с какой-нибудь важной для жизни человека телесной функцией, в частности с приемом пищи, утолением голода. Второй признак связан с так называемым аутоэротизмом, или аутоэротичностью, когда влечение направлено не на другое лицо, а на самого себя, когда удовольствие достигается от своего собственного тела (сосание пальцев рук, ног, других участков тела), то есть когда еще нет никакого знания о сексуальном объекте. И наконец, третий признак состоит в том, что сексуальная цель находится во власти эрогенных зон ребенка. Таковы, согласно Фрейду, первоначальные основные признаки проявления инфантильной сексуальности.

Отход ребенка от материнской груди в акте сосания и замена ее частью собственного тела становятся первым опытом обретения самостоятельности в получении удовольствия. Ребенок не обретает самостоятельность, он все еще зависит от матери или ее заместителей. И тем не менее он оказывается способным получить удовольствие не только от внешнего объекта, но и от своего собственного тела, к которому начинает проявлять свой первый инфантильный исследовательский интерес. Получая относительную независимость от внешнего мира, ребенок открывает для себя эрогенные зоны своего собственного тела, наиболее чувствительные к раздражению, возбуждению и доставляющие ему удовольствие. Он касается рукой своих гениталий, играет со своими испражнениями и даже может употреблять в пищу кал. И от всего этого он сам, не прибегая к помощи других лиц, может получать удовольствие. Обнаружение своих гениталий ведет к переходу от сосания к онанизму, а способности к задержкам в мочеиспускании и испражнении — к раздражению эрогенных зон и последующему удовольствию от совершения соответствующих актов. Все это, с точки зрения Фрейда, служит проявлением инфантильной сексуальности.

Говоря о мастурбации детей как неизбежном периоде развития инфантильной сексуальности, Фрейд различает три фазы, играющие определенную роль в детстве человека. Первая фаза относится к младенческому возрасту. Благодаря младенческому онанизму утверждается будущий приоритет эрогенных зон в сексуальной деятельности человека. По истечении некоторого времени младенческий онанизм прерывается, но потребность в повторении удовольствия сохраняется. Вторая фаза инфантильной мастурбации также отмечена кратковременным периодом и проявляется в возрасте до четырех лет. На этой фазе инфантильные сексуальные переживания оставляют глубокий след в бессознательном, предопределяют развитие характера ребенка и могут отразиться в симптоматике невроза в юношеском возрасте. Инфантильная мастурбация оказывается вытесненной, забытой, находящейся в тесной связи с инфантильной амнезией. Третья фаза инфантильной мастурбации

соответствует онанизму при наступлении половой зрелости. В отличие от двух предшествующих, она обычно принимается во внимание самим ребенком, поскольку онанизм способен вызвать у него чувство вины.

Сознание вины невротиков нередко связывается именно с воспоминаниями об онанизме в период полового созревания. Впрочем, чувство вины испытывают многие дети, независимо от того, возникает ли оно в результате воспоминаний о предшествующей «запретной» деятельности или в момент ее осуществления. Аналитическая практика свидетельствует о том, что чувство вины подобного рода характерно для многих больных, страдающих невротическими расстройствами. Психоаналитикам приходится сталкиваться с признаниями пациентов о том, что они испытывали смущение, стыд и вину после своих мастурбационных действий в подростковом возрасте. Так, в процессе аналитической работы один из моих пациентов, преодолев смущение, как-то сообщил, что после занятий онанизмом в детстве он всегда испытывал чувство вины.

Изречения

З. Фрейд: «Конечно, господа, дело не обстоит так, будто половое чувство вселяется в детей во время полового развития, как в Евангелии сатана в свиней. Ребенок с самого начала обладает сексуальными влечениями и деятельностью; он приносит их в свет вместе с собой, и из этих влечений образуется благодаря весьма важному поэтапному процессу развития так называемая нормальная сексуальность взрослых. Собственно, вовсе не так трудно наблюдать проявления детской сексуальности, напротив, требуется известное искусство, чтобы просмотреть и отрицать ее существование».

З. Фрейд: «Я полагаю, что инфантильная амнезия, превращающая для каждого человека его детство как бы в доисторическую эпоху и скрывающая от него начало его собственной половой жизни, виновата в том, что детскому возрасту, в общем, не придают никакого значения в развитии сексуальной жизни».

З. Фрейд: «Уже больше нет надобности не замечать душевные и социальные проявления сексуальной жизни; выбор объекта, нежное предпочтение отдельных лиц, даже решение в пользу одного из полов, ревность установлены беспристрастными наблюдениями независимо от психоанализа и до его появления и могут быть подтверждены любым наблюдателем, желающим это видеть».

Инфантильное сексуальное исследование и полиморфно-извращенная сексуальность ребенка

Наряду с сексуальной деятельностью, обращенной на свое собственное тело, в раннем возрасте у ребенка проявляется интерес к окружающему миру, связанный с тем, что Фрейд назвал инфантильным сексуальным исследованием. Инфантильное сексуальное исследование выражается в различных формах и может быть свя-

зано с детским интересом к тому, как и откуда появляются братья и сестры, почему мальчики имеют то, чего нет у девочек, что делают папа и мама, когда остаются одни. Пытаясь ответить на эти и другие вопросы, ребенок прибегает к различного рода объяснительным конструкциям, которые доступны его детскому уму. Для взрослых эти конструкции кажутся наивными и смешными, в то время как для ребенка они серьезны и значимы.

Если в процессе совместного общения и игр с девочками мальчик обнаруживает, что его сестра или новая знакомая в детском садике имеют несколько иное строение гениталий, чем он, то в его маленькой головке возникают различного рода мысли, способные вызвать изумление, недоверие или страх. У него могут всплыть воспоминания о том, как его ругали взрослые (мама, воспитательница детского сада или кто-либо еще) за то, что он играл своим маленьким пенисом. Он может вспомнить, как взрослые грозили ему наказанием — оторвать непослушную ручку или то, с чем он производил манипуляции. И увидев голенькой свою сестренку или девочку в детском садике, он не только с удивлением обнаруживает, что у них нет того, что у него есть, но и со страхом думает, что их уже наказали. Мальчик начинает бояться того, что и с ним может произойти то же самое.

Фрейд полагал, что подобная ситуация становится основой для возникновения комплекса кастрации. Прежние угрозы за игру с маленьким пенисом, от которой мальчик получал удовольствие, оказывают на него свое устрашающее воздействие. По выражению Фрейда, мальчик попадает во власть кастрационного комплекса, образование которого имеет большое значение для формирования характера, если он остается здоровым; для его невроза, если он заболевает; и для его сопротивлений, если он подвергается аналитическому лечению.

В отличие от мальчика, подпадающего под власть страха, связанного с комплексом кастрации, девочка, в понимании Фрейда, испытывает чувство глубокого ущемления. Обнаружив свое отличие от мальчика, она начинает испытывать зависть по отношению к тому, чего у нее нет. У девочки может возникнуть желание стать такой же, как мальчик. В более позднем возрасте это желание может вновь возникнуть при неудаче выполнения женской роли и обнаружиться в неврозе.

Фрейд полагал, что девочка, совершив свое открытие, относящееся к ее непохожести на мальчика, приобретает чувство зависти к пенису. Однако вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что все девочки реагируют на подобное открытие именно таким образом. Во всяком случае, мне доводилось иметь дело с несколько иным проявлением «женской психологии», когда, обнаружив свое отличие от мальчика, девочка приобретала чувство страха. Реакция девочки на отсутствие пениса была точно такой же, как и реакция мальчика. Так, одна из моих пациенток, девушка в возрасте 22 лет, вспоминала, что в детстве, когда впервые имела возможность сравнить себя с мальчиками, у нее, по ее собственным словам, «первоначально был испуг от отсутствия пениса». И только позднее у нее возникло презрение к девочкам и появилось желание стать такой же, как мальчики.

Если ребенок случайно становится свидетелем интимных отношений между родителями, то, не понимая сути происходящего, он находит для себя такие объяснения, которые ему представляются правдоподобными. Увиденную им картину он может воспринимать как акт насилия отца над матерью, а звуки, сопровождающие половой акт, — как стоны от боли, призывы матери о помощи. В этом случае ребенок

может испугаться, притаиться, наблюдая за происходящим, убежать прочь сломя голову или броситься на защиту своей матери, спасая ее от «плохого» отца, причиняющего ей боль и страдания.

Последнее положение наглядно подтверждается на материале проведенного мною исследования среди российских студентов. Важно подчеркнуть, что речь идет не о пациентах, страдающих невротическими расстройствами и проходящих курс психоаналитического лечения, а об обычных молодых людях, обучающихся в различных колледжах, институтах, университетах.

Приведу воспоминания девушки, имеющие прямое отношение к обсуждаемой проблематике.

«До чего же раздражал меня тот факт, что мои родители спят вместе! Я постоянно пыталась влезть между ними, отодвинуть отца. А в какое смятение меня приводило то, что я не раз становилась свидетельницей их интимных отношений! Поначалу мне даже казалось, что отец причиняет моей матери большие страдания, и я порывалась броситься ей на помощь. Когда я обнаружила, что при моем появлении все мгновенно прекращается, я специально заходила в комнату, громко кашляла, включала свет или лезла в шкаф, скрипя дверцами. Добившись своего, то есть прекращения этого ужасного “издевательства” над мамочкой, я удалялась с чувством выполненного долга и спокойно засыпала».

Случайно увиденная картина интимной близости между родителями может вызвать такие переживания у ребенка, которые сразу же дадут знать о себе в форме детской истерии или, будучи бессознательными и глубоко запрятанными, скажутся через какое-то время и найдут отражение в жизни взрослого человека в форме невротических симптомов. И если даже это не сопровождается какими-то болезненными проявлениями, тем не менее *случайно увиденные ребенком сцены проявления сексуальности между родителями оставляют глубокий след в его душе*.

Часто сцены интимной близости между родителями порождают у детей желание оказаться на месте одного из них. Вместе с тем они могут вызывать такие чувства страха и вины за «преступное» желание, которые грозят обернуться глубокими внутриличностными конфликтами. Типичным примером в этом отношении может служить воспоминание одной девушки.

«Однажды я наблюдала коитус между родителями. Было состояние удивления и страха. Потом возникло какое-то неосознанное желание, которое мучило еще больше, так как религиозное воспитание давало о себе знать».

Когда мальчик оказывается свидетелем сексуальных отношений между родителями, это может вызвать у него сексуальное желание и стать дополнительным стимулом для мастурбации. Воспоминания об этом сохраняются на долгие годы, порождая в воображении сцены интимной близости со своей матерью. Вот так по этому поводу писал один юноша.

«Я часто представляю себе картины, связанные с тем, как моя мама занималась сексом с моим отцом. В детстве я жил с родителями в однокомнатной квартире и видел все сексуальные сцены (потом я жил с моим первым отчимом, затем — со вторым). Иногда я вспоминал эти сцены в момент мастурбации, и они сильно возбуждали меня. Эти сцены возбуждают меня и сейчас, особенно когда я вспоминаю, как моя мать стонала. В 14 лет при мастурбации я представлял, что занимаюсь сексом со своей матерью. Это вызывало у меня эякуляцию. Но затем я испытывал незначительное чувство вины (или дискомфорта), когда смотрел матери в глаза».

В порождаемых в воображении ребенка картинах его сексуальным объектом могут быть как родители, так и ближайшие родственники. Очевидно лишь одно — увиденная ребенком близость между родителями действительно становится источником оживления и интенсификации его сексуальной деятельности. Об этом красноречиво свидетельствует воспоминание одного юноши.

«В детстве, в возрасте около 10 лет, мне довелось ночью зайти в спальню к родителям, где я увидел, как они занимаются сексом. Мое появление было весьма неожиданным, но отец моментально среагировал и выпихнул меня за дверь, закрыв ее. Возможно, этот инцидент побудил меня к какой-то зависти. Это была наивная зависть ребенка, достаточно легкая по форме, но пробудившая в дальнейшем фривольные мечтания к обладанию женщиной старшего возраста, но отнюдь не матерью. Эти желания относились часто к старшим по возрасту двоюродным сестрам. Всегда хотелось увидеть их в обнаженном виде, а затем и иметь их, заласкав их при этом почти до состояния безумия».

Надо сказать, что различного рода переживания возникают у детей не только в связи с увиденными ими сценами интимной близости между родителями. Например, родители придерживаются таких взглядов на воспитание своих детей, когда последние ограждаются от каких-либо разговоров на сексуальные темы, а естественная обнаженность тех и других представляется делом крамольным и неприличным. В этом случае увиденная детьми сцена с переодеванием родителей может вызвать у них неприятные впечатления. Причем подобного рода впечатления настолько «застревают» в памяти ребенка, что спустя годы могут вызвать у взрослого человека неприятные чувства и по отношению к другим людям. По сути дела, может иметь место нечто такое, о чем поведала одна молодая женщина.

«Однажды, когда мне было пять лет, я вбежала в комнату и застала отца обнаженным. Целый день я находилась в шоке от увиденного, потому что это вызвало у меня испуг, брезгливость, желание убежать. Чувство брезгливости было настолько сильным, что оно стало переноситься на всех мужчин…»

Сексуальные исследования детей часто носят двойственный характер. Они сопровождаются, как правило, повышенным интересом к противоположному полу и в то же время несут на себе печать смутного беспокойства по поводу того, что делается что-то нехорошее, запретное, наказуемое. Причем чем больше у ребенка обнаруживается интерес к подглядыванию за родителями или сверстниками противоположного пола, тем сильнее возникают у него переживания, связанные со страхом наказания за эту недозволенную деятельность. Судя по всему, усиление того и другого происходит по мере взросления ребенка. Но инфантильные сексуальные исследования являются составной частью психосексуального развития детей.

Инфантильные сексуальные исследования имеют спонтанный и устойчивый характер: у многих детей отмечается стремление к подглядыванию за сверстниками и взрослыми. Это широко распространенное явление, наблюдаемое среди детей как в семьях, так и в детских садах. Другое дело, что воспитание в семье накладывает отпечаток на исследовательскую деятельность детей, которая может оказаться заторможенной или прогрессирующей. В результате чего один ребенок может вести себя пассивно даже при коллективной организации игр с подглядыванием и раздеванием, что имеет место в детских садах, в то время как другой активно вступает на путь как индивидуального, так и коллективного исследования.

Приведу два противоположных примера, иллюстрирующих сказанное выше. Вот что пишет одна девушка, вспоминая, с чем ей пришлось столкнуться в детском саду и как она это восприняла.

«В детском саду, когда воспитательницы не было в спальне, дети (мои одногруппники), не помню с чего, вдруг начали что-то вроде игры “в раздевание”. Не помню, участвовали в игре все дети или нет. Моя кровать стояла последней в первом ряду. Было четыре ряда или пять. Я лежала, укрытая одеялом, и не испытывала ни малейшего желания принимать участие в этой игре. Рядом со мной, тоже укрывшись одеялом и глядя в мою сторону, лежал мальчик и тоже не играл. И весь тихий час мы так и проглядели друг на друга. А потом пришла воспитательница. Все попадали как подкошенные на кровати. Воспитательница стала всех “будить” и затем повела на полдник».

И еще одно воспоминание, но уже другой девушки, проявившей активный интерес к инфантильному сексуальному исследованию.

«Хорошо помню, что меня раздирало любопытство. “А как же устроены мальчики?” Я подглядывала за отцом, за мальчишками в детском саду, испытывая при этом огромное любопытство, страх, что если застанут, то накажут, и чувство вины».

Любопытство и страх, стремление узнать, как устроены дети противоположного пола, и чувство стыда, желание посмотреть и даже потрогать то, чего нет у одного ребенка или, напротив, что есть у другого ребенка, и чувство вины — все это находит свое отражение в инфантильном сексуальном исследовании. Подобная двойственность приводит к тому, что ребенок может получить серьезную психическую травму, особенно в том случае, если он не подготовлен к восприятию наготы противоположного пола. Но даже если этого не происходит, первое знакомство с телесной организацией противоположного пола чаще всего оказывается ошеломляющим, вызывающим противоречивые чувства, сохраняющиеся порой на всю оставшуюся жизнь.

Об этом можно судить, например, по воспоминанию одного из эпизодов детства молодого человека.

«Самые ранние воспоминания у меня связаны со случаем, когда мы вместе с матерью и сестрой (она старше на шесть лет) пошли в душ. Тогда меня очень удивила эта картина. Я не помню, где и как мы раздевались (наверное, отдельно друг от друга). Вхожу в душевую комнату и вижу сначала полную женщину, которая намыливала себя мочалкой под душем. Потом увидел мать и сестру и очень удивился тому, что они отличаются от меня в строении тела. Я увидел и встал как вкопанный. Мне стало стыдно. Сестра тоже рассматривала меня и смеялась (скорее усмехалась). Мама показала мне на отдельную кабинку и отвела к ней, чтобы я мылся сам. Плохо помню чувства, которые я испытывал. Кажется, были смущение и стыдливость за свою наготу, любопытство и неловкость по отношению к матери и сестре».

Инфантильные сексуальные исследования ведут к активизации сексуальной деятельности ребенка. Оральная и анальная деятельность, онанизм, подглядывание, раздражение эрогенных зон — все это доставляет удовольствие ребенку. В то же время применительно к взрослому человеку все эти виды удовольствия расцениваются как извращения, поскольку они не связаны с деторождением. Если с этой точки зрения оценивать сексуальную деятельность детей, то она целиком и полностью подпадает под то, что называется извращением. Таким образом, оказывается, что в детстве находятся корни всех извращений. Дети как бы предрасположены к извра-

щениям и охотно отдаются им. Именно об этом и говорил Фрейд, считавший, что извращенная сексуальность есть не что иное, как возросшая, расщепленная на свои отдельные побуждения инфантильная сексуальность.

С этической точки зрения суждения Фрейда об инфантильной сексуальности выглядят кощунственными, поскольку для большинства родителей и воспитателей ребенок — это невинное создание, погруженное в счастливую пору детства, когда проявление какой-либо сексуальности невозможно по определению. Действительно, о каких сексуальных потребностях ребенка и тем более о его сексуальном удовольствии может идти речь, если он не достиг половой зрелости! Поэтому любые идеи, согласно которым существует какая-то инфантильная сексуальность, да к тому же еще проявляющаяся в извращенных формах, воспринимаются в лучшем случае как недоразумение и бред, а в худшем — как подрыв этических оснований человеческой цивилизации, что заслуживает не только всеобщего порицания, но и уголовного наказания.

Аналогичным образом были восприняты и представления Фрейда об инфантильной сексуальности. После публикации работ «Три очерка по теории сексуальности» (1905) и «Анализ фобии пятилетнего мальчика» (1909) некоторые педагоги не только подвергли критике «непристойные» воззрения Фрейда на детей, но и выступили с призывами привлечь автора этих работ к уголовной ответственности за аморальные теории и безнравственное лечение.

Фрейд понимал, что выдвинутые им представления об инфантильной сексуальности вызовут возмущение у тех, кто соотносит сексуальность исключительно с деторождением и кто закрывает глаза на невинные шалости детей. Он также понимал, что приравнивание инфантильной сексуальности к извращениям не пойдет на пользу психоанализу в плане его признания. Напротив, это вызовет негативную реакцию у многих людей, неспособных без какой-либо предвзятости взглянуть на самих себя и мир детства, в котором сексуальность находит выражение не в меньшей мере, чем в мире взрослых. Однако, будучи непреклонным приверженцем истины, он не мог идти на уступки общественному мнению, подверженному различного рода заблуждениям. Напротив, обратив внимание на инфантильную сексуальность, он сделал все для того, чтобы, до конца испив чашу возможного неприятия его взглядов и возмущения по поводу аморальности психоаналитического подхода к рассмотрению детства, глубже понять и доходчивее объяснить те психические механизмы, которые обусловливают психосексуальное развитие ребенка.

Для Фрейда асексуальность детства — это миф родителей и воспитателей, созданный обществом и культурой в процессе их развития с целью укрощения, подавления природных влечений человека и направления их в русло трудовой деятельности. Это тот миф, благодаря которому родители и воспитатели утратили память о своих собственных сексуальных влечениях и переживаниях детства. Тот миф, который, войдя в плоть и кровь взрослых, воспринимается ими самими как вполне сознательное убеждение об асексуальности детей, в то время как в основе подобного убеждения лежат различного рода рационализации, прикрывающие нечто такое, о чем не хочется думать.

Миф об асексуальности детства — удел взрослых. Сами же дети как чистые и невинные существа следуют зову природы. То, что для многих взрослых предстает как извращение, для детей составляет норму психосексуального развития. Не обремененные этическими предписаниями и рационализацией разума, маленькие

дети демонстрируют свою искренность и непосредственность, удовлетворяя свои потребности, включая сексуальные влечения. Не обладая зрелой сексуальностью и неспособные к взрослой генитальной деятельности, они по необходимости удовлетворяют свои потребности не иначе, как в форме извращенной деятельности. Для них эта деятельность является не извращенной, а единственно возможной и доступной. Поэтому, как считал Фрейд, ребенка можно было бы назвать полиморфно-извращенным существом, что отнюдь не ущемляет его достоинства как человека.

Конечно, трудно согласиться с подобной характеристикой ребенка, тем более что каждый взрослый был когда-то ребенком и, следовательно, прошел через все фазы инфантильного полиморфно-извращенного развития. Однако, полагал Фрейд, вместо того чтобы возмущаться по поводу полиморфно-извращенной сексуальной деятельности ребенка, не лучше ли именно с этой точки зрения посмотреть на его развитие. И тогда, быть может, более понятными станут те детские влечения и переживания, которые, по большей части, не становятся предметом сознания родителей и воспитателей. Сам Фрейд предпринял попытку выявить возрастные фазы психосексуального развития ребенка.

Прежде всего он провел различия между сексуальностью и генитальностью. Точно так же, как при обсуждении проблемы бессознательного, он подчеркнул, что психика и сознание — это не одно и то же. Фрейд выразил твердое убеждение в том, что сексуальное не тождественно генитальному. В этом отношении он сформулировал два сходных между собой положения. Одно, на которое уже обращалось внимание, гласило: все вытесненное является бессознательным, но не все бессознательное является вытесненным. Второе звучало так: все генитальное является сексуальным, но не все сексуальное относится к генитальному. Как замечал основатель психоанализа, «мы не можем не признать “сексуального”, которое не “генитально” и не имеет ничего общего с продолжением рода».

Исходя из подобного понимания сексуальности, Фрейд провел различие между прегенитальной и генитальной организациями сексуальной жизни человека. Прегенетальной организацией сексуальной жизни он назвал такую, в которой генитальные зоны и гениталии (половые органы) еще не приобрели своего преобладающего значения. В отличие от нее генитальная организация сексуальной жизни характеризуется доминированием гениталий в сексуальной жизни человека.

Изречения

З. Фрейд: «Детское сексуальное исследование начинается очень рано, иногда еще с трехлетнего возраста».

З. Фрейд: «Подрастающий ребенок скоро замечает, что отец должен играть какую-то роль в появлении ребенка, но не может угадать какую. Если он случайно становится свидетелем полового акта, то видит в нем попытку насилия, борьбу, садистски истолковывает коитус».

З. Фрейд: «Маленький ребенок, прежде всего, бесстыден и в определенном возрасте проявляет недвусмысленное удовольствие от обнажения своего тела, особенно подчеркивая свои половые части. В противоположность к этой, считающейся перверсной, склонности любопытство при разглядывании

половых органов других лиц проявляется, вероятно, в несколько старшем возрасте, когда препятствие от чувства стыда достигло уже некоторого развития».

Фазы психосексуального развития ребенка

Согласно Фрейду, прежде чем устанавливается примат гениталий, в сексуальной жизни ребенка существует особого рода неустойчивая прегенитальная организация, которая включает в себя несколько фаз развития.

Первой из них является оральная (ротовая). В этой фазе развития сексуальная деятельность ребенка тесно связана с принятием пищи, поэтому ее можно назвать также каннибальной. Данная фаза развития характеризуется поглощением пищи или сосанием груди, а также других частей тела, например пальцев рук и ног. Искусство египтян наглядно отражает, по мнению Фрейда, эту первоначальную ступень сексуальной деятельности, когда даже божественный Хорус изображен с пальцем во рту. Временной период оральной фазы сексуального развития ребенка — от рождения до двух лет.

Вторая фаза прегенитальной сексуальной организации — анальная. Здесь основную роль эрогенной зоны начинает играть анус (задний проход). Ребенок получает удовольствие от раздражения слизистой оболочки ануса. Он не желает очищать свой кишечник насильно, когда его сажают на горшок, но испытывает сладостные ощущения, когда испражняется по собственному желанию. Он делает свои «большие дела», когда сам этого захочет и там, где хочет. Анальную фазу Фрейд назвал еще садистской, или садистско-анальной, организацией. Эта фаза включает в себя наслаждение ребенка от задержек кала и освобождения кишечника в самый неподходящий для родителей или воспитателей момент. Например, к родителям пришли гости, а их ребенок перепачкал свою одежду и с удовольствием играет с тем «подарком», который он преподнес сам себе.

В рамках анальной фазы развития возникает амбивалентное (двойственное) отношение ребенка к своей собственной деятельности, которое пронизывает собой всю сексуальную жизнь. Ребенок проявляет активность, связанную с овладением продуктами своей деятельности, и в то же время анус является органом пассивного характера. Продукты его деятельности оказываются частью его самого и в то же время становятся чем-то внешним. Они воспринимаются им самим как приятный «подарок» родителям и воспитателям, но оказываются чем-то таким, что вызывает брезгливость и ассоциируется с грязью в глазах последних. Подобная амбивалентность приводит к тому, что у ребенка могут возникать зародыши внутренних конфликтов между удовольствием и стыдом, садистско-анальной деятельностью и страхом. В свою очередь, все это может привести к кишечным расстройствам, оказывающим влияние на характер последующих симптомов невротических заболеваний. Временной период анальной фазы психосексуального развития ребенка — приблизительно от двух до пяти лет.

В понимании Фрейда ранний расцвет инфантильной сексуальности приходится на период детства от двух до пяти лет. С трехлетнего возраста сексуальная жизнь ребенка очевидна и не вызывает сомнений. В это время у него начинают вызывать

интерес гениталии, наступает период инфантильной мастурбации. У ребенка наблюдается предпочтение в выборе отдельных лиц и более нежное отношение к одному из полов. Ребенок может проявлять агрессивность, выражать чувство ревности. Его сексуальное исследование сопровождается переходом от аутоэротизма, то есть ориентации на собственное тело, к различению и выбору другого сексуального объекта и иной сексуальной цели.

В процессе своей исследовательской деятельности ребенок обращает внимание на гениталии. Интерес к гениталиям и пользование ими ведут к инфантильной генитальной организации. Она отличается от взрослой тем, что для детей, как мальчиков, так и девочек, важное значение приобретают только гениталии мальчиков. При этом существует примат не гениталий как таковых, а фаллоса как символического представителя мужского полового органа. Эту инфантильную генитальную организацию сексуальной жизни детей Фрейд назвал фаллической фазой развития.

В этой фазе отчетливо проявляется сексуальное любопытство ребенка, наблюдаются эксгибиционистские, то есть связанные с разглядыванием и подглядыванием, тенденции, а также агрессивные действия. Если в рамках анальной фазы развития наблюдается противоположность между активным и пассивным, то в период фаллической фазы развития противоположность сводится к наличию или отсутствию пениса, то есть к кастрации. Именно фаллическая фаза развития связана с кастрационным комплексом, и именно в этот период у ребенка возникают различного рода переживания, сопровождающиеся чувством страха, что впоследствии может привести к возникновению невротических симптомов.

В возрасте примерно с шести до восьми лет у ребенка наблюдается спад в сексуальном развитии. Этот период психосексуального развития детей Фрейд называет латентным (скрытым). Перед наступлением латентного периода, в течение которого сексуальная жизнь ребенка не прерывается, а характеризуется некоторым затишьем, большинство переживаний подвергается инфантильной амнезии. То есть забыванию, в результате которого первые годы жизни как бы выпадают из памяти. На протяжении всего латентного периода ребенок научается любить других лиц, находящихся рядом с ним и помогающих ему удовлетворить его потребности. Недостаток нежности со стороны родителей, особенно матери, сказывается на его чувствительности по отношению к другим людям. Переизбыток родительской нежности делает ребенка избалованным, неспособным в дальнейшей жизни отказаться от родительской любви. Ненасытность в требовании родительской нежности становится одним из признаков будущей нервозности.

Латентный период примечателен в том отношении, что в это время у ребенка наблюдается присоединение сексуальных компонентов к социальным чувствам: в его жизнь включаются нравственные требования, оказывающие позднее воздействие на образование сексуальных ограничений. На протяжении этого периода в психике ребенка накапливаются силы, предназначенные для сдерживания сексуального влечения. Их накопление осуществляется посредством перверсных сексуальных переживаний и благодаря воспитанию ребенка. Но, повторюсь, в латентный период сексуальная жизнь ребенка, хотя и в ослабленном виде, все же проявляется. Вследствие этого нарастает напряжение между формирующимися ограничениями и чувственными возбуждениями эрогенных зон, возникают душевные переживания, отмеченные печатью склонности к неврозу. Возбуждения, возникающие на основе

раздражения различных эрогенных зон, еще не объединены между собой. Частичные сексуальные влечения не имеют единой концентрации.

С наступлением половой зрелости происходит интенсификация сексуального развития и подчинение всех источников сексуального возбуждения примату гениталий. В этой фазе сексуального развития, названной Фрейдом генитальной, половые органы начинают играть ведущую роль в сексуальной жизни человека. В отличие от инфантильной генитальной организации, где господствующую роль играет фаллос как образное представление мужского полового органа, генитальная фаза сексуального развития характеризуется окончательным приматом половых органов. При этом ранняя сексуальная полярность, связанная с активностью и пассивностью (анальная фаза), наличием пениса и кастрированием (фаллическая фаза), обретает зрелые черты различия между мужским и женским.

Таковы представления Фрейда о сексуальном, или, точнее, о психосексуальном развитии ребенка. В процессе этого развития не исключены различного рода фиксации, то есть задержки на той или иной фазе, что сказывается на сексуальной жизни взрослого человека. Возможна также регрессия, то есть возвращение к инфантильной сексуальности, к различным фазам ее развития. Все это может вести к отклонению от сексуальной деятельности взрослых, связанной с деторождением. Фактически извращения, перверсии взрослых оказываются не чем иным, как выражением инфантильной сексуальности, вызванной к жизни предшествующими фиксациями или регрессиями.

На основании своих представлений об инфантильной сексуальности Фрейд выдвинул предположение, что формирование характера человека тесно связано с прегенитальными фазами развития. В работе «Характер и анальная эротика» (1908) он провел параллели между анальной сексуальностью и такими чертами характера человека, как аккуратность, бережливость, упрямство. Аккуратность рассматривалась им не только как физическая чистоплотность, но и как добросовестность в исполнении различных, в том числе и мелких обязательств. Бережливость — как доходящая до крайности и превращающаяся в скупость. Упрямство — как нечто такое, что способно перейти в упорство, к которому присоединяется наклонность к гневу и мстительности. Все эти три свойства расценивались Фрейдом как тесно связанные между собой составляющие одного целого, уходящего своими корнями в детство человека. Люди, обладающие подобными свойствами, относились, с его точки зрения, к той категории грудных младенцев, которые имели обыкновение не опорожнять кишечник, если их сажали на горшок, поскольку акт дефекации и задерживание стула доставляли им удовольствие. По мере их инфантильного развития часть сексуальной деятельности подверглась отклонению от половых целей и направилась в сторону задач иного рода. Этот процесс отклонения от первоначальных сексуальных целей на социально приемлемые Фрейд назвал сублимацией. Аккуратность, бережливость и упрямство как раз и представляют собой, на его взгляд, постоянные продукты сублимированной анальной эротики.

Размышления Фрейда о сексуальном развитии ребенка вызвали резкую критику со стороны тех, кто усмотрел в них некий пасквиль на невинное детство. Психоаналитические представления о фазах сексуальной организации жизни вызвали неоднозначное отношение и среди ученых, которые (с учетом эмпирических данных, полученных в ходе этнографических, медицинских и психологических исследований) выявили иные возрастные периоды сексуального развития детей. Однако если

первоначальная реакция на соответствующие взгляды Фрейда об инфантильной сексуальности характеризовалась резким их неприятием, сопровождавшимся моральным осуждением, особенно со стороны педагогов, то со временем отношение к психоаналитической теории сексуального развития человека изменилось.

Специалисты в различных областях естественно-научного и гуманитарного знания стали более основательно подходить к вопросу о детской сексуальности. Это не означает, что идеи Фрейда получили всеобщее признание. Скорее напротив, они вызвали потребность в их переосмыслении. Однако в ходе их переосмысления, часто довольно критического и продуктивного, многие исследователи подтвердили правомерность по крайней мере двух выдвинутых Фрейдом психоаналитических положений. Во-первых, генитальное действительно не покрывает собой полностью сферу сексуального. Во-вторых, сексуальная организация жизни взрослых самым тесным образом связана с психосексуальным развитием ребенка и, следовательно, для понимания тех или иных отклонений в сексуальности взрослого человека, а также его психических заболеваний следует обратиться к изучению его детства.

Фрейд инициировал дальнейшие исследования в области изучения сексуальности человека. В рамках психоанализа и за его пределами вносились уточнения в содержание понятия инфантильной сексуальности. Проводились научные исследования с целью выявления периодов, или фаз, психосексуального развития в детском и юношеском возрасте.

Так, К. Абрахам в рамках оральной стадии развития выделил две фазы: одну, связанную с желанием ребенка сосать; другую — с его желанием кусать. Дж. Садгер рассмотрел уретральную (уретра — проток, по которому моча выводится из мочевого пузыря) фазу, связанную с удовольствием, получаемым ребенком при мочеиспускании. С точки зрения М. Малер, в начальном периоде жизни ребенка можно выделить такие фазы, как аутическая, характеризующаяся отчуждением, отделением ребенка от матери, и симбиотическая, характеризующаяся единением, близостью между ребенком и матерью.

Если Фрейд уделял основное внимание рассмотрению эдипова комплекса, проявляющегося на фаллической фазе инфантильной сексуальности и лежащего в основе возникновения психических расстройств, то многие психоаналитики стали исследовать более ранние фазы психосексуального развития ребенка. Д. Винникотт, М. Кляйн, М. Малер, Р. Шпиц, Х. Кохут и другие обратились к изучению доэдиповых связей между ребенком и матерью. Они исследовали влияние материнских отношений на начало жизни ребенка, вредные последствия разлучения маленьких детей с матерью, роль регрессивных процессов в детской психике.

Рассмотренная Фрейдом зависимость между анальной эротикой и специфическими чертами характера (анального характера) человека также подверглась дальнейшему изучению и осмыслению.

Одни психоаналитики попытались более подробно, чем это сделал Фрейд, раскрыть особенности анальной эротики, оказывающей влияние на формирование характера человека. В частности, Э. Джонс рассмотрел анально-эротические черты двух типов характера. Для первого типа характера свойственны раздражительность, мелочность, властолюбие, упрямство; для второго — решительность, упорство, деловитость, надежность, любовь к порядку.

Другие психоаналитики выдвинули иное представление о типах характера. Так, В. Райх провел различие между генитальным и невротическим характером человека.

В рамках невротического характера он выделил истерический (фиксация в генитальной стадии инфантильного развития со склонностью к инцесту), компульсивный (основанное на анальном эротизме преувеличенное чувство порядка и педантизма) и фаллически нарциссический (защита от регрессии к анальной стадии путем чрезмерной самоуверенности, высокомерия, хвастовства) типы характеров. В свою очередь, Э. Фромм исходил из того, что основу характера составляют не различные типы прегенитальной сексуальной организации, а специфические отношения личности с миром, проявляющиеся в процессах ассимиляции (овладение вещами) и социализации (взаимодействие с людьми). В соответствии с этим он различал типы характера, связанные с рецептивной (усматривающей источник всех благ жизни вовне, но не проявляющей активности), эксплуататорской, стяжательской и рыночной ориентациями человека.

Надо сказать, что по мере развития психоанализа Фрейд вносил добавления и исправления в различные аспекты своей теории. В 1905 году, когда он выдвинул психоаналитические представления о прегенитальной и генитальной фазах сексуальной организации жизни ребенка, у него имелись лишь смутные представления об инфантильной генитальной организации. Несколько лет спустя особое внимание Фрейд уделил роли фаллоса и эдипова комплекса в психосексуальном развитии детей. На начальном этапе развития психоанализа Фрейд рассматривал прегенитальную организацию сексуальности, выделив оральную и анальную фазы развития. В 30-х годах он стал использовать термин «доэдипов». Обращаясь к проблеме женственности, он уже подчеркивал, что нельзя понять женщину, не отдав должное фазе доэдиповой привязанности к матери.

Фрейд утверждал, что эмоциональные отношения девочки к матери разнообразны. Они соответствуют инфантильным желаниям, проявляются на ранних стадиях психосексуального развития. Эти желания могут быть активными и пассивными, нежными и враждебными. В доэдипов период у девочки можно обнаружить относящийся к матери страх: девочка боится быть убитой или отравленной матерью. Если этот страх преобладает в жизни девочки, то он может привести к психическому заболеванию.

Со временем сильная эмоциональная привязанность девочки к матери проходит. Она уступает место эмоциональной привязанности девочки к отцу. Отход от матери сопровождается, согласно Фрейду, проявлением ненависти. Эта ненависть может возникнуть на почве прекращения кормления грудью, рождения другого ребенка, ревности к младшей сестре или брату. Девочка становится раздражительной, непослушной, агрессивной. Ненависть к матери может сохраниться у девочки, затем девушки и взрослой женщины на всю жизнь.

Доэдипов период психосексуального развития характерен и для мальчика. Вообще, обиды, ревность, разочарование в любви матери к ребенку встречаются как у девочек, так и у мальчиков. Однако доэдипов период психосексуального развития у мальчиков, по мнению Фрейда, более короткий по времени, нежели у девочек, и не сопровождается отходом сына от матери.

Перенос эмоциональных чувств любви девочки с матери на отца означает, согласно Фрейду, то, что она вступает в фазу развития эдипова комплекса. Мать становится как бы соперницей, и у девочки усиливается враждебное отношение к ней. Это может привести к различным исходам. Если впоследствии девушка останавливается на

привязанности к отцу, то она будет выбирать себе спутника жизни по типу отца. Сохранившаяся ненависть к матери выльется в сильную любовь к мужу, в результате чего возможен счастливый брак. При рождении первого ребенка собственное материнство способно оживить раннюю эмоциональную привязанность к матери. Муж может отойти на задний план, вплоть до возникновения враждебного отношения к нему.

Отождествление женщины с матерью как бы воссоздает ранний доэдипов период развития, основанный на нежной привязанности к собственной матери. Одновременно дает знать о себе и поздний период, связанный с эдиповым комплексом. С точки зрения Фрейда, ни один из этих периодов не преодолевается в полной мере. Тем не менее он полагал, что фаза нежной доэдиповой привязанности для будущего женщины оказывается решающей.

Представление Фрейда о доэдиповой фазе психосексуального развития ребенка нашло свое отражение в работах ряда психоаналитиков. Р. Мак-Брунсвик описала случай психического заболевания, истоки которого лежали, по ее мнению, в доэдиповой фазе психосексуального развития пациента. Х. Дойч показала, как сексуальные взаимоотношения между женщинами воспроизводят ранние эмоциональные отношения между матерью и дочерью. Ж. Лакан ввел понятие «доэдипов треугольник». Он считал, что определяющую роль в нем играют отношения не между матерью, ребенком и отцом, а между матерью, ребенком и фаллосом как античным представлением мужского органа.

Нет необходимости возводить идеи Фрейда об инфантильной сексуальности в ранг незыблемых догм. Научные исследования и терапевтическая практика показывают, что далеко не все его представления о соответствующих фазах и особенностях психосексуального развития детей именно такие, как они виделись основателю психоанализа. В частности, уже обращалось внимание на то обстоятельство, что девочка может реагировать на отсутствие у нее пениса не только чувством зависти, как считал Фрейд, но и проявлением чувства страха, как это наблюдается у мальчиков.

Но нет необходимости и недооценивать вклад Фрейда в понимание инфантильного сексуального развития. Во всяком случае, вряд ли сегодня приходится сомневаться в том, что сексуальность ребенка проявляется только и исключительно в период его полового созревания. Фрейд привлек внимание к более раннему выражению сексуальности у детей. Тем самым он дал возможность родителям и воспитателям по-новому взглянуть на первые годы жизни ребенка и пересмотреть ранее широко распространенные представления о том, когда дети начинают интересоваться сексуальными вопросами и в каком направлении осуществляется их психосексуальное развитие. Кроме того, Фрейд убедительно показал, что детство ребенка предстает не таким и беззаботным. Многие дети испытывают столь глубокие переживания и душевные потрясения, что они оказывают серьезное воздействие на дальнейшую судьбу взрослого человека и сопровождаются возникновением различного рода психических заболеваний.

Изречения

З. Фрейд: «Сексуальная жизнь — как мы говорим, функция либидо — появляется не как нечто готовое и не обнаруживает простого роста, а проходит ряд следующих друг за другом фаз, непохожих друг на друга, являясь, таким

образом, неоднократно повторяющимся развитием, как, например, развитием от гусеницы до бабочки».

З. Фрейд: «Мы, конечно, знали, что была предварительная стадия привязанности к матери, но мы не знали, что она могла быть так содержательна, так длительна и могла дать так много поводов для фиксаций и предрасположений».

З. Фрейд: «С наступлением половой зрелости начинаются изменения, которым предстоит перевести инфантильную сексуальную жизнь в ее окончательные нормальные формы. Сексуальное влечение до того было преимущественно аутоэротично, теперь оно находит сексуальный объект».

Конфликты в детской комнате

Фрейд вскрыл ту реальную картину не столько счастливого, сколько несчастного детства, когда наряду с чувствами любви по отношению к близким людям ребенок может испытывать глубокие чувства ненависти, ревности, враждебности, агрессивности. Речь идет не об эдиповом комплексе, включающим в себя специфические отношения между родителями и детьми. Речь идет об отношениях, которые складываются между братьями и сестрами в семье и которые подчас оказываются ареной непримиримой борьбы детей за родительскую любовь и, как говорится, полем битвы за их место под солнцем.

Действительно, воспоминания многих людей о собственном детстве, наблюдения за детьми, находящимися дома или пребывающими в детском саду, равно как и анализ людей, страдающих психическими заболеваниями, — все это свидетельствует о наличии таких отношений между братьями и сестрами, между ребенком и его сверстниками, которые нередко отмечены печатью открыто проявляемой злобы, агрессивности, жестокости, зависти, ревности и всем тем, что отнюдь не говорит в пользу того, что ребенок по природе невинное и доброе существо. Подчас приходится сталкиваться с такими мыслями и деяниями маленьких детей, которые повергают их родителей в шок.

Несколько лет тому назад в средствах массовой информации сообщалось о случае, когда семи- или восьмилетняя девочка задушила свою младшую сестру, а родители никак не могли понять, почему это произошло. Девочку подвергли медицинской экспертизе, но не обнаружили у нее каких-либо патологических отклонений от нормального развития. Жестокость дочери потрясла родителей, которые были уверены, что уделяли своему ребенку достаточное внимание, а девочка росла в благополучной семейной обстановке. И только после совершения дикого, совершенно необъяснимого и немотивированного, с их точки зрения, поступка, после того как девочка, заливаясь слезами и горько раскаявшись в своем поступке, рассказала им, почему она задушила свою маленькую сестру, родители поняли, какие чувства одолевали их дочь до свершения преступления и что ей пришлось пережить. В том, что произошло, виноваты были, по сути дела, взрослые, которые, не зная психологии ребенка, совершенно не подозревали о внутренних конфликтах и переживаниях, имевших место в душе их дочери. Девочку же одолевали чувства ревности, обиды на своих родителей, агрессивность по отношению к маленькой сестренке, лишившей ее привычного образа жизни.

Маленькие дети часто просят своих мам и пап «купить» им или принести из родильного дома братика или сестричку, с которыми они могли бы вместе играть и заботиться о них. Но как только в доме появляется маленький ребенок, в семье начинают происходить такие изменения, которые вызывают у старших детей негативные чувства, будь то зависть, раздражение, агрессия или желание того, чтобы брата или сестру отнесли обратно. Грудной ребенок требует заботы, мать и отец уделяют ему все свое внимание, в детской комнате, если таковая есть, происходит перестановка вещей. Естественно, что старшему ребенку уделяется меньшее внимание. Ему запрещают шуметь, когда спит малыш, его наказывают, если он случайно причинит боль младшему брату или сестре, лишают его былой нежности, которая переносится на новорожденного. Все это не может не отразиться на психологии старшего ребенка, у которого подчас возникают даже мысли о том, как бы избавиться от брата или сестры.

Приведу несколько примеров, взятых из проведенного мною исследования среди студентов и из аналитической работы с пациентами.

Вспоминая свое детство, одна студентка написала о том, какие чувства испытывала после того, как у нее появился маленький братик.

«Когда его привезли из роддома, мне было шесть лет. Я была очень рада. Но, когда мне говорили: “Не трогай его!”, “Не бери его на руки!”, а вначале вообще “Не дыши на него!”, у меня была внутренняя истерика. Все внимание было направлено на младшего брата. Вместе с тем я обожала братика».

В данном случае девушка вспомнила об амбивалентных чувствах, которые она испытывала в детстве по отношению к маленькому брату. Да, она была рада его появлению на свет. Но в то же время дело дошло до возникновения истерии у девочки, поскольку родители настолько оберегали новорожденного от нее, что фактически запрещали ей общаться с ним. Но иногда двойственность чувств ребенка по отношению к младшему брату или сестре оказывается неравноценной, в результате чего может превалировать не любовь и обожание, а зависть и агрессивность.

Одним из примеров подобного рода может служить следующее воспоминание девушки.

«Когда у меня родилась сестра (у нас разница в четыре года), я стала какой-то агрессивной. Мне казалось, что я больше никому не нужна, и завидовала ей. Я подходила к ее кроватке и говорила, что это моя кроватка и чтобы она уходила. Потом однажды я опрокинула кроватку, в которой лежала сестра. Мы постоянно с ней дрались из-за игрушек, которыми мне даже не хотелось играть».

Вызванные к жизни в душе ребенка чувства зависти, ревности, обиды и агрессивности, связанные с рождением брата или сестры, могут оказаться столь сильными, что будут постоянно овладевать его мыслями, свидетельствующими о желании избавиться от соперника. Вплоть до различного рода планов относительно того, как и каким образом добиться его смерти. Вот что пишет по этому поводу одна девушка.

«Я помню, что где-то с пяти до семи лет желание смерти младшей сестре (разница в 2,5 года) было у меня ярко выражено, потому что оно не только хранилось в моих мыслях, но и отражалось в действиях. Очень часто в том возрасте я разрабатывала со своей подружкой план, как убить сестру. Помню, что я хотела испечь или сварить луковицу и дать сестренке покушать».

Разумеется, не все дети разрабатывают подобного рода планы по убийству младших сестры или брата и тем более претворяют их в реальность. Однако опи-

санный случай убийства сестры, совершенный семи- или восьмилетней девочкой, свидетельствует о том, что конфликты в детской комнате оказываются иногда столь острыми, что завершаются смертельным исходом. В большинстве же случаев это не выходит за пределы детских фантазий.

Но бывает и так, что негативное отношение к брату или сестре вытесняется из сознания ребенка, в результате чего он не помнит о детских «преступных» планах. И только анализ детских воспоминаний может привести к пониманию, не скрывалось ли за непреднамеренным действием ребенка что-то такое, что полностью как бы стерто из его памяти.

В этом отношении характерны воспоминания женщины об одном случае, произошедшем в ее детстве.

«Будучи примерно в месячном возрасте, мой брат, мирно посапывая, спал на моей кровати, лежа поперек нее. Мне было около шести лет. Я подошла к брату, взяла его на руки, покачала и положила обратно, только не поперек кровати, а вдоль ее. Помню, что я еще подумала: "Зачем он лежит поперек, если все нормальные люди спят вдоль кровати?" Я ушла из комнаты. Через несколько минут раздался хлопок и плач. Мама с папой побежали в комнату, я следом за ними. Как оказалось, брат скатился с кровати и грохнулся на пол. Папа очень накричал на меня, хотя я не помню, кто именно ругал меня сильнее. Мама рассказала, что положила брата поперек кровати, чтобы он не скатился. Клянусь Богом, эта истина мне раскрылась только после падения брата. С тех пор в моем сознании закрепилась мысль, что все, что брат делает в отношении меня, он делает с целью подставить меня. Он старается сделать так, чтобы он оказался жертвой, а я — злодейкой и меня опять бы поругали за плохое отношение к нему».

По словам этой женщины, ей всегда казалось, что брат забрал у родителей кусок внимания и любви, предназначавшихся ей. На этой почве у нее возник комплекс, обусловивший ее негативное отношение к брату. Тот случай, когда в результате ее непреднамеренных действий маленький братик упал с кровати, воспринимался ею как нелепая случайность. И только позднее, после ознакомления с психоаналитическими идеями, этот случай представился ей в совершенно ином виде. Она уже не исключала возможность, что несчастный случай на самом деле был обусловлен ее нежеланием того, чтобы маленький братик занимал место на ее кровати.

Негативные чувства и переживания, связанные с появлением в семье новорожденного, могут не только омрачить детство ребенка, но и сохраниться на многие годы. Бывает, правда, и так, что первоначально возникшие чувства ревности, зависти и обиды со временем проходят, и в более зрелом возрасте между братьями и сестрами возникают взаимопонимание, поддержка, любовь. Но случается и такое, когда детские негативные переживания сохраняются на всю жизнь, в результате чего между родными сестрами и братьями устанавливается отчужденность, что порождает мысли, граничащие с желанием смерти близкому человеку.

Именно в духе последнего соображения выдержано следующее высказывание одной женщины.

«Когда мне исполнилось шесть лет, у меня родилась сестра. Сначала я радовалась ей, но потом оказалось, что с ее появлением моя свобода ограничилась. Мне надо было гулять с ней, присматривать за ней, водить ее в детский сад, в школу. Сейчас я ощущаю тягость от того, что у меня есть младшая сестра, так как до сих пор в ее

представлении я — ее нянька. Откровенно я не желаю ее смерти. Но когда она где-нибудь задерживается и не предупреждает об этом, я рисую в воображении картины несчастного случая и ее похорон».

Не следует думать, что описанные выше отношения между старшими и младшими детьми налагают соответствующий отпечаток исключительно на жизнь первых. Не всегда только младшие дети становятся любимчиками родителей. Бывает и наоборот, когда в силу тех или иных причин родители отдают предпочтение своему первенцу, то есть старшему ребенку. И даже если родители стремятся поровну разделить свою любовь между всеми детьми, то это вовсе не значит, что именно так она воспринимается самими детьми. Подчас младшие дети ощущают, что их любят меньше, чем старших. Во всяком случае, независимо от того, как на самом деле складываются отношения между родителями и детьми, с одной стороны, и братьями и сестрами, с другой стороны, восприятие ребенком семейной ситуации может оказаться неадекватным. Подобное восприятие способно сохраниться на долгие годы. Оно может оказаться стойким и предопределить как последующее отношение взрослого человека к своей собственной семье, так и его взгляды по целому ряду вопросов, включая деторождение.

При осуществлении психоаналитической терапии аналитик учитывает особенности детского развития пациента, наличие или отсутствие у него братьев и сестер, возрастное положение в семье, а также те конфликтные ситуации, которые могли иметь место в детстве. Вот почему в аналитическом процессе, наряду с событиями настоящего и переживаниями взрослого человека, важное место отводится также рассмотрению истории инфантильного развития пациента.

Изречения

З. Фрейд: «Вероятно, нет ни одной детской без ожесточенных конфликтов между ее обитателями. Мотивами являются борьба за любовь родителей, за обладание общими вещами, за место в комнате».

З. Фрейд: «Детскому характеру вообще свойственна жестокость, так как задержка, удерживающая влечение к овладеванию от причинения боли другим, способность к состраданию развиваются сравнительно поздно».

З. Фрейд: «Возрастное положение ребенка среди братьев и сестер является чрезвычайно важным моментом для его последующей жизни, который нужно принимать во внимание во всякой биографии».

Патология любви

Одна из моих пациенток считала, что родители не могут одинаково любить своих детей. На примере своих родственников и знакомых она доказывала, что, как правило, больше всех родители любят непутевого ребенка. При этом она говорила, что совершенно не понимает тех, кто убеждает себя и других в том, что одинаково любит детей и внуков.

В сновидениях пациентки, находящейся замужем и имевшей ребенка, часто возникали такие картины, которые наводили на мысль о прерванной беременности

и страхе за своего первенца, о различного рода убийствах и похоронах не только мужа, но и любимого ребенка. Когда я ее спросил, не хочет ли она иметь второго ребенка и не говорила ли с мужем на эту тему, она подтвердила, что такой разговор с мужем был, однако материальные и жилищные условия не позволяют пока думать о втором ребенке. Одновременно она заметила, что если будет второй ребенок, то она не сможет относиться к обоим детям одинаково и у нее проявится патологическая любовь к первому ребенку. На мой вопрос, почему пациентка говорит о патологической любви, она ответила, что безумно любит своего ребенка и что второго рожают только тогда, когда не испытывают любви к первому.

Я пытался выяснить, откуда у пациентки подобные мысли, где она могла их почерпнуть, какие события детства могли оказать воздействие на формирование представлений о неравноценной любви родителей к своим детям. Создалось впечатление, что нечто подобное имело место в ее семье и она, будучи ребенком, на себе испытала те переживания, которые возникли у нее на почве недостаточной любви со стороны родителей или, по крайней мере, на фоне соответствующего восприятия, согласно которому она ощущала дефицит тепла, заботы и ласки. Поскольку она была младшим ребенком в семье, а ее родная сестра была на несколько лет старше, то такое предположение представлялось правдоподобным. Я выдвинул гипотезу, что существует какая-то тайна в отношениях между родителями и детьми в этой семье; возможно, взаимоотношения со старшей сестрой могли вызвать у моей пациентки переживания, способствующие зарождению мысли о том, что ее любили меньше, чем другого ребенка.

В результате выяснилось, что в их семье произошел инцидент, вызвавший глубокие переживания у ее матери и впоследствии сказавшийся на ребенке. Сама пациентка рассказала об этом инциденте следующее.

«Моя сестра чуть не выбросила меня из окна. Ей было тогда шесть лет, а мне три месяца. Сестра достала меня из коляски, открыла окно, положила меня на подоконник. Хорошо, что в комнату вошла мама и успела меня схватить на руки. Позднее она мне об этом и рассказала. Мама ставила себе в укор то, что тогда случилось. И я сделала для себя соответствующий вывод. Надо сказать, что и отец проявил себя не с лучшей стороны. Отец хотел, чтобы родился мальчик. Но когда родилась я, он объявил бойкот. Только где-то через год отец начал признавать меня».

После этого рассказа пациентки окончательно стало понятно, какой вывод она сделала для себя после признания матери о том, что грудного ребенка чуть было не выбросили из окна. С одной стороны, собственная сестра предприняла попытку лишить ее жизни. С другой, вплоть до годовалого возраста отец не признавал девочку. И хотя о том и другом она ничего не помнила и узнала позднее из рассказов матери, тем не менее все это не могло пройти для девочки бесследно. Отсюда последующие страхи, проекции и рационализации, выразившиеся, в частности, в формировании стойкого убеждения в том, что невозможно одинаково любить своих детей и что в случае рождения второго ребенка у нее разовьется патологическая любовь к первому ребенку.

Судя по сновидениям и переживаниям, связанным с различными воспоминаниями детства, пациентка находилась во власти бессознательного страха, что в случае рождения второго ребенка его может ожидать такая же участь, как и ее саму. Один из внутренних конфликтов развертывался между желанием родить и страхом,

который как бы висел дамокловым мечом над ней. Это был тройственный страх. Во-первых, ее одолевал страх за второго ребенка, если она решится на это. Во-вторых, она испытывала страх за первого ребенка, так как боялась, что придется уделять ему меньше внимания; между детьми могут возникнуть такие же отношения, какие были между ней и старшей сестрой, и тем самым она обречет своего первенца на повторение того, что было сделано в детстве ее сестрой. И в-третьих, она боялась, что ей самой придется как-то делить любовь между детьми и это окажется неразрешимой для нее задачей. Поэтому, с одной стороны, она успокаивала себя тем, что рождение второго ребенка означает нелюбовь к первому. С другой стороны, как бы предупреждала себя, что рождение второго ребенка приведет к еще более патологической любви к первенцу, и, следовательно, во имя уже рожденного ребенка необходимо оставить все как есть и не думать ни о каком втором ребенке.

Можно было бы привести еще целый ряд примеров, свидетельствующих о том, что в раннем детстве ребенку приходится сталкиваться с такими реалиями жизни, которые вызывают различного рода переживания и впоследствии дают знать о себе в его жизнедеятельности. Однако дело не в этом. Более важно то, что Фрейд привлек внимание к необходимости исследования и понимания ранних стадий психосексуального развития человека, уходящих в далекое детство и играющих важную роль в процессе становления ребенка взрослым.

С момента рождения ребенок включен в систему отношений с окружающим его миром. Этот мир, и прежде всего семья, не является раем. В нем наличествуют противоречия и людские страсти. Вовлеченный в водоворот противоречий и человеческих страстей, ребенок часто оказывается в таком положении, которое отнюдь не свидетельствует о счастливом детстве. Руководствуясь программой получения наслаждения и находясь во власти инфантильной сексуальной организации, он по необходимости проходит все стадии своего развития, которые, будучи на начальном этапе извращенными, являются тем не менее нормальной деятельностью ребенка.

Возникновение у ребенка амбивалентных, двойственных чувств по отношению к своей собственной инфантильной сексуальной деятельности, к родителям, сестрам и братьям сопровождается порой такими внутренними переживаниями и конфликтами, которые могут вести к далеко идущим последствиям, включая бегство в болезнь. Все это становится предметом осмысления и обсуждения в психоанализе.

Разумеется, многое из того, на что обратил внимание Фрейд, было известно и до него. Однако большинство его предшественников или сознательно закрывали на это глаза, полагая, что есть более существенные проблемы мироздания, чем рассмотрение детских переживаний, которые легко переносятся ребенком и забываются, или бессознательно восставали против инфантильной сексуальности, прилагая все усилия к подавлению любых форм ее проявления в жизни детей и в то же время считая ее чем-то надуманным, этически неприемлемым, эстетически безобразным.

Будучи непримиримым сторонником постижения истины, Фрейд решительно вторгся в сферу инфантильной сексуальности и во весь голос заявил о том, что без понимания всех перипетий психосексуального развития ребенка остаются совершенно непонятными ни истоки формирования тех форм взрослой сексуальности, которые принято считать извращениями, ни причины возникновения неврозов. И если, в отличие от своих предшественников, он действительно расширил понятие сексуальности, то это касалось лишь двух аспектов человеческой деятельности.

А именно — инфантильной сексуальности и перверсий, которые выходят за рамки продолжения человеческого рода, но тем не менее природа которых не менее сексуальна, чем освященные религиозным или светским мировоззрением нравственно приемлемые и социально одобренные сексуальные взаимоотношения между людьми, направленные на деторождение.

Психоаналитическое понимание сновидений и инфантильной сексуальности привело Фрейда к необходимости более обстоятельно рассмотреть амбивалентные чувства любви и ненависти, нежности и агрессивности, в открытой или завуалированной форме присутствующих в раннем детстве. Двойственность чувств, которые обнаруживаются у ребенка по отношению к его сестрам и братьям, — это лишь одна сторона его психосексуального развития. Другую сторону составляют отношения между ребенком и его родителями, где двойственность чувств проявляется во всем своем драматизме. Речь идет о том, что Фрейд назвал эдиповым комплексом и что легло в основу психоаналитического понимания человека и культуры.

В разделе, посвященном основным понятиям психоанализа, освещались вопросы, связанные с психоаналитическим пониманием эдипова комплекса. В рамках учебника нет необходимости в более подробном рассмотрении данной проблематики, тем более что заинтересованный читатель может найти соответствующий материал в таких моих работах, как «Эдипов комплекс: инцест и отцеубийство» (2000) и «Классический психоанализ: история, теория, практика» (2001). Целесообразнее перейти к рассмотрению взглядов Фрейда на структурное понимание психики.

Изречения

З. Фрейд: «Мы расширили понятие сексуальности лишь настолько, чтобы оно могло включить сексуальную жизнь извращенных и детей. Это значит, что мы возвратили ему его правильный объем».

З. Фрейд: «Что же касается “расширения” понятия о сексуальности, ставшего необходимым благодаря анализу детей и так называемых перверсных, то да позволено будет напомнить всем тем, кто с высоты своей точки зрения с презрением смотрит на психоанализ, как близка расширенная сексуальность психоанализа к Эросу “божественного” Платона».

З. Фрейд: «Я не могу согласиться с тем, что стыд перед сексуальностью — заслуга; ведь греческое слово “Эрос”, которому подобает смягчить предосудительность, есть не что иное, как перевод нашего слова “любовь”».

Контрольные вопросы

1. Насколько оправданны обвинения психоанализа в пансексуализме?
2. Каковы взгляды Фрейда на нормальную и извращенную сексуальность?
3. Какова роль сексуальных влечений в жизни человека?
4. В чем состоит психоаналитическое понимание инфантильной сексуальности?
5. Что такое «инфантильная амнезия»?
6. Проявляет ли ребенок интерес к вопросам, напрямую или опосредованно связанным с сексуальностью?

7. Какие фазы психосексуального развития ребенка были выделены Фрейдом?
8. Какие конфликты могут иметь место у детей в семье, оказывают ли инфантильные переживания воздействие на психическое развитие личности?
9. В чем состоял вклад Фрейда и других психоаналитиков, уделивших внимание проблемам психосексуального развития детей?

Рекомендуемая литература

1. *Абрахам К.* Исследование самой ранней прегенитальной стадии развития // Абрахам К. Характер и развитие. Избранные труды. Ижевск, 2007.
2. *Збигнев Л.С.* Секс в культурах мира. М., 1991.
3. *Кон И. С.* Введение в сексологию. М., 1999.
4. *Ницшке Б.* Значение сексуальности в трудах Зигмунда Фрейда // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд. Жизнь. Работа. Наследие. М., 1998.
5. Психоанализ детской сексуальности. СПб., 1997.
6. *Тайсон Ф., Тайсон Р.* Психоаналитические теории развития. Екатеринбург, 1998.
7. *Фрейд А., Фрейд З.* Детская сексуальность и психоанализ детских неврозов. СПб., 1997.
8. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М., 2015.
9. *Фрейд З.* Сексуальная жизнь. М., 2006.
10. *Фрейд З.* Очерк по психологии сексуальности. М., 2015.
11. *Цизе П.* Психоаналитическая теория влечений // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд. Жизнь. Работа. Наследие. М., 1998.

Глава 8

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ СТРУКТУРЫ ПСИХИКИ

Структурные составляющие психики

В ранний период своей теоретической и практической деятельности Фрейд ориентировался на раскрытие вытесненного бессознательного. В 20-е годы предметом его интереса стала психология Я. Как только обнаружилось, что часть Я может быть бессознательной, сразу же возникла необходимость в анализе и самого Я, и его бессознательной части. Словом, в исследовательской и терапевтической деятельности основателя психоанализа возник интерес не только к изучению вытесненного, но и к пониманию вытесняющего.

Приступив к анализу Я и его бессознательной части, Фрейд воспользовался разработками, предпринятыми немецким врачом Георгом Гроддеком (1866–1934). Он был пионером в области изучения психосоматических заболеваний, называл себя не иначе как аналитиком-дилетантом, но тем не менее высоко оценивался основателем психоанализа. Рассматривая проблему бессознательной деятельности человека, Гроддек использовал для характеристики бессознательного термин «Оно», заимствованный им, судя по всему, из работы Ницше «Так говорил Заратустра», в которой немецкий философ применял этот термин для выражения безличного, природно-необходимого в человеке. В 1921 году вышла в свет работа Гроддека «Искатель души». Фрейд не только читал эту работу, но и рекомендовал ее к публикации в Венском психоаналитическом издательстве. В письме к Гроддеку от 17 апреля 1921 года основатель психоанализа выразил свое понимание по поводу того, почему его коллега использовал понятие «Оно», и что во имя избежания недоразумений он сам рекомендует аналитикам противопоставлять не сознательное и бессознательное, а взаимосвязанное Я и отщепленное от него вытесненное.

Два года спустя в работе «Я и Оно» Фрейд сослался на «Книгу об Оно» Гроддека, датированную 1923 годом. Он открыто заявил о том, что взглядам данного врача

следует отвести надлежащее место в науке. Фрейд предложил исходящую из системы восприятия сущность назвать именем «Я», а другие области психического, в которых эта сущность проявляется в качестве бессознательного, обозначить, по примеру Гроддека, словом «Оно».

Коль скоро обнаружилось, что в самом Я есть та его часть, которая тоже бессознательна, хотя и не тождественна вытесненному, то необходимо было дать название и этой части. Это тем более было важно сделать, поскольку в аналитической терапии приходилось иметь дело с пациентами, жаловавшимися на то, что постоянно находятся под наблюдением неизвестных сил, под наблюдением угрожающей наказанием инстанции в Я. Столкнувшись с таким проявлением довлеющей над пациентами инстанции в Я, Фрейд выдвинул идею, что подобная инстанция не только свойственна больным, страдающим бредом наблюдения, но и характерна для всех людей. Она является закономерной, самостоятельной частью Я, заслуживающей особого названия. И Фрейд назвал эту инстанцию в Я термином «Сверх-Я». Таким образом, основываясь на структурном подходе к душевной жизни человека, основатель психоанализа предложил различать три инстанции, терминологически обозначенные им как Оно (Ид), Я (Эго) и Сверх-Я (Супер-Эго). Это было сделано им в работе «Я и Оно» (1923).

Изречения

З. Фрейд: «Мы достигли знания этого психического аппарата, изучая индивидуальные различия людей. Древнейшую из этих психических сфер или областей мы называем Оно».

З. Фрейд: «Я, Сверх-Я и Оно — вот три царства, сферы, области, на которые мы разложим психический аппарат личности».

Оно, Я и Сверх-Я

Согласно предложенной Фрейдом теории структурных отношений душевной жизни, или психического аппарата личности, человек представляет собой прежде всего непознанное и бессознательное Оно. Для исследователей Оно — темная и во многом недоступная часть личности, наделенная необузданными влечениями и страстями. Оно можно сравнить с хаосом или котлом, доверху наполненным бурлящими возбуждениями. В нем находят свое психическое выражение инстинктивные потребности человека. Наполненное энергией, содержащейся во влечениях, Оно не имеет четкой организации и не обладает общей волей.

Оно — резервуар либидо. В нем преобладает стремление к удовлетворению инстинктивных потребностей, сексуальных влечений. Оно функционирует по произвольно выбранной программе получения наибольшего удовольствия. В нем нет никаких нравственных оценок, различий между добром и злом, моральных установок. В Оно все подчинено принципу удовольствия, когда экономический или количественный аспект, связанный с необходимостью разрядки энергии, играет важную и решающую роль.

В отличие от Оно, представляющего собой неукротимые страсти, Я олицетворяет здравый смысл и благоразумие. Я — сфера сознательного. Это посредник между

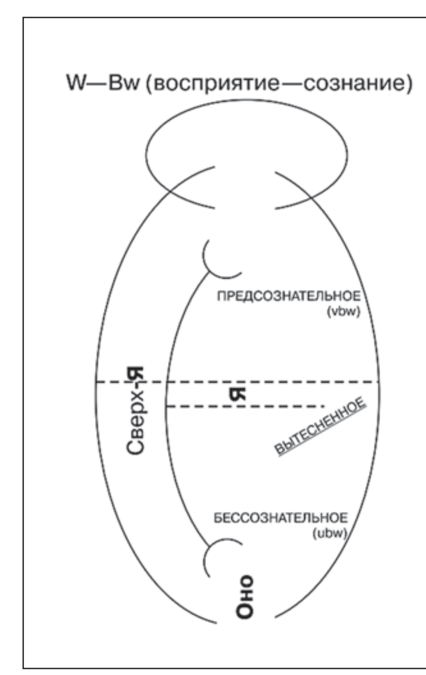
бессознательным, внутренним миром человека и внешней реальностью, который соизмеряет деятельность бессознательного с данной реальностью, целесообразностью и внешне полагаемой необходимостью. По своему происхождению Я является дифференцированной частью Оно, представителем реального мира в душевной жизни человека.

В противоположность неорганизованному Оно, Я стремится к упорядоченности психических процессов и к замене господствующего в Оно принципа удовольствия принципом реальности. Олицетворяя разум и рассудительность, Я пытается осуществить власть над побуждениями к движению, свойственными Оно. В этом отношении может показаться, что именно Я, эта сознательная, разумная инстанция, оказывается той движущей силой, которая заставляет Оно изменять направление своей деятельности в соответствии с доминирующим в нем принципом реальности. Однако, с точки зрения Фрейда, дело обстоит не совсем так, а нередко и совсем иначе. Я действительно пытается управлять Оно, направлять его деятельность в социально приемлемое русло. Вместе с тем Оно исподволь, но властно стремится реализовать свою собственную программу, в результате чего нередко Я вынуждено идти у него на поводу.

Для образного описания взаимоотношений между Я и Оно Фрейд прибегнул к аналогии сравнительного отношения между всадником и лошадью, подобно тому, как в свое время Шопенгауэр использовал эту же аналогию для раскрытия отношений между интеллектом и волей. Воля, согласно Шопенгауэру, только внешне подчинена интеллекту, как конь узде, а на самом деле, подобно коню, может, закусив удила, обнаружить свой дикий норов и отдаться своей первобытной природе. В чем-то таком был убежден и Фрейд. Оно также являет собой лишь видимость подчинения Я: подобно всаднику, не сумевшему обуздать лошадь, которому не остается ничего иного, как вести ее туда, куда она захочет, так и Я превращает волю Оно в такое действие, которое становится будто бы его собственной волей. Как всадник, лошадь которого дает энергию для его движения, Я заимствует свою энергию от Оно. Подобно всаднику, обладающему преимуществом определять цель и направление движения лошади, Я стремится управлять Оно. Однако, подчеркивал Фрейд, как между всадником и лошадью, так и между Я и Оно бывают такие отношения, в результате которых всадник вынужден уступать необузданному нраву лошади, а Я идти на поводу у Оно.

Основатель психоанализа показал, что, несмотря на усилия, прилагаемые Я по обузданию влечений Оно, действительные отношения между ними могут оказаться таковыми, что Я далеко не всегда способно справиться с поставленной перед ним задачей безоговорочного подчинения Оно и управления им.

С точки зрения Фрейда, Я — это измененная под влиянием внешнего мира часть Оно. Внутри Я осуществляется дифференциация, ведущая к возникновению того, что основатель психоанализа назвал Сверх-Я или Я-идеалом. Последний термин был использован им в работе «Массовая психология и анализ человеческого Я» (1921). В ней было показано, как благодаря механизму идентификации с родителями, особенно с отцом, у ребенка происходит формирование Я-идеала. При этом Фрейд полагал, что в случае мании Я и Я-идеал сливаются друг с другом, в то время как в случае меланхолии происходит раскол между обеими инстанциями. Одновременно Фрейд выдвинул идею, согласно которой внутрипсихические конфликты возникают не только в результате столкновений между Оно и Я, но и на основе конфликтных отношений между Я и Я-идеалом.

С помощью этого изображения основатель психоанализа попытался совместить топографическое (бессознательное, предсознательное и сознательное) и структурное (Оно, Я, Сверх-Я) видение человеческой психики. При таком понимании психического аппарата Оно сообщается с внешним миром через Я, сознание проистекает из системы восприятия, а Сверх-Я расположено дальше от системы восприятия, чем Я, и погружено в бессознательное Оно. Однако, учитывая ранее представленное Фрейдом соотношение между сознанием и бессознательным в виде айсберга (одна треть надводной части — сознание, две трети подводной части — бессознательное), ему пришлось сделать оговорку по поводу пространственного изображения Оно и Я на предложенном им рисунке. Поясняя суть данного рисунка, он просил сделать мысленную поправку, в соответствии с которой занимаемое бессознательным Оно пространство должно быть значительно больше, чем пространство Я или предсознательного.

Сверх-Я или Я-идеал не являются той частью личности, которая всецело связана с сознанием. Напротив, в понимании Фрейда эта часть личности уходит своими корнями в Оно и, следовательно, оказывается не менее бессознательной, чем Оно. Собственно говоря, по своему происхождению Сверх-Я непосредственно связано с эдиповым комплексом. Если быть более точным, то можно сказать, что возникновение Сверх-Я обусловлено переходом эдиповой ситуации в идентификацию с отцом или матерью. Словом, с прохождением эдиповой стадии психосексуального развития, с разрушением эдипова комплекса в рамках человеческого Я формируется специфическая инстанция. Она имеет как бы два лика, связанных с подражанием и запретом. Ребенок стремится быть таким же сильным, умным, взрослым, как отец; в то же время инфантильное Я накапливает силы для внутренних запретов, цель которых — вытеснение бессознательных влечений. Подобная двойственность ведет к тому, что благодаря идентификации с родителями и интроекции, то есть вбиранию их образов внутрь себя, у ребенка формируются некий идеал и некая запретительная инстанция. Внешний авторитет как бы овнутряется, становится, используя выражение Канта, своего рода категорическим императивом и оказывается действенным в глубинах психики. Это означает, что, с точки зрения Фрейда, *Сверх-Я наделяется тремя функциями, выступая в роли родительского авторитета, совести и внутреннего наблюдателя.*

Наглядное представление о структурных соотношениях психической личности было проиллюстрировано Фрейдом посредством рисунка (см. выше).

Психоаналитическое понимание Сверх-Я вело к переосмыслению всего того, что ранее было связано с различного рода стереотипами, в соответствии с которыми психоанализ акцентировал внимание исключительно на низменных страстях человека и не интересовался его высшими, нравственными качествами. На начальном

этапе развития классического психоанализа тенденция к рассмотрению высшего, морального в человеке оставалась скрытой, погребенной под раскопками изнанки психики, связанными с выявлением вытесненных из сознания сексуальных влечений. Позже, в работах 20-х годов, Фрейд стал уделять особое внимание тому, какое воздействие на индивида оказывают совесть и чувство вины.

В историческом плане интересно отметить, что в 1896 году, когда Фрейд впервые ввел в научный оборот термин «психоанализ», он соотносил механизм вытеснения не только с подавлением сексуальных влечений человека. В опубликованной в том же году статье «Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах» он затронул вопрос о том, что наряду с сексуальными влечениями вытеснению могут подлежать также самоупреки, связанные с совестью. Однако впоследствии Фрейд стал уделять основное внимание рассмотрению сексуальной этиологии неврозов и только в 20-е годы обратил серьезное внимание на исследование Сверх-Я, влияние самоупреков, карающей совести на психическое состояние человека.

Для основателя психоанализа Сверх-Я выступало «наследником эдипова комплекса», то есть являлось выражением мощных движений Оно. Благодаря созданному идеалу перед Я открывалась возможность по овладению эдиповым комплексом. Вместе с тем это вело к тому, что Я подчинялось Оно. Поэтому если Я, согласно Фрейду, можно рассматривать в качестве представителя внешнего мира, то Сверх-Я оказывается не чем иным, как «поверенным внутреннего мира», поверенным Оно. Таким образом, конфликты между Я и Сверх-Я в действительности отражают те противоречия, которые имеют место между внешним и внутренним миром. Иными словами, эти конфликты отражают противоречия, наблюдаемые между физической и психической реальностью.

Изречения

З. Фрейд: «Мы приближаемся к пониманию Оно при помощи сравнения, называя его хаосом, котлом, полным бурлящими возбуждениями».

З. Фрейд: «Чем особенно отличается Я от Оно, так это стремлением к синтезу своих содержаний, к обобщению и унификации своих психических процессов, которое совершенно отсутствует в Оно».

З. Фрейд: «Сверх-Я погружается в Оно как наследник эдипова комплекса, оно имеет с ним интимные связи».

Внутрипсихические конфликты

Проводя различие между вытесненным и вытесняющим, Фрейд внес уточнения в понимание бессознательного психического и природы внутрипсихических конфликтов. Психоаналитическое представление о Сверх-Я позволило по-новому взглянуть на те внутриконфликтные ситуации, которые часто возникают вокруг Я. Дело в том, что предпринятое Фрейдом структурирование психики показало существенные слабости человеческого Я, сталкивающегося не только с наследственными бессознательными влечениями индивида, но и с приобретенными им в ходе развития бессознательными силами. Черпая свое Сверх-Я из Оно, Я оказывается как бы

Из клинической практики

Мне довелось работать с одной молодой женщиной, у которой приступы меланхолии, апатии, безразличия сменялись вспышками активности в профессиональной деятельности и неудержимой тягой к любовным похождениям. В состоянии «ничегонеделания» ее одолевали муки совести по поводу того, что она недостойна мужа-трудоголика, которому несколько раз изменила, что она уделяет недостаточное внимание своей дочери, считающейся в школе посредственной и вызывающей у учителей раздражение своей флегматичностью. На сеансах пациентка часто не могла удержаться от того, чтобы не заплакать, постоянно держала носовой платок при себе, вытирая им слезы, жаловалась на свою жизнь и выглядела какой-то забитой, несчастной. Она говорила, что ей не везет с мужчинами, которые постоянно заняты своими делами и не обращают должного внимания на нее или, напротив, оказываются меланхоличными, безынициативными, несамостоятельными. При этом пациентка не столько обвиняла мужчин, сколько жаловалась на свою судьбу, считая себя некрасивой, необаятельной, неженственной. У нее опускались руки, и она готова была смириться со своим положением, говоря о том, что так ей и надо. Она считала себя виновной в том, что именно ей достаются такие невнимательные, не любящие ее мужчины, которые или не хотят встречаться с ней, или после непродолжительной близости бросают ее. По ее собственным словам, «комплекс покинутости преследовал с детства».

Несмотря на самобичевание, меланхолию и апатию, с периодичностью раз в два-три месяца у пациентки случались вспышки пробуждения активности, когда она лихорадочно начинала заниматься со своей дочерью, требуя от нее выполнения всех заданий по школьной программе. Одновременно она предпринимала отчаянные попытки соблазнить какого-либо мужчину, и если это ей удавалось, то она становилась веселой и жизнерадостной. При этом пациентка не испытывала никаких угрызений совести и не мучилась по поводу измены мужу. Напротив, она считала близость с другим мужчиной чем-то само собой разумеющимся или, во всяком случае, не являющимся чем-то запретным, постыдным, внутренне осуждаемым.

Так продолжалось какое-то незначительное время, после чего ею снова овладевала апатия и она впадала в уныние. У нее пробуждалась совесть, и она начинала укорять себя за то, что излишне терзает дочь придирками по поводу оценок в школе и что нехорошо поступила по отношению к мужу, который, ни о чем не подозревая, отдает на работе все свои силы.

под сильным нажимом со стороны наследственного бессознательного (Оно) и приобретенного бессознательного (Сверх-Я). Стало быть, Я становится слугой двух господ — природных страстей Оно и строгого внутреннего цензора Сверх-Я. Оба господина довлеют над Я, вызывая в нем трепет и внутреннюю неустроенность, сопровождающуюся конфликтами. Причем ранние конфликты Я с руководствующимся принципом удовольствия Оно могут получать свое продолжение в виде конфликтов с его прямым наследником, то есть со Сверх-Я.

Филогенетически, то есть по своему историческому происхождению, связанному с развитием человеческого рода, Сверх-Я ближе к бессознательному Оно, чем к сознательному Я. Сверх-Я глубоко погружено в Оно и в значительной степени отделено от сознания, чем Я. Более того, онтогенетически, то есть по своему индивидуальному развитию, Сверх-Я стремится приобрести независимость от сознательного Я. В результате подобного стремления Сверх-Я начинает проявлять себя как некая критика по отношению к Я, что в результате оборачивается для Я ощущением собственной виновности.

Инфантильное Я вынуждено слушаться своих родителей и подчиняться им. Зрелое Я, лучше было бы сказать — Я взрослого человека, подчиняется категорическому императиву, воплощением которого является Сверх-Я. И в том и в другом случае Я оказывается в подчиненном положении. Разница состоит лишь в том, что в случае инфантильного Я давление оказывается со стороны, извне, в то время как Я взрослого человека испытывает давление со стороны своей собственной психики, изнутри. Являясь внутренним агентом личности, по своим нравственным установкам и психическим последствиям Сверх-Я может оказывать столь сильное давление на бедное Я, что оно становится как бы без вины виноватым.

Если родители только взывают к совести ребенка и прибегают в качестве воспитания к мерам наказания, то Сверх-Я взрослого человека, или его совесть, само наказывает Я, заставляя его мучаться и страдать. Наказание извне заменяется наказанием изнутри. Муки совести приносят человеку такие страдания, что, пытаясь сбежать от них, он уходит в болезнь. Так, в понимании Фрейда, Сверх-Я вносит свою, не менее значительную лепту, чем Оно, в дело возникновения невротических заболеваний.

Если Сверх-Я пользуется самостоятельностью и приобретает свою независимость от Я, то оно может стать таким строгим, жестким и тираническим, что способно вызвать у человека состояние меланхолии. Рассматривая подобную возможность в теории и сталкиваясь с клиническими случаями меланхолии в аналитической терапии, Фрейд предпринял попытку психоаналитического объяснения того, как и почему Сверх-Я нередко оказывается таким категорическим императивом, который становится невыносимым для человека. Он показал, что строгость и жесткость Сверх-Я порождают у человека приступы меланхолии. Подобное состояние возникает тогда, когда Сверх-Я не просто выступает в качестве категорического императива, а превращается в зловещего монстра, истязающего бедное Я чудовищными муками совести и терзающего его раздирающими душу укорами. Под воздействием сверхстрогого Сверх-Я, унижающего достоинство человека и упрекающего его за прошлые деяния и даже за недостойные мысли, Я взваливает на себя бессознательную вину и становится крайне беспомощным.

Находясь под воздействием сверхстрогого отношения к самому себе, человек может впасть в приступ меланхолии, при котором Сверх-Я будет внутренне терзать его с не меньшей силой, чем орел, клюющий печень прикованного к скале Прометея, наказанного богами за свои деяния. Однако это не означает, что приступ меланхолии — постоянный и неизбежный спутник тех больных, у которых Сверх-Я олицетворяет наиболее строгие моральные требования к их собственному поведению.

Для Фрейда было очевидным, что приступы меланхолии могут проявляться периодически, сменяясь порой такими психическими состояниями, когда неожиданно для окружающих людей и не менее неожиданно для самого больного его «моральное наваждение» куда-то исчезает. Создается впечатление, что Сверх-Я таких больных утрачивает свою действенность, внутренняя непримиримая критика сходит на нет и все образуется само собой. Но только до тех пор, пока через какое-то время не настает новый приступ меланхолии. Однако возможны такие промежуточные состояния, когда «моральное наваждение» сменяется своей противоположностью, в результате чего Сверх-Я больного не только не подает никакого голоса, но и как бы не существует вовсе. При полном его попустительстве больной способен, что

Из клинической практики

Типичным примером тирании родительского Сверх-Я может послужить следующий случай из моей клинической практики. Зрелый мужчина обратился ко мне в надежде с помощью психоанализа разобраться в тех конфликтах, которые постоянно возникают в их семье между ним, его матерью и его сыном. В процессе наших встреч выяснилось, что, наряду с другими обстоятельствами его семейной жизни, он воспитывался в таких условиях, которые наложили отпечаток на его последующее отношение как к своей матери, так и к своему сыну.

Его мать приехала в Москву из небольшого провинциального города. Она устроилась на тяжелую физическую работу, давшую ей возможность через несколько лет получить комнату в квартире, в которой проживали еще две семьи. В этой квартире жил начинающий музыкант, который заворожил ее своей игрой на аккордеоне. Через год после их знакомства он переехал на другую квартиру, а провинциальная девушка родила сына, который не знал своего отца, поскольку тот не собирался жениться на простушке. Мать одна воспитывала своего ребенка. Она была строгой, суровой матерью, требовавшей от сына беспрекословного подчинения. В результате ребенок не смел ей перечить ни в чем. В память ли об отце сына (пусть станет таким же музыкантом, как его отец!) или, напротив, в отместку ему (надо сделать все для того, чтобы сын превзошел своего отца, который должен пожалеть о том, что некогда бросил его мать) она отдала его в музыкальную школу. Однако мальчик учился играть на аккордеоне, что называется, из-под палки. Его мать строгостью добилась того, что он не пропускал занятия и радовал ее своими успехами, которые ей казались значительными, хотя на самом деле были весьма посредственными.

Однажды, делясь со мной воспоминаниями о своем детстве, пациент с горечью признался, что занятия в музыкальной школе были для него «сплошным кошмаром, поскольку он испытывал постоянные унижения со стороны наставника, который бил линейкой по рукам нерадивых учеников». Одновременно он выразил сожаление, что из-за занятий музыкой у него не оставалось свободного времени для чего-то другого, в частности рисования, которое было его любимым предметом в школе. Мальчик ничего не говорил об этом своей маме, которую боялся и не хотел огорчать. В нем постоянно присутствовал протест против матери и ее безумного стремления сделать из него музыканта. Будучи послушным и слабохарактерным, он безропотно подчинялся ее давлению и, вопреки своему нежеланию, все-таки окончил музыкальную школу. Но в день ее окончания он забросил свой аккордеон на антресоли и крайне редко брал его в руки, за исключением тех случаев, когда к маме приходили гости и он был вынужден идти навстречу ее настоятельной просьбе что-нибудь сыграть.

В дальнейшем молодой человек окончил строительный институт, женился, преуспел в бизнесе и стал жить отдельно от матери. Став взрослым и самостоятельным, он перестал подчиняться матери, которая по-прежнему пыталась оказывать на него давление. Она часто упрекала сына в том, что он не захотел стать музыкантом и не оправдал ее надежд. При встречах с ним и по телефону она устраивала сыну скандалы, он начал отвечать ей тем же и не знал, что делать и как изменить данную ситуацию, осложнявшую ему жизнь.

Когда у него родился сын, он твердо решил, что не отдаст его на воспитание авторитарной бабушке и сделает все для того, чтобы не определять его в музыкальную школу, как бы на этом ни настаивала его мать. Возможно поэтому, чтобы у ребенка не оставалось времени на музыку, он склонил мальчика к занятиям рисованием. Тот охотно посещал изостудию, но спустя какое-то время интересы мальчика изменились и его уже не привлекало рисование. Однако отец, забыв о своем печальном детстве, когда ему из-под палки приходилось заниматься музыкой по настоянию своей матери, воспроизвел ту же самую модель воспитания и заставил сына продолжать ходить в студию. Прошло несколько лет, и между

Из клинической практики

отцом и сыном сложились такие отношения, которые оказались почти точной копией отношений пациента со своей матерью. Своей строгостью воспитания, воспроизводящей, по сути дела, ситуацию собственного детства, отец добился того, что сын предпринял попытку поступить в художественное училище. Однако он не выдержал вступительные экзамены. После этого отношения между отцом и сыном обострились, поскольку первый воспринял провал мальчика на экзаменах как проявление скрытого бунта против него. «Это он сделал специально, — утверждал пациент. — Как говорится, достиг своего не мытьем, так катаньем. Неужели он не понимает, что я желаю ему только добра!»

Понадобилось несколько встреч, прежде чем пациент понял, что, заставляя сына учиться живописи, он тем самым загнал его точно в такую же ситуацию, в которой находился сам, когда под давлением матери ему приходилось заниматься музыкой, к которой он не питал никакого пристрастия. И хотя в процессе аналитической работы он признал, что сам является, по-видимому, виновником испортившихся отношений с сыном, тем не менее время от времени у него прорывалась обида на «непутевого сына». На бессознательном уровне его собственное Сверх-Я заставляло его руководствоваться теми предписаниями, которые в свое время исходили от его матери, но, вызывая внутренний протест, тем не менее не сопровождались открытым бунтом против жесткого воспитания.

называется, «уйти в загул» и безоглядно отдаться удовлетворению своих влечений. Как замечал по этому поводу Фрейд, в подобных случаях Я находится в состоянии блаженного упоения, оно торжествует, как будто Сверх-Я утратило всякую силу и слилось с Я, и это «маникальное Я» позволяет себе действительно безудержное удовлетворение всех своих прихотей.

Говоря о формировании Сверх-Я, Фрейд подчеркивал, что строгость этой инстанции обусловлена строгостью родителей, придерживающихся жестких методов воспитания ребенка. Создается впечатление, что Сверх-Я односторонне воспринимает те функции родителей, которые связаны с запретами и наказаниями. Можно также предположить, что методы воспитания ребенка, включающие в себя ласку и заботу, а не наказание и принуждение, будут способствовать образованию не жесткого, а скорее мягкого Сверх-Я. Подчас именно так и бывает. Однако здесь нет какой-либо прямой зависимости. В реальной жизни часто оказывается, что даже при использовании мягких методов воспитания, когда угрозы и наказания со стороны родителей сведены до минимума, может сформироваться не менее жесткое и тираническое Сверх-Я, как это случается при твердом воспитании, основанном на методах насильственного принуждения к послушанию.

Основатель психоанализа утверждал, что *строгость и жесткость Сверх-Я обусловлены филогенетически*. Воспитывая ребенка, родители руководствуются, как правило, не своим Я, олицетворяющим разум и рассудок, а предписаниями собственного Сверх-Я, основанными на идентификации со своими родителями. Несмотря на возникающие в процессе воспитания расхождения между Я и Сверх-Я, сознательными и бессознательными интенциями, в большинстве случаев по отношению к детям родители воспроизводят все то, что некогда испытывали сами, когда их собственные родители налагали на них различного рода ограничения. Исторически так складывается, что Сверх-Я ребенка формируется не столько на основе примера своих родителей, сколько по образу и подобию родительского Сверх-Я. Как замечал

Фрейд, Сверх-Я ребенка наполняется тем же содержанием, становится носителем традиции, всех тех сохранившихся во времени ценностей, которые продолжают существовать на этом пути через поколения.

Нередко в семьях складываются такие ситуации, когда родители, не имевшие возможность проявить себя в какой-либо сфере деятельности, предпринимают всяческие попытки к тому, чтобы их дети пошли по пути, о котором они сами мечтали. Они прибегают к строгим методам воспитания, заставляя своих детей делать то, к чему те не предрасположены или не испытывают ни малейшего желания. В результате подобного воспитания у детей формируется такое Сверх-Я, функциональная деятельность которого сказывается, в свою очередь, на их собственных детях.

Для Фрейда Сверх-Я выступает в качестве совести, которая может оказывать тираническое воздействие на человека, вызывая у него постоянное чувство виновности. Это — одна из функций Сверх-Я, изучение которой способствует пониманию внутриличностных конфликтов. При аналитической терапии важное значение придается раскрытию данной функции Сверх-Я, поскольку обостренное чувство вины не только за действия, но и за помыслы часто оказывается основой, на которой развертывается конфликт между завышенными требованиями нравственности и бессознательными влечениями человека.

В психоанализе Сверх-Я не только персонифицирует совесть. Другая, не менее важная функция Сверх-Я заключается в том, что оно является носителем идеала. В этом смысле Сверх-Я представляет собой тот идеал (Я-идеал), с которым Я соизмеряет себя. Если совесть олицетворяет собой родительские заповеди и запреты, то Я-идеал включает в себя приписываемые ребенком совершенные качества родителей, связанные с его восхищением ими и подражанием им. Стало быть, в Сверх-Я находит свое отражение та амбивалентность, которая ранее наблюдалась у ребенка по отношению к своим родителям. Не случайно возникновение Сверх-Я продиктовано, с точки зрения Фрейда, важными биологическими и психологическими факторами: длительной зависимостью ребенка от родителей и эдиповым комплексом. В итоге Сверх-Я оказывается, с одной стороны, носителем моральных ограничений, а с другой — поборником стремления к совершенствованию. Таковы две основные функции, которые выполняет Сверх-Я в структуре личности.

В понимании Фрейда, помимо совести и идеала, Сверх-Я наделено функцией самонаблюдения. Человек как бы постоянно находится под бдительным оком особой внутренней инстанции, от которой невозможно спрятаться. От наблюдения, осуществляемого извне, будь то родители, воспитатели, идеологи, можно попытаться убежать. Во всяком случае, у человека имеется возможность скрыться от посторонних глаз. Но от самого себя никуда не денешься. Самонаблюдение может оказаться таким навязчивым и неотступным, что человек начинает страдать бредом наблюдения и различного рода галлюцинациями, в которых находят отражение результаты самонаблюдения.

Все это свидетельствует о том, что в своей тройственной функции Сверх-Я может оказаться своего рода «государством в государстве», и, превратившись в самостоятельную, независимую часть личности, способно подавлять ее. Сверх-Я становится подчас внутренним тираном, который презрительно относится к Я, мучает его укорами совести, подталкивает к достижению недостижимого и преследует на каждом шагу не только в действии, но и в мысли. Отсюда возможность, а иногда

и неизбежность соскальзывания в болезнь, осуществляемая под воздействием тиранического Сверх-Я.

Изречения

З. Фрейд: «Сверх-Я предъявляет самые строгие моральные требования к отданному в его распоряжение беспомощному Я, оно вообще представляет собой требования морали, и мы сразу понимаем, что наше моральное чувство вины есть выражение напряжения между Я и Сверх-Я».

З. Фрейд: «Оно и Сверх-Я часто занимают общую позицию против перегруженного Я, которое пытается поддерживать связь с реальностью, чтобы сохранить нормальное состояние. Если остальные двое становятся слишком сильными, то им удается расшатать и изменить организацию Я таким образом, что его нормальная связь с действительностью оказывается нарушенной и даже прерванной вовсе».

Несчастное Я

Согласно Фрейду, Сверх-Я и сознательное не совпадают между собой. Как и Я, Сверх-Я может функционировать на бессознательном уровне. На предшествующих стадиях становления и развития психоанализа считалось, что именно Я осуществляет вытеснение бессознательных влечений человека. Однако по мере того, как идея структуризации психики получала свою поддержку, а представления о Сверх-Я переставали выглядеть чем-то из ряда вон выходящим, Фрейд несколько по-иному подошел к пониманию механизма вытеснения. Во всяком случае, он выдвинул предположение, что в процессе вытеснения значительную роль играет именно Сверх-Я. По мысли Фрейда, вытеснение производится самим Сверх-Я или Я, действующим по заданию Сверх-Я.

Благодаря акту вытеснения Я защищается от настойчивых и неотступных влечений, содержащихся в Оно. Акт вытеснения осуществляется Я обычно по поручению его Сверх-Я, той инстанции, которая выделилась в самом Я. В случае истерии Я защищается тем же самым способом и от мучительных переживаний, возникших вследствие критики его со стороны Сверх-Я, то есть использует вытеснение в качестве приемлемого для себя оружия защиты. Таким образом, в психоаналитической модели личности оказывается, что Я действительно вынуждено обороняться с двух сторон. С одной стороны, Я пытается отразить нападение от непрестанных требований бессознательного Оно. С другой стороны, ему приходится защищаться от укоров совести бессознательного Сверх-Я. По мнению Фрейда, беззащитному с обеих сторон Я удается справиться только с самыми грубыми действиями Оно и Сверх-Я, результатом чего становится бесконечное терзание самого себя и дальнейшее систематическое терзание объекта, где таковой доступен.

Обороняясь от нападок с двух сторон, Я находится в сложном положении. Ему приходится учитывать как побуждения Оно, так и нравственные требования Сверх-Я. Справляясь только с грубыми действиями того и другого, Я фактически вынуждено стать слугой двух господ. Очевидно, что на его долю выпадает нелегкая

миссия, поскольку служить сразу двум господам и одновременно оставаться самим собой — задача чрезвычайно сложная. Сложность подобной задачи состоит в том, что при ее решении возникают острые моральные проблемы. Дело в том, что с точки зрения нравственности Я старается быть моральным, в то время как ему приходится обороняться от совершенно аморального Оно и гиперморального Сверх-Я. Аморальное Оно руководствуется принципом удовольствия, что требует от Я выдержки и стойкости при взаимодействии с ним. Гиперморальное Сверх-Я предъявляет к нему такие завышенные требования, что Я может оказаться на самом деле беззащитным перед карающими укорами совести. Поэтому действительно нелегко быть слугой двух таких жестоких хозяев, которые часто выступают в качестве тиранов.

Но и это еще не все. В понимании Фрейда, Я оказывается слугой не двух, а трех господ. Помимо того что ему приходится соотносить свою деятельность с Оно и Сверх-Я, Я ориентируется на реальность, являясь представителем внешнего мира. По выражению Фрейда, Я является «несчастным существом», подверженным опасностям не с двух, а с трех сторон, поскольку ему угрожают Оно, Сверх-Я и внешний мир. Это «несчастное существо», или, как еще замечал основатель психоанализа, «пограничное существо», стремится быть посредником между миром и Оно, затушевывать конфликты между Оно и реальностью, сглаживать конфликтные ситуации, связанные с укорами совести и чувством вины, исходящими из Сверх-Я.

В представлении Фрейда, бедное, несчастное Я старается привести к согласию притязания и требования, исходящие от трех властелинов и тиранов — внешнего мира, Оно и Сверх-Я. В реальной жизни ему это удается далеко не всегда, а если и удается, то далеко не лучшим образом.

Ориентироваться на соблюдение требований внешнего мира (принцип реальности) и быть верным слугой Оно (принцип удовольствия), тем более делать это одновременно, — действительно трудная задача для Я. Для ее решения бедное Я вынуждено прибегать к различного рода уловкам, будь то используемая им рационализация, направленная на оправдание бессознательных влечений Оно, процессы сублимации, предполагающие перевод наглых требований Оно в более приемлемые формы выражения или компромиссные образования, снижающие степень противостояния между Оно и реальностью. Не менее трудная задача стоит перед Я в отношении Сверх-Я, которое предписывает ему нормы поведения и, не считаясь с его трудностями, вызванными предъявляемыми к нему требованиями со стороны Оно и внешнего мира, строго и жестко наказывает Я в случае его непослушания.

В результате, как подчеркивал Фрейд, приводящее в движение со стороны Оно, стесненное со стороны Сверх-Я и отталкиваемое реальностью бедное Я прилагает все усилия к установлению гармонии между силами, действующими в нем и на него. Но несмотря на все усилия подобного рода, жизнь Я становится постоянным терзанием, сопровождаемым внутриличностными конфликтами и мучениями. При этом Я может поддаться искушению стать, по выражению Фрейда, «угодливым, оппортунистичным и лживым», примерно как государственный деятель, который хочет остаться в милости у общественного мнения.

Раскрытие взаимоотношений между Я и тремя тиранами (внешний мир, Оно, Сверх-Я) дало возможность Фрейду еще раз подчеркнуть ту ранее выдвинутую им идею, согласно которой Я не является хозяином в своем собственном доме. Структурный подход к осмыслению личности, категоризация психики обнаружили сла-

бость Я, которое, как оказалось, не только не всегда может эффективно противостоять бессознательным влечениям, но и в самом себе содержит дифференциацию. Составляющие же его части оказываются не менее бессознательно действующими, чем Оно. Позитивистские представления о всевластии и всемогуществе Я оказались не соответствующими результатам аналитической работы, выявившей могущественные силы и тенденции в недрах психики, которые действуют на бессознательном уровне и оказывают существенное воздействие на мышление и поведение человека.

Изречения

З. Фрейд: «Мы видим это же Я как несчастное существо, исполняющее три рода службы и вследствие этого страдающее от угроз со стороны трех опасностей: внешнего мира, либидо Оно и суровости Сверх-Я».

З. Фрейд: «Поговорка предостерегает от служения двум господам. Бедному Я еще тяжелее, оно служит трем строгим властелинам, стараясь привести их притязания и требования в согласие между собой. Эти притязания все время расходятся, часто кажутся несовместимыми: неудивительно, что Я часто не справляется со своей задачей».

«Там, где было Оно, должно стать Я»

Нанесенный психоанализом психологический удар по нарциссическому Я заставил многих теоретиков и практиков по-новому взглянуть на человека, который традиционно считался символом и оплотом сознательной деятельности. Фрейд же в своей исследовательской и терапевтической работе стремился показать, каким образом и почему самомнение человека о всесилии и всемогуществе своего Я представляется не чем иным, как иллюзией, навеянной желанием быть или казаться таким, каким он не является на самом деле. При этом основатель психоанализа значительное внимание уделил раскрытию именно слабых сторон Я, чтобы тем самым развеять существующие иллюзии о его всемогуществе.

Это вовсе не означало, что подчеркивание в исследовательском плане слабого Я оборачивалось в практике психоанализа низведением человека до несчастного существа, обреченного на вечные страдания и муки вследствие своего бессилия перед бессознательными влечениями и процессами. Напротив, терапевтические усилия психоанализа преследовали важную цель, направленную на укрепление слабого Я. В рамках психоанализа реализация данной цели означала такую перестройку организации Я, благодаря которой его функционирование могло быть более независимым от Сверх-Я и способствующим освоению территории Оно, ранее неизвестной человеку и остающейся бессознательной на протяжении его предшествующей жизни.

Фрейд исходил из того, что поскольку Я пациента ослаблено внутренним конфликтом, то аналитик должен прийти к нему на помощь. Используя соответствующую технику, основанную на психоаналитической работе с сопротивлениями и переносом, аналитик стремится оторвать пациента от его опасных иллюзий и укрепить его ослабленное Я. Если аналитику и пациенту удастся объединиться против

инстинктивных требований Оно и чрезмерных требований Сверх-Я, то в процессе психоаналитического лечения происходит преобразование бессознательного, подавленного в предсознательный материал, осознание бесплодности предшествующих патологических защит и восстановление порядка в Я. Окончательный исход лечения будет зависеть от количественных отношений, то есть от доли энергии, которую может мобилизовать аналитик у пациента в пользу аналитической терапии по сравнению с количеством энергии сил, работающих против исцеления как такового.

Часто приводимая в зарубежных и отечественных исследованиях психоаналитическая максима «Там, где было Оно, должно быть Я» общеизвестна. Менее известно, что данная максима, составляющая кредо психоанализа, является, по сути дела, измененным по форме изречением немецкого философа Э. фон Гартмана, на которого Фрейд ссылался в своей работе «Толкование сновидений» (1900). В труде «Философия бессознательного» (1861) Гартман писал, что везде, где сознание в состоянии заменить бессознательное, оно должно заменить его. Не исключено, что, как и в случае с методом свободных ассоциаций, почерпнутым Фрейдом из статьи Л. Бёрне, общеизвестная психоаналитическая максима была воспринята им непосредственно из соответствующего труда Гартмана. В рассматриваемом контексте нет необходимости выяснять вопрос о том, является ли психоаналитическое положение «Там, где было Оно, должно быть Я» фактом криптомнезии, или Фрейд самостоятельно сформулировал данное положение. Более существенно то, что структурный подход к осмыслению человеческой психики, позволивший выявить слабости Я, не только не лишил психоанализ интенции на необходимость осознания бессознательного, но и еще раз продемонстрировал направленность терапевтических усилий.

Вместе с тем структуризация психики и рассмотрение несчастного Я через призму опасностей, подстерегающих его со стороны внешнего мира, Оно и Сверх-Я, поставили Фрейда перед необходимостью осмысления того психического состояния, в котором может пребывать беззащитное Я. Как показал основатель психоанализа, подвергнутое опасностям с трех сторон и неспособное всегда и во всем давать достойный отпор, несчастное Я может стать сосредоточением страха. Дело в том, что отступление перед какой-либо опасностью чаще всего сопровождается у человека появлением страха. Беззащитное Я сталкивается с опасностями, исходящими с трех сторон, то есть возможность возникновения страха у него троекратно увеличивается. Если Я не может справиться с грозящими ему опасностями и, соответственно, признает свою слабость, то в этом случае как раз и возникает страх. Точнее говоря, Я может испытывать три рода страха, которые, по мнению Фрейда, сводятся к *реальному страху* перед внешним миром, *страху совести* перед Сверх-Я и *невротическому страху* перед силой страстей Оно.

Таким образом, структурный подход к психике и выявление слабостей Я привели Фрейда к постановке вопроса о страхе. Разумеется, работа «Я и Оно» не послужила для него открытием феномена страха как такового. Проблематика страха была предметом его размышлений и в более ранний по сравнению с 20-ми годами период развития психоаналитических идей и концепций. Тем не менее выявление Фрейдом трех видов страха подтолкнуло его к дальнейшему исследованию соответствующей проблематики, занимающей существенное место в психоанализе и оказавшейся в центре внимания как многих последователей Фрейда, так и тех, кто внес различного рода изменения в его концептуальные построения.

Изречения

З. Фрейд: «Психоанализ является тем орудием, которое должно дать Я возможность постепенно овладеть Оно».

З. Фрейд: «Метод, которым мы укрепляем ослабленное Я, начинается с расширения его знаний о самом себе».

Контрольные вопросы

1. Каково психоаналитическое понимание структуры психики?
2. В чем заключаются основные характеристики Оно, Я и Сверх-Я?
3. Каковы взаимоотношения между Оно, Я и Сверх-Я?
4. Как и каким образом возникают внутрипсихические конфликты?
5. На чем основывается психоаналитическая трактовка «несчастного Я»?
6. К чему ведет гиперморальность Сверх-Я?
7. Как и каким образом возможно укрепление ослабленного Я пациента?
8. Какова цель психоанализа с точки зрения структурных составляющих психики?

Рекомендуемая литература

1. *Айке Д.* Сверх-Я: инстанция, задающая направление нашим поступкам // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд. Жизнь. Работа. Наследие. М., 1998.
2. *Тайсон Ф., Тайсон Р.* Психоаналитические теории развития. Екатеринбург, 1998.
3. *Фрейд З.* Абрис психоанализа. Ижевск, 2015.
4. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М., 2015.
5. *Фрейд З.* Основные принципы психоанализа. Киев, 1998.
6. *Фрейд З.* Я и Оно. М., 2015.

Глава 9

СТРАХ

Невроз страха и детские фобии

Жизнь человека соткана из разнообразных страхов. В той или иной степени каждому из нас неоднократно приходилось испытывать страх в глубине души. Другое дело, что далеко не всегда человек знает причину своего страха и способен разобраться в том, что его волнует и почему ему страшно. И далеко не всегда нормальный страх перерастает в нечто большее, патологическое. Но, как правило, все невротические расстройства так или иначе связаны с переживаниями, в основе которых лежит бессознательный страх.

В процессе работы с пациентами в той или иной мере в поле зрения оказывается проблематика страха, независимо от того, с какой конкретной проблемой первоначально приходит к аналитику человек. Надо полагать, точно с таким же положением столкнулся основатель психоанализа, когда начал свою частную практику.

История возникновения психоанализа свидетельствует о том, что с проблемой страха Фрейду пришлось соприкоснуться уже на начальном этапе терапевтической деятельности. Так, в совместно написанной с Брейером работе «Исследования истерии» (1895) он пришел к заключению, что встречающиеся неврозы следует в большинстве случаев рассматривать как смешанные. Чистые случаи истерии и невроза навязчивости — редкие явления. Как правило, они сочетаются с неврозом страха. При этом Фрейд полагал, что невроз страха возникает в результате накопления физического напряжения, имеющего самостоятельное сексуальное происхождение. Обычным проявлением невроза страха оказываются различного рода тревожные ожидания и фобии, то есть страхи конкретного содержания. Такие состояния Фрейд наблюдал у своих пациентов: в частности, у больной фрау Эмми фон Н. он отметил невроз страха с тревожными ожиданиями, сочетающимися с истерией. В случае Катарины — комбинацию невроза страха с истерией.

Из клинической практики

Работа с пациентами подтверждает тот реальный факт, что за многообразными симптомами психических заболеваний стоят всевозможные страхи. На основе опыта терапевтической деятельности могу сказать, что у меня не было, пожалуй, ни одного случая, где бы обратившийся ко мне за помощью пациент не говорил о своих страхах.
Один пациент, успешно сдавший вступительные экзамены в университет, но на первом же году обучения разочаровавшийся в избранной им специальности и не сумевший найти общего языка со своими сокурсниками, признался, что испытывает страх перед девушками, так как боится заразиться СПИДом. Другая пациентка, на протяжении четырех лет периодически ложившаяся в психиатрическую клинику для прохождения медикаментозного лечения и впоследствии обратившаяся ко мне за консультацией, панически боялась, как она выражалась, нищенства и того, что она не сможет прокормить своего ребенка и дать ему образование. Окончившая университет и добившаяся успехов женщина признавалась, что со школьных лет и по настоящее время боится провалов памяти и того, что в ответственной ситуации у нее могут «отключиться мозги». Преуспевающий бизнесмен боялся засыпать один в своей кровати, так как его часто посещали сновидения, в которых на него, маленького мальчика, надвигалось что-то бесформенное, огромное, готовое в любую минуту раздавить его. Женщина, лихо управляющая автомобилем и способная заниматься ремонтом своей машины, панически боялась, что в случае аварии может попасть в больницу, где посторонние люди могут увидеть ее далеко не изысканное нижнее белье. Преподаватель, прекрасно владеющий ораторским искусством и отличающийся огромной эрудицией, испытывал страх перед ректором института. Сдававшая на отлично все экзаменационные сессии студентка так боялась каждого предстоящего испытания, что, по ее собственному признанию, накануне каждого экзамена закатывала дома настоящую истерику. Симпатичная и кокетливая женщина боялась того, что если ей придется развестись со своим мужем, то она уже не сможет ни с кем вступить в близкие отношения. Энергичная женщина, приехавшая из провинции в Москву и за три года пребывания в ней сумевшая начать свое собственное дело, купить квартиру и сколотить капитал, позволявший ей посещать привилегированные клубы, стремилась выйти замуж, но в то же время испытывала такой страх перед мужчинами, которые могут ее обмануть, что бессознательно делала все для того, чтобы ее многочисленные знакомства не завершались брачными отношениями. Не стесненная в материальных средствах женщина и любящая своего маленького ребенка мать испытывала постоянное беспокойство по поводу того, что ее муж не сдержит данное ей слово, напьется в очередной раз и этот запой будет продолжаться несколько дней. Многие женщины боялись забеременеть, испытывали страх перед гинекологом.

Рассматривая смешанные неврозы, Фрейд попытался выявить их составляющие и с этой целью выделил в особую категорию «невроз страха». В 1895 году он опубликовал три статьи, в которых рассмотрел специфику невроза страха и фобий. Первая из этих статей имела название «Об основании для отделения определенного симптомокомплекса от неврастении в качестве “невроза страха”». Вторая — «Навязчивости и фобии. Их психические механизмы и этиология». Третья — «Критика “невроза страха”». Даже по названию этих статей можно судить о том, что проблема страха интересовала Фрейда еще в период становления психоанализа, а ее решение представлялось ему довольно сложным, коль скоро, выдвинув представления о неврозе страха, он тут же высказал свои критические соображения по этому поводу.

В фундаментальной работе «Толкование сновидений» Фрейд уделил незначительное внимание проблеме страха. Тем не менее он не мог обойти стороной эту

Из истории психоанализа

В качестве иллюстрации сновидений страха Фрейд привел свое собственное сновидение, увиденное им в возрасте семи-восьми лет и проинтерпретированное им тридцать лет спустя. Ему приснилась любимая мать со спокойным, застывшим выражением лица. Ее внесли в комнату и положили на постель два или три существа с птичьими клювами. Маленький Фрейд проснулся со слезами и криком, разбудил своих родителей и успокоился только тогда, когда увидел лицо матери.

В процессе интерпретации своего сновидения Фрейд выяснил, что длинные существа с птичьими клювами были заимствованы им из иллюстраций к Библии в издании Филиппсона, той книги, которую он читал в детстве. На память ему пришло также воспоминание об одном мальчике, Филиппе, с которым он играл на лужайке возле дома и от которого впервые услыхал вульгарное слово, обозначающее половой акт и характеризующееся аналогией с ястребиными головами.

Толкование вторичной обработки сновидения говорило о том, что во сне маленький Фрейд испугался, что мать умирает. Проснувшись в страхе, он затем увидел лицо матери, понял, что она не умерла, и успокоился. Однако это вторичное толкование сновидения имело место под воздействием страха. С точки зрения Фрейда, он боялся не потому, что ему приснилось, будто мать умерла. Вторичное истолкование возникло потому, что он уже находился под влиянием страха. В действительности же страх относился к смутному сексуальному чувству, нашедшему выражение в зрительном содержании сновидения. Так, на примере собственного детского сновидения Фрейд показал ту связь между страхом и сексуальностью, которую обнаружил при работе с пациентами.

проблему и высказал мысль о том, что учение о сновидениях страха относится к психологии неврозов. Одновременно он подчеркнул, что фобия представляет собой как бы пограничное препятствие страха; симптом истерической фобии возникает у больного для того, чтобы предотвратить появление страха, а невротический страх проистекает из сексуальных источников.

В 1909 году в работе «Анализ фобии пятилетнего мальчика» основатель психоанализа обстоятельно рассмотрел вопрос о возникновении и развитии фобии маленького Ганса, выражавшейся в боязни быть укушенным белой лошадью. На основе соответствующего анализа он пришел к заключению, что у ребенка существовала двойственная установка: с одной стороны, он боялся животное, а с другой — проявлял к нему всяческий интерес, подчас подражая ему. Эти амбивалентные (двойственные) чувства к животному явились не чем иным, как бессознательными замещениями в психике тех скрытых чувств, которые ребенок испытывал по отношению к родителям. Благодаря такому замещению произошло частичное разрешение внутриличностного конфликта, вернее, создалась видимость его разрешения. Это бессознательное замещение было призвано скрыть реальные причины детского страха, обусловленного не столько отношением отца к сыну, сколько неосознанным и противоречивым отношением самого ребенка к отцу.

Согласно Фрейду, маленький Ганс одновременно любил и ненавидел отца, хотел стать таким же сильным, как отец, и вместе с тем устранить его, чтобы занять место в отношениях с матерью. Подобные бессознательные влечения ребенка противоречили нравственным установкам, приобретенным им в процессе воспитания. Частичное разрешение этого внутреннего конфликта, разыгравшегося в душе ребенка, осуществлялось путем бессознательного сдвига влечений с одного объекта

на другой. Те влечения, которых Ганс стыдился, были вытеснены им из сознания в бессознательное и направлены на иносказательный объект — белую лошадь, по отношению к которой можно было открыто проявлять свои чувства. Пятилетний мальчик, однажды увидевший во время прогулки, как упала лошадь, идентифицировал отца с этим объектом, в результате чего он стал держаться по отношению к отцу свободно, без страха, зато стал испытывать страх перед лошадью. За высказанным им страхом быть укушенным лошадью скрывалось глубоко лежащее бессознательное чувство, что его могут наказать за дурные желания. Это нормально мотивированный страх перед отцом вследствие ревнивых и враждебных желаний по отношению к нему; страх «маленького Эдипа», который хотел бы устранить отца, чтобы остаться самому с любимой матерью. В конечном итоге на основе осуществленного анализа Фрейд пришел к выводу, что страх соответствует вытесненному эротическому влечению и что причины неврозов взрослых больных можно искать в инфантильных комплексах, которые стояли за фобией маленького Ганса.

Аналогичные взгляды на проблему инфантильного страха нашли свое дальнейшее отражение в работе Фрейда «Из истории одного детского невроза» (1918). Основатель психоанализа апеллировал к случаю психоаналитического лечения русского пациента Сергея Панкеева (случай Человека-Волка). В раннем детстве пациент испытывал тяжелые невротические страдания в форме истерии страха (фобии животных), превратившейся позднее в невроз навязчивости. Когда ему попадалась на глаза книга сказок, в которой было изображение волка, он испытывал страх и начинал исступленно кричать. Страх и отвращение у него вызывали также жуки, гусеницы, лошади. Имело место и кошмарное сновидение, когда мальчик увидел во сне сидящих на большом ореховом дереве перед окном нескольких белых волков и испугался, что они съедят его. После пробуждения у него возникло сильное чувство страха.

Описывая историю детского невроза, Фрейд обратил внимание на отношение данного сновидения к сказкам «Красная Шапочка» и «Волк и семеро козлят», а также подчеркнул, что впечатление от этих сказок выразилось у ребенка в форме фобии животных. Анализ сновидения привел его к заключению, что волк служит заместителем отца и, следовательно, в кошмарном сне мальчика отразился страх перед отцом — страх, который с того времени преобладал во всей его жизни. Форма проявления страха, боязнь быть съеденным волком, была не чем иным, как регрессивным превращением желания такого общения с отцом, при котором он, подобно матери, мог бы получить соответствующее удовлетворение, как это он воспринял при сцене близости между родителями, свидетелем чего однажды стал. Для понимания возникновения страха не имеет значения, соотносилась ли подобная сцена с фантазией ребенка или с его реальным переживанием. Важно, что пассивная установка к отцу, связанная с сексуальной целью, оказалась вытесненной, и ее место занял страх перед отцом как кастрирующим в форме фобии волка.

В работах Фрейда «Анализ фобии пятилетнего мальчика» и «Из истории одного детского невроза» нашла отражение общая тенденция — попытка психоаналитического рассмотрения истоков возникновения и природы инфантильного страха. Однако если в первой работе внимание акцентировалось целиком и полностью на онтогенетическом, индивидуальном развитии инфантильного страха, то во второй работе отмечалось значение филогенетически унаследованных схем, составляющих осадки истории человеческой культуры и оказывающих влияние на ребенка, как это имело место в случае Человека-Волка.

Признание Фрейдом унаследованного филогенетически приобретенного момента душевной жизни было логическим следствием тех предшествующих разработок, которые были осуществлены им в промежутке между 1909 и 1918 годами. То есть между публикациями «Анализа фобии пятилетнего мальчика» и «Из истории одного детского невроза». Это было предпринято им в работе «Тотем и табу» (1913), где основатель психоанализа показал, почему на начальных этапах развития человечества дикари проявляли необыкновенно высокую степень боязни инцеста, связанного с заменой реального кровного родства тотемистическим родством.

Основываясь на историческом материале, Фрейд показал, что боязнь инцеста у дикарей представляет собой типичную инфантильную черту и имеет удивительное сходство с душевной жизнью невротиков. Дикие народы чувствовали угрозу в инцестуозных желаниях, которые позже стали бессознательными, и поэтому прибегали к чрезвычайно строгим мерам их предупреждения. Например, у одних племен по достижении определенного возраста мальчик оставляет материнский дом и переселяется в «клубный дом». У других — отец не может оставаться наедине с дочерью в доме. У третьих — если брат и сестра невзначай встретились друг с другом, то она прячется в кусты, а он проходит мимо, не поворачивая головы. У четвертых — в наказание за инцест с сестрой полагается смерть через повешение.

Рассмотрение психологии первобытной религии и культуры позволило Фрейду провести параллели между возникновением тотемизма в Древнем мире и проявлением детских фобий в рамках современной цивилизации; между боязнью инцеста и различного рода страхами, ведущими к невротическим заболеваниям. Психоаналитический подход к филогенетическому и онтогенетическому развитию человека с неизбежностью подводил к необходимости более глубокого по сравнению с предшествующими представлениями изучения проблемы страха как на концептуальном, так и на терапевтическом уровне. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и в последующих своих работах Фрейд неоднократно возвращался к осмыслению проблемы страха.

Ориентируясь на психологическое понимание страха, основатель психоанализа поставил вопрос о том, почему нервнобольные испытывают страх в значительно большей степени, чем другие люди, считающиеся здоровыми. В связи с этим он предпринял попытку рассмотрения с позиций психоанализа не только и не столько страха как такового, безотносительно к его носителям, сколько тех психических состояний, которые связаны с проявлением невротического страха. Такой подход к обсуждению проблемы страха потребовал прояснения понятийного аппарата и рассмотрения психических механизмов, ведущих к возникновению различных форм проявления страха у человека.

Изречения

З. Фрейд: «Как бы там ни было, несомненно, что проблема страха — узловой пункт, в котором сходятся самые различные и самые важные вопросы, тайна, решение которой должно пролить свет на всю нашу душевную жизнь».

З. Фрейд: «Любая истерическая фобия восходит к детскому страху и продолжает его, даже если она имеет другое содержание и, следовательно, должна быть иначе названа».

З. Фрейд: «Детские фобии и ожидание страха при неврозе страха дают нам два примера одного способа возникновения невротического страха путем прямого превращения либидо».

Реальный и невротический страх

В своих лекциях по введению в психоанализ (1916–1917) Фрейд уделил особое внимание проблематике страха. Одна из лекций (двадцать пятая) так и называлась — «Страх». В ней Фрейд провел различие между реальным и невротическим страхом, рассмотрел взаимоотношения между ними и обсудил различные формы страха, наблюдаемые в жизни человека.

Прежде всего основатель психоанализа заметил, что реальный страх представляется человеку вполне рациональным и понятным, поскольку он является реакцией на восприятие внешней опасности. В этом отношении реальный страх может быть рассмотрен в качестве выражения инстинкта самосохранения. Но если он приобретает чрезмерную силу, выходящую за рамки обычной реакции на опасность, состоящей из аффекта страха и защитного действия, то его нельзя назвать целесообразным. Готовность к опасности — обычное явление. На ее почве возникает состояние страха. Согласно Фрейду, готовность к страху имеет целесообразный характер, в то время как развитие страха — нецелесообразный.

В отличие от реального невротический страх представляет собой субъективное состояние, сопровождаемое аффектом. Он может выражаться в различных формах.

Одно из таких проявлений заключается в том, что у человека может наблюдаться состояние страха ожидания или боязливого ожидания, когда страх готов привязаться к любому подходящему содержанию восприятия. Страдая подобного рода страхом, человек предвидит наихудшую возможность из всех имеющихся, и у него наблюдается склонность к ожиданию несчастья. Такого человека нельзя назвать больным в строгом смысле этого слова, но он становится боязливым и пессимистичным. Крайняя степень выражения подобного рода страха имеет отношение к нервному заболеванию, названному Фрейдом неврозом страха.

Вторая форма страха психически соотносится с определенными объектами и ситуациями. Это фобии, связанные с боязнью животных, свободного пространства, темноты, закрытых помещений, поездок на общественном транспорте, полетов на самолете и т. д. Некоторые из внушающих страх объектов и ситуаций имеют отношение к опасности и поэтому вызывают соответствующую негативную реакцию у ряда нормальных людей, как это происходит, например, при встрече со змеей. Но у невротиков подобного рода фобии столь интенсивны, что вызывают парализующий их ужас. Фрейд относил такие фобии к истерии страха.

Третья форма невротического страха характеризуется возникновением спонтанных приступов, когда состояние страха как бы раскалывается на части. У человека развиваются отдельные ярко выраженные симптомы в виде головокружения, сердцебиения, одышки, подергивания пальцев рук. При этом человек не может соотнести так называемые эквиваленты страха с какой-либо явной опасностью.

Выделение этих трех форм страха поставило Фрейда перед необходимостью более конкретного ответа на вопрос, что все же представляет собой невротический

страх и как следует его понимать. Отвечая на этот вопрос и апеллируя к психоаналитическим представлениям о бессознательной деятельности человека и клиническим наблюдениям, он прежде всего соотнес страх ожидания и боязливость с сексуальными влечениями, или, точнее, с неудовлетворенной разрядкой либидо. Если в силу тех или иных причин сексуальное возбуждение прекращается, не получив своего полного удовлетворения, то в этом случае появляется страх, который может быть выражен в форме страха ожидания, различного рода припадков или их эквивалентов. С точки зрения Фрейда, страх связан с сексуальным ограничением, как это имеет место, например, при прерванном половом акте, сексуальном воздержании, менопаузе.

Отмеченная Фрейдом связь между сексуальностью и страхом действительно имеет место. Во всяком случае, в процессе аналитической практики мне неоднократно приходилось сталкиваться с подобного рода обстоятельствами, когда на почве сексуальных отношений у пациентов возникали различного рода страхи, связанные с психической или физической импотенцией у мужчин, боязнью забеременеть у женщин. Однако далеко не всегда прослеживались однозначные связи, о которых говорил Фрейд. Так, единичные и эпизодические случаи прерывания полового акта чаще всего порождают страх, особенно у женщин.

Один из моих пациентов сообщил, что практикуемый им несколько раз прерванный половой акт вызвал у него не беспокойство, а неудовлетворенность, в то время как у его партнерши появился страх, в результате чего они оба исключили из своих интимных отношений подобный способ предохранения. Но постоянные супружеские отношения, основанные именно на этом способе предотвращения беременности, становятся подчас своего рода нормой интимного поведения, когда взаимное доверие и уверенность друг в друге способствуют сексуальному удовлетворению без каких-либо признаков проявления страха.

В моей практике было по меньшей мере два случая, когда, став сексуальным режимом, прерывание полового акта со стороны мужчины с целью недопущения нежелательной беременности не приводило не только к возникновению невроза страха у обоих партнеров, но и не сопровождалось никакими негативными эмоциями с их стороны. В одном случае супружеский опыт постоянного прерывания полового акта составлял пять лет, в другом — семнадцать лет. Так что в этом отношении утверждение Фрейда о том, что прерывание полового акта из осторожности, став сексуальным режимом, часто становится причиной невроза страха у мужчин, но особенно у женщин, не представляется бесспорным. Во всяком случае, необходимо дальнейшее изучение этого вопроса с привлечением дополнительного клинического материала, что могло бы представить интерес для психоаналитиков и сексологов.

На основе рассмотрения невроза страха, истерии и невроза навязчивых состояний Фрейд заключил, что отклонение сексуальности от нормального своего проявления, ведущее к порождению страха, осуществляется на почве как соматических, так и психических процессов. Собственно говоря, этим и ограничилось его обсуждение вопроса о возникновении невротического страха, так как ко времени публикации лекций о введении в психоанализ (1916–1917) многое оставалось для него неясным, требующим концептуальной проработки и клинической проверки.

Не менее сложной оказалась и вторая задача, поставленная Фрейдом и связанная с выявлением связей между реальным и невротическим страхами. Пытаясь ре-

шить эту задачу, он обратился к рассмотрению возникновения страха у ребенка. Его исходный постулат заключался в том, что боязливость свойственна всем детям и трудно проводить различие между страхами ребенка — реальными или невротическими. У ребенка имеется склонность к реальному страху. Он испытывает боязнь при столкновении с незнакомыми лицами, новыми ситуациями точно так же, как первобытный человек боится всего неизвестного ему. Однако не все дети боязливы в равной мере. Те из них, кто обнаруживает сильную боязнь перед новыми объектами, предметами, ситуациями, в дальнейшем становятся нервными.

Казалось бы, возникновение страха у ребенка связано с его беспомощностью и не имеет никакого отношения к его сексуальности. Именно на этот источник зарождения страха обращали внимание некоторые исследователи и терапевты, считая, подобно А. Адлеру, что в основе страха и невроза лежит неполноценность ребенка, обусловленная его слабостью и беспомощностью. Но Фрейд не разделял подобную точку зрения.

Он полагал, что ребенок боится чужого человека не в силу исходящей от него опасности и собственной беспомощности перед ним, а потому, что настроен увидеть знакомое, любимое лицо, главным образом лицо матери, но вместо него видит чужое лицо. Либидо ребенка не находит своего воплощения в любимом лице и, неспособное удержаться в свободном состоянии, переводится в страх. Не случайно первые фобии у детей принимают форму боязни темноты и одиночества, когда они сталкиваются с ситуацией отсутствия матери. Отсюда следует, как считал Фрейд, что невротический страх не является вторичным, то есть особым случаем реального страха. Скорее приходится признать, что возникновение у ребенка реального страха имеет нечто общее с его невротическим страхом. Этим общим служит то, что оба страха возникают на почве неиспользованного либидо. Исходя из подобного представления, Фрейд сделал вывод, что страх детей очень близок к невротическому страху взрослых и замещает собой объект любви каким-либо внешним предметом или ситуацией.

В представлении основателя психоанализа, *развитие страха тесно связано с системой бессознательного, с судьбами либидо*. Превращение либидо в страх осуществляется благодаря процессу вытеснения. Подвергнутые вытеснению сексуальные влечения как бы находят свою разрядку в форме страха, причем невротического страха. Так, рассматривая фобии, Фрейд выделил две фазы невротического процесса. Первая фаза характеризуется осуществлением вытеснения и переводом сексуальных влечений в страх, соотнесенный с внешней опасностью. Во второй фазе наблюдается организация системы защиты, способствующей предотвращению столкновения с этой опасностью, когда вытеснение оказывается не чем иным, как попыткой бегства Я от сексуальных влечений. При других невротических заболеваниях используются иные системы защиты против возможного развития страха. Но в любом случае, согласно Фрейду, проблема страха занимает центральное место в психологии неврозов.

Изречения

З. Фрейд: «Есть боязливые люди, но вовсе не нервные, и есть нервные, страдающие многими симптомами, у которых нет склонности к страху».

З. Фрейд: «Подобно тому, как попытка бегства от внешней опасности сменяется стойкостью и целесообразными мерами защиты, так и развитие невротического страха уступает образованию симптомов, которое сковывает страх».

Страх, боязнь, испуг

Рассмотрение данной проблемы осложнялось тем, что употребление термина «страх» допускало многозначность и неопределенность. В лекциях по введению в психоанализ Фрейд обратил внимание на это обстоятельство. Правда, он не решился подойти ближе к обсуждению вопроса о том, имеют ли слова «страх», «боязнь», «испуг» одинаковое или разное значение. Тем не менее уже в этих лекциях он отнес страх к состоянию, не предполагающему внимания к объекту, боязнь — к тому, что указывает на объект, а испуг — к тому, что подчеркивает действие опасности, когда нет готовности к страху.

В дальнейшем Фрейд возвратился к уточнению намеченных им различий. Так, в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) он решительно заявил, что понятия «страх», «боязнь», «испуг» неправильно употребляются как синонимы. Проводя различия между страхом, боязнью и испугом с точки зрения отношения к опасности, Фрейд высказал по этому поводу следующие соображения. По его мнению, страх означает определенное состояние ожидания опасности и приготовление к последней, если она даже и неизвестна; боязнь предполагает определенный объект, которого боятся; испуг отражает момент неожиданности и представляет собой состояние, возникающее при опасности, когда субъект оказывается к ней неподготовлен. Если в лекциях по введению в психоанализ Фрейд только высказал мысль, что от испуга человек защищается страхом, то в работе «По ту сторону принципа удовольствия» он подчеркнул, что в страхе есть что-то защищающее от испуга и, следовательно, защищающее и от невроза.

Несколько лет спустя Фрейд написал работу, специально посвященную проблематике страха. Ее название — «Торможение, симптом и страх» (1926). Впервые эта работа была переведена на русский язык и опубликована в России в 1927 году под названием «Страх». Данный перевод и это название сохранились в последующих переизданиях, имевших место в России в 90-е годы.

Именно в этой работе Фрейд выразил такое понимание природы страха, которое свидетельствовало об уточнении и пересмотре ранее выдвинутых им представлений о страхе. Пересмотр ранее сформулированных им в лекциях по введению в психоанализ идей о страхе был связан с тем структурным подходом к анализу душевной жизни человека, который был осуществлен основателем психоанализа в работе «Я и Оно». В ней Фрейд подчеркнул, что бедное, несчастное Я подвержено опасности с трех сторон и может быть охвачено тройственным страхом — реальным страхом перед внешним миром, страхом совести перед Сверх-Я и невротическим страхом перед Оно. И действительно, структуризация психики подводила Фрейда к психоаналитическому пониманию того, что бессознательное Оно не испытывает страха, поскольку не может судить о ситуациях опасности, и именно Я, а не Оно является местом сосредоточения страха. Не случайно в работе «Я и Оно» он подчеркнул, что Я представляет собой «подлинный очаг боязни» и ввиду угрозы трех

опасностей развивает «рефлекс бегства», в результате чего происходит образование невротических симптомов и защитных механизмов, ведущих к фобиям.

Изречения

З. Фрейд: «Под страхом по большей части понимают субъективное состояние, в которое попадают благодаря ощущению “развития страха”, и называют его аффектом».

З. Фрейд: «Мы приветствовали как желательное то соответствие, что три основных вида страха: реальный страх, невротический и страх совести — без всякой натяжки согласуются с тремя зависимостями Я — от внешнего мира, от Оно и от Сверх-Я».

Страх и вытеснение

Структурный подход к анализу душевной жизни человека, в результате которого Фрейд признал, что Я оказывается настоящим местом проявления страха, поставил его перед необходимостью ответить на ряд вопросов. Во-первых, если местом проявления страха служит Я, а невротические заболевания связаны с вытеснением бессознательных влечений, которые не исчезают бесследно, но исподволь и все же властно дают знать о себе в форме образования различного рода невротических симптомов, то не следует ли на этом основании сделать вывод, что страх возникает под воздействием механизмов вытеснения или, быть может, имеет место противоположный процесс, когда вытеснение осуществляется именно потому, что человек испытывает страх? Во-вторых, коль скоро страх в Я возникает под воздействием трех опасностей (перед реальным миром, либидозным Оно и строгим Сверх-Я), то что же все-таки становится первичным источником возникновения страха — сексуальные влечения человека или нравственные и социальные ограничения, налагаемые на него? Это были непростые вопросы, ответы на которые поставили Фрейда перед необходимостью переосмысления предшествующих психоаналитических положений, выдвинутых им на основе описательного и динамического подхода к анализу бессознательной деятельности человека.

Отвечая на первый вопрос, Фрейд радикальным образом изменил свои первоначальные взгляды на соотношение между вытеснением и страхом. В лекции о страхе, прочитанной им в Венском университете в период 1916–1917 годов, он придерживался мнения, что именно энергия вытеснения бессознательных влечений автоматически ведет к возникновению страха, то есть само по себе вытеснение превращается в страх. Однако структурный подход к анализу психических процессов подтолкнул его к пересмотру данной точки зрения, и Фрейд отказался от ранее высказанного предположения о роли вытеснения как причины образования страха. В работе «Торможение, симптом и страх» (1926) давалось не столько феноменологическое (основанное на топической модели психики) описание страха, сколько метапсихологическое (учитывающее структуризацию психики, энергетический потенциал либидо и экономическую точку зрения на него) понимание его. В ней Фрейд пришел к выводу, что при вытеснении происходит не новое, ведущее к страху психическое

образование, а воспроизведение некоего предшествующего страха как определенного аффективного состояния души.

Данный вывод был сделан основателем психоанализа на основе содержательного рассмотрения того предшествующего клинического материала, который ранее излагался им в работах «Анализ фобии пятилетнего мальчика» и «Из истории одного детского невроза». В книге «Торможение, симптом и страх» он вновь вернулся к случаям маленького Ганса и Человека-Волка. Фрейд показал, что, несмотря на различия между этими двумя случаями, результат образования фобии оказался у обоих пациентов одним и тем же. И у маленького Ганса, и у русского пациента (Человека-Волка) вытеснение инфантильных желаний происходило, по мнению Фрейда, на основе их страха перед угрозой кастрации. Из-за этого страха маленький Ганс отказался от агрессивности против отца. Инфантильный страх по поводу того, что лошадь укусит его, может быть дополнен представлением, что лошадь откусит его гениталии, то есть кастрирует его. Из-за страха перед кастрацией русский пациент, будучи ребенком, также отказался от желания быть любимым со стороны отца. Страшные представления об укусе лошади (маленький Ганс) и пожирании волком (русский пациент) стали искаженной заменой детских представлений о кастрации отцом. В обоих случаях аффект страха фобии произошел не из процесса вытеснения либидозных влечений, а из вытесняющей инстанции.

В работе «Я и Оно» основатель психоанализа уже писал о том, что за страхом Я перед Сверх-Я скрывается то, что угрожало ребенку кастрацией. Эта кастрация рассматривалась им в качестве того ядра, на основе которого возникает страх совести. В работе же «Торможение, симптом и страх» он подчеркнул, что фобии животных — это «кастрационный страх Я». Отталкиваясь от этого представления, Фрейд и пришел к выводу, что страх не происходит из вытесненного либидо, а первичным моментом к вытеснению служит подверженное страху Я. Иными словами, основатель психоанализа отказался от ранее выдвинутого им представления о непосредственном превращении либидо в страх.

Пересмотрев предшествующие представления о соотношении между страхом и вытеснением, Фрейд вместе с тем заметил, что, возможно, все-таки верным остается положение, что страх образуется из либидиозной энергии влечений благодаря соответствующим процессам вытеснения. Одновременно он признался в том, что это положение нелегко примирить с выводом, согласно которому страх фобий возникает в Я, происходит не из вытеснения, а, напротив, сам вызывает его. Однако в тридцать второй лекции «Страх и жизнь влечений», которая, наряду с другими лекциями, написанными Фрейдом в 1932–1933 годах, служила дополнением к ранее прочтенному им курсу лекций по введению в психоанализ, он недвусмысленно подчеркнул, что не вытеснение создает страх, а страх появляется раньше, страх производит вытеснение. При этом основатель психоанализа пояснил, что таким страхом становится страх перед угрожающей внешней опасностью. То есть реальный страх ребенка, испытываемый им перед его сексуальными влечениями, но воспринимаемый им в качестве внутренней опасности. Речь идет о страхе кастрации, который, по мнению Фрейда, является наиболее сильным двигателем вытеснения и источником образования неврозов. Таково было психоаналитическое видение проблемы страха, связанное с ответом на первый вопрос о соотношении между вытеснением и страхом.

Ранее отмеченная Фрейдом разница между реальным и невротическим страхами получила свое дальнейшее уточнение в работе «Торможение, симптом и страх». Так, он подчеркнул, что лежащая в основе реального страха опасность исходит от внешнего объекта, в то время как невротическая опасность — от требования влечения. Но требование влечения не представляется чем-то надуманным, оно реально, и, следовательно, можно считать, что невротический страх имеет не менее реальные основания, чем реальный страх. Это означает, что взаимоотношение между страхом и неврозом объясняется защитой Я в форме реакции страха на исходящую от влечения опасность. Тонкость подобного психоаналитического понимания реальности невротического страха заключается в том, что, с точки зрения Фрейда, требование влечения часто становится внутренней опасностью именно потому, что его удовлетворение может привести к внешней опасности. В то же время для того, чтобы стать значимой для Я, внешняя, реальная опасность должна превратиться во внутреннее переживание человека.

Изречения

З. Фрейд: «Страх фобии животных — это неизменный кастрационный страх, то есть страх реальный, страх перед действительной опасностью, угрожающей или понимаемой как реальная. Здесь страх создаст вытеснение, а не, как я раньше думал, вытеснение — страх».

З. Фрейд: «Страх кастрации является одним из наиболее часто встречающихся и наиболее сильных двигателей вытеснения и тем самым образования неврозов».

Травма рождения и страх смерти

В классическом психоанализе страх кастрации связан как с сексуальными влечениями, так и с нравственными ограничениями. Поэтому ответ на второй вопрос, каков первичный источник возникновения страха, требовал своего прояснения. Собственно говоря, уже в лекциях по введению в психоанализ (1916–1917) высказывалась мысль о том, что первое состояние страха возникло в результате отделения ребенка от матери. Основатель психоанализа исходил из того, что в ходе филогенетического развития благодаря смене поколений существует устойчивое предрасположение к повторению первого состояния страха. Отдельный человек не может избежать аффекта страха. Стало быть, акт рождения есть источник и прообраз аффекта страха.

Касаясь этого вопроса, Фрейд привел воспоминания о случае, произошедшем в то время, когда он был молодым врачом. Вместе с другими молодыми врачами он сидел за обеденным столом в ресторане и слушал рассказ ассистента акушерской клиники об истории, произошедшей на экзамене акушерок. Одну из кандидаток спросили, почему при родах в отходящей жидкости обнаруживаются подчас экскременты. Не задумываясь, она ответила, что это происходит вследствие испытываемого ребенком страха. Ее осмеяли, и, кажется, она не сдала экзамен. Молодые врачи тоже посмеялись над рассказанным эпизодом. Фрейду же этот эпизод не показался

смешным. В глубине души он встал на сторону кандидатки в акушерки, поскольку в то время начал догадываться, что каким-то чутьем она обнаружила важную связь между актом рождения и страхом новорожденного ребенка.

Позднее Фрейда не оставляла мысль о том, что болезненное переживание рождения, связанное с удушьем младенца и, соответственно, со смертельной опасностью для него, может служить прототипом последующих проявлений страха человека. Скорее всего, он высказывал эту мысль своим ученикам и коллегам по психоанализу. Кратко она была сформулирована и в лекциях по введению в психоанализ. Поэтому нет ничего удивительного в том, что его ученики могли развить дальше высказанную Фрейдом мысль о связи рождения младенца с первичным страхом человека. Именно это и произошло в 1923 году, когда ближайший соратник основателя психоанализа, секретарь Венского психоаналитического общества и член «Тайного комитета» О. Ранк написал работу «Травма рождения». В ней он утверждал, что акт рождения оказывается столь травматическим для ребенка, что в процессе своей последующей жизни человек предпринимает разнообразные попытки преодолеть свой первоначальный страх, а неудачи в реализации этих попыток приводят к возникновению неврозов. В понимании Ранка, первоначальный страх связан с фактом рождения ребенка, с извлечением его на свет из материнского лона, из того внутриутробного состояния, где он составлял единое целое с матерью. Все последующие страхи оказываются, с его точки зрения, не чем иным, как репродукцией травмы рождения.

У Фрейда было двойственное отношение к работе Ранка «Травма рождения». С одной стороны, он оценивал эту книгу как достаточно важную, дающую пищу для его собственных дальнейших размышлений над теми или иными положениями психоанализа, в том числе касающимися понимания природы страха. С другой стороны, выдвинутые Ранком представления о травме рождения и о противостоящем инцесту страхе как простом повторении страха рождения вызывали у него сомнение и неодобрение. Однако после того как, уехав в Америку, Ранк начал активно развивать свое учение о травме рождения, считая, что оно заменяет собой «устаревший» психоанализ, Фрейд критически отнесся к идеям Ранка о непосредственной и далеко идущей связи между актом рождения и страхом человека.

В работе «Торможение, симптом и страх» основатель психоанализа уделил особое внимание рассмотрению вопроса о связи между рождением и страхом. Он не скрывал, что склонен видеть в состоянии страха репродукцию травмы рождения. Но в этом не было, на его взгляд, ничего нового, поскольку и другие аффекты представляют собой репродукцию старых событий. Страх выполняет необходимую биологическую функцию, связанную с реакцией на какую-либо опасность. При акте рождения возникает объективная опасность для сохранения жизни. Однако эта опасность не имеет психического содержания, поскольку у новорожденного нет никакого знания относительно того, что исход рождения может сопровождаться уничтожением жизни. Поэтому последующее воспроизведение ситуаций, напоминающих ребенку о событии рождения, еще ничего не говорит о том, что разные фобии ребенка связаны именно с его впечатлениями, имевшими место в процессе рождения. Фрейд не считал удачной попытку Ранка доказать отношение фобий ребенка к событиям при рождении. Во всяком случае, он пришел к выводу, что очевидная готовность младенца испытывать страх «не проявляется с наибольшей силой непосредственно после рождения — с тем, чтобы медленно идти на убыль, а возникает позже вместе с прогрессом психического развития и держится в течение определенного периода детства».

С точки зрения Фрейда, страх является продуктом психической беспомощности младенца и его реакцией на отсутствие объекта (матери). Здесь возникает аналогия с кастрационным страхом, в основе которого также лежит возможная разлука с ценным объектом (пенисом). При последующей эволюции — от потери материнского объекта к кастрации, а затем к возникновению и могуществу Сверх-Я — страх кастрации развивается в «социальный страх», в страх перед совестью. Наказание в виде потери любви со стороны Сверх-Я расценивается Я в качестве опасности, на которую оно реагирует сигналом страха. Последнее проявление страха перед Сверх-Я видится Фрейдом в форме страха проекции вовне в виде силы рока, что можно назвать страхом смерти.

Проблема страха смерти интересовала Фрейда в связи с выдвинутым им в 20-х годах представлением об инстинкте смерти. Так, на последних страницах работы «Я и Оно» (1923) он обратил особое внимание на данную проблему. В частности, основатель психоанализа считал, что утверждение, согласно которому каждый страх является страхом смерти, не содержит в себе никакого смысла. В противоположность подобному утверждению он подчеркивал необходимость отделения страха смерти от страха объекта (страха перед реальностью) и от невротического страха либидо (страха перед Оно).

Из психоаналитической практики известно, что страх смерти возникает при двух условиях, которые характерны и для обычного развития страха. Речь идет о реакции человека на внешнюю опасность и проявлении страха как внутреннего процесса, что имеет место при меланхолии. Фрейд уделил особое внимание рассмотрению проблемы меланхолии в работе «Скорбь и меланхолия» (1917). В ней он выдвинул предположение, что у подверженного меланхолии человека одна часть Я противопоставляет себя другой. Эту отделяемую от Я критическую инстанцию Фрейд назвал совестью, тем самым предопределив позднее выдвинутые им в работе «Я и Оно» идеи о Сверх-Я. В «Скорби и меланхолии» затрагивался вопрос о загадке самоубийства, делающей меланхолию опасной для человека. Отмечалось, что Я только тогда может убить себя, когда направляет на себя враждебность, которая относится к объекту и которая представляет собой изначальную реакцию Я на объекты внешнего мира.

В «Я и Оно» Фрейд отметил, что страх смерти при меланхолии допускает, что Я отказывается от самого себя, поскольку чувствует, что Сверх-Я ненавидит и преследует его. В результате, как считал основатель психоанализа, при меланхолии бедное Я ощущает себя покинутым всеми охраняющими силами и может решиться на смерть. Такое положение напоминает собой ту ситуацию, которая лежит в основе страха рождения и инфантильного страха разлуки с оберегающей матерью. Исходя из этого страх смерти, как и страх совести, истолковывается с психоаналитической точки зрения как «переработка страха кастрации».

Неудовлетворенный попыткой Ранка свести единственную причину возникновения невроза страха к травме рождения, Фрейд выделил три фактора, которые являются, на его взгляд, основными причинами неврозов, а именно — биологический, филогенетический и психологический.

Биологический фактор связан с беспомощностью появившегося на свет ребенка и его длительной по времени зависимостью от окружающих людей, в отличие от большинства животных, что повышает значение опасности внешнего мира и создает потребность быть любимым и получать соответствующую защиту.

Филогенетический фактор обусловлен спецификой развития сексуальной жизни человека. Она проявляется в том, что, в отличие от родственных человеку животных, у которых сексуальность развивается беспрерывно, у него наблюдается первый, ранний расцвет в период до пятилетнего возраста, затем наступает перерыв в развитии и с наступлением зрелости сексуальность вновь активизируется. Патогенное значение подобного сексуального развития дает знать о себе в форме отвержения детской сексуальности со стороны Я как некой опасности и в вытеснении сексуальных влечений в период зрелости с последующим подчинением их инфантильным прообразам.

И наконец, *психологический фактор* связан с разделением внутреннего мира человека на Я и Оно; с попытками Я защищаться от внешней опасности и влечений Оно; ограниченными возможностями борьбы Я против внутренних опасностей, отражение которых выливается в форму образования симптомов как заместителей влечений человека.

С учетом выделенных Фрейдом трех факторов, способствующих возникновению неврозов, в рамках психоанализа происходит осмысление взаимосвязей между беспомощностью человека, опасностями, которым он подвергается, и страхами, которые возникают у него. Смысловой ряд образования страха выглядит следующим образом. Человек может находиться в состоянии материальной или психической беспомощности. Материальная беспомощность возникает в случае реальной опасности, угрожающей ему извне. Психическая беспомощность обусловлена внутренней опасностью, исходящей от влечений. Состояние материальной или психической беспомощности в настоящем соотносится с ситуацией опасности, воспринимаемой человеком по аналогии с травматической ситуацией беспомощности в прошлом, в результате чего возникает сигнал страха. Таким образом, в понимании Фрейда ситуация опасности представляет собой вспоминаемую, ожидаемую ситуацию беспомощности, а страх — первоначальную реакцию на беспомощность при травме. Человек пытается предупредить эту травму и уклониться от нее. Следствием этого становится то, что страх оказывается ожиданием травмы, с одной стороны, и смягченным воспроизведением ее, с другой стороны.

Из данного понимания образования страха вытекает направленность психоаналитической терапии. Ее цель состоит в том, чтобы оказать посильную помощь пациенту, дав возможность его Я устранить предшествующие вытеснения, обрести власть над вытесненным в Оно и придать влечению соответствующее направление. Направление, которое не смогло сформироваться в силу психических защит, построенных в ответ на раннюю, некогда воспринятую и пережитую опасность, возникшую на основе травматической ситуации беспомощности. В итоге позитивный результат психоаналитической терапии совпадает с обычными возможностями врачебной деятельности.

Изречения

З. Фрейд: «Самые ранние детские фобии не могут быть непосредственно объяснены впечатлением при акте рождения».

З. Фрейд: «Механизм страха смерти может состоять только в том, что Я в значительной степени освобождается от своей нарциссической загрузки либидо, то

есть отказывается от самого себя точно так, как обычно в случае страха отказывается от другого объекта. Мне думается, что страх смерти развертывается между Я и Сверх-Я».

З. Фрейд: «Обыкновенно наша терапия должна довольствоваться тем, чтобы скорее, увереннее и с меньшими усилиями добиться того хорошего исхода, который при благоприятных обстоятельствах наступил бы сам».

Контрольные вопросы

1. Каково психоаналитическое понимание невроза страха и детских фобий?
2. Какие виды страха рассматривались Фрейдом?
3. В чем состоит различие между реальным и невротическим страхами?
4. Каково психоаналитическое понимание причин возникновения и развития страха?
5. Как Фрейд объяснял отношения между вытеснением и страхом?
6. Что является первичным страхом в понимании Фрейда?

Рекомендуемая литература

1. *Айке Д.* Страх. Концепции фрейдистского психоаналитического направления // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд. Жизнь. Работа. Наследие. М., 1998.
2. *Вельдер Р.* Торможение, симптом и страх: сорок лет спустя // Антология современного психоанализа. М., 2000. Т. 1.
3. *Фрейд З.* Анализ фобии пятилетнего мальчика // Психоаналитические этюды. Минск, 1997.
4. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М., 2015.
5. *Фрейд З.* Случай Человека-Волка (Из истории одного детского невроза) // Человек-Волк и Зигмунд Фрейд. Киев, 1996.
6. *Фрейд З.* Психоанализ детских страхов. М., 2016
7. *Фрейд З.* Страх // Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. Страх, тотем и табу. Минск, 1998.

Часть 3

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КЛИНИЧЕСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Глава 10

СМЫСЛ И ЭТИОЛОГИЯ НЕВРОЗОВ

Специфика клинического психоанализа

Невротические симптомы сходны с ошибочными действиями и сновидениями в том, что они также обладают смыслом. Любой невротический симптом осмыслен. Он тесным образом связан с переживанием больного, с его жизнью в целом. Отсюда нацеленность клинического психоанализа прежде всего на раскрытие смысла симптоматики заболевания, поскольку, с точки зрения Фрейда, понимание смысла невротического симптома — это необходимый шаг для оказания помощи пациенту и залог его успешного лечения.

В центре внимания психоанализа находится невротический симптом. Этим он отличается от психиатрии, где не придается большого значения форме проявления и содержанию симптома как такового. Если в рамках психиатрии основной акцент делается на наследственной предрасположенности к психическому заболеванию и органических нарушениях, оказывающих разрушающее воздействие на психику человека, то клинический психоанализ ориентирован в первую очередь на раскрытие мотивов и намерений пациента, стоящих за любым симптоматическим действием, которое, в принципе, является неким признаком, знаком, свидетельствующим о важных процессах, протекающих в глубинах человеческой психики.

Для более наглядной демонстрации различий между психиатрией и психоанализом Фрейд использовал пример из собственной практики. Речь шла об одержимой бессмысленной идеей пятидесятитрехлетней женщине, которая под воздействием бреда ревности отравляла жизнь себе и доставляла много хлопот своим близким.

Как отнесутся к такому заболеванию психиатр и психоаналитик? Какой диагноз они поставят? Какие причины они усмотрят в основе заболевания? Как и в каком направлении они будут действовать, рассчитывая на соответствующий терапевтический эффект?

Рассматривая данное заболевание, психиатр, скорее всего, придет к выводу, что женщина испытывает ревность, приносящую ей глубокие страдания. Разумеется, у нее нет реальных оснований для какой-либо ревности, так как муж любит ее и на протяжении трех десятилетий совместной жизни она ни разу не могла упрекнуть его не только в неверности, но и в отсутствии чуткости и заботы о ней. Она это прекрасно понимает, но ничего не может поделать с собой и своими приступами ревности. Ею как бы овладевает идея ревности, не поддающаяся логике разумного объяснения. Итак, это бредовая идея. Она не соответствует реальному положению вещей, если иметь в виду измену мужа, но захватывает женщину с такой силой, что та не может вырваться из ее объятий. Поэтому диагноз таков: женщина страдает бредом ревности.

Поставив такой диагноз, в лучшем случае психиатр обратится к истории семьи женщины. Скорее всего, он будет исходить из того, что в каком-то поколении семьи у кого-то могли быть подобные явления или какие-либо другие психические нарушения. Возникшая у женщины бредовая идея неслучайна, она обусловлена наследственной предрасположенностью, и, следовательно, развившееся заболевание следует считать следствием «плохой» наследственности. Диагноз поставлен, истоки заболевания выяснены, и остается только прибегнуть к медикаментозному лечению, направленному на снятие состояния беспокойства в момент его обострения и на поддержание жизнеспособности пациентки. Это, пожалуй, все, что может сделать психиатр, имеющий дело с подобного рода заболеванием.

В отличие от психиатра психоаналитик не удовлетворится рассмотренными выше причинами возникновения заболевания. Исходя из диагноза бреда ревности, он попытается глубже разобраться в существе дела. В поле его зрения попадет то обстоятельство, которое связано, казалось бы, с незначительной деталью. Дело в том, что заболевшая женщина сама спровоцировала возможность некоего действия — появления анонимного письма. Она недвусмысленно сказала горничной о том, как будет несчастлива, если вдруг узнает о любовной связи своего мужа с какой-либо молодой девушкой. Если бы она не проговорила это вслух, то вряд ли служанке пришла в голову мысль об интриге с анонимным письмом. Отсюда следует важный вывод: не анонимное письмо стало источником возникновения бредовой идеи, которая существовала у женщины уже до того, как интрига с письмом вызвала у нее возбужденное состояние. В форме какого-то опасения или желания бредовая идея возникла у нее до произошедшего инцидента, и задача психоанализа заключается в том, чтобы выявить, чего на самом деле женщина опасается или что представляет собой ее желание, невозможность реализации которого привела к бреду ревности.

Фрейд не имел возможности осуществить полный анализ данного случая. В его распоряжении было только два часа работы с пациенткой, поскольку женщина не захотела продолжать анализ, сославшись на то, что чувствует себя вполне здоровой. И тем не менее даже за это короткое время Фрейду удалось подметить такие «мелочи жизни», на основе которых он смог дать психоаналитическое толкование, проливающее свет на истоки происхождения бреда ревности женщины.

Оказывается, она была влюблена в своего зятя, молодого человека, по настоянию которого обратилась к Фрейду. Не осознавая своей влюбленности и принимая ее, скорее всего, за родственную нежность, женщина находилась во власти противоречивых чувств. С одной стороны, она была верной женой и любящей матерью.

Из клинической практики

Краткая история жизни, рассказанная Фрейду одной женщиной, такова. Тридцать лет тому назад она вышла замуж по любви. На протяжении всего замужества она была счастлива, так как муж отличался чуткостью и заботливостью, ни разу не дал повода для какой-либо ревности или обиды. Между ними не было недоразумений и ссор, часто отравляющих жизнь в других семьях. У них двое взрослых детей, которые также счастливы в браке. Женщина не испытывает материальной нужды, живет в достатке и в полном согласии со своим мужем, который является управляющим большой фабрикой. И тем не менее в последний год их совместной жизни произошло нечто такое, что не могли понять ни она сама, ни ее муж, ни ее дети и что стало причиной беспокойства, заставившей обращаться к врачам. Ее зять попросил Фрейда полечить тещу, и таким образом она оказалась на приеме у основателя психоанализа.

Что же произошло такое из ряда вон выходящее, что нарушило многолетний семейный покой и вызывало беспокойство как у самой женщины, так и у ее близких? Обстоятельство оказалось пустяковым с точки зрения здравого смысла и на первый взгляд не заслуживающим внимания. Женщина получила анонимное письмо, в котором сообщалось, что ее заботливый и внимательный муж, никогда не отличавшийся любовными похождениями и не дававший ни малейшего повода для чувства ревности, завел роман с молодой девушкой. Это письмо было написано измененным почерком, но женщина сразу же заподозрила свою горничную, тем более что в письме сообщалось о молодой девушке как любовнице мужа, которая была когда-то школьной подругой горничной, со временем выбилась в люди и теперь стала объектом ее зависти, злобы, враждебности, ненависти. Накануне женщина разговаривала со своей горничной. В своем разговоре они коснулись темы, связанной с неверностью гостившего у них мужчины, находящегося в преклонных годах, изменявшего своей жене и имевшего любовную связь на стороне. Как-то так получилось, что во время разговора с горничной женщина обмолвилась о своих чувствах. Она сказала, что для нее было бы самым ужасным, если бы она вдруг узнала о том, что ее добрый и заботливый муж тоже имеет любовную связь. И именно на следующий день она получила анонимное письмо. И хотя женщина тут же поняла, кто автор этого письма, поскольку любовницей мужа была названа девушка, вызывавшая злобу у горничной, тем не менее неожиданно для себя она как бы поверила тому, о чем сообщалось в анонимке.

Анонимное письмо привело женщину в возбужденное состояние. Она позвала к себе мужа и потребовала от него ответа. Муж не только отрицал предъявленное ему обвинение, но и со смехом отнесся к анонимному письму как к чему-то такому, что является абсурдным, несерьезным, бессмысленным, о чем, судя по всему, и сказал своей жене. Но, к его удивлению, жена не успокаивалась и пришла в такое возбужденное состояние, что пришлось вызывать домашнего врача. После этого инцидента горничная была уволена. Женщина успокоилась и вроде бы перестала верить тому, что было написано в анонимном письме. Однако стоило ей увидеть на улице ту молодую девушку, которая якобы была любовницей мужа, или услышать ее имя в каком-либо разговоре, как тут же у нее ухудшалось состояние духа, и она вновь обращалась с упреками в адрес мужа. И хотя, казалось бы, не было никаких поводов для подозрений в неверности мужа, тем не менее женщина испытывала душевную боль, ее одолевали муки сомнений, что приносило страдания ей самой и вызывало беспокойство у ее близких.

С другой — испытывала такие чувства к зятю, которые в ее понимании никак не могли быть соотнесены с добропорядочностью. Вызванные двойственными чувствами переживания сопровождались вытеснением влюбленности в зятя в бессознательное. Но, будучи в бессознательном, они оставались действенными, что при-

Из клинической практики

По завершении очередной встречи со мной пациентка забыла на вешалке красивый шарфик. Если бы я уже не сталкивался с подобными случаями забывания и не был знаком с психоаналитическими идеями, то, скорее всего, отнес бы это незначительное событие к разряду случайных, не заслуживающих особого внимания. Но если рассматривать данное симптоматическое действие в качестве полноценного психического акта, наделенного смыслом и имеющего определенное намерение, нетрудно было понять, что скрывается за ним на самом деле. Учитывая атмосферу предшествующих сессий и проработку тех проблем, которые вызвали у пациентки потребность в дополнительных встречах со мной и сожаление по поводу того, что она не может оставаться у меня дольше заранее оговоренного и установленного времени, не составляло труда предположить, как и почему произошло ее случайное действие.

Причиной забывчивости пациентки была отнюдь не рассеянность, поскольку она всегда отличалась пунктуальностью и удивительной собранностью. Смысл симптоматического действия состоял в том, что ей хотелось оставить частичку себя в моем доме. Накануне мы обсуждали вопрос о том, какое воздействие оказывают на нее различные запахи, включая запах духов. При этом я спросил у пациентки, как называются те духи, которыми она стала пользоваться в последнее время. В тот визит ко мне, когда она совершила данное симптоматическое действие, я почувствовал более сильный запах тех же самых духов. Забытый шарфик, источавший аромат тех духов, действительно целых два дня, то есть до следующего прихода пациентки ко мне, невольно напоминал о ее существовании. Ей все-таки удалось оставить частичку себя в моем доме. При последующем обсуждении этого симптоматического действия на сессии она даже не подала виду, что придает ему какое-то особое значение. И тем не менее по ее интонациям в голосе чувствовалось, что «случайное» забывание шарфика доставило ей удовольствие. Только на следующей сессии пациентка призналась, что какая-то, как она выразилась, «шальная мысль оставить след в моем доме» посещала ее, но она тут же отгоняла ее прочь и не вспоминала о ней.

вело к запуску механизма смещения, на основе которого и возникла бредовая идея ревности.

Скрытый смысл образования бреда ревности мог состоять в следующем. Бедная женщина как бы спрашивала себя: «Если в своем пятидесятитрехлетнем возрасте я способна влюбиться в молодого мужчину, то почему мой старый муж не может иметь любовные отношения с молодой девушкой?» И тут же, предаваясь собственной фантазии, она сама себе отвечала: «Так и есть, муж неверен мне, и, следовательно, мне не за что упрекать себя». Эта фантазия настолько овладела бедной женщиной, что, пытаясь спастись от укоров совести, она сделала все для того, чтобы перенести вину за свою влюбленность на мужа. Оставалось только найти подходящий момент. Он как раз и представился в форме провокации служанки, написавшей анонимное письмо, содержание которого было подсказано влюбленной в зятя женщиной.

Таким образом, в отличие от психиатра, психоаналитик раскрывает мотивировку появления бредовой идеи. Исходя из нескольких оброненных пациенткой замечаний, на основе которых было предложено психоаналитическое толкование истоков заболевания, выяснилось существо бредовой идеи. Проявившийся у пациентки бред ревности не был чем-то бессмысленным и непонятным. Напротив, он был вполне мотивирован, имел определенный смысл и обнаружил непосредственную связь с ее глубинными аффективными переживаниями. Бредовая идея возникла у пациентки

в качестве защитной реакции на бессознательные процессы, связанные с ее влюбленностью в зятя. Она представляла собой отражение проекции ее собственного внутрипсихического состояния на мужа. Как своего рода утешение, некий компромисс пациентки со своей совестью, бредовая идея обрела устойчивость и независимость от реальности, стала самостоятельной и весьма действенной. Причем, будучи необходимой и желанной, она оказалась обусловленной таким конкретным переживанием влюбленной женщины, которое привело к появлению именно бреда ревности, а не какой-либо другой бредовой идеи. Таковы результаты понимания существа данного заболевания, которые оказались доступными для психоанализа.

Фрейд не считал, что предложенная им интерпретация истоков и существа описанного выше случая заболевания является исчерпывающей. Если бы анализ продолжался дальше, то психоаналитику пришлось бы ответить на целый ряд вопросов. В частности, почему, будучи счастливой в браке, женщина неожиданно влюбляется в своего зятя? Почему она влюбляется именно в него, а не в какого-то другого молодого человека? Что заставило ее выбрать такую стратегию, в результате которой попытка освобождения от укоров совести за свою влюбленность в зятя обернулась проекцией своего внутреннего состояния на мужа? Почему у нее не возникло иной, но также имеющей защитную функцию проекции на свою дочь, в результате чего она могла бы направить бред ревности не на верного мужа, а на жену зятя? Не было ли помимо влюбленности в зятя еще чего-то такого, что в итоге привело к возникновению бреда ревности?

Ответы на эти вопросы, несомненно, способствовали бы уточнению истоков и существа заболевания пациентки. Сама же постановка вопросов дает представление о том, в каком направлении развертывается деятельность психоанализа; насколько глубоко он исследует причины возникновения заболевания; как осуществляется раскрытие смысла невротического симптома; чем он отличается от психиатрии. Данный пример из собственной практики Фрейда как раз и был приведен им для того, чтобы более четко обозначить специфику психоанализа.

Эта специфика заключается в том, что, в отличие от других специалистов в области медицины, *психоаналитик не оставляет без внимания ни одну мелочь, ни одно симптоматическое действие пациента.* Как часто можно наблюдать такую картину, когда сидящий в кабинете врач делает соответствующие записи в карте больного, не обращая внимания ни на его приход, ни на его уход! Все, что не касается непосредственного осмотра больного или выслушивания жалоб от него, не представляет, как правило, никакого интереса для врача. Другое дело психоаналитик, в глазах которого любая мелочь, будь то непроизвольный жест, интонация голоса, ошибочное действие пациента, — все это имеет свое значение и смысл, раскрытие которых не только вносит дополнительные штрихи к общей картине заболевания, но и дает подчас значительно больше для понимания внутреннего состояния больного, чем его лабораторные анализы.

Казалось бы, на первый взгляд нет ничего особенного в том, что пациент забыл закрыть за собой дверь в приемную. Для психиатра, как, впрочем, и для многих других специалистов в области медицины, это не более чем случайность, не представляющая для него какого-либо психологического интереса. В лучшем случае он просто не обратит внимания на это симптоматическое действие, в худшем — подумает про себя о невоспитанности больного, и если само действие вызовет у него сильное раздражение, то он в целях нравоучения рассерженным тоном сделает ему замечание.

Для психоаналитика данное симптоматическое действие пациента не случайно. Оно не бессмысленно. Напротив, в какой-то степени оно определяет отношение пациента к врачу, имеет свой смысл и определенное намерение. Так, Фрейд подметил, что приходящие к нему на консультацию пациенты, как правило, забывали закрывать за собой дверь только тогда, когда в приемной никого не было. Тем самым они как бы хотели выразить свое пренебрежительное отношение к врачу, приемная которого пуста. Но никто из них не забывал закрыть за собой дверь в том случае, если в приемной находились другие люди. Никто из них не хотел, чтобы их разговор с врачом стал достоянием посторонних людей. Другое дело, что связанное с забывчивостью пациента симптоматическое действие, когда он оставляет открытой дверь, не осознается им самим. Оно совершается бессознательно. Пациент как бы оказывается в неведении относительно того, что он сделал. И тем не менее за этим симптоматическим действием скрывается определенное намерение, обнаружение смысла которого становится предметом психоаналитической деятельности.

Изречения

З. Фрейд: «Симптоматическое действие кажется чем-то безразличным, но в симптоме болезни видится нечто значительное».

З. Фрейд: «Он (психиатр. — *В. Л.*) вынужден довольствоваться диагнозом и неуверенным прогнозом дальнейшего течения болезни, несмотря на богатый опыт».

З. Фрейд: «Но может ли психоанализ достичь в этом случае большего? Несомненно... Он способен открыть нечто такое, что дает возможность самого глубокого проникновения в суть дела».

Смысл невротических симптомов

Фрейд придавал важное значение раскрытию смысла невротических симптомов. Рассматривая этот вопрос, он привел несколько ярких примеров, связанных с так называемым неврозом навязчивых состояний, на изучении которого, как и на исследовании истерии, был основан психоанализ.

Один из примеров относился к тридцатилетней женщине, которая несколько раз в день проделывала странное навязчивое действие. Она то выбегала из своей комнаты, то вновь убегала к себе. При этом, выбежав из комнаты, она останавливалась перед столом, накрытым скатертью, вызывала к себе горничную, давала ей какое-нибудь мелкое поручение и после этого убегала к себе.

Второй пример был связан с девятнадцатилетней девушкой, у которой сложился необычный навязчивый церемониал укладывания спать, доставлявший ей и ее близким много неприятностей. Каждый вечер перед сном девушка останавливала находящиеся в ее комнате часы или выносила их из нее, переставляла цветочные горшки и вазы, чтобы они не упали и не разбились, оставляла полуоткрытой дверь между ее комнатой и спальней родителей, клала большую подушку у изголовья кровати таким образом, чтобы она не касалась деревянной спинки кровати, а маленькую для головы — так, чтобы образовывался ромб, обязательно взбивала перину,

а потом разглаживала ее. И все это повторялось по нескольку раз, так как у нее были постоянные сомнения, мысль о том, что она могла что-то упустить.

Нет необходимости касаться всех подробностей, связанных с толкованием Фрейдом навязчивых действий обеих женщин. Тот, кто заинтересуется этим вопросом, может обратиться к первоисточнику и почерпнуть соответствующую информацию в его лекциях по введению в психоанализ. Отмечу лишь, что раскрытие смысла вышеупомянутых навязчивых действий осуществлялось Фрейдом посредством установления их связи с особенностями, присущими жизни этих двух женщин.

В первом случае тридцатилетняя дама сама осознала, в чем состоит смысл ее навязчивого действия. Она рассказала, что десять лет тому назад вышла замуж за мужчину значительно старше ее по возрасту, который оказался несостоятельным в первую брачную ночь и, чтобы не вызвать излишние толки у горничной, убиравшей постель, вылил красные чернила на простыню, но не на то место, где полагалось быть соответствующему пятну. И когда Фрейд не увидел связи между этим воспоминанием и навязчивым действием, женщина подвела его к столу, показала большое пятно, которое проступало на скатерти, и пояснила, что всегда занимает такое положение у стола, чтобы вызванная ею горничная могла увидеть это пятно. Таким образом, Фрейду стала понятна тесная связь между первой брачной ночью женщины в прошлом и навязчивым действием, которое она совершала в настоящем.

Во втором случае девушка не могла или не хотела обнаружить смысл своего патологического церемониала укладывания спать. Фрейд делал различного рода намеки, предлагал свое толкование, но она отвергала все его попытки. И только по прошествии какого-то времени девушка воспользовалась предложенными ей толкованиями и начала устанавливать соответствующие связи между своим навязчивым ритуалом и теми переживаниями, которые у нее были в детстве и которые имели место в настоящем. Будучи ребенком, она не давала закрывать дверь между детской комнатой и спальней родителей. Постоянное подслушивание за родителями обернулось приобретением бессонницы, потребовавшей установления ритуала в форме остановки или удаления часов, перестановки горшков с цветами и ваз, которые имели символическое истолкование, то есть рассматривались в качестве гениталий, сексуального возбуждения, полового акта. Попытки помешать родителям, сопровождавшиеся тем, что она прибегала в их спальню и укладывалась спать между отцом и матерью (впоследствии она даже добивалась того, чтобы мать уступала ей свое место возле отца и переходила спать на ее кровать), привели к последующему образованию церемониала, когда подушка и спинка кровати не должны были касаться друг друга, а взбивание перины и последующее разглаживание ее подразумевали беременность и предотвращение ее. Так с помощью Фрейда девушкой был выявлен скрытый смысл, стоящий за патологическим церемониалом укладывания спать. Он свидетельствовал о том, что она находилась во власти эротической привязанности к своему отцу.

Как в первом, так и во втором случае анализ навязчивых симптомов привел к необходимости рассмотрения сексуальной жизни пациентов. Собственно говоря, такое понимание в направлении исследовательской и терапевтической деятельности, связанной с методами и приемами психоанализа, оказалось для Фрейда общезначимым, применимым для всех невротических заболеваний. Таким образом, установление смысла, намерения и значения невротических симптомов продиктовало Фрейду

необходимость исследования той связи, которая, по его мнению, имела место между симптомами заболевания и переживаниями пациентов, уходящими корнями в их интимные отношения.

Психоаналитический подход к изучению невротических заболеваний включал в себя такое историческое толкование, которое предполагало осуществление как бы двойной редукции. А именно — переход от настоящего к прошлому и от жизни взрослых к инфантильной сексуальности. Переживания, относящиеся к времени заболевания, являются чувствительными для каждого человека. Но, будучи остро ощутимыми и трудно переносимыми, сами по себе они еще ничего не говорят о причинах и истоках заболевания.

Аналитическая работа не может, по убеждению Фрейда, ограничиваться раскрытием существа этих переживаний. Она должна доходить до исследования психосексуального развития ребенка, чтобы на материале раннего детства выявить те события, ситуации, впечатления и переживания, которые могли предопределить возможность возникновения заболевания в будущем. Аналитическая работа показывает, что во многих случаях пациенты фиксированы на каком-то периоде своего прошлого, в результате чего настоящее и будущее как бы закрыты для них. Как правило, они фиксированы на таких переживаниях, которые можно назвать травматическими. Фрейд проводит сравнение с травматическими неврозами, возникающими во время войн, железнодорожных крушений или каких-либо других жизненных катастроф. В основе этих неврозов лежит фиксация на моменте травмы. Люди, страдающие подобными заболеваниями, постоянно испытывают сильные переживания, которые находят свое отражение в сновидениях, где повторяются картины и сюжеты, связанные с травматическими ситуациями.

Аналогичное положение наблюдается и тогда, когда нервнобольные оказываются фиксированы на переживаниях прошлого. Отсюда Фрейд делает вывод, что невроз можно уподобить травматическому заболеванию. В таком случае объяснение невроза сводится к неспособности человека справиться с сильным аффективным переживанием. Другое дело, что здесь не все так просто и однозначно, как может показаться на первый взгляд. Так, можно сказать, что *всякий невроз включает в себя фиксацию на каком-то травматическом событии прошлого*. Однако, замечает Фрейд, отсюда вовсе не следует, что любая фиксация непременно ведет к неврозу или совпадает с ним.

Тем не менее переживания прошлого действительно могут быть весьма травмирующими и оказывать такое воздействие на человека, которое чревато далеко идущими последствиями. Фиксация на этих переживаниях способна обернуться невротическими расстройствами, заслонить собой настоящее, отрезать человека от будущего.

Рассматривая навязчивые действия и другие невротические явления, Фрейд исходил из того, что симптомы заболеваний тесно связаны с бессознательными душевными процессами. Смысл симптомов неизвестен человеку, страдающему психическими расстройствами. Сам смысл находится как бы за пределами его сознания, он бессознателен и содержится в тех бессознательных процессах, которые протекают в его душе. Образование симптома возможно только в том случае, если имеются бессознательные процессы. Наличие сознательных процессов не ведет к возникновению симптомов. Отсюда возможность осуществления терапии, связанная с тем, что

Из клинической практики

Двадцатичетырехлетняя девушка, находящаяся замужем, но не имеющая детей, обратилась ко мне за помощью, так как хотела бы разобраться в одном не совсем обычном желании, которое выходит за рамки устоявшихся представлений о предназначении женщины. Это желание стало навязчивой идеей, преследующей ее и подталкивающей к решительным действиям, связанным с возможной операцией по изменению пола. Она решила претворить свою идею в жизнь, но пока дело до этого не дошло, она предприняла попытку разобраться в том, почему она хочет стать мужчиной. Обладая достаточно строгим логическим мышлением, девушка надеялась отыскать подлинные причины возникшей у нее навязчивой идеи, но из этого ничего не вышло. После этого она обратилась за помощью ко мне.

Когда в процессе анализа был затронут вопрос о ее семейном положении и о том, что, переменив пол, она не сможет стать матерью, обнаружилось, что пациентка никогда не хотела быть матерью и что она весьма агрессивно настроена против детей как таковых. По ее собственным словам, у нее давно сформировалось «жесткое отношение» к детям, которых она не приемлет в принципе, и «жуткое отношение» к размножению вообще. Представление о том, что какая-то ее часть может отделиться от нее и автономно существовать, граничит с ужасом и кошмаром. Грудные дети вызывают у нее неприязнь, беременные женщины — отвращение. В своих крайних взглядах она заходит так далеко, что без каких-либо сожалений по поводу обвинения в бесчеловечности выдвигает тезис: «Где увидишь ребенка, там и убей его!» Объясняя свое отношение к детям, пациентка прибегла к различного рода аргументам. В частности, она ссылалась на то, что наша планета и так перенаселена и что давно пора ограничить рождаемость, взять ее под строгий контроль и вообще запретить рожать женщинам, которые не заботятся ни о своем собственном будущем, ни о будущем человечества. Однако в процессе анализа выяснилось, что все эти аргументы не более чем рационализация, за которой скрывается страх перед беременностью. У пациентки была внематочная беременность, что привело к определенным осложнениям, и если бы даже теперь она и захотела иметь ребенка, то ей бы пришлось пройти долгий курс лечения. Но ее страх перед беременностью имел глубокие корни, уходящие в более ранний период ее жизни. Как выяснилось, в свое время у нее были такие травмирующие переживания, которые оставили столь заметный след в ее душе, что беременность и дети стали восприниматься в качестве чего-то страшного, жуткого и недопустимого.

Она с ужасом вспоминала время, когда видела свою мать беременной. Рождение младшей сестры не только не принесло ей никакой радости, но вызвало отвращение. По ее собственным словам, роды «искалечили мать», у которой стали выпадать волосы. Во время родов она была безобразной, а после родов оглохла на одно ухо. В восприятии девушки беременность и роды матери стали ассоциироваться с тяжелой травмой. Глубочайшие переживания по этому поводу привели к тому, что фиксация на прошлом не только перечеркнула возможность ее материнства, но и породила убеждение, что рождение ребенка «уродует женщину», теряющую волосы и зубы. Отсюда крик ее души: «Я не хочу стать уродом, не хочу ни за кого отвечать!» Так фиксация на травмирующих переживаниях прошлого обернулась патологическим неприятием детей, отвращением к беременным женщинам и возникновением желания изменить свой пол.

Было бы опрометчиво полагать, что возникшее у пациентки желание стать мужчиной целиком и полностью объясняется ее детскими переживаниями, связанными с беременностью ее матери и теми последствиями, свидетельницей которых она была. На самом деле ставшая навязчивой идея о необходимости изменения пола подпитывалась различными источниками, частично уходящими в детство и отчасти обусловленными переживаниями более позднего периода, связанными с получением высшего образования. Способная девушка, обожавшая, по ее собственным словам, математику и решившая доказать себе и окружающим, что она не хуже других может учиться в престижном институте и специализироваться

Из клинической практики

на кафедре, куда обычно принимали только юношей, добилась своего. Однако последующие конфликты с научным руководителем, считавшим, что женщине не место в науке, постоянные столкновения с явным неравноправием по отношению к девушке по сравнению со студентами-юношами и ощущение ненужности привели к возникновению того, что она назвала «паранойей по поводу нелюбви к себе». Все это способствовало тому, что однажды у нее появилось желание изменить пол.

Последующая проработка материала, связанного со сновидениями, фантазиями, сексуальным опытом, воспоминаниями детства, переживаниями студенческой поры, дала возможность выявить разнообразные истоки, так или иначе сказавшиеся на возникновении у пациентки навязчивой идеи изменить свой пол. Среди них были и такие истоки, которые уходили своими корнями в раннее детство и соотносились с восприятием различий в строении тела у девочек и мальчиков, то есть задолго до того, как у нее возникли переживания по поводу беременности ее матери. Так, она вспомнила эпизод в детском садике, когда описался один мальчик и воспитательница наказала его, заставив стоять голым перед всеми детьми. Девушка вспомнила и то, что ей интересно было разглядывать пенис у другого мальчика — соседа по дому и потом сравнивать со своим выступающим вперед лобком. Уже тогда она испытала, по ее собственным словам, зависть к мальчикам, зависть к пенису. В семилетнем возрасте, когда отдыхала летом в деревне, она играла на печке с девочкой в мужа и жену и сама охотно исполняла роль мужа. В этом же возрасте она начала усиленно заниматься мастурбацией и, по ее утверждению, получала оргазм. В 10–11 лет она застала мать с отцом в таком виде, когда ей бросилась в глаза материнская грудь, в результате чего она испытала отвращение. Беременность матери вызвала негативные эмоции. По выражению пациентки, женское тело стало восприниматься как «полуфабрикат», а мужское — как «совершенство». Возник «ужас рождения детей», и появилось «отрицание женщины в себе». В 14–15 лет она ощутила «безумную любовь» к одной девушке. Позднее имела первый сексуальный контакт с другой девушкой, что вызвало неприятные ощущения. Впоследствии, выйдя замуж, и в быту, и в сексуальных отношениях чаще всего играла роль мужчины. Однажды, оказавшись в больнице, имела близкие отношения с лежащей там женщиной. Но при этом ей пришлось совершить насилие над собой, грудь женщины восприняла с отвращением, и появилось желание изменить пол. Ее все больше и больше стали интересовать мужчины, в отношениях с которыми она играла роль сильного пола. Желание стать мужчиной оказалось обусловленным не стремлением иметь интимные отношения с женщинами, а возможностью быть полноценным мужчиной в близких отношениях с другими мужчинами, принимающими на себя роль женщины.

осознание бессознательных процессов способно привести к устранению симптомов заболевания. На этом был основан катартический метод Брейера, который использовался Фрейдом на первоначальных этапах его исследовательской и терапевтической деятельности.

Изречения

З. Фрейд: «Итак, невротические симптомы как ошибочные действия, как сновидения имеют свой смысл и так же, как они, по-своему связаны с жизнью лиц, у которых они обнаруживаются».

З. Фрейд: «Прежде всего одно: психоаналитические исследования сводят с действительно удивительной правильностью симптомы страдания больных

к впечатлениям из области их любовной жизни; эти исследования относятся к эротическим влечениям и заставляют нас признать, что расстройствам эротики должно быть приписано наибольшее значение среди факторов, ведущих к заболеванию, и это так для обоих полов».

З. Фрейд: «Только переживания детства дают объяснение чувствительности к будущим травмам, и только раскрытием и доведением до сознания этих следов воспоминаний, обычно почти всегда позабытых, мы приобретаем силу для устранения симптомов. Здесь мы приходим к тому же результату, как при исследовании сновидений, а именно — что остающиеся, хотя и вытесненные желания детства дают свою силу образованию симптомов».

Психоаналитическое понимание невротических симптомов

Возникновение невротического симптома связано с такими отношениями, когда наблюдается замещение того, что по каким-то причинам не смогло проявиться. Нормальное протекание психических процессов предполагает их переход в сознание. Однако нередко случается так, что в силу определенного рода нарушений психические процессы не становятся достоянием сознания, то есть не осознаются. Нарушение связи между психическими процессами сопровождается тем, что на этой основе осуществляется некое замещение, возникает симптом, смысл которого бессознателен. Но если предпосылки возникновения этого симптома сделать сознательными, то тем самым может исчезнуть сам симптом. Таким образом, цель терапии ясна. Для того чтобы устранить невротический симптом, необходимо выявить смысл его, определить, откуда он возник и куда направляется, то есть восстановить нарушенную связь и сделать бессознательные процессы осознанными.

При таком понимании механизма возникновения симптома невроз оказывается следствием незнания о тех психических процессах, о которых человеку следовало бы иметь полное представление. Поэтому, казалось бы, нет ничего проще, как, раскрыв смысл симптома и приобретя определенное знание об истоках образования этого симптома, довести все это до сознания больного и тем самым облегчить его страдания. С одной стороны, основываясь на клиническом опыте, аналитик может предположить, какие именно психические процессы не осознаются больным. С другой — если есть такая благоприятная возможность, то можно было бы воспользоваться информацией, полученной от родственников больного, которые могут поведать о травмирующих ситуациях в раннем детстве и тем самым прояснить для аналитика картину возможных душевных переживаний пациента. В результате проделанной работы аналитик мог бы поделиться своим знанием о смысле симптома и общей картине заболевания с пациентом с тем, чтобы, устранив его патологическое незнание, привести его к выздоровлению.

Однако все значительно сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. На самом деле то знание, которым обладает аналитик, — это знание профессионала. Пациент же остается человеком, нередко совершенно неподготовленным к восприятию и тем более пониманию того, о чем ему может сообщить аналитик. Поэтому простой передачи знания от аналитика к пациенту, тем более в кратчайшие сроки, недостаточно для того, чтобы человек «распрощался» со своей болезнью. Знание

Из клинической практики

Пришедшая на анализ пациентка страдает от неразделенной любви. Около двух лет она встречается с женатым мужчиной, что доставляло ей огромную радость. Но в последнее время он перестал проявлять к ней пылкую страсть, начались ссоры, и женщина стала чувствовать себя глубоко несчастной. Когда они вместе и он ласков, предупредителен и заботлив, пациентка, по ее словам, находится «на седьмом небе». Но когда она остается одна или чувствует, что ее возлюбленный чем-то озабочен, холоден, не уделяет ей особого внимания и, как ей кажется, думает только о своей жене, женщина впадает в панику, у нее начинается депрессия, ей не хочется жить.

В процессе анализа стало ясно, что роль любовницы не может удовлетворить женщину, а ее возлюбленный не собирается бросать свою семью. К сожалению, она не осознает ни того, ни другого. Хотя, казалось бы, невооруженным взглядом видна та тупиковая ситуация, в которой она оказалась и в которой находятся многие женщины, попадающие в аналогичное положение.

В процессе анализа я обратил внимание пациентки на то, что хотя она испытывает счастливые мгновения при встречах с женатым мужчиной и говорит, что не собирается разбивать его семью, тем не менее в действительности делает все для того, чтобы окончательно привязать его к себе. Своими действиями она губит его любовь, поскольку он опасается исхода их отношений, подталкивающих его к выбору между любовницей и женой. Пациентка сначала возражает против подобной интерпретации, заявляя о том, что не думает ни о каком замужестве и ей достаточно того, чтобы этот мужчина просто любил ее, как и два года тому назад. Однако через несколько сессий она признается, что, в общем-то, хотела бы, чтобы он развелся со своей женой, которая, по ее собственному выражению, «безмозглая кукла, охмурившая мужика невесть чем и не дающая ему ни счастья, ни покоя».

Проработка материала, связанного с имевшими место отношениями между пациенткой и ее возлюбленным, способствовала осознанию ее бессознательных мыслей и действий, приведших к тому, что женатый мужчина охладел к ней. Казалось бы, обладая новым знанием, пациентка должна пересмотреть свои взаимоотношения с этим мужчиной, чтобы вновь завоевать его любовь или как-то по-иному разрешить назревший конфликт. Но она ничего не может поделать с собой. Чем больше она привязывается к этому мужчине, тем мучительнее становится боль от того, что он полностью не принадлежит ей. Чем сильнее она начинает давить на него, требуя развода с женой, тем меньше он отвечает на ее любовь. Чем чаще происходят между ними размолвки, тем в большей степени она становится раздраженной, усматривающей в существовании его жены главную причину всех своих несчастий. Как заявила пациентка, она находится подчас в таком состоянии, что «готова убить эту безмозглую куклу, отнимающую у нее любовь».

Знание аналитика трансформировалось в сознании пациентки в такое знание, обладание которым вызвало у нее обостренную реакцию не на свое собственное поведение, а на жену любимого мужчины, мешающую ее счастью. Понадобилась долгая и тщательная проработка соответствующего материала, прежде чем пациентка пришла к осознанию того, что в ухудшении ее отношений с любимым человеком повинна прежде всего она сама, а не другая женщина.

аналитика — это одно, знание пациента — нечто другое, по внутреннему осмыслению не совпадающее с первым.

Невротические симптомы возникают в результате замещения того, что в силу различных причин не могло получить своей реализации. Они являются заместителями того, чему помешало вытеснение. Можно было бы сказать, что *вытеснение становится предпосылкой возникновения симптомов*. Фрейд усматривал тесную

связь между образованием симптомов и теми бессознательными процессами, которые соотносились им с вытесненным бессознательным. Это составляет один из аспектов психоаналитического понимания невротических симптомов.

Другим аспектом данного понимания является то, что образование невротических симптомов, как и раскрытие их смысла, имеет непосредственное отношение к области сексуальной жизни больных. Для Фрейда невротические симптомы так или иначе обусловлены сексуальными желаниями и соответствующими переживаниями больных. Это означает, что невротические симптомы служат целям, связанным с разнообразными попытками больных к удовлетворению своих сексуальных влечений и желаний. Фактически они как бы замещают собой сексуальное удовлетворение, которого по каким-либо причинам человек не может достичь в реальной жизни.

Стало быть, с психоаналитической точки зрения невротическое заболевание оказывается следствием вынужденного отказа от того, к чему стремится человек, поскольку реальность не только не способствует удовлетворению его сексуальных желаний, но, напротив, препятствует этому удовлетворению. В этом отношении невротические симптомы следует понимать как заместители недостающего в жизни сексуального удовлетворения.

Но как это согласуется с тем положением Фрейда, согласно которому невротические симптомы служат цели сексуального удовлетворения? Нет ли здесь явного противоречия, поскольку нередко можно встретиться с такими случаями заболеваний, когда симптомы содержат противоположную цель, а именно олицетворяют собой стремление человека исключить сексуальное удовлетворение?

В рамках психоанализа возникающие в психике человека противоположности не расцениваются в качестве непременных противоречий. Как таковые противоречия имеют значение для сознания. Для бессознательного психического нет никаких противоречий. Поэтому психоаналитическое понимание симптомов исходит из того, что невротические симптомы имеют целью как сексуальное удовлетворение, так и защиту от него. При этом имеется в виду то расширенное понятие сексуальности, которое включает в себя удовлетворение инфантильных влечений и желаний независимо от того, воспринимаются ли они в качестве чего-то жестокого, неприемлемого, противоестественного, неприличного.

Изречения

З. Фрейд: «Знание врача не то же самое, что знание больного, и оно не может оказать то же действие. Если врач передает свое знание больному путем сообщения, то это не имеет никакого успеха. Впрочем, было бы неверно так говорить. Успех здесь заключается не в преодолении симптомов, а в том, что тем самым начинается анализ, первыми вестниками которого являются проявления сопротивлений».

З. Фрейд: «Знание должно быть основано на внутреннем изменении больного, которое может быть вызвано лишь психической работой с определенной целью».

Этиология неврозов

Прежде чем взрослая сексуальная жизнь индивида станет нормой, она проходит сложный путь психосексуального развития — от прегенитальной до генитальной стадии сексуальности. Но на этом пути могут встречаться различного рода преграды, в результате чего происходят задержки развития, названные Фрейдом *фиксацией* и *регрессией*.

Фиксация — это остановка частного влечения на какой-то ступени психосексуального развития, закрепление сексуальной энергии и либидо на каком-то отдельном объекте. Фиксация может быть связана также с закреплением переживаний, жизненных установок человека на определенной травмирующей ситуации.

Регрессия — это возвращение продвинутых в своем движении вперед компонентов психосексуального развития на предшествующие, более ранние ступени. Если на пути психосексуального развития человека встречаются какие-либо преграды, если стремление к удовлетворению его сексуальных желаний наталкивается на значительное препятствие, то начинает действовать механизм регрессии. В результате либидо может вернуться к тем фазам развития, которые ранее были пройдены.

Хотя фиксация и регрессия могут восприниматься как самостоятельно протекающие процессы, на самом деле они тесно связаны между собой. Психоаналитическое понимание неврозов основывается на признании между фиксацией и регрессией таких отношений, которые способствуют выявлению этиологии психических заболеваний.

Фрейд предполагал, что существуют два вида регрессии. Один вид регрессии может быть рассмотрен как возвращение сексуальности к первым либидиозным объектам, которые являются по своему характеру инцестуозными. Другой вид имеет отношение к возврату сексуальной организации в целом на более ранние ступени психосексуального развития.

При рассмотрении психоаналитического понимания неврозов может создаться впечатление, что по своему характеру и функциональной значимости регрессия тождественна процессу вытеснения. И в том и в другом случае происходит как бы откат назад, некое движение психических процессов вспять. Однако Фрейд считал недопустимым отождествление вытеснения и регрессии. Для него вытеснение — это процесс, благодаря которому психический акт из системы предсознания перемещается в систему бессознательного. В этом смысле вытеснение представляет собой психологический процесс, характеризующийся пространственным перемещением, местоположением. Вытеснение не имеет отношения к сексуальности как таковой, и сам этот процесс Фрейд называет топическим. Если учесть, что при этом осуществляется не просто обратное движение, а динамическое перемещение, хотя и с задержкой психического акта на более низкой ступени бессознательного, то вытеснение следует понимать как динамическое явление. Тогда понятие вытеснения оказывается топически-динамическим. В этом отношении оно отличается от регрессии, которая является описательным понятием, имеющим прямое отношение к сексуальности, к либидо.

Вытеснение и регрессия участвуют в образовании неврозов. Как полагал Фрейд, при истерии определяющую роль играет вытеснение, при неврозе навязчивых состояний — регрессия. В обоих случаях человек заболевает, если возможность удовлетворения сексуальных желаний блокирована и имеет место вынужденный отказ

от того, что он хотел бы реализовать. Речь идет не об отказе от удовлетворения сексуальных желаний вообще, а о вынужденном отказе от подобного удовлетворения. Причем образование невротических симптомов связано с таким вынужденным отказом от удовлетворения, который становится патогенно действующим.

Но существуют различные пути, благодаря которым лишение либидозного удовлетворения не приводит к психическому заболеванию. Так, столкнувшись с вынужденным отказом от немедленного удовлетворения, сексуальное желание может быть направлено на другую цель. Эта цель генетически связана с предшествующей сексуальной, но уже не является таковой. Скорее ее можно назвать социальной, нравственно приемлемой и допустимой, чем первоначальная сексуальная цель.

Фрейд утверждал, что благодаря процессу сублимации человек как бы защищается от возможного психического заболевания. Вынужденный отказ от удовлетворения сексуального желания не обязательно ведет к неврозу. Он может сопровождаться переключением энергии на иную цель, благодаря чему сексуальное стремление отказывается от своего частичного удовлетворения, даже выходит за пределы телесного удовлетворения. Происходит как бы своего рода десексуализация, переключение на другие области человеческой деятельности, что способствует повышению психической работоспособности человека.

Основатель психоанализа считал, что художественное дарование и продуктивность тесно связаны с сублимацией. Вместе с тем процессы сублимации характерны не только для творческих и одаренных личностей. Наблюдения за повседневной жизнью людей показывают, что многим из них удается направить значительную часть своей сексуальной энергии на профессиональную деятельность. Сексуальное влечение способно частично менять свою ближайшую цель на более высоко оцениваемую в обществе. Однако не все люди в равной степени обладают способностью к сублимации. Имеются и такие, для которых вынужденный отказ от удовлетворения сексуальных желаний чреват негативными последствиями, оборачивающимися психическим расстройством.

Размышляя о последствиях вынужденного отказа от удовлетворения, Фрейд обращал внимание на то, что сами по себе сексуальные влечения обладают некой пластичностью, свободной подвижностью. Они могут быть более или менее интенсивными и меняться местами. Отвергаемое жизнью удовлетворение одного влечения может компенсироваться удовлетворением другого влечения. Поэтому на первый взгляд может показаться, что в силу пластичности сексуальных влечений и их способности к сублимации вынужденный отказ от их удовлетворения не столь патологичен. Однако, как полагал Фрейд, пластичность либидо имеет свои ограничения, а сублимация сексуальных влечений на социально и культурно приемлемые цели происходит лишь отчасти. Если при этом учесть, что фиксация либидо на ранних стадиях психосексуального развития — довольно частое явление в жизни многих людей, то становится понятным, отчего и почему возникают психические заболевания.

Рассматривая соотношение между вынужденным отказом от удовлетворения сексуальных влечений и фиксацией либидо, внешними и внутренними факторами, Фрейд обозначил важную проблему, до сих пор вызывающую дискуссии среди различных специалистов в области медицины. Речь идет об этиологии неврозов, то есть причинах возникновения психических заболеваний. Поставленная Фрейдом проблема наиболее остро отражается в форме следующих вопросов.

Являются ли неврозы следствием конституционного предрасположения или травматического переживания? Возникают ли они под воздействием фиксаций либидо или вынужденного отказа? Считать ли неврозы экзогенными или эндогенными заболеваниями? Словом, обусловлены ли неврозы внешними или внутренними факторами?

Фрейд полагал, что дилемма типа «или — или» представляется упрощенным и односторонним взглядом на этиологию неврозов. При возникновении неврозов внешние и внутренние факторы могут играть определенную роль. Причем в одних случаях на переднем плане может оказаться наследственная конституция, фиксация либидо, в то время как в других случаях — глубинные переживания, вынужденный отказ от сексуального удовлетворения. Абсолютизация того или другого только запутывает понимание причин возникновения неврозов. Поэтому психоаналитическое объяснение этиологии неврозов основывается на ином подходе, а именно на признании наличия в человеке психического конфликта, связанного с противостоянием друг другу различных желаний. Если такого конфликта нет, то вряд ли приходится говорить о неврозе. Если часть личности стремится к удовлетворению одних желаний, а другая препятствует этому или отклоняет подобные желания, то налицо возможность возникновения невроза.

Наличие конфликта — это лишь предпосылка к образованию невротического заболевания, а не само заболевание. В душевной жизни каждого человека имеются различного рода конфликты, но сами по себе они не свидетельствуют о том, что он невротик. Более того, развитие человека осуществляется именно в силу того, что ему приходится разрешать те или иные конфликты, которые порой становятся постоянными спутниками его жизни. Поэтому конфликты следует считать нормой существования человека. Бесконфликтное существование его — нонсенс.

Другое дело, что какой-то конфликт может стать патогенным, способствующим возникновению психического заболевания. Однако превращение нормального конфликта в патогенный возможно лишь при наличии определенных условий.

В чем, с точки зрения Фрейда, заключаются эти условия? Каковы они? Что собой представляют? Как и каким образом они оказывают воздействие на человека, превращая нормальный конфликт в патогенный?

Изречения

З. Фрейд: «Регрессия либидо без вытеснения никогда не привела бы к неврозу, а вылилась бы в извращение. Отсюда вы видите, что вытеснение — это тот процесс, который, прежде всего, свойствен неврозу и лучше всего его характеризует».

З. Фрейд: «В этиологии неврозов фиксация либидо представляет собой предрасполагающий, внутренний фактор, вынужденный же отказ — случайный, внешний».

З. Фрейд: «Вынужденный отказ чрезвычайно редко бывает всесторонним и абсолютным; чтобы стать патогенно действующим, он должен затронуть тот способ удовлетворения, которого только и требует данное лицо, на которое оно только и способно».

Патогенный конфликт

Логика размышлений Фрейда по поводу соответствующих условий возникновения патогенного конфликта такова. У человека имеются сексуальные влечения. В своей деятельности он стремится к удовлетворению их, так как руководствуется принципом получения удовольствия. Однако в силу тех или иных обстоятельств ему приходится отказаться от удовлетворения части этих влечений. Лишенное удовлетворения либидо вынуждено искать другие объекты и пути, что ведет к конфликту. Этот конфликт возникает в силу того, что новые объекты и пути порождают недовольство у части личности, которой почему-либо претит возможность получения удовлетворения от них. Накладывается как бы некий запрет на достижение удовольствия новым способом удовлетворения влечений, в результате чего открывается дорога для образования невротических симптомов.

Отвергнутые в результате вынужденного отказа сексуальные влечения человека стремятся к достижению своей цели окольными путями. Сталкиваясь с запретом, они делают возможную уступку и, следовательно, частично искажаются, преломляются, смягчаются. Обходные, окольные пути как раз и оказываются путями образования невротических симптомов, которые представляют собой новое, замещающее удовлетворение влечений человека.

В понимании Фрейда психический конфликт становится патогенным, когда внешне-вынужденный отказ дополняется внутренне-вынужденным отказом. При внешне-вынужденном отказе отнимается одна возможность удовлетворения. Благодаря внутренне-вынужденному отказу под сомнение ставится другая возможность удовлетворения. Вот тут-то и разыгрывается патогенный конфликт, основанный на столкновении разнонаправленных сил, одну из которых олицетворяют собой сексуальные влечения, другую — несексуальные влечения, названные основателем психоанализа влечениями Я.

Таким образом, с точки зрения Фрейда, причины возникновения неврозов связаны с тремя факторами. Первый фактор — это вынужденный отказ от сексуального удовлетворения, являющийся как бы общим условием этиологии неврозов. Второй — фиксация либидо, оттесняющая сексуальное влечение на ранние этапы инфантильного развития. Третий — склонность к конфликтам, когда получившее свое развитие Я отвергает возможность удовлетворения фиксированного сексуального влечения.

При таком понимании этиологии неврозов становится очевидным, что *сама по себе сексуальность не приводит к невротическим заболеваниям*. Расхожие представления о психоанализе именно сексуальности приписывают главную причину возникновения неврозов; на самом деле такой упрощенный взгляд не соответствует воззрениям Фрейда. Речь идет не только и не столько о сексуальности как таковой, сколько о конфликте между Я и сексуальностью. Это означает, что причина неврозов кроется не только в сексуальных влечениях человека, но и в тех влечениях Я, которые оказывают существенное воздействие на возникновение и развитие внутриличностных конфликтов.

Прибегая к различного рода аналогиям для разъяснения высказанных им положений, Фрейд привел пример, демонстрирующий существо психоаналитического понимания этиологии неврозов. Со ссылкой на заглавие одной из комедий австрий-

ского драматурга Нестройя он дал этому примеру название «В подвале и на первом этаже».

В подвале дома обитает типичная семья дворника. На первом этаже проживает семья преуспевающего домовладельца. Допустим, случилось так, что маленькие дочери дворника и домовладельца оказались вместе и стали играть друг с другом. Не исключено, что, как и большинство детей, они начали играть в папу и маму. Скорее всего, именно дочь дворника может поделиться с воспитанной девочкой своими познаниями из жизни взрослых людей. Теми познаниями, которые она могла почерпнуть из наблюдения над своими родителями, чьи интимные отношения осуществлялись в присутствии ребенка и что не воспринималось ими как нечто недопустимое. Играя в папу и маму, дочь дворника сможет показать дочери домовладельца то, о чем та не имеет ни малейшего понятия, поскольку при воспитании ей прививают благородные манеры, ограждая от всего дурного. Возможно даже, что дочь дворника продемонстрирует, как можно раздражать свои гениталии и какую роль играют папа и мама во время интимной близости. Даже если их совместные игры будут непродолжительными, все равно у обеих девочек возникнут такие переживания, которые активизируют у них сексуальные импульсы и впоследствии приведут к мастурбации.

Допущения подобного рода вполне реальны, включая и то, что в семьях «простого люда» дети часто становятся свидетелями интимных отношений между родителями, они рано получают знания в области сексуальности и именно они нередко становятся соблазнителями в играх со своими сверстниками. Сошлюсь на высказывание сорокалетней женщины, которая, вспоминая о раннем периоде своего детства, рассказала, как и каким образом происходило ее познание в области сексуальности. Ее родители часто пили, ругались, дрались между собой, потом мирились и на глазах маленьких детей занимались любовью. Она помнит, что уже в трехлетнем возрасте шепотом обсуждала со своей старшей сестрой, как и что родители совершали. Позднее, в шестилетнем возрасте, она заставила своего младшего брата, который однажды находился с ней в одной кровати, сделать то, что обычно делали родители.

В приведенном Фрейдом примере обрисована общая ситуация, в которой могли оказаться две девочки. Но вот результаты их невинной игры могут оказаться совершенно различными. Так, не испытывая особого стеснения, дочь дворника продолжит занятия мастурбацией, затем без каких-либо усилий и труда прекратит это занятие и, возможно, через несколько лет выйдет замуж, родит ребенка и даже достигнет определенного успеха в жизни, выбившись в люди и став, скажем, популярной артисткой. Но даже если ее жизненный путь не будет столь успешным и в своем материальном и общественном положении она останется на уровне ее родителей, тем не менее она сможет выполнить свое предназначение жены и матери. Раннее проявление сексуальности не особенно скажется на ней, во всяком случае, она не будет страдать от невротического заболевания.

В ином положении находится дочь домовладельца. Ей прививали хорошие манеры поведения, и незнакомые ей ранее игры с дочерью дворника могут быть восприняты как нечто скверное, недозволенное, греховное. Возможно, со временем, после борьбы с доставляемым удовольствием, она откажется от мастурбации. Но у нее останется ощущение некой удрученности и подавленности. Когда она узнает кое-что об интимных отношениях, они вызовут у нее отвращение. Позднее у нее

проявится невроз, и замужество может оказаться под вопросом. И не будет ничего удивительного, если в процессе анализа выяснится, что эта интеллигентная, добропорядочная девушка вытеснила свои сексуальные влечения в бессознательное, где они застряли на переживаниях, связанных с ранними детскими играми с дочерью дворника.

На этом примере Фрейд показал, что при одинаковых переживаниях личные судьбы этих двух девушек могут оказаться совершенно различными, поскольку их Я проделало путь развития, заметно отличающийся друг от друга. В детстве дочь дворника воспринимала сексуальность в качестве чего-то естественного. Точно так же она будет относиться к своей сексуальной деятельности и в дальнейшем. У дочери домовладельца было иное воспитание. В детские годы она находилась под воздействием строгих правил поведения и приличия, что способно оказать соответствующее влияние на ее дальнейшее развитие и усиление требований Я по отношению к сексуальным желаниям. Благодаря более высокому моральному и интеллектуальному развитию своего Я у нее может развиться конфликт с требованиями своей сексуальности.

Приведенный Фрейдом пример был вымышленным, но он наглядно продемонстрировал влияние развития Я на образование конфликта и причину возникновения невроза. Полагаю, что в своей практической деятельности аналитикам неоднократно приходилось сталкиваться с подобного рода конфликтами, когда Я пациентов вступало в столкновение с их сексуальными желаниями. Могу сослаться на свой собственный опыт, так как мне приходилось иметь дело с пациентами, впадающими в глубокую депрессию или испытывающими раздирающие душу переживания, связанные с требованиями Я о недопустимости интимных отношений с каким-либо конкретным человеком и сексуальными влечениями к нему, о невозможности постоянного контакта с ним и неистребимом желании быть всегда с ним рядом.

Глубокий конфликт между Я и сексуальностью можно обнаружить не только у пациентов, обращающихся за помощью к аналитику. Нечто подобное встречается и у тех людей, которые, не будучи пациентами, даже не подозревают о патологическом конфликте, который разыгрывается в глубинах их психики и оказывает существенное воздействие на их мышление, поведение и жизнь в целом. В качестве иллюстрации, относящейся к последней категории людей, приведу высказывание одного молодого человека, размышлявшего об эдиповом комплексе и выступившего с резкой критикой представлений Фрейда об этом комплексе.

«Да, конечно, я люблю свою мать, я уважаю ее. Она является для меня эталоном во внешнем и внутреннем обличии. Я люблю ее по-настоящему. Сексуальное обладание матерью невозможно. Более того, настоящим чувством к девушке, называемым любовью, я мог бы назвать только то, где при всей своей красоте и желании сексуальное обладание воспринималось бы как нечто греховное, грязное, низкое. По-моему, настоящая любовь — это любовь как к матери. Но как же можно сексуально обладать собственной матерью? Здесь заключается большая проблема для меня. Я много влюблялся, это заканчивалось каким-то сексуальным опытом. Но я никого не позволял себе любить, как родную мать, иначе пропадает смысл. Я не способен морально к сексу с такой девушкой».

Как видим, молодой человек никак не может решить важную для него проблему, уходящую своими корнями в эдипов комплекс. Налицо явный конфликт между его Я и сексуальными влечениями. Он ощущает данный конфликт и довольно четко

формулирует саму проблему, которая дамокловым мечом висит над ним. Но, несмотря на это, он не понимает, судя по всему, ни источник своего конфликта, ни его подлинный смысл. Не случайно, описывая фактически классический случай неблагоприятного прохождения эдипальной стадии психосексуального развития, он в решительной, чуть ли не в агрессивной форме выразил свое критическое отношение к теории Фрейда об эдиповом комплексе.

С детства молодой человек любил и обожал свою мать. В его Я сформировался образ матери как святой женщины. И сегодня мать для него идеал чистоты и непорочности. В его восприятии возвышенная любовь к матери никак не может быть опорочена греховными мыслями или деяниями, связанными с удовлетворением сексуальных влечений. Он хотел бы полюбить какую-либо женщину, как мать, что было бы для него настоящей любовью. Такая любовь к женщине, как к матери, в принципе, возможна на уровне его Я, создавшего себе идеал любви. Но его Я не допускает в контекст подобной любви к женщине реальные сексуальные отношения, которые в данном случае воспринимаются как греховные. Он может испытывать сексуальное влечение только к таким женщинам, которые не похожи на его мать. И именно с такими женщинами у него устанавливаются сексуальные отношения. Он обладает потенцией лишь тогда, когда не любит женщину. Но он страдает психической импотенцией, когда, казалось бы, перед ним любимая женщина.

Между Я этого человека, вобравшим в себя образ идеальной матери, и его сексуальным влечением наблюдается постоянный конфликт. Тот внутренний конфликт, который обусловлен неблагоприятным прохождением эдипальной стадии психосексуального развития в детстве, в результате чего произошло расщепление на отдельные составные части его эмоциональной привязанности к матери и инфантильного сексуального влечения к ней. Эмоциональная привязанность так и осталась зафиксированной на матери, а сексуальное влечение переместилось на другие объекты. Его Я препятствует эмоциональной привязанности и любви к любой женщине, похожей на его мать. Удовлетворение сексуального влечения становится возможным только в том случае, если он не имеет эмоциональной привязанности к женщине и не любит ее. Совмещение того и другого оказывается неразрешимой проблемой для молодого человека, в глубинах души которого существует водораздел между любовью и сексуальностью.

Психоаналитическое понимание этиологии неврозов, а также конфликта между Я и сексуальностью привело Фрейда к размышлениям, давшим толчок к развитию целого ряда идей. Во всяком случае, оно способствовало рассмотрению идей, связанных, во-первых, с изучением не только сексуальных влечений, но и влечений Я, во-вторых, с формулировкой двух принципов человеческой деятельности и, в-третьих, с раскрытием отношений между филогенетическим и онтогенетическим развитием.

Изречения

З. Фрейд: «Часть личности отстаивает определенные желания, другая противится этому и отклоняет их. Без такого конфликта не бывает невроза».

З. Фрейд: «Патогенным конфликтом, следовательно, является конфликт между влечениями Я и сексуальными влечениями. В целом ряде случаев кажется,

будто конфликт происходит между различными чисто сексуальными стремлениями; но, в сущности, это то же самое, потому что из двух находящихся в конфликте сексуальных стремлений одно всегда, так сказать, правильно с точки зрения Я, в то время как другое вызывает отпор Я. Следовательно, конфликт возникает между Я и сексуальностью».

Сексуальные влечения и влечения Я

В работе «Три очерка по теории сексуальности» Фрейд уделил основное внимание проблеме сексуальных влечений, сконцентрировав свои усилия на инфантильных стадиях психосексуального развития. В дальнейшем он вынужден был признать, что влечения Я также требуют своего концептуального осмысления. Подобно сексуальным влечениям, влечения Я проходят определенный путь развития и по-своему воздействуют на них. И коль скоро они участвуют в образовании конфликта и возникновении невроза, то, стало быть, они также подлежат изучению, как и сексуальные влечения. Подобное понимание привело Фрейда к необходимости рассмотрения нарциссизма, что и было сделано им в работе «О нарциссизме» (1914).

Заимствованный из описанной в 1899 году П. Некке истории болезни термин «нарциссизм» стал использоваться Фрейдом не только для характеристики отношения человека к своему собственному телу как сексуальному объекту, но и в более широком смысле, имеющем отношение к его нормальному сексуальному развитию. Им признавались две формы нарциссизма: первичный и вторичный. Первичный нарциссизм связан с проявлением сексуальности ребенка, направленной на самого себя. Вторичный нарциссизм связан с направленностью сексуальности взрослого человека на собственное Я. Наряду с таким пониманием нарциссизма Фрейд различал Я-либидо (нарциссическое либидо) и объект либидо, считая, что первоначально оба вида энергии слиты воедино в состоянии нарциссизма. И только с наступлением привязанности к объектам появляется возможность отделения сексуальных влечений и влечений Я.

Фрейд исходил из того, что переход объект-либидо в Я-либидо можно рассматривать в качестве нормального явления, как это имеет место, например, во время сна. После завершения сна Я-либидо совершенно безболезненно переходит в объект-либидо. Но если в результате действия какого-либо энергичного процесса сексуальность как бы насильно отнимается у объекта, то, оказавшись нарциссическим, либидо может не найти обратную дорогу к объекту. Возможно нарушение подвижности либидо, в результате чего оно может стать патогенным.

Фиксация либидо, ведущая к образованию симптома, происходит на более ранних стадиях психосексуального развития, чем это обычно имеет место при истерии и неврозе навязчивых состояний. Можно было бы сказать, что фиксация либидо происходит на стадии примитивного нарциссизма. Конфликт разыгрывается между сексуальными влечениями и влечениями Я, но на ином уровне. И в этом случае можно говорить о нарциссическом неврозе.

С различением объект-либидо и Я-либидо, с уделением внимания влечениям Я психоанализу открылся путь к изучению нарциссических неврозов. Это предполагало развертывание психоаналитической работы в двух направлениях. С одной

стороны, появилась возможность более глубокого понимания динамики развития психических процессов, ведущих к образованию нарциссических неврозов, и исследования различных форм нарциссических заболеваний, включая манию величия и бред преследования. С другой стороны, появилось осознание того, что психология Я недостаточно изучена с точки зрения психоанализа и, следовательно, необходимо заполнить ту брешь, которая образовалась в результате большего крена исследований в сферу вытесненного бессознательного. Все это позволило внести новые концептуальные разработки в теорию психоанализа, будь то понятие нарциссической идентификации или представление о различных составляющих частях Я. Выявление процесса нарциссической идентификации с неизбежностью привело к постановке вопроса об изучении того, как и каким образом в самом Я возникает объект, на который направляется либидо; почему и в силу каких причин Я становится объектом агрессии, ненависти, мстительности. Представление о различных частях Я обусловило не только топический взгляд на психику с определением местоположения сознания, предсознательного и вытесненного бессознательного, но и структурное понимание психики. В поле зрения аналитика попали такие бессознательные процессы и конфликты, которые связаны с деятельностью некой наблюдающей инстанции в Я, функционирующей в качестве Я-идеала, цензора, совести.

Наряду с рассмотрением нарциссизма и нарциссических неврозов, изучение конфликтов между сексуальными влечениями и влечениями Я привело Фрейда к постановке вопроса о принципах функционирования человеческой психики. Этот вопрос возник в силу того, что по мере исследования внутрипсихических конфликтов стала проясняться картина разнонаправленности сексуальных влечений и влечений Я.

Казалось бы, и те и другие влечения служат цели развития человека и в одинаковой степени соотносятся с реальностью, в которой он пребывает. Однако возникновение внутрипсихических конфликтов, особенно патогенных, привело к необходимости осмысления того, что происходит на самом деле. Оказалось, что уже на ранних ступенях развития человека сексуальные влечения и влечения Я придерживаются собственных ориентаций, далеко не всегда совпадающих между собой. Сексуальные влечения, преследующие цель получения удовольствия, спонтанны, трудно поддаются воспитанию, и необходимо прикладывать значительные усилия, чтобы они считались с тем, что не всегда возможно получение немедленного удовлетворения. Влечения Я более податливы для воспитания и обладают достаточной способностью к самоорганизации, чтобы соотносить свою деятельность с реальным миром.

Стремясь раскрыть отношения между сексуальными влечениями и влечениями Я, Фрейд подошел к осмыслению этого вопроса с экономической точки зрения. Если топическая модель человеческой психики предполагала изучение отношений между сознанием, предсознательным и вытесненным бессознательным, то психоаналитическое видение сексуальных влечений и влечений Я стало возможным благодаря рассмотрению тех целей, которые преследуют эти влечения, и тех количественных зависимостей, которые связаны с накоплением и разрядкой либидо.

Фрейд исходил из предположения, что основная цель психической деятельности человека состоит в получении удовольствия. На этом основании он выдвинул теоретическое положение о том, что психическая деятельность автоматически регулируется принципом удовольствия. Удовольствие связано с уменьшением количества

раздражения, с разрядкой либидиозной энергии. Неудовольствие — с увеличением раздражений, накоплением излишней либидиозной энергии. Поскольку речь идет о количестве раздражения, возбуждения или энергии, то и соответствующее понимание происходящего получило у Фрейда название экономического. Так топическое представление о психике человека было дополнено в психоанализе экономическим представлением о ней.

Согласно Фрейду, сексуальные влечения с самого начала своего развития ориентированы на получение удовольствия. Принцип удовольствия как основной регулятор их деятельности сохраняется на протяжении всего психосексуального развития человека. Подобно сексуальным влечениям, влечения Я первоначально также ориентированы на получение удовольствия. Однако под воздействием жизненной необходимости влечения Я вынуждены частично отказываться от получения немедленного удовольствия. Они как бы научаются выжидать, отказываться от непосредственного удовлетворения. Благодаря необходимости считаться с окружающей действительностью и будучи чуткими к воспитанию, влечения Я уже не подпадают под власть принципа удовольствия. Этот принцип изменяется, модифицируется, в результате чего влечения Я руководствуются тем, что Фрейд назвал принципом реальности.

Успехи в развитии Я достигаются путем перехода от принципа удовольствия к принципу реальности. Этот переход или изменение в программе деятельности вовсе не означает отказ от стремления человека к достижению удовольствия как такового. Влечения Я как бы вносят коррективу в свою программу действий для того, чтобы, отсрочив на время получение сиюминутного, краткосрочного удовольствия, добиться путем учета существующей реальности пусть уменьшенного, зато гарантированного, надежного, социально и культурно одобренного удовольствия. Так, по мнению Фрейда, осуществляется поступательное развитие человеческого Я и культуры в целом.

Изречения

З. Фрейд: «Психоанализ никогда не забывал, что есть и несексуальные влечения, он опирается на четкое разделение сексуальных влечений и влечений Я и еще до всяких возражений утверждал не то, что неврозы появляются из сексуальности, а что они обязаны своим происхождением конфликту между Я и сексуальностью».

З. Фрейд: «Есть неврозы, в которых Я участвует гораздо активнее, чем в изученных до сих пор; мы называем их нарциссическими неврозами. Аналитическая обработка этих заболеваний дает нам возможность беспристрастно и верно судить об участии Я в невротическом заболевании».

Бегство в болезнь

Принцип реальности заставляет человека считаться с внешней необходимостью. Но в том-то и дело, что бессознательные сексуальные влечения оказывают сопротивление реальному миру, всячески противятся налагаемым извне ограничениям. Тем самым создается благоприятная почва для возникновения внутрипсихических конфликтов.

Там, где сексуальные влечения не находят возможности прямого удовлетворения, происходит регрессия либидо к ранним периодам развития с инфантильным выбором соответствующего объекта. На основе психического конфликта возникают невротические симптомы, которые являются замещением несостоявшегося удовлетворения. Будучи средством инфантильного либидозного удовлетворения, они как бы игнорируют тот объект, от которого пришлось отказаться, и, по сути дела, утрачивают связь с внешней реальностью. Тем самым происходит отход от принципа реальности и возвращение на некогда уже проторенный путь реализации принципа удовольствия.

Раскрывая возможный путь возврата от принципа реальности к принципу удовольствия, Фрейд считает, что именно этот путь способен привести к психическому заболеванию. Если в силу внешних препятствий и внутреннего неприятия определенных способов снятия напряжения человек не может в реальном мире удовлетворить свои сексуальные влечения, то он уходит от реальности и с помощью болезни пытается найти себе замещение недостающего удовлетворения. Уход от неудовлетворяющей действительности завершается, по выражению Фрейда, бегством в болезнь. Невротические заболевания — типичный пример такого бегства, свидетельствующий о своеобразных попытках разрешения человеком своих внутрипсихических конфликтов.

Находясь под влиянием внутренних вытеснений бессознательных желаний, человек находит существующую реальность неудовлетворительной. Он погружается в мир фантазий и путем регрессии, возвращения к инфантильным фазам психосексуального развития, где некогда без особого труда достигал удовлетворения, воображает себе исполнение собственных желаний. Создаваемые человеком фантазии могут выражаться по-разному. Активный, деятельный, обладающий художественным дарованием человек может в своей творческой работе воплотить свои фантазии в действительность. Но если это не удается, если у человека нет соответствующих способностей и дарований, то ему не остается ничего другого, как уйти в созданный им самим и более удовлетворяющий его фантастический мир. Вместо художественных творений возникают симптомы невротических заболеваний. Путем регрессии либидо воскрешает инфантильные желания и соответствующие им способы удовлетворения их, что сопровождается бегством в болезнь.

Для лучшего понимания того, в чем состоит такая попытка разрешения внутриличностного конфликта, можно, пожалуй, воспользоваться образным сравнением, приведенным Фрейдом в одной из его работ.

Представьте себе, что по узкой тропинке, проложенной на крутом склоне скалы, едет на верблюде человек. Неожиданно на повороте появляется лев. Положение безвыходное, так как тропинка настолько узкая, а лев столь близко, что повернуть обратно и убежать уже невозможно. Человек считает себя обреченным на неминуемую гибель. Ему не остается ничего другого, как или пассивно ожидать своей печальной участи, или, собравшись с силами, вступить в схватку со львом, хотя шансы на выживание ничтожны. Иначе ведет себя верблюд. Столкнувшись с опасностью, он вместе с сидящим на нем человеком бросается в пропасть. Лев остается, что называется, с носом. Но и для человека исход оказывается губительным, так как он даже не успевает вступить в борьбу за свою жизнь. Если использовать данную аналогию, то помощь, оказываемая неврозом, дает не намного лучший результат для человека, чем попытки верблюда избежать гибели от разъяренного льва.

Правда, благодаря неврозу человек не погибает, не прекращает своего существования. Однако его жизнь превращается в беспокойство и муку, поскольку, способствуя снятию напряжения при столкновении с реальностью, бегство в невроз только на время спасает человека, обрекая его на уход от реальности в мир иллюзий и длительное состояние неуверенности, отчаяния и страха.

В понимании Фрейда, бегство в болезнь — это одна из возможностей выживания человека, в силу внешних обстоятельств жизни и внутренних конституционных особенностей неспособного полноценно осуществлять свою деятельность в реальном мире. Человек может прибегать к бегству в болезнь потому, что, по мнению основателя психоанализа, предрасположение к неврозу преимущественно отличает его от животного. Однако обратная сторона этого преимущества заключается в том, что нередко человек оказывается пленником самого себя. Загоняя себя в болезнь, он направляет все свои усилия не на то, чтобы от мира созданных им фантазий вновь перейти к реальному миру, как это делает творческий человек, а на то, чтобы путем регрессии и фиксации на ранних этапах своего развития получить эрзац удовлетворения садистского, мазохистского или садистско-мазохистского типа.

Психоаналитическое понимание бегства в болезнь основывается на том, что для бессознательных процессов, участвующих в формировании психических механизмов этого бегства, критерий реальности не имеет какого-либо существенного значения. Это означает следующее. Независимо от того, с чем имеет дело человек — с внешней действительностью, реальными событиями жизни или какими-либо мыслительными, психическими продуктами деятельности, будь то фантазии, грезы или иллюзии, — все это может восприниматься им в качестве психической реальности. Фактически любая внутрипсихическая работа может быть приравнена человеком к внешней действительности. По Фрейду, мир фантазий, например, оказывается не менее значимой для человека психической реальностью, чем материальная реальность, воспринимаемая им в процессе его предметной деятельности. Поэтому в его работах можно встретить утверждения, что нет необходимости делать различия между фантазией и действительностью.

Разумеется, речь идет вовсе не о том, что Фрейд не видел никаких различий между фантазией и действительностью. Напротив, он подчеркивал, что для нормальных людей действительный мир — это та реальность, в которой они осуществляют свою деятельность, руководствуясь принципом реальности. В то время как для психически больных фантазия является тем миром, который для них не менее значим, чем реальный мир для здоровых людей, и в котором они постоянно пребывают, руководствуясь принципом удовольствия. Но поскольку психоанализ имеет дело с осмыслением не столько материальной, сколько психической реальности и акцентирует внимание не столько на сознательных, сколько на бессознательных процессах, то в своей теоретической и терапевтической деятельности аналитику приходится принимать в расчет специфику и особенности мира фантазий. Больной человек создает себе различного рода фантазии, в мире которых он живет. И это не мистификация, а факт, имеющий для невроза ничуть не меньшее значение, чем то, если бы он действительно пережил содержание своих фантазий наяву.

Для Фрейда фантазия оказывается такой формой человеческого существования, в которой индивид освобождается от каких-либо притязаний со стороны внешней реальности и обретает былую свободу, ранее приобретенную им на стадии инфан-

тильного психосексуального развития и позднее утраченную в силу необходимости считаться с окружающим его миром. В фантазии принцип реальности не накладывает свой отпечаток на человека, который наслаждается своей свободой, открыв для себя нечто вроде заповедной пущи, отвоеванной у принципа реальности и ставшей его убежищем от внешнего мира с его различными требованиями, притязаниями и ограничениями.

Фрейд проводил параллель между фантазиями, возникающими в уме человека, и устройством заповедных пущ, охраной парков, необходимых людям для сохранения девственной природы, того первоначального вида земли, который претерпевает все большие изменения под натиском бурного развития земледелия и промышленности. Фантазия как раз и является такой заповедной пущей, где человек может удовлетворять свои естественные желания, исходящие из его первозданной природы. Ведь эти желания относятся не только к его собственным переживаниям, но и к переживаниям доисторических времен, когда, например, открытое проявление сексуальных влечений не было чем-то предосудительным, запретным, постыдным.

Та заповедная пуща с ее бессознательными грезами, о которой говорил Фрейд, служит источником как сновидений, так и невротических симптомов. Он считал, что мир грез и фантазий особенно характерен для людей, страдающих психическими расстройствами. Бегство в болезнь — это уход от реальности в мир фантазий; в ту заповедную пущу, где невротик стремится удовлетворить свои вытесненные в бессознательное желания. Не оглядываясь при этом на принцип реальности и не попадая под власть социокультурных запретов. В своих фантазиях невротик имеет дело с такой реальностью, которая, будучи вымышленной, тем не менее оказывается реально значимой для него самого.

Либидо невротика уходит в фантазию, где открывает для себя путь к вытесненным фиксациям. В результате притока либидо к фантазии энергия сексуальных влечений настолько повышается в количественном отношении, что настоятельно требует своей разрядки. В свою очередь, требование разрядки повышенной сексуальной энергии приводит к столкновению с Я, что с неизбежностью порождает конфликтную ситуацию. При изменении соотношения сил между ними возникает симптом.

Таково фрейдовское понимание отношений между принципом удовольствия и принципом реальности, количеством накопленного либидо и фантазией, внутрипсихическим конфликтом и неврозом. Из него следовало психоаналитическое представление о количественном факторе, который оказывает воздействие на образование невротического симптома. Однако описание психических процессов и динамическое их рассмотрение оказывались недостаточными для раскрытия существа неврозов. Требовалось их осмысление с экономической точки зрения. В результате подобного психоаналитического подхода к изучению этиологии и природы неврозов Фрейд пришел к убеждению, что, несмотря на содержательные предпосылки конфликта между сексуальными влечениями и влечениями Я, его возникновение становится возможным лишь при определенной степени заряженности либидо, требующей соответственной разрядки.

Пытаясь понять смысл, этиологию и природу неврозов, основатель психоанализа пришел к выводу, что сексуальные влечения и влечения Я представляют собой сокращенные повторения в развитии человека того, что имело место в развитии

человечества, начиная от первобытных времен и кончая сегодняшним днем. Фактически он высказал мысль, что оба вида влечений являются унаследованными. Следовательно, соотношение внешних и внутренних факторов, лежащих в основе этиологии неврозов, требует иного видения, отличного от привычных представлений, ранее предложенных в рамках физиологии, психологии и психиатрии. Это иное, психоаналитическое, видение рассматривало важное значение внутренних тенденций развития человека, некогда в истории развития человечества представлявших собой жизненную необходимость приспособления к реальному миру, но с каждым новым поколением входящих во внутренний мир человека в форме унаследованных психических образований.

С точки зрения Фрейда, психическая реальность как раз относится к тем внутренним тенденциям развития человека, которые служат питательной почвой для возникновения неврозов. Это означает, что филогенетические, то есть связанные с развитием человеческого рода, истоки характерны не только для сексуальных влечений, но и для фантазий человека. Как и сексуальные влечения, фантазии имеют древнее происхождение. Их содержание отличается завидным постоянством, сохраняющимся на протяжении многих веков. Фрейд назвал их прафантазиями, являющимися не чем иным, как филогенетическим достоянием человечества.

В своих прафантазиях человек как бы выходит за пределы собственных переживаний, становится сопричастным со всем тем, что ранее имело место в истории развития человечества. Он приобщается к переживаниям предков, в сокращенном виде воспроизводит доисторическое прошлое, которое становится своего рода психологической истиной для него. Фрейд считал, что все обнаруживаемое психоанализом в форме фантазий, будь то вспышка сексуального возбуждения ребенка при наблюдении интимных отношений между родителями, совращение детей, кастрация, инцест или отцеубийство, — все это было реальностью в первобытном обществе, первобытной орде.

Такое понимание связей между филогенетическим и онтогенетическим развитием, прошлым и настоящим, реальностью и фантазией поставило представление об эдиповом комплексе в центр психоаналитического видения этиологии и природы неврозов. Не случайно Фрейд вполне отчетливо и недвусмысленно заявил, что эдипов комплекс со всеми своими производными лежит в основе любого невроза. И хотя аналитическое изображение этого комплекса есть своего рода преувеличение и огрубление того, что в детстве представляется, как правило, в качестве некоего наброска, тем не менее основатель психоанализа считал, что лучше переоценить, чем недооценить его влияние в жизни человека. Поэтому он уделял столь пристальное внимание рассмотрению роли эдипова комплекса как одного из важных источников сознания вины, так часто мучающего невротиков. Той вины, которая возникает в душе человека независимо от того, совершил он какое-либо непристойное деяние или только помыслил о нем. Той вины, которую психологически вобрал в себя современный человек за совершенное его предками в доисторическое время преступление — отцеубийство.

Если, согласно Фрейду, каждому ребенку в процессе психосексуального развития предстоит пройти нелегкий путь, связанный с решением задачи эдипальных отношений, то нет ничего удивительного в том, что далеко не всем удается ее решить идеальным образом. Нередко ребенок не справляется с этой задачей, что может при-

вести к возникновению невротических симптомов. Невротикам вообще не удается решение задачи, обусловленной эдипальными отношениями, в результате чего ребенок (а впоследствии и взрослый человек) всю жизнь склоняется перед авторитетом отца или матери, идеализирует их или, напротив, выстраивает свои отношения с другими людьми по типу противостояния родителям, оказывается не в состоянии перенести свое либидо на другой сексуальный объект, что приводит к конфликту между амбивалентными, разнонаправленными психическими процессами, драматически сказывающимися на его дальнейшей судьбе.

С психоаналитической точки зрения невротик застревает где-то в прошлом. Поэтому для понимания истоков возникновения неврозов необходимо обратиться к детству человека, к его инфантильному психосексуальному развитию, к тем травмам, которые могли оказать воздействие на его психику. Психоанализ сосредоточивает свои исследовательские и терапевтические усилия на выявлении этих травм.

При рассмотрении этого вопроса Фрейд исходил из нескольких положений.

Во-первых, он считал, что все травмы, способные в дальнейшем оказать воздействие на жизнь человека, принадлежат раннему детству, примерно до пяти лет. Среди них выделяются те травмы и впечатления от них, которые относятся к возрастному периоду от двух до четырех лет. Это наиболее важный период детства, который требует особого внимания в процессе аналитической работы с пациентами.

Во-вторых, по его представлениям, соответствующие детские переживания, как правило, забываются. Они относятся к периоду инфантильной амнезии, прерываемой лишь отдельными фрагментами воспоминаний. Чаще всего эти фрагменты воспоминаний оказываются не чем иным, как маскирующими воспоминаниями. Это приходится учитывать при работе с пациентами.

В-третьих, он полагал, что переживания детства восходят к впечатлениям сексуальной и агрессивной природы. Эти впечатления включают в себя соответствующие нарциссические обиды, нанесенные Я. В отличие от взрослых, дети не различают сексуальные и агрессивные действия, следовательно, увиденный ими сексуальный акт между родителями воспринимается ими в качестве некоего насилия папы над мамой. Это означает, что детские впечатления имеют сексуально-агрессивное содержание.

С психоаналитической точки зрения *травматические переживания раннего детства, амнезия, то есть забывание этих переживаний, и сексуально-агрессивное их содержание тесно связаны между собой*.

Все три компонента инфантильного развития участвуют в образовании неврозов. Поэтому важно знать, что представляет собой каждый из этих компонентов.

Для Фрейда травмами являлись либо переживания собственного тела, либо чувственные восприятия от увиденного или услышанного. Соответственно, травматическими считаются переживания или впечатления раннего детства. Последствия травмы могут быть двоякими, то есть сопровождаться положительными и отрицательными реакциями человека.

Положительные реакции связаны с усилиями человека возвратить травме ее весомость и значимость. Он стремится вспомнить забытое переживание, сделать его реальным, чтобы заново пережить его повторение и дать ему возродиться в аналогичном отношении к другому объекту. Это ведет к фиксации на травме и навязчивому повторению.

Отрицательные реакции преследуют противоположную цель. Они направлены на то, чтобы не было никаких воспоминаний и никаких повторений забытой травмы. Таковы защитные реакции человека, основное предназначение которых состоит в избегании того, что имело место в прошлом. Это ведет к жизненной скованности человека и к возникновению у него различного рода фобий. Фактически речь идет также о фиксации, но с противоположной тенденцией. Отсюда психоаналитическое понимание невротических симптомов как таких компромиссных образований, которые состоят из вызванных травмой позитивных и негативных стремлений и доля которых в направленности развития может принимать то одно, то другое доминирующее выражение. В результате противонаправленности положительных и отрицательных реакций возникают внутриличностные конфликты, ведущие к невротическим заболеваниям.

Инфантильная же амнезия, согласно Фрейду, совпадает с периодом ранней сексуальности. Примерно до пяти лет у ребенка наблюдается раннее проявление сексуальности. Затем происходит затишье, так называемый латентный период, который продолжается до наступления полового созревания, когда вновь пробуждается сексуальность. Отсрочка (амнезия) и второе начало сексуальной активности тесно связаны с историей становления человека. Создается впечатление, что человек — единственное живое существо, у которого наблюдаются период латентности и сексуальное запаздывание.

И наконец, ранние травматические переживания обусловлены, с точки зрения Фрейда, теми детскими впечатлениями, которые имеют сексуально-агрессивную природу. Если на начальном этапе своей исследовательской и терапевтической деятельности основатель психоанализа делал акцент на сексуальной этиологии неврозов, то впоследствии им принимались во внимание и агрессивные проявления человека.

Итак, три компонента инфантильного развития способствуют возникновению невроза. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, пытаясь избежать подстерегающих человека опасностей, его Я выстраивает такие защиты, среди которых бегство в болезнь играет далеко не последнюю роль. Согласно Фрейду, невротический симптом не только создается, но и поддерживается Я. Разрешение конфликта посредством образования невротического симптома нередко становится наиболее удобным и желательным выходом из сложного положения, в котором оказывается человек, а бегство в болезнь — его жизненной стратегией.

Представления Фрейда о динамике влечений человека и невротических конфликтах получили дальнейшее развитие в психоаналитической литературе. Одни психоаналитики вносили уточнения и дополнения в предложенное им понимание природы патогенных конфликтов и невротических симптомов. Другие выдвинули ряд идей, направленных на пересмотр отдельных положений классического психоанализа. Так, Р. Шафер стал рассматривать невротические конфликты не в плане их локализации, обусловленной сшибками между бессознательными влечениями человека, а с точки зрения противоречивости представлений индивида о своих действиях и его неспособности связать воедино разрозненные компоненты своих поступков. Под влиянием идей Х. Кохута, связанных с разработкой концепции нарциссических расстройств и психологии Самости, некоторые психоаналитики стали акцентировать внимание не на невротических конфликтах, а на «нарциссическом дефиците», возникающем в результате переживаний, имеющих место на самых ранних стадиях развития ребенка. В рамках современного психоанализа высказывается также точка зрения, согласно

которой психоаналитикам приходится иметь дело не столько с пациентами, обремененными чувством вины, сколько с больными, отягощенными наследием трагического нарциссического развития в раннем детстве. Объектом терапии становится не «виновный» (остро переживающий конфликты эдипальных отношений), а «трагический» человек (имеющий дело с нарциссическими проблемами).

Вместе с тем различное понимание природы патогенных конфликтов, этиологии психических расстройств и механизмов бегства в болезнь не устраняет ни необходимости осуществления аналитической терапии, ни использования специфических для психоанализа представлений о сопротивлении, переносе и контрпереносе как существенных и действенных в рамках аналитического процесса.

Изречения

З. Фрейд: «Невроз заменяет в наше время монастырь, в который обычно удалялись все те, которые разочаровались в жизни или которые чувствовали себя слишком слабыми для жизни».

З. Фрейд: «В мире неврозов решающей является психическая реальность».

З. Фрейд: «У невротика каждый раз перед лицом конфликта происходит бегство в болезнь».

Контрольные вопросы

1. Чем отличается клинический психоанализ от психиатрии?
2. В чем заключается смысл невротических симптомов?
3. Каково психоаналитическое поним--ание невротических симптомов?
4. Каковы взгляды Фрейда на этиологию неврозов?
5. Какой вид реальности играет важную роль в образовании неврозов?
6. Что такое патогенный конфликт?
7. Под каким углом зрения Фрейд рассматривал роль сексуальных влечений и влечений Я в жизни человека?
8. Почему невротик выбирает стратегию бегства в болезнь?

Рекомендуемая литература

1. *Нюнберг Г.* Принципы психоанализа и их применение к лечению неврозов. М., 1999.
2. *Столороу Р., Брандшафт Б., Атвуд Дж.* Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход. М., 1999.
3. *Фенихель О*. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004.
4. *Фрейд З*. Введение в психоанализ. М., 2015.
5. *Фрейд З*. Знаменитые случаи из практики. М., 2007.
6. *Фрейд З*. Основные принципы психоанализа. М.; Киев, 1998.
7. *Фрейд З*. Психоаналитические этюды. Минск, 1997.
8. *Холь И*. Невротический конфликт // Ключевые понятия психоанализа. СПб., 2001.

Глава 11

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Выгода от болезни

На начальном этапе становления психоанализа Фрейд полагал, что устранение невротических симптомов автоматически ведет к излечению пациентов. Такое понимание основывалось на катартическом методе Брейера, в соответствии с которым воспоминание о патогенных сценах в гипнотическом состоянии способствует исчезновению симптомов. Но возникновение психоанализа было связано с изменением техники лечения, отказом от гипноза и использованием метода свободных ассоциаций. В результате применения данной техники выяснилось, что в процессе выявления забытых воспоминаний у пациента и при попытках перевода их в его сознание какая-то сила не только препятствовала осуществлению этого, но и поддерживала болезненное состояние. Так в психоанализе было открыто то, что Фрейд назвал сопротивлением.

В своей исследовательской и терапевтической деятельности Фрейд столкнулся с поразительным фактом. Больной обращается за помощью к аналитику. Он тратит на свое лечение время, душевные силы и материальные средства. Казалось бы, он сам стремится к скорейшему избавлению от своих страданий и, следовательно, должен быть заинтересован в успешном лечении. Но, как это ни покажется странным на первый взгляд, на протяжении всего курса лечения пациент оказывает упорное сопротивление аналитику. Создается впечатление, что он не хочет освобождаться от своих невротических симптомов, стремится сохранить свою болезнь как нечто ценное и драгоценное для него. По выражению Фрейда, больной оказывает сопротивление врачу в интересах своей болезни. И это действительно так.

Как такое возможно? Зачем и для чего пациенту препятствовать своему излечению? Почему он мешает аналитической работе, всячески сопротивляясь усилиям

аналитика, направленным на выявление причин возникновения заболевания? Что представляет его сопротивление, делающее аналитическую терапию весьма длительной по времени и нелегкой по существу?

Уже говорилось о том, что в случае внутриличностного конфликта человек может попытаться спастись от него бегством в болезнь. Именно так и поступает невротик, находя для себя спасительное средство в болезни. Благодаря бегству в невроз его Я приобретает определенную выгоду от болезни. Это, так сказать, его внутренняя выгода, позволяющая ему уйти от трудностей и опасностей реальной жизни в свой психический мир. Но нередко к внутренней выгоде от болезни присоединяется внешнее преимущество, находящее свое отражение в реальности.

В качестве примера Фрейд воспользовался следующей семейной ситуацией. Представьте себе женщину, с которой муж грубо обращается и беспощадно использует ее в своих собственных интересах. Разумеется, ее никак не устраивает подобное положение. В отместку мужу она могла бы ему изменить и найти утешение в любовных отношениях с другим, более покладистым и терпимым мужчиной. Но она не может решиться на такой смелый поступок или настолько нравственна, что не может даже помыслить об измене своему мужу. Ей можно было бы расстаться с грубым и беспощадным мужем. Но она не в состоянии этого сделать, так как не надеется, что сможет материально обеспечить себя или найти лучшего спутника жизни. Тогда ей не остается ничего другого, как найти выход из сложившейся ситуации путем бегства в невроз. Болезнь приносит ей облегчение. Она защищает ее от грубых посягательств со стороны мужа. Не имея привычки жаловаться на своего мужа и испытывая страх перед его грубостью, бедная женщина может теперь пожаловаться на свою болезнь. Врач становится ее защитником, поскольку муж может прислушиваться к его рекомендациям, связанным с лечением. Отношение мужа к жене может стать менее грубым, поскольку он будет вынужден считаться с ее болезнью.

Оказывается, болеть выгодно. Вероятно, многие из нас могут вспомнить школьные годы, когда возникало опасение по поводу того, что не удастся написать предстоящую контрольную работу по какому-то предмету так, как хотелось бы. Полагаю, что в подобной ситуации у большинства возникала мысль: вот бы заболеть, чтобы не пришлось идти в школу. И кое-кто мог действительно заболеть. Накануне вечером или утром неожиданно поднималась температура, болело горло, наблюдалось кишечное расстройство. Словом, заболевание способствовало временному разрешению той или иной проблемы, конфликтной ситуации.

Болезнь имеет преимущества, так как к больному человеку относятся с меньшей требовательностью и с бо́льшим снисхождением. У невроза свои преимущества. Я человека мирится с неврозом, поскольку бегство в невроз оказывается спасительным средством в том случае, когда индивид не видит иных путей разрешения возникшего у него в душе конфликта. Но невроз обладает как преимуществами, так и недостатками. К последним относится то, что облегчение конфликта путем бегства в болезнь не становится окончательным его разрешением. Я приходится платить высокую цену за подобный способ облегчения конфликта. В качестве компромиссного образования возникают симптомы, доставляющие человеку страдания, подчас не меньшие, чем мучения от первоначального конфликта. При этом Я оказывается в таком положении, когда, с одной стороны, оно хотело бы избавиться от приносящих человеку страдания симптомов, а с другой — его устраивает та выгода от болезни,

которую он получает. Характерная для невроза подобная амбивалентность Я усугубляет его и без того нелегкое положение, в результате чего человек испытывает постоянное раздвоение, разрушительно сказывающееся на его психическом состоянии.

По мере того как болезнь становится затяжной, она как бы срастается с человеком. Она приобретает самостоятельное существование, заключает некий союз между собой и другими сторонами психики. К первоначальной выгоде от болезни, возникающей вместе с появлением симптомов, добавляется то, что применительно к неврозу Фрейд назвал вторичной выгодой. Эта вторичная выгода закрепляет наличие болезни, в результате чего, несмотря на все жалобы больного по поводу переносимых им страданий, он внутренне не готов расстаться со своим заболеванием и оказывает всяческое сопротивление выздоровлению.

Несколько лет тому назад группа отечественных медиков была поражена тем, что отклонили их благотворительное предложение. Они обратились к обществу слепых и предложили его членам сделать бесплатные глазные операции с тем, чтобы те обрели зрение, а вместе с ним и всю полноту жизни, которой были долгие годы лишены. Разумеется, речь шла о добровольном согласии людей, лишенных зрения. Врачи объясняли, что в операции практически нет никакого риска. Опробированная много лет тому назад методика проведения соответствующих операций получила международное признание и высокую оценку у специалистов. За прошедшие годы врачи вернули зрение сотням, тысячам пациентов, которые не только испытывали чувство благодарности к своим спасителям, но и были несказанно рады своему прозрению.

Но, к удивлению врачей, почти все члены общества слепых отказались от их услуг. И дело не в том, что они сомневались в успешном результате глазной операции. Просто незрячие люди привыкли жить и чувствовать себя слепыми. Они приспособились к своему недугу, извлекая вторичную выгоду от болезни. Приспособились настолько, что уже не хотели жить по-другому. Специалистам по глазным операциям было непонятно, почему члены общества слепых не хотят быть зрячими. Сами же слепые не смогли доступно объяснить им, почему они не согласились на операцию.

Как первичная, так и вторичная выгода от болезни становятся значительным препятствием на пути возможного излечения пациентов. Они усиливают сопротивление больных, которые, несмотря на все их сетования и жалобы по поводу переносимых ими страданий, не собираются легко расставаться с тем внутренним убежищем, куда скрылись от неразрешимых проблем жизни и конфликтов, сотрясавших их душу. Поэтому нет ничего удивительного в том, что с самого начала своего лечения пациенты прибегают к различным формам и видам сопротивления, сохраняющего свою действенность на всем протяжении встреч с аналитиком. Другое дело, что в процессе проработки соответствующего материала сопротивление может менять свои формы выражения и интенсивность проявления.

Пациенты пользуются выгодой от болезни. Она как бы усиливает их защитные функции, связанные с бегством от реального мира. Однако, будучи действенной, подобная выгода оказывается на самом деле сомнительной с точки зрения нормального функционирования индивида. Во всяком случае, она оказывается такой выгодой, которая поддерживает само заболевание и в этом смысле оборачивается не чем иным, как вредом, который не только усугубляет психическое состояние больного, но и наносит урон обществу.

Пользуясь выгодой от болезни, пациенты не осознают тот вред, который скрыт за преимуществами, даваемыми им болезнью. Не случайно их сопротивление против излечения не становится предметом их сознания, в результате чего они не понимают того, что оказывают различные сопротивления аналитику.

Выявление всевозможного рода сопротивлений — прерогатива аналитика. Но мало выявить сопротивления пациента. Аналитику приходится прилагать значительные усилия к тому, чтобы сам пациент понял, зачем и чему он сопротивляется. И только после этого возможна совместная деятельность по преодолению оказываемых пациентом сопротивлений, что как раз и составляет одну из важных задач аналитической терапии. С точки зрения Фрейда, преодоление этих сопротивлений свидетельствует о существенном достижении в терапии и в той части работы, которая только и дает нам уверенность, что мы чего-то добились в процессе лечения больного.

Изречения

З. Фрейд: «Нет более сильного впечатления от сопротивлений в ходе аналитической работы, чем от силы, которая всеми средствами противится выздоровлению и стремится сохранить болезнь и страдание».

З. Фрейд: «Выгода от болезней при неврозах в общем и в конце концов вредна как для отдельного больного, так и для общества».

Открытие сопротивления

В период поисков приемлемых и эффективных методов лечения нервнобольных Фрейд столкнулся с различного рода трудностями, осмысление которых привело его к новым идеям, давшим толчок к становлению и развитию психоаналитической терапии. Именно в то время при работе с пациентами он обнаружил, что какая-то внутренняя сила противится их воспоминаниям и мешает выявлению того, что лежало в основе возникновения симптомов заболевания. Когда во время встречи с пациентами Фрейд спрашивал их о том, помнят ли они о первом поводе к образованию соответствующего симптома, то, как правило, они отвечали, что ничего не помнят, или сообщали о чем-то таком, что лежало на поверхности и не давало возможности проникнуть в глубину переживаемых ими событий.

Для преодоления возникшего на пути лечения препятствия Фрейд просил пациента прийти в «состояние концентрации» и убеждал его в том, что тот должен непременно что-то вспомнить. И действительно, постепенно пациент начинал вспоминать. Это было непросто, поскольку воспоминания пациента оказывались отрывочными, разорванными, не связанными между собой. Фрейд проявлял упорство, просил пациента пойти на шаг дальше и своей напористостью как бы заставлял его вытаскивать на поверхность сознания те патогенные представления, которые были вытеснены в бессознательное в силу своей неприемлемости. Настойчивость, с которой он действовал, привела его к мысли о том, что он имеет дело с сопротивлением пациента, которое необходимо преодолеть. Таким образом, Фрейд пришел к пониманию того, что своей психической работой он должен преодолеть сопротивление пациента, если хочет достичь успеха в его излечении.

Подобное понимание, связанное с какой-то противодействующей силой, было изложено Фрейдом в совместно написанной с Брейером работе «Исследования истерии» (1895). Он утверждал, что благодаря психической силе сначала происходило вытеснение патогенного представления из ассоциации пациентов. В дальнейшем, в процессе их лечения, психическая сила оказывалась препятствием для возвращения патогенного представления в воспоминание. В целом, пациент как бы не хотел ничего знать о том, что имело место в его жизни раньше. Фактически он обладал определенным знанием, но не хотел, чтобы это знание стало его собственным знанием, и поэтому прятался за своего рода незнанием.

Обсуждая вопрос о нежелании пациента обнаружить свое собственное знание и о противодействующей в нем внутренней психической силе, Фрейд впервые столкнулся с проблемой сопротивления. В работе «Исследования истерии» он не только обратил внимание на эту проблему, но и попытался разобраться в ней. В частности, он ввел в оборот такое понятие, как ассоциативное сопротивление. Фрейд высказал мысль, что для преодоления этого сопротивления необходимо использовать более сильные средства, чем напор терапевта, требовавшего, чтобы больной находился в состоянии концентрации внимания. Наложение пальцев рук на лоб больного, надавливание на него и заверение, что больной непременно что-то вспомнит, были той методической уловкой, к которой Фрейд начал прибегать в целях преодоления ассоциативного сопротивления.

Через какое-то время Фрейд заметил, что используемая им методическая хитрость хотя и способствует преодолению ассоциативного сопротивления, тем не менее не является магическим средством, с помощью которого можно было бы справиться со всеми психическими препятствиями, стоящими на пути успешного лечения. Давление пальцами рук на лоб больного оказывалось действительно не более чем уловкой, способной на какое-то время застать врасплох Я пациента. Но чаще всего его Я вновь возвращалось к своим намерениям и прибегало к отпору, сопротивлению. Причем в процессе терапевтической работы происходило изменение самого сопротивления, с чем приходилось считаться. Уже в то время, то есть еще до возникновения психоанализа как такового, Фрейд обратил внимание на данное обстоятельство.

В работе «Исследования истерии» Фрейд высказал несколько важных идей, впоследствии развитых им в рамках психоанализа. Он говорил о важности выявления мотивов сопротивления пациентов, о том, за какими оговорками может скрываться их сопротивление, как и каким образом задним числом они могут выдавать мотивы своего сопротивления. Одновременно он рассмотрел те средства, которые могут быть использованы терапевтом для преодоления сопротивления, оказываемого пациентами. При этом он дал важную методологическую рекомендацию, используемую и сегодня в психоаналитической терапии. Согласно этой рекомендации, психоаналитик должен знать, что психическое сопротивление, особенно создававшееся длительное время, может быть преодолено только медленно, постепенно и, следовательно, нужно лишь терпеливо ждать этого. Кроме того, он показал, что наряду с привлекаемыми для преодоления сопротивления интеллектуальными методами не менее важным оказывается и эмоциональный, аффективный момент, связанный с авторитетом терапевта.

В результате еще до того, как Фрейд использовал само понятие «психоанализ», он обратил внимание на важность работы по преодолению сопротивления паци-

ентов. Более того, обсуждая клинические случаи и приводя конкретные примеры из своей практики, он подчеркнул, что идея сопротивления выдвигается на первый план и что *ни один анализ нельзя довести до конца, если не знаешь, как встретить сопротивление*.

В начале своей терапевтической деятельности Фрейд заметил, что гипноз и внушение закрывают от аналитика понимание игры психических сил, не дают возможности зафиксировать сопротивление — эту важную составную часть бессознательной деятельности пациента. Как только для него стало ясно, что без вскрытия сопротивления больного терапевтическая работа оказывается сомнительной, поскольку часто наблюдаются повторные проявления невротических симптомов, основатель психоанализа не только отказался от использования гипнотической техники, но и стал уделять значительное внимание рассмотрению сопротивления как такового.

Оказалось, что выявление бессознательных процессов и конфликтов, имеющих место в психике нервнобольных, происходит при постоянном сопротивлении с их стороны. Понимание этого обстоятельства привело к тому, что психоаналитическая терапия стала в большей степени ориентироваться на вскрытие сопротивлений. Более того, в рамках классического психоанализа сложилось твердое убеждение, что раскрытие сопротивления больного должно предшествовать всем иным формам работы, включая толкование сновидений и интерпретационную деятельность аналитика. В итоге Фрейд пришел к выводу, что психоаналитическое лечение можно рассматривать как своего рода перевоспитание для преодоления внутренних сопротивлений. Наиболее полно и отчетливо данное положение было выражено им впоследствии в его лекциях по введению в психоанализ.

Если при катартическом лечении и на первоначальной стадии становления психоанализа основная цель состояла в разъяснении смысла невротических симптомов, то в дальнейшем техника психоанализа изменилась. Аналитическая работа стала направляться непосредственно на открытие и преодоление сопротивлений больного. Сам Фрейд говорил о «новом способе ведения работы», ориентированном на то, что аналитик стремится открыть неизвестные больному сопротивления, и если они преодолеваются, то больной оказывается способным рассказывать без труда о ранее забытых связях, переживаниях. Цель подобной работы состояла в том, чтобы в описательном плане ликвидировать изъяны воспоминания, в динамическом отношении — преодолеть в сопротивлении вытеснение.

На начальном этапе терапевтической деятельности Фрейд исходил из того, что невротик страдает вследствие своего рода незнания и, следовательно, раскрытие причинной обусловленности его заболевания, детских переживаний по поводу травмирующих событий прошлого и сообщение об этом пациенту сами по себе достаточны для снятия симптомов и успешного выздоровления. Однако после открытия феномена сопротивления он пришел к убеждению, что незнание пациента относительно того, что ему следовало бы знать, не является патологическим. Дело в другом — патологическими оказываются причины подобного незнания. Сами же причины кроются во внутренних сопротивлениях, которые вызывают и поддерживают незнание больного. Выявлению и раскрытию различных форм сопротивлений пациентов в практике психоанализа стало придаваться важное значение.

Изречения

З. Фрейд: «“Незнание“ истериков было, собственно, сознательным нежеланием знать, и задача терапевта заключалась в том, чтобы с помощью психической работы преодолеть это сопротивление ассоциации».

З. Фрейд: «Нам следует помнить о различных формах, в которых проявляется это сопротивление».

З. Фрейд: «Аналитическое лечение требует от врача и от больного тяжелого труда, направленного на устранение внутренних сопротивлений. Благодаря преодолению этих сопротивлений душевная жизнь больного надолго изменяется, поднимается на более высокую ступень развития и остается защищенной от новых поводов для заболевания. Эта работа по преодолению является существенной частью аналитического лечения, больной должен ее выполнить, и врач помогает ему в этом внушением, действующим в воспитательном смысле. Поэтому правильно говорилось, что психоаналитическое лечение является чем-то вроде довоспитания».

Виды сопротивлений

Обнаруживаемое в процессе лечения сопротивление пациентов не является единичным актом. Оно способно не только принимать разнообразные формы и выступать с различной степенью интенсивности, но и оказывается постоянным спутником терапевтического процесса как такового. Поэтому речь идет, как правило, не только о преодолении сопротивления, оказываемого пациентом в начале его лечения, но и о длительной, кропотливой работе по вскрытию и устранению сопротивлений, возникающих на различных этапах терапевтической деятельности. Подобная ситуация стала все более очевидной по мере того, как аналитики начали уделять пристальное внимание сопротивлению как таковому.

Практика показывает, что прежде всего сопротивление пациентов направляется против основного технического правила психоанализа. Согласно этому правилу, пациент должен говорить буквально обо всех своих ассоциациях, которые возникают у него в состоянии спокойного самонаблюдения. При первых же встречах с пациентом аналитик разъясняет смысл совместной работы и говорит о важности соблюдения основного технического правила, поскольку от этого во многом зависит и продолжительность лечения, и его успех. Любые воспоминания пациента, его чувства и мысли — все является существенным, независимо от того, представляются ли они таковыми ему самому или нет.

Казалось бы, во имя своего выздоровления пациент готов сотрудничать с аналитиком. Однако нередки случаи, когда, понимая суть основного технического правила психоанализа, пациент без какого-либо видимого желания следует ему, а подчас даже, напротив, делает все для того, чтобы не соблюдать его. Он может ничего не говорить, молчать и ждать наводящих вопросов со стороны аналитика. При этом пациент начинает оправдываться, утверждая, что ему ничего не приходит в голову, у него нет никаких воспоминаний и будет лучше, если аналитик сам станет расспрашивать его обо всем, что считает нужным.

Подобного рода сопротивление напоминает ситуацию, когда часть обучающихся психоанализу студентов вдруг обнаруживают, что у них пропали сновидения. Стоит только обратить внимание студентов на то, что отныне они должны записывать свои сновидения и анализировать их, как тут же некоторые из них заявляют, что они перестали видеть сновидения. Проходит какое-то время, прежде чем эти студенты вновь обретают способность не столько видеть, сколько помнить, воспроизводить свои сновидения. Нечто аналогичное происходит и с соблюдением основного технического правила психоанализа, когда пациент уверяет, что ему ничего не приходит в голову. И в том и в другом случае возникает сопротивление, в результате чего аналитик лишается необходимого для работы материала.

Подчас пациент жалуется на то, что ему действительно ничего не приходит в голову. Всем своим поведением он демонстрирует готовность следовать основному техническому правилу, но что поделаешь, если у него нет никаких воспоминаний и никакие мысли не посещают его в данный момент. Но как только выясняется, что он умалчивает о чем-то, пациент тут же заверяет, что пришедшая ему в голову мысль или возникшая ассоциация не имеют никакого отношения к обсуждаемым проблемам. Спрашиваешь: «Откуда вы знаете, что то, о чем вы умолчали, не относится к делу?» В ответ на этот вопрос пациент начинает приводить различного рода аргументы, мол, ему так кажется, пришедшая в голову мысль является совершенно абсурдной, нет никакой логической связи между его болезнью и случайно возникшей ассоциацией, а его воспоминание совершенно неинтересно и не представляет никакой ценности для понимания его душевного состояния. Чаще всего подобного рода сопротивление возникает на начальной стадии аналитической работы, когда пациент настороженно относится к аналитику, как бы изучая его и решая для себя вопрос о том, стоит ли ему доверять. Требуются время и терпение, прежде чем сопротивление против основного технического правила психоанализа оказывается преодоленным или, по крайней мере, ослабленным настолько, что пациент начинает рассказывать о своих чувствах и мыслях, не задумываясь об их содержании, ценности, пригодности для анализа.

Иногда приходится иметь дело с таким пациентом, который занимает противоположную позицию. В отличие от «молчуна», он без всяких расспросов со стороны аналитика готов рассказывать часами о своей жизни, переходя от одного сюжета к другому. Создается впечатление, что ему все равно, кому и о чем рассказывать, лишь бы находился благодарный слушатель, вроде аналитика, способный молча присутствовать в момент откровений пациента и ничем не нарушать его поток речи. Беспрестанное говорение пациента может продолжаться несколько сессий подряд. По крайней мере у меня были случаи, когда на протяжении первых пятнадцати–двадцати сессий я почти безмолвно выслушивал пациента, давая возможность ему выговориться и не перебивая его, если даже подчас возникало желание что-то уточнить из того потока слов, который обрушивался на меня.

Казалось бы, подобного рода говорение должно свидетельствовать об отсутствии какого-либо сопротивления со стороны пациента. И этому можно было бы только радоваться. Но в том-то и дело, что беспрестанное говорение тоже является своего рода сопротивлением. Поскольку чаще всего оказывается, что подобные «потоки речи» служат или защитной реакцией, опережающей возможность постановки вопросов со стороны аналитика, или стремлением заворожить его рассказом о своей многогранной, интересной, содержательной жизни, или шокировать его своей

Из клинической практики

Одна из пациенток радовала меня теми успехами, которые стали проявляться после нескольких сессий. Между нами установились доверительные отношения. По ее словам, она стала прекрасно спать, а ранее имевшие место мучительные раздумья об отношениях с мужем как бы улетучились и перестали беспокоить ее. Однажды она принесла цветы и, передавая их мне, выразила благодарность за то тонкое понимание ее состояния души, которое я выразил на предыдущей сессии в форме обсуждения одного из ее сновидений.
Все это было настолько искренним с ее стороны, что трудно было не только не порадоваться подарку судьбы в виде интеллигентной пациентки, с которой легко и приятно работать, но и не испытать чувства удовлетворения от затраченных на лечение усилий. Однако я понимал, что было бы преждевременно обольщаться результатами работы с пациенткой, относящейся к типу «соглашателя». Напротив, ее постоянные соглашения со мной и восхищенные высказывания по поводу психоанализа вообще и меня как аналитика в частности побудили к более критическому осмыслению предшествующей аналитической работы.
В конечном итоге оказалось, что за признательностью и благодарностью пациентки скрывалось сопротивление, направленное против раскрытия ее тайны, связанной с запутанным клубком отношений между нею и отцом мужа, с которым у нее произошла интимная связь. И хотя по отдельным обрывкам фраз можно было составить представление о не совсем обычных отношениях между пациенткой и отцом ее мужа, тем не менее сама она не решалась признаться в своей тайне, предпочитая выражать мне благодарность за «успешное» лечение. Подобного рода сопротивление приняло форму благодарности вовсе не за «успешное» лечение, а за то, что я щадил пациентку и не давил на нее, пытаясь докопаться до ее тайны. На осознание и преодоление этого сопротивления понадобилось определенное время.
Когда же сама пациентка поведала о своей «страшной тайне», она уже не выражала восторга по поводу психоанализа. Напротив, она ощущала душевную боль, оттого что пришлось обсуждать взаимоотношения между нею, ее мужем и отцом мужа. Началась нелегкая, кропотливая работа, вызывавшая у пациентки негативные эмоции и слезы. Но эта работа способствовала пониманию пациенткой того, какие бессознательные конфликты разыгрывались в ее душе. Мне же приходилось неоднократно подчеркивать, что в последующих успехах лечения заслуга принадлежит именно самой пациентке, а не мне или психоанализу как таковому.

исповедальностью, доходящей до детального описания таких интимных подробностей, о которых иной пациент не решается поведать аналитику даже при длительной совместной работе, когда установлены доверительные отношения между ними.

«*Молчун*» и «*говорун*» по-разному реагируют на основное техническое правило психоанализа. Первый не знает, что говорить, настороженно ждет, когда аналитик спросит его о чем-либо, и тщательно обдумывает свои ответы на поставленные перед ним вопросы, словно сдает трудный экзамен и хочет получить высший балл за разумные ответы. Второй без умолку говорит, торопится выложить перед аналитиком обстоятельства своей жизни, как будто боится, что его прервут и не дадут возможность высказаться до конца.

Однако и в том и в другом случае каждый по-своему выражает свое сопротивление против основного технического правила психоанализа. «Молчун» прибегает не столько к свободным ассоциациям, непроизвольному выражению своих мыслей и чувств, сколько к разумным ответам, предполагающим напряженную внутреннюю работу по отбору того материала, который представляется ему рациональным

Из клинической практики

Однажды ко мне обратился молодой мужчина, у которого были проблемы в семейной жизни. После пяти лет совместной жизни с женой у него пропало трепетное отношение к ней. Несколько раз он имел случайные связи с другими женщинами и подумывал над тем, как бы сделать так, чтобы его жена оставила его в покое. Питая чувство жалости к своей жене, он не решался на развод и в то же время переживал по поводу того, что не может жить один. С самого начала наших встреч он приводил массу аргументов в защиту того, почему не может оставить свою жену, и выражал надежду на то, что психоанализ поможет ему сохранить семью. При этом он критически относился и к моим попыткам установления доверительных отношений между нами, и к обсуждению его взаимоотношений с женой, и к осознанию истоков его скрытого, враждебного отношения к женщинам вообще.

На первых же встречах выяснилось, что пациент не может спокойно говорить о своем отце. Упрямство по отношению к своему отцу вылилось в интеллектуальное сопротивление против всего того, что было с ним связано. Это упрямство стало своего рода моделью его поведения как в семейной жизни, так и в аналитической ситуации. Любые высказывания о жене сопровождались критикой в ее адрес, так как, по его выражению, ее манера общения с ним напоминала требовательность отца, из-под власти которого он освободился, начав самостоятельную семейную жизнь. По описаниям пациента, я не походил на его отца, и, казалось бы, в аналитической ситуации он мог не проявлять своего упрямства по отношению ко мне. Однако все мои попытки, связанные с пробуждением воспоминаний пациента о раннем детстве, его первом знакомстве со своей будущей женой и решением вступить в брак встречали неизменный отпор со стороны «критика». Он высказывал недоумение и неудовольствие по поводу бесполезной траты времени на выяснение вопросов, неспособных, по его мнению, пролить свет на существо дела.

Однако у пациента загорались лихорадочным блеском глаза, стоило мне только высказать какое-либо предположение о нем самом или о его отношениях с женщинами, включая его жену. При этом не было случая, чтобы он не приводил различного рода аргументы, опровергающие мои предположения. Самое интересное состояло в том, что как бы от моего имени он формулировал в вызывающей форме порочащие его предположения, которые тут же старался разоблачить как несостоятельные. Так продолжалось до тех пор, пока я не воспользовался его собственной тактикой.

Как-то в нарочито резкой форме я приписал ему обвинения, выдвинутые в мой адрес, и тут же дал достойный отпор им. «Критик» опешил от неслыханной несправедливости, не мог найти ни одного аргумента в свою защиту и на какое-то время потерял дар речи. Позднее, раскусив мою уловку, он долго смеялся над тем, что дал себя провести. Обсуждение этого эпизода позволило ему осознать свое интеллектуальное сопротивление, что дало возможность иными глазами взглянуть на его отношения с отцом и женой. При дальнейшей аналитической работе время от времени у него снова возникало интеллектуальное сопротивление, но оно уже не было столь сильным и навязчивым, как на начальном этапе лечения. Во всяком случае, «критик» с юмором стал относиться к возникающему у него интеллектуальному сопротивлению, и мы могли спокойно и плодотворно обсуждать все то, что ранее вызывало у него явное неприятие и заметный отпор.

и необходимым в плане обсуждения с аналитиком проблем и противоречий жизни. «Говорун» настолько захвачен возможностью свободного говорения, что готов увести и себя, и аналитика в мир собственных мыслей и чувств, которые хотя и имеют отношение к проблемам и противоречиям жизни, но не приближают к их пониманию, а порой даже маскируют действительное положение дел.

В процессе аналитической работы удается показать пациентам, как и каким образом у них срабатывают сопротивления, направленные против основного технического правила психоанализа. «Молчун» начинает приобщаться к аналитической ситуации, что позволяет ему более раскрепощенно по сравнению с первыми сеансами излагать свои мысли, чувства, воспоминания. «Говорун» не только получает наслаждение от своего говорения, но и начинает испытывать потребность в ответной реакции со стороны аналитика. Однако это вовсе не означает, что пациенты раз и навсегда освободились от сопротивления против излечения как такового. С одной стороны, существует, по выражению Фрейда, «сопротивление раскрытию сопротивлений». С другой стороны, на смену сопротивлению против основного технического правила психоанализа приходят иные виды сопротивлений, которые дают знать о себе в аналитической ситуации.

Типичными представляются два вида сопротивлений, в значительной степени противостоящие друг другу. В соответствии с одним из них пациент занимает такую соглашательскую позицию, когда им принимаются любые интерпретации и суждения, высказанные аналитиком. Согласно другому виду сопротивления любое высказывание аналитика вызывает критическое отношение со стороны пациента, готового по любому поводу отстаивать свое собственное мнение.

«*Соглашатель*» с энтузиазмом воспринимает те или иные разъяснения аналитика, связанные с психоаналитическим пониманием его проблем и внутриличностных конфликтов. Он охотно идет навстречу аналитической работе и всячески благодарит аналитика за то, что тот раскрыл ему глаза на многие ранее непонятные ему процессы. Выражая свое позитивное отношение к «прозорливому» аналитику, пациент может преданно смотреть ему в глаза, выказывать свое восхищение по поводу его искусства интерпретации сновидений, охотно говорить о том, как улучшается самочувствие. Соглашаясь во всем с аналитиком, пациент как бы усыпляет его бдительность, чтобы тем самым не дать ему возможность дойти до того глубинного материала, который действительно затрагивает причины и суть заболевания. За его соглашательской позицией скрывается сопротивление против проникновения аналитика в тайну семейных или иных отношений, послуживших источником возникновения невротических симптомов.

В отличие от «соглашателя», «критик» настороженно относится к аналитику, его приемам работы и интерпретациям. Он выражает свое сопротивление в более явной форме, чем «соглашатель». Для «критика» аналитический процесс превращается в своего рода игру, в которой он стремится одержать верх над аналитиком. Он может выказывать недовольство по поводу того, что аналитик обращает внимание на какие-то детали жизни пациента, которые представляются ему не имеющими существенного значения.

«Критик» готов вступить в решительный бой, чтобы отстоять свою точку зрения и с помощью логических аргументов опровергнуть противоположное мнение. Он будет прилагать все усилия к тому, чтобы оказаться правым или, во всяком случае, продемонстрировать некомпетентность аналитика в том или ином вопросе. Причем для него более важным оказывается не обсуждаемый вопрос, а то, что он способен противостоять выраженной кем-то точке зрения. Для «критика» интеллектуальное сопротивление становится ареной борьбы с аналитиком. Ради достижения победы в этой борьбе он готов на все. Вместо желания излечения у «критика» появляется

стойкое интеллектуальное сопротивление, под воздействием которого он готов поступиться своим психическим состоянием ради того, чтобы доказать, как аналитик не прав в своих интерпретациях, что он ничего не понимает в его исключительном заболевании.

Среди «критиков» значительную долю составляют мужчины, чья склонность к развитию интеллектуального сопротивления достаточно типична и широко распространена. Это не означает, что среди женщин не попадаются «мужские характеры», способные на интеллектуальное сопротивление. Мне довелось работать с пациентками, которые в своих логических построениях не только не уступали мужчинам, но подчас и превосходили их. Одна из таких пациенток, закончившая физико-математический факультет МГУ, блистала передо мной таким математическим складом ума, что мои скромные познания в области математики представлялись более чем ничтожными. Ее критические суждения по различным вопросам жизни отличались точностью формулировок, хотя за ними часто просматривались рационализации, свидетельствующие о скрытой борьбе между логически выверенными утверждениями и подвергнутыми вытеснению внутренними сомнениями. Но все же среди женщин «критики» не составляют большинства, как это наблюдается среди мужчин.

Интеллектуальное сопротивление пациентов чаще всего обусловлено их предшествующим отношением к родительским фигурам, особенно к отцу. В свое время Фрейд отметил, что у пациентов-мужчин значительные сопротивления лечению происходят из отцовского комплекса и коренятся в том страхе перед отцом, который они переживали в детстве. Они могут быть связаны и с недоверием по отношению к отцу, а также с тем критическим настроем, который возникает у сыновей, стремящихся выйти из-под отцовской опеки.

Изречения

З. Фрейд: «Сопротивление на каждом шагу сопровождает лечение: каждой мысли в отдельности, являющейся у больного, каждому поступку его приходится считаться с сопротивлениями, так как они являются компромиссом между силами, стремящимися к выздоровлению и противодействующими ему».

З. Фрейд: «Сопротивление больных чрезвычайно разнообразно, в высшей степени утонченно, часто трудно распознается, постоянно меняет форму своего проявления».

Типичные проявления сопротивлений

Сопротивление может принимать самые различные формы — от интеллектуального до эмоционального, от ярко выраженного до скрытого и хорошо замаскированного. Опоздания пациентов на встречу с аналитиком или их пропуски очередной сессии — типичные проявления сопротивления.

Опаздывая на очередной аналитический сеанс, одни из пациентов испытывают смущение, извиняются, избегают обсуждения вопроса о том, почему это произошло. Другие, напротив, с большой охотой рассказывают о причинах опоздания,

воспроизводят приключившиеся с ними происшествия и даже придумывают всякие истории, не только оправдывающие их опоздания, но и предназначенные для того, чтобы вызвать у аналитика сочувствие и жалость. Некоторые пациенты находят различного рода рациональные объяснения того, почему они опоздали на аналитическую сессию. Они ссылаются на объективные обстоятельства, непредвиденные происшествия, не от них зависящие события. Однако в большинстве случаев оказывается, что за опозданиями скрываются глубинные мотивы самих пациентов, предопределяющие те или иные события, а также различного рода ошибочные действия.

Так, молодая женщина, впервые идущая ко мне на прием, приходит не к началу, а к концу аналитического сеанса. Накануне мы по телефону договорились о времени встречи. Я подробно рассказал, как лучше добраться до меня от соответствующей станции метро. Женщина записала адрес, маршрут следования и те достопримечательности, которые могли бы помочь ей сориентироваться в поисках нужного дома. Она вышла пораньше из своего дома, чтобы был достаточный запас времени до начала встречи. И тем не менее опоздала на 40 минут. Как потом выяснилось, женщина вышла на соответствующей станции метро, посмотрела на нумерацию домов, но неожиданно для себя почему-то пошла в обратную сторону. Времени было достаточно, чтобы усомниться в правильности выбранного ею маршрута и, обнаружив свою ошибку, изменить направление следования. Но она упорно шла в противоположном направлении. И только когда стало ясно, что она уже опоздала, как бы спохватившись, она изменила свой маршрут и пошла в нужном направлении.

В данном случае ошибочное действие объясняется тем, что первый визит к психоаналитику не может не сопровождаться различного рода волнениями и переживаниями. В дальнейшем, когда спрашиваешь пациентов, какие чувства они испытывали при решении пойти к психоаналитику, до начала встречи с ним и при первом посещении его, то многие из них рассказывают о своих волнениях, переживаниях и страхах, связанных с их приходом к психоаналитику. Одни пациенты сообщают, что страшно боялись опоздать на первую встречу, приехали раньше на полчаса и в трепетном ожидании сидели в машине. Другие признавались, что перед визитом тщательно подбирали свою одежду, чтобы произвести на психоаналитика благоприятное впечатление, так как боялись, что их первая встреча может оказаться последней, поскольку психоаналитик не возьмет их в анализ. Третьи не знали, как себя вести при первой встрече, и их жесты, голос, манера выражения выдавали их волнение.

Случается, что пациенты не приходят в назначенное время на очередную встречу с аналитиком. Не опаздывают, а просто не приходят. Одни из них испытывают чувство неловкости, звонят по телефону и всячески оправдываются. Такое имеет место чаще всего. Но бывает и так, что пропустивший сессию пациент ограничивается мимолетным извинением, явно не желая обсуждать причины своего отсутствия на предыдущей сессии. Как правило, в качестве причин, обусловивших пропуск аналитической сессии, называются роковые стечения обстоятельств или непредвиденные накладки, произошедшие в жизни пациента. Все они относятся к разряду случайностей, вызывающих досаду пациентов, поскольку им приходится оплачивать пропущенное ими время, так как заранее между аналитиком и пациентами существует договоренность о том, что им отводятся определенные часы и они полностью несут ответственность за предоставленное в их распоряжение время. Однако подобного

рода случайности оказываются таковыми только на первый взгляд. На самом деле в них содержится вполне определенный смысл. *За пропусками аналитических сессий чаще всего скрывается сопротивление пациента,* в силу тех или иных причин решившего устроить себе «маленькие каникулы» от нелегкой, связанной подчас с откровениями и переживаниями работы.

Распознание и преодоление сопротивлений пациентов — важная и необходимая часть аналитической работы. Одна из трудностей анализа заключается в том, что *сопротивление меняет не только форму своего выражения, но и интенсивность проявления.* Изменение формы сопротивления замедляет аналитический процесс, поскольку требуется время на его обнаружение. Интенсивность сопротивления, напротив, способствует обнаружению важных вех или отправных точек дальнейшего направления анализа. Разумеется, речь идет не об ускорении самого процесса лечения, поскольку обнаружение и устранение одного вида сопротивления само по себе не служит гарантией того, что в дальнейшем аналитику не придется столкнуться с каким-либо еще, возможно, более сильным и ярко выраженным (или скрытым) сопротивлением. Речь идет лишь о том, что интенсивность сопротивления наглядно свидетельствует об активизации бессознательных процессов, обусловленной аналитической ситуацией и требующей соответствующей совместной проработки.

По интенсивности проявления сопротивления можно в какой-то степени судить об успехах анализа и изменениях, происходящих в психике больного. Практика показывает, что как только в процессе аналитической работы повышается интенсивность проявления сопротивления, это служит явным признаком того, что аналитик подошел к какому-то существенному аспекту, связанному с пониманием причин и природы возникновения невротического симптома.

Бывают случаи, когда пациенты обнаруживают забывчивость при оплате. Это может происходить по-разному. Пациент может вспомнить, что не заплатил за очередной сеанс, в самый последний момент, когда только вышел от аналитика. Чаще всего он возвращается, извиняется за свою забывчивость и расплачивается с аналитиком. Некоторые пациенты расплачиваются с аналитиком при следующей встрече с ним. Как бы там ни было, но для аналитика забывчивость пациента при оплате становится верным свидетельством того, что у пациента возникло сопротивление.

В одном случае это может означать, что аналитические отношения между аналитиком и пациентом приобрели в восприятии последнего такую окраску, которая выходит за рамки профессиональной деятельности. Пациент хотел бы обрести в лице аналитика не только специалиста, способствующего облегчению его страданий, но и человека, установившего с ним дружеские, а возможно, и интимные отношения. Последние не предполагают денежных расчетов за оказанную услугу. И хотя в реальности отношение аналитика к пациенту не выходит за рамки его профессиональной деятельности, тем не менее в своих фантазиях или бессознательных желаниях пациент переступает границы аналитических взаимоотношений, а его сопротивление против имеющей место аналитической ситуации выступает в форме забывания оплатить лечение.

В другом случае пациент может испытывать недовольство по поводу слишком успешного продвижения анализа, способного проникнуть в глубины его бессознательных желаний, в то время как он не хочет или еще не готов иметь дело с собственным бессознательным. Недовольство пациента может возникнуть и против бесполезной,

Из клинической практики

Мне неоднократно приходилось сталкиваться с такой ситуацией, когда пациенты пропускали сессии «по уважительным причинам». Типичным примером в этом отношении может служить молодой мужчина, который охотно делился своими детскими воспоминаниями, откликался на те или иные интерпретации и всячески способствовал тому, чтобы не только понять, но и по возможности разрешить ту проблему, с которой он ко мне обратился. По моим представлениям, аналитическая работа шла даже лучше, чем я первоначально предполагал. После пятнадцати сеансов удалось добиться частичного успеха. Во всяком случае, пациент почувствовал облегчение, получив понимание в одном мучавшем его вопросе. Это так сказалось на его самочувствии, что однажды он проспал утренние часы и не пришел на очередную сессию. Он позвонил мне и сообщил, что проспал. При этом он не испытывал никакой неловкости, не извинялся за свой пропуск сессии. Напротив, он был удивлен и даже отчасти обрадован, так как, по его собственным словам, никогда в жизни у него не было ничего подобного. Он всегда контролировал себя и не мог даже мысленно представить, что способен проспать.

Обсуждение этого случая показало, что у пациента наметились изменения, позволявшие ему выйти из того болезненного состояния, в котором он пребывал на протяжении нескольких лет. Аналитическая работа продолжалась дальше. Однако через некоторое время в аналитической ситуации произошел перелом. Пациент стал пропускать сессии. В отличие от первого пропуска, не связанного с сопротивлением, последующие пропуски сессий свидетельствовали о явном сопротивлении пациента. Теперь у него появились различного рода объяснения и оправдания тому, почему он не смог прийти на очередную сессию. То он оставил в гостях записную книжку с моими координатами и поэтому не мог позвонить мне, чтобы предупредить, что не сможет прийти. То во время поездки ко мне на машине его остановил сотрудник ГИБДД и ему пришлось выяснять отношения с ним, что не дало возможности вовремя приехать на сессию.

Каждый раз мы разбирали с ним подобные происшествия, и пациент сам был вынужден признать, что все это не было случайностями. Так, в то злополучное утро, когда его остановил сотрудник ГИБДД, у него уже было предчувствие того, что он не доедет до меня. К тому времени в процессе анализа выяснилось, что многие свои начинания он не доводил до конца. У меня возникло подозрение, что пропуски, явно свидетельствующие о внутреннем сопротивлении пациента против дальнейшего анализа, не что иное, как активизация предшествующей модели поведения, в соответствии с которой он не завершает свои начинания. Вот тут-то и следовало поработать с возникшим у пациента сопротивлением. Но, к сожалению, я не успел осуществить эту работу. Привнесенное извне обстоятельство, связанное с увлечением пациента одной девушкой, о чем я узнал позднее, ускорило процесс его выхода из анализа. Устроенные им двухнедельные каникулы, которые он провел вместе с девушкой, завершились тем, что больше пациент не приходил ко мне.

по его мнению, траты времени на обсуждение каких-то второстепенных вопросов вместо того, чтобы немедленно решать те проблемы, с которыми он пришел к аналитику. То или иное недовольство пациента работой аналитика, которое не выражается им в явной форме, проявляется в виде сопротивления и находит выход в качестве забывания оплатить очередную аналитическую сессию. Пациент как бы говорит себе, что аналитик не заслужил никакой оплаты и ему не за что платить.

Типичным признаком сопротивления следует считать и то, что в психоанализе получило название *негативной терапевтической реакции*. В процессе аналитической терапии психоаналитику приходится сталкиваться подчас с таким явлением,

Из клинической практики

Пациент — тридцатишестилетний бизнесмен, состоящий двенадцать лет в браке и имеющий дочь. Полтора года тому назад он ушел от жены на другую квартиру, чтобы пожить одному и разобраться в своих чувствах. Обратился за помощью в надежде, что анализ поможет ему вернуться в семью, так как он любит дочь, его устраивает домашний быт и он хотел бы восстановить отношения с женой.

Пациент не «молчун», но и не «говорун», сдержан в своих эмоциях и оценочных суждениях. Редко проявлял инициативу в процессе говорения, но с охотой и добросовестностью отвечал на поставленные перед ним вопросы. В отличие от некоторых бизнесменов, вечно торопящихся по своим делам и нередко переносящих встречи на другое время, он регулярно приходил на сессии, договаривался о дополнительных встречах.

В процессе аналитической работы постепенно выяснилось, что с детства он всегда был настороженным, в строгости воспитывался матерью, беспрекословно выполняя все ее требования и наставления. Женился по любви, но отношения между его женой и матерью не сложились, в результате чего ему приходилось постоянно лавировать между двумя женщинами, которые были сходны по своему характеру. На одной из сессий пациент признался, что, с детства подчиняясь строгой матери, всегда внутренне сопротивлялся любому нажиму с ее стороны и нечто аналогичное начал испытывать в начале брака по отношению к своей жене. Десять минут спустя после завершения данной сессии он позвонил мне и сказал: «Вообще, я всегда боялся своей жены и боюсь ее сейчас».

Через день он пришел на час позже назначенного времени и очень удивился тому, что перепутал время сессии. Я не мог его принять, так как это время было предназначено для другого пациента, и он знал об этом. Смещение во времени отражало сопротивление пациента, которому нелегко далось признание в том, что он боится своей жены, и он фактически не был готов к обсуждению этого вопроса. Опоздание на час давало ему возможность отсрочки обсуждения неприятного для него вопроса.

Последующие встречи были несколько напряженными для пациента. Он не столь охотно, как раньше, отвечал на мои вопросы и не мог сформулировать для себя, почему он боится свою жену и в чем выражается его страх перед ней. Более подробно он рассказывал о различных конфликтных ситуациях, возникавших между ним и его женой в первые годы совместной жизни. Он вспомнил о той ревности, которую проявила жена, когда однажды он, по его словам, «немного загулял», выказал непонимание по поводу ее обид, вызванных его незначительными опозданиями домой. При этом пациент не шел на какие-либо откровения интимного характера. Однако обсуждение взаимоотношений с женой так или иначе вывело его на проблему интимной близости. Казалось, вот-вот, и он сделает еще одно важное признание. Но именно в тот момент он впервые пропустил сессию. Как потом объяснил пациент, он собирался вовремя приехать на очередную сессию, но в последний момент обнаружил, что у машины спущено колесо. Можно было еще успеть на сессию, но обусловленное нежеланием раскрытия его тайны взаимоотношений с женой сопротивление пациента оказалось столь интенсивным, что он не решился приехать в тот день ко мне. И только две сессии спустя он приоткрыл завесу над тем, о чем умалчивал и никому никогда не говорил. Смущаясь и чувствуя неловкость, пациент сказал, что его жена часто использовала «тактику наказания молчанием и лишением секса», а он, хотя это было унизительно для него, первым шел на примирение и просил прощения.

Впоследствии пациент более открыто говорил о своих отношениях с женой. Однако, по мере того как в процессе аналитической работы выяснялись все новые и новые обстоятельства его жизни, время от времени его сопротивление анализу то совсем сходило на нет, то отчасти проявлялось в таких формах, которые не сразу бросались в глаза. В дальнейшем у него не было пропусков сессий. Зато выяснилось, что пациент утаивал даже от себя ту цель, которую он бессознательно преследовал, обратившись за помощью к аналитику. ►

Из клинической практики

Не было ничего удивительного в том, что внутреннее сопротивление против «изуверской тактики» жены и испытываемое им тягостное чувство унижения в конечном итоге дали о себе знать и после двенадцати лет брака пациент решился на время остаться наедине с собой, чтобы разобраться в своих семейных отношениях. Но, как выяснилось, к тому времени у него появилась молодая женщина, которая устраивала его в сексуальном плане, но к которой он не мог окончательно уйти, так как его одолевали различного рода сомнения. И хотя пациент пришел ко мне в надежде, как он уверял меня, помириться с женой и вернуться в свою семью, тем не менее в душе он не собирался этого делать. Он не осознавал того, что действительной целью прихода к аналитику было не стремление вернуться к жене, а желание обрести некую уверенность в своих силах, которая бы позволила ему преодолеть страх перед женой и каким-то чудесным образом примирить омрачающие его жизнь конфликты между матерью, женой и любовницей. При этом пациент надеялся, что ему не придется принимать какие-либо решения и все утрясется само собой: или жена найдет себе другого спутника жизни и тем самым он окажется свободным, или любовнице надоест неопределенность положения, она уйдет от него сама, а он опять же станет свободным от каких-либо обязательств по отношению к ней.

когда наметившийся прогресс в лечении пациента неожиданно оборачивается ухудшением его состояния. Подобная реакция на успех лечения может быть связана с тем, что, несмотря на приход к аналитику, пациент, в общем-то, не хочет расставаться со своей болезнью. Вместо улучшения наступает ухудшение его состояния. Вместо избавления от страданий в ходе анализа у пациента возникает потребность в их усилении. За сопротивлением против выздоровления может скрываться необходимость в постоянном страдании, выступающем в качестве искупления бессознательного чувства вины.

Сопротивления пациентов многогранны и разнообразны. Иногда поражаешься той логической последовательности, которая отражается в речи пациента, излагающего, скажем, воспоминания своего детства или переживания, относящиеся к событиям вчерашнего дня. И только через некоторое время начинаешь понимать, что рассказ пациента не что иное, как домашняя заготовка. Одни пациенты тщательно готовятся к предстоящей сессии и мысленно отбирают выигрышный, интересный для рассказа материал, чтобы произвести соответствующее впечатление на аналитика. Другие заранее продумывают свою речь, чтобы не тратить зря время в период сессии и использовать его с максимальной пользой для себя. За всем этим стоят сопротивления пациентов, не желающих говорить о том, к чему они не предрасположены, и предпочитающих брать инициативу в свои руки, чтобы аналитик не дай бог не затронул проблемы, вызывающие у них неприятные воспоминания и переживания.

В результате разнообразных сопротивлений в сообщениях пациентов может преобладать такая информация, которая не столько приближает аналитика к выявлению истоков возникновения невротических симптомов, сколько отдаляет его от них. Нередко самый ценный для анализа материал оказывается за порогом сознания и пациента, и аналитика. Приходится прилагать значительные усилия к тому, чтобы из многочасовых рассказов пациента обо всем и ни о чем, вызванных к жизни его сопротивлением против анализа как такового, обрести то ценное и полезное, что способствовало бы пониманию сущности его внутриличностных конфликтов.

Изречения

З. Фрейд: «В процессе лечения сопротивление постоянно меняет свою интенсивность: оно всегда растет, когда приближаешься к новой теме, достигает наивысшей силы на высоте ее разработки и снова снижается, когда тема исчерпана».

З. Фрейд: «Только на высоте нарастающего сопротивления открываются в совместной работе с анализируемым вытесненные влечения, питающие это сопротивление, в существовании и могуществе которых пациент убеждается благодаря этому переживанию. Врачу не остается ничего другого, как выжидать неизбежного и не всегда допускающего ускорения течения процесса излечения».

Выявление и проработка сопротивления

Цель аналитической работы состоит в том, чтобы распознать сопротивления пациентов, открыть их глаза на эти сопротивления и помочь им осознать их. Коль скоро сопротивления оказываются компромиссом между силами, стремящимися к выздоровлению и препятствующими этому процессу, то становится очевидным, что преждевременные интерпретации аналитика, относящиеся как к общей картине заболевания, так и к сопротивлению пациента, нежелательны. Как говорится, всему свое время. Поэтому прежде всего аналитик ориентируется на выявление неизвестного пациенту сопротивления. После этого следует пациенту дать время для того, чтобы он смог углубиться в свое собственное сопротивление. Совместными усилиями аналитик и пациент прорабатывают вопросы, связанные с истоками возникновения конкретного сопротивления, уходящими своими корнями в процессы вытеснения бессознательных влечений, и следствиями, вытекающими из него.

Детальная проработка сопротивления пациента дает возможность сначала осознать его, понять, какие вытесненные влечения стали его питательной почвой, как, почему и каким образом вместо стремления к выздоровлению возникла противоположная тенденция. Это открывает перспективы для последующего преодоления пациентом своего сопротивления. Поскольку же в процессе аналитической работы сопротивления изменяют свою форму и интенсивность, то соответствующая их проработка и окончательное их преодоление требуют длительных, кропотливых совместных усилий аналитика и пациентов. Вот почему аналитическое лечение всегда столь продолжительно по времени. Причем заранее аналитик не может сказать пациенту, насколько длительным оно будет. Это зависит не столько от аналитика, сколько от самого пациента, чье сопротивление предопределяет продолжительность аналитического процесса. По выражению Фрейда, длина пути, который должен пройти анализ, и обилие материала, которое приходится на этом пути одолеть, не имеют значения в сравнении с сопротивлением, оказываемым во время работы самим больным.

Аналитическое лечение является не только длительным, но и трудоемким, требующим терпения со стороны аналитика и мужества со стороны пациента. В свое время Фрейд обратил внимание на данное обстоятельство, характерное для психоаналитической терапии и несвойственное, пожалуй, другим методам лечения.

Современные психоаналитики не только не оспаривают это положение, но и уделяют значительное внимание работе с сопротивлениями.

С учетом сопротивления пациента терапевтическая задача психоанализа сводится к следующему: *выявление и раскрытие сопротивления, преодоление сопротивления, уничтожение вытеснения, превращение бессознательного в сознание*.

Борьба с сопротивлением заключается прежде всего в необходимости осознания его. Но так как сопротивление исходит от Я пациента, то это означает, что логические доводы аналитика адресованы именно ему. Когда сопротивление становится сознательным, тогда можно как бы посулить Я различные выгоды и награды, если оно откажется от сопротивления. Но здесь могут возникнуть непредвиденные трудности, связанные с тем, что, возможно, сопротивление пациента исходит не только от его Я. Именно такой вопрос и встал перед Фрейдом, когда он перешел от топического к структурному представлению психики человека.

Наряду с сопротивлениями Я, Фрейд выделил и другие виды сопротивлений. Это было связано с трудностями, которые обнаружились при проработке сопротивлений Я. Стало очевидным, что даже при отказе Я пациента от сопротивления устранение вытеснения все еще оказывалось проблематичным. Так, после устранения сопротивления Я сохраняло силу навязчивого воспроизведения, которая выступала в форме бессознательного сопротивления. Осознание этого обстоятельства привело Фрейда к пониманию того, что следует считаться с различными сопротивлениями, исходящими не только от Я, но и от других составных частей психики.

Данная точка зрения была выражена основателем психоанализа в работе «Торможение, симптом и страх» (1926). В ней Фрейд подчеркнул, что психоаналитику приходится бороться с пятью видами сопротивления, исходящими с трех сторон: из Я, из Оно и из Сверх-Я. При рассмотрении понятия «вытеснение» уже обращалось внимание на этот момент. Напомню лишь следующее. В понимании Фрейда, Я оказывается источником трех различных по своей динамике видов сопротивления. Первый вид связан с сопротивлением вытеснения, второй — с сопротивлением из перенесения, третий — с сопротивлением, исходящим из выгоды от болезни. Четвертый вид сопротивления соотносится с сопротивлением Оно, олицетворяющим собой силу навязчивого повторения, благодаря которой бессознательные прообразы оказывают соответствующее воздействие на вытесненный процесс влечения. Пятый вид сопротивления — это сопротивление Сверх-Я, обусловленное чувством вины или потребностью в наказании. Таковы, по мнению Фрейда, пять видов сопротивления, которые могут иметь различную степень интенсивности у пациента и с которыми аналитику приходится считаться в процессе своей терапевтической работы.

Разумеется, выявление всех этих видов сопротивления осложняет работу аналитика. И тем не менее направленность исследования и лечения становится предельно ясной. Уделяя особое внимание сопротивлению пациента, аналитическая терапия обретает верное направление развития, которое способствует лечению нервнобольных. Аналитическое лечение сопровождается оживлением старого конфликта вытеснения, демонстрацией пациенту того, что предпринятое им прежде решение привело к болезни, и раскрытием перед ним новых возможностей решения, определяющих путь к выздоровлению.

Однако практическое осуществление аналитической терапии сталкивается со значительной трудностью, недооценка которой способна поставить в тупик начи-

нающего аналитика. Дело в том, что в процессе аналитической работы у пациента возникает такая форма сопротивления, которая связана с проявлением особого интереса к личности врача. Речь идет о сопротивлении в качестве перенесения на врача тех мыслей и чувств, которые пациент испытывает и ощущает внутри себя. Это с необходимостью ведет к более глубокому осмыслению феномена переноса.

Изречения

З. Фрейд: «Наши данные о сопротивлении невротиков устранению их симптомов легли в основу нашего динамического взгляда на невроз».

З. Фрейд: «Преодоление сопротивлений является той частью нашей работы, которая требует наибольших затрат времени и усилий. Однако она стоит этого, так как ведет к благоприятному изменению в Я».

З. Фрейд: «Эта переработка сопротивлений становится на практике мучительной задачей для анализируемого и испытанием терпения врача. Но именно эта часть работы оказывает самое большое изменяющее влияние на пациента, и его аналитическое лечение отличается от всякого воздействия путем внушения».

Контрольные вопросы

1. В чем состоит выгода от болезни?
2. Как и каким образом Фрейд пришел к идее сопротивления?
3. Какие виды сопротивления рассматриваются в психоанализе?
4. Каковы типичные проявления сопротивления в процессе аналитического лечения?
5. Зачем психоаналитику необходимо выявлять сопротивления пациентов?
6. Какова стратегия психоаналитика при проработке сопротивлений пациента?

Рекомендуемая литература

1. *Гринсон Р.* Техника и практика психоанализа. М., 2003.
2. *Кан М.* Между психотерапевтом и клиентом: новые взаимоотношения. СПб., 1997.
3. *Нюнберг Г.* Принципы психоанализа и их применение к лечению неврозов. М., 1999.
4. *Сандлер Дж., Дэр К., Холдер А.* Пациент и психоаналитик. Основы психоаналитического процесса. Воронеж, 1993.
5. *Феничел О.* Проблемы психоаналитической техники // Психоаналитический вестник, 1999. № 7 (1).
6. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М., 2015.
7. *Фрейд З.* О психоанализе // Психоаналитические этюды. Минск, 1997.
8. *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. Т. 1. Теория. М., 1996.
9. *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. Т. 2. Практика. М., 1996.

Глава 12

ПЕРЕНОС И КОНТРПЕРЕНОС

Позитивный и негативный перенос

Нередко между аналитиком и пациентом очень быстро устанавливаются хорошие, доверительные отношения. Пациент с нетерпением ждет встреч с аналитиком, выполняет все его предписания, определенные спецификой аналитического лечения, с охотой помогает ему в выявлении причин возникновения невротических симптомов. Аналитик не может в душе не порадоваться примерному пациенту и предвкушает тот триумф, который ожидает обоих в случае выздоровления больного. Но однажды его может застать врасплох резкая перемена в настроении пациента, которая сопровождается вспышкой эмоциональных чувств, непонятной отчужденностью и даже агрессией, которые как бы перечеркивают всю предшествующую работу по установлению доверительных отношений между ними.

В клиническом случае с Анной О. Брейер столкнулся с непонятным и испугавшим его явлением, когда асексуальная, как ему казалось, пациентка в состоянии невменяемости изображала роды и во всеуслышание заявляла, что ждет ребенка от своего лечащего врача. Шокированный подобным поведением интеллигентной молодой девушки, Брейер сделал все для того, чтобы успокоить пациентку, с которой он общался на протяжении двух лет. Но с этого момента он перестал быть ее лечащим врачом и постарался забыть о неприятном для него инциденте.

В более простой, но не менее щепетильной ситуации оказался и Фрейд. Когда однажды его пациентка, вышедшая из гипнотического состояния, бросилась ему на шею, он был шокирован не меньше, чем Брейер. Но в отличие от Брейера основатель психоанализа серьезно задумался над тем необычным явлением, с которым ему пришлось столкнуться во время терапии. Он не считал себя настолько неотразимым мужчиной, чтобы ни с того ни с сего зрелая женщина бросалась ему на шею.

В необычном для терапии эпизоде Фрейд усмотрел психическое явление, связанное с перенесением на него как на врача интенсивных нежных чувств пациентки. Это было открытием того явления переноса (трансфера), которое с необходимостью возникает в процессе аналитической работы. Когда Фрейд рассказал об этом Брейеру, тот принял к сведению сообщение о переносе, что облегчило его душу, но не подтолкнуло к изучению этого явления. Основатель же психоанализа сделал для себя вывод, что в процессе аналитической работы ситуация лечения не предопределяет переноса, хотя и способствует ему; следовательно, готовность к переносу чувств на врача обусловлена иным источником, уходящим своими корнями в прошлое пациента.

В процессе аналитической работы могут возникать две формы переноса — позитивная и негативная.

Позитивный перенос связан с проявлением нежных чувств к аналитику.

Негативный перенос свидетельствует о проявлении к нему со стороны пациента враждебных чувств.

Позитивный перенос способен принимать различные формы. Он может выступать в виде бурной или умеренной любви с ярко выраженной или скрытой сексуальной подоплекой. Если аналитик — мужчина, а пациент — женщина, то перенос нежных чувств на аналитика чаще всего оказывается эротически окрашенным. Не закомплексованная в сексуальном отношении женщина может не только с обожанием смотреть на своего аналитика, но и открыто требовать проявления ответных чувств. Она может видеть эротические сны с участием аналитика и с наслаждением рассказывать о них, тем самым как бы поощряя его на соответствующие действия. Своей одеждой и своим поведением она может настойчиво соблазнять аналитика, склоняя его к близости, назначая свидание и делая все для того, чтобы он не устоял перед ее чарами и обаянием. Более скромная и стыдливая женщина не отважится на откровенное обольщение. Она даже будет подавлять свои эротические мысли и желания, испытывая страх и неудобство перед тем, что вдруг аналитик заметит ее чувства и отвергнет любовь, выставив ее на посмешище. Порой возникает и такая форма позитивного переноса, при которой девушка может испытывать к пожилому аналитику дочерние чувства и желание стать для него любимой дочерью. Наконец, женщина (или девушка) может осуществить перенос на аналитика таких чувств, которые будут свидетельствовать не о проявлении эротических влечений, а о желании стать близким товарищем, проводить вместе время в интеллектуальных беседах, встречаться в свободное время, не ограниченное аналитическим часом.

Все эти виды позитивного переноса мне довелось испытать на себе. На начальных стадиях своего проявления они способствовали установлению доверительных отношений с пациентами и продуктивной аналитической работе, которая интенсифицировалась под воздействием легкой влюбленности с их стороны. Собственно говоря, именно благодаря легкой влюбленности, привязанности и проявлению нежных чувств со стороны пациентов удается создать такую благоприятную атмосферу, в рамках которой аналитическая работа осуществляется более непринужденно, легко, человечно и доставляет удовольствие как пациенту, так и аналитику.

В этом отношении аналитическая ситуация напоминает собой учебный процесс, где влюбленность учеников в своего преподавателя и их привязанность к нему

неизменно способствуют усвоению излагаемого преподавателем материала и повышению успеваемости класса или студенческой группы. Влюбленный в преподавателя ученик (или студент) не может не выполнить домашнее задание или не подготовиться к очередному испытанию на экзамене. Разумеется, случается всякое, и, находясь в состоянии влюбленности, ученик (или студент) может оказаться в неловкой ситуации, когда он будет теряться и лишаться дара речи, если его вызовет к доске обожаемый преподаватель. И все же чаще он будет стараться выглядеть лучше, чем есть на самом деле, и, следовательно, приложит все усилия к достижению успеха по тому предмету, который ведет обожаемый им преподаватель.

В аналитической ситуации легкая влюбленность в аналитика и привязанность к нему, несомненно, заставляют пациента быть на высоте, что способствует его продуктивной работе. Однако все хорошо в меру. Повышенная влюбленность или излишняя привязанность пациента к аналитику имеют свои издержки, оборачивающиеся возникновением невроза переноса. Но если пациентка начинает открыто флиртовать с аналитиком и откровенно вызывать ответные эротические чувства с его стороны, то подчас создается такая труднопреодолимая ситуация, из которой не каждый психоаналитик может выйти с достоинством и честью. Особенно трудно приходится молодым, начинающим аналитикам, которые, несмотря на теоретические знания об эротическом переносе, в своей терапевтической деятельности оказываются зачастую не готовыми к подобного рода двойственной ситуации.

Вспоминаю случай, имевший место в аналитической работе начинающего специалиста. На групповых супервизиях, когда он докладывал о своей работе, многие восприняли его логически выверенную и строго организованную систему ведения аналитической сессии как безукоризненную и образцовую. Особенно это бросалось в глаза на фоне изложения клинических случаев, представленных другими начинающими аналитиками, когда воспроизводимые ими сессии казались размытыми, неконкретными, неструктурированными. Правда, меня уже тогда насторожила излишне рациональная, не допускающая обычных человеческих эмоций манера ведения сессии «образцовым» начинающим аналитиком. Вскоре оказалось, что эта система рухнула, как только у пациентки обнаружился эротизированный перенос на аналитика. Воспроизводя сессию, на которой проявился данный перенос, аналитик выразил свое возмущение по поводу того, что пациентка посмела выражать свои чувства, мешающие аналитической работе. «Как же так, — восклицал он, — я стремлюсь быть логически точным в постановке вопросов и в проработке соответствующего материала, чтобы облегчить страдания больной, а она занимается какими-то глупостями! Это просто недопустимо! Я веду серьезную работу, а у пациентки на уме какие-то шашни!» Возмущение аналитика было настолько искренним и, судя по всему, так сильно задело его логически отточенное и сверхрациональное мышление, что он больше не приходил на супервизии и, скорее всего, оставил свою пациентку, которая ни в чем не была виновата. Теоретически аналитик знал, что в процессе аналитической работы у пациентки может возникнуть перенос, в том числе и эротического характера. Но как только это случилось на практике, все его познания в области переноса оказались недейственными и фактически разбились о «железную логику» рационального мышления. Не исключено, что эротизированный перенос со стороны пациентки затронул в нем самом нечто такое, что оказалось не проработанным в процессе личного анализа.

Из клинической практики

Однажды мне пришлось столкнуться с таким ярко выраженным эротизированным переносом, работа с которым оказалась крайне трудной. Уже на начальной стадии аналитического процесса молодая, не страдающая сексуальными предрассудками женщина без какой-либо ложной скромности во всех подробностях рассказывала о своих эротических снах и реальных интимных отношениях с различными мужчинами. Через некоторое время в ее сновидениях стал появляться и я. Сначала как сторонний наблюдатель сексуальных сцен, а затем и как непосредственный их участник. Женщина не только рассказывала о своих сновидениях, но нередко сама давала ту или иную интерпретацию, в соответствии с которой пыталась разобраться в своих сексуальных желаниях, чувствах и переживаниях. В начале наших аналитических встреч в сновидениях пациентки фигурировала какая-то преграда, разделявшая ее и меня; но в какой-то момент эта преграда исчезла и в ее сновидениях появились сцены, в которых у нее возникала интимная близость со мной. Аналитическое толкование этих сновидений не устранило эротизированный перенос. Дело дошло до того, что на одной из сессий женщина решила претворить свои сновидения в реальность. Она назначила мне свидание, имеющее вполне определенную и явно выраженную цель.

В подобной ситуации было чрезвычайно трудно вести аналитическую работу. Сложность была не в том, колебался ли я в принятии решения: вступать в интимные отношения с молодой женщиной или нет. Трудность заключалась в том, как и каким образом осуществлять разъяснительную работу по эротизированному переносу, чтобы, с одной стороны, не оскорбить чувства женщины, а с другой — сохранить доверительные аналитические отношения с ней.

На протяжении нескольких сессий мы подробно обсуждали сложившуюся ситуацию. Переломный момент наступил, когда женщина наконец поняла, в какое положение она поставила меня как аналитика. До этого она совершенно не задумывалась о том неловком положении, в котором мог оказаться аналитик по ее вине, или, точнее, по ее прихоти. После того как она посмотрела на сложившуюся ситуацию под иным углом зрения, приняла во внимание не только свои собственные желания, но и реальную аналитическую работу, внутренняя напряженность в отношениях между нами исчезла, вернулась ранее обретенная доверительность. Это позволило нам обоим безболезненно выйти из непростой ситуации и продолжить аналитические встречи. Женщина не только не ушла из анализа, но, напротив, в течение долгого времени регулярно, без каких-либо пропусков, ходила на все последующие сессии.

Позитивный перенос на аналитика может наблюдаться и в том случае, когда пациент одинакового с ним пола. Правда, в отличие от женщин, у пациентов-мужчин не так часто имеет место эротизированный перенос. У них можно наблюдать скорее идеализацию, переоценку личных и профессиональных качеств аналитика; нередко пациенты-мужчины стремятся установить дружеские отношения с аналитиком.

Мне неоднократно приходилось оказываться в подобной ситуации переноса, когда пациенты-мужчины приглашали к себе домой или в ресторан для продолжения контактов на неформальном уровне. Стоило только мне отказаться от подобных предложений, как тут же у них возникало чувство обиды или ревности. И хотя не все пациенты открыто обнаруживали свои чувства, тем не менее каждый раз приходилось обсуждать с ними подобную ситуацию. Кроме того, у пациентов-мужчин чаще, чем у женщин, возникает негативный перенос, связанный с интеллектуальным сопротивлением и теми реакциями, которые ранее обнаруживались у них по отношению к отцу.

Проработка материала, связанного с позитивным переносом, осложняется тем, что нередко этот перенос превращается в свою противоположность, становится негативным. Как известно, от любви до ненависти один шаг. Это справедливо и по отношению к позитивному переносу, который незаметно для аналитика может оказаться негативным. Казалось бы, у пациента наблюдается явный позитивный перенос, который сопровождается привязанностью к аналитику и способствует становлению и укреплению доверительных отношений между ними. Однако в процессе дальнейшей аналитической работы может случиться так, что позитивный перенос отойдет на второй план, а вместо него возникнет такой негативный перенос, в результате которого враждебные чувства к аналитику не только окажутся преобладающими, но и разрушительными для аналитической ситуации в целом. Как замечал Фрейд, во время лечения приходится бороться с сопротивлениями, которые могут превращаться в перенос пациентом на аналитика негативных, враждебных чувств.

Так, эротизированный перенос пациентки на аналитика-мужчину может перерасти в эротический перенос, который сопровождается бурным выражением сексуального влечения и откровенных признаний. Это поставит аналитика перед проблемой немедленного пресечения действий, предпринимаемых пациенткой с целью установления интимных отношений. Решительный отказ аналитика от интимной близости может быть воспринят как оскорбление женского достоинства. У некоторых женщин он способен вызвать не только нарциссическую обиду, но и несдерживаемую ярость. Оскорбленные в своих лучших чувствах женщины могут реагировать по-разному. Кто-то, обидевшись на аналитика, промолчит, но затаит в душе такую злобу, которая сделает для нее невозможным дальнейшее прохождение анализа. Кто-то прямо на сессии в грубой форме выскажет все, что думает об аналитике как «бездарном лекаре-импотенте», и, хлопнув дверью, навсегда покинет его. Но может быть и такая невротическая реакция, в результате которой женщина обвинит аналитика в том, что он пытался соблазнить, совратить, изнасиловать ее; такая пациентка может даже пригрозить ему судом. Во всех этих случаях оскорбленные женщины по-своему накажут аналитика, лишив его возможности получения гонорара.

Разумеется, не всегда эротизированный перенос завершается прекращением курса лечения, когда оскорбленные отказом аналитика от интимных отношений пациенты покидают его. Искусство аналитической работы с эротизированным переносом состоит в том, чтобы совместно с пациентом разобраться в его чувствах и тех моделях, стереотипах поведения, которым он следует как в обыденной жизни, так и в аналитической ситуации. Ведь перенос нежных, как, впрочем, и враждебных, чувств на аналитика существовал с самого начала лечения. Более того, в скрытом виде он имелся у пациента до того, как он пришел к аналитику. Поэтому перенос на аналитика любых чувств оказывается не чем иным, как воспроизведением предшествующих отношений пациента с другими людьми, особенно с родителями. Этот аспект межличностных отношений как раз и требует проработки с целью доведения до сознания пациента истоков возникновения у него нежных или враждебных чувств к аналитику. Другое дело, что в случае эротизированного переноса проработка этих вопросов требует значительного мужества, изрядной терпимости и незаурядного искусства от аналитика.

В своей терапевтической деятельности мне неоднократно приходилось иметь дело с эротизированным переносом. Во многих случаях удавалось своевременно за-

метить такие виды переноса и, работая с ними, не доводить их до крайностей, приводящих аналитические отношения в тупик. Однако были и такие ситуации, когда приходилось балансировать на грани возможного прекращения лечения или испытывать чувство неловкости, оттого что одно неосторожно сказанное слово может нанести нарциссическую рану на еще не окрепшую и недостаточно аналитически проработанную психику пациента.

Трудности работы с подобного рода переносами не должны приводить аналитика ни к отказу от обсуждения с пациентом интимных тем, ни к морализаторским нравоучениям о необходимости сдерживания им своих чувств и порывов. Напротив, аналитик обязан сделать все для того, чтобы пациент смог уяснить для себя, каковы подлинные причины, лежащие в основе переноса им своих чувств на аналитика, и как он реагирует на подобного рода ситуации в реальной жизни.

Изречения

З. Фрейд: «Перенос может проявиться в бурном требовании любви или в более умеренных формах; вместо желания быть возлюбленной у молодой девушки может возникнуть желание стать любимой дочерью старого мужчины, либидозное стремление может смягчиться до предложения неразрывной, но и идеальной, нечувственной дружбы».

З. Фрейд: «Но нельзя обходить работу с переносом, так как он применяется для построения всех препятствий, делающих недоступным материал, получаемый в курсе лечения, и потому что ощущение убеждения в верности конструируемых связей вызывается у больного только после устранения переноса».

Нарциссическое Я аналитика

Работа с переносом, особенно с эротизированным, требует от аналитика такта, терпения и выдержки. В ряде случаев позитивный перенос оказывается даже необходимым средством для успешной аналитической терапии. Но, к сожалению, порой приходится признавать, что в процессе аналитической работы сделано далеко не все и не лучшим образом. Причем подчас лучших результатов добиваешься в трудных случаях, в то время как терпишь поражение в сравнительно легких ситуациях. Своевременная непроработка, как, впрочем, и несвоевременная проработка, переноса может обернуться тем, что пациент уходит от аналитика до завершения курса лечения. Нечто подобное имело место в моей собственной практике, когда пациентка прервала анализ со мной и, как позднее стало мне известно, ушла в анализ к другому аналитику.

Казалось бы, мое нарциссическое Я должно быть сильно уязвлено тем, что молодая женщина ушла от меня. Разве не испытывает аналитик чувство досады из-за того, что его предпочли другому аналитику? Разве ему не обидно, что не удалось до конца довести начатый анализ?

Признаюсь, что на какое-то мгновение нечто похожее на эти чувства возникло у меня. Но вовсе не потому, что молодая женщина ушла к другому аналитику. Причина

Из клинической практики

Однажды мне довелось работать с молодой женщиной, которая хотела разобраться в себе. Но в то же время при первой же встрече она заявила, что у нее, в отличие от окружающих ее людей и тех пациентов, которые обращаются к аналитику, нет никаких проблем, во всяком случае тех, которые бы доставляли ей беспокойство. Однако ее первый визит свидетельствовал о том, что у нее не все так благополучно, как ей представлялось. Женщина призналась, что приехала за полчаса до назначенного времени, сидела в машине, испытывала волнение от предстоящей встречи со мной, и чуть не расплакалась, когда ей пришлось отвечать на вопросы общего характера. На второй сессии во время рассказа о себе она не сдержалась и расплакалась, а через какое-то время сказала, что по облику, манерам поведения и даже цвету рубашки я напоминаю ей отца.

По мере того как женщина все больше рассказывала о своей жизни, становилось очевидным, что проблемы, вызывавшие у нее глубокие переживания, не обошли ее стороной. В детстве она часто испытывала чувство одиночества, не любила быть одна, ее охватывал страх ожидания. В 14 лет ее родители разошлись, а ей предоставили право выбора, с кем жить. Несмотря на то что папа считал ее умной девочкой и был для нее идеалом, она осталась с мамой. Отец обиделся, так как, по ее собственным словам, он был, видимо, уверен, что она останется с ним. Вскоре ее мама вышла замуж, отношения в семье стали напряженными, и после окончания школы девочка уехала к отцу, который жил в другом городе. Позднее она поступила в институт, вышла замуж. В материальном отношении она достаточно обеспечена, есть почти все, о чем может мечтать молодая женщина, кроме одного — пылкой и страстной любви к своему мужу.

С самого начала наших встреч у женщины наблюдался позитивный перенос ко мне. Я напоминал ей отца, который был для нее идеалом. Однако, несмотря на позитивный перенос, который, казалось бы, должен был способствовать установлению доверительных отношений между нами, аналитическая работа крайне медленно продвигалась вперед. Женщине с трудом давались какие-либо воспоминания о детстве, и она сама удивлялась тому, что не может вспомнить радостные или горестные переживания, связанные с теми или иными событиями раннего периода своей жизни. Чувствовалось, что какое-то внутреннее сопротивление мешает ей вспоминать о своих детских отношениях с родителями. И лишь одно сновидение да несколько мимоходом произнесенных фраз по поводу обрывков воспоминаний об отце и матери наводили на мысль, что в детстве имело место нечто такое, что, будучи вытесненным из сознания и из памяти, оказало существенное воздействие на характер, образ мышления и манеру поведения молодой женщины.

Я догадывался, что помимо идеализации отца у нее в глубине души «застряла» глубокая обида на него. Судя по всему, эта обида была связана с тем, что отец предоставлял ей полную самостоятельность в принятии решений, в том числе и в период развода с ее матерью, в то время как самостоятельность в какой-то степени тяготила ее. Девочке хотелось, чтобы отец принимал решения за нее, особенно когда это касалось жизненно важных вопросов. В аналитической ситуации амбивалентное отношение к отцу сказалось на ее переносе. Если в начале наших встреч женщина идеализировала меня, то три месяца спустя она стала воспринимать аналитика как, по ее собственному выражению, «нормального человека, не лишенного недостатков». На самом деле ее позитивный перенос превратился в негативный, и чувство обиды к отцу распространилось на меня. К сожалению, я не успел проработать материал, связанный с ее амбивалентными чувствами к отцу и с негативным переносом. Помешали обстоятельства, связанные с ее влюбленностью в некоего молодого человека, отношения с которым развивались столь стремительно и бурно, что стали предметом ее главного внимания и переживаний. И однажды, когда я оставил право решения одного вопроса за ней, женщина не смогла справиться с захлестнувшей ее обидой, остро напомнившей ей об отношениях с отцом. Будучи скрытной, она внешне никак не проявила свои

Из клинической практики

негативные чувства ко мне, но после летнего отпуска не вернулась в анализ. Так, не проработанный вовремя негативный перенос обернулся уходом молодой женщины из анализа. Полагаю, что если бы не стечение неблагоприятных обстоятельств, то сосредоточение аналитической работы над негативным переносом женщины могло бы дать свои позитивные результаты в деле разрешения ее внутриличностных конфликтов, связанных с ее амбивалентным отношением к отцу. То, что она ушла из анализа, можно расценивать как мое поражение. Поражение аналитика, не справившегося с терапевтической задачей. Но подобный результат в действительности является стимулирующим средством для совершенствования профессионализма аналитика. Тем более что женщина, в общем-то, не ушла из анализа как такового. Она просто ушла от меня к другому специалисту.

крылась в другом: за время нашей совместной работы мне не удалось преодолеть те сопротивления, которые не позволили дойти до ранних детских воспоминаний пациентки о взаимоотношениях с родителями. Но я предполагал, что именно уход от меня к другому аналитику может оказаться плодотворным для самой женщины. Как и предшествующая обида на отца, ее обида на меня может стать стимулом для интенсификации воспоминаний детства в процессе анализа, проводимого другим человеком. Надеюсь, что так оно и было. В этом отношении мое нарциссическое Я не доставляло мне хлопот. Другое дело, что эта история заставила меня глубже задуматься над феноменом негативного переноса и подвергнуть тщательному анализу все, что предшествовало возникновению этого переноса в той аналитической ситуации.

В моей практике был также случай, когда кандидат в практикующие аналитики ушел от меня к другому специалисту. Это произошло в результате допущенной мною ошибки, вызвавшей у проходящего анализ кандидата чувство обиды и даже внутреннего возмущения. Речь шла об одном деликатном вопросе, который далеко не всегда становится предметом обсуждения среди аналитиков. Если во время аналитической работы обсуждение сексуальных проблем считается некой нормой, чуть ли не обязательной для прохождения психоаналитической терапии, то проблеме денег уделяется незначительное внимание. Исключение составляет лишь начало работы, когда аналитик посвящает пациента в правила аналитического лечения, включая обязательства по его оплате.

На определенном этапе работы с будущим аналитиком мне показалось необходимым обсудить денежный вопрос. Это необходимо было сделать как в плане выявления переживаний, связанных с отношением к деньгам, так и с точки зрения показа кандидату, какие обусловленные денежными расчетами скрытые трудности могут возникать в процессе аналитической работы. Однако в то время я недооценил непроработанность соответствующего материала и выбрал, как сейчас понимаю, не лучший момент для обсуждения данной проблематики. В результате кандидат в практикующие аналитики решил перейти к другому специалисту. И хотя он не объяснил причину своего решения, тем не менее для меня было ясно, что она напрямую соотносится с обидой, возникшей у него на почве переживаний, связанных с затронутой мною проблемой денежных отношений.

Успешные, с точки зрения аналитика, случаи лечения доставляют ему удовлетворение и ублажают его нарциссическое Я. Чем больше таких случаев, тем значительнее

опасность того, что нарциссическое Я аналитика возобладает над его способностью критического мышления и самокритичного отношения к себе. Другое дело неудачи. Они заставляют переосмысливать аналитическую ситуацию и более тщательно разбираться в своих собственных упущениях, связанных с недооценкой психических процессов, включая сопротивление и перенос, или с неадекватной расстановкой акцентов в аналитической работе. Пожалуй, можно сказать, что именно благодаря терапевтическим неудачам в конечном итоге осуществляется прогресс психоаналитического знания.

Не думаю, что все аналитики могут похвастаться исключительно позитивными результатами терапевтической работы. Но, к сожалению, большинство из них с готовностью выносят на обсуждение свои достижения в терапевтической деятельности и не горят особым желанием поделиться своими неудачами. Причем «высшим пилотажем» считается, когда аналитическое лечение исчисляется сотнями часов, будто профессионализм заключается в том, как долго аналитик сможет удержать у себя пациента. Между тем психоаналитическое обучение, основанное на разборе успешных случаев длительного лечения, является односторонним и вряд ли может сослужить хорошую службу в деле развития клинического психоанализа в нашей стране. Не секрет, что в условиях тех кризисных ситуаций и финансовых трудностей, которые имеют место на современном этапе развития России, длительное по времени аналитическое лечение представляется скорее исключением, чем правилом и нормой, как это характерно для развитых западных стран.

Полагаю, что было бы весьма полезно, если бы отечественные аналитики отважились на публикацию неуспешных и непродолжительных случаев лечения из своей практики. В этом отношении примером может служить изложенный Фрейдом случай анализа истерии, известный под названием «История болезни Доры». Длительность лечения составляла всего три месяца. Оно не было завершено до конца, так как прервалось по инициативе пациентки. Более того, несмотря на проделанную Фрейдом аналитическую работу, состояние пациентки не стало заметно лучше. И тем не менее основатель психоанализа счел возможным опубликовать данную историю болезни, поскольку полагал, что врач принимает на себя обязательства по отношению не только к отдельному больному, но и к науке в целом. При этом он не считал зазорным признаться в том, что в случае Доры оказался «пораженным переносом», упустил возможность устранения переноса, что привело к преждевременному прекращению лечения.

Публикация Фрейдом случая Доры представляется поучительной, так как, во-первых, свидетельствует о направленности его исследовательской деятельности, в основе которой лежало стремление к истине, и, во-вторых, наглядно демонстрирует те реальные трудности, с которыми приходится сталкиваться психоаналитику в его терапевтической деятельности. Терапевтическая работа оказывается успешной лишь тогда, когда аналитик не только вовремя замечает проявление переноса у пациента, но и преодолевает его путем разъяснения пациенту того, что его чувства не исходят из настоящей ситуации, они относятся не к личности врача, а воспроизводят имевшие место в прошлом отношения. Одна из важных задач анализа как раз и состоит в том, чтобы превратить подобное повторение в воспоминание. В таком случае, как подчеркивал Фрейд, перенос, независимо от того, оказывается ли он позитивным или негативным, становится лучшим орудием, с помощью которого открываются самые сокровенные тайники душевной жизни.

Изречения

З. Фрейд: «Мне не удалось стать вовремя хозяином переноса. Из-за услужливости, с которой Дора во время лечения предоставила в мое распоряжение часть патогенного материала, я забыл о необходимой предосторожности, о тщательном поиске первых признаков переноса, каковой она уже подготавливала посредством другой, оставшейся для меня неизвестной части того же самого материала».

З. Фрейд: «Перенос, который рассматривался ранее в качестве наибольшего препятствия для психоаналитического лечения, становится и его самым мощным вспомогательным средством, если всякий раз его удается разгадать и перевести больному».

Невроз переноса

Рассматривая проблему переноса, Фрейд исходил из того, что в процессе анализа у пациента оживают ранние психические переживания. Оживление этих переживаний происходит не столько в виде воспоминаний, сколько в форме отношения пациента к личности аналитика. Имеет место как бы копирование, «переиздание» того, что уже находилось в глубинах психики пациента. Но вновь ожившие желания и фантазии переносятся с прежнего, значимого для пациента лица на личность аналитика. При этом первоначальное заболевание, с которым пациент обратился к врачу, претерпевает определенное изменение. Точнее, его болезнь развивается в таком направлении, что приобретается как бы новый невроз. Фрейд назвал его *неврозом переноса*. Он оказывается не чем иным, как «новым вариантом старой болезни», или «искусственным неврозом», требующим такого же пристального внимания к себе со стороны аналитика, как и то заболевание, с которым к нему обратился пациент. Характерные для старого заболевания невротические симптомы утрачивают свое первоначальное значение и приспосабливаются к новому варианту болезни, в результате чего аналитику приходится принимать в расчет происшедшее в процессе анализа изменение. Тем самым направленность терапевтической работы смещается от исследования истоков возникновения первоначального невротического заболевания к изучению невроза переноса.

Таким образом, терапевтическое лечение сталкивается с дополнительной трудностью, обусловленной тем, что центром невроза переноса становится сам аналитик как объект, на который пациент переносит свои чувства и переживания. Мало того, что аналитику приходится бороться с различного рода сопротивлениями пациента, так еще перенос осложняет и без того нелегкую его терапевтическую деятельность. Возникшие в процессе анализа новые болезненные психические явления могут породить сомнения в эффективности психоанализа как такового.

В самом деле, что это за метод лечения, в процессе которого возникает новое заболевание — невроз переноса? Какой смысл в терапевтической деятельности, ведущей не столько к упрощению, сколько к осложнению аналитической ситуации? Не лучше ли прибегнуть к иным средствам терапии, не допускающим возникновения переноса как такового, затрудняющего лечение пациентов?

Надо полагать, Фрейд понимал, что с открытием невроза переноса эти и подобного рода вопросы могли возникать как у противников, так и у сторонников психоанализа. Для первых такие каверзные вопросы предполагали обесценивание психоаналитической терапии как неэффективной и создающей ненужные трудности для врача. Для вторых сама постановка подобных вопросов и последующие ответы на них способствовали развитию теории и практики психоанализа, поскольку трудности терапевтической работы оказываются стимулом для творческой деятельности аналитиков.

При рассмотрении неврозов переноса Фрейд придерживался мнения, что само по себе *психоаналитическое лечение не создает переноса*. Психоанализ открывает лишь то, что скрыто в глубинах психики невротиков. Не следует думать, что при использовании иных видов терапии переноса как такового не существует. Проявление нежных или враждебных чувств пациента к врачу имеет место в любом случае. Другое дело, что при иных видах терапии выражение этих чувств осуществляется спонтанно и врач далеко не всегда способен их отследить, поскольку он может не иметь ни малейшего представления о переносе вообще. При психоаналитической же терапии работа с переносом становится одной из важных и существенных задач аналитического лечения.

Специфика проявления переноса в психоанализе заключается в том, что в процессе анализа перенос принимает форму сопротивления. Поэтому в анализе важно дождаться того момента, когда перенос станет сопротивлением. С этого момента аналитическая работа направляется на преодоление сопротивления. В результате нежные и враждебные чувства пациента к врачу оказываются объектом непосредственного анализа, что способствует пониманию и осознанию невротического заболевания как такового.

Проработка и устранение переноса — необходимая часть аналитической терапии. На начальном этапе позитивный перенос способствует установлению доверительных отношений между пациентом и аналитиком. В процессе аналитической работы этот позитивный перенос может приобрести эротизированную направленность или стать негативным, что привносит сложности в аналитическую терапию. Но понимание того, что в переносе на врача нежных и враждебных чувств находит свое отражение предшествующее, хотя и несколько трансформированное отношение пациента к другим лицам, приводит к осознанию бессознательных желаний и влечений. Аналитическая работа направляется против нового искусственного невроза. Его преодоление и устранение способствуют освобождению и от болезни, первоначально приносящей страдания пациенту.

Стало быть, перенос используется аналитиком в качестве необходимого средства, способствующего успешному лечению пациента. Решение первоначальной терапевтической задачи осуществляется путем преодоления нового, искусственно созданного невроза. Если в процессе аналитической работы с переносом пациент окажется способным переосмыслить свои отношения с аналитиком и избавиться от невроза переноса, то аналогичным образом он будет действовать и в реальной жизни при взаимоотношениях с другими людьми.

Итак, с одной стороны, перенос и сопротивление настолько тесно связаны друг с другом, что далеко не всегда удается провести между ними различие. С другой стороны, в психоанализе сам перенос выступает в виде сопротивления. В результате

чего те трудности, которые встречаются при психоаналитической терапии, преодолеваются благодаря тому, что перенос используется для преодоления сопротивления. Словом, *овладение переносом является необходимой предпосылкой аналитической терапии*. Ведь врач, способный превратить перенос из средства, мешающего лечению, в инструмент борьбы с сопротивлениями пациента, приобретает себе могущественного союзника, благодаря которому становится возможным достижение терапевтического успеха. Поэтому искусство психоаналитического лечения заключается в том, чтобы вовремя овладеть переносом пациента с целью использования его в своих терапевтических целях.

Изречения

З. Фрейд: «Решающая часть работы проделывается тогда, когда в отношении к врачу в переносе создаются новые варианты старых конфликтов, в которых больной хотел бы вести себя так же, как он вел себя в свое время, между тем как, используя все находящиеся в распоряжении (пациента) душевные силы, его вынуждают принять другое решение. Таким образом, перенос становится полем борьбы, где сталкиваются все борющиеся между собой силы».

З. Фрейд: «Человек, ставший нормальным по отношению к врачу и освободившийся от действия вытесненных влечений, остается таким и в частной жизни, когда врач опять отстранил себя».

Эротизированный перенос и контрперенос

Овладение переносом требует практических навыков, прежде всего связанных с умением и способностью аналитика разбираться не только в душевном мире пациентов, но и в своем собственном бессознательном. Дело в том, что в психоаналитической ситуации наблюдается такое явление, в результате которого аналитик также может переносить свои собственные чувства и переживания на пациента. Это явление в психоанализе получило название контрпереноса (контртрансфера).

Переплетение между собой переноса и контрпереноса приводит к тому, что в процессе осуществления терапии аналитик может оказаться в непростой для него ситуации, выход из которой чреват самыми неожиданными последствиями. Особого рода трудности возникают, когда у пациента наблюдается эротизированный перенос, способный вызвать у аналитика противоречивую гамму чувств — от искушения и желания ответить на сексуальное влечение пациента до страха перед этим влечением и сопротивления против того, чтобы быть вовлеченным в любовную интригу.

Я уже касался проблемы эротизированного переноса пациента на аналитика и на собственном примере попытался показать те сложности, с которыми подчас приходится сталкиваться в процессе аналитической терапии. Однако полагаю, что в свете высказанных представлений о переносе и контрпереносе есть необходимость в более подробном освещении аналитических отношений между пациентом и аналитиком.

Это действительно непростой вопрос, решение которого нередко становится камнем преткновения на пути успешного психоаналитического лечения. Не случайно Фрейд посвятил рассмотрению этого вопроса специальную работу, которая была опубликована им в 1915 году под названием «Замечания о любви в переносе».

Предположим, что в процессе аналитической терапии молодая, симпатичная, привлекательная женщина влюбляется в своего аналитика. Возможно, она сперва скрывает свои чувства не только от аналитика, но и от самой себя. Однако, по мере того как чувство влюбленности разрастается до неимоверной силы и целиком захватывает женщину, она оказывается не в состоянии бороться с нахлынувшей на нее страстью и признается аналитику в своей любви к нему. Ознакомившись в теории с переносом, на профессиональном уровне аналитик готов рассматривать признание женщины в любви в качестве проявления позитивного переноса со стороны пациентки на него как врача. Проявляя симпатию к молодой женщине, он может усмотреть за позитивным переносом пациентки не только повторение и воспроизведение ее прежних чувств к какому-то другому лицу, но и зарождение ее чувственной привязанности к нему как к мужчине. Под воздействием эротизированного переноса пациентки он сам может быть подвержен подобным переживаниям, в результате которых у него могут «сработать» защитные механизмы, связанные с подавлением чувственных влечений, или не менее нежные, чем у пациентки, сексуально окрашенные ответные чувства, требующие своего удовлетворения.

В самом деле, разве не бывает исключений, когда эротизированный перенос перерастает в большую любовь пациента-женщины к аналитику-мужчине? Разве не бывает такого, когда аналитик находит в пациенте ту единственную женщину, с которой готов связать свою дальнейшую судьбу? Разве невозможен дальнейший союз влюбленных, познакомившихся в процессе аналитического лечения и испытавших неодолимое влечение друг к другу?

Уже обращалось внимание на то, что явление переноса имеет место не только в аналитической ситуации, но и в учебном процессе. Хорошо известны не столь уж редкие случаи, когда между учениками и преподавателями, особенно молодыми девушками и зрелыми мужчинами, устанавливаются близкие отношения, которые завершаются гражданским или юридическим браком. Так почему же невозможны подобные отношения между пациентами и аналитиками? Или, в отличие от нравственного кодекса чести преподавателя, клятва Гиппократа врача надежно застраховывает последнего от возникновения влюбленности в своего пациента, проявляющего все признаки искренней любви по отношению к нему?

В истории психоаналитического движения также известны случаи, когда между пациентами и аналитиками устанавливались такие отношения, которые создавали трудно разрешимые проблемы и осложняли терапевтическое лечение, поскольку выходили за рамки обычного позитивного переноса. Так, отношения между русской пациенткой Сабиной Шпильрейн, ставшей впоследствии известным психоаналитиком, и швейцарским аналитиком Юнгом развивались таким образом, что Фрейд был вынужден высказывать поучительные наставления в адрес женатого врача. Основанные на переносе нежных чувств Шпильрейн к своему аналитику и на контрпереносе Юнга, их отношения переросли в пылкую страсть, хотя и не подорвали семейную жизнь аналитика, являвшегося к тому времени (1908–1909) отцом троих детей.

Имена

Сабина Шпильрейн (1885–1942) — одна из российских пациенток, проходившая десятимесячный курс терапии у Юнга. В 1905 году поступила на медицинский факультет Цюрихского университета, увлеклась идеями психоанализа, в 1909 году начала переписываться с Фрейдом. В 1912 году стала членом Венского психоаналитического общества. После разрыва между Фрейдом и Юнгом сумела сохранить дружеские отношения и с основателем психоанализа, и с создателем аналитической психологии. После учебы в Цюрихе жила в Берлине, в 1921–1923 годах работала в Женеве. Среди ее пациентов был позднее приобретший всемирную известность психолог Ж. Пиаже. В 1923 году с одобрения Фрейда Шпильрейн вернулась в Россию, где использовала психоаналитические идеи в своей исследовательской, педагогической и терапевтической деятельности. Работая в Москве, принимала участие в деятельности Русского психоаналитического общества, вела семинар по детскому психоанализу в Государственном психоаналитическом институте. В 1924 году переехала в Ростов-на-Дону, где работала врачом в поликлинике. Погибла после вторичной оккупации нацистами Ростова-на-Дону летом 1942 года.

Но известен и другой случай, когда в начале 20-х годов отношения между молодым аналитиком Райхом и проходившей у него учебный анализ молодой девушкой Анной Пинк имели иной по сравнению со Шпильрейн и Юнгом исход. Занимаясь терапевтической деятельностью, Райх имел представление о переносе и контрпереносе. Однако он полагал, что чувства Анны Пинк к нему и его собственные чувства к ней были реальными, подлинными и выходили за рамки трансферных и контртрансферных отношений. Как только Райх понял глубину охвативших их чувств, его аналитическая работа с Пинк была прервана. Пинк перешла в анализ к пожилому аналитику Г. Нюнбергу, а несколько лет спустя — к А. Фрейд. За неделю до исполнения своего 25-летия Райх женился на Пинк. Правда, их брак не был долговечным, впоследствии они расторгли брачные узы, а Райх еще дважды женился.

Разрабатывая технику психоанализа, Фрейд выступал против любых новаций, связанных с использованием аналитиком эротизированного переноса в качестве средства искусственного обольщения пациента в целях достижения терапевтических успехов. Были случаи, когда аналитики ускоряли процесс возникновения позитивного переноса и внушали пациентам мысль о том, что для лучшего продвижения анализа пациенты должны влюбиться в своего врача. Фрейд категорически возражал против подобной техники, считая ее бессмысленной и далеко не безопасной для анализа как такового. Он исходил из того, что не следует опережать события и искусственно ускорять их. Перенос нежных чувств на аналитика должен осуществляться самопроизвольно. Другое дело, что аналитик должен быть готов к подобному проявлению чувств со стороны пациента.

Когда венгерский психоаналитик Ференци выступил с идеей активного анализа, включающего в себя менее формальные отношения между аналитиком и пациентом, Фрейд не только не поддержал эту идею, но и критически отнесся к ней. В частности, он неодобрительно отозвался о новой технике, в соответствии с которой в целях терапии аналитик может проявлять материнскую нежность к пациентам,

испытывавшим в детстве недостаток материнской заботы. Ференци, придерживавшийся подобной точки зрения, использовал такой «изнеживающий анализ», при котором допускался обмен поцелуями между аналитиком и пациентом. Для Фрейда подобная техника анализа была неприемлемой. Он считал, что при анализе не следует идти навстречу пациентам в удовлетворении их желаний, включая «малые эротические удовольствия» типа невинных поцелуев. При этом он признавался, что не является тем человеком, который из-за ханжества или мещанских условностей не допускает возможности обмена поцелуями в качестве приветствия. Однако Фрейд подчеркивал, что в той культурной среде, в которой ему приходилось работать, поцелуй означал интимную эротику, что недопустимо в аналитической работе. Кроме того, он высказывал опасение в связи с тем, что всегда может найтись такой «революционер» в технике анализа, который пойдет дальше невинных поцелуев.

Опасения основателя психоанализа не были беспочвенными. Примечательные случаи из аналитической работы Юнга и Райха наглядно свидетельствовали о том, что отношения переноса и контрпереноса оказываются реальными и действенными. Справедливости ради надо отметить, что внесенные Ференци изменения в технику анализа при умелом, квалифицированном их использовании способствовали терапевтическому лечению. Но в то же время они открывали простор для использования эротизированного переноса в личных целях аналитика, не придерживающегося врачебной этики или неспособного удержаться от тех искушений и соблазнов, с которыми подчас сталкивается молодой аналитик.

Терапевтическая практика на современном этапе ее развития показывает, что отдельные врачи воспринимают интимные отношения между ними и пациентами как нечто само собой разумеющееся. Конечно, это не имеет никакого отношения к психоанализу. Более того, в принципе противоречит ему и свидетельствует о полном непонимании специфики аналитического лечения, в ходе которого с неизбежностью проявляются отношения переноса и контрпереноса. И тем не менее в своем превратном толковании аналитическая терапия может включать в себя такую технику, которая идет вразрез с психоанализом как таковым.

Однажды мне довелось разговаривать с молодым терапевтом, который, обучаясь психоаналитической технике, делился своим «позитивным» опытом лечения пациентов. Он признавался, что к нему на прием часто приходят такие женщины, которым надо лишь одно: удовлетворить свои сексуальные желания. В ответ на мои пояснения об осторожной и корректной работе с переносом он заявил, что ему не раз приходилось идти навстречу своим пациенткам, удовлетворять их эротические запросы, и это чаще всего давало позитивный результат. По его выражению, некоторые пациентки приходят к нему «не как к врачу, а как к мужчине» и их излечение зависит от его действий как мужчины, а не как врача. Я обратил его внимание на то, что психоаналитическая кушетка предназначена совсем для другого, что психоанализ — это метод лечения невротических заболеваний, а его представления о возможностях лечения не только не соответствуют аналитической терапии, но и коренным образом противоречат ей. Молодой аналитик тут же поспешил перевести разговор в иное русло. Однако мне показалось, что его отнюдь не смущало то обстоятельство, что он видит в приходящих к нему пациентках прежде всего сексуально неудовлетворенных женщин, которым он готов оказать соответствующую помощь, выступая в качестве мужчины-врача, а не врача-мужчины. Если подобный терапевт

будет выдавать себя за психоаналитика, то это может вызвать у пациентов превратное представление о психоанализе. На самом деле все это так же далеко от психоанализа, как хирургическая операция на сердце, осуществленная врачом на основании жалобы пациента по поводу того, что в результате неразделенной любви его сердце окончательно разбито.

Неопытный аналитик может усмотреть в эротизированном переносе пациента приглашение к завязыванию интимных отношений. Однако, удовлетворяя сексуальные желания пациента и полагая, что тем самым достигается успешное лечение, аналитик как врач, несомненно, терпит поражение. Его авторитет оказывается низведенным на нет. Врач сводится до положения любовника и, следовательно, в меньшей или большей степени становится игрушкой в руках женщины, одержавшей над ним верх. Терапия же превращается в своего рода любовную интригу, в рамках которой пациентка-женщина еще раз находит подтверждение тому, что она неотразима, а все мужчины, включая соблазненного ею аналитика, ничтожные создания, готовые волочиться за любой юбкой. Врач только думает, что, идя навстречу сексуальным желаниям пациентки, он тем самым исцеляет ее. В действительности же происходит все наоборот. Он не только не достигает своей терапевтической цели, но и обесценивает аналитическое лечение. Добившись своей победы, женщина-соблазнительница может предъявить свои требования к врачу как к любовнику. Кроме того, в случае прекращения интимных отношений с ним она может обратиться к другому аналитику и, скорее всего, попытается использовать ту же самую стратегию и повторить предшествующий опыт обольщения врача как мужчины.

В свое время Фрейд подчеркивал, что, оказавшись в аналогичной ситуации, врач никогда не сможет достичь своей цели — освободить пациента от невроза. Используя образное сравнение, он отмечал, что в этом случае между врачом и пациентом разыгрывается сцена, описанная в анекдоте о священнике и страховом агенте. По настоянию родных в дом, где лежал неверующий тяжелобольной человек, приглашается пастор. Родные этого человека надеются, что на пороге смерти он покается перед пастором, получит отпущение грехов, обретет веру. Священник проходит в покои больного и остается с ним наедине. Их беседа длится столь долго, что у находящихся в другой комнате родных появляется надежда на благоприятный исход событий. Они терпеливо ждут окончания разговора и, когда наконец пастор выходит из комнаты больного, узнают следующее. Вопреки их ожиданиям, неверующий страховой агент не был обращен в веру. Зато пастор ушел из дома тяжелобольного человека застрахованным.

Если в случае эротизированного переноса пациентке удается соблазнить аналитика, то это означает несомненный триумф для нее, но полное поражение для него. Если, идя навстречу любовным домогательствам пациентки, аналитик оправдывает свои действия ссылками на эффективное лечение, то это является или рационализацией его собственных желаний, или самообманом, связанным с непониманием существа аналитической терапии. Вместо того чтобы что-то вспомнить и воспроизвести как психический материал, сохранив его в своей психике, пациентка реализует свои бессознательные сексуальные влечения, одерживая очередную победу над мужчиной. Вместо того чтобы проработать с пациенткой психический материал, связанный с ее переносом, аналитик поддается ее чарам и вступает в интимную связь, лишая себя тем самым настоящей аналитической работы. По мере продолжения

интимных отношений пациентка проявит все патологические реакции своей любовной жизни, развитие которых и привело ее к врачу. Аналитик же, наивно полагающий, что удовлетворение желаний пациентки служит залогом ее выздоровления, ничего не сможет сделать по исправлению или устранению ее патологических реакций и невротических симптомов. Как подчеркивал Фрейд, любовная связь перечеркивает возможность успешного аналитического лечения.

Таким образом, в целях успешной терапевтической работы аналитику не следует идти на поводу у пациента и удовлетворять его желания. Необходимо критично отнестись к позиции терапевта, которая сводится к следующему: «Раз пациентка пришла ко мне с вполне определенной целью, то почему бы ей не помочь в достижении удовольствия?» Ведь подобная позиция оказывается не столько безнравственной с точки зрения врачебной этики, сколько ошибочной в терапевтическом плане.

Изречения

З. Фрейд: «Он (аналитик. — *В.Л.*) должен признать, что влюбленность пациентки вызвана аналитическим положением и не может быть приписана превосходству его особы и что у него нет никакого основания гордиться таким “завоеванием”, как это назвали бы вне анализа».

З. Фрейд: «Попытка пойти навстречу нежным чувствам пациентки не совсем безопасна, невозможно так хорошо владеть собой, чтобы не пойти иной раз вдруг дальше, чем сам того хотел».

Встреча с собственным бессознательным

Аналитик не просто лекарь, получивший соответствующее образование и обладающий навыками терапевтической работы. Помимо знания аналитической техники и следования нравственным нормам, до того как быть готовым проникнуть в мир бессознательного другого человека, аналитик должен познать скрытое в самом себе. Успешность его терапевтической деятельности зависит от того, насколько глубоко он проник в собственное бессознательное и в какой степени преодолел присущие ему комплексы.

Достижение этого становится возможным благодаря анализу собственных сновидений и прохождению анализа у специалиста. То и другое необходимо, но этого недостаточно для успешной терапевтической деятельности, поскольку подобный анализ всегда остается незаконченным. Не менее важно продолжение в дальнейшем аналитического исследования своей личности в форме самоанализа. Только в этом случае можно рассчитывать на проработку контрпереносных отношений и сопротивлений самого аналитика, нередко возникающих при его работе с пациентами, а также на обуздание терапевтического честолюбия и нарциссического возвеличивания своей собственной персоны, столь характерных для многих врачей.

Бытует мнение, что прохождение анализа у специалиста, тем более какого-либо зарубежного аналитика, как бы автоматически обеспечивает дальнейшую успешную терапевтическую деятельность. Между тем прекращение, если оно вообще было, исследования своей личности в форме самоанализа с неизбежностью порождает те

опасности, которым подвергаются как аналитик, так и его пациенты. Дело в том, что длительные терапевтические отношения с пациентами способствуют активизации бессознательных процессов в глубинах психики аналитика, проработка которых хотя и осуществлялась в процессе личного анализа, тем не менее осталась незаконченной. Речь идет не только о соответствующих реакциях при контрпереносе, которые возможны при аналитическом лечении, но и о терапевтическом честолюбии, нередко запускающем механизм рационализации. В силу этого аналитик оказывается не в состоянии спуститься с высот своего нарциссического возвеличивания как специалиста до нормальных человеческих отношений с пациентами.

Мне приходилось быть свидетелем проявления терапевтического честолюбия и нарциссического возвеличивания своего Я у ряда аналитиков. На аналитических встречах, конгрессах, симпозиумах это становится особенно заметным, когда развертываются идейные дискуссии вокруг проблем профессионализма и дилетантизма в психоанализе, осуществляется разбор клинических случаев, высказываются противоположные точки зрения по научным, терапевтическим и организационным вопросам. Но это имеет отношение к психоаналитическому сообществу и, казалось бы, не оказывает влияния на аналитическую практику как таковую. Однако, как показывает реальная жизнь, терапевтическое честолюбие и нарциссическое возвеличивание своего Я влияют на работу аналитика с пациентами. Так, далеко не каждый аналитик, имеющий многолетнюю терапевтическую практику, способен признаться хотя бы самому себе в том, что он допустил в том или ином случае работы с пациентом какую-либо оплошность или досадную ошибку. Нередко аналитик считает свою работу непогрешимой, а отдельные случаи безрезультатного лечения списывает на нерадивость пациента. Этим отчасти объясняется, почему аналитики предпочитают умалчивать о своих поражениях, демонстрируя перед аналитическим сообществом лишь случаи успешного лечения пациентов.

Между тем признание своих собственных просчетов и ошибок, исследование поражений и сбоев в терапевтической работе, несомненно, способствуют прогрессу аналитической теории и практики. Но это становится возможным лишь тогда, когда аналитик не прекращает исследование своей собственной личности, продолжает самоанализ и разбирательство со своим бессознательным.

Признаюсь, что мне приходилось сталкиваться с такими ситуациями, когда в процессе аналитической работы возникало ощущение некоего самоупования, обусловленного относительно успешным ходом лечения пациентов. Но для меня всегда это было сигналом предостережения — возможно, не все так благополучно, как представляется на первый взгляд. Чаще всего именно так и оказывалось, поскольку нередко пациенты преподносили такие сюрпризы, после которых порой приходилось как бы заново начинать аналитическую работу. Кроме того, постоянный самоанализ помогал спускаться с вершин нарциссического самоудовлетворения на грешную землю сложных аналитических отношений, в результате чего, как бы наступая на горло собственной песне, мне приходилось признаваться в собственных промахах и ошибках, допущенных при работе с пациентами.

Хочу обратить внимание на весьма деликатную для аналитика проблему. Она сопряжена с ответом на вопросы, которые могут возникать перед ним.

Если, не находясь во власти мании величия и допуская возможность совершения оплошностей, он оказывается способным признаться самому себе в том, что

действительно совершил какую-то ошибку, то как ему следует поступить в таком случае? Проанализировать свое поведение, аналитические отношения с пациентом и, ничего не говоря ему о допущенной ошибке, дабы не подрывать свой авторитет, как можно быстрее исправить ее? Или как ни в чем не бывало продолжить дальше анализ, сделав вид, что все идет нормально? Обнаружив свою ошибку и осознав ее пагубность, вновь проработать предшествующий материал, не акцентируя внимание пациента на этом? Или признаться ему в допущенной ошибке и совместными усилиями исправить то положение, в котором оба оказались по вине аналитика?

Разумеется, в процессе самоанализа любой нормальный аналитик, способный выйти из-под власти терапевтического честолюбия и нарциссического возвеличивания своего Я, постарается исправить ранее допущенную им ошибку. Но стоит ли говорить об этом с пациентом и тем самым поступаться своим авторитетом и подвергать сомнению достигнутый с ним альянс в аналитических отношениях?

Полагаю, что честный разговор с пациентом о допущенной аналитиком ошибке не только не подрывает его авторитет, но, напротив, может укрепить его. Аналитическая работа с пациентом требует честности, искренности и правдивости. Это одно из важных психоаналитических правил, следование которому способствует достижению терапевтического успеха.

Но можно ли ожидать от пациента соблюдения данного правила, будучи в то же время нечестным и неискренним по отношению к нему? В этом плане аналитик сам должен быть примером. Поэтому не будет ничего зазорного в том, что он признается пациенту в допущенной им ошибке. Скорее напротив, честность и искренность аналитика подтолкнут пациента к более плодотворной работе с ним. Думаю, что особенно важно придерживаться подобной установки при осуществлении учебного анализа, когда будущие аналитики могут по достоинству оценить пример своего учителя, не только не скрывающего от них собственные промахи и ошибки, но акцентирующего на них свое внимание с целью совместного их разбора.

Зная рифы и пропасти, проводник может оступиться. Но это, во-первых, послужит наглядным уроком для путешественника, который воочию убедится, насколько труден и опасен путь, по которому он идет вместе с проводником; и, во-вторых, мобилизует его силы и укрепит волю. Он вряд ли будет безучастно смотреть на проводника, случайно оступившегося и висящего над пропастью. Скорее всего, отбросив страх и предубеждения, он постарается помочь ему выбраться из опасной ситуации. При этом путешественник поверит в собственные силы и убедится в том, что благодаря совместным усилиям они одолеют препятствия, стоящие на их пути.

Скажу откровенно. В своей терапевтической деятельности я допускал просчеты и ошибки. И хотя подчас они приводили к мучительным раздумьям и вызывали различного рода сомнения, каждый раз я пытался переосмыслить их. Я искал и находил изъяны в собственном аналитическом образовании либо ругал себя за неумение вовремя заметить те или иные изменения, происходящие в психике пациента и внутри самого себя. Наряду с этим я не стыдился признаний в допущенных мною промахах, обсуждал огрехи анализа с пациентами. Но более подробно, чем с ними, я разбирал все сомнительные ситуации, возникшие по моей вине, с теми, кто приходил ко мне на учебный анализ.

Хорошо помню одну из первых своих ошибок, которая была, в общем-то, не столь существенной, чтобы радикальным образом повлиять на ход аналитической

работы. Можно было не придавать ей особого значения, так как пациент-мужчина, с которым я работал, не воспринимал происходящее как ошибку, допущенную мной.

Так, на одной из сессий у меня вылетел из памяти эпизод, ранее рассказанный пациентом и относящийся к его взаимоотношениям с женой. Когда пациент обратил мое внимание на какую-то деталь из рассказанного им эпизода, сказав, что я, разумеется, помню об этом, я неожиданно для себя подтвердил его слова, хотя никак не мог вспомнить, о чем же он мне говорил. Мысль об этой лжи не оставляла меня в покое. Через некоторое время я специально просмотрел свои записи, но, к удивлению, не обнаружил той детали, о которой говорил пациент. То есть сам эпизод был зафиксирован, а наиболее важной информации, связанной с его отношением к жене, не было.

На следующей сессии мы вернулись к обсуждению этого инцидента. Я не стал настаивать на том, что ранее пациент не говорил мне о значимой для него детали в его отношениях с женой. И не потому, что не был уверен в собственной памяти. Просто не видел смысла в выяснении вопроса о том, кто из нас в большей степени прав. Но я признался пациенту, что, во-первых, не помнил всех деталей ранее рассказанного им эпизода и, во-вторых, на прошлой сессии не сказал ему об этом, тем самым как бы введя его в заблуждение. После этого пациент молчал несколько минут, переосмысливая, судя по всему, сложившуюся ситуацию. А затем, как бы в благодарность за мое признание и за проявленную искренность по отношению к нему, без каких-либо дополнительных вопросов с моей стороны настолько подробно рассказал о различных аспектах отношений между ним и его женой, что, не будь этого инцидента, мне потребовалась бы долгая и кропотливая работа, занявшая, возможно, не одну сессию. Допущенная мною ошибка и последующее признание ее привели к установлению более доверительных отношений с пациентом, чем это имело место до сих пор.

Впоследствии у меня были различные промахи и ошибки. Но не было, пожалуй, ни одного случая, когда бы мое чистосердечное признание в свершении их снижало степень доверия пациентов ко мне. Напротив, это сопровождалось, как правило, улучшением аналитических отношений и более плодотворной совместной работой. Более того, иногда признание в собственной ошибке приводило к такому неожиданному результату, когда действительно открывались новые грани в аналитической работе, о которых ранее даже не подозревал.

Однажды у меня проходила учебный анализ девушка, в ходе работы с которой я на первой же сессии допустил непростительную для себя ошибку. Воспоминание об этом до сих пор вызывает во мне неприятные ощущения. Находясь под впечатлением от встречи с другим человеком, я в присутствии этой девушки высказал суждение, которое просто не могло не задеть ее. Через некоторое время я осознал, какими некорректными были мои слова и какое негативное воздействие они могли оказать на ни в чем неповинную девушку. Я моментально отмел от себя возникшее в голове оправдание, явившееся не чем иным, как рационализацией моего ошибочного поведения. Затем я не только извинился перед девушкой за свое некорректное высказывание, но и посвятил значительное время анализу своих собственных и ее чувств, вызванных данным эпизодом. В результате я не только не утратил авторитета в ее глазах, но уже на первых двух сессиях обрел доверие, столь необходимое для установления благоприятных аналитических отношений.

Вспоминаю еще один случай, когда в процессе учебного анализа с другой девушкой также допустил досадную оплошность. Я не стал ее скрывать ни от себя, ни от нее.

И в награду за свою откровенность я приобрел значительно больше того, что потерял. Во всяком случае, во время обоюдного обсуждения моей оплошности девушка проявила такое сочувствие, что рассказала о своей сокровенной тайне, о которой никому никогда не говорила и которую скрывала от меня на протяжении нескольких месяцев нашей совместной работы. Она как бы хотела подбодрить меня и давала понять, что по-прежнему доверяет мне. У меня до сих пор сохранилось впечатление, что если бы я не допустил оплошность или, допустив ее, не признался в ней, то, несмотря на ранее установившееся доверие между нами, девушка вряд ли поделилась бы со мной своей сокровенной тайной. И я благодарен ей за ту поддержку, которую она оказала мне в трудную минуту. Для себя же я вынес важный урок о необходимости проявления честности и правдивости по отношению к своим пациентам. Если психоанализ — это лечение истиной, а не ложью, что подчас имеет место при осуществлении иных видов терапии, то *ориентация на истину как таковую должна быть не только основой анализа невротических симптомов и жизни пациента в целом, но и одним из важных принципов отношения аналитика как к пациенту, так и к самому себе.*

Аналитик может быть только благодарен тем пациентам, общение с которыми не всегда доставляет ему удовольствие, приводит подчас к глубинным переживаниям, вызывает внутреннее сопротивление и порождает контрпереносные реакции, но в то же время способствует его инсайтам и совершенствованию аналитической техники, развитию теории и практики психоанализа. Остается лишь разумно использовать те неограниченные возможности, которые открываются перед аналитиком в процессе его работы с пациентами. Но для этого аналитику необходимо продолжать свой самоанализ, не ограничиваться приобретенными навыками и приемами аналитической терапии и не поддаваться соблазнам терапевтического честолюбия и нарциссического возвеличивания своего собственного Я.

Полагаю, что не было бы большим ущемлением роли аналитика в психоаналитическом лечении и умалением терапевтической значимости психоанализа, если бы мы признали следующее. Аналитик не всесильный бог и не всемогущественный пророк. Он — обычный человек, возможно несколько лучше других разбирающийся в проявлении бессознательных сил и процессов, таящихся в глубинах психики человека. Но, как и многие другие люди, он не застрахован от различного рода промахов и ошибок. Другое дело, что, углубляясь в дебри своего бессознательного, исследуя не только изнанку души другого человека, но и свой собственный внутренний мир, аналитик способен осознать совершаемые им промахи и ошибки. Избежав искушения терапевтического честолюбия и нарциссического возвеличивания своего Я, аналитик должен честно отнестись к своим огрехам, чтобы, наученный горьким опытом, использовать их во имя не оправдания самого себя, а облегчения страданий пациентов.

В этом отношении достойна внимания скромная позиция Фрейда, который, несмотря на свою многолетнюю терапевтическую деятельность, не считал себя хорошим врачом и в назидание другим приводил поговорку одного старого хирурга: «Я облегчаю, Бог излечивает». При этом он добавлял, что чем-то подобным должен удовлетворяться и аналитик.

Аналитик, как проводник, обнажающий истину перед путником, идущим по жизни и не ведающим того, что разыгрывающиеся в его душе драмы и коллизии не позволяют ему выйти на другие, более приспособленные для путешествия дороги, готов оказать помощь пациенту, чтобы избавить его от излишних страданий. Но он не навязывает

ему свои знания, не укоряет истиной, не обещает быть постоянным спутником, неизменно ведущим его за руку по дороге жизни. Напротив, терпимый к его предшествующим неадекватным решениям, но стойкий в своих убеждениях не поступаться истиной ради иллюзорного эрзац-удовлетворения желаний пациента, аналитик помогает ему осознать его бессознательные влечения, предоставляет ему возможность по-новому взглянуть на приемлемые способы разрешения внутриличностных конфликтов, оставляет за ним право выбора и принятия собственных решений на пути к выздоровлению.

Аналитик ничего не внушает пациенту и ничего не обещает ему. Он ничего не советует пациенту и не заставляет его насильно избавляться от заболевания. Избегая менторской роли, он стремится к созданию таких отношений с пациентом, при которых тот мог бы самостоятельно принимать свои решения. Терапевтическое воздействие аналитика на пациента сводится к тому, что он помогает ему выработать истинное отношение к самому себе и окружающим его людям. Путем преодоления сопротивлений, устранения вытеснения и переноса, превращения патогенного конфликта в душевной жизни пациента осуществляется такое изменение, благодаря которому он поднимается на более высокую ступень развития. В этом смысле аналитическая терапия имеет воспитательное значение и является, по выражению Фрейда, чем-то вроде довоспитания, поскольку речь идет о тех внутренних изменениях, которые происходят в психике пациента.

Вместе с тем следует иметь в виду, что аналитическая терапия не представляет собой такое довоспитание, в результате которого пациент утрачивает свою индивидуальность. Встречаются, правда, такие врачеватели души, у которых терапевтическое честолюбие и воспитательское тщеславие могут возобладать над здравым смыслом. Но это лишь свидетельствует о недостаточном понимании ими собственного бессознательного и существа аналитической терапии, а не о разрушающих тенденциях психоанализа как такового.

То, что аналитик не навязывает пациенту свою систему воспитания, вовсе не означает, что аналитическая терапия не осуществляет никаких изменений в психике больного. Однако при успешном исходе лечения произошедшие в больном изменения отражают его собственные внутренние потенции. Как замечал Фрейд, вылеченный больной становится таким, каким мог бы стать в лучшем случае при самых благоприятных условиях.

Психоаналитическая терапия предполагает создание наиболее подходящих психологических условий для реализации человеком своего внутреннего потенциала. Это означает, что в процессе аналитической работы человеку предоставляется возможность понять направленность развертывания его бессознательных сил и процессов. В результате человек может сделать собственный выбор в пользу такого способа разрешения внутренних конфликтов, который не только устранит невротические симптомы, но и усилит и укрепит его Я.

Изречения

З. Фрейд: «Кто хорошо освоился с аналитической техникой, тот не в состоянии прибегать к неизбежной для врачей иной раз лжи, надувательству и обыкновенно выдает себя, если иногда с самыми лучшими намерениями пытается это сделать. Так как от пациента требуется полнейшая правда, то

рискуешь всем своим авторитетом, если попадешься сам на том, что отступил от правды».

З. Фрейд: «Аналитики — это люди, обучившиеся владеть определенным искусством, но при этом остающиеся такими же людьми, как и все остальные».

Контрольные вопросы

1. Что такое позитивный перенос и каковы его особенности?
2. Что представляет собой негативный перенос?
3. Какие трудности возникают при работе с негативным переносом?
4. Как и почему возникает невроз переноса?
5. Каково отношение аналитика к эротизированному переносу?
6. Чем является перенос для психоаналитического лечения?
7. Зачем необходим аналитику самоанализ?
8. Следует ли аналитику признаваться в тех ошибках, которые он может допускать в аналитическом процессе?

Рекомендуемая литература

1. *Гринсон Р.* Техника и практика психоанализа. М., 2003.
2. *Лейбин В. М.* Сабина Шпильрейн: Между молотом и наковальней. М., 2022.
3. *Нюнберг Г.* Принципы психоанализа и их применение к лечению неврозов. М., 1999.
4. Психоаналитическая хрестоматия. Клинические труды / под общ. ред. М.В. Ромашкевича. М., 2005.
5. *Райх В.* Характероанализ. М., 1999.
6. *Сандлер Дж., Дэр К., Холдер А.* Пациент и психоаналитик. Основы психоаналитического процесса. Воронеж, 1993.
7. *Столороу Р., Брандшафт Б., Атвуд Дж.* Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход. М., 1999.
8. *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. Т. 1. Теория. М., 1996.
9. *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. Т. 2. Практика. М., 1996.
10. *Фенichел О.* Проблемы психоаналитической техники // Психоаналитический вестник, 1999. № 7 (1).
11. Французская психоаналитическая школа / под ред. А. Жибо, А.В. Россохина. СПб., 2005.
12. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М., 2015.
13. *Фрейд З.* Замечания о «любви в перенесении» // Психоаналитические этюды. Минск, 1997.
14. *Хайманн П.* О контрпереносе / Антология современного психоанализа. Т. 1. М., 2000.
15. Эра контрпереноса. Антология психоаналитических исследований (1949–1999) / сост., науч. ред. и предисл. И.Ю. Романова. М., 2005.
16. Эротический и эротизированный перенос / под общ. ред. М.В. Ромашкевича. М., 2002.

Глава 13

ПРАВИЛА, ТЕХНИКА ЛЕЧЕНИЯ И ЦЕЛИ ТЕРАПИИ

Основное техническое правило

Основное, важное и существенное правило психоаналитической техники заключается в том, что пациенту предлагается в качестве обязательного условия лечения предельно откровенно говорить буквально обо всем, ничего не скрывая и не утаивая от аналитика. Говорить все — значит действительно говорить все — таков смысл основного технического правила психоанализа.

С этим техническим правилом, основанным на методе свободных ассоциаций, аналитик должен познакомить пациента с самого начала его лечения. Речь идет о разъяснении пациенту того, что его рассказ должен отличаться от обычного разговора в одном существенном пункте. Обычно при общении с другими людьми человек старается не терять нить своего рассказа и с этой целью отбрасывает все посторонние и мешающие мысли, которые ему приходят на ум. Соблюдение основного технического правила в процессе аналитического лечения предполагает иное поведение. Если во время рассказа у пациента появятся различные мысли, воспринимаемые им как абсурдные, нелогичные, вызывающие смущение, робость, стыд или какие-либо другие неприятные чувства, то пациент не должен ни отбрасывать их под влиянием критических соображений, ни скрывать их от аналитика. Необходимо говорить все, что приходит в голову, причем говорить именно то, что представляется неважным, второстепенным, вводящим в смущение. Речь идет не только о том, что пациент должен быть вполне откровенным и искренним с аналитиком. Но и о том, чтобы он не пропускал ничего в своем рассказе, если в процессе говорения ему придет мысль о чем-то недостойном, оскорбительном, неприятном. В понимании Фрейда, суть основного технического правила в следующем — пациент говорит все, что ему приходит в голову; он поступает так, как, например, путешественник, сидящий

у окна вагона железной дороги и описывающий находящемуся внутри вагона виды, проносящиеся перед его взором.

Основное правило базируется на технике, разработанной Фрейдом при толковании сновидений и используемой в психоаналитической терапии. Специфика этой техники предполагает состояние спокойного самонаблюдения, в котором следует пребывать пациенту, сообщающему аналитику не только то, что он знает, но и то, чего он не знает. Последнее кажется неким абсурдом, поскольку кажется очевидным, что в лучшем случае пациент может сообщать аналитику лишь то, что знает сам. Но как можно говорить о том, чего сам не знаешь?

При рассмотрении специфики психоаналитической работы со сновидениями Фрейд утверждал, что сновидящий сам знает смысл своего сновидения. Другое дело, что сновидящий не знает, что обладает неким знанием о своем сновидении. В результате этого он полагает, что ничего не знает, и поэтому находится в некоем заблуждении относительно своего незнания. Аналогичным образом обстоит дело и с пациентами, которые, как считал Фрейд, в принципе, многое знают о своих заболеваниях, хотя и не обнаруживают это знание ни перед другими, ни перед самими собой. Основное техническое правило психоанализа как раз и состоит в том, чтобы пациенты проявили готовность к обнаружению своих скрытых знаний и действительно говорили буквально все, не задумываясь о том, знают они что-то или нет, обладают знанием о чем-то или полагают, что у них такого знания нет.

Аналитик берет у пациента обещание следовать основному, фундаментальному правилу анализа, которым тот должен руководствоваться в своем поведении по отношению к врачу. Словом, пациент обязан говорить не только то, что может сказать намеренно и охотно, что принесет ему облегчение подобно исповеди, но и все остальное, что дает ему самонаблюдение. Если после этого предписания пациенту удается отключить самокритику, то в процессе психоаналитической терапии он предоставит аналитику такой материал (мысли, идеи, воспоминания), который является объектом воздействия бессознательного и который дает возможность не только предположить, что им подавляется, но и расширить благодаря предоставленной информации его понимание действенности бессознательных процессов.

В процессе лечения пациенту предоставляется выбор в исходной точке его рассказа. Начнет он свой рассказ с истории заболевания, истории жизни или детских воспоминаний — это не имеет принципиального значения для аналитика. Главное, чтобы его рассказ отвечал требованию соблюдения основного правила. В свою очередь, и аналитик не должен ожидать систематического рассказа и ничего не делать для того, чтобы рассказ пациента был таковым. Каждый сообщенный пациентом кусочек истории необходимо принять во внимание с тем, чтобы позднее вновь вернуться к нему. В процессе повторного рассказа появятся дополнения, которые могут оказаться столь значительными, что сделают очевидными ранее неизвестные пациенту связи и отношения, позволяющие аналитику судить о причине и последствиях заболевания обратившегося к нему за помощью человека.

Нередко бывает так, что, узнав от аналитика об основном психоаналитическом правиле, пациент начинает свое лечение не с рассказа о себе или своем заболевании, а с молчания. Он уверяет, что ему ничего не приходит в голову, ему нечего сказать; просит, чтобы аналитик указал ему на то, о чем именно он должен говорить. Фрейд расценивал такое поведение пациента с точки зрения проявления им сопротивления как против основного правила, так и против исцеления в целом. Уверение ана-

литика, что подобного отсутствия мыслей не бывает и что все дело в сопротивлении анализу, позволяет пациенту сделать первый шаг в направлении следования основному правилу. Если пациент расскажет о недоверии, с которым он приступает к психоанализу, или сознается в том, что, познакомившись с основным правилом, все же оставил за собой право скрывать от аналитика сугубо личное, то это будет началом необходимой работы, способствующей осуществлению аналитической терапии.

Несмотря на ознакомление с основным правилом психоанализа, многие пациенты пытаются нарушить его, чтобы сохранить для себя какую-то тайну и преградить доступ к ней со стороны аналитика. Некоторые из них считают, что для какой-то стороны их жизни можно сделать исключение. Однажды Фрейд решился предоставить находящемуся на государственной службе человеку право на исключение, поскольку тот дал присягу, запрещающую ему сообщать другим людям некоторую информацию. Пациент был доволен результатом лечения, в то время как Фрейд считал, что ему не удалось достигнуть значительного успеха именно в силу предоставления пациенту исключения относительно основного правила. Исходя из этого случая, основатель психоанализа решил впредь не повторять подобного опыта и неукоснительно требовать от пациентов соблюдения основного правила, так как аналитическое лечение не допускает права на убежище.

Фрейд не обольщался насчет трудностей, связанных с выполнением пациентами основного технического правила психоанализа. Напротив, он подчеркивал, что страдающие неврозом навязчивых состояний умеют сделать почти непригодным это правило в силу своего чувства повышенной совестливости и сомнения, а страдающие страхом истерики выполняют его, доводя до абсурда, поскольку воспроизводят только те мысли, которые далеки от вытесненного бессознательного. Поэтому одна из первостепенных задач — путем решительности и настойчивости отбивать у сопротивления известную долю подчинения основному техническому правилу.

Формулируя основное правило психоанализа, Фрейд исходил из того, что в психике нет ничего случайного. Следовательно, любая возникающая у пациента мысль не является произвольной, она имеет отношение к вытесненным им в бессознательное представлениям и относится к вытесненной мысли как намек. Аналитик предоставляет возможность пациенту говорить все, что он хочет, и придерживается того положения, что пациенту может прийти в голову хотя и не прямо зависящая, но все же имеющая отношение к вытесненному бессознательному вполне определенная мысль. Следуя основному правилу психоанализа, аналитик обеспечивает себя материалом, наводящим его на след вытесненного бессознательного. Материал, который пациент не ценит и отбрасывает от себя, если находится под влиянием сопротивления, представляет для психоаналитика, используя выражение Фрейда, руду, из которой он с помощью простого искусства толкования может извлечь драгоценный металл. Если пациент выполняет основное правило психоанализа, то обработка возникающих у него мыслей представляет собой один из технических приемов для исследования бессознательного и освобождения его от невротических симптомов. Этой же цели служат и другие средства, включая толкование сновидений пациента и его ошибочных действий.

Основное правило психоанализа касается не только пациента, но и аналитика. Фрейд считал, что подобно тому, как первый должен говорить все, что «схватывает в себе» благодаря самонаблюдению, так и второй должен быть в состоянии использовать

все то, что ему сообщает пациент. От пациента требуется, чтобы он воздерживался от каких-либо интеллектуальных и аффективных возражений, не делал выбора в своих мыслях, не отбрасывал из них то, что представляется ему ненужным, никчемным, постыдным. Точно так же и аналитик в процессе слушания пациента не должен включать свое сознание для отбора наиболее ценного материала, критического отношения к не заслуживающим внимания деталям, следования внутренней цензуре, отвергающей что-то непристойное или неприемлемое для него как человека и профессионала.

По образному выражению Фрейда, аналитику следует обратить свое собственное бессознательное, как воспринимающий орган, к бессознательному пациента и воспринимать анализируемого, как приемник телефона. Подобно воспринимающей мембране, аналитик должен улавливать малейшие колебания, издаваемые бессознательным пациента. Он не должен допускать в себе никаких сопротивлений, что предполагает необходимость в психоаналитическом очищении и понимании своих собственных комплексов, которые могут помешать беспристрастному восприятию всего того, что исходит от бессознательного пациента.

Размышления о фундаментальном техническом правиле психоанализа содержались в работах Фрейда: «О психоанализе» (1910), «Советы врачу при психоаналитическом лечении» (1912), «О введении в лечение» (1913), «Воспоминание, воспроизведение и переработка» (1914), «Лекции по введению в психоанализ» (1916–1917), «Очерк о психоанализе» (1940) и других. Эти размышления легли в основу психоаналитической техники при практической работе с пациентами, а само правило сохранило свою значимость до сегодняшнего дня.

Изречения

З. Фрейд: «Мы просим больного прийти в состояние спокойного самонаблюдения, не углубляясь в раздумья, и сообщать все, что он может определить при этом по внутренним ощущениям: чувства, мысли, воспоминания в той последовательности, в которой они возникают. При этом мы настойчиво предостерегаем его не поддаваться какому-нибудь мотиву, желающему выбрать или устранить что-либо из пришедших ему в голову мыслей, хотя бы они казались слишком неприятными или слишком нескромными, чтобы их высказать, или слишком неважными, не относящимися к делу, или бессмысленными, так что незачем о них говорить. Мы внушаем ему постоянно следить лишь за поверхностью сознания, отказываться от постоянно возникающей критики того, что он находит, и уверяем его, что успех лечения, а прежде всего его продолжительность зависят от добросовестности, с которой он будет следовать этому основному техническому правилу анализа».

З. Фрейд: «То, что мы хотим услышать от пациента, — не только то, что он знает и скрывает от других людей; он также должен рассказать нам и то, чего не знает».

З. Фрейд: «Подобно тому, как приемник превращает снова в звуковые волны электрические колебания тока, возбужденные звуковыми волнами, так и бессознательное врача должно быть способно восстановить бессознательное больного, пользуясь сообщенными ему отпрысками этого бессознательного, детерминирующего мысли, которые больному приходят в голову».

Абстиненция

Абстиненция — воздержание, выступающее в классическом психоанализе в качестве одного из правил или принципов аналитической терапии. Формулируя это правило, Фрейд исходил из того, что специфика психоаналитического лечения требует воздержания от удовлетворения желаний пациента в процессе аналитической работы.

Правило абстиненции включает в себя по меньшей мере два требования. Во-первых, психоаналитик должен отказывать пациенту, рассчитывающему на ответное проявление эротических чувств, в удовлетворении его желания. Во-вторых, он не должен допускать слишком быстрого освобождения пациента от его болезненных симптомов и страданий.

Несоблюдение правила абстиненции затрудняет или делает невозможным успешное осуществление аналитической терапии. Потакание прихотям пациента и удовлетворение его эротических желаний обесценивают психоаналитическое лечение, которое, как считал Фрейд, должно быть проведено в воздержании. Слишком быстрое устранение симптомов заболевания и страданий пациента может привести к временному облегчению его состояния, но не дает никаких гарантий того, что аналогичное заболевание не повторится в дальнейшем. В конечном итоге правило абстиненции предполагает ориентацию аналитика на отказ от удовлетворения эротических желаний пациента и длительное по времени лечение, требующее обстоятельной аналитической работы по выявлению и устранению причин возникновения патогенных внутрипсихических конфликтов, приведших к психическому расстройству. По убеждению Фрейда, даже на поздних стадиях лечения необходимо «соблюдать осторожность» и не давать разрешения симптома и объяснения желания прежде, чем пациент непосредственно не приблизится к ним, чтобы самому достичь такого решения.

Принцип абстиненции подразумевает не физическое воздержание аналитика от удовлетворения желаний пациента, то есть его воздержание от полового общения, что само собой разумеется. Оно имеет более глубокий смысл и более широкое содержание. С точки зрения Фрейда, правило абстиненции предполагает соблюдение двух условий. Первое — необходимо сохранять в пациенте потребность в эротических желаниях и тоску по ним, как силы, побуждающие его к работе и изменению, ибо уступка любовным требованиям или подавление их одинаково опасны для анализа. Второе — нельзя допускать того, чтобы эта потребность и тоска отчасти ослабевали или успокаивались в результате получения суррогатного, а не настоящего удовлетворения, которое невозможно, пока не устранены вытеснения.

Как, казалось бы, жестоко это ни звучит, но Фрейд считал, что психоаналитик должен прилагать все усилия к тому, чтобы страдания пациента в достаточной мере не закончились преждевременно. Если благодаря аналитической работе по выявлению и обесцениванию симптомов заболевания страдание пациента уменьшилось, то необходимо восстановить его как-нибудь иначе, например как «чувствительное лишение». В противном случае возникает опасность не достичь большего, чем неустойчивого улучшения. Это связано с тем, что при начальном «расшатывании болезни» вследствие анализа пациент начинает, как правило, создавать себе вместо своих симптомов новые замены удовлетворения, лишенные характера страданий, что приводит к растрате необходимой для продолжения лечения энергии. Кроме того, пациент может искать замещающее удовлетворение в самом лечении, в отношениях

к аналитику и тем самым стремиться вознаградить себя за все лишения возможности удовлетворения желаний. Психоаналитик же, по мнению Фрейда, обязан придерживаться того положения, согласно которому принцип абстиненции должен строго соблюдаться при аналитической работе с пациентами.

Принцип абстиненции был введен Фрейдом в процессе становления психоаналитической техники (от разъяснения смысла симптомов к раскрытию сопротивлений) и ее модификации (в зависимости от формы болезни и преобладающих влечений у пациентов). Так, в докладе «Что ждет в будущем психоаналитическую терапию?», прочитанном им на II Конгрессе психоаналитиков в Нюрнберге в 1910 году, он говорил о необходимости рассмотрения важных, но еще не выясненных вопросов, которые могут возникать при лечении невроза навязчивости. В частности, в поле зрения Фрейда оказались следующие вопросы: в какой степени можно разрешить «некоторое удовлетворение влечений больного», с которыми приходится бороться, и какое создается при этом различие, то есть оказываются ли по своей природе эти влечения активными (садистскими) или пассивными (мазохистскими)?

Ответ на первый вопрос привел Фрейда к выдвижению и отстаиванию принципа абстиненции, который в явной форме был сформулирован им в статье «Заметки о любви-переносе» (1915). Однако в своей речи «Пути психоаналитической терапии», произнесенной на V Психоаналитическом конгрессе в Будапеште в 1918 году, он заметил, что в зависимости от природы заболевания и от особенностей пациента «ему можно позволить кое-что». При этом Фрейд подчеркнул: если из полноты своего отзывчивого сердца аналитик будет отдавать пациенту все, что человек может получить от другого, то он допустит такую же экономическую ошибку, в которой повинны неаналитические санатории для нервнобольных, создающие для их обитателей благоприятные условия, в результате чего нервнобольные ищут в них новое убежище от тягот жизни. В процессе же аналитического лечения у пациента должно, по мнению Фрейда, оставаться много неисполненных желаний. Причем целесообразно отказывать пациенту именно в таком удовлетворении, которое он больше всего желает и настойчивее всего выражает.

Таким образом, общая позиция Фрейда сводится к тому, что психоаналитическое лечение должно осуществляться в ситуации отказа. Логика его размышлений о принципе абстиненции основывается на том, что коль скоро отказ человека от удовлетворения какого-то желания привел к образованию у него невротического симптома, то и поддержание отказа на протяжении всего курса лечения пациента может служить мотивом для его желания выздороветь.

Несмотря на изменения техники анализа, принцип абстиненции оставался важным и существенным в классическом психоанализе. Фрейд не поддержал идею «активного анализа», выдвинутую в середине 20-х годов Ранком и Ференци. Более того, в начале 30-х годов он выступил против нововведений последнего, предложившего метод «изнеживания», в соответствии с которым аналитик отказывается от «сдержанной холодности», принимает на себя роль «нежной матери», уступает желаниям и побуждениям пациента, то есть не придерживается принципа абстиненции.

Ференци считал, что детство многих невротиков проходило в атмосфере безразличного или сурового отношения матери к ребенку. Отсутствие материнской нежности было одним из травмирующих факторов, сказавшихся впоследствии на невротизации человека. Если в процессе аналитической работы врач обращается с пациентом точно так же, как мать больного обращалась с ним в детстве, лишая его

ласки, поддержки и не допуская никаких поблажек в отношении удовлетворения тех или иных влечений, то тем самым не только не устраняются ранние травмировавшие переживания, но, напротив, они становятся еще более острыми, тяжкими, непереносимыми, усугубляющими невротическое состояние пациента. В этом смысле принцип абстиненции оказывает плохую услугу аналитику, так как не способствует выздоровлению пациента. И если на протяжении долгого времени Ференци поддерживал идею Фрейда о необходимости соблюдения принципа абстиненции, то впоследствии внес такие коррективы, в соответствии с которыми «изнеживающий анализ» стал рассматриваться им в качестве не только приемлемого, но и необходимого средства лечения.

В современной психоаналитической литературе существуют различные точки зрения на необходимость соблюдения принципа абстиненции. Одни психоаналитики придерживаются взглядов Фрейда, считая абстиненцию важной предпосылкой любого аналитического лечения. Другие подвергают сомнению полезность данного принципа применительно ко всем психически больным людям и допускают отступление от него при работе с некоторыми пациентами. Третьи считают, что неустанная абстиненция со стороны аналитика может серьезно исказить терапевтический диалог и способствовать провоцированию конфликтов, обусловленных не столько изначальной психопатологией пациента, сколько жесткой позицией терапевта. Последней точки зрения придерживаются, в частности, Р. Столороу, Б. Брандшафт, Дж. Атвуд, предложившие заменить принцип абстиненции указанием, что аналитик должен руководствоваться текущей оценкой факторов, ускоряющих или сдерживающих изменение субъективного мира пациента. Данная точка зрения нашла отражение в их работе «Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход» (1987).

Изречения

З. Фрейд: «Аналитическое лечение должно по мере возможности проводиться в лишении — при воздержании».

З. Фрейд: «Лечение должно быть проведено в воздержании. Я подразумеваю под этим не только физическое воздержание и лишение всего, чего больной желает, потому что это не перенес бы никакой пациент. Но я хочу выдвинуть основное положение, что необходимо сохранить у больного потребность и тоску как силы, побуждающие к работе и изменению, и не допустить того, чтобы они отчасти были успокоены суррогатами. Ведь нельзя предложить больным ничего, кроме суррогатов, так как вследствие своего состояния, пока не устранены вытеснения, больные не способны получить настоящее удовлетворение».

Стратегия аналитика

Соблюдение принципа абстиненции предполагает решительный отказ от каких-либо послаблений прихотям пациента, тем более от удовлетворения желаний пациента при эротизированном переносе. Казалось бы, наиболее приемлемая стратегия аналитика в подобном случае должна заключаться в том, чтобы «поставить пациента

на место». Воспользовавшись подобной стратегией, аналитик может решительно выступить против соответствующих домогательств со стороны пациента или попытаться наставить его на праведный путь. Он может, например, заявить, что если пациент будет проявлять свои нежные чувства по отношению к нему, то он прекратит его лечение. Или он возьмет на себя менторскую роль, пристыдит пациента за его недостойное поведение и, апеллируя к нравственным нормам, постарается внушить ему мысль о необходимости подавления влечений в процессе аналитической терапии.

Если вовлечение аналитика в интимную связь с пациентом с целью удовлетворения его желаний — это одна крайность, не отвечающая духу психоанализа, то моральное давление на него — другая крайность, также не соответствующая целям и задачам аналитической терапии. Отвержение, например, обаятельной пациентки с угрозой прекращения лечения может быть воспринято ею как недооценка ее как женщины, что может вызвать у нее обиду и агрессию. Это может обернуться тем, что пациентка уйдет из анализа или, оставаясь в нем, настолько замкнется в себе, что возникшая обида окажется камнем преткновения на пути аналитического лечения. В случае морализаторских нравоучений аналитику вряд ли удастся установить доверительные отношения с пациенткой. С одной стороны, подавление влечений может усугубить ее болезненное состояние, поскольку не исключено, что именно на этой почве у нее ранее возникли невротические симптомы. С другой стороны, обвинение в непристойном поведении может вызвать ответную реакцию, в результате которой явная или скрытая обида окажется столь действенной, что перечеркнет все предшествующие достижения анализа, если таковые были, или надежды на благоприятный исход лечения.

И все же подобная стратегия не обязательно приводит аналитика к действиям, которые негативным образом скажутся на пациентке. Не исключен и такой исход, когда в ответ на эротизированный перенос пациентки разовьется негативный контрперенос аналитика. Под воздействием этого контрпереноса аналитик может не только прибегнуть к тактике морального шантажа или нравственного поучения, но и испытать глубокое чувство досады на ее поведение или недоумение по поводу того, что пациентка так несерьезно относится к аналитическому лечению как таковому. Бывает, что, обидевшись на «неразумное» поведение пациентки и не объяснив ей ничего, сам аналитик может прекратить дальнейшее общение с ней. Нечто подобное как раз и имело место в описанном выше случае, когда начинающий аналитик, зная о явлении переноса, тем не менее настолько был внутренне возмущен проявлением нежных чувств пациентки, что прекратил и дальнейшую супервизию, и аналитическую работу с ней.

Очевидно, что если у аналитика-мужчины развивается не негативный, а позитивный контрперенос, а эротизированный перенос пациентки вызывает у него ответные нежные чувства, которые рассматриваются не в качестве трансферных и контртрансферных отношений, а как возникновение подлинной любви, то продолжение анализа становится невозможным. Наилучший исход — продолжение лечения у другого аналитика. Пациент и аналитик, ставшие близкими людьми, могут сочетаться браком, как это имело место в жизни Райха.

Во всех остальных случаях, за исключением навязчиво-откровенного проявления сексуальных притязаний, обусловленных неукротимой потребностью в удов-

летворении необузданной любовной страсти, аналитик обязан продолжать лечение пациента, избегая Сциллы уступок его любовным требованиям и Харибды подавления, вытеснения их. Это не означает лавирование между двумя крайностями, когда аналитик выбирает некий средний путь, то есть идет на необходимый компромисс и как бы включается в игру, сопровождающуюся легким словесным флиртом, но не допускающую какого-либо физического проявления нежности. Подобное лавирование на грани дозволенного волей-неволей превращается в некое притворство, обман со стороны аналитика, что не отвечает сути аналитического лечения. Во-первых, неискренность аналитика может быть раскрыта пациентом, и тогда он не только усомнится в порядочности врача, но и разуверится в психоанализе как таковом. Во-вторых, притворство, обман, ложь — все это не отвечает духу аналитического лечения, ориентированного прежде всего и главным образом на раскрытие истины.

При рассмотрении истоков возникновения психоанализа как раз подчеркивалось, что лечение истиной, а не ложью является характерной чертой психоанализа и одной из особенностей, отличающей его от иных видов терапии. Поэтому лавирование аналитика на грани дозволенного, допускающее возвышающий обман или ложь во спасение, — это вовсе не тот способ терапевтической деятельности, который следует отнести к аналитической работе.

Задача аналитика состоит в том, чтобы, *не уклоняясь от позитивного переноса и в то же время стойко воздерживаясь от проявления ответных чувств на него, сделать его опорой для дальнейшей терапевтической работы*. Аналитик не столько поощряет проявление эротизированного переноса, сколько рассматривает его в качестве искусственно созданного, но неизбежного психического образования. В основе его лежат такие отношения, которые, не будучи реальными, тем не менее играют важную роль в жизни пациента, поскольку уходят своими корнями в прошлое. Благодаря этому переносу в процессе лечения открывается возможность раскрытия перед пациентом того сокровенного и вытесненного из его сознания материала, который предопределяет модель его поведения в любовных отношениях. Осознание ранее вытесненного и понимание того, что перенос выступает в качестве сопротивления, выражающегося в форме влюбленности, и оказывается не чем иным, как воспроизведением предшествующих периодов развития, — очень важный акт. Такое осознание способствует обретению свободы пациента от его инфантильной зависимости и умению провести различия между реальными и воображаемыми объектами любви.

В результате умело используемая аналитическая техника и врачебный долг способствуют обретению пациентом определенного душевного состояния. При этом эротизированный перенос становится трамплином для обретения свободы к проявлению подлинной любви. Аналитик превращается из объекта эротической страсти или нежной привязанности в надежного проводника, с помощью которого пациент осуществляет путешествие из страны воображаемого удовольствия в реальный мир человеческих отношений. В процессе аналитического путешествия по внутреннему миру бессознательного аналитик помогает пациенту обрести уверенность в подлинном понимании собственных чувств и переживаний, в результате чего пациент оказывается способным различать фантазии и реалии жизни, миражи и действительность.

Стало быть, проявляющийся в ходе аналитического лечения перенос не должен превращаться в поле битвы между пациентом и аналитиком, на котором каждый из

них использует свое психическое оружие обмана и самообмана в целях одержать верх над противником. В конечном итоге обоюдный обман и самообман оказываются различными видами сопротивления, не столько смягчающими, сколько обостряющими борьбу между ними. Видимость победы одного над другим на самом деле свидетельствует о поражении обоих. Поскольку, мимикрируя и видоизменяясь, болезнь пациента укрепляет свои позиции, а попытки лечения со стороны аналитика в лучшем случае не достигают успеха, в худшем — активизируют в нем самом те негативные психические проявления, которые, казалось бы, не должны быть свойственны ему как врачу.

Не противоречит ли вышесказанное тому положению Фрейда, согласно которому перенос становится полем битвы, где сталкиваются все борющиеся между собой силы? Надеюсь, нет. Оно не противоречит в том смысле, что основатель психоанализа говорил о поле битвы, на котором перенос оказывается ареной столкновения внутрипсихических сил и процессов, ориентированных на выздоровление пациента и противостоящих ему. Тех сил и процессов, которые оказываются задействованными в недрах психики самого пациента.

Но если вызванная к жизни переносом битва глубинных сил и процессов самого пациента превращается в битву между ним и аналитиком, то вряд ли можно рассчитывать на позитивный результат аналитической терапии. Скорее всего, возобладают тенденции, направленные против излечения пациента. Я не думаю, что Фрейд полагал, будто овладение переносом должно быть непременно ареной борьбы между аналитиком и пациентом. В его работах можно встретить высказывания, согласно которым борьба между врачом и пациентом, между интеллектом и влечениями, между познанием и изживанием разыгрывается исключительно в феноменах переноса. Но это относится к констатации того положения, когда в аналитической ситуации перенос в форме сопротивления выступает в качестве борьбы пациента за сохранение своей болезни. На этой почве действительно может возникнуть искушение противоборства аналитика с пациентом.

На самом деле, аналитик не является противником пациента. Он не борется с ним ни как с больным, не осознающим своего переноса и иных внутренних сопротивлений, ни как с индивидом, которому ничто человеческое не чуждо. *Аналитик — это человек, который на собственном опыте пережил встречу со своим бессознательным* и поэтому знает некоторые типичные рифы и пропасти, имеющие место в психике и способные оказаться непреодолимыми для не посвященного в логику и язык бессознательного. Он протягивает руку помощи пациенту, чтобы, основываясь на аналитической технике, помочь ему осознать его бессознательные силы и процессы, приведшие к бегству в болезнь как к одному, но, к сожалению, не лучшему способу разрешения внутрипсихических конфликтов. Однако он не тянет его насильственно за собой, не борется с ним, когда тот упирается и не хочет идти дальше. Аналитик относится терпимо к слабостям пациента и уважительно к его способу разрешения внутрипсихических конфликтов, приведших к бегству в болезнь. Вместе с тем в процессе аналитической деятельности с сопротивлениями, позитивным и негативным переносом он ведет такую разъяснительную, интерпретационную работу, в результате которой открывает пациенту глаза на иные возможные пути разрешения внутрипсихических конфликтов.

Находясь рядом с пациентом, аналитик не вступает в борьбу ни с пациентом, ни с его заболеванием. Но он оказывает ему техническую и нравственную поддержку

в той борьбе, которая осуществляется в глубинах психики пациента. Он выступает на стороне его внутрипсихических тенденций, ориентированных на выздоровление. Выступает в качестве проводника, способного предупредить пациента о возможных опасностях, подстерегающих его на жизненном пути. В этом смысле аналитик — не борец, прилагающий все усилия к тому, чтобы насильственно сломить пациента, сопротивляющегося своему выздоровлению. Он и не советник, стремящийся своими назиданиями и указаниями на то, как следует вести себя, навязать пациенту те или иные, тем более свои собственные, ценности жизни. *Аналитик — действительно проводник, дающий возможность пациенту опереться на него в трудную минуту, но предоставляющий ему свободу выбора и право самостоятельного решения, какой жизненный путь избрать.* Он — проводник идеи истины, имеющей отношение как к самому себе, так и к обратившемуся к нему за помощью пациенту.

Изречения

З. Фрейд: «Нельзя забывать, что аналитические отношения основаны на любви к истине, то есть на признании реальности, и исключают всякое притворство и обман».

З. Фрейд: «Нужно крепко держаться любовного переноса, но относиться к нему как к чему-то нереальному, как к положению, через которое нужно пройти влечению, которое должно быть сведено к первоначальным источникам своим и которое должно помочь раскрыть сознанию больной самое сокровенное из ее любовной жизни».

Анализ конечный и бесконечный

Развитие психоанализа сопровождалось и до сих пор сопровождается бурными дискуссиями по самым различным вопросам, касающимся его теории и практики. Один из наиболее дискуссионных вопросов, относящихся к практике: что следует считать завершением анализа? Речь идет не столько об эффективности психоаналитической терапии как таковой по сравнению с другими видами терапии, сколько о критериях исцеления и выздоровления пациентов, проходящих курс психоаналитического лечения.

Как определяется завершенность анализа? По состоянию психического самочувствия пациента, который считает себя здоровым по прошествии какого-то срока лечения? С точки зрения аналитика, полагающего, что он сделал все возможное для облегчения страданий пациента? По согласию обоих, пришедших к выводу, что пациент действительно здоров?

Фрейд опубликовал несколько историй болезни, на основании которых можно судить о взглядах основоположника психоанализа на вопрос о завершенности лечения. В случае с Дорой анализ считался незавершенным. Фрейд не имел возможности довести его до конца, поскольку, будучи «пораженным переносом», он не смог предотвратить уход пациентки из анализа, который продолжался всего три месяца. В случае с молодым русским пациентом С. Панкеевым, продолжительность анализа которого составляла четыре года, Фрейд сам определил конечный срок завершения

аналитического лечения. После ухода молодого человека из анализа летом 1914 года он считал пациента, по его собственному выражению, «полностью и окончательно вылеченным».

Впоследствии оказалось, что история болезни Панкеева не получила своего окончательного завершения. По не зависящим от него обстоятельствам, связанным с революционными событиями в России, потерей имущества и утратой семейных связей, через несколько лет ему снова пришлось обратиться за помощью к Фрейду, который на протяжении нескольких месяцев осуществлял дальнейшее психоаналитическое лечение. Прохождение курса лечения было завершено, когда основатель психоанализа вновь признал молодого человека нормальным, уравновешенным, способным к самостоятельной жизни. Но и это нельзя считать окончательным завершением лечения, поскольку на протяжении последующих десятилетий Панкееву неоднократно пришлось обращаться за помощью к психоаналитикам. Фрейд знал об этом и утверждал, что некоторые из приступов болезни его бывшего пациента были связаны с остаточными явлениями переноса. Поэтому нет ничего удивительного в том, что перед основателем психоанализа со всей остротой встал вопрос о критериях завершенности анализа, который и был поднят им в работе «Конечный и бесконечный анализ» (1937). Если говорить о завершенности анализа с формальной точки зрения (прекращение аналитических отношений между врачом и пациентом), то анализ оказывается завершенным, когда по тем или иным причинам пациент прекращает свое лечение или аналитик расстается с ним.

Если говорить о завершенности анализа с содержательной точки зрения, то его окончание подразумевает устранение страданий пациента от невротических симптомов, преодоление страхов, осознание вытесненного и преодоление внутренних сопротивлений в той степени, в какой повторение аналогичных явлений не вызывает у пациента патологического беспокойства. Поскольку психоанализ включает в себя установку на выздоровление пациента, то завершение анализа оценивается именно с содержательной точки зрения.

Казалось бы, критерий завершенности анализа очевиден. Однако подчас к психоанализу предъявляются такие требования, в соответствии с которыми полностью завершенное аналитическое лечение должно гарантировать пациенту абсолютное выздоровление. Оно должно исключать любые повторения, связанные с возможностью ухудшения психического состояния и тем более возникновения какого-либо психического расстройства в ближайшем или отдаленном будущем. Предполагается, что устранение с помощью анализа всех имеющихся у пациента вытеснений и сопротивлений должно привести к абсолютной психической нормальности и только в этом случае психоаналитическое лечение может считаться завершенным. В противном случае речь должна идти о неполном, незавершенном анализе.

Подобное понимание завершенности или незавершенности анализа может поставить под сомнение эффективность психоанализа как такового. Ведь психоаналитическое лечение не дает никакой гарантии относительно того, что у всех прошедших курс аналитической терапии пациентов никогда не будет ухудшаться их психическое состояние или что они навсегда будут застрахованы от каких-либо внутрипсихических конфликтов. Человек — не механическое устройство, которое в случае поломки можно починить в мастерской с гарантией, что в течение года все будет в порядке. Причем даже в случае гарантированного ремонта часов, стираль-

ной машины, холодильника или какого-либо другого устройства, как правило, оговаривается, что гарантия сохраняется при условии, если владелец будет соблюдать определенные условия эксплуатации данного устройства.

Человек живет не в вакууме. Изменяется его окружение, изменяются условия его жизни, изменяется и он сам. Организм человека подвержен различного рода воздействиям, в том числе и патогенным. Его психика не остается «законсервированной», даже если человек прошел курс любой терапии, включая психоаналитическую. Человечество нашло средства лечения ряда инфекционных болезней, которые в прошлые столетия уносили жизни тысячи людей. Однако иммунитет человека против, казалось бы, навсегда преодоленных болезней не исключил того, что те же самые заболевания стали со временем возвращаться в модифицированном виде, не говоря уже о новых, ранее неизвестных миру недугах, подрывающих здоровье многих людей и приводящих их к преждевременной смерти.

Психические расстройства также обретают новые формы своих проявлений, а причины их возникновения многообразны и не сводятся к какому-то единичному, раз и навсегда установленному факту. Если столетие тому назад Фрейду приходилось иметь дело с пациентами, обремененными вытесненной сексуальностью, то в настоящее время многие болезненные переживания человека связаны с утратой смысла жизни, разочарованием в социальных идеалах, страхом перед возможными террористическими актами.

Учитывая происходящие во всем мире изменения (ускоренный темп жизни, компьютеризация, смена ценностных установок, различного рода катастрофы, противостояние религий и цивилизаций), никакая психотерапия, включая психоаналитическую, не может обеспечить человеку стопроцентную гарантию его психического здоровья, не говоря уже об абсолютной нормальности. И если кто-то из психотерапевтов утверждает, что практикуемая им психотерапия наиболее эффективна, способна принести человеку абсолютное выздоровление и заранее предотвратить возможность появления в будущем нежелательных рецидивов, то это является или бессознательным заблуждением, или сознательным надувательством, шарлатанством.

Таким образом, завершенность анализа не следует рассматривать под углом зрения приобретения пациентом иммунитета от каких-либо невротических, психопатологических симптомов. Впрочем, психоанализ на это не претендует. И если кто-либо полагает, что без достижения полного психического здоровья и абсолютной нормальности прохождение психоаналитического лечения является незавершенным, то это свидетельствует в лучшем случае о незнании специфики психоанализа и непонимании его принципов, установок, а в худшем — о невротическом отношении к психоанализу как таковому.

Как-то Ференци упрекал Фрейда в том, что тот не до конца проработал все его комплексы, переносы, а также не обратил внимания на скрытый негативный перенос или не захотел проявлять недружелюбное отношение к нему в процессе анализа. В ответ на эти обвинения основатель психоанализа высказал одно существенное для понимания психоанализа соображение. В одном из своих писем Ференци он заметил, что *задача психоаналитика состоит не в том, чтобы лишить пациента присущих ему комплексов, а в том, чтобы научить его жить с ними, не прибегая при этом к невротическому бегству в болезнь.*

Рассматривая вопрос о завершенности или незавершенности анализа, Фрейд особо подчеркнул, что нормальность в целом — это не что иное, как «идеальная фикция». Психоаналитическая терапия стремится только к такому изменению человека, при котором он все же остается самим собой, со всеми своими страстями и желаниями, влечениями и переживаниями. Но в то же время, и это главное, человек становится способным к переосмыслению предшествующего опыта решения проблем и конфликтов, приведших его к психическому расстройству, и осознанию новых возможностей организации своей жизнедеятельности.

По своим внутренним интенциям психоаналитическое лечение не предусматривает превращения человека в бесчувственный автомат, лишенный каких-либо человеческих страстей вообще. Оно не выступает в качестве технического средства, предназначенного для стерилизации всего и вся ради абсолютной нормальности индивида. Напротив, психоанализ включает в себя установку на пробуждение жизненных сил человека, связанных с устранением шор и иллюзий (включая представления об абсолютной нормальности) и возможностью реализации его естественных желаний с соответствующими огорчениями и радостями, сомнениями и переживаниями. Другое дело, что некоторые психоаналитики интерпретировали и модифицировали основополагающие идеи Фрейда. В результате психоанализ стал ассоциироваться в умах многих людей с терапией, предназначенной для стирания различий между индивидами, лишения их индивидуальности, приглушения страстей, приспособления к тому миру, в котором нет личностей, а есть вещи, объекты, объектные отношения.

В конечном итоге вопрос о завершенности анализа оказывается тесным образом связанным с ответом на другой вопрос: каковы цели аналитической терапии и в чем они конкретно состоят?

Изречения

З. Фрейд: «Каждый нормальный человек нормален лишь в среднем, его Я приближается к Я психотика в той или иной части, в большей или меньшей мере, а степень удаления от одного конца ряда и приближения к другому будет пока для нас мерой того, что мы столь неопределенно назвали “изменением Я”».

З. Фрейд: «Анализ нельзя считать законченным, пока не поняты все неясности данного случая, не заполнены пробелы в воспоминаниях, не найдены поводы к вытеснениям».

З. Фрейд: «Никто не ставит себе целью стереть все человеческие особенности во имя схематической нормальности и не требует, чтобы “основательно проанализированный человек” не испытывал страстей и не переживал внутренних конфликтов. Анализ должен создать наиболее благоприятные психологические условия для функций Я; тем самым его задача была бы завершена».

Цели психоаналитической терапии

Вынесенный в название заголовок может вызвать справедливый вопрос — почему говорится о целях, а не о цели психоаналитической терапии? Казалось бы, любая терапия, включая и психоаналитическую, по определению имеет одну конечную

цель — выздоровление человека, обратившегося за помощью к соответствующему специалисту. И хотя методы лечения могут быть разными, тем не менее конечная терапевтическая цель остается неизменной.

В подобном понимании конечной цели психотерапии есть резон, так как с точки зрения здравого смысла любая терапия предполагает ориентацию на то, чтобы больной человек стал здоровым. Возможно, поэтому в психоаналитической литературе основное внимание акцентируется на переосмыслении концептуальных и инструментальных аспектов психоанализа, в то время как цель аналитической терапии не подвергается сомнению и воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Вместе с тем развитие теории и практики психоанализа с неизбежностью приводит к пониманию того, что постулируемая таким образом цель психоаналитической терапии является скорее нравственным императивом, чем конкретной составляющей аналитического процесса. И дело не только в том, что патология и норма, болезнь и здоровье — относительные понятия, зависящие от индивидуально-личностного и социокультурного видения взаимоотношений между человеком и обществом, и, следовательно, цель терапии не представляется столь однозначной, как это может показаться на первый взгляд. Важно также иметь в виду, что в реальной практической деятельности психоаналитическая терапия является многоцелевой. Не случайно первоначально намеченная Фрейдом цель аналитической терапии корректировалась и изменялась по мере более чем столетнего периода развития психоанализа.

На начальном этапе становления психоанализа целью терапии было освобождение пациента от его защемленных аффектов путем прорыва через инфантильную амнезию к патогенным травмам раннего детства, воспроизведения их в памяти и соответствующего отреагирования. Словом, цель аналитической терапии состояла в освобождении пациента от страданий, возникших вследствие его незнания причинной связи между болезнью и инфантильными переживаниями.

Однако вскоре для Фрейда стало очевидным, что патологическим оказывается не это незнание само по себе, а его причины, кроющиеся во внутренних сопротивлениях пациента и поддерживающие данное незнание. На основе подобного понимания целью аналитической терапии становится преодоление сопротивлений пациента. Если быть более точным, то цель терапии такова: в описательном смысле — восполнение изъянов воспоминаний пациента путем установления утраченных связей между прошлым и настоящим; в динамическом отношении — преодоление в сопротивлении вытеснения.

В соответствии с этой целью в теории психоанализа рассматриваются разнообразные виды сопротивлений, а в практике психоанализа разрабатываются соответствующие техники, способствующие преодолению различных по формам и интенсивности проявлений сопротивлений, включая сопротивление против раскрытия сопротивлений. В рамках постулируемой цели перенос как важная составная часть психоаналитической терапии выступает в качестве сопротивления, и поэтому разрабатываемые техники лечения касаются и сопротивлений, и невроза переноса.

С введением в психоанализ структурных представлений о психическом аппарате, что нашло свое отражение в работе Фрейда «Я и Оно» (1923), целью психоаналитической терапии стало оказание помощи пациенту в устранении дефектов Я, связанных с его защитными механизмами и адаптационными функциями. Психо-

аналитическая максима «где было Оно, должно стать Я» включает в себя методологическую установку на осознание не только вытесненного бессознательного, но и бессознательных чувств вины, не являющихся результатом вытеснения, но оказывающих на человека не менее, а нередко и более патогенное воздействие.

Акцент многих психоаналитиков на объектных отношениях и механизмах защиты Я способствовал созданию разнообразных психоаналитических техник. Они предназначались для выявления раннеинфантильных (не только эдипальных, но и доэдипальных) патогенных состояний, преодоления сопротивлений пациентов и разрешения невроза переноса. Одновременно происходило изменение цели терапии. В результате практика психоанализа стала больше ориентироваться на структурные изменения в психике пациента, предполагающие его нормальную с точки зрения существующих экономических, политических и социокультурных условий адаптацию к жизни. Эта тенденция нашла свое отражение как в «психологии Я», представленной работами А. Фрейд, Х. Гартмана и других аналитиков, так и в «психологии Самости», разработанной Х. Кохутом и его последователями.

Похоже, что на современном этапе развития психоанализа психоаналитическая терапия довольствуется именно этой целью. Впрочем, большего от нее и не требуется по отношению к тем пациентам, у которых внутриличностные конфликты оказываются результатом пониженной или нарушенной адаптационной способности Я.

Но аналитику приходится иметь дело и с такими пациентами, внутриличностные переживания которых обусловлены индивидуальными особенностями, не вписывающимися в рамки схематической нормальности. По крайней мере, с точки зрения общества, официальных медицинских учреждений и тех специалистов, включая аналитиков, к которым они обращаются в надежде на облегчение их страданий. Очевидно, что при работе с подобными пациентами ориентация аналитика на структурные изменения Я с целью нормального функционирования в жизни в лучшем случае может привести к разочарованию их в психоанализе. Ведь адаптация к социокультурному миру не представляется для этих пациентов столь проблематичной, как это может показаться на первый взгляд. В худшем же случае психоаналитическая работа приведет к нивелировке их индивидуальных особенностей до схематической нормальности, в результате чего они окажутся здоровыми с точки зрения общества, но несостоявшимися людьми в плане возможной реализации присущих им уникальных задатков, способностей и дарований.

Психоаналитику приходится иметь дело иногда и с такими пациентами, заболевание которых оказывается не только лучшим, но порой единственным способом их существования в условиях жизни, порождающих и постоянно воспроизводящих невыносимые конфликтные ситуации. В этом случае нацеленность аналитической терапии на обретение человеком адаптационных способностей в существующих условиях жизни может привести к тому, что его исцеление окажется неоправданной жертвой, более тяжкой и невыносимой, чем прежнее заболевание.

Таким образом, следует, по всей видимости, говорить не о единственной, пригодной на все случаи жизни цели аналитической терапии, а о ее целях, которые меняются в зависимости от индивидуально-личностных особенностей пациентов и их конкретных исторических условий жизни. Строго говоря, речь идет не о целях аналитической терапии, а о целях аналитика, предопределяющих направление его терапевтической деятельности не вообще, а при работе с теми или иными пациентами, каждый из которых является уникальной личностью.

Это означает, что аналитик не должен быть фанатиком достижения цели нормальности и здоровья, представления о которых он почерпнул из контекста навязанных ему извне стереотипов мышления и поведения, а также опыта собственной жизни и учебного анализа. Напротив, ему следует с настороженностью отнестись к возможности оказаться в плену социокультурных и профессиональных установок. Ведь следование им способствует не только оказанию эффективной помощи тем, кто спасается от бремени жизни бегством в болезнь, но и возникновению распространенного нынче заболевания, сопровождающегося «бегством в здоровье». Во всяком случае, чтобы не стать жертвой своего нарциссического Я, развивающегося по мере упования на собственные терапевтические достижения и успехи, аналитику стоит задуматься: а не оказывается ли осуществляемая им психоаналитическая терапия таковой, что исцеление пациента в действительности оборачивается для него, как, впрочем, и для самого аналитика, постаналитической паранойей.

Не претендуя на полноту охвата всех целей, которые могут быть положены в основу терапевтической деятельности аналитика, сформулирую только некоторые из них, представляющиеся мне наиболее значимыми.

- Во-первых, целью психоаналитической терапии является не столько излечение, которое подчас осуществляется само по себе или, напротив, оказывается проблематичным и недостижимым, сколько облегчение страданий пациентов. В этом смысле следует с пониманием отнестись к высказыванию Фрейда, повторившего изречение одного мудрого врача: «Я облегчаю, Бог излечивает».
- Во-вторых, цель психоаналитической терапии заключается не столько в освобождении пациента от отдельного невротического симптома, аномалий характера или болезни в целом, сколько в изменении его взглядов на окружающий мир, других людей, самого себя и свое заболевание. Причем цель терапии заключается не в структурной модификации психики пациента, сознательно или бессознательно навязанной аналитиком в процессе лечения, а в предоставлении ему возможности внутреннего выбора жизненных ориентиров, способных изменить его образ мышления и поведения.
- В-третьих, цель психоаналитической терапии состоит не в излечении любой ценой, в том числе ценой устранения душевных переживаний, возникающих у человека в связи с его внутрипсихическими конфликтами, а в пробуждении его конструктивного потенциала, ориентированного на развитие Самости, способности к сопереживанию и состраданию, потребности в сопричастности с жизнью.
- В-четвертых, цель психоаналитической терапии — не столько разрешение внутрипсихических конфликтов, сколько создание психологических предпосылок для становления человека зрелым, самостоятельным, способным творчески решать возникающие перед ним проблемы и нести ответственность за свои решения.

Изречения

З. Фрейд: «Цель наших усилий мы можем сформулировать по-разному: осознание бессознательного, уничтожение вытеснений, восполнение амнестических пробелов — все это одно и то же».

З. Фрейд: «Ему (врачу. — *В.Л.*) не пристало играть роль фанатика здоровья вопреки всем жизненным ситуациям, он знает, что в мире есть не только невротическое бедствие, но и реальное нескончаемое страдание, что необходимость может потребовать от человека пожертвовать своим здоровьем, и он знает, что такой жертвой одного человека часто сдерживается бесконечное несчастье многих других. Если можно сказать, что у невротика каждый раз перед лицом конфликта происходит бегство в болезнь, то следует признать, что в некоторых случаях это бегство вполне оправданно, и врач, понявший это положение вещей, молча отойдет в сторону, щадя больного».

Контрольные вопросы

1. В чем состоит основное техническое правило психоанализа?
2. Что такое абстиненция?
3. Какова стратегия аналитика при эротизированном переносе?
4. Когда можно говорить о завершении анализа?
5. Достижимо ли абсолютное здоровье?
6. Чем не является психоанализ?
7. В чем состояли изменения психоаналитической техники с точки зрения устранения психических расстройств?
8. Каковы цели психоаналитической терапии?

Рекомендуемая литература

1. *Гринсон Р.* Техника и практика психоанализа. М., 2003.
2. *Лейбин В.М.* Возмездие фаллоса: Психоаналитические истории. М., 2012.
3. *Лейбин В.М.* Превратности любви: Психоаналитические истории. М., 2022.
4. *Лейбин В.М.* Психоанализ: проблемы, исследования, дискуссии. М., 2008.
5. *Нюнберг Г.* Принципы психоанализа и их применение к лечению. М., 1999.
6. *Сандлер Дж., Дэр К., Холдер А.* Пациент и психоаналитик: Основы психоаналитического процесса. М., 2007.
7. *Столороу Р., Брандшафт Б., Атвуд Дж.* Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход. М., 1999.
8. *Феничел О.* Проблемы психоаналитической техники // Психоаналитический вестник, 1999. № 7 (1).
9. *Ференци Ш.* Теория и практика психоанализа. М., 2000.
10. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М., 2015.
11. *Фрейд З.* Конечный и бесконечный анализ // «Конечный и бесконечный анализ» Зигмунда Фрейда. М., 2016.
12. *Фрейд З.* Советы врачу при психоаналитическом лечении // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск, 1997.
13. *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. Т. 1. Теория. М., 1996.
14. *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. Т. 2. Практика. М., 1996.

Часть 4

НЕКЛИНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОАНАЛИЗА

Глава 14

ПСИХОАНАЛИЗ РЕЛИГИИ

Религия как универсальный невроз

При работе с пациентами аналитику так или иначе приходится соприкасаться с религиозной проблематикой.

Во-первых, на прием к аналитику приходят люди с различной мировоззренческой ориентацией и, следовательно, для установления доверительных отношений с пациентами аналитик обязан иметь представление и о психоаналитическом подходе к религии, и о религиозном взгляде на жизнь.

Во-вторых, независимо от мировоззренческой ориентации того или иного пациента, как, впрочем, и самого аналитика, соответствующая проработка получаемого на аналитических сессиях материала заведомо предполагает вторжение в религиозную проблематику. Ведь обсуждение таких вопросов, как возникновение чувства вины, тирания совести, карающие функции Сверх-Я, невротический страх, тесно связано с религиозными сюжетами, или, точнее говоря, непосредственно входит в сферу религии.

В-третьих, при работе с пациентами, страдающими неврозом навязчивых состояний, приходится иметь дело с такими защитными механизмами, которые прямо или опосредованно связаны с разнообразными формами суеверия и мистического мышления.

На основе собственного опыта работы с пациентами могу подтвердить, что, независимо от религиозной или атеистической позиции аналитика, ему приходится вторгаться в сферу религии, обсуждать религиозные темы или, во всяком случае, принимать во внимание религиозные убеждения тех, кто приходит к нему на прием. Все это предполагает понимание того, как и каким образом в психоанализе трактуется религиозная проблематика. Во всяком случае, как в клиническом отношении,

так и в прикладном неклиническом ракурсе важно рассмотрение метапсихологических проблем, в свое время поставленных Фрейдом и в той или иной степени находящих отражение в современном психоанализе.

Во многих своих работах Фрейд уделил значительное внимание осмыслению религиозной проблематики. Первоначально сущность и происхождение религии рассматривались им в связи со сравнительным анализом неврозов навязчивости и отправлением верующими людьми религиозных обрядов. В работе «Навязчивые действия и религиозные обряды» (1907) он высказал мысль, что оба этих явления при всей их разноплановости в скрытой форме включают в себя подавление бессознательных влечений человека. Иными словами, в основе этих явлений лежит воздержание от непосредственного удовлетворения природных, главным образом сексуальных влечений, что и определяет их сходство. Отсюда его вывод, согласно которому навязчивые действия, навязчивый невроз можно рассматривать как патологическую форму развития религии и определять невроз как индивидуальную религиозность, религию как всеобщий невроз навязчивых состояний.

Этот вывод был подготовлен предшествующим размышлением Фрейда о сходстве между паранойей и суеверием, нашедшим отражение в более ранней его работе «Психопатология обыденной жизни» (1901). Размышляя по этому поводу, он писал, что различие между смещениями, происходящими у параноика и суеверного человека, не так велико, как это кажется на первый взгляд. Двадцать четыре года спустя, ссылаясь на раннюю работу «Навязчивые действия и религиозные обряды», в своей «Автобиографии» Фрейд подчеркнул, что ранее охарактеризовал вынужденный невроз как искаженную личную религию, а религию, так сказать, как универсальный вынужденный невроз.

С психоаналитической точки зрения Фрейда, религия выступает как защитная мера человека против своих собственных бессознательных влечений. В религиозных верованиях они получают иносказательную форму удовлетворения, благодаря чему внутрипсихические конфликты личности, столкновения между сознанием и бессознательным утрачивают свою остроту. Такое понимание религии совпадало с ранней фрейдовской трактовкой культурного развития человечества, согласно которой в основе прогресса культуры лежит внешнее и внутреннее подавление сексуальных влечений человека. Фрейд утверждал, что часть процесса подавления бессознательных влечений совершается в пользу религии. Ее разнообразные обряды и ритуалы символизируют отречение человека от непосредственных чувственных удовольствий, чтобы затем приобрести умиротворение и блаженство в качестве воздаяния за воздержанность от плотских наслаждений.

Под этим же углом зрения Фрейд рассматривал древние религии, в которых многое из того, в чем себе отказывал человек, было передано Богу и разрешалось только во имя Бога. Исповедующие эти религии древние народы как бы находили самих себя, хотя в их сознании присутствовал лишь образ Бога. Они будто бы проецировали вовне свою внутреннюю бессознательную мотивировку, наделяя Бога собственными внутрипсихическими качествами. Словом, в основу психоаналитического понимания религии Фрейдом была положена способность человека к вытеснению, сублимированию бессознательных влечений, проецированию их вовне и символическому удовлетворению социально неприемлемых, запретных желаний.

В работе «Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве» (1910) Фрейд делает следующий шаг в понимании религии. Прежде всего, он усматривает тесную связь между комплексом отца и верой в Бога. По его убеждению, наработки в сфере психоанализа показали, что личный Бог — не что иное, как возвеличенный отец. Кроме того, размышления о природе и сущности религии привели его к выдвижению идеи, согласно которой возникновение религиозности связано с длительной беспомощностью человека, от рождения нуждающегося в защите и покровительстве. И наконец, в этот период Фрейд высказал нетривиальную мысль о том, что религия как бы защищает верующего человека от невроза. В свете данных психоанализа это утверждение нуждается в пояснении.

В самом деле, разве психоаналитикам не приходилось иметь дело с пациентами, придерживающимися религиозных верований и тем не менее страдающими психическими расстройствами? Разве среди верующих нет невротиков, не обязательно обращающихся за помощью к психоаналитикам, но тем не менее являющимися таковыми?

Религия действительно обладает защитными функциями, однако, как показывают жизнь и аналитическая практика, она не может застраховать целиком и полностью верующего человека от возможных соскальзываний в лоно невротического расстройства. Религиозная исповедь предназначена для снятия внутриличностных конфликтов верующего человека, и в этом смысле она имеет свое терапевтическое значение. И тем не менее, даже получая отпущение грехов, не все верующие оказываются в состоянии избавиться от различного рода страхов или от ночных кошмаров, связанных, например, с их прегрешениями в сновидениях. Разумеется, речь идет вовсе не о том, чтобы вместо религиозной исповеди верующие люди непременно обращались к психоанализу. Как говорится, богу богово, а кесарю кесарево. И религиозная исповедь, и психоанализ по-своему могут помочь тем, кто обращается к ним за помощью в надежде разрешить свои внутриличностные конфликты.

Говоря о том, что религия защищает верующего человека от невротического заболевания, Фрейд одновременно пришел к убеждению, что религия становится как бы универсальным неврозом. Конечно, можно не соглашаться с подобным утверждением, претендующим на предельное обобщение. Тем не менее в размышлениях Фрейда о религии под этим углом зрения содержится мысль о том, что, спасаясь от индивидуального невроза и не подозревая ни о чем, верующий человек может оказаться во власти так называемого коллективного невроза. Это проявляется в одержимости какой-либо религиозной идеей и агрессивном отношении к инакомыслящим, иноверующим, вплоть до разжигания ненависти к ним, способной обернуться насилием, терроризмом, убийством ни в чем не повинных людей.

Давая психоаналитическое объяснение религии, Фрейд исходил из того, что корни религиозной потребности лежат в комплексе родителей. Интересно отметить, что, хотя представления об эдиповом комплексе имелись у Фрейда еще в 1897 году, о чем свидетельствуют его письма к Флиссу, сам термин был использован им только в 1910 году. Причем именно в этот период времени он соотнес родительский комплекс с религией, что нашло свое отражение в работе о Леонардо да Винчи. Год спустя Фрейд использовал термин «эдипов комплекс» непосредственно по отношению к религии, полагая, что в этом комплексе кроется корень религиозных чувств.

В 1913 году вышла в свет книга Фрейда «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии», в которой он предпринял попытку осмысления с позиций психоанализа психологии народов. И если в работе «Навязчивые действия и религиозные обряды» Фрейд провел аналогию между неврозом и религиозными ритуалами, то в книге «Тотем и табу» он показал значение параллелизма онтогенетического и филогенетического развития в душевной жизни, а также выявил сходства между невротиком и первобытным человеком, сведя то общее, что имеется между ними, к инфантилизму.

Изречения

З. Фрейд: «Можно было бы смотреть на навязчивый невроз как на патологическую копию религии, определить невроз как индивидуальную религиозность, религию как всеобщий невроз навязчивых состояний».

З. Фрейд: «Значительная доля мифологического миросозерцания, простирающегося даже и на новейшие религии, представляет собой не что иное, как проецированную во внешний мир психологию».

З. Фрейд: «Защиту от невротического заболевания, которую религия предоставляет верующим, легко объяснить тем, что она лишает их комплекса родителей, от которого зависит сознание вины как индивида, так и всего человечества, и уничтожает его у них, тогда как неверующий вынужден в одиночку справляться с этой задачей».

Тотем, табу и невроз

При осмыслении психологии первобытной культуры и религии Фрейд исходил из того, что психоаналитическое исследование с самого начала указывало на аналогии и сходства результатов его работ в области душевной жизни отдельного индивида с результатами исследования психологии народов.

Используя доступный для анализа в то время этнографический материал и опираясь на работу Дж. Фрэзера «Тотемизм и экзогамия» (1910), он рассмотрел проблему боязни инцеста у дикарей и подчеркнул, что с позиций психоанализа страх перед инцестом представляет собой типичную инфантильную черту и свидетельствует об удивительном сходстве с душевной жизнью невротиков. Дикие народы чувствовали угрозу в инцестуозных желаниях человека и поэтому прибегали к строгим мерам их предупреждения. Впоследствии эти инцестуозные желания стали бессознательными, оказывающими воздействие и на современного человека.

Как показал психоанализ, первый сексуальный объект ребенка всегда инцестуозен, то есть направлен на запрещенные объекты, на мать или отца. У невротика наблюдается проявление психического инфантилизма. В его бессознательном главную роль играют инцестуозные фиксации либидо. Но открытия психоанализа в этой области встречают недоверие среди взрослых нормальных людей. Это объясняется тем, что подобное неприятие оказывается прежде всего продуктом отвращения людей к их собственным прежним, имевшим место в первобытном обществе, но вытесненным затем инцестуозным желаниям. Таковы, по мнению Фрейда, исторические сходства между дикарем и невротиком.

В поле зрения основателя психоанализа оказалась также проблема табу и амбивалентности чувств. Обычно табу рассматривается как нечто святое, освященное, с одной стороны, и опасное, запретное, с другой стороны. Запрещения морали и обычаев, которым подчиняется современный человек, могут иметь нечто родственное примитивному табу, которому следовали в древности. Обращая внимание на это обстоятельство, Фрейд предположил, что объяснение табу могло бы пролить свет на темное происхождение нашего собственного категорического императива. Того категорического императива, природу которого ранее пытался понять немецкий философ И. Кант и о котором позднее размышлял основатель психоанализа, введя в свои объяснительные конструкции представление о Сверх-Я.

Критически рассмотрев взгляды различных авторов, особенно немецкого философа и психолога В. Вундта, на природу и происхождение табу, Фрейд указал на бросающееся в глаза сходство между навязчивыми запрещениями у нервнобольных и табу древних людей. Это сходство состоит, по его мнению, прежде всего в том, что оба явления мотивированны, загадочны по своему происхождению и возникают вследствие непреодолимого страха. Навязчивые запрещения и запреты табу ведут к воздержанию и ограничениям в жизни, частичное преодоление которых осуществляется на путях совершения ритуалов, церемониалов, навязчивых действий. И в том и в другом случае у человека наблюдается амбивалентность, то есть двойственность чувств.

Так, типичная история болезни, связанная со страхом прикосновения к чему-либо, свидетельствует о том, что в раннем детстве человек испытывал сильное чувство наслаждения от прикосновения к своим половым органам. При этом извне (со стороны взрослых) был наложен запрет на это прикосновение, однако влечение к получению удовольствия от прикосновения не исчезло у ребенка, а оказалось вытесненным в бессознательное. Одновременно сохранились и влечение, и его запрещение, создалась и закрепилась психическая фиксация, из постоянного конфликта между влечением и запрещением образовался симптом, проявившийся в навязчивом действии по отношению к чему-то другому, скажем в потребности в постоянном мытье рук, когда удовлетворение влечения и запрещения переместилось с одного объекта на другой. Точно так же и табу, по мысли Фрейда, представляет собой древние запреты, извне наложенные на ту деятельность первобытных людей, к которой у них была большая склонность. Примитивные люди имели амбивалентное отношение к запретам табу. В бессознательном они хотели нарушить их, чтобы вновь испытать первоначальное наслаждение от своих действий, но в то же время боялись совершить это, поскольку их страх был сильнее наслаждения. В основе табу лежало воздержание.

Рассматривая древние запреты, Фрейд пришел к выводу, что наиболее важные из них составляют два основных закона тотемизма, а именно не убивать животное, ставшее тотемом, и избегать полового общения с родственными по тотему представителями другого пола. И то и другое представляют собой наиболее сильные соблазны людей, что непросто понять и объяснить. Однако, по выражению Фрейда, кому известны результаты психоаналитического исследования отдельного человека, тому уже сам текст этих обоих табу и их совпадение напомнят то, что психоаналитики считают центральным пунктом инфантильных желаний и ядром неврозов.

Многие из тех, кто подверг резкой критике взгляды Фрейда на религию, включая происхождение тотемизма, апеллировали к тому, что он неправомерно провел ана-

логию между табу и неврозом навязчивости. При этом вне поля зрения оставалось, как правило, то обстоятельство, что основатель психоанализа обращал внимание не только на сходство, но и на различие между ними. Во всяком случае, не кто иной, как он сам недвусмысленно подчеркнул, что табу не невроз, а социальное явление.

В понимании Фрейда, различие между табу и неврозом связано по меньшей мере с двумя обстоятельствами.

Во-первых, если примитивный человек боится наказания за нарушение табу, воспринимаемого им в форме возможного заболевания или смерти, то принужденный к совершению запрещенного деяния страдающий неврозом навязчивости больной боится наказания не за самого себя, а за другое лицо, как правило самое любимое и дорогое ему. То есть если примитивный человек ведет себя как эгоист, то невротик — как альтруист. Другое дело, что благородство невротика не первично и его нежно альтруистический невроз служит компенсацией лежащей в основе его противоположной направленности — жестокого эгоизма.

Во-вторых, несмотря на формальное сходство табу со страхом прикосновения невротиков, при табу запретное прикосновение имеет как бы общее значение (нельзя прикасаться к вождю, к какому-то предмету), в то время как при неврозе речь идет о сексуальном влечении (запрещении сексуального прикосновения), отклоняющемся от первичной своей цели и переносящемся на другие. То есть если в табу преобладают социальные влечения, представляющие собой слияние эгоистических и эротических компонентов, то в неврозе проявляются главным образом сексуальные влечения. С точки зрения Фрейда, табу — социальное явление, а невроз — асоциальное образование, поддерживаемое средствами индивида.

В работе «Тотем и табу» основатель психоанализа обратился также к рассмотрению анимизма (первого миросозерцания, предшествующего религии и науке), магии и всемогущества мысли. Он показал, что в анимизме и магии господствует «всемогущество мыслей». Последний термин Фрейд почерпнул из общения со страдающим навязчивыми представлениями пациентом, который избрал термин «всемогущество мыслей» для обозначения доставляющих ему мучения странных, непонятных и жутких процессов, которые вели к возникновению у него различного рода суеверных предположений. Так, если пациент спрашивал кого-либо о своем знакомом, с которым давно не встречался, то неизменно узнавал, что тот умер, и у него возникало предположение, что покойник напоминает о себе путем телепатии. Это всемогущество мыслей, от которых будто бы зависит реальность, оказывает значительное влияние на жизнь невротика. В своем проявлении суеверия и в манере поведения он оказывается близок дикарю, пытавшемуся при помощи своих мыслей, магии и колдовства изменить внешний мир.

В связи с рассмотрением Фрейдом анимизма, магии и всемогущества мыслей интересно отметить тот ход его рассуждений, благодаря которому постепенно вызревали и развивались те или иные психоаналитические идеи. Речь идет, в частности, о его представлении о нарциссизме, нашедшем отражение в работе «Тотем и табу». Так, в этой работе он писал о том, что психоаналитические исследования показали необходимость ввести наряду со стадией аутоэротизма и стадией выбора объекта третью, промежуточную стадию, характеризующуюся слиянием отдельных сексуальных влечений в одно целое, когда сексуальным объектом для человека становится не другое лицо, а его собственное Я. Принимая во внимание патологическую

фиксацию этого состояния, Фрейд назвал данную стадию нарциссической. Рассматривая ее специфику, он не только соотнес нарциссизм с всемогуществом мыслей у примитивных людей и невротиков, но и попытался провести параллель между ступенями развития человеческого миросозерцания и стадиями сексуального развития индивида. Согласно его представлениям, анимистическая фаза соответствует нарциссизму, религиозная фаза — стадии выбора объекта любви, характеризующегося привязанностью к родителям, а научная фаза — состоянию зрелости человека, отказывающегося от принципа удовольствия, приспосабливающегося к реальности и находящего свой объект во внешнем мире. В 20-е годы, особенно в работе «Будущность одной иллюзии», эти идеи получили свое дальнейшее развитие в плане выявления различий между религией и наукой.

Завершая свое исследование в работе «Тотем и табу», Фрейд попытался глубже понять истоки возникновения религии и с этой целью изложил свои соображения по проблеме инфантильного возвращения тотема. Он рассмотрел существовавшие в то время теории происхождения тотемизма — номиналистическую (по наименованию), социологическую, психологическую. Основываясь на психоаналитических исследованиях фобий детей, включая собственный случай маленького Ганса и клинические случаи, представленные Абрахамом (ребенок, испытывавший страх перед осой) и Ференци («маленький петушатник» Арпад, воспроизводящий в своем поведении манеры кур и петуха), Фрейд высказал предположение, согласно которому в фобиях животных у детей вновь повторяются некоторые черты тотемизма, а тотемистическая система произошла из условий комплекса Эдипа. Опираясь на представления Ч. Дарвина о первобытной орде, Р. Смита о происхождении жертвенных трапез и Дж. Аткинсона о циклопической семье, он предложил психоаналитическую гипотезу, объясняющую начало возникновения религии и культуры.

В соответствии с этой гипотезой, в первобытной орде управлял жестокий праотец, обладавший единоличной властью над детьми и женщинами, насильственно подавлявший все попытки его сыновей вмешаться в его управление или изгонявший их из орды. Однажды изгнанные братья объединились между собой, убили и съели своего отца, положив тем самым конец отцовской орде. Ранее они завидовали и боялись праотца. Они находились во власти тех же амбивалентных чувств, которые наблюдаются у современных детей и у невротиков, то есть одновременно ненавидели и любили отца. Теперь же в акте поедания они как бы отождествились с ним и присвоили себе часть его силы. Но, утолив свою ненависть и отождествившись с ним, братья оказались во власти нежных чувств, что породило раскаяние и сознание вины. Они попали в такую психологическую ситуацию, когда под воздействием нежных чувств сами наложили запрет на то, чего так усиленно добивались раньше. В результате осуществления психологического сдвига сыновья на место отца поставили тотем, объявили недопустимым убийство этого тотема как заместителя отца и отказались от освободившихся женщин. Так из сознания вины сына перед отцом были созданы два основных табу тотемизма: запрет на убийство животного-тотема и запрещение инцеста. Последнее имело важное практическое значение, поскольку способствовало сохранению человеческой организации. Первое сопровождалось попыткой создания религии.

Исходя из психоаналитического понимания возникновения тотемизма, Фрейд представил следующую картину становления религиозного верования. К религиоз-

но обоснованному запрещению убивать тотем присоединяется социально обоснованное запрещение убивать брата, что со временем перерастает в заповедь «Не убий». Каждый создает бога по образу своего отца, и бог является не чем иным, как «превознесенным отцом». Тотем был первой формой замены отца, бог — позднейшей, где отец снова приобрел человеческий образ. В дальнейшем развитии религии сохраняется амбивалентность, находящая свое отражение в том, что наряду с сознанием вины сына продолжает существовать сыновнее сопротивление, стремление сына занять место бога-отца. В христианском учении человечество признается в преступном деянии доисторического времени, поскольку искупление его нашло свое отражение в жертвенной смерти сына. Наряду с отцом, сын стал богом, а потом и заменил его, в результате чего «религия сына» сменила «религию отца». Древняя тотемистическая трапеза ожила как причастие, в котором братья вкушают плоть и кровь сына, а не отца.

Выдвинутые Фрейдом представления об истоках возникновения религии вызвали критическое отношение не только у представителей официальной церкви, но и у ряда его последователей, первоначально разделявших взгляды основателя психоанализа, но впоследствии разошедшихся с ним по идейным соображениям, включая те, согласно которым он не понял природу религиозных верований. Среди различного рода аргументов выдвигались соображения о неприемлемости слишком широких обобщений, к которым прибегнул Фрейд в работе «Тотем и табу».

Фрейд не скрывал того, что им были сделаны широкие обобщения. Более того, в конце своей работы он заметил, что чувствует некоторую неуверенность в своих исходных положениях и неудовлетворенность от достигнутых результатов. Однако без подобной смелости в выдвижении гипотез, с которыми выступают исследователи, включая Фрейда, вряд ли возможен прогресс в наших знаниях.

Неправдоподобной, шокирующей, а возможно, наивной может выглядеть реконструкция Фрейдом истории отцеубийства со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе возникновения религии на основе осознанного сыновьями чувства вины за совершенное ими реальное преступление. Ведь данные психоанализа свидетельствуют о том, что для невротиков определяющее значение имеет скорее психическая реальность, нежели те действительные события, которые вовсе не обязательно могут происходить в жизни человека. В свое время, то есть в период становления психоанализа, Фрейд это осознал и на этом основании отказался от первоначально выдвинутой им гипотезы о совращении ребенка. Поэтому, по аналогии с невротиками, к которой он прибегнул при рассмотрении истории развития человечества и возникновения религии, можно было бы исторически сохранившуюся правду, по-своему воспроизводимую в исследованиях Ч. Дарвина, Р. Смита и Дж. Аткинсона, принять за вымысел. Или, по крайней мере, можно было бы рассматривать те мысли и чувства, которые могли быть у примитивных людей на заре становления человечества, как не воплощенные в реальность. Правда, при этом не менялась бы общая картина психоаналитического представления о возникновении религии, поскольку, по аналогии с невротиком, наличия враждебных импульсов сыновей по отношению к праотцу и их фантазий о его убийстве вполне достаточно для того, чтобы из бессознательного чувства вины вывести возникновение тотема и табу. Зато можно было бы избежать упреков по поводу того, что основателем психоанализа выдвинута нереальная и этически оскорбляющая достоинство человека гипотеза об отцеубийстве, имевшем место в далеком прошлом человечества.

Но, будучи неизменным поборником истины в исследовательской и терапевтической деятельности, Фрейд последовательно отстаивал те представления, которые порой не только не работали на психоанализ, а, напротив, вызывали различного рода вопросы и сомнения. К подобным представлениям как раз и относились взгляды Фрейда на реальность некогда произошедшего, как он называл, «великого события» в истории человечества — отцеубийства в первобытной орде детьми их свирепого и ревнивого праотца. Не случайно, взвесив все аргументы за и против, а также исходя из того, что в отличие от невротика примитивный человек немедленно превращал свои мысли в действие, основатель психоанализа оставил за собой право отстаивать допущение, согласно которому у примитивных людей психическая реальность первоначально совпала с фактической реальностью и отцеубийство имело место быть в истории человечества. Поэтому, завершая работу «Тотем и табу» и, по его собственному признанию, не будучи сам вполне уверенным в несомненности своего суждения, Фрейд тем не менее полагал, что к рассмотренному им случаю можно применить слова: «В начале было дело».

Изречения

З. Фрейд: «Всякий, кто подходит к проблеме табу со стороны психоанализа, то есть исследования бессознательной части индивидуальной душевной жизни, тот после недолгого размышления скажет себе, что эти феномены ему не чужды».

З. Фрейд: «Тотемистическая религия произошла из сознания вины сыновей как попытка успокоить это чувство и умилостивить оскорбленного отца поздним послушанием. Все последующие религии были попытками разрешить ту же проблему».

Происхождение и сущность религиозных представлений

В 20–30-е годы Фрейд внес уточнения в те или иные аспекты психоаналитического понимания религиозных верований, но его гипотеза об отцеубийстве в первобытной орде, положившем начало религии, этики и общества, не претерпела изменений. При этом он усилил свое критическое рассмотрение религии как таковой, исходя из того, что ее красота не имеет отношения к психоанализу.

Прежде всего следует иметь в виду, что Фрейд подходил к рассмотрению религиозных верований и религии в целом с психологической, точнее, психоаналитической точки зрения. Именно под этим углом зрения он пытался раскрыть как истоки возникновения и природу религии, так и особую ценность религиозных представлений для человека и человечества. Поэтому нет ничего удивительного, что в работе «Будущее одной иллюзии» (1927) он предпринял попытку освещения того вопроса, как и каким образом замена естествознания, связанного с отношением человека к природе и его защитой от превратностей судьбы, психологией, сопряженной с очеловечиванием природы, привела к возникновению религиозных верований, имеющих вполне определенное психологическое значение для людей.

В понимании Фрейда, жестокая и неумолимая природа противостоит своей мощью человеку, постоянно испытывающему тревогу и различного рода переживания в связи с ущемлением его естественного нарциссизма. Защищаясь от природы, человек стремится очеловечить, персонифицировать ее, чтобы по своему образу и подобию видеть в ней не безличные силы, а те, которые таятся в его собственной душе. Очеловечение, персонификация природы в какой-то степени способствуют избавлению человека от своей беспомощности, поскольку с силами природы можно говорить как с живыми существами, задабривая их, подкупая, заклиная, как это имеет место по отношению к другим людям. Как маленький ребенок ощущает беспомощность перед миром и нуждается в защите со стороны своих родителей, так и первобытный человек придает силам природы характер отца и превращает их в богов. Созданные человеком боги выполняют, по мнению Фрейда, тройственную задачу, а именно нейтрализуют ужас перед природой, примиряют с грозным роком, выступающим прежде всего в образе смерти, и вознаграждают за страдания и лишения, выпадающие на долю человека в культурном сообществе.

Со временем люди начинают постигать некоторые закономерности природы, понимать, что боги имеют свою судьбу, и это ведет к перераспределению функций богов в пользу нравственного их предназначения в жизни человека. Постепенно создаются определенные представления, имеющие целью сделать беспомощность людей более переносимой. Согласно этим представлениям, добро вознаграждается по заслугам, а зло наказывается, трудности и страдания в земной жизни подлежат искуплению, а жизнь после смерти приносит блаженство и покой. Всеблагость достигается благодаря мудрости богов, священные черты и свойства которых сливаются в одно лицо, порождая тем самым идею Бога. Отношение человека к Богу вновь обретает интимность и инфантильность, напоминая собой отношение ребенка к отцу. Религиозные представления становятся достоянием культуры и высшей ценностью для многих людей.

По сравнению с «Тотемом и табу», в работе «Будущее одной иллюзии» Фрейд сместил акценты своего рассмотрения религиозной проблематики, включая вопрос об истоках происхождения религии. В «Тотеме и табу» речь шла о возникновении тотемизма, а не религии вообще, независимо от того, можно ли считать тотемизм религией или подобное воззрение представляется спорным. При рассмотрении истоков возникновения тотемизма Фрейд исходил из того, что в основе религиозной потребности лежит тоска по убиенному отцу и образ Бога является не чем иным, как образом возвеличенного и идеализированного отца. В работе «Будущее одной иллюзии» основатель психоанализа сосредоточился на рассмотрении психологической ценности религиозных верований и почти не касался проблемы тотемизма. Истоки же происхождения религии стали соотноситься им с фактом беспомощности человека, нуждающегося в защите от разрушающих сил природы.

На первый взгляд может показаться, что Фрейд основательно пересмотрел, по крайней мере, вопрос о происхождении религиозных верований. Излагая свою точку зрения по этому поводу в работе «Будущее одной иллюзии», он сам почувствовал необходимость в прояснении своей позиции. Не случайно, используя форму диалога с потенциальным критиком выдвигаемых им представлений о религии, он счел необходимым прояснить сходства и различия между тем, что было сделано в «Тотеме и табу» и в работе 1927 года.

При рассмотрении тотемизма Фрейд показал, что первой формой появления божества перед человеком стало животное. Запрет на убийство животного и его поедание, разрешаемая раз в год совместная трапеза, возведенный в ранг празднества обычай совершения этой трапезы — все это находит свое отражение в тотемизме. Но основатель психоанализа не дал исчерпывающего понимания и объяснения того, как и почему на смену обожествляемому животному пришел «человеческий Бог». Впрочем, он не сделал этого и в работе «Будущее одной иллюзии», сославшись на то, что в его намерение не входит подробное исследование развития идеи божества. Тем не менее, во избежание возможных недоразумений, Фрейд показал логическую и историческую связь между комплексом отца и беспомощностью человека. Разъясняя этот момент, он подчеркнул, что «беспомощность ребенка» находит свое продолжение в «беспомощности взрослого», мать оказывается первым объектом его любви и защиты от опасностей внешнего мира, то есть становится «первым страхоубежищем», а позднее вытесняется более сильным отцом и закрепляется на весь период детства. Ребенок боится отца и тянется к нему, ненавидит его и восхищается им. Это амбивалентное отношение к отцу закрепляется и сохраняется во всех религиях. Взрослый человек не перестает нуждаться в защите от чуждых ему сил, наделяет их чертами отцовского образа и создает себе богов.

Согласуя между собой высказанные в обоих работах идеи о происхождении религиозных верований и говоря об исторически приписываемой им ценности, одновременно Фрейд предпринял попытку ответить на ряд вопросов. Что представляют собой религиозные верования с точки зрения психологии? Откуда проистекает их высокая оценка, нередко сопровождающаяся утверждением, что жизнь людей станет невыносимой, если они утратят свою силу? Какова истинная ценность и психологическое значение религиозных представлений?

Обычно исходят из того, что религиозные представления — это тезисы, высказывания о реальности, сообщающие человеку то, чего он не знает. Они требуют веры. Считается, что они информируют человека о самом важном в его жизни, и поэтому им дают высокую оценку. Но почему, спрашивает Фрейд, человек непременно должен доверять религиозным представлениям и верить в религиозные учения? Как правило, на это даются три ответа, далеко не всегда согласующиеся между собой. Эти ответы сводятся к следующему: во-первых, религиозные учения заслуживают веры, поскольку в них верили наши предки; во-вторых, имеются дошедшие до нас из древности свидетельства об их истинности и ценности; в-третьих, ставить вопросы подобного рода вообще запрещено, так как доказательства догматов веры не требуют от человека знания, а требуют исключительно веры.

Фрейда не устраивали подобного рода ответы на поставленный им вопрос. Если существует запрет на доказательство, то тем самым обнаруживается беспочвенность притязаний религиозных учений. Почему мы должны верить только на том основании, что, будучи менее образованными, наши предки верили в то, что сегодня может вызвать сомнение? И наконец, дошедшие до наших дней свидетельства о религиозных учениях нельзя считать надежными, поскольку они носят на себе печать противоречивости, предвзятости, искаженности. Отцы церкви выдвинули кредо: «Верую, ибо абсурдно». Но обязан ли человек верить в любой абсурд? Почему он должен верить именно в это абсурдное утверждение? Если один человек верит в истинность религиозных учений, то почему это должно распространяться на другого

человека и какое значение это имеет для остальных людей? Другое дело, что, несмотря на свою неподкрепленность разумом, эти учения действительно оказали значительное влияние на человечество. Но это уже не метафизическая, а психологическая проблема, требующая ответа на вопрос, в чем заключается сила этих учений и чем они обязаны своей независимости от доводов разума.

В понимании Фрейда, *религиозные представления являются не чем иным, как иллюзиями, в которых находит свое отражение реализация древних желаний человечества*. К подобному пониманию он пришел до того, как начал работу над книгой «Будущее одной иллюзии». Сходные мысли были им высказаны, в частности, в работе «Массовая психология и анализ человеческого Я» (1921), где он предпринял попытку рассмотрения двух масс людей — церкви и войска. Размышляя над этими двумя массовыми образованиями, основатель психоанализа отметил, что, как и в войске, в церкви культивируется одно и то же обманное представление (иллюзия), а именно что имеется верховный властитель (в католической церкви — Христос, в войске — полководец), каждого отдельного члена массы любящий равной любовью. При этом он исходил из того, что на этой иллюзии держится все: Христос является заменой любящего отца для каждого члена верующей массы, предъявляемые отдельным людям религиозные требования покоятся на любви Христовой, верующие называют себя братьями по любви (братьями во Христе), которую питает к ним Христос.

Идея Фрейда о религиозных представлениях как иллюзиях нашла свое более глубокое осмысление в работе «Будущее одной иллюзии», где он в афористической форме заявил, что тайна их силы кроется в силе этих желаний. Речь идет не о заблуждении, а именно об иллюзии, происходящей из желания человека и в этом отношении напоминающей собой бредовую идею в психиатрии. Различие между ними состоит лишь в том, что бредовая идея противоречит реальности, в то время как иллюзия не обязательно может быть ложной или противоречащей действительности.

Проведя подобную аналогию между иллюзией и бредовой идеей, Фрейд недвусмысленно заявил, что некоторые из религиозных учений настолько неправдоподобны, что их можно сравнить с бредовыми идеями. Никто не вправе заставить человека верить в них. Они недоказуемы, но, как признал Фрейд, и неопровержимы. Но если утверждения религии неопровержимы, то почему бы в них не поверить, коль скоро на их стороне стоит давняя традиция? Основатель психоанализа не обошел молчанием данный вопрос, считая, что в равной мере никого нельзя принуждать ни к вере, ни к безверию.

Фрейд не пытался дать оценку истинности религиозных учений, считая, видимо, это дело бесперспективным. С психоаналитической точки зрения ему достаточно было демонстрации того, что по своей психологической природе они являются иллюзиями. Это вело к далеко идущим последствиям, поскольку теоретические размышления о религии как иллюзии вторгались в практическую жизнь человека.

В самом деле, если религия — иллюзия и в действительности не существует всемогущего Бога, являющегося не чем иным, как проекцией бессознательных желаний человека, то не лишаются ли многие люди того единственного утешения, которое они находят в религиозных учениях? Не подрываются ли тем самым основы жизнедеятельности людей, утрачивающих привычные представления о мире? Что можно предложить людям взамен религии, которую они ранее почитали и рассматривали в качестве высшей ценности для человека? Не приведет ли подрыв авторитета религии

к вседозволенности и разгулу человеческих страстей, не сдерживаемых нравственными предписаниями? Стоит ли ради стремления к истине подвергать опасности жизнь человека, находящего спасение в религии?

Фрейд не игнорировал подобного рода вопросы. Напротив, он считал необходимым по возможности ответить на них. При этом он исходил из того, что в его интеллектуальном предприятии по развенчанию религиозных иллюзий нет ничего опасного, поскольку он не был первым, кто предпринял подобную попытку, и фактически не сказал ничего нового, что не было бы известно до него.

В этом отношении Фрейд был прав, так как действительно до него предпринимались аналогичные попытки, как это имело место, например, в работах немецкого философа Л. Фейербаха «Сущность христианства» (1841), «Сущность религии» (1845) и «Лекции о сущности религии» (1851). В своих трудах Фейербах высказал такие мысли, которые в несколько иной форме были воспроизведены Фрейдом. В частности, немецкий философ писал о том, что Бог есть выражение Я человека, который, и в этом заключается тайна религии, объективирует свою сущность, Бог — это «слеза любви», пролитая в глубоком уединении над человеческими страданиями, вера объективирует всемогущество человеческого чувства, человеческих желаний, желание есть источник и самая суть религии, религия — «младенческая сущность» человечества, противоположность между божественным и человеческим — «только иллюзия». Немецкий философ также подверг критике суждения различных авторов, касающиеся необходимости веры в религиозные догматы и не требующие каких-либо доводов рассудка и разума.

В работе «Будущее одной иллюзии» нет ссылок на Фейербаха, как, впрочем, и на других критиков религии, что объяснялось Фрейдом тем, что он не хотел поставить себя в один ряд с ними. При этом он скромно пояснил, что всего лишь добавил к критике великих предшественников кое-какое психологическое обоснование. И тут же, отвечая на вопрос об опасности для многих людей развенчания религиозных иллюзий, он заметил, что это психологическое обоснование вряд ли произведет большее воздействие на людей, чем ранее приведенные аргументы его предшественников. Тем более, как подчеркнул основатель психоанализа, религиозно верующий человек никому не позволит лишить себя веры.

Фрейд осознавал, что публикация работы «Будущее одной иллюзии» может принести вред ему самому и его детищу — психоанализу, поскольку в ней высказаны непопулярные взгляды, которые могут быть восприняты как ниспровержение Бога, религии и нравственных идеалов вообще. Однако он исходил из того, что времена инквизиции, когда еретиков сжигали на костре, прошли и подобная авторская позиция для него не опасна. Что касается психоанализа, то история его становления и развития всегда была трудной, сопровождалась неприятием ряда психоаналитических идей не только противниками, но и его сторонниками. Поэтому вряд ли стоит беспокоиться по поводу его дальнейшей судьбы. В этой связи примечательным может быть лишь та неоднозначная реакция, которая последует со стороны тех, кто отстаивает религиозные догматы. Так, собственно говоря, и случилось впоследствии, когда после публикации данной книги Фрейда представители официальной церкви наложили запрет на ее распространение среди верующих, а три десятилетия спустя использовали психоаналитические аргументы при обосновании религиозных доктрин.

С точки зрения Фрейда, религия способствовала развитию человечества. Но она не смогла устранить страдания людей и не дала им обещанного успокоения и счастья. Кроме того, несмотря на исповедуемые ею этические ценности и идеалы, безнравственность всегда находила в религии опору в не меньшей степени, чем нравственность. Поэтому не следует ли задуматься над тем, чтобы, отбросив религиозные иллюзии, придать человечеству такое направление развития, которое бы проходило под знаком разума?

К постановке этого вопроса Фрейд пришел не только исходя из здравых размышлений над незавидной судьбой человечества, многие столетия разделяющего религиозные верования, но и с учетом данных, полученных благодаря психоанализу. Если религия характерна для детства человечества, то, переходя к зрелому периоду своего развития, оно может обойтись без религиозных верований. Если религия представляет собой общечеловеческий навязчивый невроз, соответствующий детскому неврозу, коренящемуся в эдиповом комплексе, то в период своего взросления человечество может перейти на новую стадию развития точно так же, как со временем ребенок проходит свой эдипов комплекс и находит иные, не родительские объекты любви и привязанности. С психоаналитической точки зрения отход от религии в зрелом возрасте человечества есть такой же естественный процесс, как и ее возникновение в период общечеловеческого инфантилизма.

Фрейд не был столь наивным, чтобы не понимать, что религия как социальный феномен не исчерпывается целиком и полностью теми аналогиями, типа невроза навязчивости и иллюзии, к каким он прибегал. Он сам недвусмысленно писал о том, что индивидуальная патология не представляет нам здесь никакой полноценной аналогии. Однако основатель психоанализа придерживался того взгляда, что признание исторической ценности религиозных верований, подчас защищающих отдельного человека от опасности невротических заболеваний, не обесценивает его рекомендацию по исключению религии из арсенала человеческой культуры и замене ее наукой, основанной на разуме человека.

Казалось бы, позиция Фрейда в этом вопросе ясна и неуязвима. Однако ранее выдвигаемые им психоаналитические идеи с неизбежностью подводили к постановке таких вопросов, которые ставили под сомнение надежность и обоснованность его собственных рекомендаций по устранению религии из жизни человека. В самом деле, если, согласно Фрейду, человек руководствуется в своей деятельности главным образом бессознательными влечениями, а его сознание представляет собой только надводную часть того айсберга, большая часть которого погружена во тьму толщи вод океана, то как можно возлагать надежды на разум, подверженный натиску неуемных страстей и влечений? Не является ли упование на науку и разум также своего рода иллюзией, поскольку в нем просматривается собственное желание Фрейда развенчать религию как иллюзию?

Фрейд не уклонился от ответа на эти вопросы. Действительно (и психоаналитическая практика наглядно демонстрирует это), бессознательные влечения человека чаще всего берут верх над его сознанием, разумом, интеллектом, свидетельствуя тем самым об их слабости перед натиском человеческих страстей. Однако, как полагал основатель психоанализа, голос интеллекта тих, но он не успокаивается, пока не добьется, чтобы его услышали, и это обстоятельство лежит в основе оптимизма относительно будущего человечества. Подобная мировоззренческая позиция Фрейда

как нельзя лучше совпадала с направленностью его терапевтической деятельности, отраженной в известной максиме: «Там, где было Оно, должно стать Я».

Что касается ответа на второй вопрос, то Фрейд не считал опору на науку, разум человека иллюзией. Говоря о том, что его Бог — Логос, то есть человеческий разум, он исходил из представлений, согласно которым наука способна дать истинные знания о реальности мира. Во всяком случае, основатель психоанализа верил в это. И если подобного рода веру рассматривать в качестве иллюзии, то в этом случае она выступает на равных с религиозным верованием как иллюзией. Вместе с тем Фрейд полагал, что иллюзией была бы вера, будто мы еще откуда-то можем получить то, что наука не способна дать человеку.

В дальнейшем основатель психоанализа внес коррективы в свое понимание религии как иллюзии. Так, в одной из лекций по введению в психоанализ (1933) он отметил, что наука и религия имеют равные притязания на истину и каждый человек свободен выбрать, откуда ему черпать свои убеждения и во что верить. В 1935 году в добавлении к своей «Автобиографии» основатель психоанализа выразил свое «новое думание» о религии, которое состояло в том, что если в работе «Будущее одной иллюзии» он говорил о религии в основном негативно, то позднее нашел более справедливую формулу к ней. Согласно этой формуле, власть религии основана на истинном ее содержании, но эта истина не материального, а исторического свойства.

В работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1938) Фрейд пояснил, что убеждение благочестивых верующих относительно «вечной истины», отраженной в идее одного-единственного Бога, не лишено оснований. При этом он признал, что сам верит в то, что эта идея содержит «историческую истину». В этом, собственно говоря, и состоит фрейдовское новое думание, состоящее в признании того, что религия опирается не только на иллюзию, но и на частицу исторической правды, придающей ей значительную эффективность в процессе воздействия на людей.

Изречения

З. Фрейд: «Таким образом, мотив тоски по отцу идентичен потребности в защите от последствий человеческой немощи; способ, каким ребенок преодолевал свою детскую беспомощность, наделяет характерными чертами реакцию взрослого на свою, поневоле признаваемую им, беспомощность, а такой реакцией и является формирование религии».

З. Фрейд: «Если применение психоаналитических методов позволяет получить новые доводы не в пользу истинности содержания религиозных верований, то тем хуже для религии, но защитники религии будут с тем же правом пользоваться психоанализом, чтобы вполне отдать должное эффективной значимости религиозных учений».

Травматический невроз и еврейский монотеизм

Фрейд предвидел тот враждебный прием, который будет оказан публикации его работы «Человек Моисей и монотеистическая религия». И действительно, данная книга встретила неприятие, а подчас и открытое осуждение со стороны как пред-

ставителей иудейского вероисповедания, так и некоторых коллег, отговаривавших патриарха психоанализа от подобной публикации.

Почему же исследование личности Моисея вызвало такую негативную реакцию у многих современников Фрейда? Почему близкие ему по духу психоаналитики и друзья отговаривали его от данной публикации? Какие содержащиеся в работе предположения и заключения явились шокирующими для большей части людей, ознакомившихся с последним фрейдовским трудом?

В этой книге Фрейд повторил, по сути дела, все предшествующие соображения о религии, которые им были высказаны ранее в таких работах, как «Навязчивые действия и религиозные обряды», «Тотем и табу» и «Будущность одной иллюзии». Отцеубийство в первобытной орде, акт поедания отца сыновьями, последующий запрет на инцест, заповедь экзогамии, возникновение тотемизма как первой формы бытования религии, очеловечение почитаемых существ и появление человеческих богов, фиксированность на пережитках прошлого и возвращение забытого спустя сотни лет, являющееся аналогом бредовой мании психотиков религиозное верование, религия как общечеловеческий невроз, мощное воздействие ее на людей, имеющее природу навязчивых невротических состояний, — все это нашло свое отражение в книге «Человек Моисей и монотеистическая религия». Но не эти повторения вызвали столь бурную реакцию протеста среди значительной части ее читателей.

Дело совсем в другом. А именно в том, что с первых строк публикации становится ясно: автор намерен отнять у народа человека, которым он гордился как величайшим среди своих сыновей. По мере же чтения работы выясняется, что Фрейд собирается это сделать путем обоснования гипотезы, что человек Моисей, освободитель и законодатель еврейского народа, был не еврей, а египтянин, давший еврейскому народу в Египте такую новую религию, которая была египетской, и что цель исследования — ввести в контекст еврейской истории образ египтянина Моисея. Одного этого было уже достаточно для того, чтобы, не обращая внимания на приводимые Фрейдом аргументы в защиту своей гипотезы, обвинить его в кощунстве.

В учебнике по психоанализу нет необходимости подробно останавливаться на той аргументации, которую привел основатель психоанализа в защиту своего предположения, согласно которому Моисей был египтянином, а иудаизм уходит своими корнями в одну из египетских религий. Тот, кто заинтересуется этим вопросом, может обратиться непосредственно к опубликованному на русском языке труду Фрейда и наглядно убедиться в той виртуозности психоаналитического исследования, которая сопровождалась у него глубокомысленными размышлениями и сомнениями, широкими познаниями в области истории религии, ныне отсутствующими у многих психоаналитически ориентированных терапевтов, и концентрированным изложением клинических данных, способствующих пониманию существующих в священных писаниях пробелов. Воспроизведу лишь в обобщенной форме ход размышлений основателя психоанализа, выдвинувшего предположение о Моисее-египтянине.

Согласно рассмотренной Фрейдом исторической канве событий, в период правления 18-й династии Египет превратился в мировую державу, что не могло не отразиться на становлении новых религиозных представлений, особенно среди тех, кто стоял на вершине власти. В египетской религии того времени существовало множество богов, которым поклонялись египтяне. Приблизительно в 1375 году до Рождества Христова на трон взошел молодой фараон Аменхотеп IV, который ввел новую

монотеистическую религию, в основе которой лежало представление о едином вселенском боге солнца Атоне как творце и хранителе всего живого. Введению этой религии противились жрецы, поклонявшиеся богу Амону. Противостояние между ними и молодым фараоном настолько обострилось, что Аменхотеп IV изменил свое имя. Вместо Аменхотепа, в первую часть которого входило имя бога Амона, он назвал себя Эхнатоном, во вторую часть которого вошло имя бога солнца Атона. Молодой фараон запрещал богослужения, связанные с Амоном, преследовал тех, кто поклонялся многим богам, перенес свое местожительство из Фив в новую резиденцию, назвав ее в честь бога солнца Ахетатоном.

Однако правление молодого фараона длилось недолго. Его 17-летнее правление прервала смерть, имевшая место в 1358 году до н.э. Вызвавшая ранее недовольство среди жрецов и простого народа политика притеснения поклонявшихся Амону сменилась после смерти фараона гонением на религию Атона. Резиденция Эхнатона была разрушена и разграблена, фараон был объявлен вероотступником, религия Атона была упразднена, и жрецы сделали все для того, чтобы искоренить ее из памяти египтян. Зять фараона Тутанхатон вернулся в Фивы и заменил в своем имени бога Атона на Амона. В Египте восстановились старые религии, основанные на идее многобожества.

Излагая историческую канву событий, Фрейд опирался на факты, почерпнутые им из различных источников, включая научные работы по истории Египта. Дальнейшее его исследование основывалось на гипотезах и предположениях, отчасти выдвинутых различными учеными, но в большей степени предложенных им самим.

Согласно Фрейду, среди приближенных к фараону Эхнатону был человек, во вторую составляющую часть имени которого входило египетское слово «мосе», означающее «дитя». Этот человек был наместником одной из провинций, где проживали культурно отсталые чужеземцы, некогда переселившиеся в те края и имевшие семитское происхождение. Он был знатен, честолюбив, энергичен, разделял убеждения молодого фараона и придерживался религии Атона. После кончины фараона, отмены его религии и развязывания соответствующих преследований со стороны жрецов он сблизился с чужеродцами, достиг соглашения с ними, встал во главе их и решил претворить в жизнь свои идеалы по основании нового государства. Вместе со своей свитой и новым народом он покинул Египет, исход из которого мог быть в период между 1358 и 1350 годами до н.э. Будучи египтянином, подвергнутым обряду обрезания, он, Моисей, решил сделать его новый народ лучшей заменой своего прежнего народа, в знак освящения ввел обычай обрезания среди семитских чужеземцев и стал насаждать среди них идеи и ценности религии Атона.

Египетский Моисей стал вождем и законодателем тех, кого он повел за собой в новые земли, расположенные между Палестиной, Синайским полуостровом и Аравией. Он так решительно и сурово приобщал свой новый народ к религии Атона, что однажды этот народ взбунтовался, убил Моисея и отверг навязанную им религию. Соответствующее библейскому преданию сорокалетнее странствование по пустыне завершилось воссоединением с другими родственными им племенами в Кадеше. Возвратившиеся из Египта евреи приняли религию этих племен, основанную на почитании бога вулканов Ягве. Однако воспоминания о моисеевском боге Атоне не исчезли бесследно. Внедряемая в свое время Моисеем идея единого Бога по прошествии длительного времени вновь возобладала. Почитаемыми стали и за-

поведи Моисея, некогда привнесенные в мировосприятие тех, кто покинул вместе с ним Египет, и сохранившиеся в последующих поколениях в виде предания о великом прошлом. Со временем это предание приобрело значительную власть над умами евреев, вызвало у них сильное чувство вины, привело к видоизменению культа Ягве в направлении ранее отвергнутой Моисеевой религии и отделению от иудаизма христианской религии.

Воспоминание о совершенном в древности отцеубийстве вызвало неоднозначную реакцию. Еврейский народ, повторивший на личности Моисея преступное деяние, отрицал совершенное отцеубийство. Иудаизм оставался религией Отца. Еврей Савла из Тарса, называвший себя в качестве римского гражданина Павлом, выразил прозрение об убийстве прообраза Бога и искуплении вины посредством жертвенной смерти Христа, тем самым оказавшись продолжателем и одновременно разрушителем иудаизма. Христианство стало религией Сына, где Бог Отец уступил место Христу, взявшему на себя покаяние и ставшему Богом, а представление о первобытном грехе скрывало отцеубийство и богоубийство. Блаженное избранничество еврейского народа в иудаизме стало освободительным искуплением в христианстве. Христианское учение о первородном грехе и искуплении через жертвенную смерть вышло за рамки еврейства и вобрало в себя традиции и ритуалы других народов.

Таковы вкратце представления Фрейда об иудаизме и христианстве, содержащиеся в его работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» и вытекающие из выдвинутой им гипотезы, в соответствии с которой Моисей был египтянином, давшим евреям не только новую, египетскую религию, но и заповедь обрезания.

К этому следует добавить, что в работе по прикладному немедицинскому психоанализу Фрейд в концентрированной форме настолько четко и доступно изложил основные идеи клинического психоанализа, что исследование Моисея можно было бы рекомендовать в качестве учебного пособия для начинающих аналитиков. Он не просто воспроизвел отдельные психоаналитические представления о природе психических расстройств, а в систематическом, хотя и лаконичном виде изложил то, что разбросано в его многочисленных публикациях. Это было сделано Фрейдом для того, чтобы через призму клинического материала подкрепить выдвинутый им тезис о египетской религии, которую египтянин Моисей дал еврейскому народу.

Описывая генезис невроза, восходящий к ранним впечатлениям детства, Фрейд обратил особое внимание на латентный период (латентность невроза) и способность возвращения вытесненного. И то и другое входит в формулу, предложенную им для описания развития невроза: «ранняя травма – защита – латентность – наступление невротического заболевания – частичное возвращение вытесненного». И то и другое оказывается существенным для понимания истории религии вообще и истории иудаизма в частности, поскольку, с его точки зрения, имеется некое соответствие между травматическим неврозом и еврейским монотеизмом.

В представлении Фрейда, это соответствие обусловлено сходством, наблюдаемым между жизнью человека и жизнью человеческого рода. В жизни человечества также имели место события сексуально-агрессивного содержания, оставившие по себе стойкие следы, но большей частью они были вытеснены из сознания, забыты, позднее же, после долгого латентного периода, оказали свое воздействие и вызвали к жизни феномены, аналогичные по структуре и тенденции невротическим симптомам. Речь идет о событиях, описанных основателем психоанализа в гипотетической

форме в работе «Тотем и табу», то есть об отцеубийстве в первобытной орде, тотемизме с его почитанием заменителя отца, табу на инцест и появлении религии в истории человечества, имеющей изначальную связь с социальными образованиями и нравственными обязательствами.

Размышляя о последующем развитии религии, Фрейд заметил, что в религиозных учениях и ритуалах наблюдаются фиксированность на старом родовом предании, на его пережитках и возобновление прошлого, возвращение забытого спустя значительные промежутки времени. Так, ритуал христианского причастия, когда верующие символически поглощают кровь и тело своего Бога, по сути дела, воспроизводит смысл и содержание древней тотемистической трапезы. Убийство Моисея еврейским народом оказывается необходимым связующим звеном между забытым событием прадревности и позднейшим возвращением вытесненного в форме монотеистической религии. Если Моисей стал первым мессией, то Христос — его заместителем и преемником. Поэтому и в воскресении Христа есть частица исторической правды, ибо он был возвратившимся праотцом первобытной орды, преображенным и в качестве сына взошедшим на место отца.

Фрейд обратил внимание на то, что всякий имеющий отношение к пережитому, возвращающийся из забвения фрагмент прошлого неожиданно может оказывать такое сильное воздействие на людей, в результате которого логика отступает перед притязаниями его на истинность. Это необъяснимое на первый взгляд обстоятельство становится понятным, стоит лишь обратиться к бредовой мании психотиков. В бредовой идее содержится фрагмент забытой истины, которая искажается в процессе своего возвращения в сознание. Сопровождающая бредовую идею навязчивая убедительность покоится на этой части истины. Нечто аналогичное имеет место и в религиозной вере, убеждения которой несут на себе черты психотических симптомов, но в своих основаниях восходят к тому, что основатель психоанализа назвал исторической истиной.

Проводя аналогию между развитием человека и человечества, невротическими процессами и религиозными явлениями, а также отдавая себе отчет в том, что подобная аналогия не может быть целиком и полностью исчерпывающей, Фрейд тем не менее исходил из того, что по крайней мере в одном пункте она почти полная. Речь идет о впечатлениях прошлого, сохраняющихся в бессознательных остаточных воспоминаниях человека и человечества.

У человека сохраняется память о событиях, вызвавших ранние переживания, хотя в силу работы механизма вытеснения соответствующее знание забывается. Это забытое не стирается из памяти, а только вытесняется и через определенный промежуток времени может снова возвратиться, всплыть на поверхность сознания. Однако его возвращение сопровождается искажениями, свидетельствующими о глубинной работе сопротивления. Ранее вытесненное претерпевает видоизменение. Причем, как полагал Фрейд, речь может идти о возвращении вытесненного, не только обусловленного личными переживаниями, но и связанного с элементами филогенетического происхождения, то есть с архаическим наследием. К этому наследию прежде всего относится всеобщность языковой символики, то изначальное знание, которое взрослый человек забывает и которое частично обнаруживается в сновидениях. Благодаря психоаналитической работе обнаружилось, что реакции на инфантильные травмы далеко не всегда соответствуют реально пережитому, а чаще

всего отвечают прообразу филогенетических событий. Отношение невротического ребенка к своим родителям основывается на этих реакциях, кажущихся неоправданными индивидуально, но являющихся понятными, если принимать во внимание связь с переживаниями предшествующих поколений. Признание архаического наследия и допущение сохранения остаточной памяти позволяют наладить мост между индивидуальной и массовой психологией.

Вышеприведенные рассуждения Фрейда позволили ему высказать соображение, в соответствии с которым особым родом знания люди всегда знали о совершенном им некогда преступлении — убийстве праотца. Будучи важным и повторяющимся среди всех народов, воспоминание об этом преступлении вошло в архаическое наследие. Будучи вытесненным в бессознательное, оно активизировалось и возвратилось в сознание в видоизмененной и искаженной форме благодаря пробуждению забытого следа воспоминания, имевшему место в силу реального повторения события — убийства Моисея, а позднее и Христа.

История возникновения еврейского монотеизма тесно связана с возвращением забытого, некогда вытесненного в бессознательное, но сохраненного на протяжении длительного периода латентности. Воплощенная в заповедях Моисея, позднее отвергнутая, но сохранившаяся в устных и письменных сообщениях, религиозная традиция смогла со временем возвратиться к евреям и оказать значительное воздействие на них потому, что пережила судьбу вытеснения и пребывания в бессознательном. Отвергнутая еврейским народом после убийства Моисея, монотеистическая религия не исчезла бесследно. Искаженные воспоминания о ней сохранились, и, как считал Фрейд, эта традиция продолжала действовать словно бы из темноты, постепенно набирала силу и власть над умами и в конце концов сумела снова пробудить к жизни за долгие столетия до того учрежденную и потом оставленную религию Моисея.

Возобновленная евреями традиция монотеизма оказалась столь действенной потому, что процесс возвращения вытесненного повторился во второй раз. Когда Моисей пытался привнести в народ идею единственного Бога, в ней уже нашло свое отражение возвращение к жизни определенного переживания, уходящего своими корнями в первобытное существование человека, но вытесненного из сознательной памяти последующих поколений. Это переживание связано с отцеубийством, оказавшим впоследствии воздействие на возникновение идеи об одном-единственном Боге, что было искаженным, но исторически оправданным воспоминанием. Подобная идея имеет навязчивый характер, заставляет людей верить в нее. В силу своего искажения она, согласно Фрейду, может обозначать не что иное, как бред, но поскольку она несет с собой возвращение вытесненного прошлого, то ее следует назвать истиной.

Таковы размышления Фрейда по поводу истории еврейского монотеизма, вытекающие из выдвинутой им гипотезы о египтянине Моисее и основанные на психоаналитическом видении причин возникновения невроза, латентном периоде развития человека, возвращении вытесненного бессознательного в психике индивида и традициях человечества. И как бы ни воспринимались эти размышления современниками, нередко с высоты своего нарциссического превосходства поглядывающими на своих предшественников, вряд ли стоит сбрасывать со счета представления основателя психоанализа о глубинных, не поддающихся непосредственному

наблюдению и эмпирической проверке процессах, протекающих в недрах онтогенеза и филогенеза.

Не лишним будет только напомнить, что при исследовании Моисея Фрейд испытывал значительные трудности, связанные с внутренними сомнениями, обусловленными его вторжением в ту сферу знания, в которой он не считал себя специалистом, и необходимостью постулирования гипотез, эмпирическая проверка которых невозможна в силу давности доисторического прошлого. Он смиренно соглашался с тем, что у него нет никаких доказательных свидетельств, не требующих дедукции из филогенеза или проведения аналогий между теми или иными процессами, протекающими в психике человека и в истории человечества. Но он брал на себя, по его собственному выражению, «вынужденную смелость» в осуществлении исследования, основанного на вводимых им допущениях, так как в противном случае невозможно сделать шаг вперед ни в индивидуальном анализе, ни в массовой психологии.

В сфере выходящего за рамки медицины психоанализа лежит неограниченное поле деятельности, в том числе связанной с использованием психоаналитических идей при изучении религиозных верований, мифов, священных текстов, лидеров духовных движений. Последователи Фрейда, включая К. Абрахама, О. Ранка, Т. Райка, Э. Эриксона и многих других, проложили путь исследований в этом направлении. Сегодня не менее актуальным становится изучение с позиций психоанализа различного рода религиозных движений, на почве которых нередко возникают национализм, шовинизм, братоубийственные войны, международный терроризм.

В области клинического психоанализа необходимы элементарные знания о религиозных верованиях, поскольку психоаналитикам приходится иметь дело подчас как с верующими пациентами, так и с религиозными фанатиками. При этом важно иметь в виду, что (при всем сходстве между основанной на исповеди религиозной терапией и базирующейся на методе свободных ассоциаций психоаналитической терапией) между ними существует по крайней мере одно существенное различие. Во время исповеди пришедшего в церковь верующего священник выступает в качестве посредника между ним и Богом, тем самым отводя перенос с себя на Всевышнего и способствуя активизации механизмов сублимации, что упрощает его работу. При аналитической терапии психоаналитик может рассчитывать только на себя, ему приходится бороться с различного рода сопротивлениями и переносом, и, следовательно, многое зависит от него самого, от того, насколько он компетентен в тех или иных вопросах, включая знания, относящиеся к религиозным верованиям и религии в целом. В этом отношении знакомство практикующего психоаналитика не только с клиническими работами Фрейда, но и с его исследованиями в области прикладного немедицинского психоанализа, в частности по религии, представляется важным и необходимым.

Изречения

З. Фрейд: «Религиозные феномены не понять иначе, как по образцу хорошо известных нам невротических симптомов индивидуума, как возвращение давно забытых, многозначительных событий в праистории человеческой семьи; что своим принудительным характером они обязаны именно такому своему

происхождению и, стало быть, воздействуют на людей в силу этой содержащейся в них исторической правды».

З. Фрейд: «Судьба вплотную поставила еврейский народ перед великим и преступным деянием прадревности, отцеубийством, предоставив повод повторить его на личности Моисея, выдающейся отцовской фигуре».

Контрольные вопросы

1. Каково психоаналитическое понимание связи между неврозом и религией?
2. В чем состоит психоаналитическая трактовка тотема и табу?
3. Как объясняется происхождение религии в психоанализе?
4. Являются ли религиозные представления иллюзией?
5. Каково психологическое значение религиозных представлений в жизни человека?
6. Что означает возвращение вытесненного?
7. Какую гипотезу выдвинул Фрейд в связи с пониманием фигуры Моисея и монотеистической религии?

Рекомендуемая литература

1. *Лейбин В.М.* Фрейд, психоанализ и религия // З. Фрейд. Цивилизация, культура, религия. СПб., 2023. С. 4–26.
2. *Руткевич А.М.* Психоанализ и религия. М., 1987.
3. *Фрейд З.* Навязчивые действия и религиозные обряды // Зигмунд Фрейд и психоанализ в России. М.; Воронеж, 2000.
4. *Фрейд З.* Тотем и табу. М., 2015.
5. *Фрейд З.* Психоанализ. Религия. Культура. М., 2014.
6. *Фрейд З.* Одержимость дьяволом. Паранойя // Собр. соч.: в 26 т. СПб., 2006. Т. 3.
7. *Фромм Э.* Психоанализ и религия. М., 1993.

Глава 15

ПСИХОАНАЛИЗ И ЭТИКА

Нравственные проблемы

Психоаналитическое понимание истории возникновения религии и природы религиозных верований с необходимостью подводило Фрейда к осмыслению нравственных проблем. Это и понятно, поскольку религиозные ценности напрямую связаны с нравственными идеалами, представление о которых формируется под воздействием религиозно окрашенного осмысления того, что является первородным грехом, злом, добром, искуплением грехов, божественной милостью. Поэтому нет ничего удивительного, что в работах, посвященных религиозной проблематике, Фрейд действительно сталкивался с вопросами нравственного характера, пытался по-своему ответить на них и так или иначе оказался вовлеченным в обсуждение тех извечных этических проблем, которые вызывали мучительные раздумья у многих поколений предшествующих мыслителей.

Вместе с тем было бы неверно говорить о том, что именно обсуждение религиозной проблематики впервые подвело Фрейда к необходимости осмысления нравственных проблем. Сама терапевтическая практика ставила перед ним такие сложные, подчас, казалось, тупиковые вопросы, ответы на которые предполагали вторжение в не менее трудную для понимания по сравнению с человеческой психикой область этики. Ведь врачу постоянно приходилось сталкиваться с внутриконфликтными ситуациями, возникающими на почве сшибок между сексуальными влечениями и нравственными ограничениями, враждебными импульсами и внутренними запретами, укорами совести и бегством в болезнь.

Да и личная жизнь Фрейда, как и любого другого критически мыслящего и стремящегося к поиску истины человека, не могла быть не втянута в круговорот извечных нравственных проблем, которые приходится по-своему решать каждому,

кому ничто человеческое не чуждо. Для основателя психоанализа эти проблемы приобретали особое значение в силу систематического и периодического анализа, осуществляемого им с разной степенью интенсивности в различные годы его жизни. Достаточно сказать, что обнаружение у себя чувства вины за смерть маленького брата, а также злобных и агрессивных желаний по отношению к различным людям в период своего детства не могло оставить Фрейда равнодушным к этическим проблемам, касающимся добра и зла, вины и искупления, совести и добропорядочности. Развитие психоанализа, которое постоянно сопровождалось интеллектуальным осуждением за крамольные идеи и даже разрывом Фрейда с рядом его учеников, друзей и коллег, также не могло не вызвать его раздумий о нравственных основаниях природы человека.

Учитывая все вышесказанное, нет ничего удивительного в том, что в поле зрения Фрейда оказалась нравственная проблематика и что он попытался дать психоаналитическое объяснение таких феноменов, как совесть, раскаяние, вина. Другое дело, что, скажем, в отличие от религиозной проблематики, обсуждению которой он посвятил ряд специальных работ, размышления о нравственности оказались у основателя психоанализа разбросанными по различным трудам. Сами названия его работ, за исключением, пожалуй, статьи «“Культурная” сексуальная мораль и современная нервозность» (1908), вряд ли могут свидетельствовать, что он действительно проявлял значительный интерес к нравственным проблемам. И тем не менее знакомство с идейным наследием Фрейда показывает, что во многих его работах содержатся размышления о нравственности, этике, морали.

Основатель психоанализа столкнулся с необходимостью серьезного размышления над нравственными проблемами, когда начал работу над книгой «Толкование сновидений» (1901). Исторический экскурс в литературу, посвященную сновидческой проблематике, подвел его к рассмотрению морального чувства в сновидении. Из темы о психологии сновидения он выделил проблему того, как и в какой степени моральные побуждения и чувства человека в бодрствующем состоянии оказывают воздействие на сновидение и проявляются в нем.

В доступной в то время для его ознакомления литературе Фрейд обнаружил противоречивые точки зрения на этот счет. Одни авторы полагали, что сновидения не имеют ничего общего с моральными требованиями, поскольку спящий человек не становится ни лучше, ни добродетельнее, его совесть как бы безмолвствует, его стыдливость утрачивает свое значение и, следовательно, он может без всякого раскаяния совершать тягчайшие преступления, будь то ограбление или убийство. Другие утверждали, что моральная природа человека остается неизменной в сновидениях, в которых человек действует в согласии со своим характером; что в его действиях отражаются моральные свойства личности и честный человек не совершит никакого постыдного для него деяния; в то время как лишенный морального чувства индивид будет проявлять свои страсти и пороки точно так же, как и в бодрствующем состоянии. Примером последней точки зрения может служить перефразирование известного высказывания: «Расскажи мне свое сновидение, и я скажу тебе, кто ты» — или мнение Ф. Гильдебрандта, согласно которому категорический императив Канта следует за человеком по пятам и даже во сне не оставляет его.

Из этих противоположных точек зрения на природу морального чувства в сновидении вытекало одно практическое следствие. В первом случае отклоняется любая

попытка как возложить ответственность за те или иные картины, сюжеты и деяния в сновидении на самого спящего, так и доказать на основе сновидения ничтожество жизни бодрствующего человека. Во втором случае сновидящий без каких-либо ограничений, целиком и полностью должен принимать ответственность за все то, что имеет место в его сновидении.

Фрейд не разделял крайние точки зрения, связанные с отрицанием или признанием наличия нравственности в сновидении. Вместе с тем, размышляя об ответственности или безответственности сновидца за собственные сновидения, он не принял позицию, в соответствии с которой на человека не возлагалась ответственность за сновидения, поскольку во время сна его мышление и воля оказываются парализованными, недейственными. Основатель психоанализа выразил согласие с теми, кто, включая Ф. Гильдебрандта, полагал, что человек ответственен за аморальные сновидения, поскольку он их косвенно вызывает, и, следовательно, он обязан нравственно очищать свою душу как в бодрствующем состоянии, так и особенно перед погружением в сон.

В «Толковании сновидений» Фрейд поставил вопрос о том, следует ли придавать маловажное этическое значение вытесненным, подавленным желаниям, которые, создавая сновидения, способствуют также созиданию других психических форм. Правда, он не дал ответа на этот вопрос, считая себя не вправе отвечать на него, поскольку не подвергал исследованию эту сторону проблемы сновидения. Тем не менее сама постановка вопроса открывала перспективы для подобного рода исследования.

Кроме того, он высказался по одной важной этической проблеме, в принципе относящейся к поставленному им вопросу и касающейся права на наказание за аморальные сны. В своей работе он привел высказывание Ф. Шольца о том, что римский император, приказавший казнить своего подданного за то, что тому приснилось, будто он отрубил императору голову, был не так уж неправ, когда оправдывался по этому поводу. Император утверждал, что тот, кто видит подобные сны, имеет такие же мысли и в бодрствующем состоянии. Не комментируя ни сам эпизод, ни оценку его со стороны Ф. Шольца, Фрейд вместе с тем подчеркнул: если при пробуждении уверенный в своей нравственной силе человек с улыбкой вспоминает свое греховное, кощунственное сновидение, то едва ли можно отделываться такой же легкой улыбкой от первоначальной основы сновидения как такового. Но на последних страницах своей работы «Толкование сновидений» Фрейд недвусмысленно заявил, что римский император поступил несправедливо, приказав казнить своего подданного. Аргументируя свою позицию, он заметил, что римскому императору следовало бы сначала поинтересоваться, что означает сновидение подданного, и, возможно, смысл сна предстал бы перед ним в другом свете. Но даже если бы это сновидение имело преступный смысл, то не мешало бы прислушаться к мудрому изречению древнегреческого философа Платона: «Добродетельный человек ограничивается тем, что ему лишь снится то, что дурной делает». Полтора десятилетия спустя Фрейд почти дословно воспроизвел это изречение в своих лекциях по введению в психоанализ.

Этическая проблематика частично затрагивалась Фрейдом и в его работе «Психопатология обыденной жизни» (1901), в которой в контексте анализа ошибочных действий был рассмотрен путь превращения метафизики в метапсихологию. Он полагал, что благодаря переходу от метафизики к метапсихологии можно будет с помощью психологии бессознательного лучше понять мифы о рае и грехопадении,

добре и зле. Уже в «Толковании сновидений» Фрейд подверг анализу миф об Эдипе, дав ему соответствующую интерпретацию, позднее положенную в основу психоаналитического понимания эдипова комплекса. Последователи Фрейда, в частности К. Абрахам, Г. Закс, О. Ранк, обратились к исследованию различных мифов: о герое, Прометее и ряду других.

В работе «Психопатология обыденной жизни» Фрейд только наметил путь превращения метафизики в метапсихологию без какого-либо подробного обсуждения проблем добра и зла. Вместе с тем, осуществляя анализ ошибочных действий, он привел несколько соображений, связанных с нравственной проблематикой. В частности, он высказал два соображения, одно из которых касалось связи ошибочных действий с эгоистическими и завистливыми желаниями людей, а другое — связи подобного рода вытесненных желаний с потребностью в наказании. Так, по мнению Фрейда, испытывающие на себе давление морали эгоистические, завистливые и враждебные импульсы здоровых людей нередко используют путь ошибочных действий, чтобы тем самым иметь возможность обходным путем, но легально проявить свою силу. Допущение этих действий в повседневной жизни отвечает удобному способу терпеть безнравственные вещи. Однако если кто-то часто желает другим людям зла, но, будучи воспитанным, приученным к добру человеком, вытесняет подобного рода желания за пределы сознания и загоняет их в глубины бессознательного, то это может привести к внутриличностным конфликтам и страданиям. В этом случае человек будет особенно склонен ожидать наказания за такое бессознательное зло в виде несчастья, угрожающего ему извне.

В работе «Три очерка по теории сексуальности» (1905) Фрейд обратил внимание на запреты, которые возникают при воспитании ребенка и оказывают существенное воздействие на его психосексуальное развитие. Исходя из собственного клинического опыта, он считал, что в социальном и этическом смысле душевно ненормальный человек является таковым и в сексуальной жизни, хотя многие ненормальные в сексуальном отношении люди не отстают от общечеловеческого культурного развития, слабым пунктом которого остается лишь сексуальность. При этом он подчеркнул, что в невротическом характере наблюдается некоторая доля сексуального вытеснения, выходящая за пределы нормального; в нем также прослеживается повышение сопротивлений сексуальному влечению, выраженных в форме стыда, отвращения, строгого следования принципам морали. В этой же работе он заметил, что при отсрочке сексуального созревания у ребенка остается достаточно времени для того, чтобы он мог впитать в себя нравственные предписания, направленные на ограничение и недопущение инцеста.

В статье «“Культурная” сексуальная мораль и современная нервозность» (1908) Фрейд рассмотрел существующую в обществе того времени «двойную» сексуальную мораль для мужчин. Если к женщинам предъявляются строгие требования в отношении их сексуального поведения, то сексуальная жизнь мужчин не подвержена таким же нравственным ограничениям и в отношении поступков мужчин, связанных, в частности, с неверностью их женам, допускаются послабления в форме «двойной» морали. Впрочем, на это обстоятельство указывали и другие исследователи, на мнение которых опирался Фрейд. Но в отличие от некоторых авторов, не до конца раскрывших, на его взгляд, отрицательные стороны культурной сексуальной морали, он указал *на тесную связь, обнаруживающуюся между растущей нервозностью и культурной жизнью современного общества.*

С точки зрения Фрейда, «культурная» мораль служит цели подавления инстинктов человека, его природной сексуальности. Она требует от всех людей одинакового поведения в сексуальной жизни, в то время как одному человеку это дается легко, а у другого следование нормам и предписаниям данной культуры сопровождается глубокими переживаниями и тяжелыми жертвами, ведущими к психическим расстройствам. Невротики как раз и оказываются теми людьми, которые под влиянием нравственных требований подавляют свои инстинкты таким образом, что им приходится спасаться бегством в болезнь. Словом, *невротиками становятся те, кто хочет быть лучше, чем позволяет им их природная конституция.*

«Культурная» мораль ограничивает половое общение в браке, когда она выдвигает требование удовлетворяться незначительным количеством деторождений. Под влиянием душевного разочарования и физической неудовлетворенности мужчина начинает пользоваться сексуальной свободой, неохотно и молчаливо предоставляемой ему сексуальной моралью. К женщине же «культурная» мораль более строга, даже сурова. Чем строже воспитана женщина, тем серьезнее она относится к нравственным требованиям, связанным с супружеской неверностью. В борьбе между потребностью в сексуальном удовлетворении и чувством долга она ищет спасения в неврозе, поскольку выбор между неудовлетворенным желанием, неверностью или неврозом чаще всего оказывается на стороне последнего, ибо ничто не защищает так ее добродетель, как болезнь.

Рассматривая негативные аспекты воздействия «культурной» морали на человека, Фрейд пришел к выводу, что существование в обществе «двойной» сексуальной морали для мужчины является лучшим свидетельством того, что общество само не верит в осуществление своих нравственных предписаний. Если же учесть, что с ограниченностью сексуального удовлетворения нередко наблюдаются увеличение страха жизни и боязнь смерти, то возникает вопрос, стоит ли «культурная» сексуальная мораль тех жертв, которых она требует от человека?

Фрейд оставил данный вопрос открытым, полагая, что не дело врача выступать с предложением каких-либо реформ в обществе. Однако его рассмотрение «культурной» морали касалось не только вопроса подавления сексуальных влечений человека, но и вопроса усмирения враждебных культуре сил и импульсов, что само по себе с неизбежностью подводило к постановке проблемы о борьбе добра и зла. Так, основатель психоанализа считал, что тот, кто насильно подавляет в себе природную склонность к жестокости и пытается стать сверхдобрым, тот на осуществление этой работы тратит слишком много энергии и сил, чтобы адекватным образом компенсировать свои первоначальные побуждения. В результате он скорее сделает меньше добра, чем мог бы сделать, не подавляя природных склонностей.

При работе со сновидениями пациентов, как и в процессе самоанализа и толкования своих собственных сновидений, Фрейд обнаружил столько «дурных» душевных движений, таящихся в глубинах психики человека, что невольно возникала мысль о злой его природе. Наблюдения, почерпнутые из реальной жизни о повсеместно проявляемых людьми жестокости, коварстве, предательстве, лживости и обмане, также подводили к мысли о необходимости признания человеческой природы как изначально злой. Размышляя над этим, основатель психоанализа пришел к выводу, что развитие человечества идет по пути обуздания сексуальных и агрессивных влечений человека, наличие которых свидетельствует, по убеждению некото-

рых мыслителей прошлого и настоящего, о злой природе человека. *Существующая в обществе мораль направлена на подавление природных влечений человека, что обеспечивает выживание общества, но способствует невротизации людей.*

В представлении Фрейда, именно борьба бессознательных влечений человека и нравственных ограничений часто приводит к его внутрипсихическим срывам и надломам, особенно в том случае, когда в силу своей природной конституции или личностных установок индивид оказывается не в состоянии подчиниться требованиям существующей культурной морали. Исход для такого индивида может быть различным: от совершения антисоциальных деяний, преступлений до бегства в болезнь, развития неврозов.

Разумеется, не все люди, ощущающие дискомфорт при столкновении их бессознательных влечений и нравственных ограничений общества, становятся преступниками или невротиками. Но те люди, которые на первый взгляд безболезненно примирились с нравственными предписаниями культуры, по мнению Фрейда, лишь внешним образом согласовали свое поведение с требованиями морали. На самом деле они подчинились вынужденному принуждению и при любом удобном случае многие из них готовы не задумываясь удовлетворить свои бессознательные влечения.

Итак, Фрейд подчеркивал наличие у современного человека бессознательных влечений, связанных с враждебностью, агрессивностью, алчностью, несдержанной сексуальностью и безудержной страстью. Но не означает ли это, что ответ на вопрос о том, добр человек от природы или зол, безоговорочно решался им в пользу последнего допущения? Опираясь на клинические данные и наблюдения из повседневной жизни, не считал ли он человека изначально злым существом, как это до него делали некоторые мыслители прошлого, с абстрактных позиций размышлявшие над природой человеческого существа?

Казалось бы, высказанные выше соображения Фрейда о злобных желаниях, дурных намерениях и бессознательных влечениях сексуально-агрессивного характера не оставляют на этот счет никаких сомнений. Тем более что он часто подчеркивал власть бессознательного как источника зла над человеческим сознанием в обыденной жизни людей, а бессознательное, по его словам, «является тем резервуаром, в котором в зародыше заключено все зло человеческой души».

Вместе с тем, не разобравшись до конца в этических воззрениях Фрейда, было бы преждевременным делать вывод о том, что он считал человеческое существо исключительно злым от природы. В действительности позиция основателя психоанализа в этом вопросе далеко не однозначна. Судя по другим высказываниям, содержавшимся в различных его работах, этические взгляды Фрейда не вписываются целиком и полностью в ту традицию, представители которой абсолютизировали злое начало в человеческом существе. Но они не соответствовали и противоположной традиции, представители которой утверждали, что человек изначально добр.

Фрейд был готов признать, что в утверждении ряда мыслителей прошлого и теоретиков настоящего о добром начале в человеке содержится элемент правды. Но он решительно выступал против тех, кто полагал, что человек от природы добр, а проявление им грубости и жестокости лишь следствие временного затмения его разума. В противоположность таким воззрениям, Фрейд стремился исследовать именно «темную» сторону человеческой души, чтобы показать, что человек отнюдь не такое доброе, разумное и благонравное существо, как это видится некоторым теоретикам,

идеализирующим природу человеческого существа. История развития человечества и данные психоанализа не подтверждают безоговорочные установки на природную добродетель человека. Они скорее подкрепляют суждение о том, что «вера в доброту» человеческой натуры — одна из самых худших иллюзий, от которой человек ожидает улучшения и облегчения своей жизни, в то время как в действительности она наносит только вред.

Апелляция Фрейда к «темной» стороне человеческой души послужила основанием для выводов многих комментаторов его учения о психоаналитическом образе человека как изначально злом существе. Как правило, с этих позиций соответствующие взгляды Фрейда и подвергаются критике исследователями, исходящими из иных представлений о человеке. Речь идет не только о тех, кто критически отнесся к психоанализу как таковому, расценивая его в качестве надуманной доктрины, несущей на себе печать субъективности ее автора и не отвечающей требованиям объективной науки. Имеются в виду и те, кого при всей привлекательности отдельных идей и концепций Фрейда смущали его рассуждения об инстинкте смерти и агрессивности.

Внимательное текстологическое знакомство с работами основателя психоанализа дает основание говорить о том, что он не отрицал доброго начала в человеке и благородных стремлений, присущих каждому индивиду. Тем, кто не понял или не вполне адекватно воспринял его этические воззрения и обвинял основателя психоанализа в абсолютизации злого начала в человеке, он отвечал, что никогда не пытался отрицать благородные стремления человеческого существа и ничего не делал для того, чтобы умалить их значение.

Другое дело, что рассмотрение изнанки души сопровождалось вытаскиванием на свет многообразного, вытесненного в бессознательное материала, который свидетельствовал о таких потаенных, скрытых от взора сознания желаниях и влечениях человека, от которых становилось не по себе тем, кто узнавал в них что-то свое, сокровенно-личное. В этом отношении и психоанализ воспринимался в качестве ненужного и даже опасного средства познания человека, способствующего не столько вскрытию таинственных комплексов, сколько раскрепощению агрессивных и сексуальных влечений людей. Однако Фрейд вовсе не собирался выпускать джинна из бутылки. Напротив, психоанализ ориентировался на осознание бессознательных влечений с целью адекватного понимания того, что происходит в глубинах человеческой психики. Ведь цель психоанализа — лучшее разрешение как предшествующих конфликтов, загнавших человека в болезнь, так и возможных будущих конфликтных ситуаций, от которых не застрахован ни один живой человек, осуществляющий свою деятельность в этом сложном, противоречивом мире. Как подчеркивал Фрейд, психоанализ никогда не замолвил ни одного слова в пользу раскрепощения общественно вредных влечений человека, наоборот, он предостерегал и призывал людей стать лучше.

Для Фрейда дурное, темное, аморальное в человеке — это лишь одна, несомненно, важная и заслуживающая внимания, но не единственная сторона проявления бессознательных влечений человеческого существа. Другая их сторона находит выражение в том, что развертывание бессознательного психического сопровождается не только соскальзыванием к низшему, животному началу в человеке, но и деятельностью по созданию высших духовных ценностей жизни, будь то художественное, научное или иные виды творчества.

То страшное, повергающее в ужас цивилизованного человека своей низменностью и животностью, что обнаруживается в сновидениях, представляет собой результат компенсации неудовлетворенных желаний индивида в реальной жизни, где ему приходится считаться с нравственными предписаниями и моральными требованиями общества. Человек лишь мысленно, в своих сновидениях, грезах и мечтаниях отдается власти бессознательных влечений и злому своему началу. В то время как в реальности он стремится вести себя пристойно, чтобы тем самым не выглядеть изгоем или негодяем в глазах окружающих его людей, когда неприкрытое проявление природной сексуальности или агрессивности вызывает моральное осуждение и социальное порицание.

Фрейд исходил из того, что за искаженными сновидениями взрослого человека нередко скрываются детские непристойные фантазии и запретные желания. Среди этих фантазий и желаний особое место занимают инцестуозные и связанные с отцеубийством. Сновидение как бы возвращает человека назад к его инфантильному состоянию. В нем обнаруживается материал забытых детских переживаний, связанных с эгоизмом, агрессивностью, инцестуозным выбором объекта любви, страхом наказания. В сновидении продолжает жить и в образной форме отражается все то, что содержится в вытесненном бессознательном. На материале сновидений подтверждается концептуальное положение психоанализа, в соответствии с которым бессознательное, по сути дела, представляется инфантильным.

Отсюда вытекает важный вывод, способствующий пониманию человеческой природы. Он состоит в том, что впечатление о том зле, которое будто бы таится в глубинах психики человека и наглядно выражается в его сновидениях, постепенно ослабевает благодаря пониманию инфантильности бессознательного. Ведь ребенка не судят ни судом нравственности, ни по закону, поскольку на начальных этапах своего психосексуального развития он, следуя принципу получения удовольствия, руководствуется в своей бессознательной деятельности эгоистическими желаниями. И то страшное, нелицеприятное, злое, что прорывается в сновидении взрослого человека, служит отражением его предшествующего инфантильного состояния или, во всяком случае, в опосредованной форме оказывается тесно связанным с инфантильной ступенью развития, на которую человек возвращается во время сна. Опустившись на эту ступень, сновидение создает впечатление, будто оно раскрывает в нас это злое. Но это всего лишь заблуждение, которое пугает человека, поскольку в действительности, как считал Фрейд, он не так уж зол, как можно было предположить после толкования сновидений.

В процессе своей исследовательской и терапевтической деятельности основатель психоанализа вносил различного рода коррективы в те или иные концепции. Так, в работах 20–30-х годов он выдвинул гипотезу о существовании в человеке агрессивного влечения и высказал мысль, что агрессивность является неискоренимой чертой человеческой натуры. Вместе с тем он не считал, что зло как таковое изначально присуще человеческой природе. В работе «Недовольство культурой» (1930), акцентируя внимание на агрессивных склонностях людей и подчеркивая, что даже дети неохотно слушают напоминания о врожденной склонности человека ко злу и разрушению, он тем не менее не склонился на сторону тех, кто рассматривал человеческую природу как изначально и всецело злую. Во всяком случае, инстинкт смерти и деструктивность расценивались Фрейдом как существующие наравне с инстинктом жизни. Трудности соединения в сознании людей наличествующего зла

с божественным всемогуществом, когда для оправдания Бога понадобился дьявол, хотя и в этом случае на Бога возлагается ответственность за существование дьявола и воплощение зла, рассматривались им в плане того, что всякому на своем месте остается только преклонить колени перед глубоко нравственной природой человека.

Изречения

З. Фрейд: «На самом деле, по-видимому, никто не знает, насколько он добр или зол, и никто не может отрицать наличия в памяти аморальных сновидений».

З. Фрейд: «Бесконечное множество культурных людей, отшатнувшихся бы в ужасе от убийства или инцеста, не отказывают себе в удовлетворении своей алчности, своей агрессивности, своих сексуальных страстей, не упускают случая навредить другим ложью, обманом, клеветой, если могут при этом остаться безнаказанными; и это продолжается без изменения на протяжении многих культурных эпох».

З. Фрейд: «Мы подчеркиваем злое в человеке только потому, что другие отрицают его, от чего душевная жизнь человека становится хотя не лучше, но непонятнее. Если мы откажемся от односторонней этической оценки, то, конечно, можем найти более правильную форму соотношения злого и доброго в человеческой природе».

Истоки возникновения нравственности

Обобщающая попытка объяснения комплекса этических проблем была осуществлена Фрейдом в его работе «Тотем и табу» (1913), где он обратился к истокам возникновения нравственности. Проведя аналогию между навязчивыми запретами невротиков, живущих в современной культуре, и табу, то есть древним запретом, направленным против вожделений людей в первобытном обществе, он по-своему рассмотрел те внутрипсихические процессы, которые формировались под воздействием двойственного отношения человека к окружающему его миру.

Фрейд утверждал, что как в том, так и в другом случае возникает амбивалентная установка человека, которая проявляется в чувствах привязанности и нежности, но в то же время ненависти и враждебности к объекту любви и поклонения. Это одна сторона сходства между невротическими заболеваниями и табу, обусловленного раздвоением сознания человеческого существа. Другая его сторона заключается в наличии стремления к вытесненному в бессознательное наслаждению и одновременно некоего запрещения, наложенного извне и воспринимаемого в качестве демонической, нечистой силы или, напротив, чего-то святого, неприкосновенного.

В результате основатель психоанализа пришел к выводу, что как в историческом, так и в функциональном отношении навязчивые состояния невротиков и древние запреты имеют общий аналог — наличие определенного категорического императива, который свидетельствует о нравственных основаниях человека. Во всяком случае, в книге «Тотем и табу» он писал о том, что возникшее в далекие времена истории развития первобытного общества табу в измененном виде сохраняет свою значимость и в душевной жизни современного человека.

Говоря о том, что табу древних людей, по сути дела, существует в каждом из нас, Фрейд обращал внимание на определенные различия, связанные, в частности, с перенесением современным человеком ранее возникшего табу на другие, нередко иначе понимаемые содержания. Вместе с тем, согласно его размышлениям о табу, по психологической природе своей оно является не чем иным, как «категорическим императивом» Канта, действующим навязчиво и отрицающим всякую сознательную мотивировку. Поэтому психоаналитическое понимание нравственности выводится им из рассмотрения истории возникновения табу.

Как в работе «Тотем и табу», так и во многих других трудах Фрейд неоднократно ссылался на введенное Кантом понятие категорического императива. В связи с этим стоит, пожалуй, напомнить, что имел в виду немецкий философ, когда говорил об этом императиве, поскольку за привычным использованием данного понятия не всегда просматривается адекватное его восприятие.

В свое время, размышляя о высших ценностях жизни, Кант в работе «Основы метафизики нравственности» (1785) писал о категорических императивах как о законах умопостигаемого (в отличие от чувственно воспринимаемого) мира и сообразных с этими принципами поступках человека — как обязанностях. Применительно к этике речь шла о категорическом, моральном долженствовании как нравственном законе. В этом смысле категорический императив Канта означал следующее: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству».

Для Канта категорический императив выступал в форме повеления. Он включал в себя признание поступка необходимым не потому, что у человека имеется субъективное восприятие его, а в силу объективной необходимости как непреложного закона. Для Фрейда категорический императив также был своего рода объективной данностью, и поэтому он твердо придерживался той оценки этики, которую назвал «научно объективной». В то же время, апеллируя к категорическому императиву Канта, основатель психоанализа прежде всего ориентировался на психоаналитическое объяснение тотема и табу, что давало возможность, на его взгляд, пролить свет на темное происхождение данного императива в каждом из нас.

В чем же конкретно Фрейд усматривал истоки возникновения нравственности и какова в его представлении природа категорического императива?

Обратившись к идеям Дарвина об управляемой сильным отцом примитивной человеческой орде, основатель психоанализа почерпнул из них, что при авторитарном регулировании отношений в первобытной орде не могло быть и речи о нравственных установлениях. Само понятие нравственности еще не существовало у первобытного человека, слепо подчинявшегося сильной воле. Но как же в таком случае возникла нравственность?

Дальнейшие размышления Фрейда на эту тему связаны с его обращением к идеям этнографа Аткинсона, согласно которым в процессе исторического развития так называемой циклопической семьи сыновья объединились, восстали против тирании своего отца и убили его. Отталкиваясь от этих идей, основатель психоанализа предложил психоаналитическое объяснение историческим событиям, последовавшим за убийством отца в первобытной орде. Согласно его представлениям, совершив свое преступное деяние, братья оказались во власти амбивалентных чувств. С одной стороны, они все еще испытывали ненависть к тирании некогда существовавшего отца.

С другой стороны, убив отца и удовлетворив свое чувство ненависти, сыновья стали испытывать нежные родственные чувства к нему, в результате чего возникли осознание вины и раскаяние в совершенном ими деянии.

Чувствуя себя виновными, братья, как считал Фрейд, решили навечно запечатлеть образ отца в виде тотема, придав ему ореол святости, неприкосновенности и недопустимости убийства этого заместителя некогда реально существовавшего властелина. Кроме того, чтобы не допустить дальнейшего кровопролития, способного возникнуть на почве соперничества между братьями за право занять место отца и иметь соответствующие права на обладание женщинами, в первобытной орде был установлен инцестуозный запрет.

Тем самым, согласно Фрейду, в истории развития человечества впервые возникли основные табу, направленные на обуздание сильнейших вожделений людей, которые характеризуются амбивалентной установкой, проявляющейся в искушении и воздержании, в стремлении человека удовлетворить свои влечения и вместе с тем воздержаться от нарушения табу. Таково психоаналитическое объяснение истории зарождения нравственных устоев человеческой жизни. Они возникли на основе ограничения, подавления и вытеснения некогда необузданных первоначальных вожделений человека и имели своей первопричиной «великое преступление», связанное с убийством отца в первобытной орде и возникновением на этой почве чувства вины за совершенное деяние. Поэтому, по Фрейду, если общество покоится на соучастии в совместно осуществленном преступлении, а религия — на сознании вины и раскаянии, то нравственность — отчасти на потребностях этого общества, отчасти на раскаянии, требуемом сознанием вины.

Психоаналитическое рассмотрение возникновения общества, религии и нравственности через призму «великого события» может выглядеть неправдоподобным и надуманным, если оценивать его с позиций того распространенного представления, в соответствии с которым объяснение явлений разного порядка с помощью одного и того же феномена не вызывает доверия. Однако трудно не согласиться с тем, что стремление Фрейда найти универсальный исходный принцип объяснения истории развития человека и человечества и тем самым связать в единое целое разрозненные явления жизни представляло собой попытку системного видения мира. В этом отношении предпринятая Фрейдом попытка целостного восприятия мира сродни аналогичным попыткам мыслителей прошлого, включая, скажем, Гегеля или Шопенгауэра. Причем, в отличие от философских размышлений о чистой идее или воле, которые воспринимаются как абстрактные первопричины всего сущего, «великое событие», отцеубийство, с точки зрения Фрейда, есть своего рода эмпирический факт, как бы «материализующий» историю развития человека и человечества. Другое дело, что привязка к отцеубийству вызывает трудности и противоречия, связанные с логикой объяснения тех или иных явлений, в частности нравственности как таковой.

В самом деле, противопоставление регулятивов поведения человека, основанных на договоренности сыновей о неприкосновенности тотема как заместителя отца, тому авторитарному диктату, который первоначально существовал в первобытной орде, служит лишь частичным объяснением возможности возникновения нравственности. Речь идет, по сути дела, не столько о моральных предписаниях в первобытном обществе, сколько о социальной регуляции поведения людей в нем.

Но изменение механизмов социальной регуляции в примитивном обществе, типов отношений между людьми, с одной стороны, человеком и окружающей его природой — с другой, само по себе еще не свидетельствует о становлении нравственных принципов. Табу, от чего отталкивался Фрейд в своем объяснении истоков возникновения нравственности, — это прежде всего древняя форма общественной нормы, где запрещения убийства и инцеста не являются исключительно моральными ограничениями. Данные запреты представляют собой некие безличные регулятивы поведения человека, которые основываются не столько на нравственном сознании его, сколько на определенной социальной детерминации, превалирующей в первобытном обществе. Поэтому, отдавая должное первой части фрейдовского положения о том, что нравственность покоится на потребностях примитивного общества, по-прежнему остается под вопросом правомерность его второй части, которая утверждает, что в основе нравственности лежит раскаяние, обусловленное сознанием вины. Соотнесенность происхождения нравственности со сменой парадигм социальной регуляции в примитивном обществе позволяет рассмотреть некоторые особенности тотема и табу, но не обеспечивает раскрытия природы нравственных норм и моральных установлений как таковых.

Фрейд выводил нравственность из эмпирического факта, то есть события, связанного с отцеубийством. Опора на эмпирический факт независимо от его доказательства, поскольку реконструирование истории всегда основывается на предположениях и допущениях, остающихся открытыми для различного рода интерпретаций, выглядит более привлекательной по сравнению с абстрактными размышлениями об истоках того или иного явления. Тем не менее сама по себе эмпирическая реальность не позволяет адекватным образом выйти на уровень нравственного сознания, в рамках которого формируются представления морального характера. В рамках фрейдовского понимания истоков возникновения нравственности приходится апеллировать к таким категориям, как вина и раскаяние. Но это означает, что рассмотрение нравственности осуществляется посредством понятий, которые сами нуждаются в объяснении. Так, нравственность выводится из моральных чувств вины и раскаяния, в то время как сами эти чувства трактуются как психологическая реакция на преступное деяние, положившее начало возникновению нравственности. Ведь, согласно основателю психоанализа, первые предписания морали и нравственные ограничения примитивного общества следует рассматривать как реакции на деяния, давшие его зачинщикам понятие о преступлении.

Насколько правомерно рассматривать раскаяние человека исключительно через призму нравственных установок? Всякое ли раскаяние возникает вследствие нравственного сознания? Может ли раскаяние иметь другие причины, выходящие за рамки собственной сферы морали? Ответы на эти вопросы предполагают, прежде всего, выявление специфики морального раскаяния и доказательств того, что именно оно лежит в основе нравственных норм, возникших в условиях примитивного общества, коль скоро речь идет об апелляции к отцеубийству.

Но психоаналитическое толкование нравственности и непосредственное выведение чувств вины и раскаяния приводят к трудностям как методологического, так и собственно этического характера. В самом деле, почему совершившие отцеубийство братья вдруг прониклись чувством вины и раскаяния? Только потому, что они стали преступниками, нарушившими ранее установленные социальные регуляции

поведения в примитивном обществе? Но ведь даже на более высоком уровне организации общественной жизни не каждый преступник обладает нравственным сознанием и испытывает раскаяние в совершенных им деяниях. С психоаналитической точки зрения получается, что бессознательная деятельность сыновей в первобытной орде каким-то загадочным образом переросла в их сознательное, нравственное отношение к своим поступкам. Даже если предположить, что у них возникло нравственное сознание, то это отнюдь не означает обязательного признания ими за собой вины. Скорее могли бы появиться различного рода самооправдания, связанные с необходимостью борьбы за существование.

Таким образом, психоаналитическое рассмотрение взаимосвязей между отцеубийством, возникновением чувства вины и раскаяния действительно наталкивается на такие трудности, которые вызывают больше вопросов, нежели дают исчерпывающие ответы на них. Еще бо́льшие трудности возникают в процессе осмысления тех же взаимосвязей применительно не к истории развития человечества, а к развертыванию внутрипсихических конфликтов, обусловленных столкновениями между преступным деянием, чувством вины и раскаянием индивида. Если чувство вины появляется после совершения чего-то преступного, то это предполагает наличие совести до осуществленного деяния. В этом случае апелляция к раскаянию вряд ли может помочь раскрытию истоков нравственности, включая понимание причин возникновения совести и чувства вины, поскольку само раскаяние возникает вследствие наличия того и другого.

Судя по всему, Фрейд осознавал те трудности, с которыми приходиться сталкиваться при психоаналитическом объяснении истоков возникновения нравственности. Он не только осознавал их, но и не пытался скрыть, что психоанализ стоит перед решением трудных для него проблем, далеко не всегда поддающихся исчерпывающему рассмотрению и адекватному пониманию. Во всяком случае, после глубоких раздумий и исследований клинического материала он пришел к выводу, что психоанализ с полным правом исключает случаи вины, проистекающие из раскаяния, — как бы часто они ни встречались и каким бы ни было их практическое значение.

Если это так, то каково соотношение между виной и раскаянием? Можно ли говорить о том, что совесть и вина являются результатом «великого события» древности или они существовали до свершения преступного деяния? Откуда все-таки проистекает раскаяние?

В понимании Фрейда, раскаяние — это результат изначальной амбивалентности чувств по отношению к отцу: сыновья одновременно ненавидели своего отца и в то же время любили его. После совершения отцеубийства и удовлетворения своих чувств ненависти в них с новой силой проявилась любовь, выступившая в качестве раскаяния в содеянном. Произошла идентификация с отцом. Как бы в наказание за совершенное деяние против отца его былая власть, будучи внешней по отношению к сыновьям, переместилась внутрь их самих. Власть отца приобрело внутреннее Сверх-Я, которое установило ограничения и наложило запреты на повторение преступного деяния. Ненависть против отца повторялась в последующих поколениях. Одновременно в этих поколениях сохранялось и бессознательное чувство вины. Всякий раз, когда происходило подавление чувства ненависти и агрессии против отца, наблюдалось и усиление чувства вины, поскольку усиливалась власть Сверх-Я.

Так, по мнению Фрейда, на почве амбивалентного отношения к отцу происходило зарождение совести и усиление чувства вины.

В следующих разделах учебника, где речь пойдет о психоаналитическом понимании культуры, соотношениях между Эросом и инстинктом разрушительности, подробнее будут рассмотрены вопросы, связанные с новациями, которые Фрейд внес в трактовку влечений в 20–30-х годах. В контексте рассмотрения этической проблематики важно понять взгляды основателя психоанализа на «роковую неизбежность» чувства вины, возникновение совести и ее природу.

Изречения

З. Фрейд: «Мы подозреваем, что табу дикарей Полинезии не так уж чуждо нам, как это кажется с первого взгляда, что запрещения морали и обычаев, которым мы сами подчиняемся, по существу своему могут иметь нечто родственное этому примитивному табу и что объяснение табу могло бы пролить свет на темное происхождение нашего собственного “категорического императива”».

З. Фрейд: «Теперь нам со всей ясностью видна и причастность любви к возникновению совести, и роковая неизбежность чувства вины. При этом не имеет значения, произошло отцеубийство на самом деле или от него удержались. Чувство вины обнаружится в обоих случаях, ибо оно есть выражение амбивалентного конфликта, вечной борьбы между Эросом и инстинктом разрушительности или смерти».

Вина и совесть

В некоторых своих работах, в частности в «Недовольстве культурой», Фрейд подчеркивал, что на возникновение чувства вины психоаналитики смотрят поиному, чем это обычно делают психологи. Так, согласно распространенному представлению, человек чувствует себя виновным тогда, когда он совершил какое-то деяние, признаваемое злом. Но подобное представление мало что проясняет в отношении возникновения чувства вины. Поэтому иногда добавляют, что виновным оказывается и тот человек, который не сделал никакого зла, но имел соответствующее намерение совершить определенное деяние, ассоциирующееся со злом. Однако и в том, и в другом случае предполагается, что человеку заранее известно зло — как нечто дурное, что необходимо исключать до его исполнения. Такое представление о возникновении чувства вины основывается на допущении, что человек обладает некой изначальной, естественной способностью к различению добра и зла.

Фрейд не разделял подобного представления ни об изначальной способности к различению добра и зла, ни о возникновении на основе такого различения чувства вины. Он утверждал, что часто зло не является ни опасным, ни вредным для человека. Напротив, оно подчас приносит ему удовольствие и становится для него даже желанным. Исходя из такого понимания зла, основатель психоанализа выдвинул положение, согласно которому различение между добром и злом происходит не на основе какой-то врожденной, внутренней способности человека, а в результате того воздействия на него, которое осуществляется извне.

Но чтобы поддаться какому-то внешнему воздействию, человек должен иметь определенный мотив, определяющий данное воздействие на него. Такой мотив, по мнению Фрейда, обнаруживается в беспомощности и зависимости человека от других людей, и он является не чем иным, как страхом утраты любви. Будучи зависимым от другого, человек оказывается перед лицом угрозы того, что понесет наказание со стороны лица, некогда любившего его, но в силу каких-то причин отказавшего ему в своей любви и вследствие этого способного выразить свое превосходство и власть в форме какой-либо кары.

У ребенка страх утраты любви очевиден, поскольку он боится, что родители перестанут любить его и будут строго наказывать. У взрослых людей также наблюдается страх утраты любви с той лишь разницей, что на место отца, матери или обоих родителей становится человеческое сообщество. Все это означает, что страх утраты любви, или «социальный страх», может восприниматься не только в качестве питательной почвы для возникновения чувства вины, но и послужить основанием для его постоянного усиления.

Однако Фрейд не столь односторонен в оценке подобной ситуации, как это может показаться на первый взгляд. В его представлении в психике человека наблюдаются значительные изменения по мере того, как происходит интериоризация авторитета родителей и человеческого сообщества. Речь идет о формировании Сверх-Я, об усилении роли совести в жизни человека. С возникновением Сверх-Я ослабляется страх перед разоблачением со стороны внешних авторитетов; в то же время исчезает различие между злодеянием и злой волей, поскольку от Сверх-Я невозможно скрыться даже в своих мыслях. Это приводит к возникновению нового соотношения между совестью человека и его чувством вины, поскольку, в представлении Фрейда, Сверх-Я начинает истязать внутренне сопряженное с ним Я и ждет удобного случая, чтобы наказать его со стороны внешнего мира.

Все эти соображения о соотношении страха, совести и вины были высказаны Фрейдом в работах 20-х годов. Однако уже в исследовании «Тотем и табу» он говорил о «совестливом страхе», признаке страха в чувстве вины, сознании вины табу и совести табу как самой древней форме, в которой находят выражение нравственные запреты. Именно в этом исследовании он поднял вопрос о происхождении и природе совести. Он считал, что, подобно чувству вины, совесть возникает на почве амбивалентности чувств из определенных человеческих отношений, с которыми связана эта амбивалентность. Согласно его воззрениям, табу можно рассматривать в качестве веления совести, нарушение которого ведет к возникновению ужасающего чувства вины.

Такое понимание совести имеет общие точки соприкосновения с категорическим императивом Канта как неким законом нравственности, благодаря которому поступок человека становится объективно необходимым сам по себе, без соотнесения его с какой-либо иной целью. Фрейд воспринял кантовскую идею о категорическом императиве, полагая, что с точки зрения психологии таковым является и табу, играющее важную роль в жизни первобытных людей. Если Кант говорил о нравственном законе, то основатель психоанализа рассмотрел категорический императив в качестве особого психического механизма, всецело предопределяющего или корректирующего деятельность человека.

В своей «овнутренной» ипостаси этот императив представлялся Фрейду не чем иным, как совестью, способствующей вытеснению и подавлению природных влече-

ний человека. Ведь в общем плане для основателя психоанализа нравственность — это ограничение влечений. Поэтому и совесть как нравственная категория соотносится им с ограничениями влечений и желаний человека. Но имеет ли совесть божественное происхождение, как настаивают на этом религиозные деятели? Или она имеет вполне земное происхождение и связана с историей развития человека и человечества? Дана ли нам совесть изначально, от рождения, или она формируется постепенно в процессе человеческой эволюции?

Фрейд провел аналогию между категорическим императивом Канта как нравственным законом и совестью как не нуждающимся ни в каком доказательстве внутренним восприятием недопустимости проявления имеющихся у человека сексуально-враждебных желаний. В то же время он ссылался на клинические данные и наблюдения за детьми, свидетельствующие о том, что совесть не всегда оказывается постоянным источником внутреннего давления на человека и что она не дана ему изначально, от рождения. Так, у подверженных меланхолии пациентов совесть и мораль, данные будто бы от Бога, обнаруживаются как периодические явления. У маленького ребенка нет никаких нравственных тормозов против его стремления к получению удовольствия, и можно было бы сказать, что он от рождения аморален. Что касается совести, то, по выражению Фрейда, здесь Бог поработал «не столь много и небрежно», поскольку у подавляющего большинства людей она обнаруживается в весьма скромных размерах. Тем не менее, как и в случае более позднего признания за религией части исторической правды, основатель психоанализа готов согласиться с тем, что в утверждениях о божественном происхождении совести содержится доля правдоподобия. Однако не метафизического, а психологического характера.

Обращаясь к осмыслению психических механизмов, связанных с наличием совести у человека, Фрейд перешел от рассмотрения истории возникновения табу, различного рода запретов, налагаемых на индивида извне, к раскрытию того «овнутрения» нравственных предписаний, благодаря которым кантовский категорический императив как нравственный закон становится индивидуально-личностным достоянием каждого человеческого существа. Согласно взглядам основателя психоанализа, именно с появлением запретов, заповедей и ограничений постепенно начался отход человека от первоначального своего животного состояния.

В процессе развития человеческой цивилизации налагаемые извне заповеди и запреты с их непременным ограничением свободного самовыражения естественных влечений стали внутрипсихическим достоянием человека, образовав особую инстанцию Сверх-Я. Она выступала в качестве моральной цензуры, или совести, соответствующим образом корректирующей его жизнедеятельность и поведение в реальном мире. Образование и усиление Сверх-Я можно рассматривать в качестве психического прогресса, совершаемого человеком и человечеством. Ведь данная инстанция весьма ценное психологическое приобретение культуры, способствующее, за небольшим исключением, внутреннему запрещению реального проявления бессознательных желаний, связанных с инцестом, каннибализмом, кровожадностью. Вместе с тем Фрейд был вынужден констатировать, что по отношению к другим бессознательным желаниям человека этот прогресс не столь существенен, так как значительное число людей повинуются нравственным требованиям и запретам скорее в силу угрозы наказания извне, нежели под влиянием совести. Они соблюдают нравственные предписания лишь под давлением внешнего принуждения и то до тех пор, пока угроза наказания остается реальной.

Констатация столь прискорбного положения в области нравственности современных людей, значительная часть которых не обременена совестью до такой степени, чтобы не совершать аморальные поступки в случае ослабления внешних запретов, не освобождала Фрейда от исследовательской задачи, связанной с осмыслением функций Сверх-Я. Размышляя над деятельностью Сверх-Я, он показал, что в функциональном отношении оно двойственно, поскольку олицетворяет собой не только требования долженствования, но и запреты. Требования долженствования диктуют человеку идеалы, в соответствии с которыми он стремится быть иным, лучшим, чем он есть на самом деле. Внутренние запреты направлены на подавление его темной стороны души, на ограничение и вытеснение бессознательных естественных желаний сексуального и агрессивного характера.

Таким образом, раздвоение и конфликтность между бессознательным и сознанием, Оно и Я, дополнялись в понимании Фрейда неоднозначностью самосознания, разноликостью Сверх-Я. В результате этого психоаналитически трактуемый человек действительно предстает в образе «несчастного» существа, раздираемого множеством внутрипсихических противоречий. Основатель психоанализа фиксирует двойственность человеческого существа, связанную с естественной и нравственной детерминацией его жизнедеятельности. В этом плане он делает шаг вперед по сравнению с крайностями антропологизма и социологизма, свойственными различным школам, представители которых отличались односторонним видением человека.

Однако в попытках объяснения этой двойственности он наткнулся на такие нравственные проблемы, психоаналитическая интерпретация которых привела к трудностям методологического и этического характера. Не случайно в его понимании человек предстает мечущимся не столько между должным и сущим, что в принципе способствует формированию критического отношения индивида к своему окружению, сколько между желаниями и запретами, искушением их нарушить и страхом перед возможным наказанием. Это предполагало прежде всего обращение к психическим механизмам нервнобольных, у которых как раз и наблюдалось подобного рода раздвоение. С точки зрения основателя психоанализа, морально-нравственные императивы, будучи «овнутренным» достоянием человека, ограничивающим его эротические, эгоистические и деструктивные влечения, одновременно служат питательной почвой для болезненного расщепления психики. В этом случае чувства вины и страха становятся для человека не столько стимулом для ответственного, здорового отношения к жизни, сколько причиной возникновения психических расстройств, бегства в болезнь, ухода от реальности в мир иллюзий.

Для Фрейда *моральное чувство вины — это выражение напряжения между Я и Сверх-Я*. С интериоризацией родительского авторитета, с возникновением Сверх-Я в психике человека происходят значительные изменения. Совесть как бы поднимается на новую ступень своего развития. Если в процессе первоначального происхождения совести существовал страх перед разоблачением со стороны внешнего авторитета, то с образованием Сверх-Я этот страх утрачивает свое значение. Вместе с тем перемещение авторитета извне внутрь ведет к тому, что Сверх-Я становится довлеющей силой и терзает Я. На этой новой ступени развития совесть приобретает черты жестокости. Она становится более суровой и подозрительной, чем на предшествующей ступени своего развития, когда человек испытывал страх перед внешним авторитетом. Подозрительность и жестокость совести приводят человека

к постоянному страху перед Сверх-Я, а это, в свою очередь, ведет к усилению чувства вины.

В работе «Тотем и табу» Фрейд рассмотрел вопрос о том, как возникли первые предписания морали и нравственные ограничения в примитивном обществе. Одновременно он отметил, что первоначальное чувство вины, возникшее в качестве реакции на «великое событие» — отцеубийство в первобытной орде, — не исчезло бесследно и оказывается наиболее действенным у невротиков в качестве непрерывных ограничений, покаяния в совершенных преступлениях и меры предосторожности перед теми преступлениями, которые предстоит совершить.

В более поздних работах, после того как основатель психоанализа выдвинул свои представления о трехчленной структуре психики и взаимоотношениях между Оно, Я и Сверх-Я, ему пришлось по-новому объяснять психологические механизмы развития страха, совести, вины. Точнее было бы сказать, что речь шла не столько о принципиально новом объяснении этих явлений, сколько о тех коррективах, которые оказались необходимыми в силу рассмотрения структурных представлений о функционировании психики человека. В частности, Фрейд пришел к выводу, что имеются два источника чувства вины. Первый связан со страхом перед внешним авторитетом. Второй — с позднейшим страхом перед Сверх-Я, перед совестью. Страх перед внешним авторитетом заставляет человека отказываться от удовлетворения своих влечений, желаний, инстинктов. Страх перед Сверх-Я приносит возможное наказание, поскольку перед совестью невозможно скрыть ни запретных желаний, ни даже мыслей о них. Суровость Сверх-Я, требования совести оказываются постоянно действующими факторами жизни человека, в значительной степени усиливающими чувство вины.

С точки зрения Фрейда, в человеке как бы одновременно существуют две ступени совести: первоначальная, инфантильная, и более развитая, воплощенная в Сверх-Я. Это означает, что между отказом от влечений и сознанием вины складываются такие отношения, которые далеко не всегда становятся понятными для тех, кто незнаком с психоаналитическими идеями. Дело в том, что первоначально отказ от влечений был не чем иным, как следствием страха человека перед внешним авторитетом. Поэтому, чтобы не потерять любовь со стороны другого лица, выступающего в качестве авторитета, ему приходилось отказываться от удовлетворения желаний. Расплата с внешним авторитетом в виде отказа от удовлетворения собственных влечений ведет к смягчению и даже устранению чувства вины. Другое дело страх перед Сверх-Я, перед интериоризированным авторитетом. Отказ от удовлетворения желаний оказывается недостаточным для устранения чувства вины, поскольку от Сверх-Я невозможно скрыться. Несмотря на подобный отказ, человек испытывает чувство вины. Муки совести не только не устраняются, а, напротив, могут усилиться. Если обусловленный страхом перед внешним авторитетом отказ от влечений служит достаточным основанием для сохранения или обретения любви, то вызванная к жизни страхом перед Сверх-Я аналогичная стратегия человека не служит гарантией любви.

Подобное объяснение природы совести и вины с неизбежностью ставило вопрос о согласовании генетической, связанной с историей становления, и структурной, относящейся к функционированию психики, точек зрения, сформулированных основателем психоанализа в работах «Тотем и табу» и «Я и Оно». Получалось,

что в первом случае возникновение совести сопряжено с отказом от влечений, в то время как во втором случае отказ от влечений обусловлен наличием совести. Этот парадокс аналогичным образом находил свое отражение в ранее рассмотренных взглядах Фрейда на соотношение вытеснения и страха, когда ему пришлось решать дилемму: является ли страх следствием подавления влечений человека, или само подавление влечений обусловлено наличием страха.

Напомню, что если первоначально Фрейд полагал, что энергия вытеснения бессознательных влечений ведет к возникновению страха, то в дальнейшем он пришел к выводу, что не вытеснение порождает страх, а предшествующий страх как аффективное состояние души влечет за собой вытеснение. Казалось бы, и в вопросе об отношении между отказом от влечений и возникновением совести он мог поступить аналогичным образом, то есть стать на какую-то определенную точку зрения. Так, в работе «Экономические проблемы мазохизма» (1924) он отметил, что обычно дело обстоит так, будто нравственные требования были первичными, а отказ от влечений — их следствием. При этом происхождение нравственности никак не объяснялось. На самом же деле необходимо идти, как полагал Фрейд, обратным путем, так как первый отказ от влечений навязывается внешними силами, и именно он создает нравственность, которая выражается в совести и требует дальнейшего отказа от влечений.

Однако этическая проблематика, связанная с пониманием природы совести и вины, оказалась столь запутанной и сложной для понимания, что основателю психоанализа пришлось неоднократно обращаться к обсуждению генезиса становления совести и возникновению сознания вины. Рассмотрение временной последовательности (отказ от влечений вследствие страха перед внешним авторитетом и последующая интериоризация его — Сверх-Я, ведущая к возникновению страха совести, истязанию Я и усилению чувства вины) не давало исчерпывающего объяснения того, как и почему совесть становится гиперморальной. Именно здесь Фрейду как раз и понадобилась идея, характерная исключительно для психоанализа и чуждая обыденному человеческому мышлению. В соответствии с этой идеей совесть (вернее, страх, который потом станет совестью) поначалу была первопричиной отказа от влечений, потом отношение переворачивается, и теперь отказ делается динамическим источником совести, всякий раз усиливая ее строгость и нетерпимость.

Рассмотрение под этим углом зрения взаимоотношений между отказом от влечений, совестью и усиливающимся чувством вины имело не только теоретическое, но и практическое значение. Клиническая практика свидетельствовала, что в образовании невротических заболеваний существенную роль играло то непереносимое чувство вины, которое могло разрушительным образом воздействовать на человека. Так, при неврозе навязчивых состояний в клинической картине болезни господствует чувство вины, которое настойчиво навязывается сознанию человека. Само чувство вины является для больных бессознательным. Нередко оно порождает бессознательную потребность в наказании, в результате чего Сверх-Я человека постоянно подтачивает его внутренний мир и ведет к самоистязанию, самоедству, мазохизму. При этом не имеет значения, совершил ли человек какой-либо неблаговидный поступок или только помыслил о нем. Злодеяние и злой умысел как бы приравниваются друг к другу. Различие между ними становится несущественным для возникновения чувства вины.

Одно из открытий психоанализа состояло в том, что *Фрейд рассматривал совесть в качестве строгой инстанции, осуществляющей надзор и суд как над действиями, так и над умыслами человека.* Жестокость, неумолимость Сверх-Я по отношению к опекаемому Я порождали такое психическое состояние тревожности, которое не оставляло человека в покое. Страх перед Сверх-Я, напряженные взаимоотношения между Я и контролирующей совестью, сознание чувства вины, бессознательная потребность в наказании — все это с психоаналитической точки зрения служило питательной почвой для становления Я, находящегося под влиянием садистского Сверх-Я, мазохистским.

Вызванные к жизни гиперморальным, садистским Сверх-Я мазохистские тенденции Я находят свое непосредственное выражение в психике нервнобольных, остро испытывающих бессознательную потребность в наказании. Имея дело в клинической практике с проявлением мазохистских тенденций пациентов, Фрейд был вынужден обратиться к концептуальному осмыслению нравственных проблем. Это подтолкнуло его не только к рассмотрению соотношений между страхом, совестью и чувством вины, но и к более детальному изучению мазохизма как такового.

Изречения

З. Фрейд: «Поначалу, таким образом, зло есть угроза утраты любви, и мы должны избегать его из страха такой утраты. Неважно, было ли зло уже совершено, хотят ли его совершить: в обоих случаях возникает угроза его раскрытия авторитетной инстанцией, которая в обоих случаях будет карать одинаково».

З. Фрейд: «Совесть представляет собой внутреннее восприятие недопустимости известных имеющихся у нас желаний; но ударение ставится на том, что эта недопустимость не нуждается ни в каких доказательствах, что она сама по себе несомненна».

З. Фрейд: «Человек поменял угрозу внешнего несчастья — утраты любви и наказания со стороны внешнего авторитета — на длительное внутреннее несчастье, напряженное сознание виновности».

Моральный мазохизм

В работе «Экономические проблемы мазохизма» (1924) основатель психоанализа специально остановился на раскрытии природы этого явления, соотнеся его с бессознательным чувством вины и потребностью в наказании. При этом он выделил три формы мазохизма: *эрогенный*, как условие сексуального возбуждения; *женский*, являющийся выражением женской сущности; *моральный*, выступающий в качестве некоторой нормы поведения. Последняя форма мазохизма соотносилась Фрейдом с наличием бессознательного чувства вины, искупление которого находило свое отражение в невротическом заболевании. Отсюда стремление основателя психоанализа к раскрытию внутренних связей между садистским Сверх-Я и мазохистским Я, а также тех трудностей, которые проявляются в аналитической терапии при работе с пациентами, склонными к моральному мазохизму.

Если в процессе терапии у пациента наблюдается ухудшение психического состояния, то аналитик может соотнести это явление с наличием у больного внутреннего сопротивления. Зная психические механизмы возникновения сопротивления, аналитик может прийти к заключению, что ухудшение состояния пациента оказывается не чем иным, как стремлением больного доказать свое превосходство над врачом. Однако в действительности, скорее всего, имеет место нечто другое. Пациент реагирует ухудшением своего состояния на успех лечения потому, что, несмотря на его приход к аналитику, он на самом деле не хочет расставаться со своей болезнью. Вместо улучшения наступает ухудшение его состояния. Вместо избавления от страданий в ходе анализа у пациента возникает потребность в их усилении. У него проявляется негативная терапевтическая реакция.

За сопротивлением против выздоровления такого пациента кроется необходимость в постоянном страдании, выступающем в качестве искупления бессознательного чувства вины. Основополагающим здесь оказывается нравственный, моральный фактор, предопределяющий бегство в болезнь как некое наказание, или, лучше сказать, самонаказание. Основанное на бессознательном чувстве вины, это самонаказание нуждается в постоянной подпитке в форме страданий, упразднение которых в процессе лечения воспринимается как покушение на внутренний мир пациента, который находится под бдительным и недремлющим оком гиперморального Сверх-Я. Поэтому чем успешнее будет проходить психоаналитическая терапия, тем отчаяннее будет бороться отягощенный бессознательным чувством вины пациент за сохранение собственных страданий. И если при работе с таким пациентом аналитику не удастся распознать за сопротивлением в форме негативной терапевтической реакции наличия у больного бессознательного чувства вины и внутренней потребности его в самонаказании, то он вряд ли окажется в состоянии понять суть происходящего, что, несомненно, отразится на дальнейшем ходе психоаналитического лечения.

Достаточно сказать, что основанное на чувстве вины сопротивление выздоровлению не поддается быстрому устранению путем сознательной интерпретации со стороны аналитика. Пациент чувствует себя больным, а не виноватым, и требуется немало усилий для того, чтобы он признал, что в сопротивлении собственному исцелению повинно его бессознательное чувство виновности, служащее мотивом заболевания. Поэтому аналитику необходимо понимание тех взаимоотношений между Сверх-Я и Я пациента, нравственная подоплека которых порождает моральный мазохизм и внутреннюю потребность в самонаказании в форме невротического заболевания.

Основанный на бессознательном чувстве вины *моральный мазохизм — нередкое явление среди депрессивных пациентов.* Многие из них ощущают свою виновность, хотя и не могут объяснить для себя, в чем на самом деле состоит их вина. Чаще всего в их объяснительные схемы включаются механизмы рационализации, связанные с апелляцией к нравственному долгу. Они как бы обращаются к своей совести, следование которой становится жизненной стратегией. И хотя на самом деле их мышление и действие предопределяются не столько совестью как таковой, сколько бессознательным чувством вины, сопряженным с внутренней потребностью в наказании, тем не менее субъективно воспринимаемое давление совести в форме непременного долженствования приводит к развитию мазохистского Я. Собственные страдания становятся своеобразной защитой не только от былых внешних угроз, но и от внутреннего осознания того, что оказалось вытесненным в глубины бессознательного.

В связи с этим в психике человека могут происходить своеобразные процессы, не всегда попадающие в поле зрения исследователей и терапевтов. Так, согласно психоаналитическому пониманию психосексуального развития ребенка возникновение морали, нравственности и совести связано с преодолением эдипова комплекса, точнее, с десексуализацией его. Путем интериоризации внешнего авторитета в психике происходит формирование Сверх-Я, которое начинает выступать в качестве совести, оказывающей давление на Я. Отсюда — возможность возникновения внутрипсихических конфликтов, разыгрывающихся в результате столкновения между жестоким Сверх-Я и ранимым Я. Однако в случае формирования процессов, связанных с моральным мазохизмом, происходит своего рода регрессия, когда наблюдается как бы ресексуализация эдипова комплекса. В результате подобной ресексуализации вновь оживает эдипов комплекс, воскрешаются ранее имевшие место переживания. Собственно говоря, происходит обратное движение от морали к инфантильному состоянию, когда за бессознательным чувством вины скрывается активизация амбивалентного отношения к объекту любви, по сути дела воспроизводящая специфические отношения к родителям. В этом плане моральный мазохизм оказывается тесно связанным с инфантильным искажением детско-родительских отношений, проявляющихся в бессознательных желаниях установления пассивных сексуальных связей в рамках семейного треугольника.

Моральный мазохизм — широко распространенное явление среди пациентов, страдающих депрессивными состояниями, возникшими на почве бессознательного чувства вины и потребности в наказании. Это вовсе не означает, что их обостренное отношение к нравственности, чаще всего характеризующееся необходимостью следования по-своему понятому долгу, исключает какие-либо садистские компоненты. Бывает и так, что мазохистское самоедство вбирает в себя такие карающие функции совести, которые влекут за собой гиперактивность Сверх-Я, граничащую с проявлением садизма. В этом случае садизм Сверх-Я может оказаться таким непримиримым, тираническим и жестким по отношению к мазохистскому Я, что человек способен оказаться на грани между жизнью и смертью: глубокая депрессия может завершиться решением покончить со своим собственным существованием.

Аналитическая терапия направлена на то, чтобы не только не допустить активизации садистского Сверх-Я, но и облегчить страдания пациента, который находится во власти морального мазохизма. Это лишний раз свидетельствует о том, что нравственная проблематика органически входит в остов психоанализа и как исследования, и как терапии.

Во всяком случае, понимание добра и зла, нравственных категорий человека всегда находилось в центре внимания Фрейда. Тем более что как в теоретическом, так и в практическом отношении нравственная проблематика с неизбежностью подводила к рассмотрению общих проблем, касающихся взаимосвязей между человеком и культурой. Среди них наиболее значимой представлялась проблема жизни и смерти, находящая свое отражение в проявлении сексуальных и агрессивных влечений, мазохистских и садистских наклонностей. Осмысление этого предполагало в первую очередь обращение к феномену культуры как таковому. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Фрейд уделял столь пристальное внимание исследованию культуры.

Изречения

З. Фрейд: «Страдание, приносящее с собой неврозы, есть именно тот фактор, благодаря которому они обретают ценность для мазохистской тенденции».

З. Фрейд: «Хотя индивид и может, наряду со своим мазохизмом, сохранить — полностью или в известной степени — свою нравственность, добрая часть его совести может, однако, и пропасть в мазохизме».

З. Фрейд: «Садизм Сверх-Я и мазохизм Я дополняют друг друга и объединяются для произведения одних и тех же следствий. Я думаю, что только так можно понять то, что результатом подавления влечений — часто или во всех вообще случаях — является чувство вины и что совесть становится тем суровее и чувствительнее, чем больше человек воздерживается от агрессии против других».

Контрольные вопросы

1. Какие нравственные проблемы обсуждались в рамках психоанализа?
2. Каковы представления Фрейда о нравственной природе человека?
3. Почему Фрейд акцентировал внимание на «злом» начале в человеке?
4. В чем состоит специфика психоаналитического понимания нравственности и истоков ее возникновения?
5. Какова психоаналитическая трактовка совести и вины?
6. Что представляет собой моральный мазохизм?

Рекомендуемая литература

1. *Алби Ж.М., Паше Ф.* Психоаналитическая концепция мазохизма со времен Фрейда: превращение и идентичность // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд. Жизнь. Работа. Наследие. М., 1998.
2. *Лейбин В.М.* Классический психоанализ: история, теория, практика. М.; Воронеж, 2001.
3. *Лейбин В.М.* Случай «дикой» депрессии с ярко выраженным моральным мазохизмом. Ижевск, 2011.
4. *Фрейд З.* «Культурная» сексуальная мораль и современная нервозность // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М., 1994.
5. *Фрейд З.* Психоанализ. Религия. Культура. М., 2014.
6. *Фрейд З.* Тотем и табу. М., 2015.
7. *Фрейд З.* Экономическая проблема мазохизма // Захер-Мазох Л., Делез Ж., Фрейд З. Венера в мехах. М., 1992.

Глава 16

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Оценка культуры

В различных своих работах в той или иной степени Фрейд освещал вопрос о том, как происходило становление культуры в истории человечества и каким образом она оказывала воздействие на человека. При этом он меньше всего уделял внимания какому-либо точному определению понятия культуры и не проводил различий между культурой и цивилизацией. Разумеется, можно ставить в упрек основателю психоанализа то, что он пренебрегал различием между культурой и цивилизацией. Но следует иметь в виду, что это он делал в силу того, что не видел необходимости вникать с позиций психоанализа в тонкости понятийных дискуссий, касающихся рассмотрения взаимосвязей между человеком и культурными требованиями, налагаемыми на него обществом.

Фрейд исходил из обыденного понимания культуры, предполагающего опору на здравый смысл, а не на заумное философствование относительно того, что подразумевается под культурой как таковой. Так, в работе «Будущее одной иллюзии» (1927) он подчеркивал, что под человеческой культурой понимает все то, в чем человеческая жизнь возвысилась над своими биологическими обстоятельствами и чем она отличается от жизни животных. Аналогичной точки зрения он придерживался и в работе «Недовольство культурой» (1930), которая была специально посвящена осмыслению культурологической проблематики. Конкретизируя свое понимание, основатель психоанализа замечал, что слово «культура» обозначает всю сумму достижений и учреждений, отличающих жизнь человека от жизни животных и служащих двум целям: защите людей от природы и урегулированию отношений между людьми.

Рассматривая взаимосвязь между подавлением сексуальной жизни индивида, созиданием культурных ценностей и невротизацией людей, Фрейд соотнес историю

психосексуального развития человека с соответствующими этапами, ступенями становления человеческой культуры. В частности, исходя из истории развития сексуального инстинкта, он выделил три ступени культуры. На первой ступени становления культуры удовлетворение сексуальных влечений не преследует цели размножения. На второй — все не служащее цели размножения оказывается подавленным. На третьей — в качестве сексуальной цели допускается только законное размножение. Первая ступень культуры предполагает естественное удовлетворение сексуальных влечений человека, когда между его природной сексуальностью и требованиями культуры нет какого-либо существенного барьера. На второй ступени культуры запрету подвергается все то, что относится к разряду так называемых перверсий, связанных с извращенным сексуальным удовлетворением. Третья ступень культуры соотносится с признанием в качестве доминирующей такой сексуальной цели, которая служит законно оправданному деторождению.

Фрейд не разделял широко распространенного предрассудка, согласно которому культуру следует рассматривать как одно из самых драгоценных достояний человечества. Точно так же он не считал, что культура с неизбежностью и необходимостью ведет к невиданным совершенствам. Напротив, основатель психоанализа полагал, что по большей части усилия культуры не стоят затраченного труда, а ее достижения сопровождаются невыносимыми страданиями человека. Исходя из этого, он поднимал вопрос, стоит ли культура вообще тех жертв, которые она требует от всех людей.

Почему данный вопрос встал перед Фрейдом во всей своей остроте? Что послужило основанием для подобного взгляда на культуру? Какие особенности культуры вызвали у него неприятие? В чем он видел причины того, что порождало недовольство культурой не только у него самого, но и у многих людей, воспринимавших культурные требования общества как ущемление их свободы?

Ответы на эти вопросы предполагают более подробное освещение культурологических взглядов Фрейда. Во всяком случае, рассмотрение того, как и под каким углом зрения он оценивал взаимосвязи между культурой и человеком, представляется важным и необходимым для лучшего понимания психоанализа как такового.

В представлении Фрейда, культура имеет по меньшей мере две составляющие. Одна из них соотносится с накопленными людьми знаниями и умениями, позволяющими им овладевать силами природы и пользоваться ее благами для удовлетворения человеческих потребностей. Вторая охватывает институты, необходимые для упорядочения взаимоотношений между людьми и прежде всего — для распределения тех благ, которые они получают от природы. Обе составляющие культуры тесно связаны между собой, так как мера удовлетворения влечений людей сказывается на взаимоотношениях между ними. Они вступают в такие отношения друг с другом по поводу тех или иных благ, когда один человек использует другого в качестве рабочей силы или сексуального объекта, а каждый индивид является потенциальным врагом культуры, которая в конечном итоге остается достоянием всех. Все институты, учреждения и заповеди культуры предназначены для обеспечения соответствующего распределения благ между людьми и в то же время для того, чтобы защищать от них собственные творения, которые служат как покорению природы, так и производству необходимых для них благ.

Современное состояние культуры таково, что меньшинство людей завладело средствами власти и насилия в распределении благ, в результате чего большинство

людей враждебно относятся к самой культуре. Разумеется, можно предположить, что все существующие проблемы обусловлены несовершенством форм культуры и не связаны с культурой как таковой. В этом случае вина падает на неупорядоченность человеческих взаимоотношений и, следовательно, необходимо преобразование общественных институтов с тем, чтобы принуждение людей и подавление их влечений не входили в остов культуры. Однако, как полагал Фрейд, всякая культура строится на принуждении и запрете влечений, и нет никакой уверенности в том, что переупорядочение человеческого общества сможет поддерживать ту интенсивность трудовой деятельности людей, которая способствует приросту жизненных благ. Приходится считаться с тем, что у всех людей существуют антиобщественные и антикультурные тенденции, что у большинства из них они достаточно сильны, чтобы определить собою их поведение в человеческом обществе.

Для Фрейда именно этот психологический факт имеет предопределяющее значение при оценке культуры. Покорение природы с целью получения материальных благ и целесообразное распределение их среди людей были важными и необходимыми аспектами развития культуры. Однако в условиях современной культуры центр тяжести сместился с материального на душевное. И поэтому в первую очередь необходимо учитывать внутрипсихические процессы, вызванные к жизни подавлением влечений и принуждением к культурной работе, поскольку люди, согласно основателю психоанализа, не имеют спонтанной любви к труду и все доводы разума бессильны против их страстей.

Если в ранних своих работах Фрейд полагал, что всякая культура покоится на отказе от влечений, то в трудах конца 20-х – начала 30-х годов он утверждал, что в ее основе лежит не только отказ от влечений, но и принуждение к труду. Это привело его к пересмотру широко распространенного положения, согласно которому жизненные блага и порядок их распределения предстают главным и единственным содержанием культуры. В поле его зрения оказались прежде всего средства принуждения и иные способы защиты культуры, призванные вознаграждать людей за принесенные ими жертвы. В понимании Фрейда, все эти средства и способы примирения людей с реальностью оказываются не чем иным, как *психологическим арсеналом культуры*.

Среди этого психологического арсенала важное место отводится древнейшим запретам, с которых культура начала свой отход от первобытного животного состояния. Эти запреты, связанные с отказом от удовлетворения импульсивных желаний, включая инцест и кровожадность, сохраняют свою значимость и в современной культуре. Ведь данные импульсивные желания, по убеждению основателя психоанализа, заново рождаются в каждом ребенке и все еще составляют основу враждебных чувств к культуре.

Говоря о действенности импульсивных желаний в современной культуре, Фрейд подчеркивал, что на протяжении многих столетий развитие человеческой психики осуществлялось в том направлении, когда внешнее принуждение постепенно уходило внутрь. В результате в человеке образовалась новая психическая инстанция, воплощенная в Сверх-Я и включившая в себя ранее усвоенные заповеди, благодаря чему осуществляется приобщение индивида к нравственности и социальности. Это усилие Сверх-Я рассматривалось им в качестве ценного психологического приобретения культуры. Благодаря ему человек становится не противником культуры,

а ее носителем. Другое дело, что мера интериоризации, то есть вбирание ранее действенных внешних принуждений внутрь человеческой психики, оказывается различной и для отдельных индивидов, и для отдельных запретов. Далеко не у всех людей Сверх-Я, особенно такая его составляющая, как совесть, является актуально действующим. Далеко не все требования культуры соблюдаются людьми под воздействием Сверх-Я, а не в результате внешнего принуждения, когда нарушение запрета влечет за собой реальное наказание. Все это необходимо принимать в расчет при оценке культуры.

Интериоризация предписаний культуры — это лишь одно из духовных благ человечества. Наряду с ней имеются и другие ее блага, как, скажем, идеалы, творения искусства и религиозные представления, которые чаще всего воспринимаются в качестве психологического достояния культуры. Однако, как полагал Фрейд, идеалы имеют нарциссическую природу и нередко становятся поводом к размежеванию и вражде между различными культурными регионами, нациями.

Творения искусства дают эрзац удовлетворения, примиряют людей с принесенными им жертвами, вызывают чувства идентификации, но в то же время служат и нарциссическому удовлетворению. Религиозные представления есть не что иное, как иллюзии, предназначенные для примирения человека с гнетом культуры, но в действительности оказывающиеся сродни бредовым идеям. В понимании Фрейда, все это означает, что являющийся несомненным достижением культурного развития психологический арсенал культуры тем не менее не служит надежной гарантией того, что культура как таковая защищает человека от всевозможных страданий и обеспечивает ему достижение реального счастья.

Возникает вопрос: почему речь идет о счастье человека, должна ли культура обеспечивать его достижение и следует ли считать это смыслом жизни?

Фрейд констатировал, что вопрос о смысле жизни неоднократно ставился мыслителями прошлого, но до сих пор на него не было дано удовлетворительного ответа. Сам он не претендовал на то, чтобы исчерпывающим образом ответить на этот вопрос, и ограничился более скромной постановкой вопроса о том, что сами люди полагают целью и смыслом жизни то, чего они хотят и к чему стремятся.

С точки зрения Фрейда, люди стремятся к достижению счастья. Это стремление имеет две стороны, обусловленные преследованием положительной и отрицательной цели. Речь идет о стремлении к переживанию чувства удовольствия или отсутствия неудовольствия, боли. Под счастьем понимается, как правило, первое, поскольку, по мнению основателя психоанализа, цель жизни человека задана принципом удовольствия. Психика человека функционирует по внутренней программе достижения удовольствия. Однако в реальной жизни человек постоянно сталкивается с окружающим его миром, и его программа принципа удовольствия оказывается противоречащей этому миру, в результате чего она преобразуется в более скромный принцип реальности. В результате удовлетворение становится возможным только как эпизодическое явление. Тем более что человек обладает способностью наслаждения лишь при наличии контраста. Оказывается, что возможность достижения счастья ограничена самой конституцией человека.

Что касается страданий человека, то они, в понимании Фрейда, угрожают ему с трех сторон. Во-первых, они обусловлены угрозой со стороны собственного тела, изначально приговоренного к упадку и разложению. Во-вторых, имеет место угроза

со стороны внешнего мира, который способен обрушить на человека свои разрушительные силы. В-третьих, страдания проистекают в результате угрозы со стороны отношений человека с другими людьми, что воспринимается, пожалуй, болезненнее всего, поскольку сам человек создает подобные отношения.

Под давлением этих возможных страданий человек снижает свои запросы, связанные с притязанием на счастье. Он начинает ощущать себя счастливым, если ему удается избежать несчастья и превозмочь свои страдания. Стремление к удовольствию как бы оттесняется на второй план по сравнению со стремлением избегнуть страдания. Наблюдается точно такая же картина, как и в случае модификации принципа удовольствия в принцип реальности. Причем человек может прибегать к различным жизненным стратегиям, связанным с избеганием страданий, — будь то добровольное одиночество и уход от людей, химическое воздействие на собственный организм и использование наркотиков, умерщвление влечений и использование различных практик йоги, смещение либидо на иные несексуальные цели и повышение уровня интеллектуальной, художественной деятельности. Однако ни одна из этих стратегий не обеспечивает полного избавления человека от страданий.

Имеется еще одна жизненная ориентация, связанная не столько со стремлением избежать страданий путем отвращения от мира, сколько с изначальным стремлением к положительному достижению счастья благодаря чувственной привязанности к объектам этого мира. Речь идет о жизненной ориентации, в центре которой стоит любовь и ожидание того, что всякое удовлетворение является следствием любви. Сексуальная любовь служит прообразом стремления человека к счастью, поскольку она связана с личным опытом глубочайшего наслаждения. Вместе с тем и у этой жизненной стратегии имеются свои изъяны, поскольку, как считал Фрейд, человек никогда не оказывается столь беззащитным перед лицом страдания, чем когда он любит, и он никогда не бывает столь безнадежно несчастным, как при потере любимого существа или его любви.

Так или иначе, все жизненные стратегии, связанные со стремлением к наслаждению или избеганию страданий, оказываются по-своему ущербными. Во всяком случае, как полагал Фрейд, обусловленная принципом удовольствия программа стать счастливым оказывается неисполнимой. Счастье как таковое становится проблемой экономии сексуальной энергии, либидо. И не случайно для некоторых людей, особенно для тех, кто с рождения имел неблагоприятную конституцию влечений и не сумел в дальнейшем ходе своего психосексуального развития соответствующим образом упорядочить компоненты либидо, жизненная стратегия оказывается не чем иным, как бегством в невроз.

Два источника страданий человека — всесилие природы и бренность тела — признаются им неизбежными, поскольку невозможно добиться полноты власти над природой, а являющийся сам частью природы человеческий организм имеет ограничения в приспособлении и деятельности. Правда, это не ведет к признанию никчемности человеческих деяний. Скорее напротив, указывает на необходимое направление деятельности человека, связанное с возможностью устранения или смягчения двух предшествующих источников его страданий.

Иное отношение у человека к третьему источнику страданий, обусловленному недостатками институтов, регулирующих взаимоотношения людей в семье, обществе, государстве. Поскольку этот социальный источник страданий проистекает от

образований, созданных самим человеком, то ему хотелось бы полностью устранить его. Однако, как показывает история развития человечества, этого сделать не удается, и поэтому невольно закрадывается подозрение, что в существовании данного источника страданий человека повинны свойства его психики.

Исходя из данных размышлений, Фрейд выдвинул предположение, что бо́льшая часть вины за страдания и несчастья человека ложится на культуру как таковую. Если бы человек смог от нее отказаться и вернуться к своему первобытному состоянию в свободном проявлении своей чувственности, то он бы был значительно счастливее по сравнению с тем, что ему приходится претерпевать в современной культуре. Сам основатель психоанализа рассматривал выдвинутое им предположение как весьма необычное и поразительное, поскольку, в принципе, все средства защиты от угрожающих человеку страданий принадлежат как раз именно культуре, которая в то же время оказывается преградой на пути обретения им счастья.

Изречения

З. Фрейд: «Мы считаем, что культура была создана под влиянием жизненной необходимости за счет удовлетворения влечений, и она по большей части постоянно воссоздается благодаря тому, что отдельная личность, вступая в человеческое общество, снова жертвует удовлетворением своих влечений в пользу общества».

З. Фрейд: «Решающим оказывается, удастся ли и насколько удастся уменьшить тяжесть налагаемой на людей обязанности жертвовать своими влечениями, примирить их с неизбежным минимумом такой жертвы и чем-то ее компенсировать».

Критерии культурности

Чтобы лучше понять парадоксальность культуры, Фрейду пришлось бросить ретроспективный взгляд на историю развития человечества. Если в работе «Тотем и табу» (1913) он в большей степени рассматривал историю возникновения примитивных форм религии и нравственных запретов, то в книге «Недовольство культурой» (1930) основатель психоанализа попытался в краткой форме изложить свои взгляды на становление культуры как таковой и рассмотреть вопрос о критериях культурности.

Что можно считать критерием культурности? На первый взгляд представляется, что таким критерием служит все то, что оказывается полезным для человека. Однако критерии культурности включают в себя и такие составляющие, которые выглядят порой бесполезными, как, например, почитание красоты, встречающейся в природе или созданной самим человеком. К критериям культурности можно отнести также признаки чистоты и порядка. О высоком уровне культуры свидетельствуют и высшие формы психической деятельности, научные и художественные достижения, религиозные и философские идеи. И наконец, важной характеристикой культуры становится тот способ, каким регулируются взаимоотношения людей. Речь идет о социальных отношениях, в которых человек выступает в качестве сексуального объекта, рабочей силы, члена семьи, общества, государства.

Рассуждая об этих критериях и характеристиках культуры, Фрейд утверждал, что в историческом плане уже в первой попытке человечества урегулировать социальные отношения присутствовал элемент культуры. Благодаря такой попытке стала возможной совместная жизнь людей, и в противоположность власти индивида, основанной на его грубой силе, установилась власть общества, покоящаяся на праве. Замена власти индивида властью общества, в котором его члены стали ограничивать себя в возможностях удовлетворения влечений, оказалась, по мнению Фрейда, решающим по своему значению шагом культуры.

Еще одним шагом на пути культурного развития стало требование справедливости, а также необходимость соблюдения гарантии того, что установленный правопорядок в обществе не будет нарушаться в пользу отдельных индивидов. В процессе дальнейшего культурного развития этическая ценность права предполагала недопущение произвола со стороны не только индивида, но и членов сообщества, объединившихся в касты или сословия. В идеале культурное развитие должно было ориентироваться на право, которое распространялось на всех дееспособных людей, приносящих в жертву общественности и социальности свои инстинктивные склонности и желания. Однако, как замечал основатель психоанализа, чаще всего даже в рамках одного сообщества не удается избежать силового разрешения вступающих в конфликт интересов людей. Культурное развитие способствовало лишь частичным объединениям на больших пространствах, в то время как конфликты между ними становились порой неизбежными. Поэтому, говоря о культурном развитии и этической ценности права, не следует забывать, что у истоков своих право было голой силой и что даже сегодня оно не может обойтись без поддержки силы.

Фрейд не разделял точку зрения, согласно которой свобода человека рассматривалась как высшее достижение, свидетельствующее о культурном развитии. Напротив, он считал, что индивидуальная свобода ни в коей мере не является культурным благом. Такая свобода была максимальной до возникновения культуры, но она не имела какой-либо позитивной ценности, поскольку, по сути дела, человек не был в состоянии защитить ее. По мере развития культуры происходит ограничение свободы. И это вполне очевидно, так как справедливость требует, чтобы человек соблюдал все ограничения, налагаемые на него требованиями культурного сообщества.

Стремление к свободе в человеческом обществе может быть сопротивлением, бунтом против имеющей место несправедливости. В этом случае оно способствует дальнейшему развитию культуры. Однако то же самое стремление к свободе может иметь своим источником все то, что сохранилось в человеке от его первоначальных, не укрощенных культурой влечений. Выраженное таким образом, оно как раз и становится основанием вражды, испытываемой человеком по отношению к культуре. Это означает, что стремление к свободе оказывается направленным или против определенных форм притязаний и требований культуры, или против культуры вообще, поскольку человеку свойственно отстаивать свое право на индивидуальную свободу, противостоящую воле масс.

Впоследствии размышления Фрейда о соотношении между свободой индивида и развитием культуры нашли свое отражение и продолжение у американского психоаналитика Э. Фромма, который опубликовал книгу «Бегство от свободы» (1941). В ней он подробно исследовал историю завоевания человеком свободы, а также ее позитивные и негативные последствия, сказывающиеся на жизни людей. Основатель

же психоанализа в результате своих размышлений пришел к заключению, что равновесие между человеком и культурой, индивидуальными притязаниями и культурными требованиями общества является роковой проблемой человечества.

Фрейд рассматривал культурное развитие не само по себе, а через призму тех процессов, которые связаны с влечениями человека. Ему было важно раскрыть изменения в структуре человеческой психики, обусловленные, с одной стороны, стремлением к удовлетворению влечений, а с другой — ограничениями, налагаемыми на человека культурой. Он исходил из того, что под влиянием культурных требований некоторые влечения человека ослабевали и на их месте возникало нечто иное, проявляющееся в свойствах характера. Наглядным примером такого процесса может служить, в частности, анальная эротика. Если первоначально ребенок проявляет повышенный интерес к своим экскрементам, не видя в них ничего такого, чего следовало бы стыдиться, то в последующем процессе своего психосексуального развития он приобретает характерологические черты, будь то скупость, стремление к порядку и чистоте. Эти черты могут приобрести такое господствующее положение в психике человека, что превращаются в анальный характер. Чистота и порядок оказываются превалирующими.

Таким образом, можно говорить о некой аналогии между историческим культурным процессом и развитием либидо у отдельного человека. В обоих случаях имеет место переключение влечений на иные пути их удовлетворения, то есть сублимация влечений. Именно эта сублимация, по мысли основателя психоанализа, играет важную роль в культурном развитии человечества, является его выдающейся чертой и делает возможным высшие формы психической деятельности, включая художественную, идеологическую или научную. В понимании Фрейда наиболее важный момент психосексуального развития человека состоит в следующем: насколько культура строится на основе отказа от человеческих влечений, настолько предпосылкой ее дальнейшего развития становится подавление и вытеснение этих влечений. Учет этого обстоятельства позволяет осуществлять сопоставление между культурным развитием и процессом созревания индивида. Однако подобное сопоставление предполагает прежде всего выяснение того, как и каким образом осуществляется культурное развитие, каковы истоки его происхождения и в чем состоит его направленность.

В работе «Тотем и табу» (1913) основатель психоанализа предпринял попытку рассмотрения того пути, по которому первоначально шло человечество, начиная от первобытной орды и кончая братским союзом как одной из форм организации совместной жизни людей. Он показал, что в основе становления человеческой культуры стояли Эрос и Ананке, то есть сексуальные влечения, предопределяющие взаимоотношения между мужчинами и женщинами, а также принуждение к труду, возникшее из необходимости удовлетворения материальной нужды.

Фрейд уделял особое внимание рассмотрению изменений, происходящих в сексуальных влечениях и предопределяющих культурное развитие. Он показал, каким образом сексуальное влечение делается заторможенным по цели и как оно приходит в состояние нежности, способствуя тем самым установлению взаимоотношений между людьми. Если половая любовь ведет к возникновению новых семейных союзов, то заторможенная по цели любовь сопровождается становлением дружеских объединений, культурно значимых для человека, поскольку в них осуществляется преодоление ограничений, связанных с сексуальностью. Вместе с тем в процессе своего развития утрачивается однозначное отношение любви к культуре.

Уже в первой фазе своего культурного развития, связанного с тотемизмом, дал знать о себе запрет на кровосмешение. Этот запрет нанес, по мнению Фрейда, глубочайшую рану любовной жизни человека. В дальнейшем через табу, законы и обычаи были введены различные ограничения, распространяющиеся как на мужчин, так и на женщин. Отнимая путем принуждения у сексуальности значительную долю психической энергии, культура пользуется ею в своих целях. Прежде всего она накладывает запрет на проявление детской сексуальности и тем самым осуществляет подготовительную работу для укрощения сексуальных влечений взрослых людей.

С точки зрения культурного развития подавление детской сексуальности может считаться оправданным, однако, согласно основателю психоанализа, неоправданным оказывается то, что культура слишком далеко заходит в своем подавлении. В результате чего сексуальность детей как таковая вообще отвергается и не признается. Предъявляя одинаковые требования к сексуальной жизни всех людей и не учитывая различия в их врожденной или приобретенной сексуальной конституции, культура лишает людей значительной части их сексуального наслаждения. В конечном итоге культура не признает сексуальность в качестве самостоятельного источника удовольствия человека, ограничивая ее функцией продолжения человеческого рода. Все это ведет к тому, что сексуальная жизнь культурного человека оказывается в той или иной степени ущемленной, покалеченной, несвободной.

Как показывает психоаналитическая практика, отказ от сексуальной жизни для части людей становится столь невыносимым, что, спасаясь от гнета культуры, они убегают в болезнь, а сексуальное удовлетворение заменяется различными симптомами. И хотя им частично удается сгладить невыносимость жизненной ситуации, в которой они оказались в силу различного рода причин, тем не менее часто они не только обрекают себя на страдания, но и оказываются источником страдания других людей, поскольку привносят в их жизнь всевозможные трудности, разрешение которых становится проблематичным.

Изречения

З. Фрейд: «Немалая часть борьбы человечества сосредоточивается вокруг одной задачи — найти целесообразное, то есть счастливое, равновесие между индивидуальными притязаниями и культурными требованиями масс. Достижимо ли это равновесие посредством определенных форм культуры, либо конфликт останется непримиримым — такова одна из роковых проблем человечества».

З. Фрейд: «С одной стороны, любовь вступает в противоречие с интересами культуры, с другой — культура угрожает любви ощутимыми ограничениями».

Императивы культуры

Согласно Фрейду, противоречие между культурой и сексуальностью вытекает из того факта, что сексуальная любовь предполагает отношения между двумя лицами, в то время как культура основывается на отношениях между многими людьми. Являющееся вершиной любви, соединение двух влюбленных не нуждается в наличии

третьего лица. Влюбленная пара утрачивает интерес к внешнему миру, для счастья ей не нужен даже ребенок. Культура, напротив, не только не удовлетворяется существующими союзами между людьми, но и стремится связать их между собой либидозно путем установления идентификаций между членами сообщества. Она мобилизует все силы заторможенного по цели либидо и тем самым ограничивает сексуальную жизнь людей.

Для лучшего объединения людей культура прибегает к идеальному требованию, гласящему: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Это требование культуры хорошо известно, оно широко проповедуется в христианстве. Однако, задается вопросами Фрейд, почему непременно надо следовать данному требованию, чем оно может помочь человеку и, наконец, как его осуществить и способен ли человек на это? Ведь любовь является личной безусловной ценностью для человека, и он не может разбрасываться ею. Почему он должен любить другого, если тот ему чужд, не привлекает никакими достоинствами, не служит идеалом, не вызывает никакого уважения, готов насмехаться над ним, оскорблять, потешаться своей властью? Если бы требование культуры выступало в качестве заповеди «Возлюби ближнего твоего так, как он любит тебя», тогда это не вызывало бы никаких возражений. А так выполнение исповедуемого христианством требования культуры оказывается проблематичным и вряд ли его можно считать разумным.

Еще более резкое возражение со стороны Фрейда вызывает требование культуры, гласящее: «Люби врага твоего». Не приемля данное требование в принципе, он приводит высказывание Г. Гейне, позволившего себе в шутливой форме высказать запретную психологическую истину. Немецкий писатель как-то заметил, что имеет весьма скромные желания: он хотел бы иметь небольшую хижину и соломенную крышу над головой, но добротную кровать, хорошую еду, цветы под окном и несколько красивых деревьев напротив двери. А если бы Бог захотел сделать его совсем счастливым, то пусть бы он дал радость тем, что на этих деревьях висело бы шесть или семь его врагов, перед смертью которых он растроганно простил бы им все зло, причиненное ему за время жизни, так как врагов необходимо прощать, но не раньше, чем они повешены.

Апеллируя к нравственной проблематике, Фрейд подчеркивал, что, независимо от учета обусловленности поведения людей, существуют различия в их действиях, которые классифицируются этикой как «злые» и «добрые». Это означает, что пока сохраняются подобные различия, следование высоким этическим требованиям будет сопряжено с поощрением зла, что, в свою очередь, будет наносить вред культуре. За всем этим, по мнению основателя психоанализа, стоит реальность, которая свидетельствует о том, что человек не является всецело любящим существом, как это подчас представляется тем, кто настаивает на следовании заповедям «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» и «Люби врага твоего». К влечениям человека принадлежат и такие, которые включают в себя значительную долю агрессивности. Поэтому у человека всегда есть искушение сделать ближнего своего средством удовлетворения агрессивности и объектом унижения, порабощения. Все это ведет к тому, что человек становится противником культуры, которая стремится насильственно подавить его сексуальные и агрессивные влечения.

Культура требует принесения в жертву как сексуальных, так и агрессивных склонностей человека. Тем самым становится более понятным, почему он не чув-

ствует себя счастливым. Первобытные люди не знали ограничений на свои влечения и в этом смысле были свободнее по сравнению с современным человеком. Под воздействием культуры современный человек поменял часть своего возможного счастья на частичную безопасность. Однако обретение частичной безопасности оказалось тесно связанным как с необходимостью ограничения влечений человека, так и с тем, что Фрейд назвал «психологической нищетой масс». Она, по мнению Фрейда, в особенности присутствует там, где общественная связь установлена главным образом через взаимную идентификацию участников, в то время как индивидуальность вождей не обрела необходимого значения, приобретаемого при образовании соответствующего сообщества.

При рассмотрении нравственной проблематики основатель психоанализа уделил большое внимание пониманию того, как и каким образом у человека появляется бессознательное чувство вины; какие внутренние переживания и конфликты возникают на этой почве; какова реальная связь между этим чувством или сознанием вины; каковы последствия обострения их, ведущие к неврозам. В своих же размышлениях о культуре он пытался представить чувство вины как одну из важнейших проблем культурного развития.

Для Фрейда чувство вины представало как бы прямым потомком конфликта между потребностью в любви и стремлением к удовлетворению влечений. Вместе с тем чувство вины рассматривалось им как одна из составляющих частей Сверх-Я, наряду с такими его частями, как совесть, потребность в наказании, раскаяние, идеал. Казалось бы, как в том, так и в другом случае чувство вины и Сверх-Я относятся им исключительно к отдельному человеку. Однако, если учесть, что основатель психоанализа проводил параллели между онтогенезом и филогенезом, развитием человека и человечества, невольно напрашивается вопрос, а не мог ли он рассматривать культуру через призму не индивидуального, а общечеловеческого Сверх-Я? Ведь не случайно чувство вины и Сверх-Я соотносились им с формированием культуры как таковой.

Изречения

З. Фрейд: «Человек не является мягким и любящим существом, которое в лучшем случае способно на защиту от нападения. Нужно считаться с тем, что к его влечениям принадлежит и большая доля агрессивности».

З. Фрейд: «Платой за культурный прогресс является убыток счастья вследствие роста чувства вины».

Сверх-Я и патология культуры

Рассматривая проблематику культуры, Фрейд выдвинул предположение, что более широкая аналогия между индивидуальным и культурным развитием допускает признание того, что у общества формируется некое Сверх-Я. Это Сверх-Я оказывает воздействие на развитие культуры и имеет тот же источник, что и Сверх-Я отдельного человека. Источником Сверх-Я любой культурной эпохи оказывается, по его мнению, впечатление, оставленное либо людьми, обладающими огромной духовной

силой, либо индивидами, у которых одна из человеческих страстей приобрела особое значение и выражение. Сходство между ними состоит также в том, что культурное Сверх-Я и Сверх-Я индивида основываются на идеальных требованиях, несоблюдение которых ведет к наказанию страхом совести.

Результаты клинической практики дают наглядное представление о том, что не так-то просто обнаружить у человека действенность его Сверх-Я. Точнее было бы сказать, что в силу своего знания закономерностей работы бессознательного аналитик вскрывает у пациента его бессознательное чувство вины и отслеживает конфликты, связанные с укорами карающей совести, в то время как сам пациент испытывает значительные трудности в понимании и осознании происходящего. Если же довести до сознания пациента бессознательные требования его Сверх-Я, то окажется, что они совпадают с предписаниями Сверх-Я той культуры, в которой пребывает человек. Поскольку развитие индивидуального человека и развитие культуры в целом тесным образом переплетаются между собой, то, как полагал Фрейд, многие свойства Сверх-Я легче обнаружить, наблюдая за поведением культурного сообщества, а не индивида.

Размышления о Сверх-Я культуры вновь привели основателя психоанализа к рассмотрению нравственной проблематики. Ведь Сверх-Я культуры формирует такие идеалы и требования, предъявляемые к взаимоотношениям между людьми, которые, по существу, относятся к этике. Но этика, по выражению Фрейда, обращается к центральному пункту развития культуры, являющемуся наиболее болезненным местом для него. Если этика может быть воспринята как попытка терапевтического воздействия на человека, как усилие достичь с помощью заповедей Сверх-Я того, что не сумела обеспечить культура, то проявленный им интерес к заповеди Сверх-Я культуры, выраженный в максиме «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», был вполне оправданным. В этом отношении этические требования культурного Сверх-Я вызывали у него возражения потому, что это Сверх-Я не соотносится с душевной конституцией человека. Оно отдает такие приказы, которые оказываются внутренне невыполнимыми. Впрочем, оно даже не задается вопросом, как и в какой степени могут быть соблюдены его требования, чем они чреваты и какую угрозу представляют для психического здоровья человека. Культурное Сверх-Я молчаливо исходит из предположения, что сознание человека (Я) имеет безграничную власть над его бессознательным (Оно) и в состоянии психологически вынести все то, что на него возлагается. Но это, как замечал Фрейд, заблуждение, так как даже у так называемого нормального индивида власть над Оно не поднимается выше определенного уровня.

В представлении основателя психоанализа заповедь «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» оказывается наглядным примером «непсихологичности действий» культурного Сверх-Я. Она неисполнима, так как следование ей ведет к инфляции и понижению ценности любви. Культура, по сути дела, пренебрегает этим и настаивает на том, что следование ее предписаниям оказывается делом трудным, но благородным. В действительности же, тем, кто последует подобным предписаниям в рамках современной культуры, придется идти на ничем не оправданные жертвы, чреватые подрывом здоровья, в то время как несомненную пользу извлекут другие, не считающиеся с требованиями культуры.

Утверждая, что развитие культуры имеет значительные сходства с развитием индивида, Фрейд подошел к такой постановке вопроса, которая выводила психоанализ на уровень общечеловеческого метода лечения неврозов. Это стало возможным в про-

цессе перехода от изучения индивидуального Сверх-Я к анализу культурного Сверх-Я. Попытка раскрытия роли Сверх-Я в явлениях культурного развития дала возможность Фрейду задаться вопросом о том, не вправе ли психоаналитик поставить такой диагноз, согласно которому многие культурные эпохи назвались бы невротическими под воздействием культуры. Не приводит ли культурное развитие к тому, что, возможно, все человечество невротизируется? Не следует ли заняться классификацией неврозов человечества, за которой могли бы последовать терапевтические рекомендации, имеющие несомненно важное значение и практический интерес?

Фрейд считал, что попытка применения психоанализа к различным культурам и к человечеству в целом была бы весьма полезна, целесообразна и практически значима. Во всяком случае, подобная попытка представлялась ему ни бессмысленной, ни бесплодной, ни бесполезной.

Другое дело, что, понимая всю сложность и необычность поставленной перед психоанализом задачи, он весьма осторожно оценивал возможности ее реализации. Прежде всего, основатель психоанализа предупреждал, что речь идет лишь об аналогии между индивидуальным и культурным развитием. В том случае, когда речь идет об индивидуальном неврозе, подспорьем для диагноза заболевания служит контраст между больным и его окружением, которое считается как бы нормальным. Диагноз же коллективных неврозов сталкивается с трудностью, обусловленной тем, что нет необходимого фона, позволяющего делать соответствующие сравнения. Кроме того, даже самый приближенный к реальности анализ социального невроза делает общекультурную, общечеловеческую терапию весьма проблематичной, поскольку нет такого авторитета, который мог бы принудить массы людей к лечению.

Фрейд не претендовал на роль психоаналитика, берущего на себя смелость и обязанность выступать в качестве врачевателя культуры и человечества. Несмотря на свою многолетнюю практику, когда порой он принимал по десять пациентов в день, имел заслуженный авторитет, а многие начинающие аналитики почитали за великую честь пройти у него анализ, он не считал себя хорошим врачом и не претендовал на роль всесильного бога, окончательно излечивающего обращавшихся к нему за помощью больных. Тем не менее он полагал, что, вопреки перечисленным им трудностям, анализ коллективных неврозов имеет смысл, а применение психоанализа к различным культурам и человечеству в целом в принципе возможно.

Не претендуя на роль психоаналитика человечества, Фрейд не собирался ставить окончательный диагноз современному культурному развитию и отказался от общей оценки человеческой культуры. Вместе с тем он не видел ничего предосудительного в мировоззренческой позиции тех критиков культуры, которые приходили к печальному выводу, что все усилия культуры не стоят затраченного труда, а культурное развитие в целом лишь усугубляет страдания отдельного человека. Исследуя проблемы культуры с психоаналитических позиций, он неизменно подчеркивал, что, к сожалению, его знания в этой области настолько ограниченны, что не позволяют ему делать какие-либо окончательные суждения и выводы. Единственное, в чем он был уверен, так это в том, что ценностные суждения предопределяются желаниями людей, их стремлением к достижению счастья и попытками подкрепления собственных иллюзий различного рода аргументами.

Обращаясь к рассмотрению проблемы культурного развития и высказывая свои психоаналитические соображения по поводу невротизации людей в современной

культуре, Фрейд в то же время не выступал в роли пророка, предсказывающего печальную участь человечеству. Более того, он был готов принять упрек в том, что своими размышлениями о взаимоотношениях между культурой и человеком не приносит никому никакого утешения. Но психоанализ как таковой вовсе не призван давать различного рода утешения. Напротив, Фрейд всю свою жизнь боролся с всяческими иллюзиями, а его исследовательская и терапевтическая деятельность была направлена на выявление истинного положения вещей, вопреки тем иллюзиям и заблуждениям, которые имели место в жизни людей. В этом отношении он выступал с критических позиций по отношению к культуре, подавляющей естественные влечения человека и загоняющей многих людей в болезнь.

Цели и задачи психоанализа как метода исследования и лечения сводятся к тому, чтобы сделать человека сознательным и способным принимать самостоятельные решения в его жизни. *Психоанализ — не панацея, сам по себе он не ведет к счастью человека, да и не претендует на подобную задачу.* Психоаналитическое исследование культуры дает возможность понять, как и почему культурное развитие не только не способствует обретению человеком счастья, но и приводит к таким последствиям, которые чреваты его невротизацией. Тем самым оно способствует осознанию того положения, в котором оказывается человек в современной культуре. Подобное осознание необходимо ему для организации дальнейшей его жизни, поскольку незнание закономерностей работы бессознательного и тех процессов, которые возникают в контексте взаимоотношений между человеком и культурой, может привести к результатам, подрывающим основы его жизнедеятельности.

Стало быть, человеку необходимо иметь представление о тех разрушительных тенденциях, которые оказываются действенными как в недрах его психики, так и в культуре. В отличие от религиозных верований и политических учений, ставящих своей целью дать утешение человеку, психоанализ не только не утешает его, но, напротив, стремится выявить и показать, какие деструктивные силы действуют в нем, какова их направленность и с чем ему приходится сталкиваться в реальной жизни. Отсюда то пристальное внимание, которое уделялось Фрейдом рассмотрению вопросов, связанных с инстинктом разрушения, агрессии, смерти.

Изречения

З. Фрейд: «Сверх-Я любой культурной эпохи имеет тот же источник, что и Сверх-Я индивида. Им является впечатление, оставленное вождями, людьми подавляющей духовной силы, либо людьми, у которых одна из человеческих страстей получила самое сильное и чистое — поэтому часто одностороннее — выражение».

З. Фрейд: «Несмотря на все эти затруднения, следует ожидать, что однажды кто-нибудь отважится на изучение патологии культурных сообществ».

Контрольные вопросы

1. Какой смысл вкладывал Фрейд в понятие «культура»?
2. Что такое принцип удовольствия и принцип реальности?
3. О каких критериях культурности писал Фрейд?

4. Каково психоаналитическое объяснение противоречий между требованиями культуры и удовлетворением потребностей человека?
5. В чем состоит психоаналитическое понимание императивов культуры?
6. Каковы взгляды Фрейда на культурное Сверх-Я?
7. Могут ли культуры быть невротическими?
8. Как оценивалась Фрейдом возможность использования психоанализа для лечения патологии культуры?

Рекомендуемая литература

1. *Додельцев Р.Ф.* Концепция культуры З. Фрейда. М., 1989.
2. *Додельцев Р.Ф.* Фрейдизм: культурология, психология, философия. М., 1997.
3. *Руткевич А.М.* Философия культуры З. Фрейда // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992.
4. *Соколов Э.В.* Введение в психоанализ. Социокультурный аспект. СПб., 1999.
5. *Фрейд З.* Болезнь культуры. М., 2014.

Глава 17

ЭРОС И ТАНАТОС

Дуалистическая концепция влечений

Фрейд неоднократно подчеркивал, что знания о природе и особенностях влечений столь недостаточны для создания какой-либо общей теории, что они всегда вызывали у него неудовлетворение своей неопределенностью и неоднозначностью. В самом деле, до возникновения психоанализа многие мыслители пытались классифицировать основные влечения человека, определяющие и детерминирующие его жизнедеятельность. Причем каждый из них на свой манер выделял в качестве основных столько влечений, сколько ему нравилось или по крайней мере представлялось целесообразным. Столкнувшись с подобной ситуацией, Фрейд был вынужден признать, что ни в одной из областей психологии исследователям не приходилось действовать до такой степени в потемках и что никакое иное знание не было таким важным для обоснования научной психологии.

Первоначально основатель психоанализа взял в качестве аналога дифференциации влечений представления древних мыслителей о голоде и любви. Соответственно этим представлениям он выделил влечения к самосохранению и сексуальные влечения. При этом влечения к самосохранению отождествлялись с влечениями Я, а сексуальные влечения включали в себя более широкий спектр, выходящий за пределы обыденного понимания сексуальности как чего-то такого, что сопряжено исключительно с сохранением человеческого рода.

По мере переосмысления психоаналитических взглядов на психосексуальное развитие человека стало очевидным, что либидо не ограничивается сексуальной энергией, целиком и полностью ориентированной на внешний по отношению к человеку объект. Исследование детской сексуальности и анализ душевной деятельности нервнобольных подвели к выводу, что либидо способно отклоняться от внеш-

него объекта и может быть направлено на собственное Я, которое оказывается для человека не менее сексуальным объектом, чем окружающие его люди. Причем в ряде случаев собственное Я индивида становится самым важным среди других сексуальных объектов. Речь идет о нарциссическом либидо, когда сексуальная энергия человека направляется не вовне, а внутрь себя. Это нарциссическое либидо оказывается, с одной стороны, выражением тех же самых сил, которые приводят в действие сексуальные влечения, а с другой — тождественным влечениям к самосохранению.

Представления Фрейда о нарциссическом либидо, наиболее ярко выраженные в работе «О нарциссизме» (1914), способствовали пониманию нарциссических неврозов и развитию психоаналитической терапии, но поставили под вопрос правомерность дуалистического учения о влечениях. Действительно, предшествующая противоположность между влечениями Я и сексуальными влечениями оказалась как бы размытой, так как часть первых влечений была признана либидозной, наделенной сексуальной энергией. Различение двух первоначально выделенных видов влечений человека теряло смысл в силу признания того, что влечение к самосохранению имеет такой же либидозный характер, как и сексуальное влечение. Это вело к далеко идущим последствиям, связанным с необходимостью отказа от дуалистической концепции влечений и пересмотром представлений о либидо в духе того расширенного толкования, которое было осуществлено Юнгом.

Ни то, ни другое не могло быть приемлемым для Фрейда. Дуалистическая концепция влечений позволяла рассматривать бессознательные психические процессы как в качественном, так и в топическом отношении. Осуществленный в 1913 году разрыв с Юнгом, в основе которого (помимо всего прочего) лежали концептуальные расхождения в понимании либидо, не способствовал радикальному переосмыслению природы влечений. Ведь подобный пересмотр подрывал основы психоанализа, и без того ставшие объектом критики со стороны сторонников индивидуальной психологии и аналитической психологии.

Однако Фрейд не мог оставаться равнодушным к тому двусмысленному положению, в котором оказалась психоаналитическая теория с признанием нарциссического либидо. Перед ним со всей остротой встали серьезные и принципиальные вопросы. Если влечения к самосохранению и сексуальные влечения имеют одну и ту же либидозную природу, то, быть может, не стоит проводить между ними какие-либо различия? Если оба влечения являются по своему характеру однопорядковыми, то, возможно, вообще нет никаких других, кроме либидозных, влечений? При утвердительном ответе на оба вопроса психоанализ оказывается на грани концептуального банкротства. В первом случае психоаналитики должны были признать справедливой критику тех, кто обвинял психоанализ в пансексуализме, с чем никогда не соглашался Фрейд. Во втором случае в идейном споре между основателем психоанализа и Юнгом правым оказывался последний, согласно представлениям которого либидо не ограничивается сексуальностью, а олицетворяет собой силу и энергию влечений вообще.

После мучительных сомнений и глубоких раздумий Фрейд нашел выход из трудного для него и психоанализа положения. Вместо первоначального дуализма, включающего в себя разделение на влечения к самосохранению (влечения Я) и сексуальные влечения, он выдвинул новое *дуалистическое представление о влечении к жизни и влечении к смерти.* В концептуально оформленном виде новое представление о влечениях человека было выражено им в работе «По ту сторону принципа

удовольствия» (1920). Применительно к проблемам культуры оно нашло свою последующую разработку десять лет спустя в книге «Недовольство культурой», где основатель психоанализа высказал свои соображения на соотношение между инстинктом жизни и инстинктом смерти.

Изречения

З. Фрейд: «В основе нашей теории либидо сначала лежало противопоставление влечений Я и сексуальных влечений. Когда позднее мы начали изучать само Я и поняли основной принцип нарциссизма, само это различие потеряло свою почву».

З. Фрейд: «Мы недолго оставались на этой точке зрения. Предчувствие какого-то антагонизма в рамках инстинктивной жизни скоро нашло другое, еще более резкое выражение».

З. Фрейд: «Наше понимание с самого начала было дуалистическим, и оно теперь острее, чем прежде, с тех пор как мы эти противоположности обозначаем не как первичные позывы Я и сексуальные первичные позывы, а как первичные позывы жизни и первичные позывы смерти».

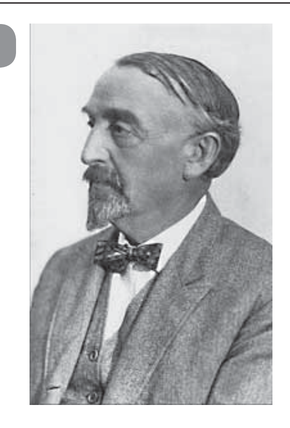
Деструкция, агрессивное влечение, смерть

В период 1910–1912 годов аналитиками Штекелем, Юнгом и Шпильрейн были высказаны соображения о разрушительных силах, действующих в психике человека. Так, Штекель считал, что проявление страха у пациентов нередко связано с темой смерти. Осуществив сравнительный анализ любви и ненависти, он также пришел к выводу, что в истории человечества ненависть возникла раньше любви. Наконец, согласно его взглядам, в сновидениях и фантазиях пациентов часто имеют место такие сюжеты и мотивы, которые свидетельствуют о символическом проявлении внутренней тенденции к смерти. В свете последнего соображения им была высказана идея о Танатосе как влечении к смерти. На примере разбора многочисленных сновидений он показал, что наряду с желанием жить человек обладает и желанием умереть.

Юнг утверждал, что либидо включает в себя силы, направленные как на созидание, так и на разрушение. Как было им отмечено в работе «Либидо, его метаморфозы и символы» (1912), страх невротика перед эротическими влечениями может привести к тому, что он не захочет участвовать в битве за жизнь. Он душит в себе бессознательные желания и тем самым, по выражению Юнга, совершает как бы самоубийство. Отсюда проистекают различного рода фантазии о смерти, сопровождающиеся отказом от эротических желаний. Как это ни странно покажется на первый взгляд, но страсть уничтожает саму себя и либидо «есть бог и дьявол». Любовь, по мнению Юнга, подымает человека над самим собою, над границами его смертности и земнородности, ввысь, к божественности, и в то же время она и уничтожает его.

В 1912 году Шпильрейн опубликовала в одном из психоаналитических журналов статью «Деструкция как причина становления», в которой в явной форме выразила свое представление о присущем человеку деструктивном начале. Ранее, на

Имена

Вильгельм Штекель (1868–1940) — австрийский психоаналитик, один из первых учеников и сторонников Фрейда. В 1902 году вошел в организованный Фрейдом «кружок по средам», который позднее стал Венским психоаналитическим обществом. Как никто другой, Штекель владел искусством толкования сновидений, что признавалось Юнгом, назвавшим его «энциклопедией сновидений», и основоположником психоанализа, считавшим, что он лучше всех умеет «улавливать смысл бессознательного». Вместе с тем Фрейд характеризовал Штекеля как дерзкого человека, не признающего «никакой дисциплины». В 1912 году Штекель отошел от школы Фрейда. Ему приписывают выражение, что карлик, сидящий на плечах великана, может видеть дальше самого великана. Говорят, что основатель психоанализа с сарказмом реагировал на данное сравнение, заметив, что, возможно, это и так, но подобное не относится к вши, сидящей в шевелюре астронома. В дореволюционной России на русском языке были опубликованы несколько статей Штекеля в журнале «Психотерапия», а также его работы «Причины нервности. Новые взгляды на ее возникновение и предупреждение» (1912) и «Что на душе таится» (1912).

состоявшихся в 1911 году заседаниях Венского психоаналитического общества она высказала идею о склонности человека к деструктивности и, ссылаясь на русского биолога И. Мечникова, говорившего об «инстинкте смерти», в скрытом состоянии гнездящемся в глубине человеческой природы, поставила вопрос о необходимости осмысления проблемы существования данного инстинкта в человеке.

Присутствовавший на этих заседаниях Венского психоаналитического общества Фрейд сделал несколько возражений по поводу увлечения Шпильрейн биологическими концепциями. В одном из писем к Юнгу (1912) он отметил исследовательские способности молодой девушки, но в то же время подчеркнул, что рассмотренное ею деструктивное желание не может быть им принято, так как оно ему «не по вкусу».

В ранний период своей исследовательской и терапевтической деятельности Фрейд считал, что деструктивность и агрессивность не могут рассматриваться в качестве самостоятельного влечения человека. Еще до того, как Шпильрейн выступила с идеей о склонности человека к деструктивности, один из сподвижников основателя психоанализа (Адлер) высказал мысль, что человек может испытывать страх, возникающий у него на основе подавления «агрессивного влечения», которое, по его мнению, играет заметную роль как в жизни, так и в неврозе.

Фрейд и Адлер разошлись по идейным соображениям в 1911 году. Двумя годами ранее в работе «Анализ фобии пятилетнего мальчика» основатель психоанализа критически отнесся к высказанной Адлером идее об агрессивном влечении. Он не согласился с тем, что в случае фобии страх объясняется вытеснением агрессивных склонностей ребенка.

Из приведенного выше суждения Фрейда нетрудно понять, что в то время он был не готов к изменению своих ранее выдвинутых представлений о влечениях, в соответствии с которыми в качестве основных признавались им влечения Я и сексуальные. Поэтому нет ничего удивительного в том, что рассмотренное Шпильрейн

Из истории психоанализа

Первый жизненный урок, заставивший будущего основателя психоанализа задуматься над феноменом смерти, был преподнесен ему в детстве его матерью. В работе «Толкование сновидений» Фрейд изложил одно из своих детских воспоминаний, когда мать ему, шестилетнему мальчику, однажды сказала, что он сделан из земли и должен превратиться в землю. Маленькому Сиги это не понравилось, и он выразил сомнение по этому поводу. Тогда его мать потерла руку об руку и показала черные кусочки кожи, которые отделились при трении ладони об ладонь. Тем самым она хотела наглядно проиллюстрировать сыну ранее высказанную мысль, что все люди сделаны из земли. Вспоминая этот эпизод, Фрейд писал, что его удивление было безгранично и именно тогда он усвоил то, что впоследствии узнал в известном изречении: «Ты обязан природе смертью».

Письма Фрейда к невесте свидетельствуют о том, что до возникновения психоанализа его интересовали проблемы жизни и смерти. В то время он не предавался глубоким размышлениям на эту тему, как это имело место в работе «По ту сторону принципа удовольствия», опубликованной почти сорок лет спустя. Во всяком случае, его размышления о жизни и смерти не получили какого-либо концептуального обоснования. Тем не менее в письмах к невесте он замечал, что все люди «связаны жизнью и смертью» и что жизнь для каждого из нас «завершается смертью, то есть небытием».

деструктивное влечение пришлось ему «не по вкусу». Однако спустя несколько лет он не только назвал ее статью о деструкции богатой по содержанию и глубокой по мыслям работой, но и в какой-то степени воспроизвел некоторые ее аргументы. Это нашло отражение в его книге «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), в которой он дал обоснование идеи о влечении к смерти.

Нельзя сказать, что проблематика смерти нашла свое отражение только в поздних работах Фрейда. Осмысление смерти имело место и на ранней стадии его исследовательской деятельности. Так, в «Толковании сновидений» (1900) в поле его зрения оказались сновидения, связанные с представлениями человека о смерти близких ему людей. Он обратил внимание на сновидения детей, на их наивные представления о смерти и высказал соображение, что «страх смерти» чужд ребенку. При этом Фрейд подчеркнул, что представление ребенка о смерти имеет весьма мало общего с пониманием ее взрослым человеком, поскольку ему незнакомы ужасы тления, могильного холода, бесконечного «ничто».

В работах, написанных и опубликованных Фрейдом до Первой мировой войны, проблематика смерти также находила свое отражение. В частности, в статье «“Культурная” сексуальная мораль и современная нервозность» (1908) он писал о том, что с ограничением сексуального удовлетворения у народов обыкновенно увеличивается страх жизни и боязнь смерти. В работе «Мотив выбора ларца» (1913) он рассматривал немоту как символ смерти и подчеркивал, что немоту человека можно воспринимать «как олицетворение самой смерти, как богиню смерти». В книге «Тотем и табу» (1913), исследуя табу мертвецов и демонизм умерших, основатель психоанализа высказал мысль, что табу покойников вытекает из противоположности между сознательной болью и бессознательным удовлетворением по поводу смерти.

Первая мировая война подтолкнула Фрейда к более глубоким размышлениям о проблеме смерти. В начале 1915 года он выступил в Вене с докладом «Мы и смерть» и опубликовал в психоаналитическом журнале «Имаго» статью «Размышления о войне и смерти».

В докладе «Мы и смерть» Фрейд подчеркнул, что психоанализ взял на себя смелость выступить с утверждением, что каждый из нас в глубине души не верит в собственную смерть. Бессознательное отношение современного человека к смерти во многом напоминает аналогичное отношение к ней первобытного человека, и в этом плане в каждом из нас жив наш предшественник, не веривший в собственную смерть, но прибегавший к убийству другого, воспринимаемого в качестве врага. На основе исторического сопоставления и выдвинутых им психоаналитических идей Фрейд высказал ряд соображений, получивших в дальнейшем свое концептуальное обоснование в работах 20–30-х годов. В частности, он говорил о том, что осознание вины произошло из двойственного чувства по отношению к покойнику, а страх смерти — из идентификации с ним; современные люди являются потомками бесконечной череды поколений убийц, а страсть к убийству сохраняется у нас всех в крови; нашим задушевным отношениям с другими людьми всегда присуща доля враждебности, и именно она дает толчок бессознательному желанию смерти. Одновременно с этими соображениями основатель психоанализа поставил вопрос о том, не следует ли в свете психоаналитических идей пересмотреть наше отношение к смерти. Если наше бессознательное не верит в собственную смерть, то это является результатом культурного отношения к смерти, свидетельствующего о психологически завышенной мотивации к жизни, и, следовательно, не должны ли мы смириться с истиной, что все мы смертны?

Фрейд понимал, что поставленные им вопросы могут быть восприняты как некий призыв регрессировать на предшествующие ступени культурного развития. Поэтому он специально подчеркивал, что речь идет не о рассмотрении смерти как высшей цели, а о том, что изменение отношения к ней может способствовать тому, чтобы сделать жизнь более сносной. Не случайно, перефразируя известное высказывание древних «если хочешь мира, готовься к войне», основатель психоанализа в конце своего доклада заявил: «Если хочешь вынести жизнь, готовься к смерти».

В статье «Размышления о войне и смерти» Фрейд фактически повторил свои идеи, изложенные им в докладе «Мы и смерть». Особое внимание он обратил на разочарование, которое вызвала Первая мировая война у людей, и на изменившееся отношение к смерти, которую эта война навязала людям. При этом он подчеркнул, что войны никогда не прекратятся, пока разделяющая нации враждебность использует мощную силу инстинктов в психике; пока изучаемая детьми в школах история мира в значительной степени предстает серией убийств одного народа другим. Вызванные Первой мировой войной ощущения замешательства и полного бессилия людей в значительной степени определены тем, что мы не можем сохранить наше прежнее отношение к смерти, а новое еще не выработалось.

Несмотря на свои размышления о смерти и поставленные в связи с этим вопросы, Фрейд не решался вплоть до 20-х годов говорить ни об инстинкте агрессии, ни об инстинкте смерти, хотя уже в 1915 году признал существование агрессивного, деструктивного влечения, наряду с сексуальными импульсами составляющего основу садизма. Признание деструктивного влечения в качестве неизменного спутника человеческой жизни нашло свое отражение лишь в работах позднего периода его исследовательской и терапевтической деятельности, что имело место, в частности, в его книгах «По ту сторону принципа удовольствия» и «Недовольство культурой».

Изречения

З. Фрейд: «Я не могу решиться признать особое агрессивное влечение наряду и на одинаковых правах с известными нам влечениями самосохранения и сексуальными. Мне кажется, что Адлер неправильно считает за особенное влечение общий и непременный характер всякого влечения и именно то "влекущее", побуждающее, что мы могли бы описать как способность давать толчок двигательной сфере. Из всех влечений не осталось бы ничего, кроме отношений к цели, после того как мы отняли бы от них отношение к средствам для достижения этой цели, "агрессивное влечение". Несмотря на всю сомнительность и неясность нашего учения о влечениях, я все-таки пока держался бы привычных воззрений, которые признают за каждым влечением свою собственную возможность сделаться агрессивным и без того, чтобы быть направленным на объект».

З. Фрейд: «Не лучше ли было бы вернуть смерти в действительности и в наших мыслях то место, которое ей принадлежит, и понемногу извлечь на свет наше бессознательное отношение к смерти, которое до сих пор мы так тщательно подавляли?»

Навязчивое повторение, влечение к жизни и влечение к смерти

В психоаналитической теории Фрейдом было сформулировано положение, что человек в своей деятельности руководствуется принципом удовольствия и протекание психических процессов автоматически регулируется этим принципом. Получение удовольствия или устранение неудовольствия сопровождаются уменьшением напряжения энергетического потенциала. С признанием этого аспекта психоаналитическая теория психической деятельности стала включать в себя экономическую точку зрения. Топическое (по месту расположения), динамическое (переход из одной системы в другую) и экономическое (количественное изменение возбуждения) представления о функционировании человеческой психики легли в основу метапсихологии как общей психоаналитической теории.

Если быть предельно точным, то вряд ли приходится говорить о том, что принцип удовольствия управляет ходом протекания психических процессов. Фрейд это понимал. Уточняя смысл введенного им принципа удовольствия, он подчеркивал, что речь идет, по сути дела, о признании наличия в душе человека сильной тенденции к господству данного принципа. Этой тенденции противостоят различные силы и условия, так что конечный результат далеко не всегда будет соответствовать принципу удовольствия.

Одним из обстоятельств, затрудняющих осуществление принципа удовольствия, является стремление организма к самосохранению, в результате чего этот принцип сменяется принципом реальности. Под воздействием принципа реальности конечная цель, то есть достижение удовольствия, не утрачивает свое значение, но как бы откладывается на время, чтобы окольным путем человек смог найти себе путь к удовольствию.

По мнению Фрейда, замена принципа удовольствия принципом реальности лишь частично объясняет жизненный опыт человека, который связан с повышением количества возбуждения организма, вызванного неудовольствием. Значительным источником неудовольствия служат внутрипсихические конфликты и расщепления, происходящие в душе. Несовместимость между собой отдельных влечений и их компонентов затрудняет достижение единства Я. В результате процессов вытеснения социально и этически неприемлемые влечения задерживаются на ранних ступенях психического развития, а возможность их удовлетворения откладывается на неопределенное время. В понимании Фрейда, вытеснение превращает возможность удовлетворения влечений в источник невротического неудовольствия. В конечном итоге человек ощущает неудовольствие от внутреннего восприятия напряжения, которое связано с неудовлетворением собственных влечений, или от внешнего восприятия, которое порождает неприятные ожидания, признаваемые в качестве грозящих ему опасностей.

В этих рассуждениях Фрейда не было ничего такого, что позволяло бы заглянуть по ту сторону принципа удовольствия. Однако опыт клинической практики и уточнения, касающиеся концепции влечений в связи с обсуждением нарциссического либидо, вызывали потребность в дальнейшем переосмыслении предшествующих представлений о бессознательной психической деятельности человека.

Изменения в практике психоанализа касались прежде всего новых ориентиров психоаналитической техники. Первоначально задача психоаналитической работы сводилась к выявлению у пациента скрытого бессознательного с целью доведения его до сознания больного. Психоанализ выступал в качестве искусства толкования бессознательного. Однако этого оказалось недостаточно для эффективной психоаналитической работы, и терапевтическая деятельность стала направляться на то, чтобы, опираясь на собственные воспоминания, пациент мог подтвердить выдвинутые аналитиком построения и конструкции. В процессе решения этой задачи обнаружилась действенность сопротивлений пациента, и стало очевидным, что терапевтическая деятельность предполагает прежде всего работу с его сопротивлениями. Искусство психоанализа состояло теперь в обнаружении и вскрытии сопротивлений пациента, доведении их до его сознания и побуждении его, благодаря усилиям аналитика, к их преодолению и устранению.

Однако оказалось, что и на этом пути общая цель перевода бессознательного в сознание не достижима в полной мере. Далеко не всегда пациент вспоминал именно то, что привело его к болезни. Его воспоминания могли касаться лишь части вытесненного бессознательного. Нередко вместо воспоминания своих прошлых переживаний он воспроизводил, повторял вытесненное в виде новых переживаний, что находило свое отражение в переносе, то есть по отношению к аналитику. Во время психоаналитического лечения возникало так называемое *навязчивое повторение*, обусловленное вытесненным бессознательным. Это навязчивое повторение, раскрываемое психоанализом у невротиков, оказывается характерным и в жизни людей, не страдающих невротическими расстройствами.

Исходя из подобного понимания, Фрейд выдвинул гипотезу, согласно которой в психической жизни людей имеется выходящая за пределы принципа удовольствия тенденция к навязчивому повторению. Психоаналитик встречается с навязчивым повторением как в психической жизни раннего детства, так и в случаях из клинической

практики. Так, в детской игре ребенок способен повторять даже неприятные переживания. Причем повторение того же самого оказывается своеобразным источником удовольствия. У подвергаемого анализу пациента навязчивое повторение в переносе его инфантильного периода выходит за пределы принципа удовольствия. В обоих случаях оказывается, что навязчивое повторение и влечения человека тесно связаны между собой.

С этой точки зрения влечение, по мнению Фрейда, может быть определено как своего рода органическая эластичность, присущее живому организму стремление к восстановлению своего прежнего состояния, которое в силу различного рода внешних препятствий ему пришлось покинуть. Наряду с внутренней тенденцией к изменению и развитию, влечение человека включает в себя и тенденцию к повторению, восстановлению, сохранению статус-кво и в этом смысле отражает консервативную природу всего живущего. На основании признания подобного положения вещей Фрейд выдвинул предположение, что все влечения стремятся восстановить прежнее состояние и, следовательно, каждое живущее существо всякими окольными путями развития направляется к своему исходному состоянию. Если признать простую истину, в соответствии с которой вследствие внутренних причин все живое рано или поздно умирает, возвращается к своему неорганическому состоянию, то мы, по убеждению основателя психоанализа, можем сказать, что целью всякой жизни является смерть.

Как утверждение «Целью всякой жизни является смерть» согласуется с предшествующим представлением Фрейда о том, что в каждом человеческом существе имеется влечение к самосохранению? Ведь выдвинутое им в работе «По ту сторону принципа удовольствия» положение о присущем человеку влечении к достижению смерти, по сути дела, вступало в явное противоречие с первоначальной дуалистической концепцией, основанной на признании влечения к самосохранению и сексуальных влечений.

Не уклоняясь от ответа на этот вопрос, Фрейд полагал, что влечение к самосохранению может быть рассмотрено в качестве частного, предназначенного для того, чтобы предотвратить какие-либо иные возможности возвращения живого организма к неорганическому состоянию, кроме внутренне присущего ему собственного пути к смерти. Живой организм стремится к естественной смерти, и «сторожа жизни», олицетворяющие собой инстинкт самосохранения, первоначально были не чем иным, как «слугами смерти».

Сексуальные же влечения, в том числе и служащие продолжению человеческого рода и противодействующие умиранию, в понимании Фрейда, так же консервативны, как и все другие влечения. Они служат воспроизведению ранее наличествовавших состояний живого организма и представляются еще более консервативными, поскольку сопротивляются внешним влияниям и стремятся к сохранению жизни во что бы то ни стало.

В результате в процессе своих размышлений над взаимосвязью между навязчивым повторением и влечениями человека Фрейд пришел к новой дуалистической концепции, в соответствии с которой в качестве основных им выделялись влечение к жизни и влечение к смерти. Тем самым вольно или невольно он как бы пришел к философским построениям, ранее развиваемым различными мыслителями, включая, например, Эмпедокла и Шопенгауэра.

Выдвигая представления о новой дуалистической концепции влечений, Фрейд исходил из коренной противоположности между влечениями к жизни и влечениями к смерти. Аналогичная полярность выводилась им и из направленности либидо на объект, когда рассматривались отношения между любовью (нежностью) и ненавистью (агрессивностью). Зачатки этих представлений содержались уже в ранних идеях Фрейда, связанных с признанием явлений садизма и мазохизма в процессе психосексуального развития человека, когда мазохизм рассматривался в качестве обращения садизма на собственное Я. Возвращаясь к этим представлениям с позиций новой дуалистической концепции влечений, основатель психоанализа вынужден был сослаться на статью Шпильрейн «Деструкция как причина становления». Он признал, что значительная часть ее рассуждений на эту тему была предвосхищена в данной статье, в которой садистский компонент сексуального влечения был назван деструктивным. Данное признание было им сделано в работе «По ту сторону принципа удовольствия».

Десять лет спустя в книге «Недовольство культурой» Фрейд выразил свою готовность признать, что в *садизме и мазохизме психоаналитик имеет дело со сплавом эротики и деструктивности, направленной или внутрь, или вовне*. При этом он заметил, что ему самому непонятно, как он сам и многие психоаналитики проглядели широко распространенную агрессивность и деструктивность.

Выдвинутое в работе «По ту сторону принципа удовольствия» представление Фрейда о новой дуалистической концепции влечений привело к тому, что сексуальное влечение превратилось в Эрос, а собственно сексуальные влечения стали рассматриваться как части Эроса, ориентированные на объект. В его понимании, Эрос оказывается «влечением к жизни», выступающим в противовес «влечению к смерти». В соответствии с таким пониманием он и попытался разрешить загадку жизни посредством принятия этих борющихся между собой влечений.

При этом основатель психоанализа полагал, что влечения к жизни имеют дело прежде всего с внутренними восприятиями человека, выступают как нарушители покоя и приносят с собой напряжение. Принцип же удовольствия находится в подчинении у влечения к смерти, которое стремится к затруднению жизненных процессов, сторожит внешние восприятия и особым образом защищается от внутренних раздражений.

В работе «Я и Оно» (1923) Фрейд продолжил обсуждение дуалистической концепции влечений, сформулированной тремя годами ранее. Это обсуждение было вызвано необходимостью приведения в единую связь структурного понимания психики с ее членением на Оно, Я и Сверх-Я с данной концепцией, в соответствии с которой выделялись два вида первичных влечений — к жизни и к смерти.

Если в книге «По ту сторону принципа удовольствия» речь шла о полярных влечениях, то в работе «Я и Оно» явственно прозвучала мысль о существовании двух инстинктов — инстинкта жизни и инстинкта смерти. Эти инстинкты рассматривались Фрейдом по аналогии с полярностью любви и ненависти. При этом он исходил из того, что трудноопределимый инстинкт смерти находит своего представителя в разрушительном инстинкте, направленность которого на различные объекты непосредственным образом связана с ненавистью. Клинический же опыт показывал, что ненависть является неизбежным спутником любви и при различных условиях одно может превращаться в другое. Человек изначально амбивалентен,

и превращение одного в другое может осуществляться таким путем, что ослабление энергии эротического чувства способно привести к усилению враждебной энергии.

С точки зрения Фрейда, действующая и способная к смещению энергия в Я и Оно представляет собой десексуализированный Эрос, источник которого связан с нарциссическим либидо. Будучи десексуализированной, эта энергия оказывается сублимированной, служащей достижению цели единства, столь характерной для Я. Таким образом, именно Я десексуализирует и сублимирует либидо Оно. Фактически это означает, что Я не только работает против целей Эроса, но и начинает служить противоположному разрушительному инстинкту, направленному вовне как раз под воздействием сил Эроса. И это только одна сторона вопроса, связанная с отношениями между структурным пониманием психики и дуалистической теорией влечений.

Другая сторона этого вопроса состоит в том, что Сверх-Я, выступающее в качестве критической инстанции, совести и чувства вины, может развивать по отношению к Я такую жестокость и строгость, которая превращается в садизм и беспощадную ярость. Признавая это обстоятельство, наглядно проявляющееся в практике психоанализа на примере пациентов, страдающих меланхолией, Фрейд усмотрел в Сверх-Я разрушительный компонент, связанный с направленностью агрессии человека не столько вовне, сколько внутрь. Стало быть, психоаналитически понятое Сверх-Я оказалось как бы «чистой культурой инстинкта смерти». Именно так основатель психоанализа характеризовал Сверх-Я, которое, по его мнению, способно довести несчастное Я до смерти. И если это не случается, то только благодаря тому, что Я может защититься от тирании Сверх-Я путем бегства в болезнь, то есть благодаря развитию мании.

В конечном итоге попытка объяснения связей между структурным пониманием психики и дуалистической концепции влечений завершилась у Фрейда признанием присущей человеку агрессивности. Это вытекало из всего хода его рассуждений. Чем больше человек ограничивает свою агрессию, направленную вовне, тем строже он становится по отношению к самому себе и тем разрушительнее для внутреннего мира оказываются требования Сверх-Я, поскольку вся или бóльшая часть агрессии направляется внутрь, на Я. По собственному выражению основателя психоанализа, чем больше человек овладевает своей агрессией, тем больше возрастает склонность его идеала к агрессии против его Я.

В понимании Фрейда, путем идентификации и сублимации Я помогает переходу инстинкта смерти в Оно, но при этом оказывается в такой опасной ситуации, когда само может стать объектом инстинкта смерти и, следовательно, погибнуть. Чтобы этого не случилось, то есть в целях избежания возможной смерти, Я заимствует из Оно либидо, наполняется сексуальной энергией, становится представителем Эроса и тем самым обретает желание быть любимым и продолжать свою жизнь. В свою очередь, работа сублимации ведет к освобождению агрессивности в Сверх-Я, а борьба против либидо оказывается сопряженной с новыми опасностями. В результате чего Я может стать жертвой деструктивного Я, что ведет к смерти. Такова, с точки зрения Фрейда, диалектика жизни и смерти, внутренне задающая ориентиры противостояния между созидательными и разрушительными тенденциями, Эросом и инстинктом смерти.

Изречения

З. Фрейд: «Остается много такого, что оправдывает навязчивое повторение, и это последнее кажется нам более первоначальным, элементарным, обладающим большей принудительной силой, чем отодвинутый им в сторону принцип удовольствия».

З. Фрейд: «Размышление показывает, что этот Эрос действует с самого начала жизни и выступает как "влечение к жизни" в противовес "влечению к смерти", которое возникло с зарождением органической жизни».

З. Фрейд: «Когда образуется Сверх-Я, значительное количество агрессивного инстинкта фиксируется внутри Я и действует там саморазрушающе. Это представляет опасность для здоровья человека на его пути культурного развития».

Борьба между Эросом и Танатосом

В конце работы «Я и Оно» (1923) основатель психоанализа подчеркнул, что в психике человека протекает постоянная борьба между Эросом и инстинктом смерти. По его мнению, Я можно представить таким образом, что оно находится во власти немых, но мощных инстинктов смерти. Эти инстинкты как бы стремятся к достижению покоя и делают все для того, чтобы заставить замолчать Эрос — этого нарушителя спокойствия, — и подчиняются принципу удовольствия. Но, в свою очередь, Эрос тоже проявляет свою активность, в результате чего противостояние между жизнью и смертью становится неотъемлемой частью человеческого существования.

Дальнейшее обсуждение этого вопроса нашло свое отражение в работе Фрейда «Недовольство культурой» (1930), где он показал, что феномен жизни объясняется взаимодействием и противодействием Эроса и инстинкта смерти. Отмечая, что уже в садизме и мазохизме наблюдается смесь эротики и деструктивности, он признал, что многие психоаналитики проглядели повсеместность невротической агрессивности и деструктивности. Следовательно, необходимо исправить данную оплошность и исследовать соответствующие феномены применительно не только к отдельному человеку, но и к культуре в целом.

Осуществляя свое исследование, основатель психоанализа отталкивался прежде всего от введенного им в начале 20-х годов предположения о наличии в человеке влечения к смерти и сформулированного им в конце 20-х – начале 30-х годов окончательного положения об инстинкте смерти и агрессивном, деструктивном стремлении. Так, именно в работе «Недовольство культурой» он недвусмысленно высказал свою точку зрения, согласно которой агрессивное стремление является у человека изначальной, самостоятельной инстинктивной предрасположенностью.

В понимании Фрейда, процесс развития культуры стоит на службе у сил Эроса, благодаря либидозной связи которого происходит объединение людей между собой в семьи, племена, народы, нации, человечество. Но, как показывает практика психоанализа и история человечества, этой программе культуры противостоит природный инстинкт агрессивности. Он выражается, в частности, в той враждебности, которая чаще всего наблюдается среди людей по отношению друг к другу. Агрессивное влечение оказывается главным представителем инстинкта смерти, разделяющего

вместе с Эросом власть над существующим миром. С учетом всего этого проясняется и смысл культурного развития.

В целях выживания человеческого рода культура стремится всеми силами сдержать и обезвредить противостоящую ей агрессивность. О том, что при этом происходит, можно судить по аналогии с историей развития индивида, когда он пытается нейтрализовать или обезвредить свое стремление к агрессии. Апеллируя вновь к индивиду, Фрейд обращает внимание на ту загадочность, которая имеет место в этом случае. Речь идет о том, что *агрессия интроецируется, то есть переносится извне внутрь индивида, фактически возвращается туда, где она возникла*. Перенесенная таким образом внутрь агрессия направляется против собственного Я индивида. Там она перехватывается той инстанцией — частью Я, — которая в психоанализе обозначается как Сверх-Я и олицетворяет собой совесть. Таким образом, та же самая готовность к агрессии, которая использовалась Я против окружающих его людей, теперь используется Сверх-Я непосредственно по отношению к самому Я. У человека возникает сознание вины, обусловленное напряженностью между Сверх-Я и Я и проявляющееся как потребность в наказании. Тем самым культура преодолевает опасные для окружающих людей агрессивные устремления индивида.

Осмысливая взаимоотношения между отказом от удовлетворения влечений, совестью и агрессивностью, Фрейд утверждал, что уже в раннем детстве налагаемые на ребенка первые запреты вызывают у него значительную агрессивность против тех, кто препятствует удовлетворению его инфантильных влечений. Под воздействием воспитания он вынужден отказываться от удовлетворения своей мстительной агрессии против окружающих его авторитетов, прежде всего против авторитета его собственных родителей. Это осуществляется благодаря механизму идентификации, то есть переносу внешнего авторитета внутрь самого ребенка, что ведет к образованию его Сверх-Я. Тем самым в его распоряжении оказывается вся та агрессия, которую в более раннем возрасте он направлял, как правило, против авторитета отца.

Если посмотреть на соотношение между агрессией и подавлением влечений в общеисторическом плане, то есть через призму филогенеза, то окажется, что после удовлетворения в агрессии ненависти сыновей по отношению к праотцу в первобытном сообществе произошла идентификация Сверх-Я с убитым отцом. Это привело, по мнению Фрейда, к тому, что власть отца как бы перешла к Сверх-Я. Но склонность к агрессии против отца повторялась во всех последующих поколениях, в результате чего у каждого представителя этих поколений сохранилось чувство вины. Оно усиливалось по мере того, как осуществлялись попытки подавления самой агрессии и перенесения ее в Сверх-Я. Отсюда проистекает, как считал основатель психоанализа, роковая неизбежность чувства вины, независимо от того, было ли совершено отцеубийство в реальности или от него воздержались. Так или иначе, чувство вины возникает в любом случае, поскольку оно становится выражением амбивалентного конфликта, вечного противостояния между Эросом и инстинктом разрушительности, инстинктом смерти. По мысли Фрейда, то, что началось с отца в первобытной орде, впоследствии нашло свое завершение в массе людей.

Спустя два года после написания и публикации работы «Недовольство культурой» Фрейду вновь пришлось обратиться к размышлениям об агрессивности, деструктивности, инстинкте смерти. Дело в том, что летом 1932 года Альберт Эйнштейн, которому было предложено подготовить второй том книги «Открытые пись-

ма» (первый том ее был опубликован в 1931 году), послал Фрейду письмо с просьбой принять участие в обсуждении актуальных проблем того времени. В частности, он попросил его высказать свои соображения по поводу того, имеются ли какие-либо пути освобождения человечества от зловещей опасности войны и возможности такого психического развития людей, при котором были бы устранены их ненависть и желание уничтожать друг друга. Фрейд откликнулся на просьбу Эйнштейна и в сентябре того же года написал ему многостраничное письмо, которое известно сегодня под названием «Неизбежна ли война?».

Отвечая на вынесенный в заглавие написанного им материала вопрос, Фрейд выразил согласие с предположением Эйнштейна, что людям свойствен некий инстинкт ненависти и уничтожения, подталкивающий их к войне. В этой связи он изложил свою позднюю теорию влечений, согласно которой признаются двоякого рода влечения: стремящиеся сохранить и объединить (эротические, Эрос) и направленные на разрушение и убийство (агрессивные, деструктивные). Развивая мысли, ранее выраженные в работе «Недовольство культурой», основатель психоанализа подчеркнул, что ни одно из этих влечений не может проявить себя изолированно, но всегда переплетено и сплавлено с другим. В частности, будучи эротическим по своей природе, инстинкт самосохранения нуждается в агрессивности, чтобы быть претворенным в жизнь. Направленное на внешние объекты любовное влечение также нуждается в соединении с влечением к овладению.

Давая разъяснения к психоаналитическому пониманию влечения к разрушению, Фрейд подчеркнул, что, исходя из клинического опыта, можно сделать вывод, что это влечение содержится внутри каждого живого существа и направлено на разрушение его с целью свести жизнь к состоянию неживой материи. Это влечение может быть названо влечением к смерти, в противоположность эротическому влечению, представляющему собой стремление к жизни. Во имя сохранения своей жизни живому существу приходится разрушать чужую жизнь. Это означает, что влечение к смерти становится разрушительным тогда, когда оно направляется наружу и обращается против внешних объектов. Вместе с тем, подчеркнул основатель психоанализа, определенная доля влечения к смерти остается действенной и внутри живого существа. В психоаналитической практике приходится иметь дело с тем, что у многих пациентов деструктивное влечение загнано в глубины их собственной психики.

Исходя из такого понимания природы деструктивного влечения, Фрейд пришел к заключению, что с гуманистической точки зрения вполне понятное желание лишить человека его агрессивных наклонностей оказывается не более чем иллюзией и практически неосуществимо. Но если это так, то не вытекает ли отсюда вывод, что войны неизбежны и неотвратимы? Поясняя свою позицию по данному вопросу, основатель психоанализа недвусмысленно выразил свою мысль. Он считал, что речь может идти не о том, чтобы полностью устранить из жизни человека его влечение к агрессии. Речь должна идти о том, чтобы попытаться отвлечь это влечение от реализации его в войне. Для достижения данной цели необходимо использовать опосредованные пути борьбы с войнами и, в частности, направить против человеческого влечения к агрессии его извечного противника, Эрос. Это означает, что данному влечению должно противостоять все то, что объединяет между собой чувства людей. Прежде всего имеются в виду связи, основанные на чувствах любви и идентификации, а также на подчинении влечений разуму.

Таковы взгляды Фрейда на человека и культуру, соотношение Эроса и инстинкта смерти, сути человеческого влечения к деструктивности и возможностей противостояния ему. Они вытекали из проведенного им сравнительного анализа между индивидуальным и культурным развитием и в определенной степени были связаны с его попытками обращения не только к индивидуальной, но и к социальной психологии. Последний вопрос, а именно обращение основателя психоанализа к социальной психологии, несомненно, заслуживает внимания, поскольку может быть признан необходимым дополнением к его пониманию взаимосвязей между человеком и культурой, личностью и обществом.

Изречения

З. Фрейд: «Теперь смысл культурного развития проясняется. Оно должно нам продемонстрировать на примере человечества борьбу между Эросом и Смертью, инстинктом жизни и инстинктом деструктивности. Эта борьба — сущность и содержание жизни вообще, а потому культурное развитие можно было бы просто обозначить как борьбу человеческого рода за выживание».

З. Фрейд: «Если культура представляет собой необходимый путь развития от семьи к человечеству, то с ней неразрывно связаны последствия врожденного ей конфликта — вечной расприи любви и смерти».

З. Фрейд: «Роковым для рода человеческого мне кажется вопрос: удастся ли — и в какой мере — обуздать на пути культуры влечение к агрессии и самоуничтожению, ведущее к разрушению человеческого существования. Наше время представляет в связи с этим особый интерес. Ныне люди настолько далеко зашли в своем господстве над силами природы, что с их помощью легко могут истребить друг друга вплоть до последнего человека. Они знают это, отсюда немалая доля их теперешнего беспокойства, их несчастья, их тревоги. Остается надеяться, что другая из “небесных властей” — вечный Эрос — приложит свои силы, дабы отстоять свои права в борьбе с равно бессмертным противником. Но кто знает, на чьей стороне будет победа, кому доступно предвидение исхода борьбы».

Контрольные вопросы

1. Какова эволюция представлений Фрейда о влечениях человека?
2. Кем были выдвинуты представления об агрессивном влечении и Танатосе?
3. Что такое навязчивое повторение?
4. Как Фрейд пришел к идее влечения к жизни и влечения к смерти?
5. Каково соотношение между инстинктом смерти и инстинктом агрессивности?
6. В чем состоит агрессия Сверх-Я?
7. Возможно ли устранение склонности человека к агрессии?
8. Как понимается в психоанализе смысл культурного развития?

Рекомендуемая литература

1. *Гаддини Е.* По ту сторону инстинкта смерти: проблемы психоаналитического исследования агрессии // Психоанализ в развитии. Екатеринбург, 1998.
2. *Гартман Х., Крис Э., Левенштейн Р.М.* Заметки по теории агрессии // Антология современного психоанализа. Т. 1. М., 2000.
3. *Лейбин В.М.* Сабина Шпильрейн: Между молотом и наковальней. М., 2022.
4. *Фрейд З.* Болезнь культуры. М., 2014.
5. *Фрейд З.* Неизбежна ли война? Письмо Альберту Эйнштейну // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992.
6. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992.
7. *Фрейд З.* Размышления о войне и мире // Архетип. 1995. № 2.
8. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

Глава 18

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Социальность мышления и действия

Как в исследовательском, так и в терапевтическом плане психоанализ не может обойтись без учета аффективных отношений индивида с обществом. Прежде всего человек не является изолированным существом: он связан с семьей, с друзьями, с другими людьми, будь то партнеры по работе, коллеги по совместной деятельности или случайные знакомые. При помощи психоанализа удалось установить, что социальные связи так или иначе включают в себя элементы эротики, вытеснение которых сопровождается различного рода проблемами, вплоть до возникновения психических заболеваний. Неврозы, с которыми имеет дело психоаналитик, оказываются как бы асоциальными, поскольку свидетельствуют о некоем вытеснении индивида из общества. Конечно, психическое заболевание становится своего рода пристанищем для человека, укрывающегося посредством болезни от власти общества. Тем не менее даже такое положение служит наглядным свидетельством того, что между индивидом и обществом некогда существовала тесная связь и, следовательно, истоки заболевания следует искать в контексте взаимоотношений между ними. Как показывает психоанализ, *социальные отношения и требования общества оказывают непосредственное воздействие на возникновение невроза.*

Все это означает, что индивидуальная психология, психология личности, акцентирующая основное внимание на отдельном человеке, по сути дела, является одновременно и социальной психологией. Во всяком случае, без учета социальных связей и отношений, возникающих в процессе жизнедеятельности человека в обществе, невозможно адекватное понимание закономерностей функционирования человеческой психики. Даже если кажется, что индивид ушел в свой внутренний мир и не интересуется окружающими его людьми, не стремится установить с ними

какие-либо продолжительные отношения, тем не менее прежние связи ребенка со своими родителями, наставниками и воспитателями дают о себе знать в форме специфических черт характера, предопределяющих его мышление и поведение.

Собственно говоря, подтекст социальности мышления и действия человека всегда учитывался Фрейдом, когда он обращался к анализу человеческой психики. Ведь осмысление истории возникновения религии, нравственности, культуры с точки зрения филогенеза, отношений между Оно, Я и Сверх-Я в онтогенетическом плане, а также с позиций внутрипсихических конфликтов и механизмов бегства в болезнь — все это соотносилось им с эдиповым комплексом. То есть с теми внутрисемейными отношениями между ребенком и родителями, которые носят социальный характер. Другое дело, что, сосредоточившись на исследовании бессознательных желаний отдельного человека, психосексуальном развитии ребенка, патогенных конфликтах индивида, основатель психоанализа интересовался в первую очередь механизмами работы человеческой психики, которые позволяли ему выявлять причины возникновения психических заболеваний и находить возможности их лечения. И только со временем он ощутил настоятельную потребность в применении результатов анализа отдельной личности к изучению психологии масс, к проведению параллелей между индивидуальной и социальной психологией.

Занимаясь глубинным психоаналитическим исследованием, Фрейд пришел к пониманию того, что отношения человека к родителям, братьям и сестрам, друзьям, учителям и к врачу во время психоаналитического лечения социально окрашены. Это означало, что адекватное представление о человеке было немыслимо вне контекста раскрытия его связей и отношений с окружающим природным и социальным миром.

И действительно, психоанализ наглядно продемонстрировал, что человек может думать одно, говорить другое, а его реальное поведение не будет совпадать ни с его мышлением, ни с его словами. Выявление бессознательных влечений и желаний человека способствует пониманию его внутреннего мира и скрытых мотивов поведения. Однако знаний, приобретенных в рамках индивидуальной психологии, оказывается недостаточно для понимания мышления и поведения человека, находящегося в группе или толпе. Ведь нередко случается так, что среди большого количества людей он действует совершенно иначе, чем в кругу своей семьи или когда остается один на один с самим собой. Фрейд это осознавал, и поэтому нет ничего удивительного в том, что в начале 20-х годов он обратился к осмыслению некоторых проблем социальной психологии.

В работе «Массовая психология и анализ человеческого Я» (1921) основатель психоанализа попытался ответить на ряд вопросов, которые представлялись ему важными и существенными в плане адекватного понимания мышления и поведения человека в обществе, массе, толпе. Прежде всего ему хотелось разобраться в том, что представляет собой человеческая масса. Кроме того, он стремился понять, как и каким образом масса людей оказывает такое влияние на душевную жизнь отдельного человека, которое становится решающим для него. И наконец, ему было важно уяснить, в чем состоит душевное изменение, происходящее в индивиде в результате воздействия на него со стороны массы. Ответы на эти три вопроса составляют, по мнению Фрейда, исследовательскую задачу социальной психологии.

Размышляя над данными вопросами, Фрейд опирался на материалы исследований, авторы которых уделили особое внимание раскрытию мотивов поведения и движущих сил индивида, находящегося в массе. Одно из таких исследований принадлежало перу французского психолога и социолога Г. Лебона, чья работа «Психология народов и масс» (1895) была опубликована в том же самом году, когда вышла в свет написанная Фрейдом совместно с Брейером книга «Исследования истерии». В своей работе французский автор утверждал, что внутренним двигателем и скрытой пружиной развития человечества является неразумное начало, бессознательное, детерминирующее мысли людей, хотя многие полагают, что их мысли разумны. Аналогичный характер, как считал Лебон, носят и поступки людей. На первый взгляд кажется, что они вполне сознательны, освещены светом разума. Тем не менее именно бессознательное, а не сознание лежит в основе человеческих деяний.

В работе Лебона «Психология народов и масс» содержались различные соображения о наследственности бессознательного, о сновидениях и мифах, где скрытые бессознательные содержания выражены в символической форме. Лебон говорил о толпе, всегда блуждающей «на границе бессознательного»; об исчезновении сознательной личности в толпе и преобладании в ней «личности бессознательной», легко поддающейся внушению и превращающейся в послушный автомат, лишенный воли и разума. По мнению французского автора, находясь в массе, индивиды приобретают «коллективную душу». Они думают, поступают и чувствуют себя совсем иначе, чем тогда, когда остаются изолированными. В толпе на передний план выступает «расовое бессознательное», в результате у людей стираются их индивидуальные различия, исчезает чувство ответственности, возникают такие феномены, как заражаемость и внушаемость, которые можно отнести к разряду гипнотического.

В книге «Массовая психология и анализ человеческого Я» Фрейд не просто ссылался на Лебона, а посвятил изложению его взглядов целый раздел для описания «массовой души», как она понималась французским психологом и социологом. Стремясь подчеркнуть оригинальность собственных представлений о бессознательном и психологии масс, основатель психоанализа критически отнесся к некоторым идеям Лебона. Так, отметив, что французский автор уделил большое внимание данной проблематике, основатель психоанализа одновременно указал на несовпадение лебоновского понятия бессознательного с тем, которым оперирует психоанализ, имеющий дело прежде всего с вытесненным бессознательным.

Одновременно Фрейд указал, что, при всей ценности выявления особенностей психического состояния индивида в массе, Лебон не сумел должным образом осветить эту сложную для понимания проблему. В частности, обсуждая изменения индивида в массе, французский психолог и социолог не ответил на вопрос, почему индивиды в массе образуют единство. Кроме того, Лебон, как полагал основатель психоанализа, не провел четкого разграничения между внушаемостью и психическим заражением, не указал на центральную фигуру, которая заменяет в массе гипнотизера, недостаточно полно объяснил закономерности выдвижения вождей в массе. В отличие от него, Фрейд придавал меньшее значение формированию новых качеств у индивида в массе. Он считал, что, находясь в массе, индивид попадает в такие условия, которые позволяют ему устранять вытеснение бессознательных первичных влечений, и проявляемые им будто бы новые качества на самом деле не что иное, как присущее ему бессознательное, в котором таится зло человеческой души.

Аналогичную позицию занимал Фрейд и по отношению к другим оценкам коллективной душевной жизни, нашедшим отражение, в частности, в работе американского исследователя Мак-Дуггала «Групповой разум» (1920). Он обратил внимание на идеи Мак-Дуггала о возбудимости и импульсивности людей в массе, проявлении у них грубых страстей, отсутствии у них самоуважения и чувства ответственности, а также на соответствующие условия организации массы. Однако те или иные чужие идеи воспроизводились Фрейдом главным образом для того, чтобы на их фоне нагляднее продемонстрировать собственное психоаналитическое понимание следующих вопросов: что происходит с включенными в массу индивидами, какие внутренние механизмы оказываются задействованными в массовой психологии, как и каким образом происходит объединение людей в массовые движения и к чему это может приводить.

Изречения

З. Фрейд: «В психической жизни человека всегда присутствует "другой". Он, как правило, является образцом, объектом, помощником или противником, и поэтому психология личности с самого начала является одновременно также и психологией социальной в этом расширенном, но вполне обоснованном смысле».

З. Фрейд: «Мы исходили из основного факта, что в отдельном индивиде, находящемся в массе, под ее влиянием часто происходят глубокие изменения в его душевной деятельности».

Либидозная связь

Многие исследователи пытались дать психологическое объяснение тем душевным изменениям, которые происходят в отдельном человеке под влиянием массы. При этом большинство из них полагало, что соответствующие изменения, включая повышение аффективности и снижение интеллектуальных возможностей, достигаются с помощью внушения. Считалось, что массы характеризуются значительной степенью внушаемости.

Констатируя данное обстоятельство, Фрейд полагал, что, несмотря на апелляцию к феномену внушения, до сих пор исследователи не представили удовлетворительного объяснения сущности этого явления. Стремясь разобраться в специфике внушения как такового, он предпринял попытку применить ранее использованное им при изучении неврозов понятие «либидо» к пониманию социальной психологии. Речь шла не только о сексуальной энергии в собственном смысле этого слова, но и о тесной связи между собой всего того, что соотносится с понятием любви. Во всяком случае, размышления основателя психоанализа о социальной психологии основывались на том, что сущностью массовой души следует считать именно любовные отношения, эмоциональные связи.

В качестве объектов рассмотрения Фрейд выбрал две искусственно созданные массы людей — церковь и войско, так как в них превалирует одно и то же представление о верховном властителе, любящем равной любовью всех членов массы, —

Христе и полководце. И хотя это представление расценивалось им как широко распространенная иллюзия, тем не менее он полагал, что именно на данной иллюзии держится все то, что объединяет между собой всех прихожан в церкви и всех воинов в войске. Так, верующие называют себя братьями во Христе, которые равны перед Ним, они воспринимают Его в качестве любящего и заботящегося о них отца, а связь каждого члена церкви с Христом одновременно служит и причинной связью между членами массы. В войске полководец становится отцом для всех солдат, он их любит равной любовью, а они между собой устанавливают такие отношения, которые свидетельствуют о некой общности, основанной на их любви к полководцу.

В понимании Фрейда, и церковь и войско имеют либидозную структуру. Как в том, так и в другом случае каждый отдельный человек оказывается либидозно связан, с одной стороны, с Христом или полководцем, а с другой стороны, со всеми участниками этих масс. Обращая внимание на подобную двойственную связь, основатель психоанализа считал, что эта связь, как и значение вождя для психологии масс, недостаточно изучена и психоанализ может внести посильный вклад в осмысление данной проблемы. Одновременно он исходил из того, что главным явлением в массовой психологии следует признать несвободу в массе отдельного индивида.

Фрейд понимал, что обсуждение взаимосвязей между индивидом и массой ставит перед исследователем ряд вопросов, ответы на которые предполагают углубленное изучение данной проблематики. В самом деле, каковы причины возникновения и распада человеческих масс? Можно ли считать человеческую толпу массой с присущими ей психическими особенностями? Есть ли с точки зрения психологии разница между массами, возглавляемыми вождем, и массами, где вождь отсутствует? Какая из этих человеческих масс оказывается первоначальной и более совершенной? Не может ли вождь быть заменен абстрактной идеей, вокруг которой возможно сплочение человеческой массы? Каковы могут быть взаимоотношения между вождем и идеей? Как и при каких условиях власть вождя или ведущая идея могут стать деструктивными? Может ли ненависть к какому-либо лицу или учреждению оказаться столь же объединяющей и порождающей тесные эмоциональные связи между людьми, как и позитивная привязанность к ним?

Фрейд не претендовал на ответы на эти и многие другие вопросы. Полагая, что все они могут быть предметом специального исследования в рамках социальной психологии, он ограничился лишь высказыванием о связи между толпой и массой. По его мнению, в любой толпе легко могут возникнуть такие тенденции, которые способны привести к образованию массы, однако до тех пор, пока в ней не установлены либидозные, эмоциональные связи, она будет оставаться простой человеческой толпой.

Внимание Фрейда привлекли собственно психологические проблемы, непосредственно относящиеся к структуре человеческой массы. Его интерес сосредоточился на рассмотрении того, какова в действительности либидозная связь в массе и каково в ней аффективное отношение людей друг к другу.

При рассмотрении этих вопросов Фрейд отталкивался от теоретических предпосылок и эмпирических данных психоанализа. В частности, он отмечал, что каждая продолжительная интимная эмоциональная связь между двумя людьми, будь то отношения между родителями и детьми, дружба или брачные отношения, содержит осадок враждебных чувств, которые оказываются вытесненными из сознания. Не-

что аналогичное имеет место и в том случае, когда речь идет об объединении людей в большие сообщества. Так, породнившиеся между собой через брак две семьи косо поглядывают друг на друга, и каждая из них считает себя лучшей. Родственные и близкие между собой народы не могут подчас найти общий язык, нередко выражая презрение и недоверие друг к другу.

Направленная против любимых людей вражда связана с амбивалентными чувствами человека. В проявляющейся антипатии к близким людям находит свое выражение себялюбие, нарциссизм индивида. Однако при образовании массы все эти враждебные чувства исчезают. В период продолжающегося соединения в массу индивиды терпят друг друга, примиряются друг с другом. С точки зрения Фрейда, такое ограничение нарциссизма может быть порождено только одним аспектом — либидозной связью с другими людьми. Дело в том, что себялюбие наталкивается на преграду лишь в том случае, когда имеет место любовь к другому. И если в массе проявляются ограничения нарциссического себялюбия, то это может служить убедительным доказательством установления новых либидозных связей членов массы друг с другом, что и составляет сущность массообразования. Можно сказать, что в развитии человечества поворот от эгоизма к альтруизму произошел только под воздействием такого культурного фактора, как любовь.

Но каковы же эмоциональные связи в массе? Обусловлены ли они прямыми сексуальными целями, как это имеет место при психических заболеваниях, или речь идет о чем-то другом?

Благодаря психоанализу было обнаружено, что установление эмоциональной связи между людьми основывается не только на преследовании цели, напрямую связанной с сексуальной направленностью на объект. Раннее проявление эмоциональной связи с другим лицом возможно также на путях идентификации с ним. В частности, у мальчика могут наблюдаться две психологически различные связи со своими родителями: сексуальная привязанность к матери как к объекту желания и идентификация с отцом как с объектом уподобления. Обе связи некоторое время сосуществуют, затем сталкиваются, тем самым образуя нормальный эдипов комплекс. Идентификация с отцом принимает у мальчика враждебный характер. Будучи изначально амбивалентной, идентификация как таковая может служить выражением нежности и враждебности ребенка, но в конечном счете она стремится сформировать Я человека по подобию другого, взятого в качестве идеала и образца.

При невротическом образовании симптомов, то есть когда действенным становится вытеснение и господство механизмов бессознательного, идентификация имеет более сложный характер. Она может быть аналогичной той, которая проистекает из эдипова комплекса, и тогда в симптомообразовании прослеживается подражание любимому или, напротив, нелюбимому лицу. Или идентификация может быть лишенной объектного отношения к тому лицу, поведение которого копируется.

Для наглядности работы механизма идентификации Фрейд использовал примеры, почерпнутые из его представлений об эдиповом комплексе и образовании невротических симптомов. Это не только способствовало пониманию сути идентификации применительно к отдельному индивиду, но и дало возможность перейти к рассмотрению массовой психологии с учетом действия механизмов идентификации в человеческой массе.

Дальнейшие размышления основателя психоанализа базировались на выдвинутых им обобщающих положениях. В соответствии с ними идентификация представляет

собой самую первоначальную форму эмоциональной связи с объектом. Регрессируя, как бы становясь интроекцией объекта в Я, эта связь заменяет либидозную объектную связь, и она может возникнуть при каждой вновь замеченной общности с лицом, не являющимся объектом первичных сексуальных влечений. Последнее обстоятельство Фрейд связал непосредственно с возможностью массообразования, так как, по его мнению, по самой природе идентификации взаимная связь отдельных индивидов между собой усиливает их общность посредством соотнесенности с вождем.

В целях лучшего понимания эмоциональной связи между людьми при массообразовании Фрейд рассмотрел, наряду с механизмами идентификации, такие феномены, как влюбленность и гипноз. По его мнению, в случае идентификации объект становится на место Я, в то время как в случае влюбленности происходит идеализация объекта, когда объект служит заменой никогда не достигнутого идеала Я. Гипноз сообразен с массообразованием, он задает ориентиры поведения массового индивида по отношению к вождю и отличается от влюбленности отсутствием прямых сексуальных намерений. Он занимает как бы среднее положение между влюбленностью и массообразованием.

Создание человеческой массы сходно с гипнозом, поскольку как в том, так и в другом случае природа первичных влечений аналогична и происходит замена идеала Я объектом. Но при массообразовании наблюдается еще идентификация с другими индивидами, основанная на одинаковом отношении к объекту. Гипноз и массообразование представляют собой наследственные остатки филогенеза либидо. Первый феномен может быть рассмотрен в качестве предрасположения либидо, второй — помимо этого, как непосредственный пережиток.

Принимая во внимание подобные соотношения между влюбленностью, гипнозом и массообразованием, Фрейд предложил своего рода формулу «либидозной конституции массы». Имеющая вождя первичная масса представляет, на его взгляд, некое число индивидов, сделавших своим идеалом Я один и тот же объект и вследствие этого идентифицировавшихся друг с другом в своем Я.

Изречения

З. Фрейд: «Если, таким образом, в массе появляются ограничения нарциссического себялюбия, то это убедительное доказательство того, что сущность массообразования заключается в нового рода либидозных связях членов массы друг с другом».

З. Фрейд: «Множество равных, которые могут друг с другом идентифицироваться, и один-единственный, их всех превосходящий, — вот ситуация, осуществленная в жизнеспособности масс».

Человек — животное орды

Итак, Фрейд выделил такие характерные черты у находящегося в массе индивида: отсутствие самостоятельности и инициативы, однотипность его реакций с реакцией других людей, ослабление критического мышления, безудержность аффектов, неспособность к умеренности и отсрочке в выражении чувств и деяний. Тем

самым он выразил свое мнение о регрессе психической деятельности в массе к более ранней ступени развития, свойственной дикарям или детям. В этом отношении его взгляды на находящегося во власти установок массовой души индивида оказались близкими взглядам В. Троттера, выраженным в книге «Стадный инстинкт в мирное время и на войне» (1916).

Однако основатель психоанализа не соглашался с утверждением Троттера, что стадный инстинкт первичен для человека. В понимании Фрейда, в отличие от первичных инстинктов — сексуального и самосохранения — стадный инстинкт не является таковым. Так, у ребенка долгое время не наблюдается никакого стадного инстинкта. Напротив, при виде любого другого незнакомого ему человека из «стада» у ребенка возникает страх. Только позднее, находясь среди детей и строя свои отношения с родителями, ребенок начинает отождествлять себя с другими и обретает чувство общности. Причем, как полагал Фрейд, чувство общности есть не что иное, как реакция на первоначальную зависть, испытываемую ребенком по отношению к другим детям. И именно на этой основе позднее возникает требование равенства, которое становится корнем социальной совести и чувства долга.

Исходя из подобного понимания, основатель психоанализа пришел к выводу, что социальное чувство базируется на переходе первоначально враждебных чувств в положительную связь с другими людьми, которая характеризуется идентификацией с ними. Следует однако иметь в виду, что требование равенства относится к участникам массы, а не к вождю. Жизнеспособная масса основана на равенстве ее участников, идентифицированных друг другу, и одном вожде, обладающем властью над ними. Таким образом, заключал Фрейд, высказывание Троттера, что человек есть животное стадное, следует исправить — он скорее особь, подчиняемая главарю орды. Словом, человек — это животное орды.

Подобное заключение не было новым для Фрейда. Фактически оно вытекало из тех идей, которые были изложены им в 1912 году в журнале «Имаго», а год спустя — в работе «Тотем и табу». Именно в данной работе основатель психоанализа обратился к осмыслению явлений социальной психологии и предпринял первую попытку применить точку зрения и результаты психоанализа к некоторым проблемам психологии народов. Именно в ней он высказал мысль, что в душевной жизни народов не только должны быть открыты схожие с индивидом процессы и связи, но и должна быть сделана смелая попытка выявить с помощью психоанализа те особенности, которые характерны для массообразования. И именно тогда он сформулировал гипотезу об отцеубийстве в первобытной орде, превращении орды в братскую общину, становлении тотемизма, заключающего в себе зачатки религии, нравственности, социальности.

В контексте раскрытия психоаналитического подхода к массообразованию важно учесть, что *Фрейд провел параллели между первобытной ордой и человеческой массой*. Он исходил из того, что психология массы, которая характеризуется исчезновением сознательной личности, одинаковой ориентацией мыслей и чувств членов массы, преобладанием аффективности и действенностью бессознательной душевной сферы, стремлением к немедленной реализации импульсивных намерений, — свидетельствует о состоянии регресса к примитивной душевной деятельности, столь свойственной для первобытной орды. На основе подобного сравнения Фрейд рассмотрел человеческую массу через призму ее регресса к примитивному состоянию, воспроизводящему особенности первобытной орды.

Размышляя об истории становления индивидуальной и социальной психологии, Фрейд пришел к выводу, что с самого начала существовали две психологии. Одна — это психология отца, вождя, стоявшего над остальными членами сообщества. Другая — психология массовых индивидов, связанных между собой и подчиняющихся воле отца, вождя. Как в древние времена, так и сегодня массовые индивиды питают иллюзию относительно того, что все они равны и одинаково любимы вождем. Сам же вождь, как и отец первобытной орды, нарциссичен, обладает силой и властью, он автономен и независим. По этому поводу основатель психоанализа замечал, что на заре истории человечества первобытный отец был, по сути дела, сверхчеловеком, о появлении которого в будущем рассуждал в свое время Ницше.

Реконструируя возможный ход исторических событий, в работе «Тотем и табу» Фрейд писал, что в случае смерти отца первобытной орды на его место становился один из его сыновей, который до того времени был наряду с другими массовым индивидом. Лишь со временем произошло «великое событие» (отцеубийство), положившее начало становлению религии, общества, культуры. В работе «Массовая психология и анализ человеческого Я» основатель психоанализа не столько воспроизвел ранее высказанные им предположения, сколько попытался показать, как и каким образом в историческом плане могло происходить превращение психологии массы в индивидуальную психологию, и наоборот. Согласно его взглядам, до тех пор, пока первобытный отец обладал силой, он всячески препятствовал удовлетворению прямых сексуальных потребностей своих сыновей. Он принуждал их к воздержанию и тем самым способствовал установлению эмоциональных связей как между ними, так и с ним. Эти эмоциональные связи вырастали на почве реализации стремлений с заторможенной сексуальной целью. Таким образом, *праотец как бы вынуждал своих сыновей к массовой психологии.*

На этих размышлениях как раз и основывались следующие предположения Фрейда. Во-первых, сексуальная зависть и нетерпимость отца по отношению к своим сыновьям стали причиной массовой психологии. Во-вторых, изгнанные сильным отцом из первобытной орды, сыновья перешли к гомосексуальной объектной любви и на этом пути обрели свободу, использованную ими в целях отцеубийства. Появившаяся таким образом возможность сексуального удовлетворения создавала почву для выхода из массовой психологии, поскольку фиксация на любви к женщине и непосредственное удовлетворение ранее заторможенных по цели влечений способствовали укреплению нарциссизма.

Сведение массы к первобытной орде дало возможность Фрейду по-своему объяснить становление социальной и индивидуальной психологии. Одновременно оно позволяло по-новому осмыслить то таинственное и непонятное, что скрывалось за явлениями гипноза и внушения. Так, за таинственной силой в гипнозе основателем психоанализа усматривалась та же самая сила, которая считалась источником табу у примитивных народов. Гипнотизер требует смотреть в глаза и гипнотизирует индивида своим взглядом, первобытный человек не переносит взгляда вождя, считающегося для него опасным. Гипнотизер пробуждает у человека часть его архаического наследия, проявляющегося по отношению к родителям, в частности к отцу. В результате в человеке оживает представление о могущественной личности, которой следует подчиняться, что напоминает собой отношение человека первобытной орды к праотцу. Внушение же представляет собой частичное явление гипнотического со-

стояния. Оно уходит своими корнями в бессознательно сохраненное из праистории человеческой семьи предрасположение. Таким образом, по мнению Фрейда, проявляющийся в феноменах внушения характер массообразования можно объяснить его происхождением от первобытной орды.

В своих размышлениях о массообразовании основатель психоанализа показал внутренние механизмы работы психики, позволяющие человеку отказываться от своего идеала Я и заменять его массовым идеалом, находящим свое воплощение в вожде. Он продемонстрировал и то, что благодаря совпадению Я и идеала Я, способствующего сохранению нарциссического самодовольства индивида, облегчается выбор вождя в массе. Нередко человеку достаточно обладать типичными качествами индивидов массы, производить впечатление исходящей от него силы и либидозной свободы, как это сразу же находит отклик у других людей и порождает потребность в сильном лидере. Применительно к нашей отечественной реальности типичным примером в этом отношении мог служить В. В. Жириновский, выступающий в роли самоуверенного человека и изображающий из себя сексапильного мужчину, что находит отклик в глубинах бессознательного ряда представителей сильного и слабого пола.

Изречения

З. Фрейд: «Масса кажется нам вновь ожившей первобытной ордой. Так же как и в каждом отдельном индивиде первобытный человек фактически сохранился, так и из любой человеческой толпы может снова возникнуть первобытная орда; поскольку массообразование обычно владеет умами людей, мы в ней узнаем продолжение первобытной орды. Мы должны сделать вывод, что психология массы является древнейшей психологией человечества».

З. Фрейд: «Вождь массы — все еще праотец, по отношению к которому все преисполнены страха, масса все еще хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть, страстно ищет авторитета».

Идеал Я и миф о герое

Психоаналитическое ви́дение природы массообразования привело Фрейда к необходимости рассмотрения новых проблем. Они были тесным образом связаны, с одной стороны, с психологией человеческих масс, а с другой стороны, с дифференциацией психики на составляющие ее части, с углубленным пониманием психических расстройств, с возможностями перехода от массовой к индивидуальной психологии. В той или иной степени все эти проблемы были затронуты им в работе «Массовая психология и анализ человеческого Я».

Так, в контексте рассмотрения истории и специфики массообразования Фрейд почувствовал необходимость выделения в психике человека особой инстанции — идеала Я. Два года спустя, когда в работе «Я и Оно» он изложил свою структурную точку зрения на человеческую психику, его внимание сосредоточилось на такой инстанции, как Сверх-Я. В работе же «Массовая психология и анализ человеческого Я»

при объяснении либидозной структуры массы Фрейд провел различие между Я и идеалом Я. Он высказал соображение о том, что на этой основе возможно возникновение двойственности эмоциональной связи между людьми, включающей в себя идентификацию и замещение идеала Я объектом.

Иллюстрацией различия между идентификацией Я и заменой идеала Я служили у Фрейда примеры, почерпнутые из предшествующего рассмотрения двух видов человеческих масс, то есть войска и христианской церкви. В войске солдат делает своим идеалом полководца и идентифицируется с другими солдатами. И хотя, как говорится, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, полководцем, тем не менее идентификация с ним ставит его в смешное положение. В Церкви дело обстоит несколько иначе. Каждый верующий видит в Христе идеал, идентифицируется с другими верующими, но помимо этого церковь претендует на то, чтобы во имя всеобщей любви верующий идентифицировался с Христом. Отмечая это, Фрейд критически отнесся к подобному требованию церкви, считая, что можно быть хорошим христианином, любить людей, но не ставить себя на место Христа и не требовать от себя силы Его любви.

Осуществленное Фрейдом разделение на Я и идеал Я поставило его перед необходимостью рассмотреть вопрос о том, что происходит с человеком, когда Я совпадает с Я идеалом или, напротив, между ними возникает напряженность. Постановка этого вопроса приводила к осмыслению психических заболеваний, вызванных возможными конфликтными ситуациями между сексуальными влечениями и влечениями Я, а также тех случаев, когда психически задействованными оказывались отношения между Я и идеалом Я.

Рассматривая эти отношения, Фрейд полагал, что совпадение Я с идеалом Я дает ощущение триумфа. Если эти психические инстанции сливаются между собой таким образом, что превалирующим становится триумфальное довольство самим собой, не нарушаемое никакой самокритикой и упреками в свой собственный адрес, то у человека может развиться мания. Если между обеими инстанциями наблюдается раскол, когда идеал Я беспощадно осуждает Я, низводя его на уровень самоунижения и неполноценности, то человек впадает в меланхолию, в меланхолическую депрессию.

Психоаналитическое исследование неврозов основывалось на выведении их симптомов из вытесненной сексуальности. С учетом разделения психики на Я и идеал Я Фрейд модифицировал свои предшествующие представления о неврозах. Он высказал предположение, что симптомы психических заболеваний следует также выводить и из заторможенных по цели стремлений человека, подавление которых целиком и полностью не удалось или же освободило место для возвращения к вытесненной сексуальной цели. Этому обстоятельству соответствует то, что невроз свидетельствует о бегстве человека из массового образования и делает его как бы асоциальным. Отсюда основатель психоанализа постулировал два вывода. Во-первых, как и влюбленность, при которой двое не нуждаются в третьем человеке и обществе в целом, невроз действует на массу разлагающим образом. Во-вторых, там, где происходит массообразование, наблюдается снижение степени невротизации отдельного человека и индивидуальный невроз может исчезнуть на какое-то время. Другое дело, что в человеческой массе вместо индивидуального невроза может возникнуть коллективный невроз. Но Фрейд признавал, что религиозно-мистические и философско-мистические объединения людей служат выражением косвенного лечения неврозов.

В понимании основателя психоанализа, предоставленный самому себе невротик осуществляет собственное симптомообразование, тем самым заменяя массообразование, из которого он был вынужден удалиться. Вместо массообразования он создает собственный фантастический мир и свою бредовую систему, повторяя, правда, в искаженном виде то, что оказывается для него психически действенным. По тому искажению массообразования, которое можно наблюдать у невротика, можно судить об участии в его жизни подавленных сексуальных влечений.

Невроз связан с особенностью развития либидо, проявляющейся в двойном, прерванном латентным периодом начале сексуальной функции человека. В этом отношении он имеет, согласно основателю психоанализа, нечто общее с гипнозом и массообразованием. Этим общим для них является регресс, который характерен и для невроза, и для гипноза, и для массообразования. Причем невроз оказывается чрезвычайно богатым по своему содержанию, так как он охватывает многообразные отношения как между Я и объектом, независимо от того, сохранен ли объект, покинут или восстановлен в Я, так и между Я и его идеалом Я.

Наконец, при осмыслении природы массообразования Фрейд не мог оставить в стороне вопрос о возможности осуществления в психическом развитии человечества прогресса от массовой психологии к психологии индивидуальной. В его представлении, этот прогресс нашел свое отражение в мифе об отцеубийстве и в мифе о герое и мог осуществляться следующим образом. После совершения отцеубийства к массовым индивидам пришло понимание того, что они должны отказаться от отцовского наследия на право обладания женщинами. Это привело к образованию тотемистического братства, возникновению табу, стремлению искупить свою вину за совершенное отцеубийство. Несмотря на все это, среди массовых индивидов сохранилось недовольство в отношении достигнутого результата, что положило начало новому развитию событий. Со временем объединение в братство привело к восстановлению прежнего положения, но уже на качественно ином уровне. Вместо материнского господства и приобретенных женщинами соответствующих привилегий во время безотцовщины мужчина вновь стал главой семьи. Воспоминания о прошлом побудили отдельного индивида отделиться от массы и мысленно восстановить себя в роли отца. Это было достигнуто в сфере фантазии, и тот, кто сумел совершить подобный шаг, стал поэтом, подменившим действительность мечтой.

Так было положено начало героическому мифу, в котором воображением поэта герой убил тотемистическое чудовище, олицетворяющее собой отца, и стал первым идеалом Я. И именно этот миф стал, по мнению основателя психоанализа, первым шагом на пути выхода индивида за пределы массовой психологии.

Подобные представления Фрейда о рождении мифа о герое основывались на соответствующих идеях, высказанных в свое время Ранком, опубликовавшим книгу «Миф о рождении героя» (1909). В ней нашла свое отражение мысль о том, что мифы, по крайней мере изначально, являются творениями человеческого дара воображения. Фрейд не только был знаком с работой Ранка, но и в то время всячески поддерживал его начинания в области психоаналитического исследования мифов. В 1908 году на одном из заседаний Венского психоаналитического общества, посвященном обсуждению готовящейся к изданию работы Ранка, он подчеркнул, что с помощью героя в мифах индивид восстает против отца и защищается от различного рода нападок в его адрес. В книге «Массовая психология и анализ человеческого Я»

со ссылкой на Ранка основатель психоанализа заметил, что первым мифом был, несомненно, психологический, героический миф. Поэт же, создавший подобный миф и отделившийся таким образом в своей фантазии от массы, встал на путь развития индивидуальной психологии. Так, в представлении Фрейда, пересекается история развития массовой и индивидуальной психологии.

Выделяясь в своей фантазии из массы, поэт тем не менее оказывается способным найти обратный путь к массе. Он приходит к людям и рассказывает созданный им самим миф о похождениях героя, за обликом которого просматривается не кто иной, как он сам. Слушатели с пониманием относятся к его рассказу и в силу переживаемых ими чувств, которые, по сути дела, идентичны чувствам героя, идентифицируют себя с ним. Тем самым между ними устанавливается эмоциональная связь, позволяющая совершить переход от индивидуальной к массовой психологии.

Таковы в общих чертах взгляды Фрейда на индивидуальную и массовую, социальную психологию, уходящие своими корнями в праисторию развития человечества. В них обнаруживается тесная связь между психоаналитическим пониманием природы неврозов и массообразованием; реальностью, в которой пребывает человек, и миром фантазий, где превалирует воображение, лежащее в основе творческой деятельности, поэтического созидания, искусства.

Последний аспект бессознательной деятельности человека всегда привлекал внимание основателя психоанализа. Не случайно художественная литература, поэтическое творчество, произведения искусства стали предметом его особого интереса. И если проблемы массообразования находили свое отражение только в некоторых работах Фрейда, то рассмотренная с психоаналитических позиций искусствоведческая проблематика входила составной частью в сферу его исследовательской и терапевтической деятельности.

Изречения

З. Фрейд: «От идеала Я широкий путь ведет к пониманию психологии масс».

З. Фрейд: «Даже те, кто не сожалеет об исчезновении в современном культурном мире религиозных иллюзий, должны признать, что, пока они были в силе, они служили наиболее эффективной защитой от опасности невроза тем, кто был во власти этих иллюзий».

Контрольные вопросы

1. Каким образом связаны между собой индивидуальная и социальная психология?
2. Какие изменения в психической деятельности человека осуществляются под влиянием общества?
3. Каково психоаналитическое понимание роли и механизмов либидозной связи в человеческой массе?
4. Каковы взгляды Фрейда на психологию массовых индивидов и психологию вождя?
5. Как Фрейд понимал связь между неврозами и массообразованием?

6. Почему Фрейд называл человека «животным орды»?
7. Что понимается в психоанализе под идеалом Я?

Рекомендуемая литература

1. Между Эдипом и Озирисом: становление психоаналитической концепции мифа. Львов; М., 1998.
2. *Ранк О.* Миф о рождении героя. М.; Киев, 1997.
3. *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого Я // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992.
4. *Фрейд З.* О нарциссизме // Фрейд З. Либидо. М., 1996.
5. *Фрейд З.* Тотем и табу. М., 2015.

Глава 19

ПСИХОАНАЛИЗ ИСКУССТВА

Феномен остроумия

Психоаналитическое понимание искусства нашло отражение во многих работах Фрейда. Среди них можно отметить такие, как «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905), «Художник и фантазирование» (1906), «Бред и сны в “Градиве” В. Иенсена» (1907), «Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве» (1910), «Мотив выбора ларца» (1913), «Моисей Микеланджело» (1914), «Некоторые типы характеров из психоаналитической практики» (1916), «Юмор» (1925), «Достоевский и отцеубийство» (1928).

Уже на начальных этапах становления и развития психоанализа Фрейд уделял значительное внимание не только толкованию сновидений или описанию клинических случаев, но и рассмотрению проблем, связанных с пониманием искусства. В этом отношении несомненный интерес представляет его работа «Остроумие и его отношение к бессознательному», которая была опубликована им до того, как психоанализ вышел на международную арену, а его психоаналитические идеи нашли поддержку среди части интеллигенции.

Интерес к проблеме остроумия возник у Фрейда в силу того, что в сочинениях эстетиков, философов и психологов, к которым он обратился в связи с попыткой понять роль остроумия в духовной жизни человека, основатель психоанализа не нашел удовлетворительного ответа на вопрос, в чем состоит суть этого феномена. Кроме того, Фрейд задался вопросом, какова природа возникновения эстетического наслаждения от различного рода острот, каламбуров, анекдотов. Причем обращение к данной проблематике рассматривалось им не в качестве побочного интереса человека, обладающего склонностью к юмору и испытывающему удовольствие от использования остроумия при общении с другими людьми. Интерес основателя

психоанализа был продиктован фактом тесной взаимосвязи всех душевных явлений и процессов, раскрытие которых представлялось важным и необходимым с точки зрения глубинного понимания механизмов работы человеческой психики.

При рассмотрении природы и техники остроумия Фрейд апеллировал к работам философов, включая К. Фишера, Т. Липпса, И. Канта, использовал многочисленные примеры остроумия, почерпнутые из творчества таких писателей и поэтов, как Г. Гейне, У. Шекспир, Г. Лихтенберг, Жан-Поль (Ф. Рихтер), Д. Шпитцер. Описывая технические приемы остроумия, будь то сгущение, сдвиг, непрямое изображение, видоизменение, двусмысленность и другие, он выдвинул предположение, что удовольствие является всеобщим условием, которому подчиняется любое эстетическое представление, а остроумие — деятельностью, направленной на получение удовольствия от психических процессов. Исходя из идей, в соответствии с которыми вытеснение бессознательных влечений оказывается фактором возникновения психоневрозов, Фрейд отметил, что именно в результате вытесняющей деятельности культуры утрачиваются первичные, отвергнутые внутренней цензурой возможности наслаждения. Однако, поскольку подобные отречения затруднительны для психики человека, острота оказывается средством упразднения отречения, благодаря чему достигается удовольствие.

Для Фрейда доставляемое остротой удовольствие держится на технике, технических приемах, используемых человеком. Но не только на технике. Удовольствие достигается также и с помощью тенденциозности, тех тенденций, которые просматриваются при остроумии. В связи с этим основатель психоанализа выделил несколько типов тенденциозного остроумия: обнажающее (непристойное), агрессивное (недоброжелательное), циничное (критическое, кощунствующее), скептическое.

Стало быть, имеются два различных источника удовольствия от остроумия. Но можно ли эти два источника рассматривать с единой точки зрения? Каким образом удовольствие возникает из этих источников? Каков механизм удовольствия и психогенез остроумия?

Пытаясь ответить на эти вопросы, Фрейд исходил из того, что степень удовольствия от остроты соразмерна сэкономленным психическим издержкам, связанным с созданием и сохранением психического торможения. Сбережение издержек на торможение или подавление как раз и открывает секрет тенденциозной остроты, доставляющей человеку удовольствие. Тенденция и функция остроумия — защищать доставляющие удовольствие словесные и мыслительные связи от критики. Функция остроумия — упразднение внутренних торможений и расширение источников удовольствия. Здесь оказывается действенным принцип предваряющего удовольствия, в соответствии с которым остроумие доставляет удовольствие, способствующее большему освобождению удовольствия.

Исследуя феномен остроумия, Фрейд столкнулся с такими механизмами его образования, которые привели его к необходимости рассмотрения отношения остроумия к сновидению и бессознательному. Особенности воздействия остроты на человека он соотносил с определенными формами выражения и техническими приемами, среди которых важными и существенными были различные виды сгущения, сдвига, непрямого изображения. Те же самые процессы были выявлены им при работе сновидения, когда осуществлялся переход от скрытых мыслей сновидения к явному его содержанию. Именно эти особенности сновидческой деятельности

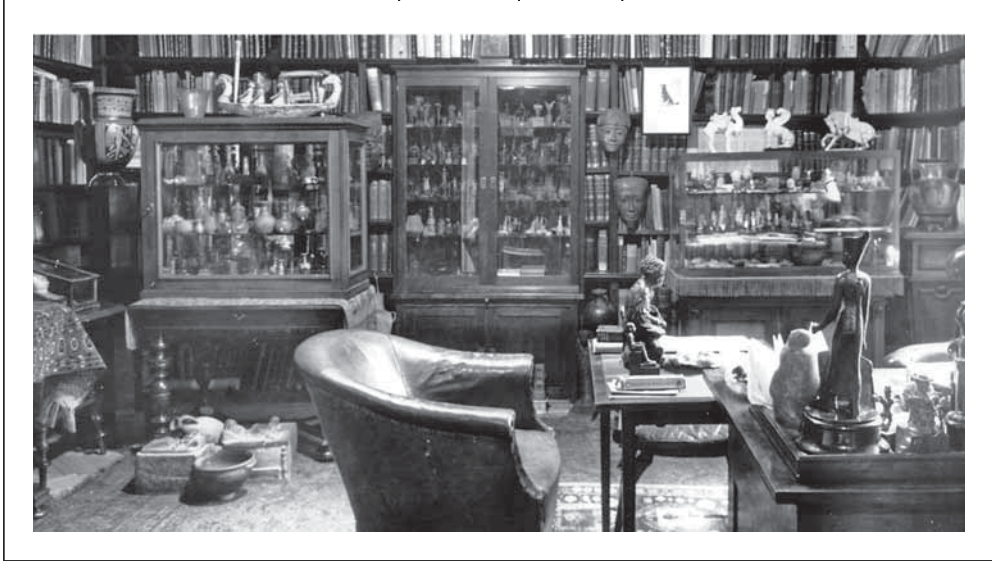
Из истории психоанализа

На протяжении своей жизни Фрейд проявлял значительный интерес к различным произведениям мировой культуры. Он питал особое пристрастие к классической художественной литературе, с удовольствием читал и перечитывал шедевры Гомера, Софокла, Шекспира, Гёте, Гейне, Сервантеса, Золя, Франса, Марка Твена и многих других всемирно известных писателей и поэтов.

Проживая в Вене и кратковременно пребывая в других городах, Фрейд имел возможность ходить в оперу. Известно, например, что он слушал оперы «Фигаро», «Кармен», «Дон Жуан», «Волшебная флейта». Во время своей стажировки во Франции он посмотрел такие театральные постановки, как «Царь Эдип» Софокла, «Тартюф» и «Брак поневоле» Мольера, «Эрнани» Гюго.

Основатель психоанализа был страстным коллекционером, и в его рабочем кабинете находилось значительное количество статуэток, олицетворяющих произведения древнегреческого, древнеримского и древнеегипетского искусства. Он любил проводить свой отпуск, путешествуя по Европе и посещая всемирно известные музеи изобразительного искусства в Дрездене, Венеции, Болонии, Флоренции, Риме, Неаполе и в других городах, где особое внимание им уделялось скульптурам.

В 1885 году в одном из писем к невесте Фрейд подробно описывал свои впечатления от произведений искусства, с которыми он имел возможность познакомиться в парижских музеях. Он писал о том, что посетил Лувр и изучал его античный отдел. «Там находится множество греческих и римских статуй, надгробий, надписей и обломков. Некоторые экспонаты просто великолепны. Древние боги стоят в невесть каком количестве. Среди них я видел знаменитую Венеру Милосскую без рук и сделал ей общепринятый комплимент... У меня еще было время бросить беглый взгляд на ассирийский и египетский залы, которые я непременно посещу. Мельком видел статуи ассирийских царей, огромных, как деревья. Эти властелины держали на руках львов, как сторожевых собак. Там восседали на постаментах крылатые человекозвери с красиво подстриженными волосами. Клинопись выглядит так, как будто сработана вчера. Еще были разукрашенные в огненные цвета египетские барельефы, настоящие сфинксы, императорские короны. Немного воображения, и, кажется, вся вселенная в ее историческом прошлом представлена здесь».

Из истории психоанализа

В сентябре 1901 года Фрейд приехал в Рим и уже на второй день своего пребывания в этом городе посетил собор Св. Павла и Ватиканский музей, где испытал подлинное наслаждение при виде работ Рафаэля. В последующие дни он провел несколько часов в Национальном музее, осмотрел Пантеон, снова побывал в Ватиканском музее, где наслаждался созерцанием прекрасных статуй Лаокоона и Аполлона Бельведерского. Тогда же Фрейд впервые увидел статую Микеланджело «Моисей», которая вызвала у него такой повышенный интерес, что впоследствии он вновь и вновь обращался к ее созерцанию. В частности, в сентябре 1913 года он на протяжении трех недель ежедневно стоял в церкви Св. Петра перед мраморной статуей, делал различные зарисовки, предавался глубоким размышлениям, которые нашли свое отражение в анонимно опубликованной им работе «Моисей Микеланджело» (1914). По этому поводу он писал: «Всякий раз, читая о статуе Моисея такие слова, как: "Это вершина современной скульптуры" (Герман Гримм), я испытываю радость. Ведь более сильного впечатления я не испытывал ни от одного другого произведения зодчества. Как часто поднимался я по крутой лестнице с неброской Корсо-Кавоур к безлюдной площади, на которой затерялась заброшенная церковь, сколько раз пытался выдержать презрительно-гневный взгляд героя! Украдкой выскальзывал я иногда из полутьмы внутреннего помещения, чувствуя себя частью того сброда, на который устремлен его взгляд, сброда, который не может отстоять свои убеждения, не желая ждать и доверять, и который возликовал, лишь вновь обретя иллюзию золотого тельца».

Фрейд мог долгое время любоваться какой-либо скульптурой или произведением древнего зодчества, но не испытывал особого удовольствия при виде полотен современных художников. Напротив, он критически относился к модернистской живописи. Так, в одном из писем к К. Абрахаму, написанном в 1923 году, Фрейд со всей резкостью и прямотой высказал нелестное суждение по поводу присланного ему рисунка, на котором его берлинский коллега был изображен художником-экспрессионистом. Данный рисунок был воспринят им как «ужасный», и он с осуждением отнесся к «слабости» Абрахама, проявлявшего терпимость и симпатию к подобному искусству.

В июле 1938 года Стефан Цвейг просил Фрейда дать согласие на то, чтобы его посетил Сальвадор Дали. Цвейг считал Дали «единственным современным гением живописи» и писал основателю психоанализа о том, что испанский художник является его благодарнейшим учеником. Фрейд согласился принять у себя молодого художника. Во время этой встречи Дали показал основателю психоанализа свою картину «Метаморфозы Нарцисса», которая, по словам Цвейга, возможно, была написана под влиянием Фрейда.

Во время беседы художник сделал эскиз портрета Фрейда и произвел на него такое впечатление, что тот даже изменил свое мнение о сюрреализме. До встречи с Дали основатель психоанализа был склонен считать сюрреалистов, избравших его «ангелом-хранителем», на 95% дураками, как это бывает с алкоголиками. После встречи с Дали в письме Цвейгу он писал: «Молодой испанец с доверчивыми глазами фанатика и безупречным техническим мастерством заслуживает другой оценки. Было бы и в самом деле очень интересно аналитически исследовать процесс создания такого рода картины. Ведь критически всегда можно было бы сказать, что понятие искусства не поддается расширению, если количественное отношение неоцененного материала и предварительной обработки преступает известную границу. Но в любом случае это серьезная психологическая проблема».

Не проявляя интереса к модернистской живописи и подчеркивая, что, в отличие от художественной литературы и скульптуры, живопись как таковая не оказывает на него столь сильное воздействие, Фрейд тем не менее был любителем ее классических произведений. Известно, например, что в 1908 году при поездке в Манчестер он ненадолго останавливался в Гааге для того, чтобы посмотреть картины Рембрандта. Во время этого путешествия он также побывал в Лондоне, где посетил Британский музей и Национальную галерею. ►

Из истории психоанализа

В Британском музее он любовался коллекцией древних ценностей, особенно египетских. В Национальной галерее познакомился с английской школой живописи, представленной картинами Рейнолдса и Гейнсборо. Из работы о Леонардо да Винчи (1910) можно судить о том, какое впечатление оказали на него полотна итальянского художника, особенно портрет Моны Лизы. Картина, на которой изображена загадочная улыбка Моны Лизы, до сих пор составляет, по его собственному выражению, «одно из величайших сокровищ Лувра».

подробно обсуждались Фрейдом в его книге «Толкование сновидений», и именно они позволяли провести аналогию между остроумием и сновидением.

Впрочем, подобная аналогия может вызвать возражение. Это возражение имеет под собой реальные основания, поскольку при критическом отношении к психоанализу всегда можно сказать, что выявленные им технические приемы остроумия (сгущение, сдвиг, непрямое изображение) были обусловлены его предшествующими представлениями о работе сновидения. Фрейд предвидел возможность подобного рода возражения и поэтому открыто говорил о тех сомнениях, которые могут возникнуть при проведении параллелей между остроумием и сновидением. Но, по его собственному выражению, из подобного возражения вовсе не вытекает, что оно справедливо. Он придерживался мнения, что не стоит опасаться подобной критики, поскольку анализ остроумия действительно дает представление о том, в каких формах проявляются его технические приемы. Более важным оказывается то, что характерные черты остроумия позволяют отнести его формирование в сферу бессознательного.

По Фрейду, для образования остроты человеческая мысль погружается в бессознательное и отыскивает там убежище для былой игры словами. Мышление как бы на мгновение переносится на детскую ступень развития, чтобы вновь обрести инфантильный источник удовольствия. Ведь инфантильное — это сфера бессознательного. И если бы даже это положение не было выявлено при исследовании психологии неврозов, при изучении феномена остроумия следовало бы согласиться с тем, что бессознательная обработка представляет собой инфантильный тип мыслительной деятельности.

Казалось бы, проводя аналогию между остроумием и сновидением, Фрейд нашел полное тождество между ними, тем более что и в том и в другом случае обнаружились идентичные процессы, связанные с механизмами сгущения, сдвига, непрямого изображения. Однако психоаналитическое видение исследуемых феноменов не столь однозначно, как это может показаться на первый взгляд, особенно при критически-негативном отношении к психоанализу как таковому. В этом отношении осуществленный Фрейдом сравнительный анализ между остроумием и сновидением является, пожалуй, наиболее показательным.

В самом деле, говоря о сходстве между остроумием и сновидением, основатель психоанализа в то же время обратил внимание на коренное различие между ними. Так, в противоположность сновидению, остроумие не создает компромиссов, не избегает торможения. Оно стремится сохранить в неизменном виде игру словами и бессмыслицу, выделяя в ней смысл. Конечно, остроумие пользуется теми же сред-

ствами, что и деятельность сновидения. Но оно, в отличие от последнего, использующего эти средства для того, чтобы переступить пределы дозволенного, соблюдает соответствующие границы. И наконец, коренное различие между ними состоит в их социальном положении, что представляется наиболее важным и существенным.

По мнению Фрейда, сновидение — асоциальный продукт. Остроумие же выступает в качестве самого социального из всех нацеленных на получение удовольствия видов психической деятельности. Сновидение ничего не может сообщить другому человеку, ведь оно чаще всего непонятно даже для самой личности и потому неинтересно для окружающих ее людей. Остроумие, напротив, требует для своего завершения посредничества со стороны другого человека. Сновидение способно существовать в замаскированном виде и прибегает к различного рода искажениям, недоступным для понимания других лиц. Остроумие чаще всего предполагает наличие третьего участника, чтобы насладиться удовольствием от остроты, и рассчитано на его понимание.

Фрейд не только отметил существенные различия между сновидением и остроумием. Он высказал также предположение, что оба они принадлежат к различным областям психической жизни и их следует рассматривать с точки зрения принадлежности к отстоящим друг от друга психическим системам. В процессе образования сновидения важную роль играют переход предсознательных дневных восприятий в бессознательное; соответствующая переработка перемещенного материала в бессознательном; регрессия обработанного материала сновидения в символические образы, доступные для восприятия сновидца. При образовании остроумия две первые стадии формирования сновидения оказываются также задействованными, но третья, связанная с регрессией мыслей к образам восприятия, — отсутствует.

Исследуя феномен остроумия, Фрейд обратился также к рассмотрению специфики комизма, мимики представлений, наивного в речи, пародии, карикатуры, юмора. Значительное внимание он уделил выяснению сходства, различия и отношений между остроумием и комизмом. В частности, он высказал предположение, что остроумие и комизм различаются между собой психической локализацией, поскольку первое содействует второму в области бессознательного. Комизм возникает или из раскрытия бессознательных способов мышления, или из сравнения с порождающей удовольствие полноценной остротой. Юмор же служит средством достижения удовольствия вопреки мешающим его мучительным аффектам. Юмор ближе к комизму, чем к остроумию. Как и комизм, он локализуется в предсознательном, в то время как остроумие выступает в качестве компромисса между бессознательным и предсознательным.

Два десятилетия спустя после публикации работы «Остроумие и его отношение к бессознательному» Фрейд вновь обратился к рассмотрению проблемы юмора. Этой проблеме была посвящена небольшая по объему статья «Юмор» (1925), в которой основатель психоанализа рассмотрел связь юмора со структурой и особенностями психики юмориста. Если в первой работе он сосредоточился на анализе причин удовольствия, получаемого от юмора, то в соответствующей статье внимание было обращено и на внутреннюю мотивацию юмористической деятельности. Вместе с тем, как и в первой работе, в статье рассматривались сходства и различия между остроумием, комизмом и юмором.

В статье 1925 года Фрейд обсудил вопрос о существе и особенностях юмора. С его точки зрения, сущность этого явления состоит в ослаблении аффектов человека,

к которым подталкивает ситуация. Особенность юмора в том, что в нем имеет место не только нечто освобождающее, свойственное также остроумию и комизму, но и нечто грандиозное и воодушевляющее, чего нет в двух других видах деятельности, доставляющих человеку удовольствие. Грандиозное находит выражение в торжестве нарциссизма, воодушевляющее — в торжестве принципа удовольствия, способного утвердиться вопреки неблагоприятно складывающейся реальности. Если остроумие служит достижению удовольствия или ставит полученное удовольствие на службу агрессии, то юмор ориентирован на избавление человека от гнета страдания.

При рассмотрении особенностей юмора Фрейд апеллировал в данной статье к структурному пониманию психики человека, предложенному им в работе «Я и Оно» (1923). Это дало ему возможность динамически объяснить юмористическую установку: ее суть заключается в том, что личность юмориста смещает психический акцент со своего Я на свое Сверх-Я. Тем самым происходит новое распределение психической энергии, в результате которого интересы Я представляются не столь существенными и Сверх-Я обретает возможность более легкого подавления реакций Я. Отсюда фрейдовское представление о том, что если острота — это вклад в комизм, совершенный бессознательным, то юмор — вклад в комизм через посредство Сверх-Я.

В работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» не было подобного понимания юмора. Да его и не могло быть, поскольку структурный взгляд на психику человека был выражен Фрейдом почти два десятилетия спустя после публикации данной работы. Но даже в то время у него обнаружилась явная потребность в выявлении особенностей и специфических характеристик остроумия, комизма, юмора как особых видов интеллектуальной деятельности, доставляющей людям удовольствие.

Подводя итоги своему исследованию в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному», основатель психоанализа подчеркнул, что в целом остроумие, комизм и юмор представляют собой не что иное, как способы воссоздания удовольствия от психической деятельности, некогда имевшие место в инфантильной жизни человека, но утраченные им в процессе ее развития. Каждый из нас в детстве получал удовольствие, не прибегая к излишним издержкам, с которыми приходится считаться взрослому человеку, вынужденному согласовывать свою психическую деятельность не столько с принципом удовольствия, сколько с принципом реальности. Чтобы чувствовать себя в жизни счастливым, ребенку не требуется ни остроумие, ни комизм, ни юмор. Он получает удовольствие непосредственно от своей деятельности, сопряженной лишь с малыми издержками.

В отличие от ребенка, стремящийся к получению удовольствия взрослый человек наталкивается на внешние и внутренние ограничения и организует свою психическую деятельность таким образом, чтобы с помощью различных средств, окольными путями экономии различного рода издержек все же достичь на время отсроченного удовольствия. В понимании Фрейда, из сэкономленных издержек на торможение проистекает удовольствие от остроумия; сэкономленные издержки на представление порождают комизм; сэкономленные издержки на проявление эмоций способствуют возникновению юмора. Все три способа психической деятельности направлены на достижение человеком удовольствия в условиях социального, нравственного, культурного давления, которое оказывается на него в современном мире.

Исследование остроумия, несомненно, являлось значительным вкладом Фрейда в понимание механизмов работы человеческой психики. По сравнению со многими другими его трудами, вызывавшими и до сих пор вызывающими подчас резкую критику и неприятие содержащихся в них психоаналитических идей, работа об остроумии и его отношении к бессознательному была воспринята современной эстетической мыслью в качестве блестящего исследования, свидетельствующего о незаурядной личности Фрейда как ученого. В этом отношении показательна позиция отечественного психолога Л. С. Выготского, который критически отнесся ко многим психоаналитическим идеям Фрейда, включая его представление об эдиповом комплексе и понимание искусства как сублимации сексуальных влечений. Но он высоко оценил «Остроумие и его отношение к бессознательному», полагая, что данная работа может считаться классическим образцом всякого аналитического исследования и что осуществленный Фрейдом анализ позволил ему выявить три совершенно разных источника удовольствия для таких близко стоящих форм искусства, как остроумие, комизм, юмор.

Изречения

З. Фрейд: «Она (острота. — *В.Л.*) содействует удовлетворению влечения (похотливого или враждебного) вопреки стоящему на его пути препятствию, она обходит это препятствие и таким образом черпает удовольствие из ставшего недоступным в силу этого препятствия источника».

З. Фрейд: «Сновидение — это все-таки еще и желание, хотя и ставшее неузнаваемым; остроумие — это развившаяся игра. Сновидение, несмотря на всю свою практическую никчемность, сохраняет связь с важными жизненными интересами; оно пытается реализовать потребности регрессивным окольным путем галлюцинаций и обязано своей сохранностью единственной не заглохшей во время ночного состояния потребности — потребности спать. Напротив, остроумие пытается извлечь малую толику удовольствия из свободной от всяких потребностей деятельности нашего психического аппарата, позднее оно пытается уловить такое удовольствие, как побочный результат этой деятельности, и таким образом во вторую очередь добивается немаловажных, обращенных к внешнему миру функций. Сновидение преимущественно служит сокращению удовольствия, остроумие — приобретению удовольствия; но на двух этих сходятся все виды нашей психической деятельности».

Специфика искусства и художественного творчества

В понимании Фрейда, искусство представляет собой своеобразный способ примирения принципа удовольствия и принципа реальности путем вытеснения из сознания человека социально и культурно неприемлемых импульсов. В этом смысле искусство как бы способствует устранению реальных конфликтов в жизни человека и поддержанию психического равновесия, то есть выступает в роли своеобразной терапии, которая снижает степень вероятности возникновения симптомов психических

расстройств или ведет к их устранению. В психике художника это достигается путем реализации его творческого потенциала или творческого самоочищения благодаря сублимации, переключению бессознательных влечений на социально приемлемую художественную деятельность. По своему смыслу такая терапия напоминает собой катарсис Аристотеля. Но если у древнегреческого философа средством духовного очищения выступала трагедия как одна из форм художественной деятельности, то основатель психоанализа усматривал в этом специфику всего искусства.

Основной функцией искусства Фрейд считал компенсацию неудовлетворенности художника реальным положением вещей. Причем не только художника, но и воспринимающих искусство людей. Ведь в процессе приобщения к красоте художественных произведений и эстетических ценностей культуры зрители оказываются вовлеченными в иллюзорное удовлетворение своих бессознательных влечений и желаний, в силу нравственного воспитания скрываемых не только от других людей, но и от самих себя. Недовольство реальным положением вещей открывает путь в мир фантазий. Этот мир представляет собой, по выражению Фрейда, «щадящую зону», возникающую при болезненном переходе от принципа удовольствия к принципу реальности.

Сталкиваясь с неблагоприятной действительностью, художник уходит в фантастический мир и в этом отношении напоминает собой невротика, который спасается от не переносимого им реального мира бегством в болезнь. Однако, в отличие от невротика, застревающего в созданном им фантастическом мире, художник способен найти обратную дорогу, чтобы вновь обрести в существующей действительности точку опоры для своей жизнедеятельности. Художественное творчество и произведения искусства оказываются фантастическим удовлетворением бессознательных желаний, в процессе которого избегание открытого конфликта с силами вытеснения достигается путем компромисса с реальностью и компенсации того, что не удается достигнуть в ней самой. Если невротик выражает свои фантазии симптомами болезни, то человек, обладающий загадочным для психоаналитика художественным дарованием, прибегает к созданию произведений искусства и, минуя невроз, таким обходным путем возвращается в реальность. В конечном итоге, как полагал Фрейд, внутренняя борьба, обусловленная столкновением между стремлением к удовлетворению бессознательных желаний человека и реальностью, может привести к неврозу или к компенсирующему высшему творчеству.

Такое видение природы и направленности искусства не было лишено смысла, так как искусство, несомненно, включает в себя функцию компенсации. И действительно, компенсирующая функция искусства в определенных условиях может выдвинуться на передний план. Это нередко случается в современной культуре, духовные продукты которой предназначены или для примирения человека с социальной действительностью, или, напротив, для эпатажа его, что достигается путем отвлечения его от повседневных забот, реальных проблем жизни.

И все же компенсация — не основная и тем более не единственная функция искусства. Компенсирующая функция искусства становится основной лишь тогда, когда художественное творчество превращается в ремесло по выполнению социального заказа, не отвечающего внутренним потребностям художника. Или в некое эпатирующее средство, с помощью которого художник стремится выйти за рамки установленных канонов не потому, что испытывает настоятельную необходимость в этом, а в силу того, что хочет выглядеть экстравагантным в глазах окружающих.

Правда, сам Фрейд не рассматривал компенсирующую функцию искусства под этим углом зрения. Задавшись целью выявить механизм образования компенсаций неудовлетворенного желания в процессе художественного творчества, он акцентировал внимание не столько на этой функции, сколько на психологических аспектах художественного творчества и восприятия произведений искусства.

Компенсирующая функция искусства не рассматривалась основателем психоанализа в качестве единственной. Наряду с ней он выделял такие свойственные, на его взгляд, функции искусства, которые, помимо доставляемого человеку удовольствия от созерцания художественных произведений, способствуют сопереживанию людей, возникновению чувства идентификации и достижению нарциссического удовольствия. Именно об этом Фрейд писал в работе «Будущее одной иллюзии» (1927), где размышлял о возможностях получения человеком различного рода удовлетворения.

Рассматривая искусство как таковое, Фрейд выводил его из эдипова комплекса, в котором, по его мнению, исторически совпадало начало религии, нравственности, общественности и искусства. Подобная точка зрения была высказана им в работе «Тотем и табу» (1913), в которой выдвигалось, как он подчеркивал сам, смелое утверждение, согласно которому *истерия может быть рассмотрена в качестве карикатуры на произведение искусства*. В этой же работе основатель психоанализа решился на не менее смелую попытку провести параллель между ступенями развития человеческого миросозерцания и стадиями либидозного развития отдельного человека. Фрейд считал, что по мере перехода от анимистической фазы к религиозной и научной человек все в большей степени отказывается от непосредственной реализации принципа удовольствия. Таким образом, можно говорить лишь об одной сфере деятельности искусства — той, где находит свое отражение мифотворчество и фантазирование.

Для Фрейда искусство являлось такой областью человеческой деятельности, в которой сохранялись связи между современным и примитивным человеком. Точнее было бы сказать, что именно в искусстве он усматривал возможность обретения индивидом всемогущества, недоступного ему в реальной жизни. Отличавшийся сексуализацией мышления примитивный человек верил во всемогущество мысли. Благодаря вытеснению бессознательных влечений и бегству в болезнь у невротика вновь происходит сексуализация мыслительных процессов, и в этом отношении он становится похожим на примитивного человека. И в том и в другом случае имеет место, по мнению Фрейда, интеллектуальный нарциссизм, всемогущество мыслей.

В отличие от невротика, художник обладает повышенной способностью к сублимации своих бессознательных влечений. В результате чего сексуализация его мыслительных процессов превращается в художественное творчество и создание художественных произведений. Тем самым он находит особую сферу человеческой деятельности, где, не прибегая к неврозу, он может обрести всемогущество, столь характерное для веры в него со стороны примитивного человека, но со временем утраченное под воздействием культуры, ограничивающей возможность свободного, непосредственного удовлетворения желаний.

Обращаясь к проблематике искусства, основатель психоанализа стремился раскрыть сущность художественного и прежде всего поэтического творчества. Это нашло свое отражение в его работе «Художник и фантазирование» (1906), где он показал, что первые следы данного типа духовной деятельности человека следует искать уже у детей. Как поэт, так и ребенок могут создавать свой собственный фантастический мир, который совершенно не укладывается в рамки обыденных представлений

человека, лишенного поэтического воображения. Играющий ребенок ведет себя подобно поэту, приводя предметы своего мира в новый, приемлемый для себя порядок. Ребенок в процессе игры перестраивает существующий мир по собственному вкусу, соотносит воображаемые объекты с предметами реального мира, причем относится к плоду своей фантазии вполне серьезно. Точно так же и поэт благодаря способности творческого воображения создает в искусстве новый прекрасный мир, воспринимает его серьезно и в то же время отделяет его от действительности.

В понимании Фрейда, *способность человека к фантазированию — источник художественного творчества.* В этом плане он и рассматривал эволюцию превращения детской игры в фантазирование взрослых людей. Ребенок получает удовольствие от игры, прекращающий игры юноша не может отречься от ранее полученного удовольствия и начинает фантазировать. В отличие от ребенка, не скрывающего свои игры от других людей, взрослый человек стыдится своих фантазий, поскольку от него ждут реальных действий. Кроме того, его фантазии порождены подчас такими желаниями, которые он вынужден скрывать не только от других, но и от самого себя.

Фантазирование характеризуется некоторыми особенностями, среди которых Фрейд отмечает следующие. По его собственному выражению, никогда не фантазирует счастливый, а только неудовлетворенный. Неудовлетворенные желания являются основной движущей силой мечтаний, фантазирования человека, и их можно свести к двум группам, в которых представлены честолюбивые и эротические желания. Продукты фантазирующей деятельности, будь то воздушные замки, дневные грезы или отдельные фантазии, не являются неизменными. Они несут на себе следы своего происхождения от детских воспоминаний и инфантильных переживаний; они связаны с сиюминутными поводами и ориентированы на будущее. Фантазии как бы витают между тремя временами. Прошедшее, настоящее и будущее словно нанизаны на нить продвигающегося желания. Из мира фантазий разветвляются пути, ведущие как к проявлению художественного творчества, так и к погружению в невроз.

Из такого понимания Фрейдом специфики и характерных черт фантазирования вытекал психоаналитический взгляд на художественное творчество и его воздействие на людей. Художник сравнивается со сновидцем при свете дня, грезовидцем, а художественное творение — со снами наяву, грезой. Исследование отношений между писателем и его творениями преломляется через призму выдвинутого положения о соотнесенности фантазии с желаниями человека. В художественных произведениях находят свое отражение живые переживания, возникшие у авторов на основе воспоминаний о событиях детства как источнике нереализованных желаний. Ведь, подобно грезе, художественное творчество служит продолжением и заменой детских игр.

Воздействие художественных произведений на людей оказывается возможным в силу того, что реализуемые писателем или поэтом личные грезы вызывают в нашей душе глубокие переживания, проистекающие из собственных источников удовольствия. Как это удается сделать автору художественного произведения, является его сокровенной тайной. Однако, как полагал Фрейд, с помощью изменений и сокрытий автор смягчает характер эгоистических грез и в предлагаемом изображении своей фантазии подкупает нас эстетической привлекательностью. Он как бы завлекает нас «заманивающей премией» или «предварительным удовольствием», способствующим порождению значительного удовольствия, истоки которого таятся в глубинах человеческой психики.

Фрейдовское объяснение механизмов воздействия художественных произведений на человека в значительной мере совпадало с воззрениями французского философа А. Бергсона, на которого основатель психоанализа неоднократно ссылался при рассмотрении природы комического. В понимании Бергсона, искусство призвано заставить человека открыть в природе и в самом себе такие вещи, которые не обнаруживаются им с достаточной ясностью ни при помощи своих собственных чувств, ни посредством сознания. Художники, символически изображающие состояние своей души, пробуждают в человеке изначально данные внутрипсихические состояния.

В отличие от Бергсона, высказавшего общие соображения по поводу восприятия человеком произведений искусства, основатель психоанализа попытался раскрыть содержание тех осадков человеческой души, которые всплывают на поверхность сознания под влиянием чар поэта. Такими осадками человеческой души он считал эгоистические и сексуальные влечения, которые в символической форме воспроизводятся в фантазиях поэта.

Изречения

З. Фрейд: «Искусство, как мы давно уже убедились, дает эрцаз удовлетворения, компенсирующий древнейшие, до сих пор глубочайшим образом переживаемые культурные запреты, и тем самым, как ничто другое, примиряет с принесенными им жертвами. Кроме того, художественные создания, давая повод к совместному переживанию высоко ценимых ощущений, вызывают чувства идентификации, в которых так остро нуждается всякий культурный круг; служат они также и нарциссическому удовлетворению, когда изображают достижения данной культуры, впечатляющим образом напоминают о ее идеалах».

З. Фрейд: «В одной только области всемогущество мысли сохранилось в нашей культуре, в области искусства. В одном только искусстве еще бывает, что томимый желаниями человек создает нечто похожее на удовлетворение, и что эта игра — благодаря художественной иллюзии — будит аффекты, как будто бы она представляла собой нечто реальное. Правду говорят о чарах искусства и сравнивают художника с чародеем, но это сравнение, быть может, имеет большее значение, чем то, которое в него вкладывают».

З. Фрейд: «В качестве конвенционально дозволенной реальности, в которой благодаря художественной иллюзии символы и замещения могут вызывать действительные аффекты, искусство образует промежуточную область между отказывающей желаниям реальностью и исполняющим желание миром фантазии, областью, в которой пребывают в силе стремления к всемогуществу примитивного человечества».

Психоаналитик и писатель

В работе «Художник и фантазирование» Фрейд мельком коснулся отношений между мечтаниями и сновидениями. Он лишь обратил внимание на то, что по своей природе они сходны между собой, так как ночные сновидения и мечты являются

осуществлением желания, и не случайно творения фантазеров нередко называют «снами наяву».

Более подробно он рассмотрел этот вопрос в работе «Бред и сны в “Градиве” В. Иенсена» (1907). В ней Фрейд высказал мысль, что анализ способа, каким художник использует сновидения в своих произведениях, и соответствующий анализ подобных сновидений дают возможность ближе подойти к пониманию природы художественных произведений. С помощью сновидения своих героев художники стремятся дать описание их душевного состояния. При этом они придерживаются повседневного опыта и едва ли касаются проблемы психического смысла сновидения, созданного их фантазией и перенесенного на личность героя. Однако, как замечал Фрейд, художники — ценные союзники для аналитика. Их свидетельства следует высоко ценить, поскольку в знании психологии обычного человека они далеко впереди, ибо черпают материал из источников, которые остаются пока неизвестными для науки.

Поэтому неудивительно, что основатель психоанализа так часто обращался к шедеврам мировой литературы. Он заимствовал из этого источника плодотворные идеи и при помощи их давал наглядную иллюстрацию к материалам, полученным в процессе терапевтической практики. Нет ничего удивительного также и в том, что он использовал выдвинутые им психоаналитические идеи для соответствующей интерпретации художественных произведений и трактовки художественного творчества как такового.

Обращаясь к художественным произведениям, Фрейд обнаружил сходства и различия в деятельности психоаналитика и писателя. Он считал, что каждый из них черпает необходимый им для работы материал из одного и того же источника и имеет дело с одним и тем же объектом. Но вот методы работы у них разные, хотя в большинстве случаев наблюдается совпадение их конечных результатов.

Метод психоанализа состоит в сознательном наблюдении за аномальными психическими процессами у других людей, в умении раскрывать их бессознательную деятельность и формулировать свойственные ей законы. Метод художника имеет иную направленность, так как, в отличие от психоаналитика, художник обращает внимание на бессознательное в своей собственной душе, прислушивается к тенденциям его развития и выражает их в художественной форме. Психоаналитик выявляет законы бессознательной деятельности, исходя из изучения психики пациентов. Художник достигает того же самого на примере вслушивания в свой внутренний мир. Психоаналитик формулирует законы бессознательного, в то время как художник, вовсе не претендуя на сознательное их понимание, в опосредованной форме отображает их в своих творениях.

Отмечая сходства и различия между выявлением бессознательного со стороны психоаналитика и художника, Фрейд пошел дальше констатации этого обстоятельства. В контексте разбора художественного произведения Иенсена он со всей определенностью заявил, что можно говорить о сходстве метода общения главных действующих героев «Градивы» с аналитическим методом терапии. По его убеждению, изложенный Иенсеном в образе действия молодой девушки метод лечения бреда главного героя, по существу, полностью соответствует тому методу, который был введен им и Й. Брейером в медицину в конце XIX века и который вначале получил название катарсиса, а затем — психоанализа. В обоих случаях речь идет об осозна-

нии вытесненных в бессознательное воспоминаний детства, а также о совпадении объяснения и лечения.

В художественном произведении Иенсена девушка поняла, что компоненты страстной влюбленности молодого архитектора были соединены с компонентами склонности к возникновению бреда. Это понимание и чувство, что она любима, подтолкнули ее к попытке излечения молодого человека путем доведения до его сознания вытесненных им воспоминаний об их детских отношениях и признания в своей любви к нему. Психоаналитическое лечение имеет такую же направленность, за исключением последнего момента.

Другое дело, что в художественном произведении Иенсена девушка находится в лучшем положении, чем психоаналитик, который наблюдает пациента не с начала его заболевания и прибегает к специальной технике, чтобы понять, какие механизмы работы бессознательного оказались в нем задействованными. На основании рассказов пациента о своих переживаниях в прошлом и настоящем психоаналитик пытается вскрыть вытесненное бессознательное, расшифровать и истолковать его. В целом же метод Градивы оказывается действительно схожим с методом аналитической терапии. Сходство между ними обнаруживается также и в том, что в обоих случаях наблюдается пробуждение чувств. Дело в том, что любое аналогичное бреду героя Иенсена психическое расстройство имеет своей предпосылкой вытеснение сексуальных влечений. При попытке доведения до сознания вытесненного бессознательного материала компоненты этих влечений оживают, что ведет, как правило, к проявлению соответствующих чувств, к своеобразному возвращению любви в форме переноса на врача того, что имело место ранее.

Но дальше становятся заметными существенные различия между аналитической терапией и тем, что изображено в художественном произведении Иенсена. Предпринятое девушкой лечение молодого человека — это тот идеальный случай, который может иметь место только в художественном произведении. Если она может ответить на любовь, проникшую из бессознательного в сознание, то психоаналитик не может сделать этого по отношению к своему пациенту. В первом случае исцеление совпадает с конечной целью любви, обусловленной освобожденным стремлением к реализации ранее вытесненного влечения. Во втором случае являющийся посторонним человеком психоаналитик обязан сделать все для того, чтобы исцеленный пациент не нуждался больше в присутствии и поддержке врача. Фрейд даже говорит о том, что подчас психоаналитик не в состоянии посоветовать излеченному пациенту, как и каким образом тот может использовать в реальной жизни обретенную способность любить. В этом отношении использование психоаналитической техники не дает такого идеального результата лечения, который в художественной форме представлен в литературном произведении Иенсена.

Другое дело, что психоаналитическое исследование может не только отыскивать в художественных произведениях подтверждение своих открытий, сделанных на основе работы с невротическими пациентами. Оно может также давать представление о том, из каких источников художник черпает сюжеты для своего творения, какие впечатления, переживания и воспоминания детства сказываются на формировании его работ, благодаря каким психическим процессам воспроизводимый им материал превращается в произведение искусства.

Первая возможность психоаналитического исследования была реализована Фрейдом в работе «Бред и сны в “Градиве” В. Иенсена». Вторая — три года спустя в книге

Из истории психоанализа

В конце августа 1902 года Фрейд посетил Неаполь и его окрестности. Во время этого путешествия по Италии он побывал в Помпее и имел возможность взобраться на Везувий. Пять лет спустя основатель психоанализа опубликовал работу «Бред и сны в “Градиве” В. Иенсена», в которой дал психоаналитическую интерпретацию «фантастического происшествия в Помпее». (Так называл Вильгельм Иенсен то, что нашло отражение в его художественном произведении, опубликованном в 1903 году.)

В новелле Иенсена повествовалось о том, как молодой архитектор обнаружил в Римском собрании антиков рельефное изображение находящейся в движении девушки, которое настолько пленило его, что он сумел получить гипсовый слепок и повесил его в своем кабинете в немецком университетском городке. В своих фантазиях молодой архитектор назвал изображенную в движении девушку именем Градива («идущая вперед», что связано с эпитетом шагающего на бой бога войны Марса Градивуса). Предаваясь размышлениям о ней, однажды он увидел сон, перенесший его в древнюю Помпею во время извержения Везувия. В сновидении он повстречался с Градивой и испытал страх за ее судьбу. Под впечатлением сна и тех видений, которые имели место у него после пробуждения, он решается совершить путешествие в Италию. Побывав в Риме и Неаполе, молодой архитектор прибыл в Помпею и, осматривая город, неожиданно увидел девушку, похожую на Градиву. Это предопределило его последующее психическое состояние и поведение, где воображение и реальность, бред и действительность оказались тесно переплетенными между собой.

«Градива» Иенсена произвела на Фрейда большое впечатление, поскольку в этом художественном произведении находили свое отражение те представления о работе бессознательного в психике человека, которые были сформулированы основателем психоанализа на основе терапевтической деятельности с пациентами, страдающими психическими расстройствами. О том, какое сильное впечатление она произвела на Фрейда, можно судить уже по тому факту, что гипсовый слепок рельефного изображения Градивы висел в его рабочем кабинете. Сам же он в своей работе, посвященной психоаналитическому толкованию «Градивы» Иенсена, писал о том удивлении, которое пережил в связи с обнаружением сходства между выдвинутыми им психоаналитическими идеями и тем, что нашло отражение в данном художественном произведении.

«Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве», десять лет спустя в статье «Детское воспоминание из “Поэзии и правды”», посвященной Гёте, и двадцать один год спустя в эссе о Достоевском. Все три работы, в которых Фрейдом была использована вторая возможность психоаналитического исследования в сфере искусства, могут быть отнесены к числу психобиографических или патопсихологических.

Изречения

З. Фрейд: «Автору, когда он в последующий за 1893 годом период углубленно исследовал возникновение психических расстройств, поистине не пришло в голову искать подтверждение своих результатов у художников, и поэтому он был немало удивлен, когда в опубликованной в 1903 году “Градиве”

заметил, что писатель в основу своего творения положил то же самое, что он полагал новыми идеями, почерпнутыми из врачебной практики».

З. Фрейд: «Любое психоаналитическое лечение — это попытка освободить вытесненную любовь, которая нашла жалкий, компромиссный выход в симптоме. Более того, совпадение с процессом излечений, описанным художником в “Градиве”, достигает пика, если мы добавим, что и при аналитической психотерапии вновь пробудившаяся страсть — будь то любовь или ненависть — всегда избирает своим объектом персону врача».

Интерпретация художественных произведений и пределы психоанализа

В работе «Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве» (1910) основатель психоанализа обратился к исследованию творческой деятельности великого итальянского ученого и художника эпохи Ренессанса. В своем исследовании он опирался на психоаналитические идеи о психосексуальном развитии детей, оказывающем предопределяющее влияние на жизнедеятельность взрослого человека, его интересы, поведение, образ мышления и действия.

В соответствии с этими идеями он вычленил три возможности реализации жажды исследования человека, которые открываются перед ним в период взросления в результате вытеснения инфантильного сексуального исследования. Одна возможность связана с невротическим торможением, когда любознательность ребенка оказывается заторможенной, а свободная деятельность ума — ограниченной. Это приводит в конечном итоге к слабости мышления и образованию невротического заболевания. Другая возможность сопряжена с сексуализацией мышления, интеллектуальным развитием, сопровождающимся обходными маневрами по отношению к подавленному, вытесненному сексуальному исследованию. Последнее со временем возвращается из бессознательного в форме умственного действия, связанного с удовольствием и страхом перед собственными сексуальными влечениями, что ведет к интеллектуальным исканиям сексуального характера. Третья возможность относится к проявлению избегания как задержки мышления, так и невротического насилия над ним. В результате вытеснение интереса к сексуальности ведет к сублимации эротики, что приводит к отторжению от сексуальной проблематики и к активизации интеллектуальной, творческой деятельности.

С точки зрения Фрейда, Леонардо да Винчи может быть отнесен к тому редкому типу умственного развития, который воплотил в себе третью возможность реализации эмоционального и интеллектуального потенциала. Исходя из этой предпосылки, основатель психоанализа и осуществил психобиографическое изучение жизни Леонардо да Винчи, его научного и художественного творчества.

Тому, кто заинтересуется общим подходом Фрейда к жизнедеятельности итальянского ученого и художника и частностями, связанными с соответствующими психоаналитическими интерпретациями, лучше всего обратиться непосредственно к самой работе «Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве». В контексте обсуждаемой здесь темы мне придется ограничиться воспроизведением лишь некоторых сюжетов, относящихся к искусствоведческой проблематике.

Обсуждая специфику художественного творчества Леонардо да Винчи, Фрейд не мог пройти мимо загадочной улыбки Джоконды, вызвавшей исследовательский интерес у многих искусствоведов прошлого и настоящего. Его не интересовала физиогномическая загадка улыбки, изображенной итальянским художником на картине, представляющей собой портрет Моны Лизы, супруги флорентийца Франческо дель Джокондо. (Заметим, что портрет этот писался на протяжении четырех лет, не удовлетворял самого создателя, считался им незавершенным, не был отдан заказчику и был приобретен для Лувра королем Франции Франциском I.) Фрейда заинтересовало то обстоятельство, что улыбка Моны Лизы на протяжении многих столетий очаровывала как самого художника, так и большинство зрителей и что со времени создания этой картины завораживающая улыбка повторялась на многих полотнах Леонардо да Винчи. Так, своеобразие улыбки Джоконды можно усмотреть в изображении Иоанна Крестителя в Лувре, в картине «Святая Анна с Марией и младенцем Христом». Учитывая эти обстоятельства, основатель психоанализа сопоставил портрет Моны Лизы с картиной, изображавшей святую Анну.

Картина «Святая Анна с Марией и младенцем Христом» трактовалась Фрейдом как художественное изображение синтеза истории детства Леонардо: детали ее композиции объяснялись леонардовскими инфантильными переживаниями, связанными с наличием у него двух матерей. В доме отца маленький Леонардо обрел не только добрую мачеху донну Альбиеру, но и бабушку, мать своего отца, Мону Лизу. Этот факт, по Фрейду, как раз и был отражен в рассматриваемой им картине. Но на картине обе женщины изображены молодыми. Фрейд объяснял это тем, что Леонардо хотел запечатлеть образ двух матерей (родившей его Катарины и воспитавшей донны Альбиеры). С точки зрения детских переживаний художника, обусловленных семейными отношениями, основатель психоанализа истолковал и «Мону Лизу», выдвинув психоаналитическую разгадку улыбки Джоконды, чей образ действительно вызывает раздумья и споры у искусствоведов всего мира.

Фрейдовское объяснение сводилось к тому, что тонкие и мягкие черты улыбающейся флорентийки Моны Лизы Джоконды отражали ранние леонардовские воспоминания о своей матери Катарине. В улыбке Джоконды запечатлены сдержанность и обольстительность, стыдливость и чувственность, то есть то, что в соответствии с психоаналитическим пониманием эдипова комплекса составляет тайну отношений между сыном и матерью. Эта скрытая тайна, мастерски запечатленная Леонардо в улыбке Джоконды, и является, в интерпретации Фрейда, той притягательной силой, которая завораживает каждого, кто смотрит на эту картину. Эта тайна оказала неизгладимое впечатление и на самого художника: улыбка Моны Лизы Джоконды разбудила в нем воспоминания о матери, о переживаниях первых детских лет, и с тех пор изображаемые Леонардо мадонны имели покорно склоненные головы и необыкновенно блаженную улыбку бедной крестьянской девушки.

О каком детском воспоминании может идти речь? Какое инфантильное воспоминание оказало столь сильное воздействие на Леонардо, что оно нашло отражение в его художественном творчестве несколько десятилетий спустя?

Фрейд обнаружил такое воспоминание Леонардо о раннем детстве, которое содержалось в его научных записях о полете коршуна. Оно сводилось к тому, что Леонардо вспомнил, будто в младенческом возрасте, когда он лежал в колыбели, к нему спустился коршун, открыл уста своим хвостом и много раз толкнул им его губы.

Обратив внимание на описанную сцену, Фрейд пришел к выводу, что данное воспоминание Леонардо было не чем иным, как образованной позднее, но перемещенной в детство его фантазией. Но поскольку, по мнению основателя психоанализа, фантазия имеет не меньшее значение для человека, чем реальное событие, то она принимается во внимание с точки зрения возможности извлечения на свет того потаенного, что скрывается за ней.

В интерпретации Фрейда за фантазией Леонардо о грифе (в переводе с итальянского на немецкий язык «коршун» превратился в «грифа») скрывается воспоминание о сосании им материнской груди. Данная фантазия рассматривается им как кормление грудью матери, где мать заменена грифом, что может находить свое подтверждение в священных текстах древних египтян, изображавших божество-мать в виде грифа и называвших эту богиню Мут (фонетическое сходство со словом «мать»). В целом за фантазией о грифе Фрейд усматривал силу эротических отношений между матерью и ребенком. Описание того, как гриф много раз толкнул младенца в губы, означало, что мать страстно целовала уста своего сына, и, следовательно, за фантазией стоят воспоминания Леонардо о кормлении грудью и о поцелуях матери. Именно это воспоминание как яркое впечатление детства отразилось впоследствии в картинах Леонардо, на которых изображена пленительная и загадочная улыбка, затаившаяся на губах многих женских образов.

Такое прочтение смысла леонардовских полотен основывалось на психоаналитическом видении тесной связи между семейными отношениями и направленностью творческой деятельности художника: между ранними инфантильными переживаниями, воспоминаниями детских лет и содержанием художественных произведений. В известной степени можно, конечно, установить такие связи. Но сами по себе они далеко не всегда ведут к созданию уникальных произведений искусства, завораживающих всех тех, кто с ними соприкасается. Такие связи способны внести дополнительные штрихи в понимание творческой деятельности художника и прототипов его персонажей. Но в данном случае создается впечатление, что сексуальный подтекст трактовки леонардовской «Моны Лизы» и психоаналитическая разгадка улыбки Джоконды являются не чем иным, как такой интерпретацией мирового шедевра, которая предпринята с целью как бы наглядного подтверждения ранее выдвинутых психоаналитических идей и демонстрации искусства психоаналитического толкования.

В самом деле, если улыбка Джоконды оказала столь сильное впечатление на Леонардо, что с того времени все изображенные им мадонны приобрели необыкновенно блаженную улыбку крестьянской девушки, то как тогда объяснить такие леонардовские полотна, как «Мадонна Литта» и «Мадонна с цветком», выполненные художником задолго до создания «Моны Лизы»? Правда, можно исходить из того, что только в процессе написания портрета Моны Лизы Джоконды итальянский художник вспомнил что-то такое из своего далекого детства, что наложило отпечаток на последующее его восприятие женских лиц и их изображение в соответствующих картинах. Но тогда следовало бы ответить на вопрос, почему столь сильное переживание детства не всплыло в памяти Леонардо да Винчи значительно раньше, до того, как он достиг пятидесятилетнего возраста? И почему именно Мона Лиза Джоконда вызвала у него такое воспоминание? Нельзя ли предположить как раз обратное тому, о чем писал Фрейд? Может быть, имеет смысл говорить о том, что образ

Из истории психоанализа

Познакомившийся с работами Фрейда в 1908 году и в дальнейшем использовавший психоаналитические идеи в своей деятельности протестантский пастор О. Пфистер усмотрел в луврской картине «Святая Анна с Марией и младенцем Христом» нечто такое, что, несомненно, импонировало основателю психоанализа. Он увидел в одеянии Марии контур грифа как символ материнства и отметил загадочность картины, в которой накинутый на Марию странным образом платок одним концом, напоминающим хвост птицы, как бы направлен в рот младенца, как это имело место в детской фантазии Леонардо да Винчи.
В свою очередь, швейцарский психотерапевт Юнг, восхищавшийся фрейдовской работой о Леонардо да Винчи в то время, когда был еще увлечен психоаналитическими идеями Фрейда, также увидел в луврской картине изображение грифа. Но, в отличие от Пфистера, он усмотрел клюв грифа в другом месте, в районе лобка.
Это свидетельствует о том, какие новые возможности открываются перед человеком при восприятии реального мира, когда он смотрит на него иными глазами по сравнению с теми, кто незнаком с психоаналитическими идеями. Но это может служить также наглядной иллюстрацией того, как и каким образом разделяемые человеком идеи оказывают воздействие на его визуальное восприятие внешних объектов, включая произведения искусства, и соответствующую интерпретацию их. Поэтому нет ничего удивительного в том, что патографическое исследование жизни и творчества Леонардо да Винчи осуществлялось Фрейдом именно с точки зрения ранее сформулированных им психоаналитических идей. В соответствии с ними специфическим образом трактовались исторические факты и обосновывались те или иные гипотезы.

улыбающейся Джоконды вобрал в себя все оттенки, грани, труднопередаваемые нюансы ранее написанных Леонардо да Винчи улыбающихся мадонн, в результате чего улыбка Джоконды стала настолько же совершенной, насколько и загадочной, вызывающей тем самым постоянную и неугасающую потребность не только в раскрытии тайны этой улыбки, но и в приобщении к ней?

Исследователи обращали внимание на то, что рассмотрение художественного творчества Леонардо да Винчи через призму психоаналитической интерпретации его воспоминания о сцене с коршуном в детстве основывалось на таких фактологических погрешностях, которые ставили выводы Фрейда под сомнение. Речь шла о допущенной при переводе с итальянского на немецкий язык ошибке. В результате вместо коршуна появился гриф, и основатель психоанализа апеллировал к египетским иероглифам птицы, которая соотносилась с богиней Мут (mutter, мать). А ведь если бы он отталкивался от правильного перевода (не гриф, а коршун), то его психоаналитические построения лишались бы историко-мифологического обоснования.

Однако, когда несколько лет спустя после написания работы «Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве» Фрейду указали на лингвистическую ошибку, он не стал пересматривать свою предшествующую трактовку о решающей связи инфантильных переживаний ребенка с изображением загадочной улыбки мадонн на полотнах итальянского художника. Гипотетические построения в работе о Леонардо да Винчи были столь изящными и настолько искусно вписывались в общую канву психоаналитического подхода к выявлению связей между матерью и ребенком, с одной стороны, переживаниями детства и творческий деятельностью взрослого человека, с другой стороны, что, по сути дела, Фрейд не мог отказаться от того, что представлялось ему ценным с точки зрения эвристической значимости психоанали-

за. Тем более что его отношение к работе о Леонардо да Винчи было более чем благосклонным, в отличие от некоторых других книг, по поводу публикации которых он испытывал неудовлетворение.

Психоанализ с его расчленением духовной жизни человека, выявлением внутрипсихических конфликтов личности, расшифровкой языка бессознательного, установлением тесных связей между переживаниями раннего детства и особенностями творческой деятельности индивида представлялся Фрейду наиболее подходящим методом исследования художественных произведений. Ведь их истинный смысл в этом случае определялся на основе анализа психической динамики индивидуально-личностной деятельности творцов и героев их произведений. Если учесть, что в шедеврах мирового искусства основатель психоанализа нередко искал подтверждение допущениям и гипотезам, положенным в основу его учения о психической деятельности человека, то становится очевидной и понятной направленность его интерпретаций при конкретном анализе художественного творчества.

Обращение к другим исследованиям Фрейда, в которых находит отражение искусствоведческая проблематика, свидетельствует о том, что в них проявляется точно такая же ориентация на психоаналитическое видение и толкование отдельных художественных произведений и художественного творчества в целом, как это имело место в работе о Леонардо да Винчи. Речь идет, в частности, о фрейдовском рассмотрении ряда художественных произведений В. Шекспира, Г. Ибсена, Ф.М. Достоевского, в том числе «Венецианского купца», «Короля Лира», «Гамлета», «Ричарда III», «Макбета» (Шекспир), «Росмерсхольма» (Ибсен), «Братьев Карамазовых» (Достоевский).

Так, в работе «Мотив выбора ларца» (1913) Фрейд дал психоаналитическую интерпретацию одного и того же сюжета, воспроизведенного в пьесе «Венецианский купец» и в драме «Король Лир» Шекспира. Согласно этой интерпретации, «за астральными одеждами» поэтического изображения скрывается чисто человеческий мотив, связанный с выбором мужчиной одной из трех женщин (богинь судьбы, олицетворяющих собой жизнь и смерть) и находящий свое отражение во многих мифах, легендах, сказках. Понимание этого древнего мотива, предполагающего регрессивную обработку мифологических сюжетов и психоаналитическое толкование художественных произведений, позволяет высветить его первоначальный смысл. Этот смысл заключается, по мнению Фрейда, в том, что в художественных произведениях изображаются три неизбежных для любого мужчины типа отношений к женщине — как роженице, другу и губительнице. Эти типы отражают три формы, в которых предстает перед мужчиной образ матери в разные периоды его жизни, — собственно мать, возлюбленная, которую мужчина выбирает по образу и подобию матери, и мать-земля, берущая его в свое лоно.

В статье «Моисей Микеланджело» (1914), которая первоначально была опубликована анонимно, поскольку Фрейд не считал ее психоаналитической, содержалось одно высказывание психоаналитического порядка. Речь шла о «Гамлете» Шекспира, к интерпретации которого Фрейд обращался в период возникновения психоанализа, что нашло свое отражение в одном из писем к Флиссу и в работе «Толкование сновидений». В контексте статьи «Моисей Микеланджело» он лишь отметил, что следит за публикациями по психоанализу и присоединяется к точке зрения, согласно которой лишь психоанализу с его комплексом Эдипа удалось в полной мере раскрыть тайну воздействия этой трагедии на зрителя.

Мотивы эдипова комплекса отчетливо звучали в фрейдовской интерпретации художественных произведений Шекспира и Ибсена, к которой основатель психоанализа прибегнул при рассмотрении типов характера человека. Это было осуществлено им в работе «Некоторые типы характеров из психоаналитической практики» (1916).

Так, под углом зрения детско-родительских отношений Фрейд анализировал шекспировского «Макбета», следующим образом обосновывая психологическую подоплеку убийства Дункана, приведшего Макбета на трон. Совершенное преступление вызвало в душе короля Макбета и леди Макбет, подстрекавшей мужа к убийству, угрызения совести, которые и обусловили их последующее поведение. После преступления у леди Макбет появилось раскаяние, а у короля — чувство упорства. Это — две возможные реакции на преступление, которые исходят из одной личности, чья душа как бы разделена на две половины, находящиеся в разладе друг с другом. В понимании основателя психоанализа, Шекспир специально разделил один человеческий характер на два лица, чтобы тем самым подчеркнуть противоречивость человеческих чувств. Шекспировские герои действительно обнаруживают двойственность своих чувств и переживаний. Но во фрейдовской интерпретации за этим стоят детско-родительские отношения. Раскаяние леди Макбет рассматривалось Фрейдом как реакция на бездетность, которая укрепила ее в мысли о бессилии перед законами природы и одновременно напомнила о вине, отнявшей у нее то, что могло бы быть плодом преступления. Глубокий мотив поведения Макбета, заставляющий его переступить через свою натуру, коренится в специфических семейных отношениях. Если шекспировскую пьесу рассмотреть под углом зрения психоанализа, то, по мнению Фрейда, она оказывается пронизанной темой отношений «отец–ребенок».

Аналогичная интерпретация дана Фрейдом и сюжету ибсеновской драмы «Росмерсхольм», где поступки главной героини Ребекки также рассмотрены через призму эдипова комплекса. Пастор Иоганнес Росмер и его бездетная жена Беата, проживающие в родовом замке Росмерсхольм, взяли к себе на службу молодую девушку Ребекку Гамбик. Она, влюбившись в Росмера, подсовывает его жене книгу, в которой доказывается, что цель брака заключается в рождении детей, и рассказывает о своей вымышленной связи с Росмером. Беата кончает жизнь самоубийством, бросившись в воду с мельничной плотины. Росмер по истечении определенного срока просит Ребекку стать его женой, но последняя, испытывая одновременно торжество и раскаяние, дважды отказывается от этого предложения. Как же, спрашивал Фрейд, могло случиться, что женщина, безжалостно проложившая себе путь к осуществлению тайных помыслов и достигшая в конечном итоге успеха, отказывается от того, к чему так стремилась? Странное поведение Ребекки как раз и объяснялось Фрейдом тем, что у нее еще до проступка существовало чувство вины, возникшее на почве инцестуозной связи с доктором Вестом, который взял девочку на воспитание после смерти ее матери, не признаваясь в то же время в своем отцовстве. В интерпретации основателя психоанализа источником чувства вины Ребекки был самоупрек в инцесте, в том, что она стала любовницей своего собственного отца.

Через призму эдипова комплекса Фрейд рассматривал также жизнь и творчество Достоевского. Этому вопросу была посвящена его работа «Достоевский и отцеубийство» (1928), в которой он не ограничился признанием литературных заслуг Достоевского, а подошел к рассмотрению его неординарной личности с разных сторон, попытавшись взглянуть на него как на писателя, невротика, мыслителя и грешника.

Фрейд не был первым, кто отважился на патографическое исследование жизни и творчества русского писателя. Сколько было разнообразных попыток представить Достоевского не только в качестве талантливого писателя и неординарного мыслителя, но и в образе великого грешника, воплотившего в героях своих романов разнообразные пороки, свойственные, по мнению некоторых литературных критиков, ему самому. Достоевского представляли также как одаренного воображением невротика, привнесшего в художественную литературу собственное мироощущение, основанное на вспышках эпилептических припадков, имевших место в жизни русского писателя. Так, например, до Фрейда русский исследователь В. Чиж опубликовал работу «Достоевский как психопатолог» (1885). В ней высказывалось суждение о том, что в своих романах великий писатель изобразил такое количество душевнобольных, которое оказалось не под силу какому-либо другому художнику в мире, и что собрание сочинений Достоевского — это почти полная психопатология.

Фрейду не принадлежал приоритет и в использовании психоаналитического подхода к исследованию жизни и творчества Достоевского. Некоторые исследователи применили ранее выдвинутые им психоаналитические идеи для изучения художественной литературы, в том числе и для осмысления литературного наследия этого писателя. В частности, один из его последователей И. Нейфельд осуществил психоанализ Достоевского. Он утверждал, что описанные Фрейдом механизмы функционирования человеческой психики легко обнаруживаются у литературных героев Достоевского. В опубликованной им работе «Достоевский» (1923) Нейфельд полагал, что загадочность жизни и творчества русского писателя, как и противоречивость характера героев его произведений, вполне объяснимы, если к их рассмотрению подойти с психоаналитических позиций.

Работа Нейфельда вышла под редакцией Фрейда. Судя по всему, основатель психоанализа остался доволен как психоаналитическим видением творчества русского писателя, так и конечными выводами, вытекающими из данного исследования. В противном случае он вряд ли стал бы ссылаться на работу Нейфельда, назвав ее превосходным очерком. Именно такую характеристику он дал в своей публикации «Достоевский и отцеубийство», подчеркнув в конце психоаналитического рассмотрения жизнедеятельности и творчества русского писателя то обстоятельство, что большинство изложенных им взглядов содержится в ранее написанной и опубликованной книге Нейфельда. Так что еще при жизни Фрейд не был одинок в попытке психоаналитического толкования Достоевского.

Основатель психоанализа подметил то обстоятельство, что среди части исследователей жизни и творчества Достоевского наблюдается соблазн причислить русского писателя к преступникам на основе насыщенности его романов убийцами, насильниками и иными персонажами, подчас вызывающими у читателей отвращение, негодование, протест. По его мнению, преступнику свойственны черты безграничного себялюбия и сильной деструктивной наклонности, в то время как у Достоевского обнаруживалась поразительная способность любить других людей, быть сострадательным и добрым. Вместе с тем, основываясь на высказываниях Н. Стасова, С. Цвейга и Р. Фюлоп-Миллера о Достоевском, можно заключить, что личность русского писателя характеризовалась некоторыми деструктивными и садистскими чертами, связанными с его неврозом. Но деструктивные наклонности Достоевского были обращены главным образом внутрь, на самого себя, что и нашло отражение в его литературном творчестве.

Основной сюжет романа Достоевского «Братья Карамазовы» и вытекающие из него драматические развязки покоились на одном мотиве, рассматриваемом Фрейдом в качестве наиболее существенного, способствующего лучшему пониманию литературного произведения. Речь шла о мотивационной деятельности человека, связанной с отцеубийством. В этой связи основатель психоанализа не усматривал простую случайность в разработке одной и той же темы отцеубийства в трех шедеврах мировой литературы («Царь Эдип» Софокла, «Гамлет» Шекспира и «Братья Карамазовы» Достоевского).

В греческой драме отцеубийство совершается самим героем, хотя оно и не было преднамеренным с его стороны. В английской драме деяние совершается не главным героем, а другим лицом, для которого данное деяние не является собственно отцеубийством. Как и в «Гамлете», в «Братьях Карамазовых» преступление также совершается другим лицом, однако человеком, связанным с убитым такими же родственными отношениями, как и подозреваемый в убийстве. Подчеркивая эти различия и особенно останавливаясь на рассмотрении романа Достоевского, Фрейд считал, что, в принципе, безразлично, кто на самом деле совершил преступное деяние. *С точки зрения психоанализа существенное значение имеет то, кто носил в своем сердце желание убить отца.* В этом отношении, полагал Фрейд, можно считать виновными всех братьев Карамазовых. Давая подобную интерпретацию, основатель психоанализа расценивал в качестве примечательного факта то обстоятельство, что Достоевский наделил реального убийцу своей собственной болезнью, мнимой эпилепсией, как бы желая признаться в том, что эпилептик, невротик в нем самом и есть отцеубийца.

Если интерпретировать роман Достоевского с психоаналитических позиций, с точки зрения того, что каждый ребенок испытывает двойственное чувство по отношению к своему отцу, то есть одновременно любит и ненавидит его, восхищается им и желает его смерти, то это действительно приводит к мысли, согласно которой все братья Карамазовы повинны в отцеубийстве. Но вытекает ли сделанное Фрейдом подобное заключение из самого романа?

Обратимся к роману Достоевского «Братья Карамазовы». Павел Смердяков не думал совершать преступление. Он надеялся на то, что это сделает неистовый в злобе Дмитрий Карамазов. Когда же последний, испытывая личное омерзение к своему сопернику в любви и мучителю в жизни, в последнюю минуту встречи с отцом убежал от греха подальше, Смердяков расчетливо и хладнокровно совершил убийство. Он вроде бы и не хотел, но убил. Дмитрий Карамазов, который ненавидел своего отца и боялся, что не удержится от его убийства, тем не менее внутренне не мог переступить черту. Он хотел, жаждал убить отца, но не смог этого сделать. И после решения суда, признавшего его виновным, в иступлении закричал, что в крови отца своего не повинен. Не любящий своего отца, но не помышляющий об убийстве Иван Карамазов после совершения Смердяковым преступления мучился сомнениями, спрашивая себя о том, хотел ли он убийства или нет. Сам он не хотел, да, видимо, и не мог стать отцеубийцей, но мог хотеть, чтобы кто-то другой убил отца.

Как бы там ни было, проблема отцеубийства действительно затрагивает трех братьев, и психоаналитическое ее объяснение оказывается не столь уж абсурдным, как это может показаться тем, кто не разделяет учение Фрейда об эдиповом комплексе. Но почему основатель психоанализа считал, что Алеша Карамазов, как и его

братья, виновен в отцеубийстве? Разве Алеша Карамазов желал убийства или одобрял само преступление до и после его свершения? А ведь именно из данной посылки исходил Фрейд, когда говорил о виновности младшего брата Карамазова.

Однако сама по себе эта посылка основывалась на психоаналитической идее эдипова комплекса, а не на осмыслении характера и нравственной позиции Алеши Карамазова, отображенных Достоевским в его романе. Фрейд считал, что мучительные переживания ребенка, имеющие место в раннем детстве и относящиеся к желанию устранить отца, накладывают отпечаток на жизнь взрослого человека, подталкивая его к совершению реального или воображаемого убийства. Но в нравственном отношении для Достоевского первостепенно важными становились благоприятные впечатления детства, а не те деструктивные, о которых говорил основатель психоанализа.

Именно они, в понимании Достоевского, лежат в основе возможного спасения человека от скверны бытия и воздержания его от совершения непристойных поступков и злых деяний. Именно о них упоминал Алеша Карамазов в речи, произнесенной им во время прощания с умершим мальчиком Ильюшей Снегиревым. Он говорил о том, что даже если только одно хорошее воспоминание останется в сердце человека, то и оно может послужить когда-нибудь ему во спасение. Надо полагать, что вовсе не случайно вложенное в уста Алеши Карамазова суждение о благоприятном воздействии на человека хорошего воспоминания было приведено Достоевским на одной из последних страниц романа. В нем отражена нравственная позиция как младшего брата Карамазова, ставящая под сомнение адекватность фрейдовских размышлений о вине Алеши в отцеубийстве, так и самого Достоевского.

Достоевский тонко разбирался в хитросплетениях человеческих страстей. Фрейд, подобно писателю, в изящной, образной и доступной для понимания форме писал о бессознательных влечениях человека и предлагал свою интерпретацию различных художественных произведений. Недаром российского писателя, вопреки его собственному желанию, часто называли психологом, а австрийскому психоаналитику присудили литературную премию Гёте за блестящие публикации.

На протяжении всей своей исследовательской и терапевтической деятельности Фрейд довольно часто обращался к проблемам художественного творчества, интерпретации жизни и деятельности великих людей, внесших значительный вклад в сокровищницу мировой культуры. Опираясь на психоаналитические идеи, он пытался также понять существо искусства как такового. Но это вовсе не означало, что основатель психоанализа претендовал на создание какой-либо целостной эстетической системы, благодаря которой оказывалось возможным объяснение буквально всех явлений и процессов художественного, эстетического порядка.

С одной стороны, Фрейд осознавал те ограничения, которые свойственны психоанализу в сфере приложения его к исследованию природы художественного творчества. В различных своих работах он сам неоднократно указывал на пределы психоанализа, не позволяющие исследователю идти дальше того, что доступно познанию, основанному на психоаналитическом подходе к искусству. В некоторых своих работах, в частности в книге о Леонардо да Винчи, он подчеркивал, что даже объяснение того, каким образом художественная деятельность сводится к первичным влечениям, оказывается далеко не полным, поскольку здесь отказывают психоаналитические средства познания.

Фрейд признавал и то, что психоаналитическое исследование не способно постигнуть суть того, почему человек становится таким, а не другим, почему вытеснение бессознательных влечений в одном случае способствует процессу сублимации, а в другом затрудняет его. В различных своих работах он также неоднократно упоминал, что в рамках психоанализа гений художника непостижим, а природа художественного дарования таланта не поддается объяснению. Является проблемой психоанализа и ответ на вопрос, откуда к художнику приходит творческое вдохновение. Наконец, по собственному признанию Фрейда, психоанализу не дано раскрыть средства, которыми работает художник, художественную технику. Во всяком случае, говоря о том, что большинство проблем художественного творчества и наслаждения искусством еще ждут своей разработки, основатель психоанализа подчеркивал, что в отношении некоторых проблем, связанных с искусством и художниками, психоаналитическое рассуждение дает удовлетворительное объяснение, в то время как для других проблем оно полностью отсутствует.

Что касается задачи постижения сути художественного творчества, то Фрейд пришел к твердому убеждению в невозможности реализации ее средствами психоаналитического исследования. Так, в работе о Леонардо да Винчи он недвусмысленно подчеркнул, что существо художественных достижений недоступно психоанализу. Более двух десятилетий спустя после публикации данной работы он в несколько иной форме воспроизвел те же самые размышления, касающиеся ограничений и результативности психоаналитического подхода к исследованию произведений искусства и художественного творчества. В предисловии к книге Марии Бонапарт «Эдгар По. Психоаналитический очерк» он подчеркнул, что на примере выдающихся личностей можно и нужно изучать законы человеческой психики, хотя психоаналитические исследования не обязаны объяснять гений художника.

С другой стороны, Фрейд полагал, что *эстетика как таковая мало привлекает внимание психоаналитика, в том числе и его самого*. В этой связи не лишним будет отметить, что, даже любуясь произведениями искусства, он в большей степени интересовался их происхождением, а не исходящей от них завораживающей, чарующей силой. Для него они имели скорее историческую, нежели эстетическую ценность. Фрейд также считал, что у психоаналитика нет потребности в осуществлении эстетических исследований в том случае, когда эстетику ограничивают учением о прекрасном, как это имеет место во многих работах философов и искусствоведов. Но если эстетику понимать в более широком плане, включающем в себя учение о чувствах человека, то у психоаналитика есть основания для реализации возникшей у него потребности в эстетических изысканиях. Во всяком случае, он может проявить интерес к определенной области эстетики. Той, которая не попадает, как правило, в поле зрения соответствующих специалистов и потому не находит своего отражения в профессиональной литературе по эстетике.

Поэтому при осмыслении психоаналитических взглядов на искусство прежде всего следует иметь в виду, что объектом психоаналитического исследования служит, как правило, не столько прекрасное и величественное, традиционно составляющее предмет эстетики, сколько скрытое и сокрытое. Ведь именно за этим стоят бессознательные желания и влечения человека, свидетельствующие о его теневых сторонах души.

Профессиональная эстетическая литература предпочитает иметь дело со всем красивым, приятным, облагораживающим, доставляющим наслаждение. Психо-

аналитическое исследование в меньшей степени ограничивается удовлетворением данной эстетической потребности и в значительной мере вторгается в изучение той области душевной деятельности человека, которая связана с эмоциональными привязанностями, мучительными переживаниями, глубокими страданиями, внутрипсихическими конфликтами. Для эстетов и искусствоведов предметом размышлений становятся прежде всего положительные эмоции человека. Для психоаналитиков — отрицательные эмоции, обусловленные вытеснением, подавлением, сопротивлением. Это означает, что, в отличие от традиционной эстетической мысли, нацеленной на рациональное объяснение прекрасного и его воздействия на людей, психоаналитический подход к искусству основывается на выявлении глубинных механизмов работы человеческой психики, динамики бессознательных процессов, душевных переживаний, возникающих под воздействием чувств неприятного, мучительного, отталкивающего.

Изречения

З. Фрейд: «Психоанализ может привести некоторые объяснения, которые невозможно получить другими путями, и выявить новые взаимосвязи в переплетениях, нити от которых тянутся к влечениям, переживаниям и работам художника».

З. Фрейд: «Если психоанализ и не объясняет нам причины художественности Леонардо, то он все же делает для нас понятным проявления и изъяны его таланта».

З. Фрейд: «К сожалению, перед проблемой писательского творчества психоанализ должен сложить оружие».

З. Фрейд: «Так как художественное дарование и работоспособность тесно связаны с сублимированием, то мы должны прибавить, что и сущность художественной деятельности также недоступна психоанализу».

Контрольные вопросы

1. В чем состоит психоаналитическое понимание остроумия, юмора, комизма?
2. Как Фрейд объяснял истоки возникновения искусства?
3. Что такое искусство с точки зрения психоанализа?
4. Как и почему искусство воздействует на человека?
5. В чем состоят сходства и различия между писателем и психоаналитиком?
6. Какова специфика психоаналитического метода исследования художественных произведений?
7. Какие ограничения в понимании художественного творчества свойственны психоанализу?

Рекомендуемая литература

1. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1968.
2. *Додельцев Р.Ф.* Психоанализ искусства // Художник и фантазирование. М., 1995.

3. Классический психоанализ и художественная литература: Хрестоматия, 12 / авт.-сост. В.М. Лейбин. М., 2019.
4. *Нейфельд И.* Достоевский. Психоаналитический очерк под редакцией проф. З. Фрейда // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М., 1994.
5. Психоанализ жизни и творчества Достоевского: Хрестоматия, 4 / сост., пред., биограф., спр. и общ. ред. В.М. Лейбина. М., 2014.
6. *Фрейд З.* Бред и сны в «Градиве» В. Иенсена // Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995.
7. *Фрейд З.* Достоевский и отцеубийство // Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995.
8. *Фрейд З.* Психоанализ творчества. Леонардо да Винчи, Микеланджело, Достоевский. М., 2016.
9. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. М., 2016.
10. *Штроцка Г.* Остроумие и юмор // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд. Жизнь. Работа. Наследие. М., 1998.

ТЕСТ ДЛЯ ПРОВЕРКИ ЗНАНИЙ ПО УСВОЕНИЮ МАТЕРИАЛА УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ

1. Когда возник психоанализ:
   1) в середине XIX века;
   2) в конце XIX века;
   3) в начале XX века?
2. Психоанализ занимает среднее место между:
   1) психиатрией и психологией;
   2) психологией и социологией;
   3) медициной и философией.
3. В основе психоанализа лежит метод:
   1) гипноза;
   2) свободных ассоциаций;
   3) самовнушения.
4. Истоками психоанализа являются:
   1) клинические наблюдения;
   2) самоанализ и художественные произведения;
   3) клиника, самоанализ, философия, художественная литература.
5. С какой реальностью имеет дело психоанализ:
   1) биологической;
   2) физиологической;
   3) психической?
6. С точки зрения психоанализа психика и сознание:
   1) идентичны;
   2) не сводятся друг к другу;
   3) не связаны между собой.

7. Психоанализ — это наука о:
   1) сознании;
   2) бессознательном;
   3) сознании и бессознательном.
8. С психоаналитической точки зрения психика включает в себя системы:
   1) сознания, самосознания, бессознательного;
   2) сознания, предсознательного, бессознательного;
   3) сознания, бессознательного, сознательно-бессознательного.
9. В понимании З. Фрейда, бессознательное характеризуется:
   1) пассивностью, противоречивостью, заданностью во времени, заменой психической реальности физической реальностью;
   2) активностью, отсутствием противоречий, вневременностью, заменой физической реальности психической реальностью;
   3) нейтральностью, противоречивостью, вневременностью, отсутствием какой-либо реальности.
10. Познание бессознательного возможно благодаря:
    1) интуиции;
    2) сознанию;
    3) вчувствованию.
11. Бессознательные процессы:
    1) бессмысленны.
    2) бессодержательны;
    3) имеют смысл.
12. Какое высказывание принадлежит З. Фрейду:
    1) «В психике все случайно»;
    2) «В психике нет ничего случайного»;
    3) «В психике все абсурдно»?
13. В каких сферах жизнедеятельности человека можно наблюдать эмпирические проявления бессознательного:
    1) в сексуальной и криминальной деятельности;
    2) в сновидениях, ошибочных действиях, симптомах заболеваний;
    3) в познавательной и художественной деятельности?
14. С психоаналитической точки зрения ошибочные действия являются:
    1) досадным недоразумением;
    2) случайным упущением;
    3) удивительно правильным действием.
15. Связаны ли несчастные случаи:
    1) с фатальной неизбежностью;
    2) с бессознательной деятельностью человека;
    3) с его неосмотрительностью?
16. В понимании З. Фрейда сновидение:
    1) соматическое явление;
    2) физиологический процесс;
    3) психический феномен.
17. Для З. Фрейда сновидение — это:
    1) «Королевская дорога к бессознательному»;
    2) «Бессознательное выражение будущего»;
    3) «Сознательный уход от реальности».

18. Механизмы работы сновидения:
    1) соединение, разъединение, первичный процесс, отражение;
    2) сгущение, смещение, превращение мыслей в зрительные образы, вторичная обработка;
    3) сочленение, интеграция, перевоплощение, нейтральность.
19. Какое из высказываний принадлежит З. Фрейду:
    1) «Сновидящий знает смысл своего сновидения, он только не знает, что знает его, и поэтому полагает, что не знает свое сновидение»;
    2) «Сновидящий не знает смысл своего сновидения, поскольку оно имеет дело с бессознательными процессами и, следовательно, он не может разгадать его»;
    3) «Сновидящий не знает смысл своего сновидения, который открыт лишь для толкователей снов»?
20. С точки зрения З. Фрейда, в сновидении находят отражение:
    1) события и переживания прошлого;
    2) материал настоящего;
    3) события будущего.
21. Психоаналитическое понимание смысла сновидения связано:
    1) с принятием явного содержания сновидения в качестве достоверного источника информации;
    2) с толкованием, предполагающим обращение к существующим сонникам;
    3) с толкованием, предполагающим переход от явного содержания сновидения к скрытым его мыслям.
22. Как связаны между собой метод свободных ассоциаций и символика сновидений:
    1) при работе со сновидениями знание символики сновидений заменяет собой метод свободных ассоциаций;
    2) символика сновидений является дополнением к методу свободных ассоциаций;
    3) метод свободных ассоциаций вторичен по сравнению с символикой сновидений?
23. При психоаналитической интерпретации сновидений необходимо:
    1) рассматривать сновидение как единое целое, предполагающее его расшифровку;
    2) разбивать сновидение на составляющие его элементы и находить к каждому из них замещающие представления;
    3) оставлять без внимания все то, что вызывает сопротивление или представляется абсурдным, не относящимся к делу.
24. Невротические симптомы:
    1) являются надуманными;
    2) представляют собой извращение;
    3) имеют смысл.
25. Какое высказывание принадлежит З. Фрейду:
    1) «Все мы невротики»;
    2) «Большинство людей являются нормальными, и только некоторые из них невротики»;
    3) «Все мы немного невротичны, но не все являются невротиками»?
26. Для понимания неврозов необходимо:
    1) обратить внимание на психосексуальное развитие ребенка;
    2) отвергнуть представление об инфантильной сексуальности;
    3) провести четкое различие между нормой и патологией.

27. Какое высказывание принадлежит З. Фрейду:
    1) «Сексуальность связана исключительно с генитальностью, все остальное является извращением»;
    2) «Все генитальное является сексуальным, но не все сексуальное является генитальным»;
    3) «Нормальной сексуальностью следует считать только то, что служит продолжению человеческого рода»?
28. Какова последовательность фаз догенитального развития:
    1) анальная, оральная, фаллическая;
    2) фаллическая, анальная, оральная;
    3) оральная, анальная, фаллическая?
29. Кому свойственна инфантильная мастурбация:
    1) некоторым детям с «дурными» привычками;
    2) только больным детям;
    3) всем детям без исключения?
30. Какая фаза психосексуального развития ребенка связана с возникновением эдипова комплекса:
    1) оральная;
    2) анальная;
    3) фаллическая?
31. В классическом психоанализе эдипов комплекс рассматривается в качестве:
    1) отклонения от нормы;
    2) редкого явления;
    3) универсального общечеловеческого феномена.
32. В психоанализе речь идет об эдиповом комплексе:
    1) плохом, нейтральном и хорошем;
    2) извращенном и нормальном;
    3) позитивном, негативном и полном.
33. Психоаналитическое понимание эдипова комплекса связано с признанием его источников, уходящих своими корнями:
    1) исключительно в филогенез;
    2) только в онтогенез;
    3) в филогенез и онтогенез.
34. Согласно З. Фрейду, человек в своей жизнедеятельности изначально руководствуется:
    1) принципом нейтральности;
    2) принципом реальности;
    3) принципом удовольствия.
35. Под сублимацией в психоанализе понимается:
    1) отказ от любых бессознательных влечений;
    2) полное удовлетворение всех бессознательных влечений;
    3) переключение социально и культурно неодобряемых в обществе влечений в русло их социальной и культурной приемлемости.
36. Либидо:
    1) сексуальный символ;
    2) сексуальное удовольствие;
    3) сексуальная энергия.

37. Регрессия:
    1) низведение до уровня животного;
    2) возвращение к ранее пройденным этапам психосексуального развития;
    3) остановка в психосексуальном развитии.
38. Фиксация:
    1) сексуальное возбуждение;
    2) апатия;
    3) закрепление либидо на определенном сексуальном объекте или сексуальной цели.
39. Согласно первой топике З. Фрейда, невроз возникает на почве:
    1) сексуальности как таковой;
    2) конфликта между сексуальным влечением и влечением Я;
    3) перверсного проявления сексуальности.
40. Симптомы невроза являются заместителем:
    1) принципа нейтральности;
    2) неудовлетворенных желаний;
    3) влечений Я.
41. Структурное понимание психики связано с выделением З. Фрейдом таких составляющих элементов, как:
    1) Я, Ты, Мы;
    2) Он, Она, Они;
    3) Оно, Я, Сверх-Я.
42. Какое высказывание принадлежит З. Фрейду:
    1) «Я — властелин человека»;
    2) «Я не является хозяином в собственном доме»;
    3) «Я — страж порядка»?
43. Какое выражение соответствует психоаналитическому пониманию:
    1) «Все сознательное вытесняется»;
    2) «Все бессознательное является вытесненным»;
    3) «Все, что вытеснено, является бессознательным, но не все бессознательное является вытесненным»?
44. С точки зрения классического психоанализа страх:
    1) не имеет отношения к психическому заболеванию;
    2) является узловым пунктом всех проблем;
    3) характерен только для больных людей.
45. Какова окончательная точка зрения З. Фрейда на отношение между страхом и вытеснением:
    1) вытеснение служит причиной возникновения страха;
    2) страх порождает вытеснение;
    3) вытеснение и страх не связаны между собой?
46. Во второй топике З. Фрейда речь идет о противостоянии:
    1) сексуальных влечений и влечений Я;
    2) влечения к жизни и влечения к смерти;
    3) влечения к власти и нарциссизма.
47. По мнению З. Фрейда, агрессия:
    1) изначально не свойственна человеческому существу;
    2) проявляется только у психически больных людей;
    3) является врожденной у каждого человека.

48. Почему психически больные люди оказывают сопротивление при лечении:
    1) не хотят изменяться;
    2) не верят психоаналитикам;
    3) имеют выгоду от болезни?
49. С чего начинается психоаналитическое лечение:
    1) с устранения комплексов;
    2) с устранения симптомов заболевания;
    3) с преодоления различных видов сопротивления?
50. Проработку сопротивления следует осуществлять:
    1) при первом его проявлении;
    2) по мере нарастания;
    3) при достижении максимума интенсивности.
51. Лечение считается психоаналитическим, если в его рамках осуществляется работа:
    1) с сопротивлением;
    2) с сопротивлением и переносом;
    3) с переносом.
52. По мнению З. Фрейда, перенос является:
    1) проявлением истинных чувств пациента по отношению к психоаналитику;
    2) воспроизведением в ходе лечения имевших место ранее в жизни пациента отношений к другим людям и перенесением их на психоаналитика;
    3) сознательным стремлением пациента одержать победу над психоаналитиком.
53. Невроз переноса следует рассматривать как:
    1) помеху в процессе психоаналитического лечения;
    2) побочный эффект взаимодействия между пациентом и психоаналитиком;
    3) необходимое средство для успешного осуществления лечения.
54. Работа с эротизированным переносом предполагает:
    1) реальный отклик психоаналитика на чувства любви к нему со стороны пациента ради его излечения;
    2) предупреждение по поводу того, что если пациент будет выражать свои чувства любви к аналитику, то тот прекратит курс лечения;
    3) интерпретацию и проработку проявлений эротизированного переноса с целью осознания пациентом истинности своих чувств.
55. Контрперенос:
    1) недопустимое явление, препятствующее лечению пациента;
    2) важная часть психоаналитического процесса, способствующая познанию бессознательного пациента;
    3) некомпетентность психоаналитика.
56. Принцип абстиненции предполагает:
    1) проведение курса лечения пациента, в процессе которого допускается удовлетворение всех его влечений и желаний;
    2) осуществление лечения в строгом воздержании от удовлетворения желаний пациента;
    3) воздержание от удовлетворения желаний пациента и отказ от установки на быстрое излечение.

57. В своей терапевтической деятельности психоаналитик обязан придерживаться метода:
    1) концентрации внимания на всем материале, который предоставляет ему пациент во время сессий;
    2) свободно парящего внимания;
    3) запоминания наиболее значимых для пациента событий и переживаний.
58. В классическом психоанализе психоаналитик выступает в роли:
    1) эмпатического участника терапевтического процесса;
    2) сочувствующего врача, дающего пациенту рекомендации и советы;
    3) психоаналитика, не проявляющего никаких эмоций и являющегося своеобразным зеркалом, в котором отражаются только эмоции и переживания пациента.
59. Какое высказывание З. Фрейда отражает цель психоанализа:
    1) «Там, где было Оно, должно быть Я»;
    2) «Там, где было Я, должно быть Сверх-Я»;
    3) «Там, где было Оно, должно быть Сверх-Я»?
60. Основная задача психоаналитика состоит:
    1) в устранении симптомов заболевания;
    2) в изменении характера пациента;
    3) в таком изменении его Я, которое могло произойти у человека, если бы он находился в благоприятных условиях своего развития.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

Ф

Ц

Э

Для заметок

Учебное издание

Валерий Моисеевич **Лейбин**

ПСИХОАНАЛИЗ

УЧЕБНИК

4-е издание, исправленное и улучшенное

Генеральный директор издательства
академик РАЕН, д.э.н., DBA, к.м.н. *А.С. Макарян*

Главный редактор *А.С. Петров*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000945.01.10 от 21.01.2010 г.

Оригинал-макет подготовлен ООО «Медицинское информационное агентство»

Подписано в печать 10.10.2024. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 36 печ. л. Тираж 1500 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Медицинское информационное агентство»
108811, Москва, п. Мосрентген, Киевское ш., 21-й км, д. 3, стр. 1.
Тел./факс: (499) 245-45-55
E-mail: miapubl@mail.ru; http://www.medagency.ru
Интернет-магазин: www.medkniga.ru

Отпечатано в типографии филиала
АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс»
420066, Россия, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

ISBN 978-5-9986-0549-9

9 785998 605499